И. Е. Забелин

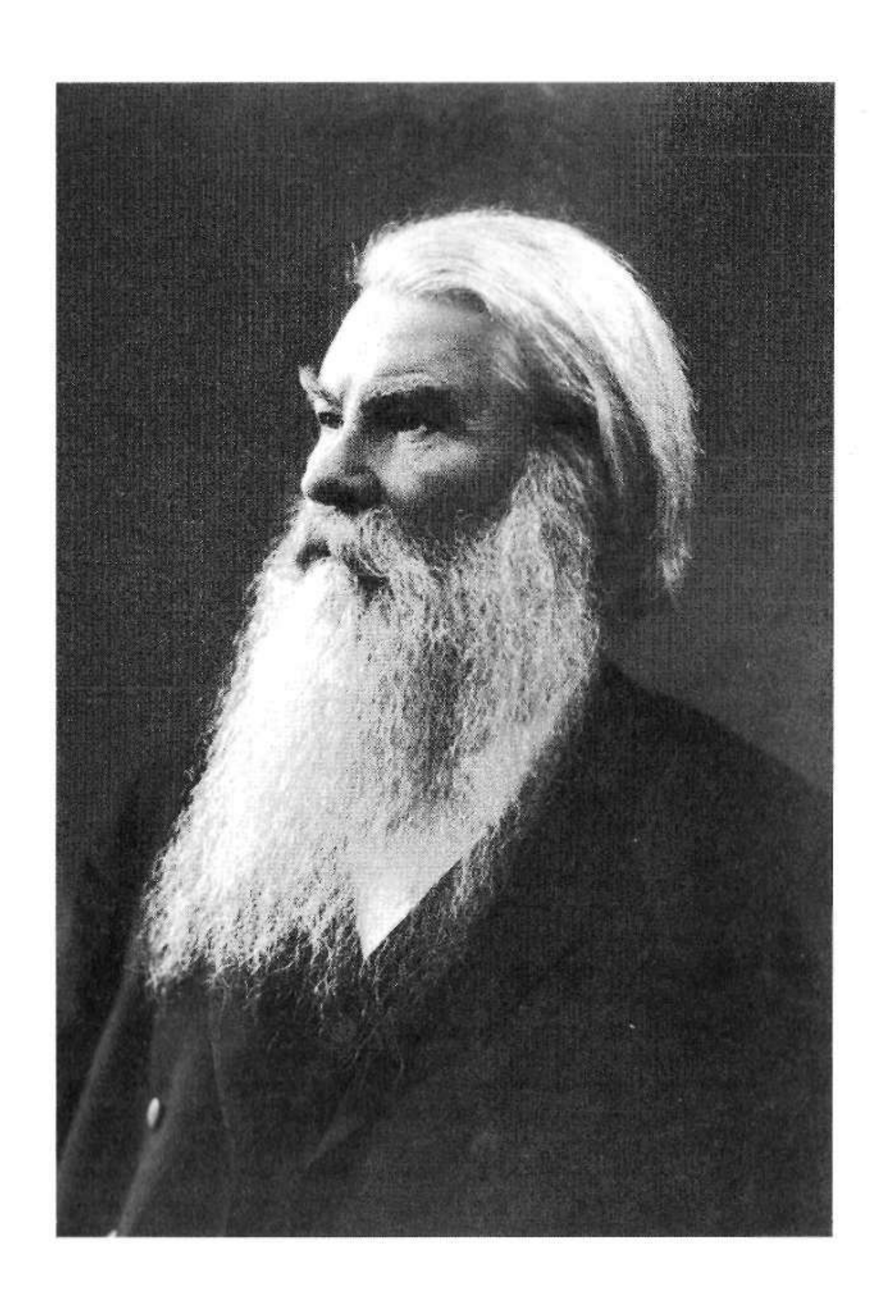
ДНЕВНИКИ
ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

И. Е. Забелин

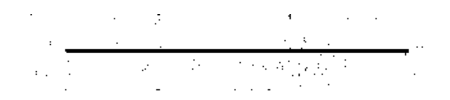
ДНЕВНИКИ
ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

И. Е. Забелин

ДНЕВНИКИ
ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

МОСКВА
Издательство имени Сабашниковых

Составитель выражает глубокую благодарность за помощь, оказанную в работе над изданием: сотруднику Института археологии РАН А.А. Формозову, сотруднику рукописного отдела РГБ И.В. Левочкину, искусствоведу-реставратору института «Спецпроектреставрация» Н.С. Датиевой, сотрудникам отдела письменных источников ГИМ Н.Б. Быстровой, М.В. Катагощиной, Н.Б. Стрижовой, сотрудникам отдела изобразительных материалов ГИМ Т.Г. Сабуровой, И.А. Семаковой, сотруднику археографической лаборатории кафедры источниковедения исторического факультета МГУ В.И. Ерофеевой

Подготовка текста, предисловие, комментарии
Н. А. КАРГАПОЛОВА

Редактор
Н. П. ЛИБКОВА

Оформление серии
С. И. СЕМЕНОВ

Федеральная программа книгоиздания России

Забелин И. Е.
Дневники. Записные книжки. — М.: Издательство им. Сабашниковых, 2001. - с. 384.
ISBN 5-8242-0082-3

Первая публикация дневников и записных книжек, которые знаменитый историк вел более 60 лет (1837—1908 гг.). Рассказывая о встречах с самыми разными людьми: либералами и консерваторами, чиновниками и деятелями культуры, предпринимателями и аристократами, Забелин создает уникальный портрет эпохи. Мы видим его на заседаниях научных обществ и археологических раскопках, в хлопотах по созданию Исторического музея... Будучи очевидцем освобождения крестьян, общественных реформ, революционных событий начала XX в., Забелин с тревогой всматривается в будущее, размышляет об историческом пути и предназначении России.

Оригиналы рукописей и иллюстраций хранятся в Государственном Историческом музее

ISBN 5-8242-0082-3

К ЧИТАТЕЛЮ

В трагичный для русской культуры 1837 год начал вести свои поденные записи тогда еще никому не известный Иван Забелин. Впереди была долгая, далеко не легкая жизнь, вылившаяся в славную биографию величайшего знатока истории Москвы. У кормила Российского государства сменились чередой четыре императора, а Иван Егорович оставался бессменным радетелем, собирателем и хранителем отечественных древностей вплоть до 31 декабря 1908 года.

Разнообразие и даже некоторая разбросанность его научных устремлений показывает человека не просто охочего, а жадного до знаний и открытий. Но во второй половине жизни пришло осознанное и твердое понимание столбовой идеи — изучения неприметной, но столь жизненно необходимой темы — быта русского народа. Отсюда и родилось глубокое убеждение ученого, что любая обыденная мелочь прошлых веков становится живой тканью истории, жизненно наполняя и придавая особый аромат сухому перечню дат и событий. Это и предрешило судьбу И.Е.Забелина, как одного из основателей и теоретиков первого и единственного до сих пор Российского Исторического музея.

Заложенное и воздвигнутое при его самом заинтересованном и непосредственном участии хранилище российских древностей, всем своим обликом хра--ит память об отце-основателе. Но если внешне музей не претерпел никаких изменений (даже разрушенные в 30-е годы Воскресенские ворота вновь восстановлены и на башнях снова расселись золотые орлы), то внутреннее его содержание изменилось разительно и, несомненно, в полном соответствии с чаяниями Ивана Егоровича. Если в 1903 г. штат Императорского Российского Исторического музея состоял из 10 сотрудников, то теперь здесь работают 700 человек. Если фонды музея во времена Забелина исчислялись десятками тысяч единиц хранения, то сейчас их насчитывается более 4,5 миллиона и 12 миллионов листов исторических документов. Такая коллекция, несомненно, достойна тысячелетней истории Российского государства и достойно может представить любой период его существования в мельчайших деталях.

Издаваемые дневники основателя Исторического музея являют собой ценнейшее свидетельство кропотливой и многолетней работы по сбору рассыпан-

ных по огромной стране раритетов непростой российской истории. Точно так же, как глыба Исторического музея высится на Красной площади горделивым и несколько суровым особняком, так и место И.Е.Забелина в российской историографии ни с чем не сопоставимо, бесспорна его совершенно исключительная заслуга перед всеми грядущими поколениями россиян, стремящихся познать свое прошлое.

В. Л. Егоров, заместитель директора
Государственного Исторического музея,
доктор исторических наук

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Такие звезды светят народу раз в столетие»[1], — сказал об историке Иване Егоровиче Забелине его современник филолог В.Н. Щепкин. Забелин известен прежде всего как великолепный исследователь русского быта, кропотливое изучение которого он считал залогом объективной оценки исторического развития. В этом убеждают его фундаментальные работы «Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетии», «Домашний быт русских цариц в XVI и Х П столетии», «История города Москвы». После десятилетий забвения они вновь переизданы, а творчеству и личности историка дана новая оценка[2].

Личность Забелина занимает особое место в русской культуре. «Цельная, крепкая и здоровая русская натура, не обделанная внешним лоском, не обработанная европейским просвещением, но честная, прямая и симпатическая. Он выработал себе свой собственный простой и трезвый взгляд на вещи»[3], — писал историк и юрист Б.Н. Чичерин. Бедняк, получивший 5 классов образования, Забелин стал автором более 250 книг, множества статей, публикаций исторических документов, доктором русской истории, почетным членом Петербургской Академии наук, председателем Общества истории и древностей российских, главой первого национального исторического музея в России.

В Государственном Историческом музее хранятся дневники и записные книжки Забелина, являющиеся самым сокровенным наследием ученого. Они были начаты в 1837 г. молодым человеком, только что вырвавшимся из «тяжких объятий Сиротского дома», и завершены в 1908 г. седовласым старцем, знаменитым историком. В записях отразились сложный жизненный путь русского самородка и многоплановая картина жизни России.

Родился И.Е. Забелин 17 сентября 1820 г. в Твери. Его отец Георгий (Егор) Степанович служил в Казенной палате писцом, коллежским регистратором. Со слов матери Авдотьи Федоровны, Забелин знал, что жили родители без нужды, «в известном довольстве». После рождения сына отец переехал в Москву на службу в Московское губернское правление. Авдотья Федоровна совмещала домашние заботы с работой экономки в дворянских семьях Аргамаковых и Вадбольских. «Барин Аргамаков, — вспоминал Забелин, — был нелепым господином». Своим крепостным извозчикам приказывал доставлять к вечеру

не менее 70 рублей, неприносившего этой суммы пороли розгами. В имении Вадбольского, в селе Ботня, мальчику запомнилась большая изба, куда крестьянки приносили оброк: орехи, сухие грибы, малину, землянику и т.д. Женщины, усевшись на полу в этой избе, камнями разбивали орехи, ядра которых шли на изготовление масла. «Живо помню освещенные их лица и духоту невыносимую от их толпы. Есть эти ядра не позволялось. За этим строго смотрела матушка и служившая ей крестьянская девка»[4]. Память Забелина сохранила и картины природы, вылазки с крестьянскими ребятами в лес, на речку.

Кончилась деревенская жизнь внезапно. Одна из горничных тайно родила. Авдотья Федоровна, пожалев хорошую работницу, не наказала ее, как требовал барин. Ночью экономке пришел приказ немедленно выехать из имения. В Москве у Забелиных родился второй ребенок. Егор Степанович неожиданно скончался, и начались «неодолимые бедствия». Ивану было тогда 7 лет. Мать как чиновницу (Егор Степанович дослужился до чина коллежского секретаря) не брали ни в горничные, ни в экономки. Жили на случайный заработок. Мальчик помогал матери, когда ей удавалось получить работу на дом, выучился звонить в колокола, прислуживал в церкви. На заработанную мелочь он иногда покупал в лавочке у Лобного места маленькие лубочные книжечки. Запомнилась первая — «Булат-молодец». «Дрожащими руками я ухватил дорогую книжечку и побежал домой. Сказка доставила мне величайшее удовольствие и картинками, и чтением»[5].

В 1832 г. после многих и долгих ходатайств Забелин был определен в Преображенское сиротское училище (Екатерининский сиротский дом в Приказе общественного призрения). Сюда поступали сироты из дворянских, обер-офицерских, купеческих, мещанских семей. «Страх и трепет господствовали у нас как особая стихия нашего учения и поведения, как особая атмосфера нашего существования, чему немало способствовали всегдашние обычные розги»[6]. Учились по старинным учебникам и старинному порядку. Были и радости. Незабываемое впечатление произвел на воспитанников роман М.Н. Загоскина «Юрий Милославский». «Восторгам не было границ. Роман возбудил в нас патриотическое чувство и долго после того у нас шли рассуждения о подвигах героев романа»[7]. Радостью были и прогулки в Сокольниках, купание в Яузе, новая одежда по случаю перевода сиротского дома на Басманную улицу, подарки от купцов, привозивших детям калачи, баранки, поход в Оружейную палату, где Забелина больше всего поразили носилки Карла XII и сапоги Петра I. Из предметов, преподаваемых в училище (словесность, математика, география, биология) больший интерес вызывала история. Любимые произведения Забелина — «Жизнеописания» Плутарха, «История государства Российского» Н.М. Карамзина, романы Ф. Купера, В. Скотта, А.Ф. Вельтмана. В тетрадях Забелина — стихи Пушкина, Языкова, Рылеева, Державина, Баратынского, Ершова.

После окончания училища воспитанники могли продолжить образование дома или в гимназии, а затем поступить в университет. Забелин же не имел возможности учиться дальше. По рекомендации попечителя училища Д.М. Львова, который заметил интерес мальчика к историческим знаниям, Забелина приняли в канцелярию Оружейной палаты служащим второго раз-

ряда. Получал молодой человек небольшое жалованье, поэтому после службы давал частные уроки, чтобы оплатить свое жилье, которое находилось в Кавалерийском корпусе в Кремле.

Свободное время юноша проводил с друзьями в пеших прогулках на Воробьевых горах или походах по окрестностям Москвы, редко, но посещал балы, ходил в гости, писал стихи (к писательству тянуло непонятное чувство, которое впоследствии Забелин объяснял простой потребностью в научной работе). В Александровском саду «сиживали на лавочке или шествовали по большой аллее, в спорах о разных литературных предметах, кто во что горазд, наблюдая вместе с тем публику, особенно красоту девиц»[8].

В Оружейной палате ко времени прихода Забелина происходила разборка коллекций, в том числе громадного, никому неизвестного документального материала о быте московских царей. Занимаясь переписыванием старых описей, вникая в текст документов, рассматривая старинные вещи, Забелин постепенно узнавал о повседневной жизни царского двора, дворцовом этикете, приемах, трапезе, церковной службе, выездах и т.д. Во время разборки документов его остановило слово «походы». Тогда и возник замысел самой первой статьи у двадцатилетнего Забелина — описать царские походы на богомолье в Троице-Сергиеву лавру. Написал в 1840 г., но «очень боялся, что сочинение плохо». Отнес на суд профессору Московского университета И.М. Снегиреву, который посещал Оружейную палату, занимаясь описанием памятников московской древности. Несмотря на сдержанный отзыв, Снегирев рекомендовал статью напечатать. Вышла она в 1842 г.

Талант и работоспособность молодого человека были замечены историками М.П. Погодиным, К.Д. Кавелиным, академиком П.М. Строевым. С профессором всеобщей истории Т.Н. Грановским Забелина познакомили студенты, жившие на квартире у Авдотьи Федоровны. Общение с ними оказало большое воздействие на духовное формирование начинающего исследователя. Страницы дневника свидетельствуют, что на всю жизнь сохранил Иван Егорович благодарность Грановскому за внимание, проявленное к нему.

С 1844 г. Забелин — женатый человек, отец семейства. В записках он очень мало пишет о своей семье и личной жизни: стихи о любви, дата женитьбы, косвенное упоминание о воспитании дочерей, о болезни и смерти старшей. В 1864 г. Забелин пережил сильное личное чувство, но, начав описывать в дневнике душевное смятение, внезапно обрывает записи, ссылаясь на неспособность передать словами «вопль разбитого, безумного сердца». Женился Забелин на Марии Петровне Андроновой, дочери коллежского асессора, участника войны 1812 г. В 1837 г. Мария Петровна окончила Екатерининский институт и до замужества работала гувернанткой. У Забелина было восемь детей, но в живых остались две дочери —Анастасия (1849—1896) и Мария (1851—1920). Девочки получили серьезное домашнее образование, о чем говорят их тетради, альбомы, конспекты, сохранившиеся в архиве. Среди документов — пьесы для домашнего театра, ноты, переводы. Сестры увлекались театром, музыкой. В 90-х годах Мария была определена вольнослушательницей Московской консерватории. Дочери были помощницами отца в работе, переводили для него иностранную литературу. Мария Ивановна жила с отцом до его последних дней

и являлась его душеприказчицей. С 1909 г. она — член управления Исторического музея.

Небольшая семейная переписка существенно дополняет представление о семейной жизни ученого. В 1844 г. в письме к невесте молодой человек изливает свою тоску по поводу временной разлуки: «Усладите теплотою весны заглохшую душу, блесните на него лучом любви вечной, нераздельной». Он же признается, что не любит и боится свадебных церемоний, обрядов: «Я бы теперь желал улететь с вами в какую-нибудь пустыню, дальше, дальше от людей и от всех забот и требований света... Для любви так мало надо материального». Ближе к свадьбе в письме восклицает: «Какие смешные слова! Муж! Жена! Как звучит несносно! Куда бы спрятаться? Так и пахнуло мраком и холодом и сыростью тюрьмы! Так и слышатся в этих словах страшные звуки цепей. Но почему ж идут все замуж? Что за радость?»[9]. В письмах из мест археологических раскопок Забелин довольно подробно рассказывает семейству о хате, в которой поселился, природе, погоде, самочувствии, различных случаях из полевой жизни. «На нас теперь здесь злятся, — пишет Забелин с Чертомлыка в 1862 г., — за то, что мы свалили с кургана каменную бабу, которая исцеляет от лихорадки, и вообще ей поклонялись как чудотворной святыне. Оттого теперь засуха и сгорел ток с хлебом у помещика. Вот Скифия-то. А помещик спрашивал, есть ли у нас револьверы»[10]. Из Керчи письмо повествовало, как перенес сильную качку: «Я выпил рюмок пять водки, надо сказать мерзкой, бутылку красного, стакан белого и в заключение большую бутылку портера. Портер сильно помог. Компания была веселая: инженерный офицер, керченский купец и севастопольский купец»[11].

Маленькие дочери писали отцу, что ходят каждый вечер смотреть комету, «но все, что ты задал нам, мы ничего не выучили и Дюмон Дервиль я читать не могу», — сознавалась Маша. «Если бы ты знал, какие у нас жары, хуже твоей мошки»[12]. Мария Петровна, начиная письма: «Здравствуй, милый друг наш, Иван Егорович», подробно рассказывала о хозяйстве, прогулках с детьми в Ботанический сад и Марьину рощу, учебе, театральных спектаклях, встречах с сослуживцами Забелина, о родственниках, визитах к знакомым: «Были... у почтеннейшего Михаила Семеновича Щепкина. Михаил Семенович очень огорчен потерей жены, все скучает. Мне сказывали его домашние, что всякий день после обеда он по обыкновению идет в ее комнату и остается там несколько времени, как делал то при ней. Да, 48 лет жили вместе, немного не дожили до золотой свадьбы»[13].

Материально семье долгое время жилось очень трудно. Забелин полагал, что сделал бы гораздо больше и раньше, если бы не бедность, «загородившая дорогу». Труженик Забелин хотел, чтобы труд ценился и вознаграждался достойно. В дневниках мы видим, как нелегко давались ему обсуждения гонорара: «В каждом моем рубле есть моя собственная кровь». Сам бедняк, он сочувствовал нуждающимся и старался помочь. Так, в письме к К.Т. Солдатенкову в 1857 г. просил за военного, воевавшего под Севастополем: «Беднейший поступает на службу в корпус инженеров, не имея средств на обмундирование себе. Не оставьте в помощи. За что буду молить Бога о здравии вашем»[14].

С конца 40-х годов тесное общение связывало Забелина с кружком передовой московской молодежи А.В. Станкевича, брата известного философа. В кружок входили: Б.Н. Чичерин, К.Д. Кавелин, Н.Х. Кетчер, И.К. Бабст, Ф.М. Дмитриев, Н.Ф. Павлов, Н.М. Щепкин, В.П. Боткин, П.Л. Пикулин. Дневники рассказывают, насколько необходимо было Забелину «хорошее, умное общество», как он ценил и уважал его. Основное содержание дневников за 50—60-е годы — споры, беседы в кружке на самые разнообразные темы: насущные жизненные вопросы, литература, религия, философия, политика и т.п. Взаимоотношениям среди собеседников не были свойственны церемонность, конформизм, лицемерие. Постоянно общаясь, зная хорошие и дурные качества друг друга, открыто делали замечания, говорили комплименты, колкости, доводившие до ссор. Забелину сочувствовали в горестях, радовались его успехам, а порой уличали его в «невежестве». Он же удивлялся, что профессора «пороли такую дичь, что Боже упаси» и все вопросы у них были уже решены. Забелин обладал большей независимостью по отношению к авторитетам, моде, общепринятому мнению. Он был упрямый спорщик с критическим взглядом на собеседников. Этические и нравственные идеалы его были близки к идеалам народной жизни. Забелин осознавал свою обособленность в среде «передовых людей»: «Да, моя жизнь есть недоговоренное слово, недопетая песня... часто я остаюсь совершенно иначе толкуемый и понимаемый».

К середине 50-х годов самоучка Забелин имел репутацию серьезного исследователя и являлся автором более 40 публикаций. Кроме научных статей, он писал рецензии на новые исторические труды, часто по просьбе редакторов журналов. Как отмечали современники, достоинство этих статей — новизна материала и его талантливая обработка, тонкий анализ и оценка, а также умение сопоставить материал с широкими явлениями жизни[15]. «Рыться в архивах, разыскивать археологические мелочи не трудно даже при недостатке образования. Трудно из этих мелочей воздвигнуть стройное здание, правильно освещенное, проникнутое мыслью, а это сделал Забелин»[16]. Молодой ученый печатался в «Москвитянине», «Отечественных записках», «Современнике», «Журнале садоводства», «Чтениях» Общества истории и древностей, «Библиографических записках». В 1847 г. он стал членом-соревнователем Общества истории и древностей российских при Московском университете. Участвовал в издании «Летописи русской литературы и древностей», по приглашению графа С.Г. Строганова сотрудничал в издании «Древности Российского государства». В 1852 г. по поручению министра внутренних дел графа Д.Н. Блудова безвозмездно занимался извлечением из книг и столбцов архива Оружейной палаты, дополнений к изданным «Дворцовым разрядам», которые составили два больших тома. За присланную на конкурс работу «О металлическом производстве в России до конца XVII века» Забелин получил премию в 300 рублей от Археологического общества. «Сочинение есть первое в русской археологической литературе... оно обнимает очень много таких предметов, которые доселе не были объяснены»[17]. Вскоре ученый получил премию за работу «Историческое обозрение финифтяного и ценинного дела» и стал членом Археологического общества. В эти годы Забелиным разрабатывалась главная тема его исследований — история русского быта.

Помимо работы архивариуса в московской Дворцовой конторе (дослужился до титулярного советника), Забелин преподавал (1853—1871) историю и археологию межевого дела в Константиновском межевом институте, русскую историю в Школе межевых топографов. В архиве сохранились проекты учебника и записи мыслей Забелина о преподавании истории, которая, по его мнению, учит нравственности. Учитель объяснял ученикам цель изучения истории, связь ее с настоящим и будущим, утверждая, что интерес к истории не может исчезнуть, так как человек в ней ищет разрешение своих собственных задач. Забелин считал, что для учебника нужны пластичность образов, типы и типичность, тогда получится и живое, нескучное изложение. «Типичность теперь заменяется анекдотичностью, но тогда только анекдоты и останутся в уме, ибо анекдот одно из средств выразить типичность»[18]. Задача школы, по мнению Забелина, выпустить не только специалиста, а и порядочного человека. «Человек деятель жизни, а не одной только своей специальности»[19].

К концу 50-х годов работа чиновника стала тяготить стремившегося к научным исследованиям Забелина. В 1857 г. он радостно откликнулся на предложение С.Г. Строганова перевестись в новое учреждение, в Императорскую археологическую комиссию, которая впоследствии контролировала все раскопки в России. В письме графу объяснял: «Новые порядки, которым подверглась контора, на меня возложили огромный канцелярский труд — разборку и приведение в новое устройство канцелярской писаной бумаги, которой хранится в архиве целые миллионы листов, большею частью годных на макулатуру для бумажных фабрик»[20]. Он твердо решил «исключительно посвятить себя науке», будучи убежден, что Строганов может «спасти ученого» и направит жизнь к «наиболее полезной и наиболее соответственной моим способностям и моему призванию цели». При переводе в Археологическую комиссию в аттестации значилось: «И. Забелин во все время служения своего в ведомстве Дворцовой конторы, при отличном поведении, постоянно оказывал примерное усердие и неутомимую деятельность по службе». В 1856 г. Забелин был награжден бронзовой медалью в память войны 1853—1856 гг. и коронационной медалью 1856 г.

Работа в Археологической комиссии (1859—1879) — важный этап в жизни Забелина. Семь сезонов он вел археологические раскопки на Юге России, в Поднепровье и на месте греческих городов в Северном Причерноморье. Уже в первую поездку внимание археолога привлек Чертомлыцкий курган в 22 км от Никополя. В 1862 г. было принято решение произвести раскопки, которые длились два сезона. Уникальные предметы IV в. до н.э., обнаруженные при раскопках, получили всемирную известность. Среди них — великолепная серебряная ваза, украшенная орнаментом и фризами, на которых изображены сцены из жизни и мифологии скифов. За исследование Чертомлыка Забелин получил орден Станислава 2-й степени и стал старшим членом Археологической комиссии. Интересные результаты дали раскопки на Тамани, на Цугурском лимане кургана Большая Близница. В захоронении жрицы богини Деметры были обнаружены золотые браслеты, пластины, бляшки, корона, бронзовое зеркало с изображениями Афродиты и Эроса, монеты времени Александра Македонского. Последний выезд Забелина на исследования был в Херсонес-

скую губернию, на раскопки Ольвии. В 1872 г. он издал описание археологических раскопок и находок в Черноморских степях.

Тетради, которые Забелин вел во время экспедиционных работ, ярко выражают Забелина-бытописателя. Описания местности, типажей населения, обычаев, записи преданий, анекдотов, рецептов кухни, наиболее поразивших украинских слов чередуются с размышлениями об огромной значимости быта в истории и взаимодействия частной и государственной жизни: «Чем больше всматриваешься в быт народа, тем сильнее чувствуешь всю законность и силу государства, без которого народ пропал. Заслуга государства историческая». Природа южных степей не оставила равнодушной поэтическую натуру исследователя: «Степь. Кругом горизонт, точно сидишь на поверхности огромного глобуса, жаворонки поют без умолку. Вот бегает с вострым хохолком такая изящная фигура, точно камер-юнкер». Надо сказать, что самые светлые, спокойные страницы записей посвящены природе, которую Забелин называл «другом неизменным». Он сравнивал свою любовь к природе с чувствами первой «невинной, простодушной и чистосердечной любви». Живя на даче или в полевых условиях, отмечал зависимость своего состояния от окружающей природы: «Как начинается весна, голова моя наполняется совершенно иными идеями, мыслями, соображениями. Меня тянет к природе, я почти забываю о труде для науки».

В 60-е годы выходят главные книги Забелина о русском быте. Уже в записных книжках 50-х годов постоянно встречаются его размышления об изучении быта, обоснования своего исследовательского метода. В 1862 г. издается «Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетии» — итог двадцатилетней работы. И.С. Тургенев, зная о намерении Забелина выпустить книгу, писал: «Я убежден, что ваша книга будет истинным подарком для всякого русского. Ни у кого не нахожу я той ясной простоты изложения, того русского духа (в хорошем смысле этого слова), которые мне так нравятся в ваших вещах»[21]. Книга имела большой успех, удостоилась Большой серебряной медали Археологического общества и Демидовской премии Петербургской Академии наук. В отзыве на книгу Ф.И. Буслаев оценивал ее как лучшее сочинение по истории русского быта и добавлял, что «точное изложение фактов, свободное от всяких личных и случайных взглядов и увлечений, делает это сочинение необходимою справочною книгою для всякого занимающегося русской историей»[22]. В 1869 г. появился «Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетии». Объединялись книги одним названием «Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетии», тем самым подчеркивая намерение автора продолжить историю быта других сословий и рассмотреть быт народа сверху донизу. Быт, считал историк, предваряя предисловием третье издание «Быта царей», — историческая природа человека. Реформы народного быта не удавались, если не было в них соответствия с потребностями этой природы. «Наша история представляет самое убедительное доказательство необыкновенной силы и живучести непосредственных народных элементов жизни и даже самых форм, в которых эти элементы выразились». Более чем 150 лет непрерывных реформ многому научили нас, «но неизмеримо больше остается еще в прежнем поло-

жении, и очень часто наши мысли, поступки и действия, и внизу и вверху обличают в нас людей XVI и XVII столетий»[23].

С 1871 г. Забелин трудился по заказу помощника попечителя Московского учебного округа В.А. Дашкова над «Историей русской жизни с древнейших времен». В письме С.Г. Строганову историк писал о своем труде: «Задача для меня так важна и любопытна и представляет в науке такой достойный вопрос, что по необходимости я посвящаю ей каждую минуту и желаю только, чтобы на обработке этой задачи протекла и вся остальная доля моей жизни»[24]. Сопоставляя археологические и письменные памятники, автор намеревался сделать книгу своеобразным введением в российскую культуру, осветить вопрос о предках славян. Но античный и раннесредневековый археологический материал не был тогда достаточно выявлен, не все известные в то время древнегреческие, римские, арабские, византийские источники могли быть прочитаны незнавшим языков Забелиным. Не будучи лингвистом, Забелин многих удивлял неосновательностью и поспешностью заключений в области языка (некоторые подобные замечания встречаются в дневниках). Но его «изображение древнего общинно-родового быта, путей и способов народной колонизации, обстоятельств, вызвавших «призвание варягов», начатков городской жизни... характеристик древней летописи и т.д.» представляли собой «лучшее, что только было по этим предметам в последнее время», отмечал А.Н. Пыпин[25].

Книга не стала серьезным научным трудом и в основном у современников получила отрицательные отзывы. Отвечая на откровенное письмо Б.Н. Чичерина, Забелин пытался объяснить, что его книга — «не ученая книга, а вопль русского человека, что его древнейшая история обрабатывается односторонне, исключительно под немецким углом зрения», но письмо дорого ему «как искренний голос человека, которого всегда глубоко уважал»[26].

В 1871 г. Забелин в Обществе любителей искусства прочитал доклад (издан в 1878 г.) о самостоятельности русской архитектурной школы — «Черты самобытности в древнерусском зодчестве». По мнению автора, самобытность русского искусства следует искать в облике дохристианского русского города и в чертах народного быта. С принятием христианства они перешли в деревянное, а затем каменное храмовое зодчество. Особенность древнерусских строений, определяемая патриархальностью быта, наложила отпечаток на структуру и внешний облик городов, отличавшихся от городов Западной Европы. Русские города по «устройству своей жизни больше всего походили на села, а в строительном порядке представляли простую совокупность отдельных сел, деревень, слобод»[27]. По мнению Забелина, строение, которое выразило исключительно «своенародные и самобытные русские черты», — храм Василия Блаженного в Москве. Он «в действительности может почитаться типом тех церквей... форма которых была выработана самим народом, его религиозными потребностями и своеобычными представлениями о красоте божьего храма, без всякого посредства каких-либо иноземных руководительств и влияний»[28]. Автор видел сходство древнерусской архитектуры с индийской в единстве корней культуры, представлений о красоте.

В 1873 г. Забелин выпускает по заказу К.Т. Солдатенкова еще одну интереснейшую книгу - «Кунцово и древний Сетунский стан. Исторические воспо-

минания». В ней идет рассказ о подмосковных селах и имениях — Филях, Мневниках, Крылатском, Мазилове, Очакове и др., об их владельцах, местности, об отношении предков к природе, о событиях 1812 г., связанных с Поклонной горой. Забелин хорошо знал эти места, не раз совершал по ним пешие прогулки. «Раздоры, деревня на речке Шаченке, в 1704 г. находилась за стольником, а впоследствии очень знаменитым верховником князем Дмитрием Михайловичем Голицыным. Князь Голицын был владельцем и села Архангелького, которое он первым стал устроивать с барскою широтою и великолепием»[29]. Автор подробно освещает историю Кунцева, вотчину сначала Милославских, потом Нарышкиных, яркие события, происходившие в этой усадьбе. Например, остановку здесь для ночлега прусского короля Фридриха Вильгельма III, визит в 1861 г. Александра II и его жены, «соизволивших здесь прогуливаться и кушать вечерний чай»[30]. Эта книга Забелина до сих пор имеет значения для краеведения и москвоведения.

В 1872 г. издается книга, объединившая несколько статей, — «Минин и Пожарский. Прямые и кривые смутного времени». В связи с ней в дневнике упоминается полемика с Н.И. Костомаровым, связанная с различной оценкой этих исторических личностей.

В 1876 г. Забелин решил уволиться из Археологической комиссии и уйти в отставку. Основательное положение в обществе, известное в науке имя, стремление к самостоятельности и независимости не соответствовали положению «чиновника для раскопок», как характеризовал себя Забелин. «Имея полную возможность работать за письменным столом, я уже не нахожу в себе способностей, чтобы с прежнею ревностью и с прежним успехом поднимать труды, заботы и беспокойства, неустранимые при раскопках и расследованиях древних курганов»[31]. Просьба была удовлетворена, и 56-летний Забелин в чине IV класса с пенсионом в 1200 рублей в год ушел со службы.

Отставка не поколебала научный авторитет Забелина. В 1879 г. он занял пост председателя Общества истории и древностей российских (после смерти С.М. Соловьева). За время девятилетнего руководства Обществом историк поместил в его «Чтениях» большое количество документального материала. Составил вместе с П.И. Бартеневым важный «Список и указатель трудов, исследований и материалов, напечатанных в повременных изданиях Общества».

В 80-х годах Забелин активно участвовал в работах комиссий по реставрации древних памятников — возобновлению иконостаса и росписи Успенского собора, росписи Благовещенского собора в Москве, реставрации Успенского собора во Владимире. Он твердо держался своей позиции сохранения в первозданности древних памятников. Об этом свидетельствует письмо обер-прокурору Синода К.П. Победоносцеву, в котором Забелин протестует против обновления киота Чудотворной Владимирской Богоматери, сделанного в 1514 г., но достаточно хорошо сохранившегося: «Уже то, что дереву 350 лет делает его редчайшим деревянным памятником». Когда же ученый узнал, что по указанию Святейшего Синода иконы иконостаса хотят «превратить в двери, чтобы по желанию отворялись для показа фресок», он отказался от дальнейшей работы в Археологической комиссии: «Для археологического сердца и для кровно-

го убеждения, что всякая святыня должна быть неприкосновенна, все эти обстоятельства — истинная пытка»[32].

Знание московской старины, авторитет ученого позволили Забелину стать официальным историографом Москвы. В 1880 г. Московская городская Дума пригласила Забелина руководить созданием научного описания истории Москвы. В письме П.М. Щепкину, принимая предложение, Забелин подчеркивал: «Берусь за дело не из нужды, но по любви к предмету»[33]. В «Московских ведомостях» и «Известиях» городской Думы Забелин напечатал «Предполагаемые задачи историко-археологического и статистического описания Москвы». В 1884 и 1891 годах были изданы «Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы», в которых помещалось огромное количество новых исторических данных. В 1902 г. вышла первая часть книги «История города Москвы», получившая признание публики и золотую медаль Московского археологического общества. В дневниках Забелина читатель прочтет о планах работы, организации ее в архивах, найдет размышления о Москве как о центре объединения земель и «преодоления славянской розни» — основе политики московских князей, о роли народа в процессе объединения страны. Происходившее в прошлом историк предлагал судить с позиции непосредственно описываемого времени, «не прикидывая современной мерки» к деяниям средневековья. Полемизируя с историками, обвинявшими Москву в деспотизме, коварстве, хитрости, Забелин обращался к старинной литературной форме — разговору в царстве мертвых, где встречаются Иван Грозный, Карамзин, Костомаров, Соловьев. Историю улиц, домов, дворцов автор тесно увязывал с образом жизни горожан, политической историей государства. Местоположение города, его хозяйство, князья, цари, постройки, обычаи и нравы выражают в общей совокупности идею государственности, — считал ученый.

В первой части своей «Истории...» автор описал территорию Кремля. В 1901—1902 гг. восьмидесятилетний историк продолжал работать над историей города, над историей посада. Рукописи содержат интереснейшие наблюдения о складывании московского посада, большой фактический материал, собранный автором. Несмотря на незавершенность труда, Забелин предполагал опубликовать его и наказывал в завещании своей дочери Марии Ивановне исполнить это. Работа подготовлена к изданию сотрудниками Отдела письменных источников Государственного Исторического музея (ОПИ ГИМ) и ждет своего часа[34].

Дневники и записные книжки наряду с научными трудами свидетельствуют о добросовестности в работе, самостоятельности научных взглядов Забелина. Исходя из своего отношения к труду, методам исследования, автор подвергал критике современную науку, отдельных ученых и их произведения. По его мнению, ученых больше занимает публицистика, они коверкают факты в угоду модному направлению, после защиты диссертаций размениваются «на мелкую монету журнальных статей». К науке Забелин относился как к святилищу, храму, «ценил науку так высоко, что стыдился выйти к ней с неумытым рылом, какой-нибудь статейкой необработанной».

В 70-е годы XIX века началась история российского Исторического музея, который стал для Забелина основным местом и смыслом жизни до последних дней. В конце апреля 1871 г. «утром, в четверг приезжает граф Уваров за

советом», записал в дневнике Забелин. Далее идет речь об организации отделов Политехнической выставки, устраиваемой в честь 200-летия со дня рождения Петра Великого. Граф Алексей Сергеевич Уваров и Забелин были знакомы давно. В дневнике Забелина впервые упоминается Уваров в связи с проведением Археологического съезда в Москве в 1869 г. Связаны они были работой по Императорскому археологическому обществу, Археологической комиссии, Московскому археологическому обществу. Забелин по приглашению Уварова читал лекции в Обществе любителей художеств. Уваров стремился развить в обществе интерес и любовь к отечеству, понимание его истории, которая должна вызывать гордость в каждом россиянине. Еще в 60-е годы он высказал идею о необходимости создания хранилища исторической памяти, в котором можно было наглядно представить историю, религию, искусство, образ жизни народов России. Идея получила отклик в 1872 г. в ходе организации Политехнической выставки. 9 февраля того же года последовало высочайшее соизволение на устройство в Москве музея имени государя наследника цесаревича Александра Александровича (будущего Александра III). 3 января 1873 г. были одобрены общие основания для устройства музея и утверждены: почетный председатель — наследник престола великий князь Александр Александрович, председатель управления — А.А. Зеленой, товарищи председателя управления — А.С. Уваров и Н.И. Чепелевский.

Характер музея определился не сразу. Поначалу предполагалось создать Музей военной славы России. На состоявшемся 11 февраля 1872 г. «Севастопольском обеде» был прочтен рескрипт наследника престола о том, что вещи из севастопольского отдела Политехнической выставки останутся в Москве как часть проектируемого военного музея. Затем предполагалось создать Музей истории великих и значительных событий государства. Уваров разработал научную концепцию музея, «представляющего историческое развитие во всех видах минувшей жизни и связи с историей народов, когда-либо проживавших в пределах России». Прекрасный организатор науки, Уваров понимал значение Забелина в организации первого национального исторического музея. Знал и своенравный характер Забелина, но терпеливо привлекал ученого к сотрудничеству. Сложность создания музея, непредсказуемость развития событий, трата времени на заседания, обсуждения в комитетах и комиссиях не привлекали стремившегося к кабинетной работе историка. Руководя большими археологическими раскопками, Забелин понимал, сколько сил, времени, волнений потребует новое дело. В дневнике прослеживается некоторая предубежденность Забелина по отношению к графу, нежелание быть используемым в чужих интересах. Отказываясь от службы, он объяснял Уварову, что положение, которое имеет сейчас, получил «с бою», тяжелейшим трудом.

Но уже в 1872 г. Забелин вошел в состав комиссии по постройке здания, в 1874 г. — в состав ученой комиссии музея для решения вопросов об облике здания, его залов, принципе отбора экспонатов и т.д. В состав комиссии входили также С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, Д.И. Иловайский, В.Е. Румянцев, но подлинными отцами-основателями музея можно считать Уварова и Забелина.

В апреле 1874 г. Московская городская Дума постановила безвозмездно предоставить для постройки музея лучшее место в городе — на Красной площа-

ди. Организационная структура музея была оформлена 2 августа 1874 г. В соответствии с ней музей имел право собирать исторические материалы, принимать пожертвования, устраивать публичные чтения, лекции, иметь свои издания, библиотеку, учреждать премии и медали. Ученой комиссией была сформулирована программа, обязывавшая архитекторов ориентироваться при составлении проекта здания на особенности русского зодчества XVI века, «потому что в это время есть черты своеобразные, и их-то и требовалось выделить как русские и создать на их основании единое целое»[35]. В обсуждении проекта, предложенного архитектором В.О. Шервудом, принимали участие не только ученые, но и представители городских властей. Дневники Забелина передают атмосферу непонимания и принципиального разногласия между членами комиссии. В ноябре 1874 г. управление решило провести конкурс на лучший проект. На конкурс были представлены работы Р.А. Гедике, Л.В. Даля, А.Е. Вебера, А.С. Каминского, А.П. Попова, Н.А. Шохина, И.П. Херадиононова, Ф.О. Шехтеля, В.О. Шервуда. Лучшим был признан переработанный проект В.О. Шервуда и А.А. Семенова под девизом «Отечество».

Ученые, особенно Забелин, настояли на дальнейшей доработке проекта, так как у фасада «две высокие башни по сторонам терема вроде минаретов совсем отнимают у здания русский характер», а «фигуры кровельных закомар автор рисует в виде готического листа»[36]. По вопросу оформления залов столкнулись две точки зрения: ученых и Шервуда, которого поддерживали многие члены комиссии. По мнению Шервуда, образное решение залов должно превалировать над подлинными экспонатами. Ученые же стремились создать не зрелище, а научную и просветительскую базу для понимания истории. Соответственно и художественная композиция залов должна была иметь научную систему: декор залов должен был соответствовать времени представляемых памятников и меняться в зависимости от эпохи. Шервуд в брошюре «Несколько слов по поводу Исторического музея» изложил свои взгляды на задачи и цели музея. Шервуд полагал следующее. Одна из задач музея — «возможность выдвинуть наше искусство. К несчастию, настоящее направление нашего искусства ужасно... Серьезных работ у художников нет, и они, в силу необходимости, увлеченные средой, пишут в угоду своим жалким грошовым меценатам тенденциозные картины»[37]. Музей же даст художникам настоящую работу и средства.

Газеты с воодушевлением знакомили читателей с замыслами Шервуда, называя его артистом и солидным знатоком древности: в Парадных сенях разместятся статуи скифа, пахаря, рыбака, охотника, Геродота со свитком в руках, первым описавшего славян, апостола Андрея Первозванного. Образ сурового климата создадут хрустальные и керамические снежинки, сосульки. В каждом зале в центре разместятся скульптуры Мономаха, Александра Невского, Даниила, Калиты, Дмитрия Донского, Пушкина, Гоголя и т.д.

Претензии Шервуда, утомительные совещания, интриги, бестактные статьи в прессе («не будучи папой Львом X, и не имея под рукой ни Рафаэлей, ни Микель-Анжело, Уваров на первых же порах стал высказывать свои тенденции, решил, воображая, что, пописывая посредственные статейки, сделался знатоком в искусстве»[38]) требовали от Уварова неимоверных физических и мо-

ральных сил. В 1878 г. он ушел в отставку. Ни Зеленой, ни Чепелевский не смогли справиться с организационной работой.

В 1881 г. музей перешел в правительственное ведомство, и было принято решение открыть его к коронации Александра III. Председателем музея стал великий князь Сергей Александрович, помощником председателя — А.С. Уваров. Была создана особая Строительная комиссия, куда Уваров пригласил Забелина. Шервуда отстранили от строительства, работу продолжил Семенов. Кроме работ по оформлению музея, Забелин трудился над задачей пополнения музея экспонатами. Так, в письме Уварову он сообщил об интереснейшем месте для археологических раскопок, где находится около сотни курганов, — между Спасским, Строганым, Митиным, Братцевым, Тушиным: «Это замечательное гнездо древнейшего подмосковного населения. Не говорю о позднейшей Тушинской истории. Для Исторического музея нельзя избрать лучшей местности»[39].

В дни коронационных торжеств, 27 мая 1883 г. император Александр III и императрица Мария Федоровна посетили музей. 2 июня состоялось его публичное открытие в присутствии великого князя, городских властей, представителей науки. Вскоре Уваров уехал за границу для лечения. В последнем письме графу от 8 апреля 1884 г. Забелин поздравлял Уварова с Пасхой: «Ничего более в этот Светлый праздник не желаю, как только одного, чтобы вы, в прекрасном вашем далеко, укрепились здоровьем как наивозможно сильнее, ибо всегда бодрые, руководящие силы ваши очень нам необходимы всем, русской науке, русской древности в особенности»[40].

После смерти Уварова Забелин был назначен 6 апреля 1885 г. на должность помощника председателя.

Благодаря дневникам читатель в полной мере может оценить титанический труд А.С. Уварова и И.Е. Забелина над созданием Исторического музея, ознакомиться с общественной, научной и государственной реакциями на это грандиозное предприятие. Истоки жизни важны для каждой человеческой судьбы, не говоря о начале претворения в жизнь великой идеи.

Дневники рассказывают, как за двадцать с лишним лет службы Забелина в музее, тот стал научным, воспитательным, культурным центром города и страны. Незатейливо и буднично Забелин излагает концепцию собирательства, оформления залов, покупку вещей, пишет о лекциях, выставках, консультациях, посетителях. При Забелине были устроены Новгородский, Владимирский, Суздальский залы, разработаны последующие. Еще в начале своей научной деятельности Забелин восхищался талантом Н.В. Гоголя — умением подмечать мелочи, дающие яркую картину действительности. Забелин собирал не только исторические раритеты и вещи высокой художественной значимости, но и обыденные, бытовые предметы. В юбилейный для него 1892 г. (50 лет научной деятельности) сотрудники музея в своем поздравительном адресе подчеркнули значение программы собирательства, проводимой ученым: «В коллекции музея нашли себе место и серебряная братина с красивой чеканкой трав — из боярских хором, и скромная братина, точеная из дерева — из крестьянской избы... В памятниках древности для Вас отразился, как в зеркале, образ древнего русского человека с его верованиями, с эстетическими и

житейскими потребностями или поэтической фантазией и техническими навыками»[41]. Коллекции музея предоставлялись для занятий ученым, научным обществам, учреждениям, учащимся. В аудитории музея (построена в 1889 г.) читались лекции по истории, археологии, искусству, современной политике. Проходили различные съезды, заседания Московского археологического общества, Товарищества художников, Нумизматического общества, Обществ сельскохозяйственного птицеводства, коннозаводчиков и т.д. Громадный научный авторитет Забелина поднимал престиж музея в обществе. «Многих привлекало не имя музея, а имя Забелина, шли к нему»[42], — вспоминал академик М.Н. Сперанский, в молодости работавший с Забелиным. Музею дарились отдельные предметы и целые коллекции: 160 владельцев частных собраний передали в музей 236 своих коллекций. В 1905 г. П.И. Щукин передал Историческому музею крупнейшее в стране собрание русской старины, свой музей «Российские древности» (почти 24 тысячи предметов) и здание для него на Малой Грузинской улице (ныне здесь размещается музей им. К.А. Тимирязева). Результаты комплектования музейных фондов красноречиво говорят о деятельности Забелина: в 1885 г. насчитывалось 9 866 памятников, к январю 1902 г. — 39 551 памятник.

Покровительство императорского дома во многом способствовало созданию и развитию музея. Члены императорского дома пополняли его фонды в соответствии с программой, которая определяла широкий спектр собираемых вещей. Среди даров — портреты XVII в. Лжедмитрия I, Марины Мнишек, огромные полотна с изображением коронования и обручения Марины Мнишек и Лжедмитрия I, портреты Иоанна Алексеевича, Петра I, Екатерины I, Петра III, головные народные праздничные уборы, аптекарская посуда, заказанная Петром I в Голландии, оружие, нумизматический материал и др.

В дневниках достаточно много написано о великом князе Сергее Александровиче. Личность, которой современники и советские историки дали уничтожающую характеристику, приобретает здесь иную окраску. Дневники свидетельствуют о неформальном отношении председателя к проблемам музея. Он знал о приобретаемых вещах, интересовался их историей, посещал выставки, стремился улучшить материальное положение музея. Им было передано музею множество памятников истории: вещи из проводимых им археологических раскопок в Ильинском, Черневе, на Южном берегу Крыма, царские врата XVII—XVIII вв., церковная деревянная скульптура XIX в., пелены, покрова, дароносицы, потиры, акварели, графика. После гибели великого князя собрание его икон было передано в музей великой княгиней Елизаветой Федоровной. Забелин с удовлетворением пишет об интересе великого князя к археологии, древностям Москвы. Консультируя Сергея Александровича по древнерусской живописи, отмечает сходство их взглядов на распространение академической церковной живописи, которая «ничего не дает православному чувству». Не без удовольствия принимая знаки внимания великого князя и его жены Елизаветы Федоровны, подробно описывает поездку в имение князя, где к ученому отнеслись с теплотой и уважением.

Юбилей ученой и служебной деятельности в 1907 г. носил приватный характер. 87-летнего Забелина на его квартире приветствовали депутации от раз-

личных организаций, частные лица. Почти во всех газетах были помещены статьи об ученом. Среди написавших приветствия был и император Николай II: «Сердечно желаю вам сил и здоровья для продолжения столь полезного служения вашего Великой России»[43].

В своем завещании Забелин полностью выразил отношение к музею: «Наследниками своими я почитаю только свою родную дочь Марию Ивановну Забелину и Императорский Российский Исторический музей имени Александра III, поэтому в случае кончины моей дочери все наследство без всякого исключения да перейдет в собственность сего Исторического музея... Никаким другим наследникам, могущим когда-либо появиться, я не оставляю ни порошинки»[44]. Он завещал музею свое жалованье за все годы службы, а также свою библиотеку, коллекции рукописей, икон, карт, эстампов. 70 тысяч рублей выделил на приобретение новых коллекций. 170 тысяч завещал научным учреждениям, 30 тысяч — на издание своих работ.

Внимательно читая записи Забелина, понимаешь, что внутренняя жизнь автора тесно сплетена с историей и современной ему жизнью России. Многоплановость записей не затемняет личности историка, выработавшего оригинальную историческую концепцию и методы исследования. В 60-е годы, задумывая учебник по русской истории, Забелин ставил себе цель изобразить Русь как живую личность: ее рождение, воспитание и т.д. История, география, верования, политика, настроения, конкретные жизненные ситуации, рассматриваемые в записях, приобретают в совокупности образность. Нет России IX, XVII, XIX столетий, есть живое образное пространство со своей исторической судьбой: «Нельзя главы делать по поколениям». Характеры благородные, подлые, скупые, героические, честные, независимо от их временной и сословной принадлежности, складываются в масштабный портрет народа: «Народ как один человек имеет ум, склад мысли... народ не есть мужик или барин, а это есть дух, особый нрав, обычай, особая сила, которая все переделывает по-своему». Особенности развития, условия формирования в прошлом являются законами современной государственной, бытовой, нравственной, религиозной жизни, влияют на будущее: «Начало во мраке, а свойства, суть сохраняются по сей день». С этих позиций размышляет Забелин о философии, любви, религии, патриотизме, натуре русского человека, особенностях русской жизни и истории, определивших путь развития России. Многое объясняет ролью личности, которая на Западе была «корнем произрастания истории». Римское право и школа способствовали широкому развитию личных идей. В России корень — мир, община, произошедшая из рода. Государство, общество состояло из родичей. Личность же поглощалась идеями и понятиями рода. Из родового быта историк вытягивает и причины исторически сложившихся, необходимых поисков покровителя, опекуна, а это вошло в привычку не стоять на собственных ногах в государственной и частной жизни. Сегодняшнее неуважение к чужому труду восходит к оформлению крепостной зависимости. Русское православие отличается от греческого, так как с самого начала было не отвлеченно, а слито с жизнью народа — не оттого ли в душе русского человека на протяжении веков существует неистребимое соседство язычества и христианства?

Забелин жил в царствования Николая I, Александра II, Александра III, Николая II. Историк не описывал их, а определял лишь некоторые черты правления, которые вызвали важные последствия. Так, по мнению Забелина, мелочная, опекунская, охранительная политика Николая I привела к нигилизму и нигилистам, а либерализм Александра II, благодушие Николая II — к революционным собыгиям. Оригинальны высказывания Забелина о современных ему литературе, искусстве, общественном мнении, нигилизме, эмансипации женщины, о молодежи. На основе его объяснения развития России Забелина невозможно причислить ни к славянофилам, ни к западникам. Забелин был чужд славянофильской идеализации народа и упрекал западников-либералов «вечно ноющих, плачущих» в неверии, пессимизме. Быть патриотом и желать процветания отечеству — это значит, по Забелину, верить в народ, в его достоинства, дарования, политические, экономические, литературные, художественные силы.

Нашли в записях место отклики на общественно-политические события: освобождение крестьян, студенческие и крестьянские волнения, запрещение периодических изданий, восстание в Польше, дворянское движение. Как отголоски тревожных времен — слухи о трехпудовых свечах, начиненных порохом у Иверской часовни, о подкопе между Москвой и Химками. XX век сместил все привычные понятия. События 1905 г. стали для Забелина потрясением. К этому времени умерли почти все, с кем были связаны молодость и зрелость, искренность чувств — С.М. Соловьев, Б.Н. Чичерин, Н.Х. Кетчер, К.Т. Солдатенков, Д.А. Ровинский. Пережиты убийства знакомых лиц — великого князя Сергея Александровича, Н.П. Боголепова. Забелин почти не выходил из музея, ориентировался в бурлящем море событий по проправительственному «Новому времени». Кажется, сам слог и стиль его стал похож на газетный. Опираясь на глубокое знание народного быта, Забелин считал неприемлемым для России разовый, благополучный перелом, но «все не просят, а назойливо требуют. И все немедленно. Требуют демократической республики тоже немедленно». Горечью полны записи о действиях священнослужителей, интеллигенции, вступивших на политическую арену борьбы: «Самое глупое, бездарное политическое существо в России — это российская интеллигенция». Эмоционально соглашается с киевским психиатром И.А. Сикорским, что русская революция — результат психопатологического процесса и общественной дегенерации, своего рода массовая истерия. Искренняя боль за судьбу России излилась в желчных, пристрастных строках. 85-летний человек, всегда скептически относившийся к правительственной политике, не принимавший участия в политических движениях, поведал о своей растерянности лишь дневнику. Революционная эпоха изменила восприятие современности не только у Забелина. Историк В.О. Ключевский, заполнявший дневник мыслями, душевными переживаниями, на рубеже веков превратил его в конспект тревожных событий. Вместе с дневниками В.О. Ключевского, А.С. Суворина, Н.П. Окунева, А.В. Богданович записи Забелина помогают нам яснее увидеть картину времени «культурного ренессанса» и «предчувствия надвигающейся катастрофы» (Н.А. Бердяев).

Предисловие

Дневники (1837—1908) и записные книжки (50—60-е годы XIX в.) хранятся в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея и входят в состав личного архива Забелина (Ф. 440). Дневниковые записи велись в тетрадях или книжечках небольшого формата. Скорее всего записные книжки Забелин предполагал заполнять в периоды отъезда из Москвы — на даче, раскопках. Встречаются записи, сделанные на отдельных листах, конвертах, бланках телеграмм, приглашениях. Дневники велись Забелиным не регулярно, с пропусками за целые годы, записи не всегда датированы. Особенность записей — отсутствие постоянного событийного повествования, предметно-пространственного описания, бытовой повседневности. Основа содержания — умственный, духовный мир человека, склонного к самоанализу, его деятельность, стремления, круг интересов и проблем. Многочисленность введенных в текст персонажей (ученые, писатели, императоры, великие князья, священнослужители, военные, купцы, ремесленники) — одно из достоинств исторического источника. В «Приложении» помещены некоторые записи из тетради, куда Забелин помещал черновые наброски для готовящегося им учебника по русской истории (Ед. хр. 269). При публикации стиль, орфография и пунктуация историка оставлены без изменения.

В архиве записи Забелина оформлены в отдельные единицы хранения (5, 7, 9) и включены в состав единиц смешанного содержания (12, 128, 169, 275, 276). В Российской государственной библиотеке имеются записи Забелина дневникового характера 70-х и начала 80-х годов XIX века, представляющие позднейшие выписки из материалов Государственного Исторического музея (ОР РГБ. Ф. 743. К. 63. Ед. хр. 6). В результате проведенной публикатором работы записи для издания сформированы в одно целое, и читателю предоставляется возможность анализировать источник всесторонне.

Подготовка к публикации осуществлялась при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 96-01-00540.

Н.А. Каргаполова

ДНЕВНИКИ

1837-1844 гг.

1. Отчет. 11 ноября 1837 года, четверг. Я высвободился из тяжких объятий Сиротского дома и поступил на службу в Канцелярию Оружейной палаты[1].

2. 24 февраля 1838 года. На второй неделе Великого поста в четверг был вечер довольно замечательный для меня по происшествию.

3. 12 июня 1838 года. В воскресенье ходил в Косино[2]. Питаясь чистым воздухом и рассматривая дивную, величественную природу, я провел там время довольно приятно*.

2 июля 1839 г. Письмо, в котором муж сестры отца Анны Степановны, сообщает, что отец и мать отца умерли в 1833 г.

Братья отца: Алексей Степанович, Андрей Степанович. Сестры: Пелагея Степановна, Авдотья Степановна, вдова, Анна Степановна, жена дьяка в Кашине Николая Ивановича Метлина, погоста Успенского, что на Болоте.

Март 1840 г. Получен портрет отца[3] от Андрея Степановича Забелина, Бежецкого уезда села Андреевского, священника.

В дневнике записано: 14 января, 1840 г., воскресенье. С этого дня я решил записывать все, что случится со мною замечательного. Записывал одни глупые чувствования, вспышки любви и т. п.**.

26 января. Пятница. Был на именинах у Тон[4]. Вспышка.

4 мая. Суббота. В Сокольниках на даче Ивана Николаевича Давыдова[5].

12 мая. Воскресенье. О, Боже мой. Зачем же раны в душе моей открылись вновь. И в сердце мне опять незваный гость залетел... Опять любовь...

23 мая. Четверг.

---

* Под этой записью приписано: «Верно, 1838 г. Июня 17 дня, в пятницу».

** С этого места помещаются дневниковые записи начала 40-х годов, не обнаруженные в архиве и переписанные Забелиным в более поздние годы.

Я на горах, вдали привольно
Москва раскинулась, глазам
Смотреть на домы трудно, больно,
Так много их и здесь и там.
Как неподвижно, как безмолвно
Они стоят вокруг Кремля
Какой-то тайной думы полны
И тихо все — молчит земля.

26 мая. Воскресенье. У Смирновых, с ними в Сокольниках.

27 мая. Понедельник. Познакомился в Оружейной палате с чудищем французом, который показывал громадную коллекцию литографий раскрашенных.

7 ноября 1840 г. Иван Михайлович Снегирев[6] рекомендовал меня, как любителя русских древностей, Павлу Михайловичу Строеву[7], известному археологу. Это для меня очень лестно, это мне очень дорого. Сколько надежд и каких надежд. — Рекомендую вам, сказал Снегирев, — молодого любителя древностей, прошу не оставлять его советами, вспомоществованием. Потом рассказывал, где я воспитывался, как образован и прибавил: у нас мало таких людей, которые из собственного рвения, из любви к науке занимались.

10 ноября. Ходил с маменькой[8] и Николаем Парамоновичем Дьяконовым к Смирновым. Пустое знакомство, однако с сетями для ловли жениха.

2 апреля 1841 года. Среда. На Святой домашний театр, танцы, много барышень — все устроил Алексей Федорович Сахаров[9], на Арбате у фортепьянного содержателя и актера.

21 апреля. Был у Снегирева. Очень уж он льстит мне, но это очень ободряет меня.

28 апреля. Понедельник. В Палате был Чертков[10] с женой, губернатор Сенявин[11] с женой и Снегирев, который рекомендовал меня Черткову, как председателю Общества истории и древностей, уж чересчур много лестного для меня наговорил он Черткову. — Это будущий археолог, я уступлю ему свое место и т. п. — Красавица Сенявина обворожила меня своим вниманием. А я представлялся им в очень потертой шинели, совсем неуклюжим рабочим.

10 мая. Суббота. Поверял надписи в Успенском соборе с Снегиревым.

30 мая. Пятница. Был у Снегирева, носил ему надписи, разговаривали о веке Екатерины.

22 октября 1841 г. Ходил знакомиться с каким-то Николаем Семеновичем Зыковым по просьбе любезного Сергея Михайловича. Что-то от меня нужно. Оказалось — чудеса — меня просят, чтобы я помещал статьи в «Губернских ведомостях»[12]. Совсем не ожидал... От меня требуют статей, а я еще не умею писать их. — У нас, — говорит, — составлен Статистический комитет[13] для описания Москвы во всех отношениях. Но работать

надо безвозмездно. Зыков выказывался каким-то петиметром, пустоголовым. Просил заходить по вечерам.

22 декабря. Воскресенье. Был у Ивана Михайловича Снегирева с статьею о Троицких походах[14]. Он строго разбирал ее, но только в отношении к слогу и разным неправильным выражениям. Что же касается до изложения и размещения материалов, то все оное похвалил, но как-то холодно, безучастно.

25 декабря. У Ахлебаева. Старушка незнакомая предсказала мне, что я женюсь на хорошей и богатой, только с тем, чтобы не женился на первой, которая будет свататься, а на другой. Эта будет по нежностям добрее. Еще говорила, что я не изменюсь в характере.

30 декабря. Понедельник. У Тон играли в фанты. Анна Карловна.

31 декабря. Накануне 1 января 1842 года на маскараде в Немецком клубе*.

31 декабря и 1 января 1842 года. Был окружен масками, по выражению Лермонтова, стянутыми приличьем, т. е. был в Собранье[15]. Преглупая вещь там бывать. Совсем не нахожу удовольствия.

13 июня 1842 года, суббота. Иван Михайлович рекомендовал меня Ивану Григорьевичу Сенявину, губернатору гражданскому. При прощании просил статьи для «Губернских ведомостей».

Один одинешенек брожу целый день без определенной цели; без определенной мысли. Мне кажется, я не думаю ни о чем. Одно только увлекает меня — люблю подслушивать и подсматривать природу. Как это я делаю — трудно, да и, может быть, смешно об этом рассказывать. Смешно рассказывать тайны первого юношеского увлечения, первые порывы любви, более нежели смешно — глупо. Так, по крайней мере и мне, да я думаю, и всем это кажется. Смешно ли, глупо ли это в самом деле — не знаю. Но мое влечение подслушивать и подсматривать природу имеет много общего с тайнами сердца и поступков первой невинной, простодушной и чистосердечной любви. Да и это требование моей природы, требование природы человека. Выражение этих потребностей смешно для нас, воспитанных церемонно, натянуто, на ходулях. Простого, непосредственного отношения к природе мы не имеем.

Над прудом. Жужжание стрекозы. Хорошо на солнце. Все наслаждается бытием. Один только человек страдает во всех сферах быта, на всех ступенях развития. Я не знаю ничего, не учен: что такое рыба, жук и т. д. Я хорошо не понимаю ни класса, ни вида, не знаю, как назвать растение, цветок, но ко всему этому чувствую неодолимое какое-то влечение, любовь самую полную, хотя и не осознанную ясно, похожую на стремления юноши, которые незнательны**, но которые создают идеал. Человек до сих пор не разделил еще себе земли и ссорится из этого. Оно, конечно,

* Заканчиваются записи 40-х годов, переписанные в дневниках позднее.

** Так у автора.

смешно видеть порядочного человека, копающегося в песке, собирающего камушки и пр.

Когда злодейка судьба вас разнесет по белу свету
Неужли вы, мои друзья
Мои веселые студенты[16]
Неужли в суете миренной
Совсем не вспомните порой,
Про жизнь в Москве, про Пашков дом
Про наши скромные квартеры*
Про смех всегдашний перед сном
Про тьму табачной атмосферы
Про то, как Федор Александрыч
Клопов нещадно убивал
И как сосед Потап Иваныч
Нам часто ночью досаждал
И про фонарь, что так печально
в окно порою нам светил.

С сокрушенным сердцем, едва ли не с отчаяньем я гляжу на себя, на свои силы. Я теперь похож на того безумца, на того русского Икара, который, помните, во времена разрушения Московского царства и возрождения русской империи, объявил за собой государево «слово и дело»[17] — хотел улететь далеко от земли, далеко от всего, что только связывает, обезоруживает человека. Последствия его безумства известны, я в некоторых чертах похож на этого безрассудного. А Тантал? Я и на Тантала похож по несчастию. Под гнетом замыслов несовершимых душа моя ожидает дела, как пищи, как воздуха, которым она только и может дышать. И, страдалец, я не могу удовлетворить этой чудной потребности, я не в силах утолить эту пламенную жажду, от которой горят уста, сохнут очи, грудь хочет растрескаться. И ужели мне суждено с каждым днем, с каждым часом истаивать от такой мучительной и, признаюсь, очень тяжкой тяжбы.

Первая любовь ищет только высказаться, не разбирая на какой предмет падет ее выбор. Здесь случай. Мы после уже узнаем, что любили бог знает что — потребность любить, а не любовь. А эту потребность мы считали за самую любовь.

В порыве ревности, тревожимый сомненьем
С вопросом горестным стою перед тобой
Открой мне первое души твоей волненье
И первую любовь открой мне — все открой.
Скажи мне, на кого с участьем, с желанием
Засгенчиво был взгляд твой обращен,
Кому ты принесла то сладкое страданье
Страданье первое — и сердца первый стон

* Так у автора.

Дурак! Чего ты просишь? О какой первой любви ты говоришь? Где она? Где ты ее заметил? Дурак! Разве может быть первая, вторая, третья, четвертая любовь. Она одна. Она первая и последняя, начало и конец, альфа и омега. Первую любовь так же глупо отыскивать, как глупо отыскивать в наше время между людьми первого человека, Адама. Любовь неделима, нераздельна.

22 января 1844 года. Хотел отдать письмо, но как-то не отдалось. Решился завтра неприменно, во что бы то ни стало.

23. Воскресенье. Иду в 12 часу. Дожидался четверть часа, потому что были у обедни. Наконец, ушел и отдал в 1/2 двенадцатого.

Январь, 1844 г. Задумал о женитьбе.

25 января — ответ на мое предложение.

25. Вторник. Был второй разговор.

27. Четверг. То же.

1. Февраля. Вечер до 1 часу — разговор.

2. Среда. Прости. После вечерен.

13 февраля в воскресенье. У нас Настасья Петровна, Наталья Петровна и явились Тоны. Были Каменев (у меня он жил) и В.Н. Татаринов, студент.

Июль 1844 г. Ходил с Тромониным[18] в Марьину Рощу. Осмотрели немецкое кладбище. Списали надписи на плитах.

1845 г.

10 июня. Воскресенье. У Снегирева утром. Первый вопрос, которым он встречает меня почти каждый раз, был: нет ли чего новенького в стареньком, разумея под сим архивные разыскания. Я ответил отрицательно, потому что, не зная что ему нужно особенно, не хотел открывать моих выписок, которые очень пригодятся со временем мне самому. Потом разговор зашел о П.М. Строеве. Он прочел речь в заседании Исторического общества[1], которая наделала много шума, очень невыгодного для автора[2]. Иван Михайлович рассказывал, что эта речь не понравилась всем, что граф[3] даже побледнел, а один член, недавно приехавший из Санкт-Петербурга, г. Сахаров[4] (для разысканий относительно полной Славяно-русской библиографии) сказал будто бы: да это просто донос, автору следует пощечину дать. Если так, то г. Сахаров не хорошо себя рекомендует. Не донос в этой речи, а вопиющая правда, только резко сказанная.

Иван Михайлович подарил мне свою брошюру об Измайлове селе. Читал свою статью о древней архитектуре русской. Много нового, доселе нигде не печатанного и, следовательно, не читанного. Особенно номенклатура полна.

От Ивана Михайловича к П. М. Строеву, который также рассказал о своей речи, — что совсем не понравилась. Он думает, что граф будет мстить. Я возразил, но он сказал, что худое скорее сделают, нежели хорошее,

везде. Между прочим, заметил разность старинного воспитания дворян от нынешнего. Говорил, что в его время, пред 12 годом, все молодые люди вели образ жизни со всеми военными походными лишениями, одним словом, по спартански, а ныне — какая изнеженность, какие болезни постигают молодых людей, какая скорая, рановременная смерть и проч.

16 июня. В Измайлове с Корнелием Яковлевичем Тромониным. Осматривали развалины приспешных отделений дворца[5], которого теперь не существует. Смерили. Запаслись обломками цветных кафелей с собора Измайловского.

19 июня. Были с Тромониным у Погодина[6]. Здесь скажу, что когда я первый раз был у Погодина и на его вопросы отвечал, что занимаюсь русской историей, он мне сказал между прочим: держитесь крепче за землю. Bis*. От него — на Воробьевы горы. Смотрели в трубку**.

23 июня. Суббота. Утром в три четверти десятого пошел к графу в первый раз[7]. Сначала он меня несколько сконфузил. Когда я вошел к нему в кабинет, он, должно быть, спросил, что мне нужно. Я не слыхал и подвинулся к нему. Он еще что-то проговорил. Я еще подвинулся. Он встал. Я отодвинулся. Он в сердцах спросил: ваша просьба, кто вы? — Письмо из Оружейной палаты. — Ну, вы так бы и говорили. Я промолчал. — Как вас зовут? — Забелин. — Где вы воспитывались? — В Сиротском доме под попечительством Дмитрия Львова[8].» — И только там? — Только, ваше сиятельство, но я занимался постоянно наукой. — Где вы занимались? — Дома у себя. — В университете не были? — Никак нет. Но я слушал лекции. — Какие? — Всеобщей истории, русского законодательства[9]. Пишет записку. — Вам не родня у нас в Твери Забелин? — Никак нет, ваше сиятельство. Я тоже из Твери, но это дальние . Отдавая записку, он сказал: вы будете у нас в отделении для изданий «Древностей российского государства»[10], будете хранить и проч. Я уже ничего не слышал в умилении от этих слов. — Все зависит от вашей исправности. Это продолжиться долго. У меня навернулись слезы от радости. — Вы сколько получаете жалования? — 500 рублей, ваше сиятельство. — Это мало. Обошелся благосклонно.

Киселев Ал. Гр.[11] рассказал мне следующее. Один губернатор, генерал, выражал собою тип нашего допетровского барства. Он имел секретаря, который сопровождал его всюду. Пригласили генерала на званный обед к одному важному человеку. Генерал по обыкновению явился с секретарем своим, и когда попросили гостей к столу, то генерал примолвил хозяину, указывая на своего секретаря: «А этого в буфет. Там ему накрой». В другое время на желание хозяина посадить этого секретаря вместе с гостями за одним столом генерал ответил: «Ты, братец, уж хочешь со мной посадить всякую свинью». И потом, на усильные просьбы хозяина

---

* Bis — дважды (лат.).

** Подзорная труба.

согласился и сказал хозяину: «Его туда! Вон в уголок, на самый край, на край стола». Да, черта нравов! А все были довольны генералом, его честностью, прямотой характера.

26 октября. В 61/2 пришел я в Общество. Вельтмана[12] еще не было. Поклонился Строеву, который сейчас же спросил у меня: «Как вы сюда, в качестве члена?» «Нет, в качестве чтения своей статьи.» В 7 часов прибыл Ив. И. Давыдов[13], и заседание открылось чтением протокола прошлого заседания. После, член И. Д. Беляев[14] начал читать свою статью о Несторе как летописателе. Статья длинная, состоящая в перефразировании слога Нестора. Прошел час в чтении. Строев спросил: «К чему клонится сия статья? Пока она состоит в перефразировании Нестора, будут ли ваши выводы, результаты из этого перефразирования?» — Они читались, мои выводы. — Зачем же нам читать то, что мы все знаем, что утомительно, скучно слушать? Все стали возражать против этого. Первые — Бодянский[15], И. Давыдов, Шевырев[16]. Строев спросил Давыдова: ваше превосходительство, не наскучило слушать? Тот ответил, что приговор можно делать по прочтении. Строев ушел. (А прежде его ушел Вельтман.) Беляев продолжал, наконец, надоел всем, и Давыдов остановил его до следующего заседания.

Господин со звездою обратился ко мне: Вы ведь писали о вычитании[17].

Я догадался, что это Ховен[18], но притворился забывшим. Он напомнил и сказал: это ошибка, ни на чем не основанная. Я ответил, что с моей стороны приведены факты. Он сказал, что в моей статье кроме ошибок ничего нет. Я возражал. — Об этом никто ни слова. Это ложь. — Да, если никто прежде не говорил так, не следует из этого, что ложь. — Ложь, да и только. Об этом никто не писал. Эта новость — удивительная ложь. После пригласил меня на обед, расхвалил Троицкие походы.

1847 г.

Лето в окрестностях Москвы.

27 апреля. Воскресенье. Кунцево[1]. Пошли через Дорогомилов мост. Самого моста, впрочем не было, а был паром да лодки. Подходя к парому, я услышал одного мужика замечание: «Вот и господа, а тоже норовят на паром, т. е. даром переехать. Но он ошибался, мы спешили и потому пошли к лодкам. На лодках пьяный мастеровой очень шумел, ругал какого-то барина, который побил его за матерные слова. В чертах лица его видно было самое тяжкое оскорбление, которое, однако ж, высказалось не при барине, а вдали от него. — Только частного нет, говорил оскорбленный. — Только частного нет, а то б я доказал ему. Вот будь частный... Да мой господин здесь. Я отведу его к господам. Сукин он сын, драться вздумал... Я ему покажу... Мои господа здесь.

Эти и подобные слова, из которых каждое обиженный скреплял еще другими словами, всегда и везде занимают приличное место в нашем бла-

гозвучном языке. В них выразилось все отсутствие воли, отсутствие личности в русском человеке. Он не говорил, например, о том, что как сметь бить, хотя били и за дело честного ремесленника. Он напирал на то, что и он такой же человек, разница только в ступенях общественной лестницы.

30 апреля. В Сокольниках. Встретился мужик с ученым медведем, который немедленно поклонился нашей честной компании. Мужик так пристал с требованием гроша, так по-медвежьи просил...

Немец ходит с шарманкой, с обезьяной, с рыле[2]. Русский человек с медведем.

1848 г.

Из Москвы вышли в 5[1]. За Кунцевым верст шесть стоит веха для нивелирования. Пришли в Раздоры 9.15, которые, точно обетованная земля, не давалась нам в руки. Мы было приуныли немного, особенно, когда на вопросы наши: далеко ли? отвечали: 4 версты, 10 верст, 12 верст и т. д. Пришли почти под избы и ничего не видим. Слышно, что журчит речка и показалась грязь. Провидение сжалилось. Перейти посуху не было возможности. Как тут, порожнем мужики, которые и перевезли нас весьма благополучно. — Самовар есть? — Нету, отвечали на постоялом дворе. — А где ж есть? — А вон там. Пришли. Самовар небольшой, но новый и потому очень опрятен. — Как бы что зажечь? — Да вот лучиночка. Э, да что-ж это при лучине, зароптали мы, но особенно Н. А. Где-то достала старуха свечи огрызок, вставленный в какую-то склянку. Пили чай и поили хозяев, которые рассказывали вот что. В Раздорах речка Чиченка, от Москвы 17 верст, до Саввы[2] — 31 верста. Не доходя с версту — высокое место, с которого обширный вид, называемый горою Баранихою. Уборы от Разборов — 12 верст, Барвиха от Раздор — 2 версты, от Барвихи Усово — 6 верст. От Усова Уборы — 4 версты. За Барвихою с версту дикое ровное место, называемое Мошки. От Раздоров влево, близ Подушкина — городище при речке Кобылене. В лесу в 5 верстах курганы. Возле Шульгина полверсты от Раздор 2 кургана на поле. Из Раздор вышли в 10 часов, не дожидаясь месячного восхода. Темно. Прошли Барвиху. Потом прошли Усово, где окликнул нас часовой и потом собаки. Спустились под гору, и, скинув сапоги, переправились босиком через речку. Дорога песчаная вельми [окруженная]* сосновым густым лесом. 12 часов ночи.

Пришли в Бугаево, думали, что это Уборы. Н. А. утверждал, что Уборы за рекой, но не настоял на своем, и мы благополучно прошли мимо, поворотив из Бугаева по дороге влево (на перевоз нужно было вправо). Пришли в Горки. Отсюда шли, шли, думали встретить скоро перевоз (пребывая все еще в затемнении, что идем в Уборы), но скоро показалось Успенское, или Малые Вяземицы. Оно шаг от шагу удалялось от нас впра-

---

* Вставка редактора.

во. Облака заволочили месяц, поднялся северный ветерок, мы оголодали и стали зябнуть. Подумали и решили поворотить на село. Особенно это желал я. Н. А. лазил на столб читать, но кажется ничего не разобрал, прочел только «Успенское». Несмотря на полночь, мы нашли неспящих и расспросили, как идти к Савве[2]. Выходя из села, встретили направо что-то вроде гостинного двора, разумеется, в сельском объеме. Он выстроен для ярмарки. Налево — господские конюшни. Здесь мы купили на 7 копеек ломоть такого прекрасного хлеба, что ни в одном монастыре такого нет. Прошли с четверть версты, присели на льняные снопы и поели хлеба с язами[3], да покурили трубки. Здесь нас так продуло, что Боже упаси. Было 1/4 3-его. Пошли. Что-то вроде болота, посреди которого бежал ручей. Налево мельница. Отсюда начался овраг, дорога — песок, а по сторонам, вверху лес прегустой. Настоящее Радклифское[4] подземелье. Я не знал, когда кончится этот овраг. Шли долго и, наконец, я перевел дух. Рассветает. Показалось Иславское село, богатое, хозяйственное. Господского строения — пропасть. С горы шли, с высокого берега Москвы-реки — прекрасный вид. Кликнули Харона, шалаш которого прилеплен был к горе. Переехали на пароме и на той стороне с лодки стали купаться. В это время на двух тройках переезжали власти Звенигорода и ничего не заплатили, по обыкновению. Харон пороптал на это также по обыкновению. Увидали Грязь (село) и пошли по моему настоянию на курганы. Крюку почти ничего не дали. Вышли на дорогу, Звенигород — 4 версты. Н. А. сконфузился. Захромал. В 8 часов взошли в Звенигород. Городишка дрянь. К собору, который стоит внутри древнего города, вместе с винным двором. Собор[5] одного стиля с Переяславским. Последний приземистее и кубоватее, а этот тоньше и очень также похож на собор в Саввинском, который может быть делан по образцу Звенигородского. Звонили к обедне. Поглядели на фрески. Они XIII века. Подобие из Ризположения[6] в Москве. Город обнесен валом, подле которого с восточной стороны, внутри города довольно глубокий ров. С севера вал вдвое выше, нежели с других сторон. К югу постепенно унижается, т. е. понижается. С востока и севера овраг. С запада овраг, по которому течет ручей. С юга — монастырь. Овраги больше поросли сосновым лесом. Дичь. Местоположение прелестное. Я согласился бы пожить хоть недельку. Вообще, подходы к Звенигороду и около древнего города носят один характер: горы, поросшие лесом. Саввин. Отправились в Саввин. Стали сходить с горы, а на гору поднимается ратман[7] во всей форме с саблей на боку. Внизу ехали три экипажа. Ратман остановился, приосанился, оперся на саблю и стоял, созерцая проезжающие экипажи. Нас опередил уездный франт, с такой же цепочкой на жилете, попался нам навстречу. Пришли к Савве 30 минут 10-го, а в 10 были в гостинице и пили уже чай.

Статья моя о масленице подала повод к довольно курьезным вещам, относящимся более к тем лицам, от которых явились эти вещи[8]. Аксаков сказал, можно писать, но зачем писать в таком тоне. Шевырев сказал, что

автор, т. е. я, плюет на гроб отцов, что он человек не благонамеренный, что изменил, а чему изменил — неизвестно. Но позвольте вам сказать побасенку. В один департамент администрации приезжает ревизор. Сначала в этом департаменте все наслаждались безмятежным спокойствием, ничто не нарушало этой глубокой тишины, как со стороны начальства, так и со стороны совести. Приезжает ревизор, находит беспорядки. Что же он должен делать? Восхищаться или плюнуть?

1855 г.

27 июля. Среда. Из Мазилова[1] отправился в парк к В. П. Боткину[2] обедать — звал несколько раз. Застал у него Некрасова[3] и Панаеву[4] — живут у него. Вместе и обедали. Принят был весьма радушно. Некрасов изъяснялся в большом ко мне расположении. — Как бы я выпил теперь с вами (он болен, говорит шепотом от горловой, что ли чахотки), — и тут же мне объяснил, что это с его стороны означает самое главное расположение, ибо он пьет только с хорошим человеком, а с другим ни за что не будет пить. За обедом действительно подал маленькую, которую я один почти и выпил. После обеда приходил И. В. Селиванов[5]. Некрасов куда-то уехал а мы втроем пошли гулять и погулявши, хотели было отправиться домой, да остались выпить по стакану чая. За чаем В. П. и И. В. стали вспоминать о прежних своих знакомствах. В. П. очертил так невзначай историю кружка Белинского[6]. По его словам, одним из действующих моральных начал в этом кружке был Николай Станкевич[7] — лицо идеальное, высокое своими достоинствами. Это был корень, который питался в свою очередь Веневитиновым[8]. В. П. отзывался о нем с величайшею похвалою, ставил его наряду с Христом — Вот — Христос! Гегелева[9] философия была основанием. Религия и искусство — мир идеальный, вот где жили они: Станкевич, В. П. Боткин, Катков[10], И. С. Тургенев[11], Бакунин[12], Клюшников[13] — Феос, как его называли в шутку. Великий юморист, знавший хорошо историю и как Феос, объяснявший ее весьма оригинально. Вот ты, брат, надувал средние века, говорили ему. Да, надувал, отвечал Феос и т. п. Под стихотворениями своими он (Белинский) подписывался — Виссарион гр. Б. Мир искусства и религии занимал этот кружок вполне. Найти истину — вот задача. Работали, учились, читали, спорили, писали целые тетради друг к другу. Скоро увидели, что Гегель дошел до пол пути только, утверждал положительную религию, положительное государство (Англию). Между тем, как наши дошли до противных результатов и тем принадлежали уже к левой стороне гегельянцев..

Во время такой настроенности является Фейербах[14], с восторгом неописанным был он принят. На мир политический кружок смотрел свысока, как на нечто такое, о чем не стоит толковать. Поэтому он весьма косо посматривал на кружок Александра Иваныча[15], когда они познакомились и сошлись. У Александра Ивановича все было в политике, в политико-

экономическом устройстве общества. Оба кружка друг друга восполнили. Александр Иванович начал читать и учить Гегеля, а Виссарион и К° — Французскую революцию. Событие громадное по своим вопросам, ужасающее своим уверенным бессилием осуществить эти вопросы. Виссариона кружок не любил фразы Александра Ивановича. Ему не нравилась эта вычурность выражения. После сошлись. Но несмотря на благотворные основы кружка, он погиб бы, как погибли многие кружки, если б не явился достойный его орган — Виссарион, который перенес в литературу и общество все выработанное этим кружком, и постоянно переносил все вырабатышаемое. Кружок был исполнен идеального — все действительное он почти презирал, смотрел свысока. Попоек и обедов не было, даже водки мало пили, один чай.

Виссарион отличался непостижимою быстротою понимания, готовый всегда отказаться ото лжи, если только ему докажут эту ложь. — А ты, брат, наврал, и очень наврал. — Как наврал, врешь ты сам, докажи, что наврал. — Ты, брат, наврал — и после доказательства Виссарион, как ребенок сознавался, что наврал и в следующем номере журнала писал: мы прежде ошибались и пр.

11 сентября. В воскресенье утром получаю записку: «Баронесса Раден[16], фрейлина государыни, великой княгини Елены Павловны[17] по приказанию ея Императорского высочества просит Ивана Егоровича Забелина пожаловать к ней сегодня в 7 часов вечера в Михайловский дворец[18], что на Остоженке». Первая мысль о том, что вызов относится к моим писаниям или по поводу моих писаний. Вторая мысль — в чем идти, явиться. Аммуниции нет, сапоги худы. Отправился к Сухаревой[19] и к Кетчеру[20]. Кетчер говорит, пойдем к Грановскому[21], он был в пятницу у Елены Павловны, стало быть знает весь обряд как явиться, в чем явиться, но нужно, кажется в черном фраке. Фрак-то и есть, но уж больно кургуз, старомоден. Приехал Солдатенков[22], разговорились о затруднениях, представляемых недостатком амуниции. Кузьма Терентьевич вызвался дать свой фрак. Художник Раум, приехавший с ним, — белую жилетку. Все это впрочем меня не радовало. Я приуныл. Пошли к Грановскому. Спит. Дождался его. Нужно явиться в черном фраке, белом галстуке и белых перчатках. А в форменном можно? Можно в форменном. Это несколько порадовало, хотя и форменный мой старенек. Грановский дал свой галстук белый. Снарядился и к 7 часам явился. По приказанию баронессы Раден. Она у великой княгини. Ну, стало быть нужно подождать. Доложили и ввели меня в комнату небольшую, убранную весьма и весьма просто. Дожидаюсь один. На столе под зеркалом, между двумя окнами лежит Апполинарий Сидоний[23] с надписью К. Д. Кавелина[24]. А, так вот откуда ветер подул. Я понял, что вызвали меня по словам и отзывам Кавелина. Ждем с полчаса. Наконец, вошла баронесса и извинилась, что заставила меня ждать. Сел по ее предложению. Разговор начался вяло, сквозь зубы. — Нам об вас много говорил Константин Дмитриевич. Вы хорошо знаете Москву и ее

старину? — Не смею о себе ничего говорить, а могу только сказать, что я давно уже занимаюсь русской стариною, а так как старина в Москве, то знаю и Москву. — Вы в Оружейной палате служите. — Нет, я уже не служу[25]. Разговор пошел об Оружейной палате. — Какая замечательнейшая там вещь — шапка Мономахова и объяснение ее истории. Потом перешли к устройству палаты. Она заметила, что иконы размещены не по порядку, не в системе. Отчего? Я объяснил два борющихся начала — меблировку и ученую систему. Меблировка победила, потому что представители ученой системы слабы и не могут доказать положительно, как должны быть размещены вещи. Коснулись многих предметов. Наконец, баронесса встает и говорит: «Вас великая княгиня желает видеть», — и повела меня. Это так было быстро сделано и сказано, что я не успел ни о чем подумать, как очутился у великой княгини. Вместе с входом она спросила — Вы не служите в Оружейной палате? Баронесса успела уже передать ей об этом. Затем пошел разговор о теремах. — Я была в дворце, в теремах, мне кажется, они возобновлены не совсем верно, например стекла, живопись, иконы и т. п. Я развивал, подтверждал. — Почему не обращались к ученым людям? — У нас, ваше императорское высочество, не в обычае обращаться к ученым. Каждый начальник убежден, что всякое поручение он может выполнить сам собою, без посторонней помощи. Он убежден, что все знает или все должно знать, ибо он начальник. Притом в настоящем случае, хотя и обращались к ученым, но к ученым заслуженным, имевшим уже штемпель, клеймо знатока, ученые точно также, хотя специально и не занимались этим предметом, но как ученые по обязанности, должны были что-нибудь да ответить. Ответили общими местами, из которых начальство ничего не могло извлечь полезного и еще более убедилось, что оно больше ученых знает и т. д.

Разговор был быстр и перелетал как-то легко с предмета на предмет. Я с первого же раза почувствовал такую свободу, такую свободу, что нигде, кроме друзей не чувствовал этой свободы. Совершенно забыл, что сижу с дамами, да еще высочайшими. Как есть Забелин, так и высказался им, явился со всеми своими привычками, руки, как всегда, говорили не меньше языка. Говорили о Валуеве П. С.[26], губителе древностей, начальнике Кремля и его действиях. Он был дурак, заметила еще в начале княгиня.

Говорили о древнем платье, я объяснил ей женский и царский наряд, при чем указывал даже по поводу складок и боров назади, указывал им на свою спину, объясняя эти боры.

— Цари все ходили Богу молиться, а когда ж они царствовали? Это одна из тех фраз, которые не раз затрудняли мои ответы. Я не понимал и не знал, что говорить. Приведенная фраза еще самая понятная. Великая княгиня не раз обращалась за объяснением моих слов или за передачею своих мыслей ко мне к баронессе. — Где вы служите? — В Дворцовой конторе. — Это там, где приходы и расходы, и переписка. — Точно так, но

я занимаю такое место, где уже груды писанной бумаги сваливаются для хранения. Я помощник архивариуса. — Как вы стали заниматься? Объяснил. Великая княгиня встала — это был знак вставать и уходить. Я откланялся. Баронесса догнала меня в коридоре и объяснила, что великая княгиня приказала составить мне план обозрения московских древностей. — Когда прикажите? — Как вы? — Через день, через два я представлю. — Это, может быть, скоро для вас? — Нет, это меня не затруднит, у меня все наготове, стоит только распределить. Во вторник я могу вам представить.

Во вторник 13 октября в 7 часов вечера я опять явился во дворец. Но великая княгиня собралась ехать ко Всеношной в Успенский собор накануне Воздвиженья. Раден я застал совсем одетою. Она объяснила, что они сейчас едут. Взошла другая фрейлина — Штрандман[27]. Раден рекомендовала меня. Раден была так любезна, что тот час же понесла мой проект обзора московской старины к великой княгине. Я перед этим объяснил ей, что не худо бы для них исторически объяснить план Москвы. Она доложила об этом. Тот час же воротилась и сказала, что великая княгиня назначает четверг, утром в 11 часов для выслушивания моего объяснения. Между тем как Раден ходила к великой княгине, я побеседовал с Штрандман (фрейлина) о девичьем монастыре. Она заметила, что монахини ведут себя неприлично своему сану. Поговорил о причинах этого, о невежестве вообще монашествующих. Причем она заступилась за мужские монастыри. Тот час же я откланялся и отправился домой с крепкой думой о том, как я явлюсь утром в своих старых сапогах и старой амуниции.

14 в среду съездил в город, купил сапоги и перчатки.

15 в четверг явился снова во дворец в 11 часов. Прождал около часу Екатерину Михайловну[28], которая также пожелала меня слушать, объяснила мне Раден. Раден во все это время была ко мне чрезвычайно внимательна. Я дожидался в гостиной великой княгини. Позвали. Принес я свой план Москвы (Топографическое Дело 1843), развернул на столе пред великой княгиней. Она сунула пальцем на Кремль, и я начал рассказывать историю распространения и древнего устройства города.

Вопросы быстро сменялись вопросами, я не успевал отвечать, но отвечал удовлетворительно с необходимыми объяснениями. Екатерина Михайловна также впадала в разговор. Объяснял значение боярства в древней Руси по поводу загородных их домов, несчастные свадьбы царей, разрушенные интригами и т. п.

В час с четвертью дело было кончено, я раскланялся. Вышел я недовольный собою. Многое еще хотелось объяснить и рассказать, да и то, что рассказал без системы [сказать]* как бы желалось. Великая княгиня сбила мою систему, и дело вышло вразброс. С недовольством и в раздумье прожил я до субботы. 17 сентября — день моего рожденья. Сел обедать. Пришел Николай Иванович Давыдов[29], выпили водочки, поели порядком.

* Вставка редактора.

Закурили трубки, все разговаривая о моем посещении Михайловского дворца. После обеда я не способен никуда. Вдруг, говорят, едет ко мне в коляске кто-то. Я спрятался. Дома нет. Оказалось, приезжал делопроизводитель великой княгини и привозил перстень[30]. Это была радость для меня во всех отношениях полная. Он просил приехать за получением в 6 часов вечера и уведомить П. Ив. Иванова. Поехал, привез домой подарок с изумрудом и бриллиантами. Я очень, очень был рад этому подарку. Он дорог для меня во многих отношениях, о которых я и поговорю...

1857 г.

30 декабря. Понедельник. В заседании Исторического Общества 28 числа граф Строганов пригласил меня в этот день, 30 декабря: Поговорить мне нужно с вами. — Приглашение выражено было в весьма вежливых формах. — Когда вы бываете свободны, спросил он. — Как вам угодно, я могу придти по вашему назначению. Я, как купец в лавке, всегда более или менее занят. — По каким дням бываете вы в этой стороне, т. е. подле него. — Я теперь не хожу. — Ну, так в понедельник. — Очень хорошо. Явился утром часу в 11-м. — Где вы, Забелин, служите. Первый вопрос. — В Дворцовой конторе архивариусом — должность не рельефная, но покойная и дает возможность заниматься. — Ведь вы еще преподаете в межевом институте[1]? Государь мне поручил всю археологическую часть, находящуюся в заведывании Перовского[2], при Кабинете. Я хочу составить Комиссию[3]. Вы не откажетесь? — Помилуйте, ваше сиятельство, вы меня осчастливите. — Я думаю пригласить сюда Кене[4] — он, кажется, лучше всех других по западной археологии, Савельева П. С.[5] по нумизматике, русской и восточной археологии и вас по русской. Вы будете получать 1000 рублей в VI классе. Так вы не отказываетесь? Все это велось в формах самых деликатных, благородных, вежливых. — Так как вы уже имеете место, то я вас с него не трону, а вы будете ездить время от времени в Санкт-Петербург на неделю, на две. Зависеть будете только от моего лица.

1858 г.

С 17 на 18 января, с пятницы на субботу заболел сильно и опасно воспалением легких и теперь 10 февраля еще не схожу с постели.

1859 г.

15 января. Четверг. Утром был у меня С. М. Соловьев[1]. — Что нового? — Утвержден новый попечитель — Исаков[2]. Запрещен «Парус»[3] по телеграфу, вчера. — А что письмо Чичерина в 29 № ?[4] — Да вы знаете мое мнение, ответил Соловьев. Я согласен с Чичериным. Я стал оспаривать и прочел письмо Кавелина к Чичерину. На Соловьева произвело это пись-

мо неприятное впечатление. Сильно заспорили. Разгорячились. — Вы хотите изменить теперешний состав лиц, следовательно, говорить с вами нечего. Когда он распрощался и вышел в переднюю, я шел за ним с каким-то странным чувством. Что-то хотелось ему сказать или как будто он отнял от меня что. Я проводил его даже в сени, как бы не желая его отпустить из дому. Он подействовал на меня как-то странно. Мне было очень тяжело.

Вечером был у К. П. Победоносцева[5]. Ему прочел оба письма. Это другой человек, у которого и сердце есть и верный взгляд на дело — взгляд не книжный, а жизненный, из самой действительности. К.П. рассказывал о новом подвиге Погодина с Аксаковым. Аксакова Ивана[6] он любит больше всех на свете. В альманахе «Утро»[7] не пропустили его статью полуполитического содержания. Он ее в «Парус» с условиями: сказать в примечании, что она была в «Утре», но там не прошла и потому является в «Парусе». Аксаков, разумеется, не согласился на такое примечание. Он выключил также некоторые места и послал об этом записку Погодину. Тот долго не отвечал, и N вышел. Тогда озлобление Погодина дошло донельзя. Он в редакцию «Московских ведомостей» к Валентину Коршу[8]. Присылает наиругательнейшее письмо «Парусу» и просит напечатать. Корш едет к Аксакову и через Максимовича[9] как-то улаживает дело. Но письмо все-таки напечатано другое, к Аксакову, также ругательное.

Был еще у Буслаева[10]. Там сочувствие письму Кавелина, т. е. скорее несочувствие Чичерину. Особенно Котляревский[11], который вообще кажется добрым малым, страшно русским человеком. В его разговоре заметна какая-то удаль, маленькое хвастовство, хлестаковство, напоминающее доброго, веселого парня, разгулявшегося, расходившегося.

16 января. Пятница. Вечером был у меня Калачов[12], нынче только приехавшего из Петербурга. Он приехал вербовать старых в свой «Архив» и покончить с четвертою книгою «Архива» прежнего, которая у меня на руках. Рассказывает, что «Парус» не запрещен, что только выговор цензора. Священник Белюстин[13], написавший в заграничной сборнике о сельском духовенстве, сильно было пострадал. Самое меньшее ему назначил Синод ссылку в Соловки. Но, говорят, Фамилия, которой книга очень полюбилась, отстояла или отстаивает. Дело было будто бы так. Погодин привез Толстому[14], обер-прокурору, рукопись этой книги, думая тем ему угодить. Толстой, прочтя, ответил, что ее надо сжечь, и действительно, говорят, сжег, т. е. Погодину не возвратил. Погодин послал черновую в Париж к Трубецкому[15]. Потом она напечатана и неожиданно явилась Синоду. Гвалт. Погодин недавно ездил будто бы в Петербург отстаивать Белюстина. А Белюстин, не знавший ничего, сготовил и еще рукопись о чем-то. Калачов ему объяснил в письме, что не время. Как эта история пошибает письмо Чичерина.

Цензоры утверждаются Драшусов[16] и Наумов[17] — об них только запрос к Закревскому[18]. Что за глупая история с представлением меня в цен-

зоры*. 19 декабря 1858 г. в субботу и понедельник Валентин разговаривая о том, что Ковалевский[13] предлагает Бахметьеву[20] в цензоры на место Крузе[21] Ундольского[22], шутя отнесся ко мне: Иван Егорович, не поедете ли в цензоры. Я говорю, да на полгода разве — больше едва ли просуществую. А цензор ему был очень нужен, ибо от Безсомынина[23] он проку не ждал. Он, любезный Валентин, схватился за эту мысль, как за якорь спасения и стал убеждать меня идти в цензоры. Его поддерживали все. Я упирался — выразившись, что в цензоры, все равно, что в министры финансов назначить меня как-то странно. Так это и осталось. 21 декабря, в понедельник ко мне является столоначальник дворцовой канцелярии Муравьев[24] и говорит, что Бахметьев просит меня к себе в 12 часов. Еду. — Я представил вас в цензоры. Ошеломил. — Я четырех кандидатов представил и вас во-первых. Если не утвердят, я вас вновь представлю на имеющуюся открывшуюся вновь вакансию. — Благодарю. — Заверните ко мне вечером, мне хочется с вами познакомиться. Это три минуты все продолжалось. Я к Валентину. — Батюшка, что вы делаете. — Как что, вы ведь согласились? Да, отказываться нельзя, разве так делают. Валентин объяснил, что Катков представил двух кандидатов, Драшусова и Наумова и так в представлении написали всех вас четверых и меня первым с великолепною аттестациею. Пошло представление, по городу разнесся слух. От Крузе было потом известие, что утвердили Драшусова на место Крузе, Наумова вновь, а меня будто на шестую еще новую вакансию. А Калачов нынче уверяет, что представление в Петербурге было только о двух теперь утверждаемых. Это верно, но без сомнения, переделал Катков К°. 5 февраля в четверг Катков присылает ко мне письмо — что, если я хочу в цензора, то нужно хлопотать и, главное, ехать в Санкт-Петербург немедля, что он дорогу мне очистит, употребит все силы. Отправился за решительным советом к Кетчеру, который решил: «Ехать непременно. Только, брат, готовься на всякие неприятности и ругательства, но делать дело можно. Неприятности со стороны всех противников цензурных тисков. Да, на это смотреть нечего. Крузе, конечно, делал хорошо, но неосмотрительно и опрометчиво. Тебе следует действовать умеренно и осторожно и будет ладно». Вот сущность нашего разговора.

От Кетчера я полетел к Каткову. Решено завтра ехать. Катков убеждал меня, что я именно тот отличный элемент, которого теперь не достает в Цензурном Комитете, что там все люди образованные и хорошие, но не достает в них энергии, характера, которые будто бы я способен туда внести и дать единство целому Комитету. Так, так-так, поехал в контору взять отпуск на 8 дней. Я беру отпуск, а чиновник особых поручений Агеев сует мне мой рапорт о числе сделанных в архиве описей за январь. Трубецкой[25], ишь, наложил резолюцию, благодарит меня за деятельность, да и велел иметь меня в виду при представлении к награде. — Вы имеете Анну? —

* Далее идет пересказ событий.

спросил Агеев. — Нет. — «Так Трубецкой велел вас иметь в виду, ибо и по стату вам следует». Эту любезность я принял за желание поощрить меня остаться на службе, ибо я распустил слух, что хочу выходить.

В пятницу 6 февраля я отправился к Кетчеру и оттуда к Коршу, желая выслушать советы. Между тем, утром я получил несколько рекомендательных писем к Строганову, Делянову[26] и к тому же Извольскому[27], Бахметьев дал к кн. Оболенскому[28] с советом передать как-то княжне, а не самому князю, который будто бы забывчив и т. п. Все это подействовало на меня отвратительно, и я готов был отложить поездку. Никогда и ничего я не искал во всю жизнь, невыносимо тяжело и тошно было место искать, да еще места, к которому чувствовал страшную антипатию. Поехал за советом. Корши гонят. Я обедал у них и сидел как к смерти приговоренный. Так мне было грустно, больно. Точно сделал какое уголовное преступление. Вечером был бенефис Михаила Семеновича[29]. Отправился туда, чтоб повидаться и поспросить советов. Все единогласно гонят меня.

7 февраля, в субботу взял мешок и поехал. Приехал в воскресенье, остановился у Казанской за 80 копеек в день. Прямо к Строганову. Не застал, в час будет. Поскакал к Кавелину. Кетчер гнал меня прежде всех к Кавелину, но мне хотелось начать со Строганова, как от главной точки. Случилось не по-моему. Кавелин прямо против моего цензорства, говорил, я бы ни за что не желал вас видеть в этой пакостной, тошной, трудной должности. Отлегло у меня на сердце. Я решил уже кончить, бывши почти уверен, что Строганов тоже против этого. Поехал к Строганову. Он спешил в университет на акт. Следовательно, пришел я не очень кстати. Но он принял любезно и сам начал о цензорстве. Я, говорит, не постигаю, как вы — цензор. На эти места есть другого сорта люди, которые ищут место. У вас есть занятие, которое вы должны бросить и т. д. Одним словом, я не могу понять, чтобы вы были цензором. Теперь мне некогда, приходите завтра, мы будем говорить о другом. Обедал у Кавелина. В тот же день успел быть у Анненкова[30], Галахова[31]. Галахов заметил, что он в настоящее время не желал бы взять на себя двух обязанностей — цензора и журналиста. На другой день в понедельник граф Строганов объяснил, что Археологическая комиссия утверждена государем, и что он по обещании назначает меня членом. — О цензорстве, конечно, вы перестали уже думать. Когда вы едете? Зайдите ко мне пред отъездом. В тот же день был у Калачова, но не застал. Обедал у Тургенева по приглашению Анненкова. Обед был по случаю Литературного фонда[32], о котором они хотели подавать просьбу. Были на обеде Тургенев, Анненков, Галахов, Кавелин, Гончаров[33], Краевский[34], Егор Ковалевский[35], которого Галахов часто называл вашим превосходительством, Чернышевский[36], Дудьппкин[37], Дружинин[38], Никитенко[39] и я, 12-ый. На другой день был у Попова Александра Николаевича[40]. Обедал у Кавелина с Галаховым и его женою, отсюда заходил к Безобразову[41] В. В середу намеревался отправиться в Михайловскии дворец[42], но такая погода, что весь измок, и следовательно, к даме

явиться было неприлично. Отправился по приглашению Попова к нему в канцелярию Блудова[43]. Представляли Блудову, я благодарил его за награду[44]. Случайно рассказал ему о своем цензорстве. Он то же говорил, что Кавелин и Строганов. В заключение просил, чтоб я присылал ему все, что буду издавать из своих трудов. Проводил любезно. Отсюда к Чернышевскому. Провел у него часа два. Обедал по приглашению еще в понедельник у Краевского, где были Тургенев, Галахов, Дудышкин, Кавелин, Гончаров, Баталин[45], Анненков. Галахов страшно срезал Тургенева, который, разговаривал со мной о давешнем своем обещании издать мой Быт[46]. Галахов весьма резко и может быть кстати хватил, что он де все врет и ничего не исполнит. Слышал ли Галахов в чем дело — не знаю, но Тургенев сильно сконфузился. Обед был отличный и заметно было, что я был первым гостем. Краевский свое дело знает.

В четверг в Москву, куда уже меня сильно потянуло еще с воскресенья. Заезжал к Галахову, закусил у него и отправился. Он был именинник или рождение его что ли было.

5 мая. Вторник. У Пикулина[47] делал обед Крузе — прощальный. Были Кетчер, Корш, Солдатенков, Щепкины Н. и П.[48], Мин[49], Крузе с братом, Вас. Боткин, Жемчужников[50], Павлов Н.Ф.[51], Сатин[52], Бабст[53], Валера Корш, Афанасьев[54]. В. П. Боткин сказал два-три хороших слова, самых теплых и выражавших вполне значение деятельности Крузе. Кто, господа, знает историю Германии или Австрии или другого государства, где бы человек и притом чиновник правительства смел честно [выступать]* против абсолютизма, вот честный протест против того же правительства.

25 ноября. Кавелин говорил, что вы в Санкт-Петербурге сейчас почувствуете себя стертым, каким-то четвертаком, полупомещиком.

Почему развилось самодержавие, единодержавие. Потому что в народе лежат такие элементы. Следовательно народ, народ в том виноват, а не кто другой, не черт, не дьявол.

В Америке не было тех элементов и не создалось, но все-таки единство — и это был счастливый исход колониальной жизни. У нас прежде — родоначальник, сменяющийся хозяином, государем и царем в отвлеченном понятии самодержавной, народной власти. Казаки как управляются?

Факты исторические то же, что факты естества, природы. Они служат материалом для отвлечения. Из них — общие понятия, следовательно, новые факты, только высшего порядка, а, следовательно, и бояться нечего за их великое разнообразие и неисчерпаемую многочисленность. Нам нужно найти в них идею, душу, а все их многообразие есть несущественно. Много зерен гороха, а понятие горох одно. Каждое зерно имеет разницу от другого, но все-таки одну идею гороха.

---

* Вставка редактора.

1860 г.

20 января[1]. Обедал у Дудышкина, который случайно пригласил меня, встретивши у Бестужева[2]. Были Бестужев, Альбертини[3], Котляревский, Кожанчиков[4], Корсаков[5]. Говорил Дудышкин о том, что нужно бы издать мой «Домашний быт» именно теперь. Все это подтверждали и убеждали. Не в первый раз это я слышу уже от многих.

22 января. Обедал с Пыпиным[6] у Чернышевского. Жена его милая особа, вроде цыганки. Недурна собою, и супруги, кажется, до сих пор по уши влюблены друг в друга. После обеда она поила его кофе, перемешанным частыми поцелуями. Села к нему на колени, обняла голову, давала по глотку кофе и по поцелую. Шутя, он жаловался на самодержавную власть и говорил, что мы де положили штрафу полтинник за всякое изъявление самодержавия. Разговаривали о государственности и народности, о принципах соловьевой истории и костомаровских лекциях. Я сказал, что у Костомарова[7] взгляд казацкий. Чернышевский отстаивал казачество как элемент погибший от самодержавия. Меня поразила совершенно легкая почва его суждений об исторических элементах жизни, совершенное нежелание вникнуть в силу развивающих начал, цивилизующих и их различие от простых явлений племенных, природных.

24 января. Воскресенье. Нанял квартиру за 550 руб. в год. Отправился к графу*. Наняли? — Нанял. — Вам деньги нужны? — Да, внести вперед за треть. — Вот вам 200 руб. За январь-февраль. О подъемных ни слова, а у меня язык не поворотился. К вечеру однакож, я успокоился. Написал письмо к своим. Думаю, завтра он все даст, ибо обещал.

25 января. Понедельник. Отправился к графу. [Граф:]** Вы когда будете в Москве? — Да дня через два или три. Да я хотел просить ваше сиятельство, вы изволили в прошедший раз назначить мне подъемные и за теперешнюю поездку. — Как, когда, я не помню. Вот тебе и пилюля. — Ваше сиятельство изволили даже и выразиться, что назначите 300 руб. и за теперешнюю поездку. — Как же я вам из наших дам, как члену Комиссии? Да кажется этого нельзя. Закона нет. Анциферов прибавил: дают ваше сиятельство на подъем, когда перемещают чиновников на места. Граф: нужно справиться. Зайдите же послезавтра утром. Вы знаете, я на казенные деньги скуп. Из каких же денег я вам дам? — Я уж не знаю, ваше сиятельство. Только мне переехать нельзя будет. Раза два еще в разговоре я повторил, что вы де изволили обещать, и на поездку теперешнюю изволили обещать. — Да ведь я вам дал 100 руб. — Я получил, ваше сиятельство. — Вы знаете, где живет Линевич[8]? — Внизу, известно, ваше сиятельство. — Так зайдите утром послезавтра. Я посмотрю, может можно ли будет. Вот пилюля, вот она жизнь-то. Ломался я с ноября, укладывался, убирался. Поскакал, как угорелый в Санкт-Петербург. В Москве отказал-

---

* К С.Г. Строганову.

** Вставка редактора.

ся от места институтского. В Петербурге, как угорелый 10 дней бегал, отыскивая квартиру. Отыскал, дал задатку 20 руб. Нанял в год по контракту. Надо купить дрова, мебели. А тут тебе и говорят, что не помнят, чтоб назначали на подъем, в то время, когда с такою особенною и преособенною любезностью делали предложения, не заикаясь дали 100 руб. на путевые издержки и сказали, изволили сказать: Я вам дам на подъем 300 руб. и на то, что вы приедете. Экой я легкомысленный, доверчивый, чего я бросился. Да и как отказаться? Черт знает, что такое. Вот пилюля. Ни одного порядочного дела со мной не делалось без таких и подобных пилюль. За что все это, в чем я виноват. Сорвут с места, замутят, закружат, да и посадят с отчаяния в какое-то безвыходное состояние. Приходите послезавтра. Да знает ли он в каком я положении остаюсь до послезавтра. Как проведу эти 43 часа. Мне нужно писать и подписать контракт на квартиру, купить дров, хотел завтра мебель покупать. К чему это все, зачем я буду покупать, чтобы после все побросать здесь? Чувствую, что если он скажет мне что-нибудь такое нескладное, я тот час бухну и откажусь. Черт его побери. Найду кусок хлеба.

Ходил по комнате и в мыслях совершенно решился остаться в Москве, т. е. наотрез отказаться от всяких благ будущих. Если он мне не даст всего, что обещал, то откажусь. Непременно откажусь. Разумеется, потеряно оба места.

Первый час дня. Фу ты как тяжело, какая тоска, немочь, чем все это кончится. О, если бы остаться в Москве, хоть без всех обещанных и настоящих мест. Черт и побери. Может будет еще тяжелее добывать кусок хлеба. Да была, не была. Как бы я был рад, чтоб меня оскорбили отказом подъемных.

Целый день до девяти часов просидел и пролежал, ошеломленный графом. В 9 часов пошел от скуки к Соловьеву. Очень был рад. Рассказывал о богатых материалах в Государственном архиве[9], о царе Алексее Михайловиче, характер которого все более и более выясняется так, как и я его понял в статье своей на Бессонова[10]. Разговаривали и о преподавании наследнику. Говорит, что слушатель внимательный, но забегает вопросами. Хочется все знать сейчас же. Нынче был болен. А если вы больны, сказал Соловьев, так я просто поговорю с вами. Обрадовался ужасно. Строганову его положение попечительское тяжело. Гримм[11], читающий всеобщую историю, ему не нравится, но он не может сделать ничего. А ухватки-то у нас, говорит, медвежьи, резкость. Вот факт.

Исаков московский и Пирогов киевский[12] желают растворять двери университетов, чтоб валил туда народ. Зиновьев[13] и Строганов против, причем Строганов заметил, что Пирогов — хирург, что он бы никогда хирурга не сделал попечителем. Исаков правильно выразился о Строганове, что он живет только старым, не замечая, что время идет вперед и что удержать старого уже невозможно.

Соловьеву и Буслаеву по 3000 в год, да на подъем по 500 руб. Соловьев и не знал, что Строганов меня взял лично себе и свое жалование дает, а не на казенное положение меня определил. Вот так штука-то. И Соловьев этого не знал, а я как же мог узнать. Я ему нажаловался. Возвратился домой несколько успокоенный тем, что в Государственном архиве много есть материалов для «Домашнего быта».

27 января. Среда. Что за глупый день. Отправился к Строганову за подъемными. Он мне сказал, что я ведь вам обещал дать из своих, а не из Комиссии. Мы из Комиссии не можем давать. — Ваше сиятельство, дают и из казенных, это зависит от воли начальства. — Когда вы едете? — Мне писали из Москвы, что вы назначались секретарем при наследнике. Вы говорили об этом. — Зачем, батюшка, это было между нами. Я вам говорил не с тем, чтобы вы всем рассказьшали. — Я говорил, что ваше сиятельство желаете пристроить меня при наследнике и особенно при путешествии. — Как это? И кислая рожа. — Я не доволен этим. Взявши деньги, я и начал: ваше сиятельство, я хотел вам объяснить, что мне чрезвычайно тяжело сюда приезжать. — От чего ж? — Я чувствую, ваше сиятельство, что по бойкости здешней жизни, по цене денег я здесь не сумею жить. По-московски, например, 450 руб. — страшная цена, а здесь это нипочем. Если, ваше сиятельство, я не надобен вам особенно, я бы почел себя счастливым, если остался в Москве на тех же первобытных правах, какие вы мне обещали. — Да вы по крайней мере должны же будете сюда ездить. Мне необходимо, чтоб вы были при Комиссии. Кроме того, я хотел вам дать возможность заниматься здесь Румянцевым[14] собранием Публичной библиотеки и пр. — Я же это могу делать во время моих приездов сюда. Мне в Москве все лучше. Мне будет здесь очень тяжело. — Ну, батюшка, я в таком случае не отвечаю за ваши душевные муки. У вас ребенок умрет, вы на меня свалите. Я тут не хочу брать на себя ответа. Я очень понимаю ваше положение. Я сам обжился в Москве и мне тяжело было сюда выезжать.

— Потом, ваше сиятельство, мне очень совестно, что я получаю от вас деньги. — Что же тут, я в средствах, я вам даю. И вы были бы в средствах, и вы бы мне дали. Это долг помогать. Я вам желал помочь. Обязан помочь. Следовательно, тут нечем смущаться. Это дело простое. Вы стало быть, хорошо меня не понимаете. Что же вы в первый раз мне не сказали?

— Простите, ваше сиятельство, увлекся. Простите моему легкомыслию. После этого я сказал: Я уверен, ваше сиятельство, что я не потеряю ваше расположение.

— Мы не расходимся. Вы будете сюда приезжать раза два в год на месяц. Я буду давать вам за это сколько вам будет стоить на вашу поездку, рублей 5 в день что ли.

— Этого много, ваше сиятельство. Я хотел просить в Государственный архив доступ. Я здесь, ваше сиятельство, на песке морском. Я нахожусь, так сказать, в кармане вашего сиятельства. Подо мной все зыбко, не прочно.

— Я понимаю вас, Забелин. Я сам обжился в Москве и мне очень тяжело было выезжать оттуда.

Дело вот в чем. Он в ноябре мне сказал: я дам вам на подъемные 300 руб. и на ваш приезд. Очень любезно обещал, с рукопожатием. Я 25 января запросил этих подъемных. Он затруднился. Я говорю: «вы изволили назначить». Ему нечего делать. Он: я, говорит, на казенные деньги скуп. Вишь, куда метнул. Как будто ни в чем не бывало. Придите, говорит послезавтра. Я позову Линевича и спрошу, можно ли дать. Анцыферов говорит, дают. Линевич сказал, что хотя по чину Забелину и следует выдать 450 руб., но Комиссия не может этого делать. Прихожу я сегодня в среду. Вы, говорит, напрасно говорили, что я обещал вам выдать из Комиссии. Я свои обещал дать. Вы не так поняли. Я говорю, выдать можно, зависит от воли начальства. Я думаю себе, черт тебя побери, да и ты, чай хорошо понимаешь, что мне-то все равно откуда ни получить, а вот тебе-то не хотелось давать, хоть и обещал. — Так, вот возьмите триста рублей. Я взял. Он сказал, что из Москвы ему писали и пр. Я держу деньги, а потом и бухнул: «я и взял-то их содрогнувшись». Говорю и держу их и руках. А кончил все, положил ему на стол. Он: нет, это ваше, возьмите. Куда же мне. Следовательно, главная точка — сии подъемные, в которых он затруднился. Они-то и послужили яблоком раздора. Меня, брат, не обдуешь. А Соловьев был уверен, что я должен казенные получить.

28 января. Четверг. Был, откланивался у графа. Ну, что ж, когда вы едете? — Завтра. — Вы кончили? — Развязался. — Очень жаль. — Простите моей ветренности. — Нет, не ветренность, а все москвичи таковы. — Тяжело поднятья? Теперь все перемены, отчего бы не переменить место, вы бы освежились здесь. Года на два, на три я желал вам сделать полезное. Я нынче говорил с Федором Ивановичем Буслаевым. Тот не верит. Линевич видел. Да, он, чай, изумлен.

28. Четверг. Обед у Галахова. Краевский, Дудышкин, Булич[15], Пыпин, Чернышевский, Кавелин, Соловьев, Буслаев, Анненков. Кавелин раз пять принимался целовать меня. Было оживленно и весело, как и прошлый обед. Смеялись над моим подвигом.

29. Пятница. Был у Соловьева и объяснил ему свой подвиг, что я приехал на болото, могу провалиться[16]. Да, быть в крепости не могу. Он согласен с моими мыслями. Заметил, что Строганов не любит, когда выражают, что на него не надеются.

В Москве почти никто сему не удивлялся, а смеялись.

11 февраля. Четверг. Отрыжка историей. Пришел Мозгов, бывший мой ученик и сказал, что он отправил письмо своего отца в Санкт-Петербург на мое имя с титулом: секретарю и археологу при Попечительстве е.и.в.г.н. Что может быть мерзостнее, точно в нужник упал и вылез весь в говне.

17 февраля. Среда. Приходил вечером Афанасьев совещеваться пойти ли в сотрудники Энциклопедического Лексикона. Я говорю, идти. Меж-

ду прочим, он заметил, что Мордовцев[17] какой-то в «Русском Слове» в статье своей «Обличительная литература XVIII ст.» обокрал его, Афанасьева, т. е. его книгу «Сатирические журналы»[18]. Он жалуется, досадует и сетует, а забыл, что со мною тоже почти сделал в отношении материалов моих, еще рукописных, о колдовстве в старину[19] — напечатал и не упомянул обо мне в то время, как и моя статья об этом же печаталась. Он еще даже поторопился издать. Я тогда был очень обижен. Он, Афанасьев, рассказывал, что, пожалуй, и с его «Сказками» будет то же, т. е. кто-нибудь возьмет, да и напечатает. Я подтвердил, что это весьма может случиться и советывал скорее издавать. Я, впрочем, советывал это сделать еще года полтора тому назад. Вообще Афанасьев любопытен для меня. Когда я обиделся подобным же фактом, сделанным с его стороны, он без сомнения приписывал это моему излишнему самолюбию и не оправдьшал меня как и Дмитрия Щепкина[20], который тоже жаловался. Теперь сам не может перенести точно такого же поступка, но несравненно легче, ибо заимствовал [Мордовцев] из печатного, а у меня взято из рукописи, которая еще не была публично заявлена под моим именем.

Советывал мне продать мой «Домашний быт», говорит, купит Солдатенков, Щепкин. Я говорю, зачем же насильно навязывать — мой товар не ходок, тяжел на ходу[21].

17 марта. Был у А. Т. Тарасенкова[22]. Были Лопатин[23], Ив. В. Павлов[24], Ордынский[25] и др. Павлов рассказал как любят меня воспитанники Межевого института. Уж так любят, так любят. Я ужасно рад. Мальчишечка говорит: так вы, говорит, знакомы с Иваном Егоровичем? Да сказал это с каким благоговением в глазах, что он уж очень вас любит и уважает. Затем Лопатин сказал, что в вас, говорит, какой-то буйный дух есть, где вы, там неприменно и крик, буйные элементы.

Это и однокашник Беляев в Екатеринославской степи говорил в 1861 г.*

1861 г.

18 февраля. Время теперь интересное и надобно записывать. Народ говорит по всем улицам (кучер Кетчера), что позвали царя, видите ли, в Сенат нарочно не в законное время. Константин[1], ловкий парень, сметил в чем дело. Поскакал в Сенат. Застает: царь уже раздетый донага стоит на коленях и просит пощады. Константин размахал всех, порубил и спас царя. Чуден и царь. Что бы ему нам сказать, управьтесь мол с дворянами. Мы повытрясли бы из них кур-то наших, что сбирали-то они с нас.

Другой рассказ моей кухарки. Царская кухня уже приехала. Ждут царя, и гвардия уже пришла в Москву. Царь пойдет в собор, отслужит обедню и станет читать волю. Подле него справа будут стоять дворяне, а слева и около собора гвардия. Чуть дворяне пикнут, их тотчас гвардия начнет стрелять и колоть.

* Запись сделана позднее.

19 февраля. Был у Кетчера. Рассуждали о теперешних делах и направлениях. В Варшаве смута.[2] Кажется, в первый раз газеты предупредили молву, т. е. вовремя напечатали известие об этом. Кетчер страшный консерватор. Он стал на точку благоразумия и с нее все осуждает. Нельзя не соглашаться. Доводы полновесны, но односторонни, именно благоразумны только. Кроме благоразумия есть еще в человеке сила, нравственная сила, которая носит в себе свое благоразумие, свою логику. Он обвиняет студентов, которые все отказались учить в воскресных школах по случаю назначения им в руководители Авилова[3]. Известно, что университетские инспектора частных училищ Лясковский[4] и Давидов[5] постыдно отказывались от надзора за воскресными школами и вместо них назначен был Авилов. Студенты отказались огулом. Да как же иначе. Они хотят быть самостоятельны, по крайней мере независимы в своем деле. Вообще в студентах господствует дух партий. Сильно мнение против Соловьева, Дмитриева[6], Попова[7], отчасти и против Бабста, К Дмитриеву на лекции ходят только трое и то его знакомые. О Попове говорят, что он и сам не знает, что читает. Правда ли это, не знаю, но партия против них сильна. Эта партия провозглашает, что университет сплошная бездарность и потому слушать и учиться нечему. Козлов[8] мне в прошлое воскресенье пренаивно объявил, что в течение своего пребывания в университете он бывал не больше 30 раз, выдержав кандидатом и обязан своим образованием и развитием Свириденко[9]. Тут же он представил результат своего развития — Фейербах принадлежит к материалистам. В свидетельстве Козлова слышан тот же голос, который раздается и в литературе, философии, истории, эстетике. Самая история — вздор, все вздор, кроме нас. Мы отрицаем. Чего ж хотите? Ничего.

5 марта. Только встал, горничная принесла давно ожиданную волю, т. е. манифест, утверждающий свободу крепостных. От души порадовался и умилился было до слез. Матушка в самом деле прослезилась. Нужно было съездить к М. Шеппинг[10] поблагодарить за предложение поместить моих детей в гимназию. Приняла радушно и с видимою радостью, что воля* наконец кончена. Я ей рассказал содержание манифеста, которого она еще не видела. Барон[11] увез его, вероятно для прочтения кому-нибудь из знакомых. Наконец, воротился он и объявил, что он чувствует себя теперь очень хорошо — гора с плеч свалилась. Теперь, говорит, вот беда — финансы наши плохи, по 60 тысяч тратится на один только охотничий выезд, сотни людей расчищают сугробы в лесу и т. п. В то же время сын, молодой Шеппинг прислал записку, в которой отказывался от ее нынешних блинов под тем предлогом, что они живут под Новинским, много народу, вчера был тут, а нынче де, по случаю воли того и гляди бунт будет, так страшно оставить детей, баронесса посмеялась и приписала эти мысли невестке, выгораживая сына, ибо совестно было за него пред мною.

* Барское своеволие.

Поехал было в Кремль, но уже ничего не застал. Все пусто. Еще при выезде из дому встречались на улицах читающие и, вообще, встретил довольно интересующихся, один даже, ехавший на извозчике, читал.

Михаила Семеновича Щепкина не застал. Он играл. Были у него Кетчер, Станкевич[12], Пикулин и другие и разъехались. Кетчер уехал к Солдатенкову. Только что пришел домой, является Бабст и говорит, что они — Чижов[13], Солдатенков и другие решили собраться у Самарина в трактире в 9 часов вечера. Потолковали о том, как плохо написан манифест, какое неумение говорить с народом и т. п.

Обедал дома. Приехали от Щепкина звать обедать. Там Бабст и все братья Щепкины. Ну, разговорились, поздравили друг друга. В обед приехал и Кетчер, сильно взвинченный событием, как всегда с ним бывает. Он объявил тоже, чтобы собраться в 9 часов и при этом заметил Бабсту, что великую глупость сделал, отринув из компании Лобкова[14], ибо, говорит, намерен предложить сбор, подписку, а тут нужно богатых.

Вечер провел дома, а в исходе 9 отправился. Дорога прескверная. Измучился ехавши. Застаю в небольшой комнате толпу, которая потом стала дальше и больше увеличиваться и, наконец, дошла до 32 человек. Грачев[15], Кетчер, М. С. Щепкин, Николай, Петр Щепкины, Ал. Станкевич, Василий и Константин Бодиско[16], братья Корши[17], Н. Ф. Павлов, Дмитриев, Николай Попов[18], Афанасьев, Пикулин, Мин Д. Е., Касаткин[19], Любимов[20], Солдатенков, В. Е. Раев[21], Алексей Иванович Хлудов[22], Назаров[23], Петров, товарищ его т. е. председателя Коммерческого суда, Богданов Алек. Фед.[24], Чижов, Бабст, Оболенский, Юрий Якунчиков, еще какие-то незнакомые.

Пока готовили ужин, шли толки о том, кто что слышал, как принялась воля. Грачев говорит, что всю Москву изъездил, был в Покровском даже по самым трактирам и нигде ничего, ни слуху, ни духу, ни оживления, ни энтузиазма, просто смирно необыкновенно, как ничего не бывало. Рассказывали, что рассуждали два мальчугана. Видел, говорит один, волю видел, вот что прибита к столбу (объявлений). Нет, брат, эта маленькая, а я, брат, видел большую-большую, т. е. самый манисрест.

Сели за стол, первый тост за царя. Ура, ура, ура. Затем, хлопотавший больше всех Назаров, начал речь. Такое хорошее дело, вы все ему сочувствуете, так надо его ознаменовать с нашей стороны каким-либо добром, добрым делом. Из нас всякий имеет дворовых в услугах, своих или наемных. Так цена их выкупа за два года — 60 рублей. То пусть каждый из нас завтра же отпустит или выкупит по одному дворовому. Согласны? Все молчат. Итак, завтра каждый отпустит, выкупит или вообще даст средств к этому непременно. Он так назойливо и нагло наступал с своими предложениями, ходя от конца стола до другого, крича во все горло, что, полагаю, не одного меня, но всех это возмутило. Меня это просто ошеломило. Я чувствовал самое деспотическое насилие, ибо чувствовал всю неспособность, бессредствие исполнить его предложение, не смягченное ни одним

словом в пользу бедняков, т. е. таких же крепостных, которых во имя идеи они должны были освобождать, повергая себя еще в большую кабалу. Ни одного намека о том, что далеко не все из сидящих могли пожертвовать разом 60 рублей. При этом Назаров утверждал также, что за одного мужчину должно выкупить три женщины — они дешевле, т. е. или одного мужчину или три женщины. Это было смешно. Дмитриев, сидевший против меня, заметил мне смеясь, как ценится у нас женщина, даже в таком образованном обществе. Не помню, что и как кричал дальше Назаров. Он закусил удила и орал, и орал, и довел, что лучше де лист бумаги и собрать подписку. Явился лист, Назаров к первому обратился к Солдатенкову, тот отказался сделать почин. Назаров к Хлудову, тот перекрестился и подписал 500 рублей. Бумаге следовало течь по порядку сидевших, но Назаров взял лист и к Солдатенкову, выговаривая приличные речи и Хлудову и Солдатенкову, что они всегда так движутся на благо и добро и что-то в этом роде. Наглость, возможная только в каком-либо губернаторе, произвела свое действие, у многих лица стали вытягиваться, осовываться. Наступил на горло, врасплох, нежданно — вот что выражали эти лица. Я взглянул на Станкевича. Неимоверно страдающее, болезненно-злое лицо, у Бабста, у Дмитриева сконфуженные лица, и у Афанасьева, у Н. Ф. Павлова. Оно понятно. Во первых, мы далеко не все были купцы, а затем, большею частью не были купцы в том смысле, чтоб служить подтиралкой какого-нибудь молодца наезжего. Да и собрались мы наиболее затем, чтоб сообща порадоваться, повеселиться, а не растрясти карман. Не могу сказать, чтоб кому-либо уж очень жаль было денег. Через силу очень никто не подписал. Но главное то, что все это произведено было в возмутительнейшей форме. Нелепость и возмутительность Назарова в том именно заключается, что он наглостью своею, нахальством в самом начале отнял у каждого из нас его добрую волю, инициативу, подчинил все это своей назойливости и произвел грабеж, у каждого отнял кошелек, приставляя ко лбу пистолет, т. е. благое дело для дворовых. Ни у кого язык не мог поворотиться против благого дела, между тем, все чувствовали, что они нравственно изнасилованы. Лица вытянулись, сконфузились. Я ощущал себя откупщиком или купцом, призванным на обед к губернатору Назарову с целью выудить из моего кармана на благое дело. Я ощущал себя совершенным дураком, тупицею, волом, которым распоряжается какой-то погонщик. Мне, наконец, жаль было денег, не тех пяти рублей, что я подписал, а тех пяти рублей, что я записал за ужин. Это было очень высоко против моих средств и совершенно против моих инстинктов. Я — не барин-мот и не купец-кутила, в каждом моем рубле есть моя собственная кровь, каждый рубль — мой палец. Бросать рубли я не в силах, особенно потому, что в этом случае я бросал, как кутила, бессмысленно. Затем, я бросал не только без малейшего удовольствия, но с величайшем оскорблением нравственного моего достоинства, с унижением, без признаков энтузиазма, восторга, какой бы неприменно должен явить-

ся на этом вечере само собою из общей радости и действительного восторга. Весь вечер был стоптан в грязь губернатором Назаровым. Кетчер мне заметил, зачем ты, говорит, заплатил. Тебе не следует. От чего ж, почему это не следует? Это не следует и обнаружило взгляд на меня как на крепостного. Разве это не величавшая крепость — не иметь возможности заплатить за себя и есть на чужой счет. Где ж тут свободное лицо, освобожденная личность? В подобных сборищах у меня всегда ныло и стеснялось болезненно сердце от этой крепостной зависимости, от недостатка средств быть равным с другими. Страдать от того, что это равенство вводит тебя еще в горшую крепость, в горшее порабощение, ибо сравнявшись, т. е. заплативши за ужин 5 рублей, ты думаешь, что несравненно разумнее было бы отдать эти 5 рублей, например, бедной Наталье Петровне, Настасье, Пелагее Васильевне и всем другим беднякам, какими я окружен. Мысль, что так дорого для тебя стоит хорошее умное общество, за беседу с которым ты должен платить не по средствам —эта мысль возмущает все твои инстинкты, все стремления, ставит тебя в разряд аристократов-кутил, к которым питаешь полную ненависть, а в то же время сам и приносишь жертвы и дани.

Все мы с демократическими направлениями, все мы страшные демократы, а на деле — те же помещики, те же баре и барченки, бросающие деньги, цены которым не знаем, т. е. знаем, но как мот сорим ими, чтоб после пресмыкаться за эти же рубли перед заимодавцами или дрожать за кусок хлеба пред службою, начальством, редактором и всяким сильным почему-либо лицом.

В Соборное Воскресенье обедал у М. С. Щепкина. Сплетни уж разнеслись как следует.

На другой день был у меня урок у Станкевича. Я пришел и застал их всех: 2 Бодиско, Станкевича и Е. К.[25] в оживленном разговоре о вчерашнем вечере. Я говорю: да, вечер был прекурьезный, пресмешной. Мне отвечают: нет этого мало, он возмутительный. Перетолковали. Меня ж обвинили, почему я не говорил, зачем я уклончив, смолчал. Кетчеру первому следовало протестовать. Мы представили оппозицию и поругали Назарова за его нелепости. Сплетня пошла.

В Соборное Воскресенье — обед у М.С. Щепкина. Случайно я сел рядом со Станкевичем, а за ним — Дмитриев. Кетчер назвал нас «три печали». После заведен был спор. Бабст обругал свиньями нас в споре со мною. Очень решительный тон он принял особенно тогда, когда увидал себе поддержку в Ровинском[26], который также говорил против меня, мотивируя одним, что иначе делать нельзя, т. е. нельзя иначе действовать как действовал Назаров. Со стадом — так, но с развитыми сколько-нибудь людьми — не так. Дальше Бабст очень крупно поговорил со Станкевичем, сказавши ему, между прочим, что он все собирался и нечего не сделал, да и ничего не делает. Кетчер распек Дмитриева. Рассказывали мне после, что Станкевич написал Бабсту резкое письмо с вызовом объясниться, что

Бабст принял, что это вызов на дуэль, что собрались у Бабста с секундантами Кетчером и Дмитриевым. Разошлись навек.

Любопытно, что на обеде еще многие замечали, что так Назарову нужно было действовать потому, что необходимо было ловить минуту — Солдатенков был в добром расположении. Нужно было действовать по горячему следу. Что за чепуха. Пошли сплетни, и вышла предряная история, характеризующая нас всех.

В первые день Светлого праздника, бывши у Николая*, я было совсем поссорился. Петр[27] стал говорить, что я изменился, перешел на сторону аристократов и т. д. Следовательно, стал подлецом, мерзавцем, ответил и договорил я. Как хотите, а я останусь при своем.

С 19 декабря 1860 по 5 мая 1861 по понедельникам и четвергам преподавал русскую историю Елене Константиновне и Д. Сделали мою карточку в понедельник на Страстной, апреля 14. Вообще по-видимому, моими уроками остались довольны. Но я всегда был страшно недоволен, ибо редко удавалось мне войти в себя, увлечься рассказом. Путался, конфузился, и особенно последняя беседа была плоха, а слушала вдобавок М. Ф. К.

9 мая. Вторник. У Николая на именинах. Как хотелось мне изъяснить, что все похвалы моим беседам есть только снисходительность и особое внимание. Не пришлось.

Рассуждали о манифестации казанских студентов, служивших с Щаповым[28] панихиду за убиенных крестьян в Казанской губернии[29]. Бабст, важно и Кетчер, разумеется, против манифестации. Я говорю, что если допускать манифестации, то допускать все, всякого рода, а то будет непоследовательно. Матвей Иванович Муравьев[30], декабрист, согласен со мной, и мы пожали друг другу руку. Все-таки 70 человек убито, за что, про что, разве это не возмутительно? Каждое сердце содрогнется. Говорят, такая манифестация поведет к худшему. Да что же можно ожидать от тупого правительства. В пользу его манифестации — дозволяется, против его глупых действий — не дозволяются. Что это такое, с ума сойдешь! Вот и оказывается, что в декабристе свобода живее сознавалась. Кетчер и Бабст молчали. Вообще, Кетчер избегает, кажется, со мной разговора живого и спорного. На полпути встретились — и вот поднимаются с глубины звуки, мотивы, которым не было случая выразиться, заявить себя, которые были схоронены без отзыва, но они живы. Ничто их не заглушило. При новой встрече я все тот же и с того же начну разговор. Я вошел на вершину пути и теперь мне идти назад уже, а не вперед. Я должен осмотреться и с большею заботливостью дорожить светлым лучом, который светил во тьме среди этой жизненной дороги. Матвей Иванович сберег этот луч. Покойный Иван Дмитриевич[31] тоже, такого же закала был, хоть иногда и благоразумничал, поддаваясь, кажется, влиянию здешних. Мы остаемся потому теми же, что дорожим, очень дорожим светлым лучом, зная, что впереди

---

* У Н. Х. Кетчера.

он все меньше и меньше будет озарять нас, а главное, как не дорожить, когда вся жизнь прошла без светлых лучей, в каком-то мерцании и никогда не загоралась этим живым светом. Кому идти вперед, тот имеет право пренебрегать, ибо впереди ждет много, по крайне, много надежды, стремлений, свежих сил, всегда забывчивых и равнодушных к настоящему благу. Там, там цели. У нас не то, во многие цели мы не попали и осталась одна — охранить и сохранить светлый луч.

11 мая. Четверг. Вечером был у Буслаева. Были Тихонравов[32], Иван Некрасов[33], еще незнакомые. Разговор шел об университетах. В Петербурге уже перестают говорить о их растлении и переходят опять на крестьянский вопрос, заметил Буслаев. Он также сказал, что следует все закрыть. Через 25 лет будут настоящие. Как? Пусть профессор читает, и свободно к нему идут кто хочет и желает. Нужно возвращаться в этом деле к Парижу X века. Свободное чтение и свободное слушание. Говоря вообще о восстановлении университетов, один господин предлагал, что профессор неприменно должен иметь магистерский диплом. Буслаев ответил, что это уже не ведет ни к чему. Я сказал, что на этом коньке уже ехали. Да вот г. Забелин, вставляет Буслаев, он ни диплома не имеет, ни в одном университете никогда не был, а два университета, Петербургский и Московский его желали избрать, и ему только стоило дать согласие, тот час же будет читать. Он уже прежде знакомил меня с этим господином, тоже сказал, что вот, г. Забелин, два университета его желают иметь, Санкт-Петербургский и Московский, и, обращаясь ко мне: да, знаю, знаю, вас и в Петербурге хотели.

Далее рассуждали о том, что для профессора нужно. Буслаев требует самостоятельного труда, сочинений, чтобы публика знала. Я, говорит, пойду против Герье[34], не против него, а против всех. Может быть, из него через пять лет отличный профессор выйдет, а выбрав теперь, мы его сгубим. Пусть каждый выдержит на магистра, напишет отличную диссертацию. Он должен только иметь право на поездку за границу на три года для приготовления в профессора. А главное, чтобы он заявил себя публике статьями, сочинениями. Конечно, может случиться, что факультет выберет за ученость, за лекцию, которую вы прочтете, а из студентов через пять лекций никто ходить не будет. Что ж нам делать? Я говорю, следовательно, нужно еще что-то от профессора кроме учености. Факультет прав, если выберет за ученость, правы и студенты, если не хотят. Нужен преподаватель — вот что не менее важно. Ну, говорят, у вас из 100 человек 20 будет слушать. О моей профессуре идут давно толки, прошлый год, еще в апреле Тихонравов спрашивал меня, возьмусь ли я. Я сказал, что просить не буду, а предложат — не откажусь. Просить, искать, вы знаете, мне не следует. Еще прежде, когда я было уезжал в Петербург, Дмитриев мне тоже говорил, что вот жаль, что вы уезжаете, а мы хотели вас в университет. Даже покойный Грановский однажды сказал, что как бы присоединить меня к университету. А нынешнею зимою из социалистов Козлов,

сказал мне, что вот бы кого следовало вместо Попова — Бестужева, Иловайского[35] и вас. Е. Станкевич слышанное, вероятно, говорила, что вот было бы хорошо, если бы вы были профессором. Это вас поддержало бы и укрепило, дало бы вам нравственную опору. В другой раз, кажется в четверг на Фоминой она сказала, что один очень умный человек говорит, что, если бы не материальный мой гнет, то из меня бы вышел замечательный писатель, т. е. если б не бедность, которая загородила мне много дорог. Да, моя жизнь — есть недоговоренное слово, недопетое чувство, везде и всегда я так и остаюсь с желанием сказать многое и хорошее, но везде и всегда мысль и чувство вместо того, чтобы выразиться полно, уходят вглубь, на дно и часто я остаюсь даже не в том свете, какой имею, совсем иначе толкуемый и понимаемый.

13 мая. Суббота. Вчера получил предписание ехать в Санкт-Петербург. В воскресенье прибыл. Явился к графу. Мне помнится, говорит, что я вам говорил, чтоб вы приехали. Нет, а то бы я приехал еще в апреле. Сидел с час и говорили о возмущениях крестьян, о Щапове и т. д. Я говорю, что письма я не могу писать, чувствую себя слабым и несостоятельным.[36] Да, говорит, вот вы теперь проедетесь и напишете как народ понимает.

13 мая. Суббота.* Поехал в Петербург по предписанию. 14 мая приехал. Тотчас к Строганову. Посадил. Велико расположение, да толку в нем нет. Мне помнится, говорит, я вам сказал, чтобы вы приехали. Нет, вы не говорили, а то бы я приехал еще в апреле. Благодарил за письма. Все говорит слишком обще, мало фактов. Отвечаю, я бессилен и сам ничего не знаю. Одобрил мой план. Я говорю, путался между двумя мыслями — преследовать журнальные статьи, но это мне казалось будет журналистика, случайность. Я остановился на основах, теперь не могу продолжить, бессилен. Разговор пошел о теперешних крестьянских делах. Я обвинил чиновников и невежество. Рассказывал, что Щапов в допросах объяснил, что он написал и прочел речь в церкви на панихиде както вдруг, по какому-то бессознательному**. Но обвинял только во всем невежество и молился за убитых, как за жертвы невежества. «Вы теперь против власти. Но без власти быть нельзя. Вы не понимаете, что вы сами власть. Становитесь властью со дня «Положения». Когда сделаетесь и вы властью, и против вас также будут восставать. Все равно — без власти нельзя. Ваше дело понять теперь свои права, свою власть.» Но, говорит, тут народу не было, были одни студенты. Я прочел, написал в минуту карандашом по увлечению.

У Кавелина отчасти тоже рассказывали и, между прочим, что его освободили и определили в Министерство внутренних дел. Я, между прочим, заспорил, что одно пока зло — чиновничество, что нужно местный

* Идет повтор записи событий.

** Предложение не окончено, возможно, «чувству».

элемент поднять. Строганов сам говорил, что нужно дать самостоятельность провинциализму. Я прибавил, что у нас не разделено государственное от моего, от личного, местного.

Обедал у Кавелина. Были Николай Тютчев[37], Городков[38] и еще какие-то, моряк Попов. Кавелин читал речь о дворянстве. В общем тоне она совершенно сходна с понятиями Строганова и ему должна понравиться. Понятие местного элемента у Строганова с аристократической точки, у Кавелина — с конституционной и, пожалуй, демократической, — сходно.

Утром, был у Вольского[39]. Соображаю теперь: что за элементы в моей душе в последние два-три месяца. С одной стороны, мученье, сомненье о письмах своих, куда и на что они годны. Затем ожидание командировки предполагавшейся. И тут же прошел как-то скорбно-мило унылый мой любимый мотив души. Сердце ноет уже давно. Все шатко и валко, все колеблется и никакой прочности. Грусть и грусть щемит сердце, буквально щемит. Поездки больны, как раны. Служба — совершенная рана, и кажется, кончу тем, что разорву со всеми этими обманами.

15 мая. Понедельник. Был на выставке в Академии художеств картин и редкостей. Два ковчега XII века византийской финифти, тарелка русская, тарелка западная XV или XVI в. Ваза финифтяная китайская из собрания Марии Николаевны[40]. Меч Бориса Михайловича Шеина[41] [из собрания]* Константина Николаевича.

Попался Платон Васильевич Павлов[42], который проводил меня почти до Исакия. Говорил о преследованиях правительства на его особу. Звали в Харьков, в Казань, да здесь в Петербурге лучшее, сохраннее, здесь хоть нельзя так вдруг схватить, а там возьмут и ушлют. Вот, например, Щапов. Вообще на эту тему он давно уже ноет и даже бьет на нее, желая представить из себя мученика за либерализм. Он прямо и сказал, что он жертва, такая же как Пирогов. Что он и Пирогов — *все одно,* ибо за одно пострадали, разница в величине, одна значит 5, другая 2, и т. д., а все одно. Два стана — правительство и оппозиция. Они из оппозиции, и потому жертвы.

Вообще, он старался в разговоре со мною выставить себя в свете пропагандира свободы и прогресса. Это так, наговорить о себе — большое самолюбие.

Вечером был у Галахова. Рассказывал, что в одной деревне староста раздал «Положение» по два листа на двор и сказал, что на два двора не достало. В другом: Читали вам «Положение» (управляющий и староста)? — Слышали, да читали-то они через лист, все перевертывали, надо прочесть все. Действительно, управляющий заметил, что он, читая ссылку на какую-либо дальнейшую статью, перевертывал несколько листов, и это, может быть, показалось, что не все читали.

Во всем высказывается недоверие к правительству и вера в одного царя.

---

* Вставка редактора.

Много прекрасных лиц, даже несравненно прекраснее находим, но отчего же нет в них того, что особенно влечет к любимому прекрасному. Какая сила в этом. Что именно тянет, манит, влечет. К чему прирастает сердце, какой физиологический процесс, что это нечто больше всего нравится и трогает. Самолюбие играет, конечно, главенствующую роль, но как оно переходит в любовь к другому с полным отвержением себя. Какие найти основные [порывы]* в сочувствии и вообще в любви.

Любить можно и не живя вместе. Область вашей любви есть особый мир, храм, в котором все предметы священны, лишь бы они заняли там место. Мы любим, например, Гарибальди и т. п. героев за то, что они любят нас. Идут за нас, за наши священнейшие предметы, идеи, чувства. Будто для любви к Гарибальди непременно нужно быть с ним знакомым или другом его, или жить с ним.

Как вчера все эти мысли были хороши и свежи и как нынче вялы и сонны. Сон имеет силу разлагающую, утешающую чувства и страсти. Пропадает, теряет свое жало грусть, когда поспишь, забудешься.**

Об исследовании курганов в применении к человеку. Курган, хотя и дело рук, но все-таки он природа, ибо обстановка его — природа. Среди степи высится Исакий. Он внушает какое-то благоговение, как всякая масса, ибо пред массой человек преклоняется. Она вызывает слезы умиления. Щепкин плакал от «баранов»[43]. Это дело рук и потому в нем, в кургане есть уже что-то думающее, мыслящее. Вдобавок это...***

Могила — думы, благоговение еще большее. Каждая могила вызывает со дна души эстетическое, если чувство свежо и не затерто днем. Памятники интересны только потому, что в них есть человек. Каждый камень — допотопная древность, но здесь нет человека, и он теряет для нас всякий смысл. Тот же камень, обтесанный грубо, найденный среди пустыни, — есть памятник. Памятник человека, человеческой мысли, чувства. Он пробуждает любовь в другой форме. Где не было человека, там нет наших симпатий, нет любви, согревающей каждый камень. Он для нас бессмыслен. Но есть непосредственная природа, которая также является думающей, мыслящей. Даже самая пустынная, молчащая степь думает. Сфинкс думает. Но вода, море, река — это нечто живое, нечто личное, в которое мы готовы влюбиться. Но лес — разве это не существо живое, думающее. Оттого я готов просидеть в лесу, на реке целый день, беседовать, думать вместе. Оттого мы так любим природу, хороший ландшафт. В нем есть мысль, есть чувство.****

Да, природа — друг неизменный, прощающий вам все, забывающий ваше отступничество. Всегда любящий, всегда свежий. Это не человек,

* Вставка редактора.

** На полях: «16 мая. Шуточный тон необходим, ибо найдутся зоилы, которые увидят карикатуру здесь».

*** Предложение не окончено.

**** На полях: «На лицах редко встречаемся с думой, мыслью».

который вертясь с колесом жизни, изменчив, предатель. Коварный друг, на которого трудно и положиться. Нет, природа, как мать любящая, всегда принимает нас с распростертыми объятиями. Мы всегда в ней найдем именно то, что редко находим в людях — найдем самую искреннюю, чистосердечную любовь, любовь матери, в которой соединены дружба и любовь собственно, страстная, без ядовитого тока — любви, загорающейся из связи полов, из половых побуждений и стремлений.

Итак, курган есть тайна-могила. Каждая могила есть тайна, она тем и интересует. И она даже внешне это выражает. Сердце есть еще большая тайна. А сердце навсегда замолкшее, разве это не грустная тайна. При взгляде на могилу, мы прячем в нее сами все тайны своего сердца, и чем больше у нас таких тайн, тем более интересу мы находим в могиле. Вот прекрасный образ того чувства, которое возбуждается каждою могилою и которое пережил каждый из нас.

Разве сердце — не тот же курган. Не та же могила. Малоросс скоро почувствовал родственную связь своего сердца с могилою. Он воспел ее в песнях (примеры). Он олицетворил ее. «Ой, у поли могила с ветром говорила». Будто это могила в самом деле. Это пустынное сердце, говорящее с ветром.

Сердце есть могила. Сколько мы хороним там лучшего в нашей жизни. Припомни каждый из нас, сколько он похоронил в этой могиле и высоких движений, страданий, радостей, ненавистей, любви — всего, чем собственно и дорога вся наша жизнь. Мысли мои трогаются. Я уже вижу себя живым курганом, в котором будущий, новый гробокопатель может быть и откроет много редкого, уже перетлевшего, но хотя на минуту, при открытии, еще напоминающего прекрасные линии и образы, которыми были украшены покойничьи чувства. От влияния воздуха все это тотчас же гибнет, пропадает. Но впечатление остается. Больше и не нужно. Пусть умершее прекрасное улетучится в прекрасное живое.

16 мая. Вторник. Заходил к Кавелину, чтобы взять написанную им статью о дворянстве. Была дома только Антонина Федоровна[44] и Драгомиров[45]. Женщина натянутая и до смешного играющая роль. Самолюбие самое болезненное и заносчивое.

Вечером с Вольским распили две бутылки бургунчику, часов восемь просидели. Рассказывал свою песнь, как был он Иосифом Прекрасным, и все из деликатного чувства «береги женщину», как заповедала ему мать. Вышел однако ж с честью и достоинством из всех соблазнов и обольщений, а любил. Факт любопытный. Мотив можно взять — эстетическое чувство в борьбе с обольщениями и с положениями жизни, потом сознание своей ничтожности, своей малости. Любить, нельзя не любить, но дальше идти было также невозможно во имя той же любви. Чувство благородное, возвышенное не пускало вдаль.

Сначала мать указала на головку-портрет. Он любовался. Матери лестно. Она рекомендовала. Приехал в Москву — не приняли. Забрало само-

любие ничтожества демократизма. Год прошел. Сошлись в деревне. Аллеи. Все знали. Вдова — чего лучше. Переписка.

Таким же дураком я и на службе себя вел, и всюду, таким же Иосифом, много потерь, но остался спокоен. Тоже чувство не дозволяет. Чувство эстетического такта, музыка, которую боишься остановить фальшивою или дикою нотою, гармония души и сердца, которая заставляет едва дух переводить в благоговении перед нею. И все это схоронено с болью. Не выходи тогда на шумный пир друзей. А как засмеют.

17 мая. Среда. Получил командировку и откланялся. О письмах решено, что погожу писать. Если, говорит*, найдете что-либо против правительства, то пишите откровенно, не церемонясь. Я говорю, да это очень важно, ибо снизу мы видим лучше.

19 мая. Пятница. В Москве.

21 мая. Воскресенье. С утра меня что-то тянуло в Кунцево. Звали к Щепкину обедать, но не пошел и удрал в Кунцево. За заставой сел на деревянную клячу-тележку со старичком. Попался Солдатенков, ехавший на паре отличных вороных. Встреча миллиона с копейкой.

У Буслаева был и очень доволен его повествованием. Он огорчен. И на Строганова, и на царя, и на наследника. Разъяснил мне политику Строганова[46]. Иезуитская. В том смысле, что он приносит нас, его орудия, в жертву для своего эгоизма. Вот, говорит, при моем еще отъезде он, Строганов, предложил писать к наследнику письма мне и вам, т. е. собственное мнение о разных вопросах. Чего лучше. Мысль славная. Наследник мог работать над нашими письмами. Но вот уже полгода — нет и слуху об этом предложении мне, а не только уже вам. А все было слажено. Буслаев сказал Строганову, между прочим, что как хорошо для наследника будет и то, что может быть он в письмах ощутит два направления: мое и Забелина, следовательно, это заставит самостоятельно глядеть на предмет. Строганов улыбнулся, дескать, нам не нужны ваши направления.

Метода Строганова состоит в следующем. Он миллионер. Поступает и все дела ведет честно. Поручает вам и убежден, что и вы также честно будете вести дело, ибо для вас ничего не нужно. Ваше положение не изменяется как и его. Он остается при том же миллионе, а вы при своей тысяче. Он считает это равнозначительным и равным вполне. Он не хочет знать, что вся эта передряга стоит для вас очень дорого во всех отношениях, и со стороны денег, и со стороны беспокойств.

Я спросил Буслаева, неужели он ничего не получил. — Ничего. — Мне, — говорит, — совестно отвечать спрашивающим. Я говорю, что вероятно, пенсию назначат. — Да. А между тем, кажется, ничего. Они вообще убеждены, что осчастливили, если пожали вашу руку или посадили вас рядом, а тем более, если сделали вас учителем своего сына.

---

* С.Г. Строганов.

Строганов вообще очень повредил себе у наследника, особенно по поводу философии, заставляя его школить логические формы — скучные и без того и вовсе неинтересные в лета наследника.

Строганов хлопочет, хлопочет, устраивает, воспитывает и т. д., а смотрите, у Елены Павловны[47] каковы девочки. Все тяжелые заботы, наука преподавания, и все может порешиться в одну ночь, а тем более, что Елена Павловна не любит Строганова.

— Неужели вы так ничего и не получили? — Ничего. Я рад радехонек, что вышел, кончил с честью. До последней минуты я не выходил из-под начальства Строганова. Наследник сказал мне, чтоб пред отъездом я побывал у него. Я доложил об этом его сиятельству. В тот день обедал у него и доложил, что теперь еду к наследнику. Слава Богу, что кончил, как следовало ушел с достоинством. Я рад, что ушел счастливо, счастливо ушел.

Вообще я был очень доволен рассказом Буслаева и совершенно успокоился. Ожидать нечего, надеяться нечего. Только одно беспокойство.

29 августа. Вторник. Явился к Строганову. — Здравствуйте. — Как вы приехали, благополучно возвратились. — Я приехал дня три. — Что открыли? — Ничего особенного. — Когда вы возвратились? — Дня три. — Я очень жалею. Если б я знал, что вы здесь, то не назначил бы Снегирева показывать наследнику Успенский собор. Это мне не приятно и Сергею Михайловичу Соловьеву неприятно. — Очень жалко. — Зайдите еще ко мне.

3 сентября. В воскресенье был еще. Любезен. Говорили кой о чем. Был еще Родзевич[48], который изъяснил ему, что слух приписьшает ему наложение платы на студентов. Он отрекся. Я, говорит, еще уменьшил, Министр назначил было 100 рублей. Но это мера временная, чтоб выжить шваль из аудиторий. Хороша мера! Я не дорожу говорит, общественным мнением худых людей. Я дорожу мнением хороших людей, а худые пусть говорят, что хотят.

1 октября. Воскресенье. Был у Кетчера. Разговор зашел о волнениях студентов. Начал Игнатьев[49]. Кетчер разошелся и начал нас отделывать. Мне досталось порядком. Ты, говорит, лезешь в большие. Что за иероглифы, сфинксова загадка. Говорить нельзя. Хорош был и Федя Корш[50]. Говорит, шваль всякая шумит, мешает учиться, занимается политикой, а наука без движенья. Я говорю, студент должен быть студентом.

4 октября. Среда. Память о Грановском. Вчера я сказал Грачеву, чтоб заходил ко мне утром вместе идти по обыкновению на кладбище[55]. Часов в 10 приходили Грачев и Касаткин. В мещанской части, говорят, стоят жандармы, готовые куда-то выходить. Я говорю, может быть куда на богатые похороны. Вообще я плохо верил, что соберется на кладбище военная сила по поводу разнесшихся слухов, что туда придут студенты говорить речи. В то время, как мы вели разговор в нашем уютном доме о том, как помогли нам с Грачевым в развитии разные демонстрации и политическая жизнь, которую мы вели года два-три в этом заведении — вдруг

влетает Кетчер с встревоженным лицом, с каким-то испугом и говорит второпях, что жандармы, солдаты в части собрались. Не может быть, говорим, это смех. Вы, господа, говорит, смейтесь со студентами, да держите на привязи язык Пикулина. Пойдемте, пора. Взял с собой Грачева, мы сели с Касаткиным. Приезжаем. Все обыкновенно, народу очень мало, человек 5—6 студентов. Где ж народ, против которого собрано войско, вопрошал я. Говорят, что студенты теперь не придут, а придут в 4 часа. Впрочем, и войска еще не было. Стали съезжаться профессора. Потолковали кой о чем. Покурили. Приближалось время, когда поп приходит петь на могиле литию. Нечаянно глянул я на шоссе — вижу, действительно, толпы и весьма значительные, студентов — идут! Пришел и поп, отслужил литию, пропел великую память.* Все стали на своих местах, в ограде. Не прошло и 10 минут, как повалили в ограду студенты. Вперед они внесли корзинку, весьма красивую, цветов. Разбросали по могиле кругом памятника. Видимо, между ними были распорядители, которые, наконец, остановили вход в ограду. Но зато, желавшие попасть на могилу, начали перелезать чрез ограду. А на ограде повис народ — мужики, мальчишки — смотрят. Народ, само собою, разумеется пришел за войском, не было бы этого действия полиции, никому и в голову не пришло бы зевать, кроме ближайших огородников и кладбищенских жителей. Войска привлекли любопытных. Я забыл сказать, что еще прежде, когда мало еще съехалось даже и профессуры, приехал Сеченский[52] и еще человек пять полицмейстеров что-ли, или частных, в белых касках, вырос и квартальный. Войдя в ограду, на могилу, Сеченский держал речь, что он явился сюда по приказанию Павла Алексеевича Тучкова[53], посмотреть, что будет, что Тучкову не угодно, чтоб здесь говорились речи, что, впрочем, он, Сеченский, так распорядился, чтоб не опаганить или что-то в этом роде, могилу Грановского присутствием полиции. В толпе студентов, стоявшей у памятника, наконец, кто-то стал читать. Содержание читаемого, сколько я расслышал, стоявши тут же, заключалось в похвале Грановскому, в воспоминаниях о его высоконравственном влиянии на молодежь. Чему был приведен и пример: как одного чиновника из студентов сберегла от падения, т. е. взяточничества одна только память о Грановском, память о его нравственном значении, т. е. вообще показано, как добрые его начала даже до сих пор действуют на душу молодежи. Мы собрались сюда не случайно, господа, не раз было повторено, мы собрались сюда воздать, принести на эту могилу наше чувство глубокого уважения, признательной памяти. Ни слова, ни намека не было сказано о текущих событиях и отношениях к университету. Чтец замолчал, толпа стояла по-прежнему — все без шапок, мы только были в шапках и позволяли себе курить, хохотать, чего студенты не делали. На некоторых лицах во время чтений действительно выражались те

---

* На полях: «Во время литии я видел Бабста, растроганного почти со слезами на глазах».

чувства, которые заявлялись. Навертывались даже у иных слезы. На скамейке за памятником стояла Александра Владимировна Щепкина[54] и слушала чтение, оставалось в ограде и еще несколько дам, которые потом вышли. Толпа стояла. Я спросил одного студента: будут еще читать? Говорит: не знаю. Я вышел из ограды покурить. Является какой-то пьяный господин вроде отставных поручиков, назвавший себя, впрочем, также студентом и начинает спич. Вы, господа, собрались на могилу великого мужа, который знаменит был своим либеральным направлением. Либеральные идеи приносят плоды, все больше и больше распространяются. Многие было двинулись к нему, но сейчас же убедились, что это пьяное слово. Студенты сейчас закричали: господа, отойдите, не слушайте. Многие шикнули и заметили оратору — что вас де ошикали, следовательно, должно замолчать. Наконец, Кетчер взял его под руку и отвел. Весьма немудрено, что это был подставной огонь для скоропаления и воспаления толпы — говорить речи. Толпа устояла от соблазна.

Студенты дожидались попа, который явился с причтом и отслужил панихиду. После панихиды началось новое чтение. Не прошло 10 минут, явился обер-полицмейстер Крейц[55]. Засуетился квартальный, подбежал к Сеченскому, чтоб дать ему знать, что начальство приехало. Что-то они поговорили как бы наухо, про себя. Затем Крейц пошел к могиле. Только он вступил в ограду, раздались сплошные крики: не мешайте, не мешайте. Крики продолжались до тех пор, как он воротился сказав: читайте. Он стал на другой высокое могиле, воткнул в глаз лорнетку и наблюдал с каким-то нахальным выражением лица, полуулыбаясь.

Я не слыхал, что читали. Иногда долетали фразы, на которые особенно ударял чтец. Мы сюда пришли вздохнуть свободно, в то время как правительство нас теснит. Вообще, жалоба на положение вещей университетских, на то, что даже адрес они не могут составить, ибо нашлись люди апатичные, не сочувствующее, жалоба на профессуру, которая отошла, отворотилась от них. Я стоял за решеткой и почти ничего не слыхал, особенно, когда общее внимание обратил на себя обер-полицмейстер. Кончили. Господа, домой, и вместе все — раздалось несколько голосов среди толпы. Толпа стала выходить из-за решетка. Каждый отрывал себе на память ветку или листок цветка. Пикулин снес цветы, привезенные им на возу, все погибли, были разорваны, и воз, кажется, поехал пустой. Все спокойно прошли мимо Крейца, стоявшего на прежнем месте, т. е. на возвышенной могиле с своими архангелами, Сеченским и другими. Он в свою лорнетку пристально всматривался в лица и костюмы проходивших. А костюмы, действительно, были разнообразны. Старая венгерка и шапка на четыре угла с черным ополом и белым верхом, шинель и казацкая черная, барашковая шапка с красным вершком, армянская шапка и белая рубашка, сшитая красною бумагою или шнурками, разнообразные пальто, иногда подпоясанные ремнем, конфедератки — вообще, разнообра-

зие.* Пошли и мы. Сейчас же заблестели перед нами каски и ружья солдат, стоявших у забора подле флигеля, что у ворот кладбища. Вышли за ворота — стоят жандармы рядом 12 человек и 3 казака, к воротам ближе — человека 4 или пять офицеров, жандармский, наяривающий свою лошадь и прочие пешие в белых касках. Студенты толпою остановились при выходе на шоссе поджидать всех своих товарищей. Один тщедушный студентик испугался, должно быть, стал спрашивать Кетчера: зачем остановились студенты? Дождавшись всех, толпа двинулась и спокойно пошла в город. Мы за нею. Полиция догнала нас на повороте в Мещанскую и разъехалась по этим улицам. Крейц по Салтыковскому, Сеченский — по 2-й, кто-то — по 3-й Мещанской и т.д. Ибо толпа шла по Первой. Большею частью студенты шли по тротуару. Небольшая толпа только посреди улицы, и то, которые впереди, шли густо.

Мы по обычаю отправились к Кетчеру. Я завернул на минуту домой, где была уже весть о том, что происходило. Александра Александровна, престарелая дева, случайно попала на кладбище и наткнулась на толпу студентов и войско. Пришла в ужас, прибежала встревоженная, бледная и рассказала, что студентов тысячу человек в разных страшных костюмах с огромными палками, дубинками в руках, других ведут под руки, так они пьяны. Вот как составляются рассказы и свидетельства о событиях. Она испугалась и в страхе ей все привиделось. Солдаты, говорит, с ружьями наголо, блистают, свергают.[56]

У Кетчера собрались профессора Соловьев, Чичерин, Дмитриев, братья Рачинские[57], Мюльгаузен[58], Никольский[59], Тихонравов, Любимов, Ешевский[60], Бабст, Попов и также Евгений и Валентин Корш, Сатин, Щепкины, Петр, Николай, Михаил Семенович, Грачев, Касаткин, Пикулин, Шумахер[61], Данила и Александр, Миндерер[62], Мин Егор, Шумский[63], Визар[64], сын Александра Муравьева, Михайло[65], по-видимому, отличный молодой человек.

Мы, не профессора, сели за особый столик 8 человек, и в заключении стола запели Gaudeamus, остановившись на vivat academia, Ешевский с того стола нам подтягивал. У нас было шумно, весело. Стали иные к нам переходить: Ешевский, Мюльгаузен, Дмитриев. Пошел было спор, но я ушел. Хорош был Сатин. Он предложил тост за ту связь — профессоров со студентами, какая обнаружилась в Санкт-Петербургском университете. Сочувствие к ним высказал Кавелин. Чичерин, выслушавши, низко отклонился назад, т. е. отказываюсь от этого тоста. Пили за сохранение университета. Диво! Как можно благовидно прикрывать консерватизм, когда мы пропели Gaudeamus. Чичерин заметил, что наше пение мешало им говорить. Я ответил, что их разговор мешал нам петь. Общий хохот. Профессора показались мне здесь в первый раз, я это хорошо заметил, педантами или филистерами. Педантизмом так и несло.

* На полях: «Сеченский будто бы предлагал не толпою идти, а человек по пять».

13 октября. Пятница. Сидел все дни дома и ничего не знал, что делается. Александра Александровна принесла весть, что студенты шумели в университете, побили Исакова и полицмейстера выгнали вон. Полиция явилась, была свалка и шесть человек студентов убито. Володкович подтвердил, что его знакомого Григоровича всю голову размозжили. Пошел я за справками. Оказывается, приехал Исаков, к нему приступила толпа — просить. Он говорит: с толпой говорить не могу, выберите депутатов. Выбрали. Он депутатов не принял, к нему ворвалась вся толпа, наговорила дерзостей: подлец, сын палача и т. п. Исаков послал в карете инспектора к Тучкову за полицией. Явились жандармы. Между тем, кто-то в толпе сказал, чтоб идти к Тучкову. Пошли. Толпой остановились против дома. Послали депутатов. Сейчас же депутаты выведены оттуда со связанными руками. Всю толпу жандармы стали загонять, как баранов, в часть — Тверскую. Дошло до рукопашного. Некоторых побили, ранили саблями, раны, говорят, тупые, следовательно, в ножнах. Один жандарм пострадал. Разбили лицо и вышибли два зуба во время свалки. Говорят, студент один резнул жандарма палкой конного, а прохожий — студента, который слетел, и взяли. Какой-то начальник солдат Калиновский кричал: лупи их. Взяли двух учителей кадетского корпуса Ватсона. Загнали всех на двор Тверской части. Чиновники подняли шум, ибо и их тоже в бараньей толпе загнали.

В середу, после объяснения с Исаковым, ночью были взяты 20 человек, в том числе зачинщики Праотцев, Суворов, Гежицкий и др. Студенты и собрались в четверг отстаивать своих.

Исаков объявил, говорят: бери, хватай всех, я отвечаю. Тучков будто бы не хотел. Выходит, что полиция разгулялась. Крейц. Едет будто бы Ананов, богатый человек, в эгоистке. Его жандармы остановили вскачь, выводят из коляски под руки. Также князя Оболенского, которого квартальный будто за шиворот вытащил, а Оболенский ему плюху. На Никитской одного студента жандарм остановил и стал драть, созвал народ. Студент будто бы хватил его кинжалом и скрылся. Было много переодетых полицейских в тулупах. Тучков прислал арестованным калачей. Они насадили на палки. Сочли обидой. Университет унижен.

Нынче 13 октября была в саду огромная сходка, на которой решено взять свои бумаги и оставить университет как гноище, которое не способно защищать своих.

Исакова будто побили и так, что едва жив останется. Вульф рассказывал, от товарищей слышал, побили также и Крейца. Генерал-губернатору в окна камни бросали[66].

7 ноября. Во вторник в половине второго днем скончалась маменька. После долгих и мучительных страданий, смотря на которые я всю ночь не спал. «Куда деться, куда деться, батюшки, куда деться». Называла меня Егором Степановичем — именем отца. Федором. В забытьи. — Дуня, распьянись, Дунюшка, распьянись, Дуня распьянилась. — Куда эта дверь? —

В коридор, маменька. — Куда эта дверь? Куда эта дверь? Эта дверь вон. Подпольный капитал, где подпольный капитал?

1862 г.

29 сентября. В субботу утром является ко мне Фредерикс, камердинер Строганова с предложением по приказанию графа явиться нынче же в три часа к графу. Я знал, что граф в Москве, да думал не являться к нему, незачем. Явился. Не застал. Он был у митрополита[1]. В 4 часа приехал. Извинился, что не знал о его приезде, ибо сижу де дома. — Что так? — Работаю над книгой. Хочется скорей выпустить. Спросил сколько стоит издание. После разного разговора он сказал, что поедет с наследником будущим летом. — Как вы полагаете, в какую сторону? По западным губерниям вниз и на Дон, где наследник должен пробыть месяц. Или на север и оттуда спуститься. Я говорю: по северу лучше, ибо тут настоящая Русь, которая наследнику памятнее, ибо недавно учил он историю, так по свежей памяти ему лучше всмотреться в собственно великорусский быт. — Тогда, говорит, надо на Тихвин и Белоозеро. Я боюсь, там много лесов. — Нет, говорю, там по дорогам густо населено. — Я так бы хотел, чтоб вы вперед поехали и потом нас принимали и рассказывали обо всем. Мы, например, заедем в земский суд, будем слушать, как судят. Победоносцев сделает, например, ревизию. Я в восторге от этой мысли и говорю, что так нужно. Что нужно в избу заехать. — Что ж, говорит, слушать там как свекровь с невесткой бранится. — Да, говорю, и это послушать назидательно. Он уж никогда не услышит подобного. Нужно всмотреться в быт во всех подробностях. — Так вы приготовьтесь. — Хорошо[2]. — Вы никогда не были там? — Никогда. Могу только собрать то, что печатано, а больше ничего не могу.

Я явился к нему в бороде. — У, говорит, вы обросли, вас не узнаешь! Да, говорю, в степи, я там оброс и указал на свои бакенбарды.

25 ноября. Воскресенье. Приехал Филимонов[3] с известием, что книга[4] прислана Буслаеву, что Буслаев спрашивал всех, какую премию, я думаю — полную. А Филимонов сказал, кому ж и давать, как не Забелину.

29 ноября. Четверг. Был у Афанасьева. Отнес ему книгу. Уныл, смущен. Библиотеку продать бы. Неприменно сошлют в Сибирь. Жить будет нечем. Если пройдет это все благополучно, стану глупо жить, стану осторожно. Нет, так нельзя. Вообще он оробел и слышно раскаяние[5].

30 ноября. Пятница. Был у Буслаева. «Мое мнение известно. Полную, полную, полную, во-первых, объективность — ведь вас всякий может читать, и верующий и неверующий. Затем «Материалы»[6]. Вы мне составьте записку о материалах. Дал мне свое присуждение о Костомаровском труде[7].

5 декабря, в среду я понес графу во дворец (он приехал вчера с наследником) свою книгу, часть I. Не застал. Прождал до пятого исхода. Был с

наследником у митрополита. Пришел граф Николай Сергеевич[8]. — Мне, говорит, Буслаев говорит, что ваша книга вышла. Я предложил ему экземпляр. Приехал граф старик. Отдал экземпляр. Обратил внимание на рожу Василия Васильевича[9]. — Еще увидимся. — Если позволите. — Только не завтра. Послезавтра.

Я пришел 8 декабря в субботу утром. У него уже был какой-то молодой человек, вроде купца. — Вы экземпляр наследнику принесли, который я от вас получил? — Нет, вашему сиятельству. И подал ему экземпляр для Николая Сергеевича. — Это ведь графу Николаю Сергеевичу. Поблагодарил и положил на стол. После разговора о Филимонове, который уже являлся к графу со своими прорисями, он опять спросил, указывал на лежащий экземпляр. — Этот экземпляр вы наследнику принесли? — Нет, это Николай Сергеевичу. После разговора опять тот же вопрос. Я решительно говорю, что принес Николаю Сергеевичу. Доложили, что прибыл Баршев[10]. Я встал. — Так вы в Санкт-Петербург уже не приедете? — Да, ваше сиятельство, нет особого дела, и я желал бы до весны. — А что я вам говорил о Кириллове монастыре? Вы занимаетесь, готовитесь? — Как же ваше сиятельство, занимаюсь, готовлюсь. Простились. Я дошел уже до Орданас Гауза[11], да подумал, ведь дела я же не окончил. Наследнику надо экземпляр. Воротился. Еще там Баршев и Каминский[12], архитектор. Баршев вышел, я туда. И говорю: «Простите моей простоте. Я особое счастье почту поднести наследнику.» — Ну, я так свой экземпляр отдам, а вы мне принесете. — Очень хорошо. — Или я возьму себе Никин, а свой отдам. — Нет уж, я вам особый принесу. Улыбнулся и распростились. Глупо вышло. Точно я столб был, вовсе не чувствовал этих тонких намеков и придворных изысканостей, обхождения.

В 11 часов доставил. Все глупо и глупо, точно таракана проглотил.

Вчера, 9 декабря. В воскресенье. Был обед у Кузьмы. Корш, Бабст, Чичерин, Дмитриев, Кетчер и др. Кетчер по обычаю завел трактат о моем невежестве, прося Чичерина и Дмитриева наставить меня на путь истины, что я поворотил на ложный путь с появления моей статьи «Размышления о задачах истории и древностей»[13]. Я тотчас обратился к Чичерину и Дмитриеву как к законным судьям этого дела. Чичерин доказал, что я ничего глупого в статье не сказал, что имел право говорить об этом и говорил, как понимал с научной точки, а не с тенденциальной, что мне еще делает это честь, что я об этом рассуждал, что я должен был это заявить. Сравнил Буслаева и меня и отдал мне перед ним преимущество — его статьи — пустошь, а у меня всегда есть дело. Да что, откровенно вам скажу. Когда в Париже мы рассуждали с Боткиным, Тургеневым и Ханыковым[14] о Москве — что в ней достопримечательного, так все заявили единогласно, что единственная достопримечательность Москвы — это Иван Егорович.

Я говорю, нынче, господа, мой бенефис. Много похвалы я услышал здесь и за книгу. Дмитриев о статье во время ее выхода отозвался, что она

статья сочная, что очень ловко умел и о Соловьеве сказать, а теперь — вилять, и говорил: «в роде», «хотя» и «однако». Неясно, неопределенно.

23 декабря. Воскресенье. Утром пошел к Сухаревой. Против Адриана и Натальи[15] повстречал меня мужичок, вроде мещанина, в синем изношенном армяке, лавочник эдак. Рыжий, нос горбом, но переносье побито и сине, т. е. с фонарем. Полупьян. Несет водкой страшно. Глаза серые, ничего не выражающие, ничего не чувствующие, не говорящие. Несколько мутны. Он спросил меня: прямо идти к заставе? — Прямо, прямо говорю. Остановился. — А что, любезный, хочешь добро тебе скажу. — Скажи, что скажешь? — Я тебе добра хочу, скажу тебе правду, вижу ты добрый человек. Мы знаем как взглянем. Я подошел ближе. Он пристально поглядел на меня и тотчас начал тихо, благоговейно, без остановки, как по выученному. — Пять лет ты не имеешь себе успеха в делах, что ты ни начнешь, ничего не выходит. Ты работаешь, стараешься — все напрасно. Есть злые люди. Они тебе мешают, много вредят. Что ты ни предпринимаешь — все неудача и т.д. Надо помолиться. Возьми иерусалимской травки, росного ладану, отслужи молебен Спасу, Богородице, Николе Чудотворцу. К Иверской сходи, помолись. Одно тебе надо — молиться. Я дал ему пятак. Не с охотой берет. — Ты это на свечку. — Пожалуй, ну да на свечку. Я хотел идти. Он остановил. — Так ты помни: возьми иерусалимской травки. Знаешь, где достать ее? — Не знаю. — Хочешь я тебе ее достану? — Хочу. — Есть ли вера? — Есть. — Так я тебе достану. Сходи к Иверской, отдай на свечи и на ладан полтину. — Хорошо. Я хотел идти. — Хочешь ты иерусалимской травки? — Хочу. — Есть у тебя бумага чистая? — Нет. Вынул из-за пазухи сверточек в почтовой бумаге. Отдал мне бумажку. Снял шапку, перекрестил и три щепотки травки положил мне в бумажку. — Теперь полтину денег подай Иверской. А то мне отдай. Я подал. — У меня нет. Я дал ему еще 5 копеек. — Смотри, правду ли говоришь? — Дело верное. В разговоре несколько раз говорил, чтоб я на молитвах поминал его, раба Божия Федора Яковлева. — Мы сами молоды, но у нас 120-летний старец есть, который все знает по «цветникам»[16]. Мы по лицу видим грустное, так и знаем куда и как, что делается. Вообще благоговейная наглость и ловкая благоговейность — так все было отлично слажено, что поразил он меня. Заученные фразы «цветников» пророчества, род монахов, которые читают наставления, показывали талант убеждать и брать нагло святынею веры, словами Бога и веры. Отлично.

1864 г.

9 февраля. Воскресенье у Маслова[1].

12 февраля. Музыка — сонаты только.

14 февраля. Пятница. Ночевал брат Петр. Собрал ему старья, дал денег, заказал шкафы сделать.

Из сферы интересов мужицких, все-таки мне родных, я должен был перенестись в сферу передовых людей общества. Пошел на лекцию к Соловьеву, оттуда к Шеврие на обед к Станкевичу. Обедали Кетчер, Чичерин, Корш К, Соловьев, Дмитриев, Станкевич, Сергей Чичерин[2], Бодиско Константин Константинович, Бабст, Северцов[3], Павлов и я. Любопытно, что обед происходил в той самой комнате, где осенью 1862 г. в октябре, кажется, Строганов вызвал меня, сказал, чтобы я приготовился к путешествию с наследником. Об этом где-то я записал. Планировали вместе. И ничего не вышло. Зато нынче мы здесь попировали, весело, скромно и очень умно. Живой, остроумный разговор. Бодиско размаслился к моей особе. Раз сказал, что душа.

15 февраля. Стихи Некрасова «Саша» выражают любимый мотив музыкальный. Долгие воззрения на мир души, к чему они?

16 февраля. Воскресенье. Имрек.* За здоровье имрека. Ручей, два древа разделяют. Одержима душа болью, держаться подальше.

22 февраля. Мы так мало виделись, что нисколько не уяснили вопроса.

29 сентября. Вторник. Опять — но я зажирел и тупо смотрю и чувствую.

7 декабря. Понедельник. Был Сверчков[4] Николай Егорович, художник, прославившийся в Париже, и намеревается писать охоту соколиную царя Алексея Михайловича или вообще из древней русской жизни. Говорил, что в Париже эти картины производят эффект. 9 декабря я видел его у Яковлева Луки Павловича[5], у которого был первый раз. Сверчков решил писать царский выезд военный.

4 декабря были у Станкевича и оттуда, возвращаясь с Бабстом домой, выслушал от него предложение просить Соловьева об архивном месте, и что и он будет писать в Ниццу, просить. Я отказал, а писать — пишите, едва, что выйдет.

9 декабря. Петр привез ящики и собрал, как бы побольше. Провоз стоит больше 5 рублей, а стали считать, полагая на 4 дни, и ему по 50 копеек в день на корм, на чин рубля 3-4. Стало быть хотел взять побольше. Дал 30 рублей.

11 декабря. Суббота. Вечером у Станкевича. Были Кетчер, Сатин, Евгений Корш, Федор Корш, Рачинский младший, Попов Николай, Дмитриев, Греков[6].

Спор о Бокле[7]. Рачинский сказал, что русские — дураки и перевели дрянную книгу[8]. Корш: она плоха, но невежественному обществу, каково наше, очень по плечу, потому и имела успех. От меня требовали доказательств, почему она хороша. Спор давнишний, который показывает только, что какие сухие умы бьвзают на свете, или люди, говорящие с чужих слов, как Рачинский. Дмитриев в конце сказал, что самоучки отличаются невежеством, верно метя в меня. Все, кажется, сожалеют о том, что я

---

* Имярек.

недоучка и невежда, не могущий понять истинного значения Бокля. Станкевич, однако ж, сказал, что он ее читал с удовольствием в деревне, когда не с кем было говорить, а Бокль заставляет спорить. Корш Евгений вилял и туда и сюда. Мне кажется, что профессора-то и отличаются невежеством, а потому педантизмом.

1865 г.

5 января. Место и значение личности в истории. Декан[1] отдает ей должное место. Личность воплощает идеи, стремления, предчувствия, гадания, смутные сны и мечты в живое дело — вот ее роль, которая никак не может принадлежать обществу. Общество носит в себе, в своей утробе зародыши, органические ячейки идей и стремлений. Оплодотворяет эти зародыши личность. Она играет роль детородного члена мужчины. Ее роль деятельного служения; роль общества — пассивная, женская. Личность поэтому обладает творчеством. Из разбросанных, разрозненных, носящихся атомов идей, мыслей, стремлений она создает как художник, цельное, органически воспроизведенное или слово — т. е. систему идей, верований, или дело, т. е. порядок, строй, архитектонику, конструкцию жизни, т. е. поступков, а, следовательно, чувств и мыслей.

Личность есть художник, великий в общих делах, в истории, малый в своих домашних делах. Каждый из нас есть художник, творец своей жизни. Творить из ничего нельзя. Ясно, что каждый из нас в этом отношении зависит от среды, которая дает средства, силы и тем обусловливает склад и строй сотворенного, т. е. самой личности, ее жизни. Каждая биография есть история такого творчества, т. е. того, как человек делает сам себя, высекает из мрамора обстоятельств и среды свой индивидуальный образ. Каков материал, такова и крепость статуи или относительная ее красота, худоба и т. п.

Жизнь есть ежеминутное творчество, нескончаемое.

Ренан[2] справедлив, говоря, что лучший истолкователь текстов, фактов — есть вкус или по-нашему чутье.

История вообще не имеет точных фактов, как цифры математики. Что два рассказа об одном и том же случае всегда разнятся между собою иногда очень значительно. Из чего следует, что факты, хотя верны в основе, но не верны в живой оболочке, а остовы, цифры годны для математики, а не для истории, где выводится на сцену жизнь, а не отвлечение. Что же делать. Он говорит, что необходимо вносить в рассказ краски, вместо голого изложении одного лишь остова фактов. Иначе, значило бы уничтожить историю. Голая истина — что по повелению Пилата и настоянию священников он был предан смерти. Это был бы другой род неточности, гораздо худший, нежели та, которой подвергает допущение представляемых текстами подробностей.

Конечно, эти подробности буквально не истинны, но они дышат истиною высшей. Они истиннее голой правды в том смысле, что они эту правду делают выразительною, животворною и возносят на высоту идеи. Факт — отвлечение, он глуп и туп. Это цифра. В истории он должен иметь плоть. Должен получить живой образ, живое тело, т. е. истину жизни. Факт есть математическая точка, линия, истина отвлеченная, которую необходимо облечь в истину плотскую, дать ей живое тело. Как это делать, когда нет материалов, подробностей, столько же верных, как факт события или данного случая. Здесь единственное орудие, посредством которого историк становится творцом, художником. Это чутье историческое. Разумеется, оно должно быть развито правильно. Ренан. При такой попытке вызвать вновь к жизни высокие души происшедшего, необходимо предоставить писателю некоторую долю творчества. Великая жизнь есть органическое целое, которое нельзя произвести простым окучиванием мелких фактов. Одно глубокое чувство должно проникать все творения и дать ему единство. Инстинкт художника (чутье) есть самый лучший в этом случае руководитель. Верный такт какого-нибудь Гете имел бы здесь достойное применение. Существенное условие художнических произведений состоит в создании живой системы, в которой бы все части между собою роднилось и одна другую предполагали. В историях подобного рода великим признаком верного постижения истины может служить степень стройности сложения текстов так, чтобы выходил из них рассказ логичный, правдоподобный и без всяких несообразностей.

Глубокое познание законов жизни внутренней, законов развития органического и изменения оттенков должны руководить на каждом шагу. Здесь не в том дело, чтобы привести вещественное обстоятельство во всей точности, так, как оно произошло, ибо этого проверить невозможно, а в том, чтобы уловить душу всей истории, постигнуть ее настоящий смысл. Другими словами, задача состоит не в мелком определении малейших подробностей, а в верности общего понимания, в истине красок. Каждая черта текста, основанная на мелких правилах классического повествования, требует осторожности, ибо факт о котором повествуется, был жив, натурален, строен. Если не удается сделать его таким в рассказе, то, конечно, оттого, что он понят не верно.

Представим себе, что, возобновляя Минерву Фидия[3] по текстам, сумели б мы произвести в целом нечто сухое, принужденное, искусственное; какое же из этого выходит заключение? Одно, что лучший истолкователь текстов есть вкус (чутье), что надобно их сравнивать и пригонять понемногу до тех пор, покамест они между собою сблизятся и образуют одно целое, в котором бы все данные были счастливо слиты... Это понимание живого организма мы не обинуясь приняли за руководство в общем настроении нашего рассказа.

Но это понимание, это чутье, есть непосредственный признак таланта или им может обладать всякий компилятор?

Есть разряд ученых, которые предпочитают готовые факты, хотя и не могут сами отделаться от требования, высказанного здесь Ренаном. Например, Соловьев, — местами груда фактов тупых, глупых, ничего не говорящих, а местами все-таки становится на эту точку и чутьем угадывает лежащую в них истину.

Отношение буквальной истины, цифры к истине живой, к плоти.

Иисус даже повредил впоследствии чистоте своего учения, ибо всякая идея для успеха в мире должна принести свои жертвы, и из борьбы на жизнь и смерть ничто не выйдет незапятнанным... Добро сознать — еще не значит все — надобно уметь пустить его с успехом в люди, а для этого требуются пути не безусловно чистые...

В нравоучении, как и в искусстве, сказать — ничего не значит, сделать — значит все.

В нравственности истина важна, когда она перешла в область чувства, сделалась ощутительною, живою, а всю свою цену получить она может только тогда, когда осуществится в мире под видом факта.

В этом оправдании того хода дел, по которому всякая чистая возвышенная идея, как только вводится в жизнь, воплощается, несет с собою всю грязь века и поколения. Она идет в люди, следовательно, в грязь, и должна быть загрязнена и опорочена их руками, разумеется, только в своем костюме, в формах своего проявления. Это золотая монета, которая берется грязными смрадными руками, теряет свой первоначальный блеск, даже стирается лик, но сущность остается — золото остается золотом.

Практика жизни всегда обставит воплощение идеи в бесчестных, порочных и грязных формах. Но погибает ли чистота идеи. Например, Петрова реформа. Московское единодержавие.

Воспоминания. Не помню, в какое время, зимою в 1841—1842 годах Татаринов объявил мне, что Грановский очень мною интересуется и желает со мною познакомится. Я всегда дичился подобных знакомств, хотя и глупо делал. Я так высоко ставил таких людей, как Грановский, и так мало думал о себе, что всегда боялся быть помехою, быть в тягость. Какие у меня были достоинства? С чем я мог придти к Грановскому? Говорили, что он мною интересуется, а я знал очень хорошо, что во мне ничего не было интересного, по крайней мере я не знал, что в самом деле было интересного в моей особе. Слова Татаринова я принял просто за выражение особой дружбы, симпатии ко мне, принял, ах, как дружелюбную лесть, и признаться, думал, что он просто врет, льстит мне. Как может моей особой заниматься Грановский, о котором я наслышался от Татаринова, Малышева, Павлова, Жженова, Фермора, Бабста и др. самых восторженных суждений и рассказов.

Не один раз Татаринов повторял свое предложение идти к Грановскому. Я соглашался неохотно, не полно доверяя искренности Татаринова.

Наконец, он объявил, что в воскресенье мы непременно должны идти обедать к Грановскому. Я вообще думал, что не Грановский желает меня видеть, а что Татаринов желает меня показать Грановскому. Эта мысль не оставляла меня во всю дорогу, когда мы, наконец, отправились на обед. Грановский жил тогда на Грачовке в доме Мильгаузена, самом последнем на Садовой.

Грановский жаловался, что ничего хорошего не сделал. Целый вечер я с ним провел. Скорбел, что лета ушли, а было бы можно сделать, указывал на декабристов. «Вот вы еще молоды». Я доказывал, что мы хотя и молоды, да плохи на дело.

Хлопотал о переводах. Хотел издавать сборник. Момсен[4] и т. д.

Занимающиеся русской историей, все суживают воззрение и взгляд. Указал Бодянского и Соловьева, которого он не высоко ставил по таланту и говорил, что он умный, но узковат. На учебник он надеялся, как на стену. Читал мне.[5]

Грановский. Влияние было такое, что из одной лекции слушатель уже уносил запас на всю жизнь. Конечно, не все сряду лекции были такого свойства. Иные бывали так себе, но в иных он был вдохновенный оратор, поэт, бард, скальд. Его лекции были священнодействием, таинством, во время которого совершалась действительная тайна очеловечивания человека, освящения и просвещения чувств и помыслов человека, возвышения из среды пошлости в среду выспреннюю.

Блистающий светлый взор, сдержанная грустная, страдальческая улыбка. Сжатие, движение губ иногда досказывали больше, чем слова, и вся речь говорила. Фраза его была иной раз нескладна, но грациозна, как юношеский лепет, как язык страсти. Вообще, была значительная доля недоговоренного словом, но договоренного движением губ, улыбкой, взглядом, наклоном головы или поднятием, поворотом (длинные кудри придавали ему много красоты).

В глазах его светилось, блистало то чувство вселюбви, которое немногие понимают и умеют ценить. Мужчины его относят к излишней маниловщине, романтизму, женщины принимают на свой счет, т. е. думают, что это любовь в обыкновенном смысле. Любовь с плотскою подкладкою и, следовательно, личною.

Нет, это была поэзия, это была любовь к высокому и благородному человеческой натуры, любовь к человеку в самом возвышенном смысле слова, как к поэтическому созданию природы. Это была любовь, не способная отрицать, нигилизировать, не способная оценивать людей и их дела, как и отвлеченные идеи одним холодным рассудным умом — разумом. Отсюда — религиозность Грановского, собственно, не религиозность, а мир поэтических представлений и верований. Теплая натура, Грановский, живо верил во все прекрасное и благородное человека. Он мог ненавидеть, но из любви, ибо чем он больше любил, тем пластичнее был способен выразить ненависть ко всему низкому и подлому в человеке. Ирония его была

тепла и добродушна, желчи в ней не было приметно. Эта ирония была страдальческим воплем любящего и верящего, а не воплем холодного, совсем разлюбившего, совсем разуверившегося человека. Он верил, а другие уж не верили. Это была любовь, которая свое личное приносила в жертву общему, вот почему Грановский сходился с разнообразными людьми и во всяком трогал любовную сторону или умел ее найти, поднять и тем привязывал человека. У него не было фанатизма, кружка, той узкой мерки людей, которая отрицает все, что не наше, или что нами не уважается или не признается, очень часто лишь по недоразумению или по невежеству.

Не было в нем фразы, как например, в Герцене и Огареве, т. е. не было той доли хлестаковства.

12 января. Вечером у Станкевича. В этот день утром было знаменитое Дворянское собрание с ораторами и речами блистательными, и все о том, чтобы учредить Верхнюю Дворянскую Палату и нижнюю. Подать об этом адрес[6].

Елена напиталась этим заседанием. Ее, по-видимому, оно потрясло до глубины души. Александр тоже ужасно тревожится. Что из этого выйдет? Демократизм и ни что другое двигало чувствами Елены и она в точности и с пафосом передавала сказанные речи, возмущаясь их подлостью, высокомерием знати и всею гадостью, в которой выразилось истое русское крепостничество. Она очень обрадовалась, что я пришел. Составили ужин. Кетчер, Дмитриев, я и Александр. Даже три бутылки выпили, что случается редко. Просидели до 4 часов утра. Под конец Дмитриев рассказывал о своих отношениях при дворе герцога Мекленбургского, мужа Екатерины Михайловны, и о том, как он учил либерализму Екатерину Михайловну для того, чтобы она повлияла на страшного крепостника герцога. Когда идут рассказы о придворных отношениях, они меня страшно возмущают. Чувствуешь себя каким-то лакеем, перед которым живут и потешаются бары. Отвратительно, вот тут-то поднимается демократическая злоба.

20 января. Среда. Обедал у Станкевича. Спор с Кетчером о положении женщины. Я один отстаиваю и меня поражает его педантизм, не желающий поставить с собой рядом прекрасную половину. По-моему, она должна быть гражданином свободным. Она сама остановится там, где положит ей границу физиология и т. п. Она, говорят, мать. Мать не променяет детей на должность министра, а если променяет, то все лучше, чем меняет теперь на балы и выезды.

23 января. Обедал у Станкевича. Елена просила, чтобы я как историк, разгромил Сергея Рачинского в его аристократических идеях, доказывающего, что у нас все идет к тому, что образуется Верхняя Палата, лорды и леди.

28 января. Видимо, что профессора составили корпорацию и защищают друг друга во что бы ни стало. Спор мой с Рачинским, которого защищал Дмитриев. В последнее заседание Московского Археологического об-

щества[7] Богданов[8] предложил раскопать одно кладбище курганов. Одно именно. Я заметил, хорошо бы в разных местах. Богданов начал: что вы, археологи, всегда работаете в разных, из этого ничего не выходит. Необходимо обследовать одно место. Я было возразил, неужели 80 верст расстояния могут вредить такой систематике. Соловьев остановил меня за руку, не дав докончить слова. И Богданов поразил в лице меня археологию, как науку бессистемную. Далее Соловьев с благоговением поддерживал Богданова, преклоняясь пред его авторитетом. «Вот профессор» — заметил и т. д.

Обедал и вечер провел у Станкевича. Были дома Елена и Александр только. Почти все время говорили о Грановском. Читали некоторые письма. Елена заметила, что при Кетчере я немею или не умею говорить. Действительно, я всегда чувствую себя стесненным при нем, тупею как-то. После, в разговоре о женском воспитании и вообще о женщинах я сказал, что положение женщины я чувствую на себе, испытывал и испытываю. Елена стала доказывать, что, напротив, о вас де понятие высокое и пр., намекая, что я намекнул на отношение ко мне Кетчера, на то, что он третирует меня как неуча.

Я заметил, что в разговорах с ним как-то пропадают слова, падают куда-то на дно и не оставляют следа, так что, хотя бы пять часов велся разговор, вы все как будто его начинаете, с каждой новой фразой вы начинаете разговор, как будто о погоде.

30 января. Суббота. Вечер у Лопатина и Станкевича. Лопатин рассказывал, что дворянское движение коснулось и сенаторов, что они как-то приподнялись, этим словом я хочу обозначить то сенаторское движение, которое, по словам Лопатина, им чиновникам было очевидно. Сенаторы изменились. Ругают царя при всех подлецом. Мы, говорят, вознесли его, а что он такой же как Александр I шельма. Он очень хорошо знает, что он окружен плутами и дураками и держит все это и т. п. Сенатор Юрий Долгоруков[9] обратился к сенатору Колюбакину[10] с вопросом, как тот думает об адресе? «Вы, князь, со мной не говорите об этом.» Долгорукий: «Что ж вы сомневаетесь в моем уважении к чужим мнениям?» Колюбакин: «Так вы хотите, чтоб я сказал вам свое мнение? Я скажу вам на Красной площади. Да, ваша светлость, пусть бьет меня царь, мужик, но олигарха я сам разорву на части». Вся история сказалась в этом простом и резком ответе.

У Станкевича были Соловьев, два брата Рачинские, два Дювернуа[11], два Корша, Кетчер, Попов. Зашел разговор о том, как авторы воруют. Я рассказал свою историю с Сахаровым, и что меня спасло только то, что я сделал ссылки общие. Соловьев поддержал и выразил, что и сам он то же делает. Я говорю, да уж видел в вашей «Истории». Кетчер захохотал — как бы уличая Соловьева в плутоватости. Тот заметил, что это ночная колотушка, что ж вы станете делать с ворами.

Разговаривали еще о характеристике Мазепы[12]. Соловьев говорит, что ему Костомаров сказал, признался (когда они разговаривали о людях XVI столетия), что мы никогда не скажем, что думаем. Это и теперь ведется. Соловьев говорит, что уж я это хорошо знаю, т. е., как историк. Я говорю, мне это очень скорбно. Что ж делать. Таково было их положение, вечно между огнями, не двумя, а десятью. Как иначе было себя вести? Они вечно были слабы.

О материализме высказаны особенно Рачинскими такие узкие понятия, пошлые, стертые, что тошно было слушать. Говорили о примирении откровения с естественными науками. В Англии все ученые сказали, что наука сама по себе, а вера сама по себе. Это статья в «Православном обо-рении»[13]. Материалисты создают верование на фактах, выводах, которые минутны, ибо наука еще ни к чему не пришла основательному. Между тем, они не имеют права делать заключения. Станкевич сказал, что откровение и естествознание — две разные области, их нельзя путать. Я противоречу. Соловьев заметил, что, например, бессмертие души, как решить? Это входит в оба раздела. Я развил мысль, что научные выводы колеблют, разлагают это учение, что ученые вообще осторожны, но философы, т. е. мыслящая публика на их выводах создает философию, общество создает философию. Что никто здесь не виноват, кроме человеческой способности делать выводы, заключение, философствовать.

Потом Кетчер назвал меня Маниловым, подбитый Собакевичем, материалист, подбитый идеалистом. Верующий — неверием, что я веровал в Бюхнера[14]. Я говорю, что надо быть снисходительным к материализму. Кетчер доказал, что материализм в науке дело отличное, но что выводы делать нельзя.

30 января в субботу были также на похоронах А. Ф. Сахарова. С выноса Есипов[15] зазвал к себе и предложил работать вместе — писать историю Императорского Двора со времени Преобразования. Что вы уж описываете старый быт, а я буду с вами работать новый. Наговорил мне пропасть мобезную, причем всякий раз у него выступали слезы на глазах. Просил в понедельник придти обедать.

1 февраля. Обедал у Есипова. Сказал, что напишет бумагу к министру. Весь рассказ — как нужно дело делать с министрами. Просить у них на издание за работу — бесполезно, даже вредно, не дадут, а дело погибнет. Надо выписать предписание на работу, а там уж они в руках. Они уже обязаны уплачивать разные расходы по работе. Сами они никогда не догадаются что-либо полезное сделать человеку. Они даже любят держать человека в том виде, как он себя держит, т. е., если он не просит, то и хорошо. Они пытают, пробуют людей, если снослив, то и отлично. Вообще, Есипов выказал большую опытность делать дело с барами. Вот, говорит, мне назначили на разъезды 1 рубль в день. Я молчу. А приеду в Санкт-Петербург и подам счет, что этого мало и должны заплатить. Он очень откровенный человек, и — все в слезы.

3 февраля. Среда. Был у меня Калачов и не застал. Написал записку.

4 февраля. Четверг. Я был у него утром.

Как часто, еду на извозчике, вдруг вырвется стон, будто режут... Извозчик с изумлением и сомнением обернется, поглядит с опаскою.., а я перевожу стон в разговор с самим собою, чтоб успокоить бедняка.

Любовь в отвлеченном понятии есть единство в живом и действительном, любовь, т. е. соединение чувств, мыслей, представление и т. д. Все стремится к единству и исходит из единства. Все из любви и любовью, все к любви и в любовь.

Рознь есть вражда, ненависть. Ненависть все разнит, дробит, разделяет, отделяет. Ум любит единство. Он чувствует себя легко только в единстве, в цельности.

27 февраля. Суббота. У Станкевича были Кетчер, Бабст, Корши, Дювернуа, Рачинские, Антон Вульферт[16], Попов. Очень любопытно, что Кетчер сказал Бабсту насчет профессоров, что все они тоже виноваты во всех студенческих демонстрациях бывших. Это сказано к тому: Бабст заметил о концертах в пользу студентов. «Мы, говорит, виноваты, мы их поощряли и поддерживали, давали им ход.» Рачинский припомнил, что шиканье Маркову производили главный Герье, еще студент, и он, Костя Рачинский с товарищами, а это шиканье было корнем для дальнейших демонстраций. Все сознались, что профессора виноваты. А что было мне от Кетчера, когда я обругал мерзопакостными педантами профессоров, обвиняя их во всех винах студентов.

28 февраля. Воскресенье. Обедал у Грачева, был именинник, оттуда к Кузьме и домой.

1 марта. Понедельник. Утром был у Станкевича. Были Антон Вульферт, Константин Рачинский. Разговор зашел об истории Франции, революции. Станкевич убежден, что все зависит от личности, что Лафайет[17], например, мог быть тем же, чем Наполеон, да не был, потому что не годился. Что, если бы он был, то все бы иначе было. Я говорю, что «если б» — обольстительно, что рассуждения об исторических лицах и событиях, основанные на этом, очень обольстительны, но неверны, обманчивы, ошибочны, что они нравятся особенно потому, что в это время рассуждающий чувствует и себя как бы деятелем, т. е. очень умным человеком, оттого ему и нравятся такие рассуждения. Что личность зависит от земли, среды, что не было личности в данных обстоятельствах, следовательно, и возможностей, подготовки для явления такой личности. Трава растет именно такая, а не другая, потому что таковы условия. Что я верю в естественный процесс истории, личность есть плод, до которого история должна пройти известный путь-процесс.

Идя домой с Антоном Вульфертом, я развивал ему: что споры в этом роде происходят от разности воззрений. Духоборцы, ставя дух независимым, вполне стоят за независимость личности, ибо личность есть реальное проявление, воплощение духа. Реалисты, ставя во главу утла реаль-

ность развития даже и идей человека и общества, а следовательно, истории, говорят, что важна земля, почва, среда, которая рождает, воспитывает, образует личность, дает ей силы, направление деятельности и т. д. Обе стороны правы. Материя и дух отдельно и независимо друг от друга существовать не могут. Материя — среда (т. е. народ, эпоха, время, степень развития и т. д.) ничто без духа (воплощенной личности), в личности осязательнее, чем в массе явлений всякая идея. Бесконечное является в конечном лице, и потому осязательно деет. Масса не может осязательно деять, т. е. лично, идея каждая развивается постепенно, расширяется, схватывает массу, и той является возможность явиться личности. А если явится подобная личность прежде времени, она погибает от массы, от среды. Гус[18], Христос, хотя и кладут пример, образец жизни и деятельности. Личность без успеха гаснет, если дело не созрело. Если же созрело, то она торжествует, овладевает всем, успех ее дела озаряет ее божественным светом. Редко бывает она достойна этого сияния. Большею частию успех имеют люди практические, т. е. своего рода политики или плуты. Наполеон, Петр, Лютер[19] и т. д. Петр рожден предыдущим развитием и есть его отрицание, как Наполеон. Цезарь — отрицание республик или этого склада жизни. Они велики больше потому, что им все удавалось, а удавалось потому, что все было готово идти за ними, хоть гиршего, да иншего. Когда так настроено общество, тогда всякий, даже беспутный овладеет его вниманием и даже может сделаться на минуту гением, вождем. Иногда общество ищет вождя и первый наглец приобретает успех.

Как посмотрю я на себя — глупый и смешной я человек. Всем сердцем я готов с каждым сблизиться, кто хоть малость обозначает чувства, расположение, не говорю ко мне, а просто, кто выкажет в себе теплое любовное чувство, я готов прильнуть к нему, готов всем жертвовать. У меня и мысли не было о том, что в некоторых сношениях я что-либо теряю. Я готов отдать все, что имею, как покойная матушка отдавала симпатичным товаркам все с себя — платья, рубашку, оставалась ни в чем. Это я помню очень хорошо. Я много умнее, т. е. я раскаиваюсь после, что перешел границы. Сколько было случаев, что очень жалел о своем дурацком самоотвержении. Сколько я потерял в жизни от этого глупого самопредания, самоотвержения. И что ж, за все, за мою горячую самовласть отдаться всей душой симпатичному человеку я только получаю самые убийственные щелчки по носу, по самым нежнейшим местам сердца, чувства. Меня бьют беспощадно за самые самоотверженные, любовные действия тем людям, которые по своей пошлости, подлости, низости, совершенной пустоте не стоят ничьего внимания, которые только мною ценятся, да это я хорошо вижу и знаю. И эти самые люди казнят меня за каждое благородное великодушное движение в их же пользу, для сохранения их же значения сколько-нибудь человеческого. Я с любовью ко всем — меня подозревают в коварстве, в предательстве, черт знает в чем. О, как я сожалею, что я не родился настоящим варваром и скотом.

6 марта. Суббота. У Станкевича. Кетчер, Никулин, Дмитриев, только что получивший 10000 десятин наследства, Корши Е. и Ф., Антон Вульферт, Попов Николай, Соловьев, Скворцов[20]. Когда говорили о том, что Беляев представил «Крестьян» своих как диссертацию на доктора, Соловьев заметил, что он вычеркнет из своего формуляра слово «доктор», если Беляева сделают доктором[21]. Что Беляев, зная, что нет Чичерина, который хорошо изучил эту диссертацию, что Дмитриев по ленности не станет ее разбирать, подал, чтоб вернее пройти в доктора.

После, когда Попов передал Дмитриеву, что он по ленности пропустит Беляева, Дмитриев свалил все на то, что в магистры пропустили, а теперь поздно, да и диссертация вещь все-таки достойная. Я возразил: но все-таки не докторская. Дмитриев ссылался, что и хуже представлялись. Вот и оправдание. Вот и мнения. Один то, другой другое.

7 марта. Воскресенье. Заседание в древне-русском искусстве[22]. Одоевский[23] битых полтора часа буквально занимал концертом, предложив длиннейшее и скучнейшее рассуждение, как вести дело. Часть художественна, 2 хозяйственна, 3 распорядительна. Билеты, стулья связанные, все подробности длинно, скучно, педантически. Пиквикский клуб. Буслаев читал лекцию о «Псалтыри» Лобкова и даже упомянул, между прочим, что об этом можно не одну лекцию прочитать. Вообще это не заседание, а преподавание, поучения.

8 марта. Понедельник. Обедал у Станкевич. Пикулин, Елена, Александр и я. После обеда до 10 часу сидели. Рассуждали о разных предметах и, между прочих о том, что из царей многие получают славу силами поколения, воспитанного предшественником. Например, Петр воспитал поколение, которое работало до Екатерины. Екатерининское также славно людьми, при ней литература проснулась. Но я забыл сказать, что поколение, составившее ей славу, двинуто при Елизавете именно наукою и литературою, т. е. университетом, который пробудил в обществе любовь к знанию, к литературе. Екатерина только подогревала и, как умная женщина и с теплым сердцем, умела заставить работать. Александровские люди воспитаны Екатериною. Николаевские — 12-м годом и идеями свободы и конституции 20-х годов. В политике 14 декабря, в литературе и искусстве — славные имена.

16 марта. Вторник. Вечером был у Станкевича. Были Матвей Корш и Федор Корш, Греков, Кетчер. Зашел разговор уже не первый раз о нигилистах. Я [отделывался] * общими фразами, а затем высказал, что в нигилизме я не вижу особенно худого. Все на меня напали. Говорю, что у большинства это фразой начинается и фразой оканчивается, с молоду мало ли что входит в голову. Пойдет настоящая жизнь, все перемелет. Например, я сам наполнен был всяким сумасбродством. В доказательство, что я вру, мне приводили, как я воспитываю детей. Я ответил, что я матерьялист

* Вставка редактора.

непрактический, в душе только. Вообще нападали на разврат мысли и поступков нигилистических. Но не говорили, каких поступков. Я сказал, что для меня все равно нигилистка и лицемерка — одно другому соответствует. Елена Константиновна стала было защищать, что у лицемерки есть хоть внешняя нравственность, т. е. привычки, правила, которые ее сохранят. Кетчер заметил: нет уж не защищайте, обе хуже. И, оказывается, лицемерие-то и нужно всем вместо нравственности. Говорили о религиозном чувстве, которое сохраняет человека. Но, когда я рассказал, что я всегда прихожу в умиление, и слезы на глазах навертываются, когда везут Иверскую, и толпа народа снимает шапки, и молится, какой хохот разразился, унять было нельзя. Вот, я говорю, нигилисты-то! О чем же, спрашивается, толкуем. Сами многое уже притворили в ничтожество, отбросили, а все еще ратуем против таких же нигилистов, только более последовательных, откровенных и прямых. Эта последовательность и откровенность и не нравятся нам. Нет, я говорю, все идет как следует, и нигилизм вещь не совсем дурная. Уж одно то [хорошо]*, что он порасшатает некоторые авторитеты, а что люди гибнут, так каждая идея жрет людей, целые поколения гибнут и без этого ничто не возрождается в жизни. Кетчер говорит, какая тут идея. Он никак не способен выяснить себе общее начало какого-либо общественного движения, все нападает на частности, например, студенческие истории, которые всегда уродливы и с рассудочной стороны не выдержат критики. Общая идея — свобода, а этого-то и не видят мои противники. Их смущают формы, в каких она по необходимости является. Да эти формы зависят от характера и форм рабства, в котором живем. Главное, что — свобода отношений к мужчине и с мужчиною. Да по крайней мере открыто, а не лицемерно. При том такой нигилизм всегда был есть и будет.

Общество при Екатерине [формировалось]* по журналам. Высшее общество даже и теперь. Кетчер говорит, ты язык чешешь, ибо сам не исполняешь в отношении детей. Я говорю, не все то, что говорим, есть непременно мои убеждения. Мы конверсацию ведем.

Безнравственно все то, что роняет человеческое достоинство, сказал я. Е. К. привела пример о Людовике XIV и Лавальер[24], что на глазах всего общества пожаловал ее титулом и именем за заслуги королю. Я говорю, что тогда не высоко понимали человеческое достоинство. Теперь этого не сделают не для общества, а для себя ради не сделают. Но дело в том, что человеческое достоинство, чистота и высота понятий о нем, определяется понятиями о нравственном достоинстве человека в известное время. Например, в теперешних понятиях достоинство человека как ценится? Он должен быть верен нравственным обычным определениям времени, например, муж должен быть верен жене или жена мужу — как они не верны, они теряют достоинство. Но сколько правды здесь? Ведь понятия о

* Вставка редактора.

человеческом достоинстве меняются от времени, и следовательно, должны носить нечто неизменное существенное, что не подвержено переменам, ибо меняется в них одежда, наряд, а существо дела — что человек высокое существо, остается всегда. Но где его высота, какова она, в чем она?

18 марта был у Н. Щепкина. У него был контролер Акцизного управления Петр Петрович Синебатов[25], он же и художник. Личность интересная тем, что верует тепло, горячо и искренно. Он рассказывал события в своей жизни, в которых сила молитвы творила чудеса. Раз он был именинник. Было много гостей и остались на другой день. А у жены остался всего полтинник денег. Она, ложась спать, плакала. Он увидал, что она почти рыдает. Спросил о чем. Вот, говорит, чем завтра гостей отправить, всего полтинник. Он очень опечалился. Но сказал жене, что завтра неприменно будут деньги, в уверенности, что Бог его не оставит. И стал молиться. Просил, чтобы Бог послал ему, вывел его из этого затруднения. Молился часа полтора. На утро ушел в департамент, совсем позабыв о деньгах. Там один из сослуживцев заказывает ему портрет и дает вперед на краски 10 р. Он, взявши, тогда только вспомнил, что жена ждет денег, и что он обещал, что они будут.

Его товарища Серебрякова посадили в крепость по истории Петрашевского[26]. Его это опечалило. Раз, идя мимо крепости, он распечалился еще больше. Каково-то ему там? Ни отец его, ни мать не знают, некому о нем помолиться. Пришел домой, стал усердно и долго молиться. На другой день вдруг к нему является Серебряков освобожденный и пришедший к первому к нему.

В Полтаве ему было очень трудно по домашним делам. Он — в церковь и молится, слезы ручьями. Обратил всеобщее внимание. Крестьяне, бывшие тут, расступились, дали ему простор. Вслед затем приезжает в церковь крестьянская свадьба, и невеста, убранная цветами, становится с ним бок о бок, иначе негде было встать. Церковь была полна. Он взглянул и счел это добрым предзнаменованием, что вот де они начинают новую жизнь. И он после, действительно, начал новую жизнь, лучшую прежней. Все это он рассказывал с таким искренним одушевлением, что любо было слушать.

27 марта в субботу у Станкевича. Дмитриев, Н. Дювернуа, Антон Вулф, два Корша. Кетчер не дошел. Рассказывал Дмитриев о диссертации Беляева, который защищал 26 марта. Беляев все-таки доктор. Дмитриев говорил, что книга глупа и так себе, все согласились — а он доктор. Дмитриев его щадил, был очень деликатен, снисходителен. Мое, говорит, положение было такое, что Беляева хотелось отделать и отстоять факультет, ибо ведь в доктора выбрали, нельзя же было его в пух избить, тогда что ж с факультетом. Евгений Корш поздравлял Дмитриева с тем, что он отстоял факультет, поддержал честь факультета. Лешков[27], как декан, превознес до небес диссертацию, а Дмитриев, несмотря на ошибки предположений,

неполноту, — она, при бедности юридической литературы — явление приятное. Студенты аплодировали, Станкевич говорил, что по приглашению Самарина[28].

4 апреля. Воскресенье. У Кетчера актер Самарин[29] рассказывал о том, что артисты, выходя на сцену, готовят себя, настраивают на то положение лица, которое должны изображать. Михаил Семенович Щепкин в «Скупом» еще за кулисами вцеплялся в актера должника, хватал его за ворот, отчаянно тащил по закулисами и являлся на сцене поразительно, ибо уже половину дела заготовил за кулисами. Затем, важно удерживать тон положения, ибо в этот тон должен ударять товарищ. Мочалов[30] точно также за сценой вводил себя в роль, начиная приходить в то состояние, какое должен изобразить, раззадоривал себя. Самарин рассказывал, что в какой-то роли он должен играть ничтожного. Это его оскорбляло, и он не раз хотел возвыситься из самолюбия уже. Но чем он вольнее хотел себя показать, тем сильнее уничтожал его Мочалов, и Самарин чувствовал страшную силу его подавляющую, против которой он, действительно, не в силах был ничего сделать. Важно для актера еще и то, чтоб пред выходом на сцену наполнить себя тою ролью и даже мотивом разговора, который будет идти. Мочалов в этом отношении был не хорош. Он вовсе не в тон говорил: Ванька, тебе выходить. Ну и выходил я болваном, потому что эта речь не только ничего мне не давала, но и отнимала последнее.

6 апреля. Вторник. Обедал у Станкевича. Был за обедом только Кетчер. Кетчер спорил и очень сердито о том, что в искусстве не должно быть национальности, что если есть национальность, то нет художественного произведения, что у Шекспира и в Гамлете нет ничего английского, а есть одно общечеловеческое, почему это произведение и художественно. Что музыка одна, нет ни немецкой, ни итальянской, а только общечеловеческая. Что итальянская отличается пением, а немецкая оркестром, что там больше рассказа, а здесь больше музыки. Что из народных мотивов нельзя создать оперы. «Жизнь за царя» не есть опера, а символ народных мотивов. Вообще, где национальность, там нет искусства. Например, Пушкина «Скупой рыцарь» — подражание Данту — где тут национальность? Я и Станкевич возражали, что Дант национален, Шекспир и пр., Шиллер. Что без национальности нет поэта-творца и т. д.

Вечером пришел Попов. Болтали о том о сем. Я заявил, что бросаю профессию археолога и пишу роман, как второй том выпущу. Кетчер говорит, куда ему. Обидное сомнение. Оно видится и у Станкевича и у Попова. Поддерживают дамы, особенно Елена Константиновна. Попов с филистерским равнодушием заметил, что я показал талант в критике на книгу Бартенева[31]. Вообще уже не раз и не от одного я слышу заключения о моей неспособности к талантливому писанию, особенно в романическом и литературном роде. Надо доказать, что и здесь я дело не испорчу. Я говорю, я докажу и посвящу Кетчеру-Зоилу. Елена Константиновна говорила, что у меня есть задатки, что много сентиментального чувства, следо-

вательно, возможно поэтическое. Кетчер отвергал, и вообще я хвастал, что гениальное создал, и что будет у меня один читатель Кетчер, который по ночам читает всякую дрянь. Потешались.

8 апреля. Четверг. У Солдатенкова обедали, актер Самарин, что-то ко мне был расположен, льстился.

Утром был Иван Степанович Некрасов и рассказывал о своем учительстве.

11 апреля. Воскресенье. Упомянул, что Дуня едет на свадьбу.

Этого названия не перенесла. Тотчас укол. Как это Кетчер вас не похристосовал влюбленных. Кто в кого влюблен? Я спрашиваю и говорю, пора бы оставить эти разговоры. Не может выносить имени. Гнусные подозрения. Вот злоба.

19 апреля. Понедельник. Бог есть идея о единстве. Говорил с Александром Владимировичем о религиозном чувстве, которое является у очень умных людей в форме поклонения даже без всей обрядности. Я говорю, что, например, у Киреевского Ивана[32], как и у всякого, это указывает на слабость мозговых стропил, слабость ума. Крепкий ум не перейдет к этому, а слабый в эти минуты и начинает особенно слабеть, как скоро переходит к этому. Однако ж, говорит Станкевич, идея о Боге существует и всегда будет существовать. Есть в человеке стремление, которое не объяснишь. Знание отказалось решить разные вопросы. Оно и решается присутствием этой религиозной потребности в человеке, без которой никогда быть нельзя. Я: да что такое, эта потребность иметь во что бы то ни стало Бога? Это есть ни что иное, как потребность поэзии, потребность найти в мире единство. Знание отвлекает, из реального — сущность вещей. Из этих отвлечений человек творит образ единства, стремится дать своему сознанию образ пластический, цельный, полный образ единого понятия обо всем. Вот вам происхождение религии, религиозного чувства, понятия или идеи Бога. Это область творчества, художественных созданий, в то время как наука есть дело каменщика, механическое нечто в отношении к этому творчеству. Оттого человек насколько узнает, настолько и творит, ибо из ничего он творить не может, а творит из того материала, который добывает знанием. Сколько и как узнал, столько и так в таких образах сотворил. Оттого религии различны по месту, изменяются ежеминутно и, наконец, оттого у всякого человека своя религия, свои оттенки понимания и чувства, ибо каждый — творец. Крестьянин на основании сведений православных и языческих остатков создает свои представления о православии, о своей вере, и верит по-своему, по-русски. Мифологам следовало бы собрать факты верований, очистить их, а они сами творят миф, верования, которых в народе и не существует. Потом, идея о Боге, где существует, вне или внутри человека? Вне она не существует. Это создание человека, образ его сознания, более или менее поэтический образ, художественный. Это и лира, и эпопея, и драма вместе. Здесь вся поэзия, радость и горе жизни, как она осознана, т. е. задача жизни. Оттого столько различных

ступеней этого сознания и этого творчества. Это внешний мир, отразившийся, как в камер-обскуре, в дагерротипе, в фокусе внутреннего чувства и сознания человека. Это картинка, изображающая весь внешний мир, все не-я в самом человеке, как в стекле, в этом я. Это творение, художественное произведение каждого из нас. Вне этого изображения, т. е. религиозных идей, представлений не существует. Все это дело внутренней работы самого я. Процесс тот же, как процесс всякого художественного творчества вне создания. Поэмы, картины. Художник пишет Мадонну или что-то другое, Тараканову[33]. Что он создает и как он воплощает свою идею, свое представление об Мадонне, Таракановой? Воплощает акт сознания в живой образ, поэтический, вызывающий поэтическое и эстетическое чувство, как всякое творчество. Почти такое же творчество в сердце, чувстве создает у человека и образ мира внешнего. Он, сознавая его, стремится дать ему образ живой. Это творчество идеальное, которое всегда выражается и материально в памятниках, божествах, песнях и пр. Одним словом, религия, вера, Бог, миф есть создание чувства на основании анализов и действий, произведенных умом, сознанием. Очень понятно, что ум никогда не решит истин откровенных, беромых только чувством и им постигаемым. Разве в обыденной жизни мы не находим, не встречаем истин, которые понимаются и признаются только чувством, а не умом. Особенно рассудком. Ум, рассудок осудит иное стремление, а чувство чувствует в нем высшую правду. И эта высшая-то правда всегда и понимается только чувством, сердцем верится в правду, им только и постигается правда, отсюда присяжные. Иной плут, по закону, т. е. по уму, прав, а сердцем — откровением верится, что он виновен. Сердце открывает правду. Ум — механизм, сердце — творец. Его способность творческая, а способность ума — изыскивающая, анализирующая, разлагающая, сердце созидает, ибо оно любит, ум не может любить. Он потому и бесплоден, он слепец. Плодуще только сердце, чувство.

Вообще человек в отношении религиозного творчества стремится соединить свои понятия, знания, выводы в круг, шар, в цельность и единство, и бесконечность, ибо шар не имеет конца. Его конец в центре, т. е. в единстве. Это органическое сочетание разбросанных, разнообразных сил в одно живое целое, целое символически выражается шаром.

Помню никулинский субботник и нескончаемые споры. В первый раз как туда явился, зашел разговор о только что напечатанной пьесе Островского «Свои люди, сочтемся». Я высказал, что вообще это не суть уже великое произведение, затем о купцах отозвался, что все они мошенники, наиболее, потому, что купечество поначалу есть денной узаконенный грабеж и разбой. Были тут В. П. Боткин и Кузьма Солдатенков. Спор поднялся рьяный, запальчивый. Боткин советовал мне заняться изучением Адама Смита[34]. Я говорю, что он-то и учит разбою и грабежу, ибо учит, как богатеть на счет других, как увеличивать богатство. На эту тему долго длился спор; шумный и крикливый. Кетчер слушал и молчал, куря сигару

и раз только сказал «не уступай». Были все против меня и потому мне стало легче, когда я нашел сочувственника. Конец концов был тот, что мне советовал очень Боткин поучить Адама Смита, т. е. вообще поучиться, тогда и спорить...*

Субботние споры начинались всегда уже в разгоряченном состоянии за ужином или за закускою после водки и вина.

Я очень часто приходил в изумление от невежества всех этих ученых. Они пороли такую дичь, что Боже упаси. Меня удивляло еще и то, что все вопросы у них были решены. С иронией, сарказмом они отзывались о самых существенных вопросах ума и сердца, когда приходилось их ставить или когда они вдруг возбуждались.

В способности творить художественные созданья какое участие принадлежит чувству? Оно есть главная созидающая сила. Каждый мой поступок есть творчество моего чувства. Ум указывает, останавливает, направляет. Исполняет чувство. Если я действую только по требованию ума, я страдаю.

23 апреля. В сорок пять или в сорок четыре года, вообще после 40 лет я стал сознавать, что ленился и очень много, т. е. собственно не ленился, но боялся выходить с малым и незрелым делом на суд публичный, боялся высоты суда науки, как я понимал этот суд. Я ценил науку так чисто и высоко, что стыдился выйти к ней с неумытым рылом, с какой-нибудь статейкой необработанной, с материалом только что схваченным из архива и непереваренным. Я убедился, что школа, систематическое учение, университет дает, если не знание, то дает отвагу, уверенность в знании и заставляет человека выходить к науке с слабыми трудами, малоумными и маловесными рецензиями, статьями, критиками. Например, Афанасьев и все другие. Тихонравов с неделю назад приезжал и спрашивал о Морозовой[35]. Он читал ее житие с хвастовством, что это новооткрытие. Я ему показал свой список, прибавив, что он 20 лет как списан. Я не сумел сделать употребленье из него. Не сумел потому, что цензура не пустила бы, потому что не обработан, а они тотчас пускают в свет все, что только редко, метко. Но что ж выходит? Слава, реноме приобретаются мелкими статьями, материалами и т. п.

29 апреля. Четверг. Обедал у Станкевича по случаю 14-летнего брака.

Федя Корш в разговоре с вами как будто боится, что скажут ему что-нибудь такое, что он не знает еще. Он желает на каждом слове показать, что он, если не все, так значительно знает больше вас.

Грановский говорил, что первой книгою его чтения был Всемирный путешествователь de la Порто[36], что он по нем учил историю, и вообще он отзывался об этой книге с большим уважением и ценил ее достоинства.

---

* На полях: «Я позволил себе поставить вопрос о купцах. Что нужно узнать, как связаны там купцы за границей и сравнить с нашими, тогда и поймем, почему наши прячутся, а там свободно говорят в парламенте друг про друга. Батюшки, какой крик поднялся, беда».

Едва ли ни эта книга имела прямое влияние на свойство его таланта профессорского.

4 мая. Вторник. У Станкевича был В. П. Боткин. Судили о настоящем времени. Он заметил, что нет художника, чтобы изобразить эпоху, создать типы. А материал богатый. Либералы, крепостники, нигилисты и прочие. Вообще, еще помещичий быт не изображался. Купеческий изображает Островский. Время отличное.

После я характеризовал, что ум Боткина мне нравится, он мягкий ум, напротив, у Дмитриева — жесткий. Елена заметила, что это дилетантический ум. Александр доказал, что у Дмитриева великая голова, что дельные люди имеют ум жесткий, иначе и нельзя.

5 мая. Среда. Смотрели картины и акварели у Боткина.

Все это прошло. Все это было так тяжело и скорбно, что я насилу перенес. Если эту пытку я вынес, то, стало быть, крепок, стало быть могу вынести всякие пытки, могу вытерпеть и огнем жжение, и костей ломание, и кнутом биение, и ноздрей вырывание, и кожи сдирание, и гвоздем в живое тело забивание — все и вся. Остался цел, хотя и искалечен, хотя и каторжный — несчастный. Не осталось ни одного нежнейшего места в сердце, в человеческом чувстве, которое не было бы изуродовано. Ломились все составы под этим тяжелым крестом, ныли все кости от этого непрестанного бичевания. А рассказать? Что я расскажу? Никакого события, никакого происшествия, ничего осязательного такого, на что бы я мог указать как на видимую всем причину, реальную причину в роде грабежа, пожара, потопа, от которого страдал и падал духом. Что я расскажу? Все это глупо. Здесь нужна музыка, одни звуки без слов, один вопль разбитого, растерзанного, безумного сердца.

Осенью, не помню, в сентябре, кажется, или в октябре приехал в Москву на зиму С. Я шел куда-то, вдруг слышу крик К. — зайди на минуту. Он мне сказал о приезде. Ты, говорит, зайди к ним. Тотчас же я и отправился. У Мореля застал Е. и Д. Встречен был, как старый друг, самым симпатичным образом, чего я ни с какой стороны не заслуживал, на что не имел никаких прав. Спасибо добрым людям. Поговорили о том, о сем, о моих детях и службе. Сожалели, что мало вознаграждений и выгод дает мне служба и мои заслуги по открытиям. Е. заметила, что следовало бы мне 5 тысяч в награду дать. Все эта позволительная им мечта. — Я хочу непременно познакомиться с вашим семейством, хочу непременно видеть ваших детей, говорят, они отличные девочки. Вы позволите, я ворвусь к вам непременно. Позволяете?

Я отвечал на этот теплый, самый искренний привет, вызванный особенным расположением к моей бедной персоне, — как я отвечал? Я знал, чем мне отзовется это горячее участие, я ощущал уже те пытки, которые будут преследовать меня, за каждую минуту, в которую выразится чем-либо это участие. Я тупо и глупо молчал. Но Е., не взирая на мою глупую

фигуру, высказала: Ведь мы вас считаем, как родного. У нее выступили слезы на глазах. Это было сказано с искренним чувством, с горячим сочувствием к моей особе, которого эта особа, по правде, не стоила. Говорили о том, что девочкам необходимо общество, необходима практика в языках, что она готова в этом помочь, что Д. возьмет на себя беседовать с ними. Я заметил, что она может быть им очень полезная учительница. Что все это для меня очень дорого, что я высоко ценю все это. Вообще же я соглашался на это неохотно, отвечал и сидел глупо и тупо. Я думаю мои собеседницы заметили эту странность. Итак, было решено, что Е. ворвется ко мне. Это случилось однако ж не раньше 6 декабря. Они были у меня, ознакомились и остались очень довольны детьми. Очень понравилась их простота, свобода, прямота в обращении. Сказано, что пришлют когда-либо в воскресенье за ними к обеду и просидят вечер, на целый день.

До Рождества семейству моему случилось только раз быть у С. Я не был. Впечатление дети произвели хорошее. 25 декабря я был у Е. с поздравлением и наслушался похвалы детям несказанной. Е. просила, чтобы приходил обедать, как хочу, т. е. во всякое время. Будут очень рады.

Новый год встречали мы у них. Отсюда и начинается.

Человек родится слабым и глупым, глупее всех животных. Школа вносит в его привычки разумность, в поступки целесообразность и т. п., вообще дает ему то, что животное уже инстинктивно в себе наводит. Хоть и царь мира, но страшно глуп и слаб. Дисциплина, дрессировка необходима. Хорошая школа в художестве, в ремесле, в науке — все равно как и в нравственности выдержка. Вежество. Домострой уже школа и потому выше стадности и потому — результат цивилизации. В понятии о цивилизации заключается уже представление о школе и порядке.

Время идет скоро. Еще скорее уносится куда-то жизнь. Дни и годы, которые, казалось, так трудно было переживать, которые так долго тянулись в напрасных ожиданиях, исчезают наконец без всякого следа. Лично для себя, пожалуй, чувствуешь утрату сил, какую-то усталость: прошла весенняя жажда, с которой бросался во все стороны... Меньше порывов, меньше увлечений, становишься умнее, холоднее. Но это только лично в себе чувствуется такая перемена. Кругом по-прежнему идет, шумит нескончаемый и неумолкаемый пир — жизнь. Сам ли остановился, или она от тебя быстрее побежала, только видишь, что нам возможности.*

Глупость и глупость, и больше ничего. — Так вы других причин не находите? — Никакой. — Это одна, самая матерая причина. От этой причины происходят все последствия, которые мы называем потом причинами всяких явлений и проявлений нашей общественной жизни и деятельности.

* Предложение не окончено.

1 мая встречал весну на даче Пикулина. Погода скверная. Облачно, дождь. В 12 часов была даже гроза. Я обедал и думал от скуки завалиться спать. Прислали. Пожалуйте сейчас к Кетчеру. Иду. Там Пикулин. Поехали. Ну, обед, все отлично. Дисгармонию произвел Кетчер. Он разразился над Еленой Константиновной за то, что она принимает всякую пошлость и не принимает великих людей, т. е. Дмитриева, как он после мне сказал. Но во время грозы никто, и думаю сама Е. К. не знали из-за чего гром. — «Я очень рад, что выблевал вам это, я долго ждал случая выблевать. Ну, слава Богу, теперь выблевал вам это». Ужаснейшая дичь и грубость. Грубость, оскорбившая до глубины души меня и всех, как после я заметил, Алексеева, например. Отсюда возникает вопрос: Что такое Кетчер? Откуда идет то, что ему все прощают и все от него терпят? Он мне напоминает Белоцветова и вообще кутил-забулдыг медико-хирургической Академии, добрый симпатичный малый, которому все прощаешь.

На именинах И. Грековой Шумский[37] забавно рассказывал, как маленьким в театре он изображал в числе других амуров, как этих амуров поднимали и сортировали друг дружке за волосы, ухватя и перенося с места на другое. Как секли их розгами в наказание. Иногда посреди сцены, когда занавес опущен, клали нарочно для страху.

Об «Воеводе» Островского спорили. Я ругал и Анненкова. Мерзость. (Пришла мне мысль, что вся наша поэзия устремилась теперь в живопись, т. е. согласно идее Лессинга[38], делает захваты в мире живописи, отсюда все картинки и в стихах. Фет[39], и в драме Островского, Чаев[40] и пр. все. То, что собственно принадлежит поэзии — действие духа, удалено на задний план, и нет талантов для этого. «Воевода» Островского есть только картина, живопись, а не поэзия в собственном значении.)

В детстве я никак не мог понять, что такое страх Божий, да еще он — начало премудрости. Спрашивал и не находил удобного ответа даже в Катехизисе.

20 октября. Среда. Обед у Станкевича. Чичерин, Дмитриев, Евгений Корш, Кетчер и я. В конце — разговор о религии. Чичерин говорит, религия необходима для человека. Христианство не удовлетворяет. Надо новую. Какую? Древность развивала Отца-бога. Христианство — Сына-бога. Теперь надо Духа-святаго. Помирить язычество с христианством. Ничто не пропадает в жизни, а только, отрицая старое, восходит на новую степень или ступень (которая, скажу, не может существовать без старой, ее подпирающей). Говорил, что православие лучше всех, ибо здесь свободнее. Толкуем пустяки. Загробной жизни нет. Предания — чепуха. Доказывали ему, что тогда нет православия. Но, говорит, общая господствующая церковь необходима. В ней находит человек примирение, прощение. Станкевич сказал, что в Америке нет господствующей, а там религиознее люди, чем где-либо. Чичерин не любит американцев. Стало быть, не понимает их. Он говорит, что они только практичны. А кроме практичности жизнь есть абсолютная вещь, без которых нельзя быть человеку. Вот это то абсо-

лютное и есть религия, церковь, которой каждый должен примкнуть, иначе он ничто. Станкевич говорит, что в Америке каждый искренно примыкает к родственной ему группе, а в церковь лицемерно не веря. Что лучше? Я заметил, что христианство исключило отношение человека к природе. Оттого и выдохлось. Евгений Корш всегда поражал меня довольно и даже очень твердыми осуждениями того или другого сочинения, той или иной книги. С презрением отзывался о таких книгах, которые всеми уважалась, например, о Куно Фишере[41]. Откуда это? Думаю, живет чужим умом. Заграничными критиками, да еще случайно где прочитанными.

20 ноября. Суббота. Обед у Станкевича. Чичерин все больше поражает меня оригинальностью своей головы. Это немецкий учебник с разделениями, подразделениями и т. д. Так от него тянет книгосистемою, что не узнаем, живой ли это человек. Спор был о том. Я сказал, что конец концов развития человечества, всей истории есть индивид, индивидуальность. Он стал доказывать, что человек существует только для общего, что это общее есть нечто, а что человек — ничто. Дальше он согласился, что общее и частное связано живою жизнью. Это так. Но после оказалось, что и он, и Кетчер, и Станкевич разумеют под индивидом простую случайную личность, именно Ивана, Петра и их стремлениями объясняют общий смысл индивида, т. е. стремлениями, порожденными частно, т. е. воспитанием, местом, временем, личным характером. До идеи индивида общего, как высшего, общего определения всякой такой частности они не дошли. Я говорю, задача всей истории отыскать общие, постоянные определения, законы для жизни индивида. Это общее, все-таки, не само себе цель, а цель для жизни индивида. Нет, говорит Чичерин, общее не зависимо от индивида. Индивид есть средство, так я и на лекциях читаю и убежден, что это хорошо, а я говорю, что человек есть цель, а общее есть средство. Он начал математикой доказывать, что целое выше части, целое есть общее, часть — человек. Да в том-то и дело, что целое — т. е. идеал индивида. Вообще, Чичерин не имеет понятия о сущности индивида, личности. Он ее понимает как личное себязнаемое, эгоистическое, а не особное в высшем значении. Я говорю, что весь мир существует потому, что индивид есть цель всей жизни. Жизнь только и есть в индивиде и нигде более. Общее есть общее индивидов, оно потому выше каждой частности, потому и служит ему идеалом, но оно само по себе не живет, а есть только закон жизни, порядок, строй жизни, норма ея. Часть не может вместить в себя норму всех частей, но она стремится к такой норме — отсюда общество, государство, всякие порядки общей жизни. Что-то ссылался на Канта[42], но верно Кант говорит не то. И Станкевич сказал, что Кант для него единый философ. Нельзя спорить, когда Кетчер участвует, он всегда как-то снимает всякий спор, разобьет его так, что трудно собрать мысль. Потом торжествует победу, т. е. свою растрепку спора. Удивительный тип.

29 ноября. В заседании Археологического общества Калачев пересказал мне, что мои слова справедливы о министре юстиции[43], что с ним дела иметь нельзя. — Вы правы, вы очень хорошо понимаете.

Дело в том, что звал меня быть начальником архива и поступить сначала кандидатом. Я отказался. Осенью и совсем представил ему резон, что пока он начальник, его будут уважать, а меня сотрут. Он доказывал, доказывал, что все это вздор и т. д. Я настоял на своем. Теперь оказалось я прав. Дело с титулом, он предложил описать систематически. Его теперь погоняют канцелярские, чрез три месяца требуют, отчего не представлена опись. Вот после чего и отдавайся зову этих господ.

18 декабря. Суббота. Обедал у Станкевича. Пикулин рассказал анекдот Грановского. У картины «Последний день Помпеи»[44] стоит толпа зрителей. После некоторого благоговейного молчания из толпы один пожилой полковник со вздохом вымолвил: Все там будем.

На субботах Пикулина Мин несет проповедь, чтоб все освобождали крестьян. Пристает к Станкевичу, к Сатину, надоедает им.

Вильберфорс[45] и Спиноза[46] перемешиваются у него. Подскажи «огурец», он и огурец хватит. И так вот говорит «огурец»... Он: говорит «огурец» вместо Спинозы. Он отличался страшным сумбуром. Часто повторял одно и то же. О духе и душе бесконечные споры. Его называли Вильбершвах.

Нынче Кетчер разразился громом на меня за то, что я сказал, что в диссертации Георгиевского[47] могли быть мелочи, против которых Герье, а, возражая против мелочей, он, конечно, мог быть придирчивым, как показалось Елене Константиновне, за которую я стал. «Батюшки! — Это наглость, ты не имеешь права говорить, ты невежа, а нагло судишь о чем не знаешь и т. д. У него принцип против нигилистов. Он считает и меня за такого же и валяет. Но все потому, что патента не имею. Но тут же он доказьшал, что Соловьев-декан не имеет права сказать как бы поучение Георгиевскому, не имеет права давать ему урок. А мне так и ругательства позволены и за что ж, за то, что мнение только сказал, что в ученой книге всегда есть много мелочей, а если их опровергать, то значит, просто придираться, ибо важнее есть вещи.

1866 г.

2 января. Воскресенье. Обед у Станкевича. Кузьма, Соловьев, Евгений Корш, Б. Чичерин, В. Боткин, Нил Попов, Ф. Корш, Герье, С. Чичерин, Ф. Дмитриев, Кетчер. Дмитриев показался мне нынче что-то довольно пошловатым. Все одна и та же тема острот: Катков и Леонтьев[1] вот уже другой год. Он уверял меня, что по чувствам он очень молод. — Я не состарюсь, я долго буду казаться молодым. Я со студентами всегда являюсь студентом, т. е. нахожу у каждого теплую струю, за что они меня любят. О чем умно он заметил, что многие родятся сорокалетними, на-

пример, Бессонов, Бартенев. Они родились уже зрелы и умом, и чувством. Чичерин подтверждал, что помнит их студентами, такими же были. Дмитриева симпатии аристократические. Да еще большего тону. Он защищал мне значение нашего высшего круга, т. е. магнатов, на мое решение, что это тряпье, из которого ничего не выйдет. — А где, говорит, родилось и воспитано понятие о чести, как не там. Я говорю: у разночинцев, путем литературы. Кетчер вскричал: врешь. — У высшего класса родилось понятие о чести. Я говорю: у среднего дворянства так, а у высшего только хапанье да высокомерие. Дмитриев пошел вилять, в сторону, в сторону и замял разговор.

Соловьев насмешил рассказом, как Чичерин подходил поздравлять ректора Баршева, с выбором вторичным, которому он не сочувствовал. Только, говорит, два случая подобных помню в жизни. Это там, когда Чичерин благоговейно ректора шел поздравлять и другой, когда Галахов шел к исповеди к попу.

После обеда в этой долгой гостиной зашел у меня спор о свободной воле с Чичериным, Соловьевым. Поддакивал Попов, а Кетчер покрывал своим деспотическим голосом все мои возражения, крича, что я вру. Дошли до того, что есть идеал. Я говорю, черт его побери, этот идеал то и мешает моему счастью. Все захохотали, и Кетчер: вот твой здравый смысл и привел тебя к противоречию. Ястреб, который терзает птицу, не находит в этом ничего худого, а обыкновенное. Он думает, что так и следует. Это Чичерин говорил: А человек сознает себя и т. д. Дальше он говорил, что мотивы частного и мотивы общего человек выбирает — вот в чем свобода.

5 марта. Суббота. Обед у Станкевича. Два Чичерина, Корш, Кетчер, Дмитриев, Б. Чичерин, Дмитриев прибыли из университетского совета расстроенные, истерзанные. Баршев послал свое особое мнение о выборах Лешкова на продолжение сверх выслуги его профессуры, а мнение Дмитриева не послал, который протестовал против выборов. Дело плутовенное. Чичерин горячился и очень[2]. Дмитриев и рассказывал, что с Советом, как со скотами поступить надо по-скотски. Особую надо тактику, которая должна основываться на таких же подлых мотивах. С подлецами надо подло поступать. Например, Чичерин в споре отправляется от сущности, от основной идеи души, а этого никто не понимает. Все стоят только на частных личных интересах. От того и не выигрывает никто порядочный. И это в университете, что ж теперь делать. Юноша настраивается образованием, наукою, на высшую преданность благороднейшим идеям, преследует благороднейшие цели. И вдруг вступает в круг, где все пошло, самолюбиво, мелочно-самолюбиво. Вот и вспомнишь Грановского, который один указывал цели возвышенные и благородные. Помню я его лекции о средних веках, где при всяком случае он намекал на высокие образы благороднейших движений и стремлений души, именно стремлений к общему, выставлял всю узкость частного.

Дмитриев заметил, между прочим, что Кетчер питал ко мне беспре-

дельное расположение, почему говорит сына Кетчер не научил от вас различать хорошее и сомнительное от дурного.

Печально положение археолога неимущего и собственным трудом проложившего себе дорогу. Общество избирает его членом, просят для общей пользы работы, когда он затрудняется, некогда ему — они глядят косо, как на лень. Но никто не спросит его — что он ест, как добывает насущный кусок хлеба. Помочь ему, дать ему средства образовать себя — нельзя, денег нет. Я сделался чиновником для раскопок, в то время, как ваше сиятельство, при определении меня назначали, словом, быть членом для «русских древностей». Держите нас весьма умеренной степени вознаграждения за отличие.

Археология началась с редкостей. Чтобы собирать редкости, нужны деньги. Поэтому археологические знания начались в богатых хоромах у аристократа. Она перешла как знание, скомпоновалась в историю изящных искусств.*

1869 г.

14 января, во вторник был обед у А. В. Станкевича. Начался разговор о необходимости издавать журнал. Все очень в этом согласны, только редактора нет, нет лица руководителя. На это особенно напирал Станкевич. Стали испытывать, кого бы выбрать. Капустина[1], потом Дмитриева предложили. Тот начал толковать как следует вести дело. Выходило както посередке нужно идти, не патриотически, как «Московские ведомости», ибо это значит возбуждать страсти. В отношении Польши и Западного края — умеренно, с защитой крупных землевладельцев. Остановились дать Дмитриева, а ему в помощь Капустина и Герье. Я увидал, что все тут пусто и пошло и надежды нет. Желают, но сами хорошо не знают чего. Мне показалось, что желают пристроить к делу своих друзей исключительно. В тот же вечер был у меня Тихонравов, звал в субботу вечером. Викторов[2] мне в четверг в Оружейной Палате объяснил, что для переговоров с журналом. Прихожу в субботу. Другая компания. Афанасьев, П. Барсов[3], Иловайский, Викторов, Веселовский[4], Дювернуа, еще какой-то Филимонов — толковали, что надо журнал, что в Санкт-Петербурге, вот издают. Веселовский, кажется, затевал. По-видимому Тихонравов пересилил, предложив возобновить свои летописи, расширил программу. Тоже все пусто и пошло, и сами не знают чего хотят. Ученые статьи и так ни у кого не лежат в портфеле, стало быть, что же еще нужно. Я напирал на критику. И там и здесь все согласны, что это важнейшее, первое дело. Толковали, толковали и, ни на чем не положив, разошлись. Я бил на то, чтобы не даром, что надо платить, что надо бить рублем, а без того ничего не будет. Как все это напоминает мне пору, когда заводились разные об-

* Возможно, набросок послания графу С.Г. Строганову.

щества археологические, древнерусского искусства. Тоже пустота, пошлость, а в сердцевине тщеславие или потребность хозяйничать в своем горшке. Сам большой. Напоминает еще историю издания «Атенея»[5]. Две капли воды, все то же, но тогда был найден редактор, лучше которого не было.

Однако ж, Елена Константиновна просила потом при Корше не заводить разговор.

Вчера, 31 января, пятница. Был опять обед у Станкевича. Были Соловьев, Чичерин, Дмитриев, Рачинский, Герье, Е. Корш, Черинов[6], Кетчер. Я начал тем, что если б был редактором, то задал бы статью, что сделали остзейские немцы для просвещения России, как они хвалятся того дня в «Московских ведомостях». Обнаруживалось, что после первого разговора Чичерин и Дмитриев ездили к Соловьеву говорить о журнале. Тот принял за серьезное. И теперь начал было разговор как о серьезном деле. Обнаружилось, что год назад Соловьев сам один хотел издавать журнал, и Капустин опять восстал как важный редактор. И в первый раз тут припомнили Щебальского[7] как славного, совсем необходимого сотрудника. Соловьев будто остановился за тем, что нельзя употребить Бабста и Капустина. После долгих толков Соловьев увидал, что все это шутки, лучше, говорит, оставим. И начал речь о сиамских близнецах, что они хотят распилиться. Все поддержали эту тему с наивностью и стали рассуждать, что умрут ли близнецы, если один умрет, что у них жены есть и т. д.

16 марта. В воскресенье открывали Археологический съезд в доме кн. Голицына[8] покойного Сергея Михайловича. Извозчик — и подъехал я за каретою, санями и т. д. в половине первого. Красная ливрея на швейцаре и лакеях, красное сукно по лестнице, за которое, когда я было невзначай зашагал по нем, швейцар дал мне замечание — по сукну не ходить. Порядок. Но кому пальто отдать, никого не было. Иду, наконец, вверх. Прямо зеркало, по сторонам два красных лакея высокие, стоят неподвижно, точно статуи, у одного лицо смахивает на египетское что. Эффектно. Толпа. Билеты принимал какой-то молодой офицерик с белым бантом в знак принадлежности к археологическому корпусу. В одной из зал музея, у стены под мраморной статуей ангела с ребенком у ног, было устроено возвышенное место со столом и слева кафедра, убранная зеленым сукном. По программе следовало петь «Коль славен». Но на кафедру взошел было Делянов и стал перевертывать листы своей речи, готовясь ораторствовать. Это продолжалось минуты три. Ему сказали, что начнут певчие, он сошел и сел на председательское место под мраморную статую. Когда певчие пропели, Делянов снова явился на кафедре. Рожа какая мерзопакостная, точно какой-то волдырь водянистый, что-то вроде водяной мозоли. В речи, кроме официального сказания о разрешении съезда, заключалась похвала выспренная старому Уварову[9], которого он обозначил усопшим, вместо покойный, и затем, конечно, слава пропета молодому[10]. Объяснилось, каким путем разрешен съезд. Толстой[11], министр, находил-

ся в очень близких отношениях к старому Уварову — все дело понятно, почему торжествует молодой. Потом явился на кафедру этот Уваров и восхвалил министра и Делянова и университеты, что способствовали делу и отозвались сочувственно. Потом Вельяминов-Зернов[12] восхвалил самый съезд, как все вышло хорошо и удачно, так даже, что и заседаний пожалуй, не надо, все готово, все предсделано. Потом Срезневский[13] доказывал вяло и неясно, как съезды полезны, тоже с кафедры. Потом Погодин с своего места из-за стола говорил историю русской археологии, сначала восхвалив старого Уварова, а молодому на ус. Молодой, видимо, торжествовал.

Первое заседание — о суздальских памятниках архитектуры, очень мало выработано против того, что было мною писано в 1850 г. о Дмитриевском соборе[14]. Доказывали, что романская происходит от византийской и т. п. Уваров доказывал, что не Андрей, а Юрий Долгорукий был начинатель этого зодчества с 1152 г., а мы скажем, что Мономах. Все наводит соображения, что в Суздальской области было свое развитие.

На 4-м заседании вечером во вторник ораторстововал Срезневский. После была и Уварова[15] на вечере по особому приглашению.

В среду утром Погодин продолжал свою речь. Затем пошли рассуждения о необходимости преподавания археологии. Буслаев тотчас свел его на специальности и говорил лишь о подлинниках, называя их наукою, которая начинается с XVI ст., т. е. со времени остановки, застоя. Застой он и называет наукою, а вся наука заключается в том, что подлинники дополнялись, развивались.

Доказал, что археологию в виде истории искусства иконописи должно преподавать в семинариях. Ораторы: Срезневский вывел несколько на общую дорогу, сказав, что и все другие памятники заслуживают учения. Неясно указал, что главное, они рисуют жизнь. Намек на мою идею. Попов[16] стал пороть дичь, высказал гимназические понятия об археологии, говорил, что преподавать не нужно, потому что археолог должен все знать. Что есть история искусства, что есть древности греческие и римские. Срезневский патриотически заметил, что есть, только почему ж не преподавать русские. Солнцев[17] прочел речь, что археологию нужно как-то уважать. Толстой[18] — о сохранности памятников, и указал как замазывают иконы у Троицы. Казанский[19] возражал, что есть много законов, распоряжений Синода. Что в Лавре не замазывали иконы. Погодин заметил, что законы есть, но не исполняются, что памятниками у нас почитают Минина и Пожарского и Петра только. Прохоров[20] предложил какие-то услуги по сохранению памятников. Вообще, рассуждения с общей точки были слабы, поверхностны. Все стоят еще на аристократическом сознании о памятниках как на курьезностях. Никто научного значения не понимает. Никто не понимает, что история и археология правая и левая рука, не отделимы от организма науки.

Попов — нельзя преподавать, потому что есть археология славян, а русские только часть славян.

Записывать все скучно. Общая характеристика всего съезда та, что это была ярмарка тщеславия. Всякий хотел рисоваться пред публикою, иные прямо себя хвалили целыми статьями. Добрый Бутовский[21]. Погодин первый оратор, раздавал всем оценку как отец или учитель в школе. Этот хорошо, и тот так себе. Похвала себе, смешанная с похвалой приятелям. Но состояние науки не выяснено. Погодин перечислял новые труды, забыл мой «Домашний быт» по той причине, что сочинение не приятельское. Расхвалил Мурзакевича[22] за сохранение царского кургана, Савваитов[23] вышел важнейший ученый и т. д.

14 марта в пятницу Тизенгаузен[24] ко мне приехал. Спрашиваю: Что же, граф насчет моей поездки. Ответ: Пусть едет. Это его дело, но не Комиссии, а потому дать подъемных вполне нельзя. Я: Так он ничего не хочет дать? Замялся немец: Нет, я не знаю. Он вообще говорит, что содержание у вас останется.

Потом я был у него в воскресенье. Долго сидел, 2 1/2 часа. Не заговаривал. Стал прощаться. Он говорит: Поболтаем. Стал сводить на раскопку, на мое дело — ничего.

28 марта, последний день. Говорит: Приезжайте в Петербург, там все уладите. И объявил, что граф и не думает ничего давать на поездку. Вот когда объяснилось. Отчего же не сначала? Я говорю: Не поеду.

1870 г.

Относительно переводов[1]. Верхний слой, наша интеллигенция, знает французский, или немецкий, или английский языки. Она воспитывается по иноземному. Отсюда множество последствий.

Но надо же образовать интеллигенцию и из народа. Он темный. Барин захотел бы прочесть классиков, он берет не греческую же, а французский, немецкий, английский перевод. Отчего же не быть русскому переводу. На чем же будет воспитываться умственность народа? Ей надо пищу. Переводить значит умствовать на своем языке. Если не будем умствовать, будем вечно дети. А жрецы науки-то и отстаивают, чтобы не было переводов, ибо их цель — вещать, просвещать, освещать темные умы собственною особою. Кто истинно желал, чтобы русский человек поумнел, это Петр. Екатерина очень хлопотала о переводах. Что по-латыни, по-немецки, по-французски мыслят это доказывает слог — галлицизмы.

4 октября. За обедом у Кетчера в пользу Грановского я жаловался на Академию по поводу присуждения премии. Говорил, что не из-за чего работать, что себе стоит дороже, каждый лист себе стоит извозчиком и тасканьем в архивы 35 р., да 20 р. за печать (мало). Козма, которому я объяснил, что мне премию едва дали, сказав, что переношу теперь работу на другое поле, ответил мне, что он обеспечивает мой труд и обратился к

П.Н. Грекову[2]: будьте, говорит, свидетелями, я обеспечиваю работу Ивану Егоровичу и, прибавил, третий том. Греков тотчас и похвалил Козму за это брату Чичерина, сидевшему рядом.

30 октября, в пятницу, был у Дашкова[3]. У него сидели какие-то два. Говорили все по-французски. Догадывался, что один Ренар[4]. Другой оказался Трауршнехт[5] что ли. Профессор земледельческой академии. Когда они ушли, Дашков начал: «Вот, батюшка, я русский и очень люблю русских, люблю отечество и т. д., но должен взять в музей немца хранителя минералогического кабинета. Был у меня русский. Но знаете, все русские как-то все делают не так, спустя рукава, а немец, хоть и будет приставать, за иголкой ниткой все вытянет, да и все сделает отлично. Вообще, Дашков выразил сомнение и даже уверение, что русские не годятся, а немец и берется за дело-то даром, только из-за награды, чина и т. п. Дашков говорил то, что все думают о русских, начиная с императора. Все высшее общество так думает. Но отчего это? Я думаю, что Дашковым с немцами говорить по-французски гораздо ловчее. Ни немец ничего русского не знает и всем пренебрегает, ни Дашковы ничего не знают и потому всем пренебрегают. С русским ему говорить, да еще по-русски — сейчас покажется его невежество, даже перед семинаристом. Оттого он, Дашков, и боится русских.

Сделал он мне поручение, и сам не понимал, что говорил[6]. И я ничего не понял. Что-то надо издавать. Поговоривши с Соловьевым, узнал по крайней мере, что он предлагал издать. Это история русской археологии. Тоже не совсем ясно. Но Соловьев разумеет художества, важно, говорит, и для художников. Вижу, что сам я должен организовать. Составил проект истории культуры собственно.

8 декабря, во вторник, был у Дашкова с проектом. Принял он меня с энтузиазмом. Лежал у него на столе мой том II. Восторги от моего труда. Я говорит, знаю, что у нас теперь историки не Соловьев, не Костомаров, а вы. Я теперь только узнал русскую историю, понял все и т. д. в этом роде. Теперь, говорит, делайте из меня, что хотите, я к вашим услугам. Потом я прочел ему проект. Согласился. Но что выйдет, не знаю.

14 декабря. Был у меня Викторов с предложением от Дашкова выпросить у Солдатенкова 10 тысяч рублей на выставку Общества древнерусских художеств. Я отказал ходатайствовать. Рассказывал он об Археографической комиссии[7]. Печатание летописей разделено между Бычковым[8], Савваитовым, Палаузовым[9]. Получают по 45 руб. с листа только за корректуру. Переписка особо. Палаузов сам ничего не делает, за него печатает Тимофеев[10] и деньги сколько-то берет, Палаузов только подписывает. Так издавал и Костомаров. Да и Бычков. Бычков главный воротила. Муханов[11] без него ничего не делает, не мог даже определить Викторова в члены. Друг друга ругают. Савваитов вперед взял 700 р. и напечатал только лист. Но замечательнее всего то, что Викторов, член комиссии, когда ему поручил Муханов что-либо взять на издание, ходил к Погодину и Со-

ловьеву спрашивать, что лучше издать. Погодин указал Синодальную летопись XVI в.[12], Соловьев — книгу «Икону» — дело патриархов[13]. Что за неурядица. Комиссия в лице своего председателя и члена отыскивает, что издать, а летописи не изданы.

1871 г.

9 января. Дашков вызвал. Стали толковать. Он или хорошо не прочел или хорошо не понял моего проекта. Толкует, что он будет мне платить 6000 р. за том и что только попросит вычесть за издание и рисунки. Помешал Ренар с сыном. Отложил до среды.

13 января. Среда. Пришел к Дашкову. На чем же мы остановились? Да на том, в чем собственно ваше желание. Толковать начал, чтобы 7 тысяч на оба тома я позволил вычесть из продажи двух томов. Это в мою пользу, ибо 12 тысяч он сказал отдаст мне. Но я написал в проекте, что уступлю ему первое издание 2400 экземпляров для выкупа, чтобы он ничего не терял. Я это ему и сказал. «Ведь я уступаю вам все издание первое, а вы мне платите 12 т. и издаете. Это в ущерб мне, да делать нечего, так писан мною проект». Он обрадовался и покончил. Выпросил три пункта: 1. Читать ему готовые главы в свое время. 2. Выставить, что он пожертвовал на это издание, т. е. показать его заслугу. Я сказал: «В предисловии, это обязанность[1]. Только, говорит, кроме счетов. 3. Позволить перевести на немецкий язык. Я согласился.

Я заметил, что я пошел не с охотою. Он предлагал гербовую бумагу, всякие условия сделать официально. Я говорю: «Гербовая бумага, ваши деньги — вперед». Говорил, что на случай смерти он все в духовном завещании обозначит, и до последней копейки выплатят. «На случай моей смерти, — я сказал, — вы издаете все, что останется». Говорил: «Я знаю, что это будет не история русской археологии, а русская история внутренняя, будет монументальное сочинение». Я сказал, что это будет последний мой труд.

На 11 февраля Дашков вызвал меня для уплаты 1000 р. Говорил, что заглавие иное должно быть — история русской этнографии. Я сказал, что будет история русская, культурная. Он говорил, что потому и послал ко мне, что прочел у Штейна[2], который оправдывает народ и обвиняет правительство, кое все иностранно, в разладе с интересами страны. Спросил, с какого времени у нас французомания и все то, что мы не русские. Я говорит, желал (от части славянофильское) показать, как важен народ, и вообще что-то говорил неясное о народе. Я ответил, что мои 30-летние наблюдения все сюда лягут, что я хочу именно показать, какова сила народа.

12 февраля. На именинах у Корша сказал Чичерину, что поладил с Дашковым и буду писать не историю археологии, как указал С. М. Соловьев, ибо это не известно что такое, а буду писать историю культуры. Он затруднился и говорит, что это велико очень и не определенно. Тут все.

Домашний быт есть только часть, доля. Я говорю: да, но можно попробовать. Вообще он разумеет под этим великое дело. Это точно. Но у меня кое-что назрело. По-моему, история культуры есть история выработки себя народом, история собственной выработки. Я возьму за масштаб отдельное лицо. Эту задачу жизни общества и истории. Индивид всегда себя вырабатывает — это одно. При посторонних влияниях, направлениях (семья, школа, общество) — это другое. Для народа семья значит география, климат, вся физика. Школа — все условия с соседями. Общество — тоже отношение к соседям. Школа еще значит — условия собственного развития. Например, родовой быт, царь, татары и т. д. Это школа, наука. Затем ум, чувства, воля. Развитие всего этого. Развитие ума — общие условия. Частные — местные. Общие — значит, вообще человеческие, всему роду принадлежащие условия относительно, например, изобретение лодки, избы и их форм. Местные — следовательно, собственно народные. Так и с чувством. Общее начало поэзии и местное. Веры, музыки и т. д. Воля — то же. Вообще, в истории культуры будет раскрыто, как общие начала человеческого рода получают местное, народное выражение, развитие, в какие формы и силы вырабатываются посредством физики местной и влияний товарищей-народов, и, наконец, целого общества народов. Общество народов вносит уже идеи общечеловеческие. Соседи пробуждают идеи частные. Наша история развилась в этой земле. Следовательно, показать как и с чем сюда пришел человек, что нашел и с чем стал дело иметь.

19 февраля. В 7 часов вечера читал первую лекцию в Обществе любителей художеств[3]. Чичерин на мой вопрос, что я бы прежде всего хотел выслушать его мнение, сказал — бессодержательно, общее все, надо сократить наполовину. Прямо нужно было к делу приступать. Станкевич А. В. говорит: «Это для нас интересно, а художникам этого не нужно. Это все наука, вы все о науке говорили». Они говорили о том, как я изъяснял археологическую историю и т. д. Чудные люди, сами говорят, что художники все необразованы и сами же смотрят на них как на сапожников, говоря что надо прямо к делу, т. е. поменьше общих соображений, прямо к специальному.

Но зато сами художники приступили ко мне с благодарностью именно за то, что осуждали друзья. Они говорили, что поняли теперь отношение и связь истории с археологиею. Вы, говорят, так любите это дело. Дельное замечание Дашков мне сообщил, что слышал, как позади его два художника судили о том, что я говорил [чтобы не брали целиком слепки, снимки с древнего.] Вот, говорят, Иоанн IV играет в шахматы. Так шахматы в Оружейной палате, кафтан тоже. Откуда же взять иначе.

26 февраля. Читал вторую лекцию. Были граф Уваров, Боткин Д. П.[4], Дашков, Сухотин[5], Шеппинг и художники. Читал о клине и кружале[6]. Плотничий стиль. Рачинский сказал: «В высшей степени любопытная лекция». Шервуд[7] в восторге. Дашков несколько раз крепко жал руку.

5 марта. Третья лекция. Читал скверно, путался, а когда начинал говорить, то выходили фразы без всякого смысла, даже без глагола, т. е. без сказуемого, ибо не знал что сказать. Но после Станкевич пожал мне руку и сказал, что черезвычайно много содержания было. «Читаете вы вообще тяжело».

12 марта. 4, последняя. Довольны. Поблагодарил за внимание. Хлопали. Было меньше, всего 4 дамы, никого почти из любителей, только художники и тех немного.

14 марта. В Обществе древнерусского искусства выбрали меня в члены комиссии для обсуждения проектов византийской церкви VI—X века. Я поблагодарил чувствительно за доверие и отказался наотрез, сказав, что ничего не понимаю в византийской архитектуре за это время. Один господин заметил, что он слушал мои лекции, и они были очень занимательны. Я ответил благодарностью, прибавив, что если удалось сказать что полезного, то это говорено о веках ближайших к нам. Амфилохий[8] заметил, что я скромен очень и другие тоже замечали. Викторов, Тихонравов, Буслаев даже старались доказать и договорились о нежелании принести пользу. Я говорю, что никакой пользы, разве только заседать.

9 апреля, в пятницу, был у меня прокурор здешней синодальной конторы Александр Николаевич Потемкин с предложением прийти к нему нынче вечером для обсуждения затеваемого издания хромолитографического вещей ризницы соборов. Что деньги он найдет у жертвователей. Один обещал 10 т., да отказался (это Солдатенков). Можно другого найти. А главное, у нас есть монастыри ничего не делающие, а получающие оклады. Например, Заиконоспасский получает 4 тыс. р. только на пьянство, да на уху архимандриту. Вот эти деньги и назначить на издание. Иверская получает 16 т. дохода и т. д. Он говорил, как министр. «У меня монастыри», — говорит. «Я, говорит, — отчислю доходы» и т. д. Был я у него. Живет в Певческом доме[9]. Палаты невообразимые. Квартира казенная на Никитской.

Были Филимонов, Мартынов Николай[10], Бахман[11]. Рассуждали обо всем и очень мало о деле. Какой системы держаться? Я настоял по месту, например, всю Ризницу патриаршую, потом собор и т. д., а общая система спутает. Никто особенно не возражал. Текст с листа — по 100 р. Филимонов сказал, что нам де честь делается, что приглашаете к такому изданию работать. Я промолчал. По-видимому, это эксплуатация нашими именами.

Надо сказать, что по обстоятельствам своего развития, я совершенный Робинзон. И до сих пор я один на пустынном острове работаю без помощи других и без связи с другими одиноко и уединенно.

29 апреля. Утром в четверг был у меня граф Уваров. К вам, говорит, за советом. Вот мы толковали, как устроить выставку[12]. Иловайского мысль хороша, чтобы показать всю бытовую сторону до Петра в рисунках. Вот мы составляли проекты. Я написал, но мне самому не нравится, ибо для публики будет не занимательно. Да, говорю, это для публики будет, дей-

ствительно, скучно. Он сказал, что место можно взять на Троицкой башне. Я говорю: «Да чего же лучше. Меблировать несколько комнат в старых формах, показать как жили до Петра, а к этому и рисунки прибрать, рассматривая исторически всякий предмет и ведя параллель с общею задачею выставки Политехнической, показывая все стороны жизни: промышленную, торговую, ремесленную и т. д.» Пришел в восторг — гениальная мысль. «Приходите в заседание в семь часов». Вечером пошел в заседание, встретил ко мне ехавших Пыпина и Викторова. Ну, делать нечего, надо идти к Уварову. Там собрались Солнцев Д. П., Мельников[13], Румянцев[14], Мартынов (Русская старина)[15], Уваров и наконец я. Уваров допросил всех по очереди как устроить выставку. Все представляли списки предметов, какие должно внести в рисунки. Наконец, Уваров прочел свой список, заметив, что мое мнение останется на закуску. Я сказал, что изо всего этого выходит бисер, рассыпное. Надо организовать и представить несколько комнат в том виде, как жили предки. Столовую, крестовую, спальню, кабинет, терем со всеми вещами. Это даст точку опоры и будет выставочная игрушка. Мельников заявил, что он уже заявлял графу давече то же самое. Мы, говорит, с вами не сговаривались, а думали одно. Однако, он не ответил на вопрос, как и что он приготовил, чтоб устроить выставку. Начались толки, как добыть деньги. 6 тысяч есть, но с тем, чтобы они воротились, счисляли сколько будет посетителей в день. Принялись за купцов. Как бы кто дал. Мельников указывал на Хлудова. Кто даст и за какой орден. Румянцев заметил, что вот у них есть постройка Синодальной типографии — 4000, крест непременно дадут, даже Анну в петлицу. А вот никого нет. Смешно — все и прокурор синодальной конторы и Архитектурное общество — все толкуют, как бы взять у купцов, — промышленники.

20 мая. Был у Герца[16]. Его по щеке ударил паралич. Глаз левый неподвижен. Он был рад и рассказал, что художники первым моим чтением очень довольны, что об архитектуре они не согласны, что об орнаменте чтение было любопытно, а о костюме недостаточно. Рассказал также, что Санкт-Петербургское археологическое общество присудило ему серебряную медаль, что предоставлено было три книги: моя «Быт цариц», Ровинского о гравюре и его «Таманский»[17]. Но на наши книги не представили рецензий, кои их должны были разбирать.

8 сентября. Были Викторов и Николай Платонович Барсуков[18], а Викторов принес письмо из Киева, хлопочут дать мне доктора. Тут же Викторов сказал, что Есипов архив закрыл.

30 сентября. Ходил к Есипову, он сказал, что нельзя заниматься. Я: «В императорском дворце нет комнаты для архивных занятий. Это позор на всю Европу».

4 октября. Просил Соловьева, но он не взялся ходатайствовать и рассказал, что науке везде трудно у нас. Оболенского, если переменят, то еще хуже будет. Я, говорит, всякой перемены боюсь. (После, в ноябре, он

говорил мне, что сказывал об этом Строганову, которому я хотел писать, но потом махнул рукой, заметив, что ничего не выйдет.) Строганов будто бы живое участие принял, обещался поговорить с Адлербергом[19]. Что из этого выйдет — не известно.

Декабрь. Был Стромилов[20] и рассказывал, что мое возведение в степень[21], как был только прочтен адрес, было, принято аплодисментами. Живее других архиереи хлопали, Макарий[22], Исидор[23].

29 декабря. Среда. На юбилее Погодина встречает меня Тихонравов и тем же начинает, что мое докторство было принято всеобщими, сильными аплодисментами, что это были аплодисменты настоящие. Жаль, что газеты этого не описали. Я говорю: «Очень радуюсь, что есть сочувствователи». Да что, говорит, давно было пора. Мы продремали.

Струков[24] тоже говорил, прибавив, что первым захлопал Константин Николаевич, за ним — Владимир Александрович[25]. Значит, говорит, вам царская фамилия хлопала. Стромилов не объяснял, что министр разговаривал много на своем обеде обо мне. Ему (Стромилову) неприятно мое докторство.

Юбилей Погодина[26] был снаружи торжеством науки, а внутри — торжеством искусства славянофильской среды возводить свое личное дело и кумовство в дело общее, общественное. Соловьев сказывал, что сначала славяне, не удовлетворившись простым прежним юбилеем, прислали (Черкасский[27], Самарин и т. д.) грамоту в университет, что надо отпраздновать в его стенах. Соловьев уклонился от почина. Выбрана была комиссия: Беляев, Матюшенков[28], Варвинский[29]. Но Черкасский стал действовать и в Думе, чтобы она представила и себя. Лямин[30] ловко обошел этот камень. Но все-таки Черкасский напустил и облапил Станкевича, который принужден был ездить к Погодину как представитель — старшина дворян. Звал его на юбилей, Станкевич оказался полным Тентентниковым[31]. Также собиралась подписка на обед. Однако Кудрявцев[32] мне сказал, что уже перед обедом было всего 179 человек. Заставили старуху Аксакову[33] писать к Соловьеву, чтобы он для своей христианской души открыл юбилей, что долг христианина прощать врагам. Он ответил будто бы, что долг христианина также поступать по совести. Достигли цели, Соловьев открыл юбилей, сказав краткую речь, что Погодин, хотя и давно вышел из университета, но всегда 12 числа января поднимал бокал в его честь, и старый профессор, старый студент, говорили всякий год новые речи, так теперь новые профессора будут говорить старое, чем и помянем.

Адресов не много от славян. Хоругвиносцы поднесли две хоругви! Черкасский был художником всего юбилея. Он его создал. Размазня Калачев, верно по его настоянию, прочел лично от себя письмо высокопохвальное. Холоп Степан Маслов тоже что-то читал.

Черкасский и К° создали тоже в Думе дар Черткова, что его библиотека стала городская[34]. Холопство вообще служит элементом в службе и отражается на всей службе. Холопство, угодливость и угодничество самое

бескорыстное, а на нем и торжествует всякая власть. Станкевич не был на акте. Верно из моих разговоров ему стало противно. Он накануне сказал, что на акт не пойдет, а только на обед. Козма тоже был и на акте и на обеде — по чьему настрою?

1872 г.

16 марта. Был у Погодина. Вызван по его любезному письму за получением его «Истории»[1]. Час битый он толковал, что когда ездил в Петербург с «Историей» для представления государю, то не был принят целый месяц. Толстой рассердился на него за статью о классических 4 часах вместо 8, как Леонтьев[2] настаивает. Вы, говорит, напечатали статью в то время, когда мне было быть или не быть. Но я не злопамятен. Однако, оказал ему всевозможную задержку. Государыня узнала и зовет Погодина. Он опять к Толстому. «Что мне говорить, ибо не был еще у государя». Наконец, был принят. Государь сказал, что ему полюбилось письмо предисловное. Спросил: «Ты будешь продолжать. Сколько тебе лет?» «72.» «О, да ты молодец. Ты будешь продолжать?» «Если, ваше величество, будут средства и права.» «Да, хорошо. Ты будешь продолжать.» Вот неопределенные слова. Но Погодин понял их очень определенно и тотчас к министру. Не принят день, два, три. Сказал, что надо передать, что сказал государь. Через неделю принят. Не говорит подробно Погодин, как и что он передал министру, но из объяснений видно, что он требовал средств и прав, т. е. нечто вроде государственного историографа. Министр отвечал затруднительно, что пример небывалый в министерстве. Помянул ему, что получил уже чин тайного советника. Погодин ответил, что он давно уже имеет право на это, что из 1400 действительных статских советников он числится 14-м. Министр не знает, как поступить. Карамзин. Погодин отвечал, что все небывалое, все вновь делается. Что Карамзин это не пример. Решили, что Погодин напишет письмо к государю. Но после он передумал и написал письмо к министру для доклада. Вот, говорит, уже две недели нет ответа. Удивительный кулак, цыган. Привязался к царскому слову «будешь продолжать» и давай денег значит.

Вообще Погодин очень недоволен своей поездкой, хотя и употребляет все изгибы лакейства. В это время академия прислала ему запрос, о каких интригах он знает по поводу статьи в календаре о Дмитрии Донском. Он ответил, что он старший всех академик, с 1826 г. и потому готов все напечатать, но будет ли лучше. Между тем, объяснил о том министру, который с академией в рогах. Министр позвал его обедать. Был и Катков. К чему он академические дрязги выносил к министру? Предисловное письмо он, говорит, два года обдумывал и пять лет писал, что в нем сказана вся суть русской истории. Но сказал ли?

24 марта. Мечты об издании журнала. «Русское историческое и археологическое обозрение» будет иметь целью исследование и объяснение

древнерусской жизни во всех ее проявлениях, видах и формах. Это будет сборник. Важнейшее по объему место займут разнообразные материалы, в коих раскрывается та или другая сторона русской жизни. 1. Материалы. 2. Обработка материалов. Статьи ученые и литературные. 3. Рассмотрение этой обработки. Критика и разбор сочинений вновь выходящих и прежде изданных.

Говоря о древнерусской жизни, мы не можем ограничить наших изысканий временем реформы, ибо и в настоящем даже быту существует много древнего, которое мы пристально будем следить во всех современных проявлениях этого древнего.

12 мая. К. Т. Солдатенков у Бергнера. Набгольц[3] снял с меня портрет в большую величину. Оттуда я ходил сниматься для билета на выставку.

Вечером был у меня П. И. Бартеньев, прислав еще прежде 119 номер «Русского мира»[4], где статья Стромилова необузданного. Случился анекдот. Бартеньев запросил номер газеты возвратить ему, ибо редка. Я говорю, куплю, но думал оставить этот номер и до покупки не отдавать ему. Стал я отыскивать, чтобы на прощанье возвратить. Он говорит: «Завтра принесу вам рисунки Батюшкова[5], вы и отдадите». Я все-таки искал, всю неделю искал, все перерыл у себя, дети принимались искать несколько раз. Совсем сгиб номер. 22 мая захожу к нему и говорю, что пропал номер. Найти не могу. А он: «Вы мне отдали его, только что я к вам зашел, а я и забыл, да после, уже дома, гляжу — а он в кармане». И не только не покраснел или изменился в лице. Ничего, как будто все это в действительности и было. Он просто утащил со стола. Но для чего, для какой цели это сделал? Непостижимо.

2 июня. Пятница. Был у Тургенева, которого еще несколько дней назад, 25 мая, встретил в Кунцове. При встрече в Кунцове он очень обрадовался и наговорил много любезного, заявив, что я единственный человек, труды которого он особенно уважает. Теперь сказал, что у вас важно то, что вы вполне русский и не славянофил, а между тем, славянофилы только одних себя и почитают русскими. Говорил, моя статья о Пожарском[6] нанесла решительное и окончательное поражение авторитету Костомарова, что статья удивительная, что Миколай устарел, намекнул он, ибо тоже аффектирует, давая тем разуметь, что в моей статье наоборот никаких эффектов нет, что объективность великое дело. Я вообще объяснил, что в историю не должно совать самого историка, он надоедает и становится противен. Доволен очень моей Морозовой[7].

9 июня. Пятница. В 4 часа посетил меня Тургенев от Кетчера. Сидел больше часу. Разговор был о состоянии нашей литературы. Я говорил о пошлости, карикатуре, которая теперь почитается за принцип художества, что в этом без вины виноват Гоголь, «Мертвые души», которым стали подражать и забыли, что в них все-таки лежала глубокая и широкая идея. Теперь идей нет.

После мне Кетчер сказал, что «Царицами» он очень доволен, а Морозова изображена даже художественно.

14 октября. Обед у Пикулина. Козьма, Кетчер, Станкевич, Чичерин. К концу пошли разговоры о моей статье против Костомарова. Чичерин отчасти за него. Говорит, что все были прикрепощены, следовательно все и восстали, и дворяне и крестьяне. Что казаки — черный народ, воли искал и протест против государства. Вообще моя статья — оселок для дворянских инстинктов. Затем споры о значении дворянства в государстве. Они отстаивали его, я один говорил за народ, что все должны иметь все человеческое. Чичерин в заключение, однако, заметил, что вот до чего мы дожили — Костомаров защищает бояр, Кетчер отстаивает дворянство, из красных становятся грязными. Пили за мое здоровье в лестных выражениях, за самого лучшего работника.

17 октября. Вторник. Вчера был в архиве юстиции. Сидит какой-то седовласый и лысый. Я не посмотрел хорошо, просидел 1 1/2 часа и ушел. Нынче прихожу. Седовласый подходит ко мне. Костомаров. Я поклон уважительный. Стали говорить о нашем споре. Говорю: «Вы не сердитесь на меня?» «Как можно, я очень рад, ибо таким путем добывается истина. Мы можем смотреть с разных точек. Я ведь только подверг сомнению лица, вы укрепите их, и выработается истина». В разговоре заметил мне, что моя Морозова не верна, ибо это раскольничья повесть. Неужели так государство поступало, т. е. мучило бедных женщин? Видно, что он критикует. Спрашивал, где я служу, не в Оружейной ли палате? Нет. Куда ездил нынче на раскопку? В Фанагорию. Указывал курганы между Доном и Днепром, севернее Екатеринослава. Где был Саркел[8]. Как шел Святослав. По Волге. Летописи брали из песен, например, Святослав взял оружие. Олега поход.

24 октября. Вторник. Был у меня Островский с Дубровским[9]. Впечатления от разговора. Это высокомерное невежество. Говорит: «Полно вам, Иван Егорович, все монографии-то писать, сделайте что-либо солидное». Рассказывал, что с Мининым он занимался много и все знает о нем. Говорили вообще о мошенничестве Дворцового ведомства. Просидел с 6 до часу ночи.

11 ноября. Суббота. У Пикулина пробовал сухой[10] борщ и сухие щи. Зашел спор, что в географии высота гор показывается в футах. Одна начальница, дама в школе заметила, что в школе предлагала переводить в сажени. Тогда учитель ее отделал, сказав, что надо переделать всю географию. Я стал за даму. Кетчер с Бауером[11] стали доказывать противное. Кетчер кричал, и когда я доказал, что и сами они не знают что такое фут, то он разразился следующим образом: «Ты дышишь завистью и злобою к образованию, которого не имеешь и потому злобствуешь на все. Вот уже три года это ты высказываешь». Я был уязвлен очень. Назвал это мнение подлейшим, и что ни от кого такового мнения о себе не слыхал. Давно он объясняет так мои проповеди о переводах и т. д.

24 ноября. Пятница. Был у меня Уваров с таким предложением. Наследник желает образовать в Москве музей как бы Русской Славы, в который назначаются в директора кн. Кочубей[12], Ф. Н. Глинка[13], граф Уваров, я и Иловайский. 2000 жалования. Каждый заведует своим отделом. История началась с Севастопольского музея, который понравился государю и сделан был по мысли наследника. Уваров предложил образовать по этому же мотиву вообще Русский музей, где бы помещались картины, статуи и весь бы был расписан фресками из русской истории.

27 ноября. Явился ко мне Александр Михайлович Балугьянский, наговорил похвал и любезностей, из-за которых вылезла потом просьба, чтобы прочесть три-четыре лекции о русском искусстве, а ввиду того, что много будет построек, так что б не впустили железнодорожный стиль в ход[14].

В разговоре он свою биографию представил как-то незаметно, да и прямо рассказал, что он — генерал-майор Кавказской службы, отец его[15] был ректор Санкт-Петербургского университета, он происходит от славянина и венгерки. Долго жил за границей, продавал там картины. Мадам Мантнон купил здесь за 2000 рублей, там продал за 3500 франков и поэтому предлагал свои услуги, знал, как публику подготовлять, он и за лекции ручается, что народу много будет. Он подготовит. Это бес, как и Уваров, пришел меня соблазнять.

28 ноября. Был без меня опять Уваров и уже прямо пишет, чтобы я к четвергу, 30 числу написал передовую статью о музее. Это меня взбесило и раскрыло мне глаза. Тотчас я написал ему письмо и отказ от службы. Послал, однако, 29, а 30 получаю телеграмму — зовет. Еду. Начинает умасливать меня. Я стою на своем. Служба будет покойная. Всю зиму не будем ничего делать, а там будем директорами и как кто хочет, так и будет служить. Вас ничто и никто не будет беспокоить, заведем особые кабинеты себе для работы. Вы, может, думаете, что я хочу воспользоваться здесь чужими трудами. Нет, ведь мы разделимся, у меня и своего дела будет пропасть. Мне в Санкт-Петербурге указали на вас. Я должен теперь дать туда телеграмму. Если вам жалования мало, вы скажите. Мы сами хозяева, у нас есть миллион. Назначим себе что надо. Я стою на своем. «Но что же мне делать? Кого вы думаете взять?» Говорю: «Зачем взять. Вы с Иловайским и одни все сделаете.» Я старался всячески не подать ему намеку, что он, в сущности, и меня надувает. Объяснил только, что это походит, как бы бесы смущают пустынника. «Так я сатана?», — и он захохотал и покраснел до ушей. Битый час мы говорили, а у него, как я пришел, сидело трое. Я шесть раз поднимался. Он не пускал, все надеясь, что я соглашусь. Вы, говорит, посоветуйтесь с кем хотите. Вы мнением Станкевича дорожите. Спросите его, поедемте сейчас к нему. Я говорю: «Станкевич мне не дядя. Я и сам знаю, что мне полезно и вредно». Я пояснил ему, что не хочу служить только. «Вы, может быть, что-либо имеете против меня и Иловайского?» «Помилуйте, ничего. Я не хочу только служить, не больше.» Враг сатана (отрешись?) от меня. Я ему объяснил сверх того, что имя,

какое я имею теперь, я получил с бою, постоянно борясь вот с такими все предложениями и, если б я поддался им, то ничего бы не сделал и остался с газетными статьями. Сами же вы говорите, что Бычков набрал восемь должностей и не по одной хорошего ничего не сделал.

Действительно, еще с Оружейной Палаты я бился за свое положение усердно. Отказ от графа* и т. д. Вся эта история похожа на Есипова, как он обольщал меня издавать архивные материалы.

1 декабря. Неожиданно является Н. Ф. Крузе, бывший цензор, говорит, что вчера вечером услыхал, что я отказался от места. «Общее дело, важное дело. Как отказаться? Кто же будет делать, если такие люди отказываются. Уваров говорит, что, если вы его не хотите, то он выйдет сам, лишь бы вы оставались и делали.» Но и из этой истории видно одно, что желалось на мне ехать, что Уварову одному де невозможно сделать, надо помощников. Я наотрез сказал, что служить не хочу и никакого места не возьму, что 2—3 тысячи не составляют важности, чтобы тереться.

2 декабря в субботу зовет Дашков. Просит убедительно. Говорит: «Я вам помощника достал. Он будет заправлять пока, а вы через год поступите[16]. Просит Барсов[17]. Но говорит, что если Забелин, то он не будет просить. А мне Барсова не хочется ни за что. Он у Викторова. И может со временем занять его место. Я могу вас пустить в отпуск на год. Вы будете надзирать. Помощник будет все делать.» Я согласился на этот план.

6 декабря. Обед у Козьмы. Третий раз просил октябрьскую книгу «Отечественных записок» 1872 г.[18] Не дал. Удивительно. Мой друг сделался на обедах оратором. Всегда вспоминаю его тетушку». «Ну так, — говорит, — Иван Егорович судит, он знает, занимается наукой. А наш-то куда лезет? Что он знает.» 8 ноября, в Михайлов день, я назвал его вслух деспотом и обругал за Нечаева[19]. 3 декабря Корши опозорили меня за практическую логику. Говорю, надобно написать практическую логику. Боже мой, как напали. Нельзя, невозможно, да и только. Я заехал в огород Евгения. Допрашивали меня. Я объяснял как сделать. Но не понимали и смеялись. Говорю, вот почему я пришел на обед. Вот смех. Федя долго подтрунивал. Я остался при своем, говоря, что здесь недоразумение, что дело покажет. А вот Кожанчиков объявляет об издании Практической логики Диттеса[20]. «Санкт-Петербургские ведомости».

Другой подобный анекдот случился прежде с продажей или не продажей описания Кунцева. Все напали: Грачев, Кетчер, Козьма даже адвоката спрашивал — Любимцева[21]. Продавать или не продавать.

Как Грачев зыкнул, чуть не ударил за то, что шрифт «Франц Куглер»[22] был не ясен в корректуре, и мне показывал Иван Кузьмич. Я советовал или просто говорил, что не хорошо, надо чтоб было видно. Со времени однокашничества не видал такой злобы и презренья к моим словам. Это было прежде 8 ноября, когда я его и назвал деспотом.

---

* Имеется в виду С. Г. Строганов.

1873 г.

1 января. Прошел дождь с утра до полдня. Обедал у Козьмы. С Е. и Ф. Коршами спор о слове «умоначертание». Доказывали, что они здесь ничего не понимают (и кто ж это сам сочиняет слова вроде «прогляд»), что лучше говорить склад ума. Но склад есть как способность известная, а начертание есть состояние ума, а склад — его конструкция. Вывод мой об этом следующий: образование, просвещение человека зависит вполне от того, сколько, как много он мысль обдумывал, свое знание или познание, а не оттого, сколько, как много, он знает. Корши, особенно старый, знают много, но сверху, а молодой еще хуже. Знают языки, а многого из знаемого вовсе не понимают.

2 января. Был Карл Герц, просил сообщить ему о найденных мною в кургане наносниках особой формы в виде медузы со змеями. Доволен собою. Звал по воскресеньям вечером.

Обедал у Балугьянского, хваст удивительный, далее насчет обеда.

8 января. У Станкевича спектакль.

15 января, в понедельник. Приезжала всеобщая тетушка, как называет ее Федя Корш, Елена Константиновна. Они выговор делали в сущности, что я оставил их, что я весь болею, дотронуться нельзя, сейчас говенное самолюбие завоняет и т. д. Я видел, что Кетчера ум в ней сидит крепко. Защищая Кетчера, говоря, что он таков, но что это сама готовность, когда нужна помощь. Да. Но я оскорблен.

«Многоуважаемый Елпидофор Васильевич! Слышавший, что и вы желали занять место библиотекаря Чертковской библиотеки, спешу для вашего, быть может, надобного сведения, сообщить вам (между нами), что, обдумавши все свои обстоятельства, я не имею возможности принять эту должность даже по истечении года, как было соглашался прежде, о чем сообщил сегодня попечителю Чертковской библиотеки от Думы А. В. Станкевичу, присовокупив, что никто более вас на оную не имеет права. Готовый всегда быть вам полезным И. Забелин. 23 января 1873 г.»*

23 января. Был А. В. Станкевич за делом, о коем начал: в библиотекари вы поступите через год, а принимать надо теперь, помощник Кравченко слаб, не может, да и что выйдет. Мы будем принимать, а кому же сдадим. Между тем, Бартеньев пишет Дашкову, что он теперь согласен и даже уже дирижирует на счет помощника, говоря, что так как он за библиотеку отвечает, то помощник должен быть его, им избранный, а ни кем другим. Самарин и Черкасский рекомендуют взять Бодянского, Станкевич думал о Рачинском. Я предложил Барсова Елпидофора, говоря, что сколько знаю, он энтузиаст и потому с Бартеньевым сладит. Сам же я отказался окончательно. Оказалось, что Дашков мне врал, говоря, что он сейчас утвердит общего для музея библиотекаря Русского отдела и отде-

---

* Текст письма в дневнике. Письмо не послано.

лит все русское к нему, а Станкевич говорил, что библиотека должна существовать особо, с особым своим библиотекарем и штатом. Станкевич, однако, спросил о Барсове, знает ли он языжи. «Да, впрочем и зачем тут языки», прибавил он. Но дал понять, что я то не годился бы.

3 февраля. Был у Козьмы. Он читал мне письмо ссыльного Мордвинова из Вологды, которому там поручено сделать на 3 листах очерк домашнего быта царей и цариц по Забелину, вследствие чего он просит у Козмы моих книг. Козма предлагает мне пожертвовать. Я с охотою согласился. Но странно. Просят у него благостыни, а он меня заставляет ее делать. Можно было бы и купить для филантропии, ибо я тоже не совсем освободился от благостыни.

13 февраля. Вторник. Был у Дашкова за получением пятой тысячи и в разговоре сказал ему, что стараюсь так поставить работу, чтобы, как в романе, повсюду являлся один герой — народ, что народ не есть мужик или барин, а это есть дух, особый нрав, обычай, особая сила, которая все переделывает по-своему. Она искала тоже свободы, но по-своему и т. д.

Вечером был у меня Викторов. Сначала вопить стал, жаловаться, что я оттяпал у него помощника — Барсова, поступившего в библиотеку. Горе сделал, а потом повел разговор, почему я не хочу быть членом Петровской комиссии. Я говорю, что потерял всякое честолюбие уже много лет, и если б хотел быть членом комиссий, то был бы во многих. А сюда еще, если б назначили. Он объяснил, что подослан изведать, буду ли я согласен. Так как, если поручать и получать отказ, то будет неудобно. Я говорю, что поработать для общего и для такого дела не смею отказываться, тем еще больше, что приглашаются без денег. Если бы еще за деньги, другое дело. Он говорил пустое, что Соловьев, Попов не будут делать. Я говорю: заставить, дать, назначить то и то. И выходит, что назначенные силы не достаточны. Вот и ищут меня — рабочего.

10 апреля. Обед у Станкевича. Кетчер защищал Дурново[1] и говорил: знаю я этих героев (советник губернского правления), что подают в отставку. Им и без того надо было подать. Говорили, что нет людей для головы. Я представил Грекова и попросил объяснить мне качества головы. Мне сказали. Выходит, что надо туза, а об тузах-то я и говорил, зачем назначили жалование 12 тысяч.

12 апреля. Ходил к Островскому. Не застал. 13 был у меня Островский. 14 я был у него, слушал его «Снегурушку». 14 был у меня собиратель песен Шейн[2], жидок перекрещеный. Жаловался на Географическое общество[3]. Ищет издателя.

28 июня. Четверг. К. Т. отдал мне билет в 800 р. за 16 листов «Кунцово», по 50 р., как я назначил. Он сказал прежде, что положит деньги, как книга выйдет. Она вышла по газетному объявлению 18 мая, а деньги положены 29. Следовательно, за 10 дней проценты пропали. Это чепуха конечно, но она — черта вместе с другими оказиями, потому о ней и поминаю. Он давал мне 50 экземпляров. Я сказал: «Куда мне столько. 25». Дал 25.

Но я имел в виду его обещание, несколько раз в течение года повторенное и даже в течение двух лет, что он себе берет только 200 экземпляров, а остальное мне дарит. Я в этом убеждении отказался от экземпляров, да и самую цену назначил меньше как рядовой литературный поденщик. Оказышается, что он и не думает мне дарить экземпляры. Никто так бессовестно со мной не поступал. Все вознаграждали с приветом, ласкою и с уважением. Даже Бартеньев вместо 50 р. дал 75 за последнюю статью.

8 октября. Эта история достопамятна. Дело было так. Вскоре на другой или на третий год по покупке «Кунцова» К. Т., сидя со мной и Грачевым на балконе тамошнего дома, просит меня, чтобы я написал историю Кунцова и он заплатит, как де вам платят по 50 р. с листа. Начал я работать, создавать из ничего. Рылся в архиве, собирал и успел отыскать коечто и даже важное. Однажды, он на своей лестнице мраморной изъявляет мне громогласно при лакее, что издание дарит мне, что напечатает 1200 экземпляров. Потом, спустя время, за обедом изъясняет, что он напечатает 300—400 экз. и в продажу не пустит. Его поддерживали Кетчер и Грачев. Тут сошлись. Я сильно восстал против этой нелепости. И говорил, что я согласился писать только из любви к месту и лицу, и нет тех миллионов, которые могли бы заставить работать. Счеты и тогда вышли не совсем приятные, и Кетчер дорогою мне сказал, что я не хорошо отнесся к Козме, но в чем именно я не спросил. Проходит время. Хлудов[4] издает не в продажу описание своих рукописей и не дарит Козме. Козма стал тотчас говорить другое и решился печатать для продажи. Почему он так решил, не знаю. Хлудов ли заставил или толки с друзьями. Опять обещает издание подарить мне и говорит это не один раз. Наконец, печатается. Решает печатать 200 экз. с рисунками на хорошей бумаге, «а остальные 1000 вам отдаю». Грачев печатает без особого внимания, и хорошие экземпляры изгадил, свернул в бумагу безобразно, укоротив для рисунков. Идет к концу. В апреле идем с Грачевым гулять в Петровское-Разумовское. По поручению Козмы он спрашивает, что мне нужно за работу. «Ты скажи, а то он больше даст, 75 р. что-ли.» Я говорю, что больше я возьму с удовольствием, но надо мне оценить, как я получаю и оценил по 50 р. как платил мне Бартеньев. Потом сижу у Козмы в амбаре. Он говорит: «Довольны вы платой?». Я говорю: «Вы и даром даете, я доволен». О том, что издание мое — ни слова. А я, имея это в виду, и цену назначил 50 р., думая, что еще на 200—300 р. получу от продажи. Уезжал в уверенности, что издание мое. Возвратясь в июне, пишу Грачеву, чтобы прислал 5 экз. или больше, все думая, что издание мое. Грачева не было дома. Он наконец, приходит и спрашивает: «Каких ты книг просишь?». Я говорю, «Кунцово». «Да ведь Козма тебе прислал 200 экз». «Нет не получал». «Попроси у него хоть 100». «Нужно очень». «Да цену вы назначили большую, все жалуются». Это он назначил. Что же это вздумалось. Много расходу это стоит издание. А когда он так рассчитывает, чтобы выручить деньги, то не проси. «Ну, как знаешь», — отвечает Грачев. Молчу и он молчит. Это было в

начале июля. Сентября 13 пишу Грачеву, чтобы прислал мне 5 экз. и деньги взял с уступкою 20%. Отдал посыльному. Посыльный принес, но денег не принял. Молчание. 26 сентября я говорю Грачеву: «Как я всем этим оскорблен. Такое невнимание к автору. Ведь сами вы обещали то издание, то двести экз.»

4 октября на кладбище[5] у самой церкви встречаю Козму. Спрашивает, от чего в мерехлюндии*. Я говорю: «Да, я расстроен. И в этом виноваты вы». «Как, что?» «А вот что — такого невнимания к автору я не испытал. Вы обещали мне даже все издание.» «Да?» Ответ. «Я прошу 5 экз., не дают, покупаю, денег не берут. Все это больно от людей, которых люблю и уважаю. Столбы валятся, храм разрушается.» Входим в церковь.

Присылает тотчас 25 экз., от которых я отказался, имея в виду все издание. Он давал 50 хороших. Я говорю, куда мне, кому раздавать. Получили, говорит, 25 экз. я послал. «Не знаю, не был дома, да зачем вы мне хороших.» «Ну вот, на вас не угодишь.» (Значит, я капризен.) Тем дело и кончилось. Значит, с таким мытарством я достиг цели, выпросил 25 экз. Да я бы это мог выпросить и без изъяснений. Для чего я изъяснялся в любви и для чего он расцеловался три раза, что я откровенно ему говорю, что обижен им. В течение этого времени Козма купил сочинения Решетникова[6] за 3000 р., дал Успенскому[7] за предисловие с биографией в три листа 400 р., и Успенский рекомендовал корректора по 3 р. за лист, но Грачев отдал Бауеру по 1 р. за лист.

Пикулин, прочтя «Кунцово», говорит, что ничего нет о Козме. Уж сколько раз твердили миру, что лесть гнусна и пр. Вы не польстили. А я говорю Козме: «Что же об тебе ничего нет». «К чему ж обо мне?» Вот, кажется, причина невнимания ко мне.

17 ноября. Суббота. Был у меня Пыпин. Цель его видеть у меня опыты Герцена, первая повесть и первая драма, кои надобны ему для литературных очерков о Белинском. Между разговором дал мне как бы легкий выговор за полемику с Костомаровым. Он, говорит, старик. «Вот я понимаю, если отделать молодого, начинающего, а то старичка». Я говорю: «Нет, ведь это авторитет, а я противовес». Я рассказал, что мы лично в добром согласии, что я встретился с ним в архиве и любезно расстались. Изо всего вижу, что Костомаров даже привилегированное лицо. Не смей и говорить. Так петербургская печать пожалела и Снегирева. Вот что значит кружок, приход.

13 декабря. Были Чепелевский[8], Уваров, Румянцев, Шервуд, художник Кошелев[9], Иловайский и я. Рассуждали о том, сколь велико должно быть здание музея, сколько в нем зал и т. п. и потом какую архитектуру. Уваров предложил свои суздальские храмы, дворец Андрея Боголюбского. Там можно и окна расширить, т. е. эти щели, ибо де они деланы с распушкою, а окна для музея нужны широкие. Я говорю, что на этом

---

* Не в духе, в плохом настроении.

основании всякое окно можно расширить, увеличить. Затем, что выйдет изо всего? Стена Успенского собора, романское здание, где будут господствовать одни кружала? Надо отыскать такой стиль, где было бы больше оригинального русского. И в суздальских церквах есть, да сколько? Все-таки здание будет романское. По моему убеждению, которое я готов всячески[1] доказывать, надо взять за основание архитектуру Василия Блаженного и всех зданий ему современных, все XVI столетия, и указал образцы, главные черты этого стиля: шатер, бочка, закомары, ширинка, клин. Уваров сказал: «Сдаюсь на ваше мнение и отказываюсь от своего предложения, но не потому что считаю ваше предложение лучше моего, а потому что на Красной площади соответственнее выстроить здание вроде Василия Блаженного.» Русь выработала архитектуру деревенскую, не больше, но это важно, положим, что скворешник? Уваров, сказавши прежде, что на Политехнической выставке построены скворешники[10], стал оправдываться, что он только об этих зданиях говорил, и что я не должен распространять это на все.

15 декабря. Прислал подписать протокол, в котором сказано, что Комиссия, рассудив, что на Красной площади стоит Василий Блаженный, положила построить музей в стиле Василия Блаженного и вообще XVI века.

«Никак не желая задерживать течение ваших многотрудных занятий по музею и руководствуясь отчасти неуместною скромностью, я тотчас подписал присланный вами протокол последнего заседания 12 декабря. Но, обдумавши тот его параграф, где изложено решение Комиссии о фасаде здания, почитаю необходимым покорнейше вас просить восстановить здесь некоторые подробности, т. е. именно то, как было дело. Сначала внес свое предложение граф по архитектуре XII века. Затем, после опровержений, я предложил свое, об архитектуре XVI века. Здесь встретились два научные выводы, оба признающие свое достоинство в равной степени так, что граф уступил мне только потому, что на площади стоит Василий Блаженный, и этим одним мотивом утвердилось мнение Комиссии. Между тем, я доказывал, что если есть где русская архитектура самобытная, так именно в архитектуре XVI в., сказавши в заключение, что выработан стиль деревенский». Хотел было писать, но подумал — мелко, глупо[11].

1874 г.

8 марта. Пятница. Струков приходил объяснять, что барон Михаил Львович Боде[1] очень желает со мною познакомиться, нарочно посылал, зовет хоть бы пообедать, но хорошо, если к обедни к нему в церковь. Он это любит. Я говорю: «Незачем мне с ним знакомиться». Что-то о роде Колычевых. Если он хочет, может приехать и заказать. С ними знакомиться можно только с тою целью, чтоб их обдуть, а я не знаю, как это делается.

31 марта. Прислал Филимонов письмо с просьбой участвовать в его журнале.

3 апреля. Приходил Дубровский с предложением от Алексея Мартынова взяться за текст Москвы[2]. Исправить первый том и делать третий, начиная от Чудова монастыря. Все враги обращаются с просьбами.

Дубровский приходил от Островского, просил, чтоб я его повидал, ибо ему надо посоветоваться со мною о новой драме. А было время, когда меня все эти господа презирали. Куда уж нам с вами поправлять ученость Снегирева, говорил мне Мартынов, кажется в 1848 году, когда я замечал, что он вообще плоховато пишет. А величие Островского было выше всякой меры.

9 апреля. Был Чепелевский, пришел с печальною вестью, слышал, что я отказываюсь совсем от музея. Сказал ему Уваров. Я говорю: «Нет. Но Уваров меня взбесил своей телеграммой. Между тем, я убежден, что программа музея вопрос пустой, преждевременный, но вообще трудный.» Чепелевский объяснил, что Уваров не виноват в программе, что там этого желают, что он, Чепелевский, собственно виноват, он на том настаивал, ибо затруднен был присылкой множества вещей, мамонтовых костей. Никто не знает, что присылать и шлет все, а для этого надо руководство — вот и необходима программа. Я говорю: «Пусть присылают и все берите, а там из хлама можно разобрать». Стал потом говорить, чтоб я назначил день, когда собраться потолковать о плане и что главное — назначить квартиры для членов музея. «Так как вы пожелали иметь квартиру, то мы бы и решили, где определить.» Я говорю, что не желаю, ибо не желаю служить выставкою, представляться и т. д. «Нет, мы и не думаем. Мы дадим квартиру ученому, трогать его не будем. Пусть он живет и занимается как хочет.» Ну просто лисица, льстящая ворону. Видимо, что он приезжал от Уварова и сглаживал впечатление. Уваров сам видно понял, что программу требовал у меня, а я заподозрил, что он для себя собственно желает программы, чтоб самому выбраться из затруднения по Археологическому съезду.

14 апреля. Воскресенье. Был и Ровинский, и не застали оба, а это Шубинский Сергей Николаевич[3]. «Мне очень досадно, Иван Егорович, что не застал вас дома. Надеюсь видеть вас у Г. Ф. Карпова[4] во вторник и переговорить о том, что вам уже известно из письма К. Бестужева-Рюмина».*

Потом он же явился с Карповым. Просил о сотрудничестве. Сидели с часу до 4. Надоели и утомили, особенно Шубинский, великий болтун. Костомарову платят, что он просит — 125 рублей за лист, меньше он не взял. Нам по 60 р. за 35000 букв. Так платит Костомарову Стасюлевич[5]. Не заставши меня, Шубинский просил Настю, чтобы я избавил как-нибудь его от путешествия в 3-й Мещанский опять (а сам остановился на Никитской) и назначил у Карпова съезд. Мне вообще показалось, что эта лич-

* Забелин приводит текст записи С.Н. Шубинского.

ность с той площади, называемой Санкт-Петербург, где цель не наука, а промысел ею достижения денег, чинов, орденов, мест под видом общественной пользы.

16 апреля. Был я у Карпова и с Шубинским. Он рассказывал между прочим о Хмырове[6]. Это был чудак сумасшедший, ногти никогда не обрезал. В одних калошах ходил 13 лет. Летом зелени деревьев не любил и жил в Санкт-Петербурге. Питался одним бульоном. Беспрестанно пил чаи. На всякий маскарад непременно являлся и тратил для того последние деньги. Помер с голода от истощения сил. Но по всему выходит — добровольно. Схоронен на общественный счет. И прибавлю, превознесен своим кружком вроде Ивана Яковлевича.

28 апреля. Воскресенье. Был Пыпин.

30 апреля. Был Пыпин. Сказывал, что видел, как Викторов штудирует мою книгу «Домашний быт». Оказывается, какую пропасть я прочел и как мало вышисал. Но это он говорил с целью сделать мне упрек викторовской, должно быть, что я не указывал на номера. Викторов работает для филимоновского журнала. Верно, они поверяют мою книгу с материалом, чтобы печатать то, что найдут больше.

Был Пикулин. Сказывал, что Козма давал обед деловой для деловых людей на 10 человек, стоящий 200 р. Что ж говорит, жалеть деньги, есть они и надо их тратить.

1 июня. Был Шервуд. Я потерял в нем всякую надежду, что он что-либо сделает для русской архитектуры.

4 июля. Был Бартеньев П. И. «Дайте, — говорит, — на вас взглянуть. Вы мне «Кунцова» не дали и а вам «Архива». «Да, я подписался,» — говорю. «Знаю». Рассказывал, что был в Петербурге, обедал однажды у Половцева[7]. Были также Бычков, Грот[8], Костомаров. Только стали закусывать, явился в. к. Владимир Александрович. Обедал же. Веселый, все читал. «Очень расхваливал ваше «Кунцово», большие похвалы,» — говорил Бартеньев. Быть может правда она и есть, судя по тому, как вел себя Бартеньев со мною. Он звал меня — что-то было нужно. Я не пошел. Верно, хотел осчастливить этим анекдотом. Но я уверен, что из академиков едва ли кто читал мою книгу, как и сам Бартеньев. Нынче я подарил ему экземпляр. Потом пришпилил его за поклонение Есипову. Раз пять он краснел, как рак. «Вы, — говорю, — мало дорожите вашими словами в архиве. Вы дали Есипову утверждение в его синекуре и в его разбойничестве. Где же демократизм литературы? Кто ж будет защищать нас, рабочих? Вы ведь представитель». Стал оправдываться: «Как же мне не похвалить его. Обещал екатериненские примечания на Блакстона — великолепная вещь. Отдал дочь за Олсуфьева. Он сам, Есипов, женат на побочной дочери Виельгорского. А потом, я не знал, что он вас вытеснил». «Как не знали, я вам говорил. Да и напечатано». Только краснеет и хлопает глазами.

19 августа. Понедельник. Был у меня Александр Алексеевич Зеленой[9].

Сидел около часу или больше. Благодарил за содействие музею и много наобещал, что меня устроит при музее, как бы на правах академика. Обеспечит хорошо и я должен буду заниматься ученым трудом независимо. Я, говорит, желаю подобрать или собрать людей, чтобы они работали только для науки. Говорит, что получил мой доклад об архивах и все сделает, что это необходимо. Я извинился, что не осмелился лично просить об этом. Затем рассуждали о другом, о Грозном, о Петре. Говорит, что Годунова он почитает самым великим администратором, что он имел широкий европейский взгляд на дела и был из русских единственный государственный человек, что хорошо бы заняться его историею. Я говорю, что в архивах много актов о его царствовании, что я готов собрать указания об этом. Словом сказать, оказано такое внимание от генерал-адъютанта, генерала от инфантерии, члена Государственного Совета, что беда. Нынче иду благодарить. Пришел усталый. Говорил: «Далеко. Карета тряская по мостовой. Раза три останавливался, стоял, отдыхал». Это чтобы показать тяжесть приезда и его величину в отношении ко мне.

Доклад, черновик

Член Ученой комиссии музея имени государя наследника цесаревича и старший член Императорской Археологической Комиссии статский советник Забелин, занимаясь издавна историческими и археологическими исследованиями о домашнем быте русского народа и в особенности о домашнем быте древних русских царей, пользовался по разрешению Г. М. И. Двора московскими архивами дворцового ведомства, которые несколько лет тому назад по распоряжению начальства были закрыты для ученых занятий. Стараясь всеми силами о продолжении своих исторических и археологических ученых трудов и к тому же в настоящее время, имея в виду постоянные и необходимейшие справки с архивными документами разных времен по составлению подробного указателя памятников и различных других изысканий для упомянутого музея, статский советник Забелин осмеливается испрашивать о разрешении ему беспрепятственного доступа, как в архивы Дворцового ведомства, так и в другие московские архивы непосредственно с высочайшего соизволения с правом делать в архивах списки и извлечения из бумаг от древнейшего до позднейшего времени.*

Чепелевский сказал, что из моей просьбы об архивах произошло замешательство, что наследник доложил записку при Адлеберге, что Адлеберг сконфузился и после предложил: «Нельзя ли эти архивы внести в музей.» Думаю, что это все вранье, ибо решения никакого еще нет.

---

* Текст заявления Забелина с просьбой разрешить работать в архивах записан им в дневник.

23 августа. Пятница. В час собирались у Шервуда, против Нескучного. Зеленой, кн. Черкасский, Васильчиков[10], Чепелевский, Семенов[11]. Васильчиков высказал, что желал, чтобы в стиле были все формы родные, к какому бы веку ни принадлежали, главное, чтобы все напоминало Русь. Эклектизм чтобы сделать. Не понравились полуциркульные перемычки, верхи башен. Вообще он идет от той мысли, что всякая форма должна быть доказана, откуда взята, а взято должно быть от русского здания. То и это не напоминают русской формы. Черкасский выразил сожаление, что нет кувшинообразных столбов и, обратясь ко мне, спросил: «Вы изгоняли эту форму?» «Да, и на том основании, что она деревянная и XVII столетия.» «Но ведь жаль. Отчего не употреблять то, что употреблялось, хотя бы и разного века. Что мне ученые. Я хочу видеть то, что вижу в русских зданиях.» Венивитинов[12] вместо полуциркульных перемычек указал на окна Грановитой палаты. Я сказал — они итальянские. А он говорит: «В Италии их нет, и Аристотель строил по-русски, следовательно, они русские». «Но он не видал фасадов итальянских палат старых. Какой-то немец, бывший с ним на посольстве, о первом проекте Шервуда сказал: «Это старое немецкое здание с немногими русскими затеями.» Зеленой ничего не смыслит. Указал на колокольню в Пскове с большими слухами, говоря, что она XV в., а она XVII в. Шервуд поставил там вопрос, что все его дело стоит от Ученой комиссии. Она должна показать точно, какие залы к какому веку относятся, какой характер их истории и т. д. От Ученой комиссии и Зеленой потребовал, чтобы она к 1 октября все это доставила. Наука не уважается, ее считают как писца, столоначальника — изготовь дело, чтоб было. Труд художника на виду, ему дают шесть месяцев, а науке — месяц. Черкасский требует — непременно с железными решетками.

Позорное заседание. Шервуд сам выразился, что он писал декорацию, хотя не в смысле сознания слабых сторон фасада. Семенов говорил, что в его плане только идея. Даль[13] заметил, что вы мальтретируете* архитектурное искусство, задавая одному фасады, другому план, и они работают врозь. Между тем, планы-то самого музея составил Шервуд. Архитекторы понимали, как и все, что их составил Семенов. Чушь.

Уваров подошел ко мне и говорит: «А какое глупое положение для нас». Шервуд назвал [здание] памятником России с одушевлением[14]. Даль с одушевлением сказал: «Хорош памятник — торговые помещения»[15].

25 августа. Ученая комиссия: Уваров, Румянцев, Шервуд, Чепелевский, я, Зеленой, Семенов. Шервуд не один раз говорил, что я ему помогал, а когда я заметил на предложение Зеленого, чтобы Ученая комиссия дала художникам к 1 октября последнее слово, что я своего мнения не уступлю и считаю необходимым письменно подать особое мнение, то Шервуд сказал, что он ученик Ивана Егоровича Забелина. Между тем, Зеленой утвер-

---

* Дурно обращаетесь.

ждал, что толку никакого не будет, если будет особое мнение. Надо непременно соглашение. Уваров подтвердил, что соглашение будет. Но как же оно будет? Он хочет начать обзор с нижнего этажа, а я с верхнего по поводу Христианской залы.

Получена телеграмма. 14 сентября, суббота. Часа через 4 явился сам Шервуд. На мои возражения против фантастической идеи в плане изобразить историю против того, чтобы сообщить ему идею каждой залы и т.д. Он отвечал: «Ведь вы не смыслите ничего в законах архитектуры и потому я по дружбе вас прошу — спасите себя, не провалите себя. Ведь позор будет, если мы сделаем без идеи». Вообще чушь и дичь. Сидел до 10 часов вечера, и я точно дрова колол — устал и очумел[16].

1875 г.

17 февраля. Понедельник. Археологическое десятилетие[1]. Восхваление самих себя. Годовой отчет — хвастовство. Речь Уварова без мысли, без связи, хвалит Общество, что оно вот и музей цесаревича устроило — хвалит себя. Предлагает журнальный орган. Калачова речь — хвалит графа Палена[2], что отдал дом для археологов, которого некуда было девать, что он, Калачев, указал ему, куда отдать, а Уваров взялся за это и выхлопотали — вот как было дело. А мы еще прежде адрес поднесли Уварову, что он выхлопотал дом. Бюлер[3] хотел говорить против Калачова, восхвалившего свой архив паче всякого в Европе. Уваров не дал ему слова. Всякий хотел самого себя хвалить. Ужин. За ужином — поклонение Уварову. Он предводитель дружины (это Иловайский). Пили за здоровье женщин и потому за графиню (Иловайский). За детей, чтоб были археологами. За Хлудова, что раскрасил на свой счет потолки Мельников.

25 апреля. Пятница. Был Чепелевский и предложил писать Историю для народа или народа. От своего лица.

27 апреля. Был Дашков, видимо, восхищенный моею работою «История русской жизни». Предложил продолжать ее на тех же условиях. Вечером был в заседании о знаках для археологической карты, потом у Уварова, который сказал, что будто в Ольвии после наших раскопок с Тизенгаузеном продано вещей на 200 руб.

30 апреля. Приезжал Александр Алексеевич Зеленой. Застал за обедом растрепанного в туфлях. Я вышел еще жевавши и прожевал в беседе с ним. Благодарил. Сказал мне: «Хочется ваше имя поставить при открытии музея», намекая на народную историю.

2 мая. Пятница. Пришли Стасюлевич и Пыпин. Позвали идти вместе к Кетчеру. Пошел и только пришел, собака бросилась и укусила в бедро. Заседание о конкурсе музея.

3 мая. На конкурс с 12 до 6 часов. Утомился.

4 мая. У Зеленого на совещании о книгах и чтениях для народа был Самарин Ю. Ф., Чепелевский и я. Чепелевский доложил, что чтения Со-

ляного городка[4] никуда не годятся, изданные народные истории тоже. Что музей остановился на мне и мне заказал. Но перед приходом Чепелевского Зеленой наедине со мною высказал, что он почитает меня по исторической части столпом, основанием музея, что другие — легкие участники, терпимы потому, что пока нужны, но что я — сила. Что он желает устроить меня при музее так, чтобы я принадлежал ему всецело, желает как бы купить меня со всем, чтобы я уже ничем больше и другим не занимался, как только для музея, что обеспечит меня в необходимом и независимом и не только в настоящем, но и в будущем мою семью. Все это повторено при прощании. Но все не ясно. Спрашивает, чтоб я сказал, что мне нужно. Я говорю: «Мне трудно». Мне и Краевский сказал, что я не умею себя ценить. Дал заметить, что государя успели теперь так настроить против народа, что это самое слово стало значить то же, что слово революция. «Идти в народ» — вот что повредило и чем воспользовались друзья мракобесия. «Я объяснял, — говорит, — и самому государю. Ничто не помогает. Поэтому, со словами народный, народ должно быть очень осторожным. Это вывеска революции по их понятиям.»

14 мая. Вырвал зуб, страдал всю ночь и в заседание не пошел, сказавши, что не могу и что вопросы до меня не относятся.

15 мая. Сижу и пишу о Меншиковой башне[5]. Является В. Е. Румянцев в карете Уварова и говорит, что собрались и ожидают меня. Говорю: «Вы приводите меня в смущение». Поехал. Уваров, Кругликов[6], Брюзгин[7], Румянцев, Шервуд, Семенов, Зеленой и я. Предисловие генерала состояло в том, что наши археологические поправки могут идти в бесконечность, что дело вкуса решить невозможно и затребовал, чтобы мы указали чем заменять. Все это слова Шервуда. Генерал с ним уже наговорился. Я говорю: «Наша сила в отрицании только». Ответ: «К чему же это поведет? Это будет бесконечно». Я говорю: «Если б я знал чем заменить и как сделать, я бы подал на конкурс». Потом, в другой раз я сказал: «Если б я знал, как сделать, я бы 10000 взял с вашего высокопреосвященства и дело бы окончилось». Указали, какие надобны перемены. Шервуд восхвалил себя превыше небес, ни с кем в уровень себя не поставил. Говорит: «И. Е. Забелин обработал деревянное зодчество в совершенстве. Каменным никто не занимался. Я только его разработал. Никто этого дела не делал доселе. Вся публика признает мой доклад совершенством. Сколько я писем получил!»

Смысл всего заседания был таков, что фантаст запрятал за пояс археологов. Они выставлены притязательными без всяких оснований, помехою для дела. Все, и генерал стояли за фантаста, а мы, археологи, играли роль зайцев, за которыми гоняли. Я говорил: «Не одобряю двух башен по сторонам, идея готическая. Не одобряю наддверного украшения или покрытий тремя башнями, ибо оно загораживает лицо здания. Фасад фантастический, частично готический». Решено сделать их строителям с исправлением. При чем находится археология — не понимаю. Зеленой в конце отозвал меня к окну и сказал, взялся ли я за дело. Я говорю: «Взялся и

думаю только как его сделать». «Ну, так мы устроим (плату то есть) и прощайте». «Сами не знают, что хотят», — сказала дочь Шервуда Станкевичам, передавая об отцовском проекте, когда его не признали годным к удовлетворению. Это передал мне Кетчер 29 мая в Семик, когда обедал у Пикулина.[8]

13 июля. Был Уваров. Очень сердился на музей и особенно на Шервуда, к которому уехал от меня, звавши и меня, и которого разругал, как говорил мне Румянцев. Потом Румянцев, бывши у меня с Барсуковым, сказывал, что Уваров подал в отставку.

20 августа. Закладка[9].

Августа 22. Уваров был у меня, заезжал так, поговорить, как музей согласился на его ультиматум.

18 сентября. Ходивши к матушке на кладбище, зашел на постройку музея. Чепелевский стал лисицею говорить о русской истории для народа. Как бы это дело устроить. Я говорю: «Все дело очень просто. Оно зависит от денег. Как дадите денег, так и дело начнется». Указал на цену, 300 рублей с листа, какая была назначена в премию еще года 2 назад и т. п.[10]

22 сентября. Чепелевский явился ко мне, стал предлагать, нельзя ли начать так, что напишется лист, напечатается и деньги за него выдадут. Я сделал рожу, сказавши, что я не могу писать ни начала ни средины, не знавши конца. Он предложил, чтобы я назначил условия.

1876 г.

В конце августа был Валентин Корш. Говорил: «Вы не оправдали ожиданий и заглавия своей книги. Жизни нет. Мы ожидали жизнь, а вы пишите скуку. Но книга написана умно. Видно в ней, что вы истинно русский человек. В ней вы сами являетесь. Так вас и узнаешь».

17 декабря. Пришел неожиданно Самоквасов[1], преподнес свою книгу «Сборник обычного права инородцев». Я ему предложил свою «Историю жизни». Говорит: «Я имею». Тогда я отдал ему и «Быт» I и II, «Опыты» I и II[2], «Кунцово.» Говорили о том о сем, все о курганах, древностях, часа полтора. Заявил, что тяготиться своим собранием и желал бы его куда-либо пожертвовать с условием, чтоб ему давали на каждогодние раскопки, вроде члена Комиссии. Я, говорит, предложу Строганову, пусть они мне дают. Видимо, что метит в члены Комиссии. Не потому ли явился ко мне, чтобы пронюхать, как это устроить. Я объяснил, что там железа не любят. Упомянул я о музее цесаревича. Он говорит: «Именно я бы отдал все туда, чего лучше». Я говорю, что за это вас верно сделают членом и вы будете постоянно копать. Пришел в телячий восторг от этой фантазии. Говорю, что и Уваров будет рад. Поговорите с ним. В этот же день, пятницу, он хотел быть у Соловьева. Затем в воскресенье он читал в Антропологическом обществе, которое обругал, что портит только курганы. Был, говорят, скандал.

Во вторник 21 он читал в Археологическом обществе и показывал вещи, говоря об обитателях Руси, ссылался на Иловайского, а моей книги вовсе не читал и о моих изысканиях о скифах им ни слова[3]. В среду опять явился ко мне. Совсем иные речи. Все хлопочет, как бы устроить свои вещи и самому пристроиться. У Соловьева познакомился с Шервудом и принес обвинение на Уварова в нерадении по музею, что Уваров не всех членов взял в Ученую комиссию, не вел протоколов, что борются две власти. Я рассказал, что Уваров хлопотал о деньгах, ему отказали, что там хотят все даром делать и потому набирают новых. Видимо было, что Самоквасов уже метит на место Уварова, доказывая, что он [Уваров] не все знает, а он знает больше, что надо вот так и так сделать. Я говорю: «Все это обсуждалось, все это имелось ввиду». Шервуд все жалуется, что работает даром, своих истратил 15 тысяч. Я говорю: «Да ведь они получают 40 тысяч». Говорит, на наем рисовальщиков не достает. Я говорю: «Скотина, шельма, подлец после этого». И Самоквасов ценит уже свои вещи в 10 тысяч, это он истратил за все время, а в первый раз мне же говорил, что он издержал тысяч 6, благодаря жене, что там раскопки вообще дешевы. За 30 копеек в день. Как переменился ветер! Я говорю: «Денег не дают. Вот в чем дело». Он говорит: «Нет, в средствах, говорят, не будет задержки. Можно, должно достать средства». Шервуд был уже у него, вероятно почуял, что можно заменить Уварова Самоквасовым. Он, Самоквас, спрашивает, наконец, меня, как ему поступить. Я говорю: «Подождите, держитесь в середине (но сначала сказал, это ваше дело, как знаете). Вы видите две стороны, какая выиграет неизвестно, а вы можете провалиться между двух огней». Чистосердечно советовал в его пользу. Говорит, что они обо мне думают, что я необходимый человек, но что Уваров обходим. Я говорю, что и я выйду, ибо Уваров поддерживает достоинство Ученой комиссии. Если Уварова не будет, то я не представляю возможности, как будет без него.

Самоквасов едет в Санкт-Петербург предложить Академии наук издать его раскопки. Как он похож на Шервуда, достижение своей самолюбивой цели и затем все, что мешает — по боку.

1878 г.

2 января. Обедал у А. Станкевича с Кетчером, Чичериным, Герье. Чичерин оказался самым отличным крепостником. Плачет о Польше, что мы ее погубили, а главное, что дали крестьянам землю даром. Это революционно. Потом перешла речь к нашим наделам. Говорю, что помещики дали мало земли. Нет, отвечают, довольно, больше не надо. Станкевич доказывал, что земли дали довольно, Чичерин доказывал, что выкупа платят немного. Это называются консерваторы. Противно слушать, потому, что все это дикое покрывалось либерализмом. Они и против войны[1], все из того же консерватизма.

7 января. Уваров приглашал в заседание о выставке по древнему зодчеству. Архитекторы Никитин[2], Артлебен[3], Румянцев. Заседали. Это толчок. Книги Виоле ле Дюка[4].

27 августа. На юбилее Щуровского[5]. Видел Бычкова, спросил его о выписках из архива Оружейной палаты. Он в Археологическом обществе. Я предложил их издать на свой счет, предлагая и то, чтоб они дали свои замечания как издать, что я все исполню, чего они желают, на пользу науке. Говорит, семь листов напечатано, не встретив затруднения. Беляев (т. е. И. Д.) делал поспешно, есть неисправности, ошибки, неряшливо. Надо сверять с книгами. Я говорю, что во всяком случае печатать их лучше в Москве. Говорит: «Можно и должно сократить». А в начале прямо сказал, что они не надобны, много Викторов напечатал, что в них нет пользы. Если б они в свое время были изданы, тогда другое дело, а теперь уже устарели, не нужны. Состав выписок не имеет системы. Я говорю, они составлялись в дополнении к Дворцовым разрядам[6]. Там, говорит, нет ничего этого. Там все подносы от властей и т. п. Очевидно, он не изучил их и говорит с плеча, лишь бы оправдаться, отчего не печатаются. Я несколько раз повторил, что хочу издать потому, что это моя работа. Я работал и хочу, чтоб она была окончена, ибо жизнь уже идет к концу. Так хочется свести концы своим работам.

Евгений Корш — человек верхних идей, почему вся его образованность и ученость состоит больше всего из Заглавий и Оглавлений, но не из самого материала знания. Он всезнающий библиограф. Он быстро читает книги. Едва книга вышла, он уже толкует ее достоинства, как будто прочел. Но в сущности, пробежал только по оглавлению, заглянул в ту или иную страницу. Он усвоил себе особую ловкость оценивать книгу по авторитетным мнениям критики. Своего ничего, все взято из библиографических и критических листков немецких, своего почина и признаков не имеется. Только последние выводы (у Некрасова в «Саше»)[7]. Эта образованность гимназического учебника, перешагнувшего через работу над фактами прямо к выводам науки, следящая только за выводами, за верхами, но не складами. Ясно, что многое она и не может верно прочитать, вместо «Авдотьи» очень часто у ней выходит «обмокни»[8]. Это образованность отцов, каков и есть Корш и компания. Отсюда у детей ералаш понятий и самых сведений. Системы никакой. Точка отправления, она же и система — это либерализм. Это бог, которого боятся и постоянно ему поклоняются. Боятся, как бы не сказать и не сделать чего-либо не либерального. Смешение языков, вавилонское столпотворение — вот результаты этой образованности. Она не имеет ни о чем точного понятия. Государство, искусство, религия — смешение понятий. Выводы из двух-трех данных без осмотра всех свидетельств. В последнее время Корш стал твердить, что у нас ничего нельзя перевести. Например, энциклопедический лексикон. Не пропустят, говорит, с озлоблением. Я говорю: «Чего не пропустят, того нам и не надо, ибо мы еще и азбуки не знаем». Нет, говорит, лучше вовсе не знать,

чем знать в искажении. Все вам испортят. Попробуйте что-либо о евреях, о Византии. Я говорю, что мы не знаем что такое Константинополь, а история веры пусть в стороне. Вам не пропустят и Константинополь и его знать мы не можем. Ясно, что он стоит за верхние идеи. Я говорю о нижних, материковых познаниях, коих у нас нет. Разговор-то зашел именно по случаю того, что какой-то немец физиолог написал превосходную статью об отношениях Фридриха Великого с Ж. Ж. Руссо. Я говорю, что там это легко, ибо множество источников для общего образования, каковы, например, энциклопедические словари, где можно прочесть на букву Р — Руссо и на букву Ф — Фридрих. Там сказано все, что нужно для правильной постановки вопроса. Подробности можно добыть в других словарях и т. д. У нас где вы найдете? Ясно, что у него нет ни малейшего расположения к фактическому материалу и потому — к древним классикам. История для него важна только как облик известных либеральных тенденций.

20 сентября. От 7 до 11 семейное чаепитие. Он*, жена, два сына[9], я и Румянцев, пришедший после меня. Граф говорит: «Принес вам свою исповедь». И рассказал, что Чепелевский подал проект министру внутренних дел выставки археологической в 1880 г., в 25 лет царствования, на которую дадут де московские купцы 300 000 рублей. Дошло до наследника. Наследник вызвал Уварова, который уже несколько месяцев подал в отставку из музея. (Наследник) просил его (Уварова) устроить. Он (Уваров) говорит, что или Чепелевский или я. Ясно только, что Уварову поручили наполнить музей хоть немного к открытию в 1880 г. Шильдбах[10] дает 12 тысяч. Уваров предложил хоть только 6 тысяч. Вот он и позвал меня посоветоваться, как и что сделать. 6 тысяч на модели и на раскопки, а 6 тысяч — Семирадскому[11], который напишет фрески, историю мифа, начиная с самого начала и до Ибн-Фадлана о русах[12]. Я говорю: «Это дело мудреное, а лучше одного Ибн-Фадлана до балтийских славян, одно другому соответствует. Шильдбах теперь главное лицо, он строит в кредит под золото в Кредитном обществе. Наследник просил действовать из тех же ресурсов. Против облицовки изразцами английскими. Уваров говорил наследнику, что англичанам теперь ничего давать не следует. А Румянцев мне сказал, что Шильдбах говорил Уварову, что археологи все требуют денег. Это не хорошо. Сам богат Уваров, а мы тоже, стало быть, богаты. Ясно, что это слова Чепелевского на мой счет. Сколько раз я доказывал, что бедных археологов эксплуатировать нельзя. Общий вывод из разговора тот, что фонды Уварова у наследника поднялись, что Зеленой тоже в отставку просится, а Чепелевский будет уволен, что организация музея предоставляется Уварову. Он доказывал, что стены будут изразцами украшены, а внутри пусты, что прежде надо чем-либо наполнить.

27 декабря. Еду на извозчике. [Извозчик:]** Волю-то дали, а в пагубу всех привели. Прежде и барская пашня и мужицкая хлеб давали. Теперь

* А. С. Уваров.

** Вставка редактора.

стоят пусты, хлеб дорог, все дорого стало. Житья нет. Очень трудно стало жить хозяину, работящему человеку. Придут — давай. Ты себе раз там сберег. Придут — давай, говорят, а то убьем или сожжем. Побоишься, да и бывает. Ну и даешь. Жил-жил тяжело. Все продал, ушел в Москву, вот извозничаю. Одна старуха тоже так жила — давай и давай, а то сожжем. Должна была давать. Если б волю-то дали, да в десять раз сделали бы строже, вот пошло бы хорошо. Стали бы жить хорошо. А теперь, в солдаты берут хороших, работящих, а не-работники остаются, шляются.

Старик, видимо, зажиточный. Не доволен современным строем. Говорил, что вакаты*, что хоть оправдывают, хоть и виноват. Это бы ничто, а то все знают, что виноват, и хвалят. Вот, говорят, как оправдался-то ловко. Виноват, а стал прав. Отлично, все рады, хвалят. Сын убил отца. Вакат оправдал. Говорит, отец и виноват: он знал, что у сына припадок. Связал бы руки, и все бы прошло. А то еще счастье, что один отец, а то бы народу положил — некуда девать.

Вообще старик требует гражданского порядка и строгости. Стало очень своевольно. Все разорилось, т. е. деревня разорилась, распустилась. Что ж толку, что волю дали, а всех в погибель привели.

Европиизм Чичерина есть тип того круга созерцаний, который господствует в Фамилии и в высших сферах высокопоставленных. Это критика всего перед идеалом цивилизации. Убеждение в тупости и глупости народа и всех его учреждений, в неумелости сделать что-либо хорошо и прочно. Но все это критическое как-то бессердечно, холодно.

1879 г.

14 января. Заезжал Дашков с просьбою. Говорит, просьба в том, чтоб я сказал во 2 томе, что хочу дать в следующих, о чем буду писать. Отвечаю, что сам не знаю, ибо вполне завишу от источников, что они указывают, то и пишу, поверяя с исследованиями других. Просил, чтобы я где-либо сказал, что сюжет сочинения затребовал Дашков, а то выходит, как будто он платит известную сумму с листа и делу конец, будто он в сочинении самом ничем ни участвует, что я отвечаю только своим трудом на его вопрос. Это ему наговорили все западники, как я ему сказал, и он подтвердил. Я вижу здесь Е. Корша. Он постарался смутить Дашкова на счет меня. Конец концов он не удовлетворен и многие другие. Например, Н. Попов заметил мне, почему я не начал с Киевского периода. Размышляю обо всем этом так: я сделал ошибку, принявши задачу шире и глубже, чем следовало. Отсталые шаблонные западники и профессора недовольны. За ними Дашков. Но иначе работать я не могу. В разговоре заявил, что он действовал правильно. Соловьев ему рекомендовал работника, и он послушался, и выходит не то, чего он желал и чего просил. Так можно

---

* Адвокаты.

было понять из его слов. Надо Дашкова освободить. Я ему и повторил раз пять и на пороге, что наши отношения вполне свободны и вполне зависят от него.

25 октября. Четверг. Был Андрей Николаевич Попов с предложением в председатели.

27 октября. Был Федор Андреевич Бюлер с предложением участия в затеянном им по почину Константина Николаевича, в. к., составлении планов Москвы по временам. В назначенном заседании я не был. Барон рассердился.

5 ноября. Понедельник. Были у меня Митрофан Павлович Щепкин[1] и Николай Александрович Найденов[2] с предложением заняться историей Москвы. Давно они обещали быть. Еще 14 октября, на обеде, Кетчеру голова Сергей Михайлович Третьяков[3] просил меня о том же. Его поощрил к тому Греков Н. П. Обещал я составить записку как и что делать.

6 ноября. Вторник. Выбрали в председатели Исторического общества большинством 14 против 4. Из четырех — Филимонов, Викторов, Мельников, четвертый, быть может Барсов Елпидофор.

12 ноября. Был Козма Терентьевич Солдатенков с визитом за то, что я был у него вчера и не застал, т. е. он отказал, говорит «люди не ведали», да нельзя было ему, ожидал важных людей с кладбища. Рассказал ему, что берусь за историю Москвы, да не знаю, что назначить. У Дашкова получаю 150 р. Так вы хотите 200 р.? За что же с них, с города, больше? Ведь тут говорит, легче. Там вы новое изобрели, здесь уже известное и т.д. О миллионеры! Я говорю: «Не бойтесь, не ограблю. С Дашкова беру 150 р. и спросите сколько я сработал. В 3 года 4 1/2 тысячи, значит, по 1500 р. в год. Больше не в силах. Да притом я даю труд, который окупится». О миллионеры, фабриканты, смотрят на нашего брата, как на продавца коленкора*.

1880 г.

18 декабря. В «Русских ведомостях» №327 объявлено, что Дума решила предложить мне. В №329 описаны вкратце прения.

1881 г.

2 января. Голова прислал предложение. На другой день, 3-го января я дал ответ, что согласен.

18 января. Был у Щепкина.

20 января. Вторник. Был Бочаров Николай Петрович[1], что-то с задними мыслями и не искренно. Предлагал указатели к думским докладам, к «Известиям». Я отрекся. По-видимому, он думает о конкуренции со мной, начавши писание в «Известиях» материалов для истории и статистики

---

* Переплетная ткань.

Москвы описанием пушкинского дома. Я просил обзора или указателя, что находится в думском архиве. Он замялся, давя на меня, что работал много и вдруг от него все отнимается. Я уверил, что этого не случится. Вообще, кичливость университетского человека по камеральному факультету, что он и дал понять. Того же 20 января отправился я в Архив юстиции и предложил работы начальству, Алексею Алексеевичу Орлову[2]: обзор каждого архивного угла и куста, что там есть и чем можно воспользоваться. Предложил в общих словах условия работы и вознаграждения.

23 января. Пятница. Явился архивный библиотекарь Николай Иванович Тихомиров и принес кучу планов упраздненных церквей, говоря, что еще больше есть у него дома и прося об этом никому не объявлять, особенно в архиве. По-видимому, очень полезный сотрудник.

26 января. Понедельник. Был военный офицер Адлер Евгений Петрович. Предлагал участвовать переводами с польского, литовского, французского, латыни. Но после разговоров я ему предложил историю московского гарнизона, военного постоя, казарм и т. д., начиная со стрельцов. Плата по листам, смотря по работе с правом редакцию делать, исключения и правки и пр.

31 января. Суббота. Был у Тихомирова Николая Ивановича. Масса планов, материал богатый. Просил я пронумеровать все и доставить. Вечером был у Токмакова[3], принес VIII выпуск своей библиографии и спрашивал, не против ли я, ничего не имею против оной библиографии, чтобы она была напечатана в «Известиях». Предлагал ее мне. Я решил, что мне не нужна, что я не против, как захочет. Щепкин: это его воля.

2 февраля. Ездили Черинов, Ключевский[4], Герье, Шервуд, Чичерин, Виноградов (новый историк)[5] на Рогожское к раскольникам. Воротясь от--уда, и пия водку со мною, Ключевский плакался: не помяните, говорит, греха моего. Я показал, что считаю его грех для меня пустое дело.

3 февраля. Вторник. Узнал и достал №1 «Современных известий», где писано о моей синекуре.

4 февраля. Суббота. Тихомиров привез планы. Был Бешенцов[6] с предложением сотрудничества, для образца которого поднес патриотическое стихотворение.

8 февраля. Был у М. П. Щепкина.

Видел и голову.

24 февраля. Вторник. Был в Юстиционном архиве. Так я потребовал там обзора, какие у них есть материалы, что из них можно сделать. Орлов согласился составить такой обзор, конечно, за деньги. Но теперь объяснил откровенно, что если они сделают этот обзор, то он всем раскроет глаза, все воспользуются указаниями, и архив останется в убытке, ибо всякий придет и будет спрашивать уже указанное дело. Я ответил, что и прекрасно: «Мне не надо. Пусть богатство, коим вы владеете, остается известным только вам. Добывайте и получайте деньги». Затем Орлов пе-

редал, что Н. В. Калачов предлагает мне, что не лучше ли так сделать, что архив издаст материалы для истории Москвы сам, а Дума даст ему на это издание помощь. Орлов сказал 1000 руб. Я ответил, что очень рад, но тогда это уже не мое дело. Что хочет, то и издает архив. Если же он желает издать материалы для моей цели, то мне необходим контроль, что будут издавать. Потом пошли в особый кабинет с Николевым[7]. Начался торг за работу. Николев хочет обобрать 50 коп. с листа за переписку. Спасибо Орлов ответил, что даст 20—25. Лист 25 строк на странице. (25—30 букв — строка, я предполагаю). За составление описания Станов московских, т. е. за сводку писцовых книг Николев сказал, что сам Калачов ему давал по рублю за лист, 25 строк. Но лист очень чисто переписан и без полей и на отличной бумаге. Что сенатские доклады он сокращал (том 1, 1711 год) по 60 коп. с листа. Я говорю, ну, назначьте же цену. 1) За переписку с поверкой. 2) За выборку вроде свода писцовых книг. 3) За извлечения вроде докладной записки. Нет, не хочет, а требует от меня.

В разговоре много высказано было откровенностей. Орлов стал было готовить для истории Петербурга, но Калачов сам сказал, что не следует давать. Пожалуй, — давай — они будут очень рады. Он наблюдает интересы архива. Я сказал, что хотел, чтобы хозяева сами работали, что если я приведу посторонних, то, конечно, вы всего мне не покажете, но все-таки, потребуется только время — достигну и я тайников.

О растворении дверей и о помощи со стороны архива, оказывается, нечего помышлять. Все хотят меня обобрать. А Калачов сам писал в Думу, что будет способствовать ей открытием материалов.

У Холмогорова[8] готовы церкви. Я говорю: давайте. Это, говорит, работа моего брата*.

За составление указателя к 2 томам докладов Сената Орлов берет 150 руб. с листа.

Калачову следовало бы собрать материалы и поднести городу в дар, а он просит помощи на их, свое архивное издание.

Рассуждаемо было, зачем Харитоньевскому попу[9] указали писцовую книгу 1638 г., а у него узнал Мартынов, и вот она теперь будет напечатана. Зачем открывать такие материалы. Я говорю: не открывать невозможно, но зачем существуют люди, которые за это деньги берут. У вас возьмут, отдадут Щепкину, и деньги берут.

Проекты. Задавать работу по моему выбору. Например, материалы о слободах. Составить указатель к Полному Собранию Законов и Максимово законодательство вообще[10].

24—25 марта. Грачи 5 марта не прилетели. Они глубокие знатоки погоды. Вчера 24 с полудня и всю ночь началась такая страшная зимняя метель при 3 градусах мороза, что [кажется]** зима воротилась.

* Имеется в виду Холмогоров Г.И.

** Вставка редактора.

Нынче санная дорога отличная. Она, впрочем, мало была испорчена до этого времени.

28 марта. Отдаю Щепкину программу.

31 марта. Вторник. Был а архиве юстиции. Сказал Орлову о работе. Он согласен, но без воли Калачова не может.

1 апреля к Щепкину письмо об этом и о заказанных работах, так же гонорар ровнять как за переводы.

2 апреля. Приходил Тихомиров. Совсем другие речи. По три рубля за план. Текст особо. Вероятно, он подучен Мартыновым.

5 апреля. Воскресенье Вербное. Был Н.В. Калачов и А.А. Орлов. Толк об описании Москвы и об архивной работе. Видимо, он прибыл для разведки, как дело поведено мною, чтоб и в Санкт-Петербурге также повести, о чем он прямо не сказал. Я прочел программу и свой план. Не одобрял, что все история истории. Это будто бы собьет архивных тружеников па литературный путь, и они составят истории, забывши об архиве. Пример скверный о Сыскном приказе. Орлов предложил, чтобы цена за работу шла со страницы просматриваемой книги. Например, книга в 1000 листов, он просмотрит, сделает закладки, И. Е. Забелин просмотрит и укажет, что надо выписать, а он, Орлов, получит, например, за каждую страницу книги 5 коп., следовательно, за 1000 листов 50 рублей. Калачов опровергнул, доказавши, что это затруднительно.

Много настаивал (Тихомиров), чтобы устроить копииста из гласных Думы. Вот я гласный, вот Герье и т. д. Я говорю: пусть составят, но я тогда отказываюсь. — Вот, вы все (резкие?) люди сейчас и уходите от дела. «Не уходить, а я против всяких комиссий, ибо они ничего не делают, а будет один делать. Посоветывается за чаем только» и т. д. «Но я говорю, что лучшая комиссия — с сотрудниками совет. А посоветываться в трудных случаях всегда можно с знающим человеком».

Вот оно что. О, Сирена. О, добродушная и благодушная шельма. Ищет, чтобы самому всунуться в руководители, эксплуатировать работу лица своими указаниями и показаниями. Как эти калачовы и уваровы любят комиссии. Калачов тут же и признался, как помогли ему комиссии узнавать дело, т. е. делаться ни за что ни про что руководителем. Петербург ничего не знающий очень любит комиссии. Но ведь это шаг к Земскому собору.

16 апреля. Четверг. Вечером были голова, С. М. Третьяков, полуголова Леонид Николаевич Сумбул[11], Митрофан Щепкин. Как бы заседание, но пустое. Порешили, как разослать гласным программу, написать проект о допущении в архивы. Голова несколько раз повторил, что суммы назначены с 1 января. Я упорно молчал, заметив, между прочим, что остался при пустых соображениях, что 150 с листа на 100 листов, если напишу, а не успею, то сколько напишу по расчету за лист, а за редакцию — не знаю что. Митрофан говорит, что это уже на вашей совести. Я промолчал и остался в неопределенном положении. Голова поспешал окончить заседа-

ние, однако, просидели час или полтора. Заметили, что Найденов оскорблен.

18 апреля. Суббота. Ходил к Найденову, читал ему программу и успокоил его. Он был очень доволен, что я пришел.

14 мая. Четверг. Ходил в архив, отдал Калачову свои издания. Тихомирову сказал: 50 коп. за план и предложил ему быть руководителем издания планов. Не хочет. Я отдал ему все планы, которые он нынче же и взял. Орлов говорит: пора работать. Говорит, мы теперь хотим без разделений на переписку, извлечение, сокращение и пр., а все огулом. Не знаю, как это. Надо потолковать.

16 мая. Переехал на дачу в Покровское[12]. Летом раза два был в Торговом банке у Найденова. Он неясный человек. Что-то готовит о землях слобод, но не ясно. Я посоветовал печатать под общею фирмою.

Июль. Получил сам 1500 р. Под расписку Орлова 200 руб.

16 сентября. В архиве. Уговоры с Николевым напрасны.

18 сентября. В архив на дороге столкнулся с домовищем* в упор.

28 сентября. Сипягин предложил свои труды.

20 сентября был у Митрофана, который рассказал, что к нему приходил Токмаков просить (иначе, жаловаться на меня), чтобы дал работы по московской истории, но с постоянным жалованием. Забелиным не доволен, что уплачивать хочет сдельно. Он говорил еще прежде, что Забелин не сумеет исполнить этого всего дела, а вот если бы ему поручили написать историю Москвы, так он бы предоставил отличный труд.

К 1 тому. Землевид Москвы. Топография подробная. Первые планы. Вещи курганные. Монеты. Всякие древности первых времен. Венцы золотые Успенского собора. Икона Владимирская. Шапка Мономаха. Крест Петра митрополита. Древнейшие рисунки московских храмов и пр. по рукописям.

Сносилось ли Балтийское море с Каспием и Азовом по Дону при Птоломее? Если так, то Москва и тогда существовала.

«Московские ведомости». 1881 г. №344. Юбилей полицмейстера Огарева. Купеческая молодежь[11].

«Московские губернские ведомости». 1841 г. о Рузе Палласа[14]. Москва и др. Вообще, природа Москвы, т. е. ее окрестности по Палласу и прочим путешественникам, начиная с географии XVI—XVII столетий. Что говорили все о Москве.

14 октября. Заседание комиссии по возобновлению Успенского собора[15].

15-го. В Успенском соборе, где я указал, чтобы царские двери украшены были сообразно рисунку золотых, сканных венцов на Спасителе и Дмитрии Салунском.

20-го. Вторник. Заседание.

24-го. Заседание.

---

* Гроб.

31-го. В Успенском соборе.

А, между тем, в воскресенье 25 заседание у графа Уварова по Историческому музею неокончившееся и продолженное во вторник 27, где рассматривались рамы окон, прапоры и т. д.[16]

А в Архиве юстиции свое дело. Такая деятельность, что беда. Наша забота в том, чтобы сведения были открыты, пущены в общий оборот, и кто бы их ни открыл, все равно мы каждому изыскателю благодарны. Которые сведения будут напечатаны в других изданиях — мы благодарны. Мы говорили, что все должны работать взаимно, дабы раскрыть историю Москвы во всей подробности. Соревнование наше только в этом, но отнюдь не в том, чтобы сохранять сведения до поры до времени с целью выставить свое изыскательное я, чтобы всякое открытие только происходило от этого я, я а не другой открыл.[17]

1882 г.

2 февраля. Вторник. Были Сухотин и Филимонов для рассмотрения моих прорисей. Филимонов не хотел меня сам попросить и пошел сам официальным путем через президента Дворцового комитета (или комиссии) Сергея Михайловича Сухотина, который очень соскучился (скучая).

1883 г.

18 мая. Барсов прислал отношение к попечителю о выдаче долгов в типографию по 3 счетам. Написал кой-как на бланке и № выставил сбоку, как на паспортах. Пишет, что типография хочет идти на суд. Еще бы, с января не уплачено. Я рассвирепел от этого безобразия. Пишет еще, что надо варить дело о субсидии. Думал, что все готово.

20 мая. Пятница. Прихожу. Долги уплачены типографии. Дело о субсидии. Оказалось ничего нет. То, что читано в Обществе* в ноябре — чувствительные фразы и никакого дела. Я говорю, надо краткую деловую записку. Оказалось, что мы оба не знаем, сколько получает Общество. Он предлагает к министру Делянову и к (министру) финансов[1]. Я говорю, зачем к финансам. Надо бы, говорит, к Делянову еще тогда, как приехал Бычков и писал, чтобы Иван Егорович побывал у того и другого министра. А письма мне не сообщил, и до сего часа я не ведал, что Бычков советовал, чтобы я ходил к министру. Говорю, покажите письмо. Стал искать и не нашел. От всего этого безобразия чувствую себя угнетенным донельзя. А он примолвил, кто-то приезжал из Киева, и Иконников[2] жалуется, что мы Забелина в доктора выбрали и доклад составили, а он, как стал председателем, и знать Иконникова не хочет. Вы, говорит, сделали неловкость. Надо поправить. Я говорю, что опасался предлагать, а ну как

* Общество истории и древностей российских.

провалят, как Брикнера[3]. Такое угнетение я почувствовал, что мочи нет. Вот попал, как кур во щи.

Согласились 23 мая идти к министрам подать записки. Зашел того же 20 к Победоносцеву. Не застал. Отдал «Преображенское»[4] и записался «Забелин» только. После, раскаялся, что это сделал, боялся, что книжку не подадут.

Дома нахожу письмо Сапожникова[5] от 18 мая, весьма важный документ о безобразии Барсова.

23 мая. В 7 часов утра пешком до конки всю дорогу дождь, а я во фраке. Вхожу. Барсов докладывает записку. Написал на имя и надо подписать. Говорю, это невозможно помимо попечителя. Говорю, не надо записки. Я обдумал, ударим челом, засвидетельствуем от Общества почитание, доложим о состоянии дел и попросим позволения просить о субсидии. Поехали. Полчаса ждали. У министра был Тихонравов. Вышло все, как я обдумал. Сказал — министр согласился, разрешил просить и на прощанье сказал: это и следует, т. е. дать субсидию. Барсов перебивал разговор и меня беспорядочно, забегал вперед. Теперь никогда с ним не буду представляться.

Но забыл было, что прежде, как мы собирались Барсов показывал мне карточку министра — загнутую — сам был. Я, говорит, вчера получил, в воскресенье и тотчас побежал к нему и расписался. Ну, говорю, вот скверно-то. Он нас ждал, ждал, да и сам первый приехал. Вот скверности. Стало быть и у меня такая же карточка. Ну, да ничего, Обществу это не бесчестье, а честь. Он и должен первый уважить избравшее его Общество. А вот теперь ему поблагодарим за это. Но, к счастью, я не благодарил. Из разговора с министром мне выяснилось, что первый-то был у министра Барсов, а он ему тотчас отплатил визит. Я все это понял и был уверен, что своей карточки у меня не подавал министр. Так и оказалось. Барсов, когда вышли, не доволен разговором министра, что не выказал никакой теплоты к науке и пр. Действительно, не понимает, как совсем посторонний, да и все они таковы.

К Победоносцеву, благо во фраке. Подождал, у него архиереи. Не узнал. Говорю: Забелин. Какой Забелин? Иван Егорович. Ах, Иван Егорович, пожалуйте, вам есть время, позвольте. Отвел меня в свой кабинет. Посидите. Подождал полчаса. Отправил гостей и ко мне. Поцеловались. Говорю, пришел поклониться и спросить, не сердитесь ли вы на мою записку об Успенском. Нет, ведь это все произошло по недоразумению. Показалось, что он-то и предложил поставить иконы на вертлюги, а кто-то хотел сберечь, но если б, говорит, вы мне прежде написали об этом. Теперь, говорит, так уж и быть. Иконы же вертлюги отменены. Затем общий разговор. Жалуется, что все духовные просят наград. Мы их развратили, но теперь и отделываемся. Говорил государю, что после коронации тотчас следовало уехать, оставив приятный букет. А теперь, кто получил четыре награды, доволен, а услыхал, что другой получил пять наград, вот

и не доволен, просит пятую. И Барсов просит чин д. с. с*. Говорю, да ведь это нельзя, надо порядком. Говорил Делянову, тот сказал, что он не знает, кто Барсов. Представил царю свою книгу. Вот приласкай, а у него тотчас и пойдут в голове «девы Дуная»[6]. Ну, вы чем живете? Да, получаю 1200 пенсии, думская работа, Дашкова работа.

24 мая. Отправился к баронессе Эдите Федоровне Раден по телеграмме Аксакова И. С., данной накануне на московскую мою квартиру. Но приехал в Москву ранее и потому завернул посмотреть картины Верещагина[7]. Сильный мастер в освещении и в реальной правде. Вид Кремля ординарен. Но лучше всего поп и полковой дьячок, служащий панихиду в поле побоища. Они, как живые, поют и читают. Затем в Кремль, но не пускают. Я телеграмму показываю. Пропустили только пешком, извозчика отправил к Троицким воротам. Ровно в 8 на 3 подъезд Кавалерских корпусов. Спрашиваю. Камер-лакей отвечает, что баронесса на обеде. Выше поднимаюсь, спрашиваю — на обеде, скоро окончится. Прихожу к ее номеру. Лакей спрашивает фамилию и говорит, что баронесса у Нарышкиной Александры Николаевны[8]. Пошел доложить. Пожалуйте. Вынимаю брошюру о Преображенском. Вхожу. Встречает у двери. Дожидалась. Очень любезна, ведет в гостиную, рекомендуя Чичерину, урожденную, подле которой на диване сидит головниха Чичерина[9]. Значит, все люди знакомые. Пошла беседа. Сколько лет не видались. Говорю баронессе, что 25 лет, а с 55-го года 28 лет. Разговор о педагогах, коих всех осудили. Нарышкина, кажется, Михайлова[10] не жалует. Против Фребеля[11]. Нарышкина указала баронессе, что и я, Забелин, против Фребеля. Но в. к. Екатерина Михайловна за Фребеля. Учат много, толку никакого. Фребель же вынимает душу и самостоятельность у характера. Потом о русском народе, о его нечистоплотности, клопах, тараканах, грязи. Распространялась особенно головниха и Нарышкина: сейчас что же может выйти из нашего народа, куда он годится. Ну, говорят: защищайте. Я защитил — вологодских, рассказав, что у них двухэтажные дворы и т. д. Говорил, что зло от воспитания семьи. Я сравнивал немецкую семью у колонистов и нашел, что немец обращается с ребенком, как с самостоятельным лицом, а у нас пасутся, как поросята, утки. Относительно чистоты говорил, что на юге мел играет цивилизующую роль. Я говорю, что защищать надо долго и много говорить. Распущенность нравов тоже, говорю, от семьи, указал на немцев, где ость дисциплина. Потом вообще о преподавании педагогов. Баронесса говорит, вот мы бы с вами составили отличную программу. Я рассказал, как обучал детей наизусть грамматике Востокова[12]. Спросила о дочерях — замужем ли. Нет, у себя оставил. Что ж, учительствуют? Нет, мне помогают, корректура и пр.

Докладывают: Константин Карлович Грот. Входит (завитой?) господин. Критиковали. Зачем женские институты помещены были на хорах

---

* Действительный статский советник.

во время бала в Дворянском собрание. Глупо. Но государыня желала гарнитуру на хорах. О Гедеонове Иване Михайловиче[13], что он ослеп и ничего не видит, а все служит, а кого на его место? Это в Человеколюбивом обществе. Потом об обществе 34 года, у коего*, говорят, до 500 тысяч, но никакого контроля. Потом явился Аксаков и при здорованье с Раден заметил, указывая на меня, наконец, т. е. я явился. Нарышкина не раз примолвила, что Раден все мечтала меня видеть. В половине 10 явился Победоносцев без доклада. Говорил о генерал-губернаторе[14], что в храм никого не пускает, что он вел с ним глухую борьбу, что хочет в храме, чтоб была перед государем пустота вокруг, где он будет стоять, что на хоры надо бы пустить дам в русских нарядах, воспитанниц из института (так и повелено), что купцы негодуют за то, что никого не хотят пустить и пр. Все критика. И все критикуют, т. е. пересуживают, а все сами же ведь делают всякое неподобное. Это общее. Раден была в Донском и мое же «Описание»[15] принесла оттуда. Оно и лежало на рояле. Выпил две чашки чаю. Угощали конфетами. Прощаюсь. До свидания, теперь уже ни через 28 лет, ни через 8 лет, как говорит Нарышкина. Очень любезна. Когда появился Грот, я, было, поднялся уйти. Нарышкина захохотала: Да что вы это? Посидите. Вероятно, показалось смешно, что я прячусь. Головниха ушла после Грота и тоже говорит: когда увидимся. А прежде — что вы пропали у Станкевича. «Заработался я», — говорю. Раден заявляла, между прочим, что желала бы остаться в Москве. При прощаньи я как-то случайно сказал ей, что живу на даче, за 10 верст. Извинялась и благодарила, что я прибыл.

26 мая. Четверг. Часу во 2 явился придворный лакей на извозчике, с речами, что ее высочества в. к. Екатерина Михайловна желает знать, где вы живете. «Я здесь живу». Дал адрес московский, сказал, что бываю в Москве по вторникам и пятницам. «Где вас найти?». «Нет, в Москве меня не найдете».

27 мая. Пятница. В час дня открытие Исторического музея[16]. Но открытия не было, а был простой приезд государя с царицею, что устроил внутренний Толстой[17]. Все было сделано, и билеты напечатаны, что будет открытие. В. к. Сергей[18] приглашал на оное на 24 мая, но государь сказал ему: «Зачем ты меня зовешь на открытие, когда ничего не готово и лежит мусор». Так донес Толстой, а с Уваровым он на «ты» и через него и в люди вышел. Уваров оскорблен и огорчен и поставил в дураках в. к. Сергея. Граф представлял архитекторов Семенова и Попова[19], Сизова[20] по случаю раскопки кавказского кургана и купленных вещей, художников, мастеров, мозаичного купца, мраморного[21] и еще какого-то. Потом меня. Подошел, я и поклонился. Неслышно, что в начале говорил государь. Уваров прибавил: «Он теперь занимается историей Москвы в обширнейшем размере». Государь: «Вы московский?» «Московский, ваше величе-

* Имеется в виду казна общества.

ство». Прежде государь спросил мозаичного купца, московский ли он. Других, сколько помнится, не спрашивал, кажется, еще Сизова спросил. Государь: «Ваши описания будут с планами?» «Точно так, ваше величество, я буду описывать исторически по группам, по урочищам, каждое урочище будет изображено в планах. Я работаю от Думы, по поручению Думы, ваше величество». Государь: «Давно вы работаете над историей?» «Всю жизнь посвятил, ваше величество». «Когда думаете окончить историю Москвы?» «Я расположил на пять лет — материалов множество». Уваров присовокупил, что он, т. е. я, составит описание и к нему приложит материалы, что материалов собрано множество. Государь: «Вы роетесь в архивах, в хартиях?» Я отвечал, что теперь погружен в хартии. Прежде, когда у входных дверей ожидали государя, прибыл и Делянов. Немного погодя Уваров представил ему Ключевского. Потом он разговаривал с Султановым[22]. Подумал я, надо и мне ему представиться, тем более, что искоса он на меня посматривал. Представляюсь. Узнал и говорит: «Я с удовольствием читал ваши статьи, как вы Костомарова прижали». Кланяюсь, благодарю и говорю, что теперь я оканчиваю печатать эти статьи в отдельной книге. «Позвольте доставить». Благодарит: «Сделайте одолжение».

Для Музея

Покупаем так называемый хлам и в вещах и книгах, рукописных особенно. Но что значит хлам? Ведь Историческому Музею поставлено в неуклонную обязанность по §1 его Положения выяснить, обозначить во всех подробностях быт Русской народности. И как же это сделать, не собирая именно хлама, тех памятников, которые еще остаются от бытия сей народности.

Берем рукописи. Покупаем молитвенники, сборники, в которых списки, каноны, акафисты, молитвы избранным святым и при них иногда записки о домашних делах, о событиях и т. п.

Содержание таких сборников и тетрадок неважно. Однако, если их наберется достаточное количество, то само собою вырастет и особое значение сих не важных памятников. Из них, при помощи их мы узнаем, какие моления в то или другое время были в особом ходу, были любимыми, т. е. более потребными для испрошения Божьей милости и т. д. Так как другие тетрадки светского содержания укажут, чем развлекался народ в чтении книг, какие повести, истории более ему нравились.

Таким образом, этот хлам изобразительно расскажет о чувствах, мыслях народности, о направлении ее умственных интересов.

Священник собирает в один переплет свои и чужие поучения для того, чтобы время от времени их проповедовать, сказывать в церкви как готовое слово. В массе этих поучений вы увидите направление общественной

мысли, нравов, потребностей ума и сердца, увидите, как пастырь пасет свое стадо.

Помещик составлял свои сборники из того, что его интересовало в деревенском уединении. Здесь является характер и мера образованности, переводы с иностранных языков. А хозяйственные записи рисуют домохозяйство.

Лекции профессоров семинарских и университетских рисуют науку своего времени, объем сведений и познаний.

Принимаем бумаги родовые от дворян, жертвуют или на хранение. Также юбилейные адреса, например Кетчера, для того, что Музей должен хранить память о деятелях во всех видах и родах, а в юбилейных бумагах указываются все заслуги лица. Это жалованные грамоты, которые тоже собираем.

Тетради простонародные, листки, записки, молитвы и подобные бумаги, ходившие в руках простолюдинов и характеризующие, чем интересовались люди, какие статейки нравились или почитались полезными, необходимыми в жизни умственной и нравственной.

Евангелие, Апостолы, Минеи, Прологи — все это было ведь церковное добро до времени печатных книг.

Деревенские рукописи, тетради, листки верны, как входившие в состав библиотеки грамотного крестьянина. Они любопытны даже по своим холстинным переплетам, которые должны быть сохранены в целости и в той грязи, в какой они вращались в грязных руках крестьян.

Исторический Музей не есть Музей рукописей, невиданных вещей. Он есть собрание памятников, т. е. разных вещей, систематически вводящих зрителя в бытовой порядок миновавшей жизни, почему для него дороги не редкости, а всякие рядовые предметы быта, лишь бы они пополняли общий круг бытовых нужд и потребностей. Не подобает Историческому Музею платить громадные суммы за редкость только.

1885 г.

4 января. Пятница. В 10 часов утра был князь Н. С. Щербатов[1], а я отказал: дома нет — хотел сидеть над корректурами. Сказали ему, что буду дома к 3 часам. Он опять приехал к половине четвертого и просидел почти до пяти. Говорили много, и я все помню в тумане. Но на первых же словах, кстати пришлось, сказал, что пропагандируют председателем Археологического общества графиню. Я, говорит, пришел поговорить с вами откровенно, чистосердечно. Пришел пощупать вас. И начал предложением занять в музее место председателя покойного графа или председателя Ученой комиссии, прибавив, что графиня заявила, что она все бумаги передаст только одному Забелину и никому другому, о чем говорил я и доложу министру, и Сергею Александровичу, и государю. То есть, что продолжение устройства музея только и возможно при сих бумагах, ибо с графом

померли и все планы. Я ответил, что не совсем желаю занять такое место, ибо не способен уже потому, что говорю только на одном русском языке и никаких официальностей не знаю. «Об этом не беспокойтесь. Я все беру на себя. Вы ничего не будете знать, никаких отношений, сношений и пр., все буду делать я». Вообще выяснилось, что он очень благодарен за то, что я согласился взять это место. И спрашивал, как же вы хотите, быть ли только председателем комиссии или и председателем музея. Я говорю, что как знаете, так и делайте, что вам лучше. А я готов быть полезным, если вы находите, что я полезен. Это меня радует, что дело пойдет так, как оно шло, неизменно как бы при графе. Если б, — говорю, — отдано оно было кому другому, я бы тотчас отказался. Место не будет пусто. Найдут других. А при желании графини и при таком условии, что передает все бумаги, я готов быть исполнителем». Он сказал, что квартира будет в музее и затем стал добиваться, сколько я назначу вознаграждения, жалования. Я ответил, что ничего не могу определить, ибо цены себе не знаю. «Ну что я вам скажу? Ну скажу 1000». Он и заметил, что это все-таки определение есть. Дальше я объяснил, что надо отправляться от того, сколько надо прожить. Я вот проживаю 3000 рублей. Без этого невозможно, подтвердил я. При квартире прибавил он. Но вообще, говорю, я хорошего в этом отношении ничего не могу посоветовать. Справьтесь с штатами, кои назначал граф или сравните с другими учреждениями. Надо, чтоб соответствовало должности, месту. Князь, видимо, человек простой и хороший, откровенный. Без четверти пять он от меня уехал, а на другой день в 5 часов из Петербурга он посылает телеграмму, полученную в 8 часов 15 минут вечера: «Великий князь и министр очень рады вашему согласию. Назначение ваше состоится. Сердечно радуюсь за дело и за себя. Щербатов».

5 января. Был и поздравлял меня Сизов.

6 января. В Новодевичьем на панихиде[2] я передал графине содержание телеграммы. Очень радовалась. Тут же Всеволод Федорович Миллер[3]: «Не поздравил вас с академическою вам честью, ибо считаю, это несправедливым[4]. Как у нас это делается. Половцеву дают почетного члена, а вам корреспондента».

Мило* и то, что на предварительном заседании археологического общества 14 января на чествовании памяти графа, подходит ко мне барон Бюллер и говорит то же самое. Вот, говорит, как избрали? Как будто и не знает. Я говорю: в подпоручики. Это, говорит, несправедливо. Почему не в почетные члены. Я говорю, указывая на Попова Нила[5], что он писал мне, что и это победа, ибо все немцы в Академии. «Извините», примолвил я Бюллеру. «Нет, я ведь русский полный, я Бюллеров, а не Бюллер». Странная Академия, как в ней немецкий дух сидит. Я говорю: «Да если б в Москве была Академия, она не так бы мыслила, а Петербург наполовину город иностранный». Затем Бюллер просил материалов Москвы.

* Дата записи не указана.

15 апреля. Понедельник. Заседание в музее. Первое мое председательство в Стоительной комиссии. Вместо официального представления прочел письмо министра, полученное мною 9 апреля. В первый раз в новой канцелярии, в новом помещении.

21 апреля. Получил официальное уведомление рано утром, а затем и от министра. Было Воскресенье. Князь явился во всей форме с Боборыкиным[6], Вейдебаумом[7], Сизовым.

22. Понедельник. Являлся Нарсесов[8]. Затем заседание уже официальное. Я — в звезде[9]. Сказал краткое слово о том, что всю жизнь делал больше всего для дела, и меньше всего для формальностей. Посему не знаю их и прошу научить, так как без формальностей никакое дело не может быть устроено.

23. Вторник. Ездил с князем в Братцево[10]. Смотрел дачу.

25 апреля. Юбилейный мой день, 43 годовщина печати моей статьи. Был у графини. Носил свою «Финифть»[11]. Спрашивала ласково, приветлива и дочь. Показывала пелены князя Андрея Ивановича Старицкого[12]. Утром был и в музее. Там с Сизовым были Ковалевский М. М.[13] и Миллер Всеволод.

30 апреля. Заседание Археологического общества и выборы. Румянцев, Иловайский, Елпидофор, Кельсиев[14] провалились. Графиня выбрана. Сказала скромную, умную, прекрасную речь. Говорит: «Недавно с Иваном Егоровичем Забелиным мы осматривали пелены Андрея Старицкого несчастного (намек на графа) и там в надписи боярыня его жена наименовала себя послужницею — слово дотоле не встречавшееся. Позвольте и мне быть послужницею обществу на то время, какое мне остается до февраля». Она думает, что каждый год новые выборы, а они на три года.

2 мая. Ездил с визитами к Семенову, Попову Александру Протогеновичу, Сорокину Павлу Семеновичу[15].

3 мая. Князь Щербатов сказал, что виделся с генерал-губернатором, который спросил, что назначен вам Забелин и выразил, что желал бы с ним познакомиться, чтобы поздравить его с назначением.

4 мая. Суббота. Иду в 10 часов, уехал куда-то на похороны и будет принимать в час. Иду к Елпидофору, чтобы назначить наше заседание на 10 мая, пятницу. Потом, за четверть до часу являюсь к генерал-губернатору. Сижу полтора часа в ожидании. Принимает: обер-полицейский какой-то, медик-генерал, еще военный, еще дама, еще генерал. Наконец, я. Извиняется, что затруднил меня приемом, замедлил. Назвал превосходительством. Идет за стол, указывает сесть, сам садится и начинает мне панигирик, смысл которого в том, что я назначен на свое место, общий голос, что достойный человек. Все знают, что кроме вас некому было поручить. Все говорят, что я один мог занять это место, и что граф Уваров еще при жизни говорил, что никто другой как только Забелин не может быть столько полезен устройству музея. Кланяюсь и сажусь. Он излагает историю музея, как он начинался постройкою у кремлевской стены[16], как госу-

дарь отдал на рассуждение генерал-губернатора (а я, говорит, и не знал, мне об этом и дела не было. Шельма. Сам-то и устранил от кремлевских стен, так не спросили его). Ну, вот я указал у Иверских ворот. Было там старое здание. И каковы последствия? Когда сломали, запрос от министра внутренних дел, зачем сломали. На основании такой-то статьи закона не следовало. Ну, я ответил, что это был не древний памятник, что он петровского времени, а с этого времени памятники считаются новыми.[17] При этом деле были Зеленой и Чепелевский, который искал чина, а не дела. Ну, и вот закладку сделали. [Ни]* Государь, ни я ничего не знали. Ездил мимо. А там окружен забором и приготовлена закладка. Государь должен положить камень. Была закладка тожественная. Все это странно было. Зеленой хлопотал. Он и помер от музея. Вам теперь много работы. Ведь еще 30 зал не отделано. Странно, у нас строят здания, а вещей нет. Я был за границей, смотрел музеи. Там много вещей уже было, ну и строили музей, чтобы поместить эти вещи, а у нас выстроили музей, а поместить нечего (я промолчал, что это вздорная мысль. По словам Бычкова, Берлинский музей он видел вначале также пустым, а через 15 лет видел его уже наполненным). Вы, говорит, на себя взяли только ученую часть, а отношения с Казенною палатою — это Щербатов. Говорю, точно так, но все-таки по положению я должен и этим заведывать, хотя тут не смыслю ничего. Он сделал такую гримасу, что это все вздор, брат. Потом я сказал, что, так как он почетный член музея, то музей всегда сознает, что покровительство поможет ему устроиться. «Да, я готов все сделать, что могу». Я встал и принес извинения. Говорю: «Вы простите меня, человек я кабинетный, многого не знаю». «Да вы ученые, вас порицать не приходится», сказал что-то в этом смысле. Я и в начале извинялся, что промедлил ему представиться. Отпустил. Я ходом пошел, рад что кончил. Он вдогон сказал до свидания. А я не догадался повернуться и откланяться еще раз. Все невежество. Но право, черт знает все эти церемонии. Неопытен я. 2 часа 20 минут я ушел.

1887 г.

12 ноября. Пятьдесят лет службы. Четверг. Утром от 11 1/4 до 12 1/4 в Благовещенском соборе[1]. Министр Двора Воронцов-Дашков[2] с семейством осматривал возобновление стенописи. Остался доволен. И встретил и простился очень внимательно и любезно. Разрешил продолжать реставрацию и на хорах. Расцветку колонной резьбы дверей одобрил указанную мною, как и Комиссия утвердила.

Обедал у графини Уваровой в 5 часов. Археологи Румянцев, Никитин, Орешников[3], Шляков[4].

---

* Вставка редактора.

18 ноября. Среда. Обедал у Дашкова. Княжна Горчакова, барон Бюллер, какой-то старый знакомый.

19 ноября. Был у Солдатенкова в амбаре. В разговоре сказал, что после смерти своей откажет всю свою библиотеку в музей.

23 ноября. В 11 1/4 ходил к Лебедеву Д. П.[5] просить в секретари. А без меня были граф Орлов-Давыдов[6] и Кузнецов[7].

24 ноября. Ходил к графу Орлову-Давыдову о делах по Благовещенскому собору. Завтракал у него. Оба очень любезны. После смерти А. И. Резанова[8] вы, говорят, все время были нашим хранителем.

26 ноября. Четверг. Переписка о секретаре в Обществе истории. Тихонравов, Лебедев, Герье, письма.

Заседание. Ожидаемые громы от Тихонравова оказались пшиком. Он начал с вопроса по § 14 о праве Общества избирать членов свыше 30, по поводу предложений о выборе новых членов, сделанных сейчас, после доклада входящих бумаг. Отсюда толки пошли об уставе. Попов предложил пересмотреть его. Опять часовые толки. Затем я прочел письмо Карпова и предложил баллотировать — виновен я или нет. Все высказались против баллотировки, а Барсов сознался, что он виноват, уехавши во Владимирскую губернию и поручивши издание корректору.

Следовали выборы по запискам. Барсов 20, Лебедев 9. По баллотировке Барсову — 19, Лебедев — 9. Лебедеву 11, черных 18. Засим я сказал слово о тяжелом положении председателя, как его не слушают должностные лица. Обличил Барсова, что не удостаивает подписи, что без моей подписи рукописи требует. Сказал, что все мои напоминания, требования выводятся на личные оскорбления, так что секретарь довел свою жалобу на мои будто бы притеснения до высшего начальства. Барсов молчит. Попов сильно меня поддержал, сказавши, что надо напечатать в газетах, чтобы не верили бумагам без подписи председателя. Я говорю: вот этим способом я не желал никогда пользоваться. И привел, что Барсов, например, без моего разрешения выпускает отдельные оттиски до выхода книги Чтений, печатает записки Рунича[9] без разрешения и, напечатавши несколько листов, потом уже дал на решение. Я ведь мог официальным путем провести этот вопрос, но этого не делал, потому что на все вызовы к ссоре устраняюсь по возможности. А должностные постоянно вызывают к ссоре, не исполняя и презирая мои напоминания. Так, господин казначей, вот уже несколько лет добиваюсь писание отчета. Он не только не делал его, но и в заседании не был до сего дня от марта. Вести мелкую борьбу, вражду тяжело и некогда. Просил уволить от должности, сначала принося сердечную благодарность за весеннее избрание. Все стали просить остаться. Ну, конечно, Амфилохий, Филимонов, Майков[10] особенно, Ключевский, Павлов[11]. Словом, очень и очень многие. Я опять откланялся и запросил подписи вслух, ибо многие, быть может, не желают. Попов предложил занести в протокол, что единогласно просили. Я сдался и поблагодарил. Против того, что говорил накануне в злобе вышло глуповато, не довел до

прямолинейности. Но и невозможно было в силу всех обстоятельств. Не было оппозиции моим обличениям ни с какой стороны. Я размахивался в воздух. Даже Иловайский и тот заметил о письме Карпова, что баллотировки не следует. Хорош Тихонравов. Попов тоже заговаривал зубы по случаю вины Барсова за письма Максимовича. Но я его остановил. Все сошло как-то благодушно и добродушно.[12]

27 ноября. Побежал к Лебедеву утром, благодарил его за позволение употребить его имя. Это дало возможность выразить обществу, что оно еще не совсем опошлело и оподлило. Все-таки хоть одна треть членов из 29 на стороне правды. Якушкин[13] уже был тут и благодарил. Лебедев остался доволен. Глядит на будущее. Рассуждал, как со временем можно сделать кой-что хорошее.

Был Д. Н. Анучин[14], справлялся о космографиях и других географических рукописях.

28 ноября. Был рязанский А. В. Селиванов[15].

29 ноября. В 1 1/4 в музей прибыли в. к. Николай Николаевич старший[16] с генерал-губернатором. Я почтительно поклонился два раза перед входом за светом, не видя его лица. Спросил, тепло ли у вас. — Тепло, ваше высочество. Скинул пальто и губернатор. Затем великий князь спросил (после представления генерал-губернатором своих чиновников), кто я. — Товарищ председателя. Представил: мои сослуживцы — хранитель, смотритель. Я повел в залы музея. — Сколько открыто? — 10 зал еще не наполнены достаточно, но понемногу соберем, ваше высочество, да и дело трудное. Объяснил ему Ипполита[17]. Новгородские места[18]. Пантикапея и Ольвия[ю]. С Эрмитажем мы не можем равняться, да и цели наши иные, не искусство, не драгоценности, но собственно культурные предметы. В скифском зале отделано для скифов наших, родных[20]. Великий князь любовался чашками Северской станицы[21]. «Прекрасные вещи». Киевские залы. Мозаика. Затем железный век, Бронзовый, Каменный. Картины Семирадского, Васнецова[22]. Объяснял. (По правде сказать, надо было начать с каменного века. Ну, так уж случилось.) Опять прошел лестницами в залы выставленных памятников. Входя в круглую залу, в. к. спросил: Это ведь под ведением Сергея Александровича?

Здесь генерал-губернатор представил г. Рохальского, заведующего памятниками[23]. Генерал-губернатор очень любезно обратился ко мне, забыл по какому поводу, сказав: вы наша слава и еще что-то. Не расслышал. Пройдя и осмотрев все проекты, великий князь заключил по-французски: «Ту сон мове. Ту.*» Генерал-губернатор, обращаясь ко мне: «Вот и я также решил, помните?» (При осмотре великий князь передразнивал движениями ног фигуры государя.) Стали вообще судить. Я заметил об отсутствии художественного понимания, вообще о низменности русского художества. Объяснял великому князю замысел Фартусова[24] — «подносы», «подушки»

---

* Все очень плохие.

и пр. При прощанье на лестнице великий князь благодарил, подал мне руку как и Рохальскому, но перед тем он восхищался сенями[25], очень хвалил. Спросил о главной двери*. Говорит: «В восточном вкусе.» Спросил о родословном древе: что там изображено? — Родословье императорской фамилии от Владимира и Ольги. Генерал-губернатор отметил, что противоположная сторона, где тамбур, некрасива. Потом великий князь ушел после объяснений со мною. Я еще поклонился, а генерал-губернатор уже выходил на улицу. Вообще генерал-губернатор со мною верх любезности. Ничего не помню из разговора великого князя и Долгорукова. Через полчаса, когда я дома раздевался, явился князь Щербатов, ездивший с княгинею[27] в Братцево и потому опоздавший. Досадовал.

1 декабря. Вторник. М. П. Боткин[28] в музее.

3 декабря. С Боткиным у графа Орлова-Давыдова и в Благовещенском соборе. Решено: в углу, к Красному Крыльцу карнизы и капители вырезать из камня по образцу существующих. Гладкие колонны расписать без теней, а просто.

4 декабря. Пятница. В музее Гурко Александр Леонидович[29]. Он же и вчера был, носится со своими пустоватыми пожертвованиями.

Михаил Петрович Хирин[30], кн. И. О. Щербатов, Федор Федорович Львов[31], член комиссии о памятниках. Предлагал свою будто бы идею. Царь Освободитель — статуя на постаменте и больше ничего. Окружное — дело архитектора.

М. П. Боткин зашел проститься и между прочим сообщил, что он уговаривает Мазурина Константина Сергеевича[32] пожертвовать в музей, а не в Румянцевский[33] русскую коллекцию его собрания. Просил принять его с распростертыми объятиями, ибо он будет полезен.

10 декабря. Был граф М. В. Толстой, привез окончание своего труда о русских святых.

12 декабря. Суббота. Возвратился из Санкт-Петербурга кн. Щербатов. Передавал его разговор с Сольским[34], государственным контролером, который выразил мнение, что наш музей пустой, что поэтому нельзя разрешать ему кредит на отделку зал и т. п. и на слова Щербатова, что если музей выстроен, надо же его оканчивать, Сольский заметил, что сделанную глупость можно исправлять, и новой не повторять. Щербатов напомнил ему о музее на Мясницкой[35] (но говорил мне, называя Политехнический[36], так что не поймешь), который мог бы поместиться в Историческом. Сольский схватил себя за лоб, сказав, что спасибо, что напомнили, мне не приходило это в голову. О Румянцевском заметил, что и его следовало бы упразднить, перевести (будто бы) в Исторический, а здание взять. На этих мыслях Щербатов основал (и просил меня о том) хлопотать, так сказать, возможность разрушения сих музеев с подходом к Сольскому, чтобы он постарался. Предложил мне составить записку.

М.П. Боткин указал на Мазурина Константина Сергеевича, готового пожертвовать в музей свою коллекцию.

14 декабря. В 2 1/4 часа был генерал-губернатор в музее. Войдя, заявил прямо выговор о том, что подъезд прегражден двумя кучами снега. Я говорю: «Дворники работают ежеминутно, кучи остаются временно».

Происходило заседание в комитете о памятнике Александру II. Возвращаясь, он был очень любезен. Поговорил о хорошем воздухе в музее. У вас, говорит, хорошо, во всех залах так. Я говорю, 15—16 градусов во всех залах одинаково. Любезно распрощался, а кучи уже были убраны. Он доволен, что его встречаю и провожаю.

Утром были Загорский[37], дворцовый архитектор, с окнами Благовещенского собора, Соколов Иван Сергеевич, секретарь Каткова с предложением индийских монет от Радде[38]. Мыльников с вещами.

Сказал князю Щербатову относительно Сольского, что не могу так действовать. Был А. Ф. Селиванов с письмом от Жизневского[39].

1888 г.

Оканчивая старый год чувствовал себя не совсем хорошо. Новый вступил тихо. Сели за стол да и закусили кой-что. От мадеры повеселел, бросило в испарину и стало легче. Кто веселился, а многие, особенно женский пол, встречали Новый год у Иверской в часовне, молились Богу. С 12-го часа и до 1 1/2 все приходил народ. Только я улегся спать в исходе второго, как услыхал кто-то грохнулся об пол, по-видимому, пьяный, внизу слышалось подо мной. В 2 часа послышались шаги надо мной. Человека два ходили в пустой зале Москва-Литва. Потом все умолкло. Оказалось наутро, как рассказывал князь Николай Сергеевич, что над его спальней, в зале 4-м упал с ящиков и разбился корабль, модель. Как, отчего упал? Неизвестно. Князь вскочил, велел кругом запереть ворота, обошел все залы, осмотрел все углы в них, все помещения под памятниками, думая что воры, — никого. Да, в 6 часов наблюдали, не пройдет ли к воротам — ничего.

Суеверие, а вот факты.* Объяснить можно, что подставка корабля высохла очень, и корабль накренился и от собственной тяжести свалился.

В октябре княгиня родила девочку, которая вскоре померла. Княгиня захворала последом, было воспаление. Дети захворали в то же время скарлатиной. Весь ноябрь и часть декабря у бедного князя была больница. (Это я пишу 12 января 1889 года.)

1 января. Пятница. Телеграмма: Исторический музей. Забелину. Искренне благодарю Вас, многоуважаемый Иван Егорович, и князя Щербатова за любезную телеграмму и шлю лучшие пожелания на Новый год. Сергей. Подано в Санкт-Петербурге в 4 часа 42 минуты, получена в 6 часов.

---

* Написано позднее.

2 января. Суббота. Обедал у А. В. Станкевича. Чичерин с женою, Дмитриев, К. К. Бодиско, Евгений Щепкин[1]. Дмитриев — развалина. После пяти или десяти слов втягивает в себя воздух задыхаясь. Неприятно на слушателя, болезненно, будто сам страдаешь.

6 января. Среда. Обедал у Солдатенкова. Корши Е. и Ф., Козлов, Д. П. Боткин[2], М. Щепкин. Щукины Иван Васильевич[3] и сын Николай[4], Грачов.

8 января. Архитектор Радионов[5] о думском проекте. У Постникова[6] смотрел его коллекцию финифтей. Знакомство с Живаревым или Жихаревым, что строит дом на Театральной площади.

10 января. Колосовский А. Д.[7] об архиве, что назначен уничтожить.

11 января. Кузнецов с окнами Благовещенского собора.

12 января. Кибальчич[8] оказал расположение к музею, но что-то хитрит. Ящики с вещами у в. к. Сергея Александровича, в Синоде, в Академии художеств. Забрать, говорит, надо со всех церквей не занесенное в описи.

26 января. В. Ф. Миллер принес в дар музею фотографии.

3 февраля. Был Леонид Николаевич Майков, благодарил за высылку рукописи.

7 февраля. Воскресенье. На открытии Александровского коммерческого училища[9] с 1 до 5 часов. Обед. Прощаясь, сошелся с Летниковым[10], директором училища, Д. П. Боткиным, П. М. Третьяковым[11]. При них Летников заявил, что меня бы, говорит, и половины не было того, что я есть по милости Ивана Егоровича. Он мой учитель и ему я обязан именно самым существенным, что я есть. Правду он в меня вселил. (Он в речи своей говорил, что для педагога важнее всего правда, правда). Боткин расцеловал меня. Ведь Иван Егорович правда настоящая. Расцеловался я с Летниковым и с Третьяковым.

10 февраля. Среда. Были граф Орлов-Давыдов, Кузнецов В. А. с архитектором Загорским, принесшим проекты окон Благовещенского собора для представления министру. Довольны очень.

21 марта. Понедельник. Федотов[12] притащил адрес на 25 лет графа Сальяс[13] подписать.

23 марта. Среда. Открытие трудолюбивой выставки[14]. Прибыл и Капустин[15], с которым говорил о болезни циркуляров. Эпидемия. Народу служащего, говорит, пропасть, а делать нечего, вот они и пишут циркуляры, регламентации на каждое чиханье и сморканье. Делянов будто бы раскаивается и хочет быть осторожнее.

18 октября. Вторник. Представлялся приехавшему министру Делянову.

20 октября. Приезд государя. У меня смотрели семейства Д. Ф. Самарина[16] и кн. А. А. Щербатова[17].

21 ноября. Был у Константина Сергеевича Мазурина, Дмитровка, Медвежий переулок. Богатое собрание крестов и других отличных вещиц, картин.

Был К. Т. Солдатенков. Сидел больше часу. Был Иванов[18], что продает оклады и кресты. Приходил спросить, примет ли музей подарок, кто-то хочет подарить, купивши его коллекцию, но с тем, чтобы об этом было доведено до государя-императора. Я говорил, что, пожалуй, можно сделать соревнователем, но, видимо, Иванов мыслит о чем-то другом.

26 ноября. Был офицер Хомцевников, просил указать материалы и источники для истории военного дела с Иоанна Грозного до Петра. Дал я ему и указатель к изданиям Общества истории и древностей.

Был Киркор[19], чиновник департамента уделов, просил указать источники об истории Измайловского зверинца для того, чтобы сделать доклад государю по случаю отдачи зверинца для постройки дач. А прежде, 20 ноября, был Д. Ф. Масловский[20] за справкою об Абросимах и Алешах[21]. Тотчас все ему указал. Остался очень благодарен. Справлялся для Петербурга и тотчас, говорит, пошлю телеграмму для военного сборника в «Русский инвалид»[22].

29 ноября. Четверг. Был в Музее Жизневский. Дал ему как члену Тверской архивной комиссии, три экземпляра «Цариц — 3», «Опытов» — 1, 3 «Минина», указатель — 4.[iз]

Был Николай Александрович Демидов из Нижнего, принес свое сочинение о деревянном зодчестве. После Даля остались рисунки, так он стал писать историю.

30 ноября. В музее был Петр Федорович Морокин из Вычуги[24] с Апостолом пергаментным XIII века и Борис Николаевич Чичерин. Толковали целый час. Морокин говорил, что они желают, чтоб явилась новая газета. Хорошая. Теперь читать нечего.

29 ноября был Иванов (оклады). Указал на богача Александра Григорьевича Кузнецова[25] (Малая Дмитровка, свой дом), который де пожертвует, купя его коллекцию. Но надо его попросить. Говорю: это неудобно.

3 декабря. Суббота. Осматривал на Потешном дворце[26] церковь. Быковский[27], Никитин, Бадер[28] и я. Быковский сообщил, что он совсем готов было ехать во Владимир, а к нему явился Никитин и сказал, что графиня отложила до весны. Каков интриган.

Церковь Потешного дворца. План.

7 декабря. Среда. Был художник Виллие[29], что в Ярославле рисовал сень Ильинской церкви и о ней просил, чтобы ее оставить на месте. Я говорю, что разделяю его мнение.

Был в музее Корсов[30], певец театра. Просил о костюме Бориса Годунова.

Был отец Виноградов[31] из Владимира и со старостою церковным. Приезжал хлопотать о решении, как покрыть собор Владимировский.

12 декабря. Был Хохлов[32], певец и др. за справкою о костюмах. Л. В. Селиванов рязанский. Дал ему 2 «Цариц», 2 «Опыта», 2 «Минина», 5 указателей, 4 «Домостроя», 5 «Наука»[33].

22 декабря. Четверг. Был у Сухаревой и так ознобил ноги, что простудился и засел дома.

26 декабря. Был Солдатенков К. Т. и сказал, что у Рахманова есть две иконы Рублева: Единородный и Триипостасное существо.[34]

1889 г.

Встретил точь-в-точь как прошлый год. За столом, кой-что закусил. Оканчивал старый год тоскливо, не по себе, не в духе, как говорят. Потом несколько успокоился и поправился. По нездоровью весь праздник сидел дома.

Вечером телеграмма от великого князя: Москва. Исторический музей. И. Е. Забелину. Сердечно благодарю Вас и князя Щербатова. Желаю всего хорошего на наступающий год. Надеюсь увидеть Вас на днях. Сергей. СПБ. 1 января 1889. Подана 1-го в 6 часов 31 мин. пополудни, № 88. Получено в 9 часов вечера.

10 января. В 2 3/4 часа прибыл в музей великий князь Сергей Александрович на фотографическую выставку[1]. Оставался чуть не до сумерек. Особенно Гондати[2] своим бесконечным рассказом очень удлинил обозрение. При выходе я предложил идти в библиотеку. Он было отказался, но князь Щербатов настоял, и мы побежали вверх по лестнице. Встреча генерал-губернатора. Я пробежал, не простившись с ним. Да и не встретил его как подобало, ибо он приехал после прибытия великого князя. В библиотеке представил великому князю Новицкого[3]: сверх штата служит помощником. Обозрел шкафы. Хвалил залу, в три света, говорит. Ходил в боковые, круглые. Спросил: сколько всего книг. Станкевич[4] ответил: 180 тысяч. Это почтенная цифра, заметил. Затем сошли вниз и задами, кладовыми прошел к черному входу, к князю Щербатову. Здесь я: позвольте откланяться, ваше высочество. — Да, вам нельзя, здесь холодно. Это было уже в 4 часа 20 мин.

11 января. Среда. В 1 час 20 минут прибыл великий князь в музей. Я встретил (в фраке уже) на нижней площадке. Подавая руку, снял даже перчатку. Ходили по кладовым залам. Осматривал новые приобретения. Показывая и предоставляя его вниманию различные предметы, я всячески старался ввести его в круг наших интересов и способов приобретения, изображая всю технику этого дела. Безумную дороговизну запроса и наши решающие цены. Особенно был доволен разнообразием собираемых изразцов. Одежда Корнилова[5]. Щербатов сказал, что вот он желал ее отдать Севастопольскому музею, но Иван Егорович оставил здесь. Великий князь одобрил мое мнение, сказав, что это общее достояние, историческое (в этом что-то смысле). О зеркале помнит, что я его приобрел. Это вы, говорит, приобрели. Сундуки, коробки. — Это русские? Я говорю: русские изделия. — Но такие же немецкие? — Несомненно, по образцам немецким, но дело наше. Не помню всего, что было говорено по разным случаям.

Пошли в собрание Постникова[6]. С любопытством и внимательно ос-

мотрел все. Перед тем еще утром я серьезно спрашивал Постникова о цене. 700 000 за все. 1000 икон и 2000 других предметов.

Через свой кабинет великий князь отбыл из музея в 3 часа без 10 минут. В Антропологический музей[7] отказался до завтра. Но прежде еще, при входе в кладовую, 1-ю залу Смутного времени я представил его высочеству Анучина как заведующего Антропологическим музеем вместе с Трутовским[8] как депутатов от Археологического общества с их просьбою. Анучин сказал словесно эту просьбу, а Трутовский прочел адрес. В. к. был доволен.

12 января. Четверг. В 12 часов 10 минут прибыл великий князь в Антропологический музей. Его встретил один Гондати. Все мы опоздали по случаю того, что князь Щербатов сказал, что он прибудет около часу. Однако вскоре явились Щербатов, Анучин, а после и я. Среди толкований Анучина представился и я. Подал (князь) руку, не снимая новой перчатки, также и всем. Вышел, надел шинель и подал мне руку, потом Щербатову и ушел. По-видимому заметил, что его не встретили.

5 февраля. Воскресенье. У Шабельской Натальи Леонидовны[9] осматривали с Сизовым ее коллекцию шитья и вышиванья. Богатейшая коллекция. (6 числа послал ей «Опыты истории»). От нее зашел к Буслаеву, оставил письмо, прося назначить час и день, когда может принять с приветствием от музея.

6 февраля. Понедельник. Был Буслаев, принес карточку с назначением дня. Рассказывал о своем юбилее. Как государь его принял не в назначенный день. Министр Делянов его товарищ, дали ему обед, первый поднял за него бокал и сказал спич. Академики 20 человек давали ему обед у Донона[10]. Умиленный в восторге от адреса Общества любителей словесности, и мне наговорил много лестного, сказав, что во мне он видит всех лучших людей, которых уважал и любил и которых уже нет. Заговорили о нравственной красоте в человеке и сейчас о Грановском, что он истинно его любил. Ведь вы, говорит, были хороши с Грановским, в его кругу жили. Стал нахваливать «Домашний быт царей» и просил, какие еще мои труды, — он укатал их в программу будущего дворянского института, который основывается, и государь отдает под него (запасной?) дворец. Что он с Шереметьевым нашел миллион для устройства заведения. Извинялся, что отговорил Д. П. Лебедева от секретарства. Он, говорит, мой лучший ученик, слабый, не очень ретивый, и потому за него было страшно.

Завтра, 7 февраля понесу ему все, что соберу. «Преображенское», «Москва-матушка, «Минин», «Кунцово», «Опыты» 2 части, «Русская жизнь» 2-я часть, «Цариц», «Донской монастырь», «Большой боярин»[11].

7 февраля. Среда. В 12 1/2 часа у Буслаева с библиотекарем Станкевичем. Прочел стоя все ему наше послание. [Буслаев]* Очень доволен. Академия, говорит, похвалу дала за язык, стороною упомянула об искусстве.

---

* Вставка редактора

Общество словесности за литературу, в которой я не участвовал, а вот Исторический музей за искусство, которым я занимался в последние шесть лет, хотя готовился и прежде[12]. Мне это очень дорого. Мы принесли ему и Евангелие с заставками XV века итальянскими. Восторгался. За один лист с рафаэльскими, назначал 150 рублей. Обещал дать в музей Апокалипсис лицевой. Очень много лести говорил. Вообще, он всегда производит на меня впечатление, что говорит неискренне, хитрит как византиец.

17 февраля. Пятница. Утром в 2 часа встречал генерал-губернатора Долгорукова, прибывшего в музей для осмотра проектов для новых рядов[13]. Ему более других понравился №2. Спрашивал №13. Смотрел в сопровождении Кольчугина[14] и его товарищей. Сходя с лестницы, генерал-губернатор на последней, к счастью, ступеньке, оступился и растянулся и руками и ногами, тотчас его подняли. Ничего. Молодцом. Он шел с губернатором князем Голицыным[15] разговаривая. Между купцами испуг и переполох. Кольчугин оказал мне: Мы в том уже не виноваты. Я говорю: будет помнить. Вечером князь Щербатов ездил справиться. Сказали — в театре. Значит, ничего.

В Археологическом обществе годовое заседание по случаю 25-летия[16]. Я спросил Трутовского, есть ли телеграммы и поздравления. Есть. Я заявил, что надо сказать приветствие от музея, и так как оное учреждение императорское, то мне нужно первому. Так все и исполнилось, хотя я говорил без приготовления. За мною говорили другие. См. «Русские ведомости» от 18 февраля. Сел я около Бюлера. Он был любезен и согласились мы хлопать графине после ее реферата. Я первый захлопал, хлопали дружно. После дочь ее, Прасковья, выговаривала, что я первый хлопал. Я отрицал, а потом сказал, что с Бюлером согласились. Затем собрались на ужин в ее доме, было человек 40—50. Я позволил себе после заздравных тостов вспомнить покойников, особенно после графа — о Котляревском и предложил в их память выпить. Оппозиция со стороны, где сидел Эльпидифор, Жизневский и др. Глухой ропот, и как бы в противоречие мне, Эльпидифор стал горланить тоже поминку, но особенно Уварову, как бы защищая его от моих слов о Котляревском. (Я говорил, что первые два года он был важнейшим деятелем.) Из слов горланистых Барсова выходило, что перед графом А. С. Уваровым никто особенно не значил, что у него всегда был особняк-кружок, который ему и служил. Ему хлопали. Мне — никто. Да и нельзя было, ибо я поминал покойников, а он горланил хвалу и лесть им же. Не могу понять, отчего явилась мне оппозиция и роптание, разве я сказал без такта и нарушил здравие. Домой воротился в половине второго. В 12 сели. В 11 кончили заседание. Бюлер, прощаясь со мной, утешил, говорит: напрасно против вас, я бывал на подобных вечерах, и такие тосты бывали.

12 марта. В три часа дня был Семирадский. Просил залу для выставки его картины, купленной государем[17]. Я отказал, говоря, что нам залы нужны. Он прошел в залы, где были проекты рядов, и говорил, что он

надеялся, что был уверен, что государева де собственность и потому пустят. Я говорю, что, если государь повелит, тогда мы с готовностью. Князь де Долгорукий в Санкт-Петербурге ему указывал на музей. — По нашим правилам нельзя. Мы пускаем научные выставки.

14 марта. Явился Подклюшников Иван Николаевич[18] и заявил, что коллекцию его трое покупают за 8 тысяч. Маковский[19] в Париж, Верещагин, Антокольский[20]. Я говорю: продавайте. Мы больше 4300 рублей дать не можем. 300 рублей я набавил по настоянию Верещагина.

В 11 часов явился чиновник особых поручений или другой, но с Владимиром на шее от генерал-губернатора. Покорно де просит не отказать, просит усердно, и мне повелел не возвращаться без того, чтобы вы не отказали допустить выставку «Фрины» в музее, так как это государева покупка. Я: что ж делать, покоряюсь, покорный слуга, готов выполнить желание князя, хотя наши правила этого не дозволяют. — Так нужно Семирадскому явиться к вам? — Да, говорю, надо от него знать условия.

В 3-ем часу явился Семирадский и благодарит. Я говорю: «За что? Для генерал-губернатора все двери отворяются». Ходили, смотрели залу. Он вымерил 14 аршин ширины. Только так. С ним вместе я пригласил и бывшего тут же казначея Общества словесности (как фамилия не знаю), просившего о выставке портретов.

У Большакова С. Т.[21] покупка на 85 рублей. А тут явилась графиня Уварова. Со всех сторон напали. Там софоновские[22] рисунки надо проверить.

22 марта. Неприятное объяснение о Ковалыкиным, что отказал ему в пособии. За все — только дерзость с его стороны.

23 марта. Четверг. Был Митрофан Павлович Щепкин. Сообщил, что у Шаблыкина[23] остается библиотека в 25 тысяч томов. Не знает куда девать. Надо в музей, о чем и хлопочет Митрофан Павлович. Сказал еще, что выходит из директоров банка с 20-го апреля.

29 марта. По поводу контрольных замечаний и выговоров, о выдаче неправильной Станкевичу 102 рублей и т. п. я сказал, беседуя с Сизовым и Станкевичем, что надо же как-либо устроить канцелярское дело, надо кому-либо взять заведывание, что именно по инструкции это возлагается на Сизова. Он сказал: я выйду лучше в отставку, чем стану учиться этой премудрости. Это надо поручить хорошему писцу, нанять такого. Что же мне было говорить? Надо было перессориться и прямо сказать: ну так идите в отставку.

На днях Зайцевский[24] забрал свои вещи и нынче их увез. Сизов вообще и на ту и на другую сторону, но больше на ту, и потому торги мои парализуются его влиянием.

14 апреля. Пятница. Храм Христа Спасителя. Вот архиереи в облачениях, в митрах, с крестами в руках уселись, залезли под аркадами, в углах теснятся, свесив ноги, в позах неблагочинньгх, бедным негде протянуть ноги. Что это? Скульптура русская, одевшая наружность храма? Ни кра-

соты, ни величия, ни благочестия не возбуждающая. А внутри живопись нарумяненная, набеленная, напомаженная, с пробором причесанная, примасленная. Все оперные певцы, тенора, баритоны, изредка басы на сцене, с ужимками певцов или простых оперных статистов. Хорош Пожарский! А у Введения во храм Богородицы прямо к заднице и прикладываются. Вся живопись сорокинского пошиба. Хорош Савооф — баритон оперный, лет 50-ти или с лишним. Напудренный, чтобы казаться седым. Стены мраморные, мозаика и пр. — очень хороши. Живопись не годна, ничего не говорит православному чувству, возмущает его.

18 апреля. Агент Семирадского предложил мне в подарок несколько билетов для пропуска на «Фрину». С сего дня платят за сии билеты по 30 копеек, а с воскресенья, с 11 числа, когда они были по рублю, он не догадался предложить мне рублевые билеты. Фотографическая выставка была любезнее, доставив мне почетный билет для постоянного входа. Конечно, я не взял ни одного билета, какие предлагал мне Сизов, устроитель выставки «Фрины». Он без моего спроса распорядился и вывеску не на месте поставить, и стулья дать две дюжины.

16 октября. Понедельник. Был в музее великий князь Сергей Александрович. Приехал в 2 часа, оставался без малого до 3 часов. Встретил милостиво, спрашивал о здоровье и не велел хворать. Показывал ему все, что собралось у Постниковых Н. М. и Д. М., особенно у последнего, финифти. Портрет Екатерины II Сушковой[25]. Заметил, что я дешево назначил 300 рублей. Надо купить, сказал. — Сколько просят? — 1000 рублей. Сизов говорит: нет, кажется. Я говорю: 500 рублей давал художник. Великий князь восхищался аксессуаром.

Прощаясь, я просил соизволенья представить некоторых лиц в члены музея. Я не умел сказать, откуда в музее кадило Веневитинова, какая надпись, портрет Кульнева[26], — везде надобны ярлычки.

Обещал прислать свои вещи из курганов. Чернево[27] все раскопал. Прежде князь Николай Сергеевич сказывал, что написанная мною благодарность за первые его вещи, произвела хорошую аннонсацию. Это было заметно и по-теперешнему разговору. Он как бы хвалился своими раскопками.

1890 г.

Местничество глупое, а считается. Съезд археологический 1890 г.[1] Обеды. 1-го во дворце. 2-го во дворце. Великая княгиня[2]. Гудович[3]. Я. Генерал. 4-го у Долгорукова. Кн. Волконская, Капнист[4], я, Юрковский[5], Степанов[6], конец стола.

4-го у графини Уваровой. Ужин. Великая княгиня влево Бычкова. Граф Орлов-Давыдов, я, княгиня Трубецкая, ей обещал книгу, как выйдет о Москве.

У головы. Губернатор Голицын, влево графиня, Савва[7], я, молодая Прасковья Алексеевна[8].

Обед в «Эрмитаже»[9] графине.

20 января. «Демут». Я, графиня, голова, молодая Прасковья, Анучин.

21 января. Обед у графини. От нее справа я, слева Ф. Корш.

23 января. Вторник. Обед Анучина в «Эрмитаже». Багалей Д. И.[10] тост за мое здоровье. Маркович[11] — за Орешникова и прочих музейных, Щербатова.

24 января ужин у графини Бюлер. За мое здоровье.

12 марта. Понедельник. Утром часов в 11 вдруг явился передо мной ярославский архиерей Ионафан[12] с Владимиром архимандритом Спасского монастыря, а я был в туфлях, беседовал с В. Н. Щепкиным[13]. Оделся и провожал архиерея по выставке и по залам музея. Весь день был какой-то тревожный.

19 марта. Понедельник. Станкевич растревожил меня своим поведением, совсем как Елпидофор. Кичится, не исполняет моих приказаний и о библиотеке не то понятие имеет.

20 марта. Орешников рассказал, что узнал на днях, будто наш служитель продает вещи. Оказался Павел, продававший какие-то стопы серебряные. Я, говорю, этого ожидал. Орешников запретил ему. Я сказал, что надо все проверить и запереть.

6 июля. Пятница. Пошел на вокзал, встретилась монахиня пожилая. Думаю, будет неладно.

Явился Солдатенков с просьбою передать графине Уваровой его отказ на ее письмо о пожертвовании на издание Археологического съезда VIII. Мотив: он никак не причастен ни к Обществу, ни к съезду. Что у него на 300 почти тысяч сделано и лежит его изданий.

Еще Павел отказался служить в музее по отчаянной болезни. Все ли цело. Поручаю ключи зал Алексею.

На балалайке трень-брень Бренко Окотов бренчит. Откуда бренчать.

Много знает, да мало понимает, сказала мимо идущая нянька. Может и так: Мало знает, да много понимает.

30 августа. Юбилей генерал-губернатора. Представлялся и я с скромным переплетом, в коем помещался лист похвалы ему от музея. Подхожу и говорю что в адресе. Читать было воспрещено, уж очень много было всяких адресов. Он мог только сказать, что не успел заслужить ничем музею. А ведь было время.

Схожу вниз, хочу одевать пальто в сонме генералов. Вдруг приезжает великий князь Сергей. Я от искренней радости воскликнул громко: «Вот особенное счастье, ваше сиятельство. Ваше высочество» — поправился. Генералы выпучили глаза, я сконфузился. Но поздоровался, поднес руку. Потом всю неделю нервозно беспокоился о том, что наделал неуместным возгласом, ругал себя дураком и пр. А оказалось после, как рассказывал граф Стенбок[14], что великий князь был тронут моим восклицанием. —

Так сердечно, — говорит, — вы его встретили. Результатом чего было большое расположение ко мне.

5 сентября. Среда. Накануне нанял коляску в Ильинское[15] за 8 рублей. В среду, в половине 8 поехал. Езды три часа. В половине 11 прибыл. У ворот жандарм спросил кто я, к кому. Говорю, к великому князю, а теперь иду в церковь. Обедня в 11 часов. Погулял по саду. Прибыл Костанда[16] и еще какой-то генерал его сопровождавший. Стоим в церкви. Царско-здравный молебен. Явился М. П. Степанов. Приглашал встретить великого князя. После обычного звону зазвонили во вся. Идут. Мы вышли навстречу. Я во фраке с лентою. Великий князь любезно заметил: «Вы простудитесь». Павел Александрович[17] приветствовал: «Здравствуйте, Иван Егорович». Дамы подали руку. Целовал. После обедни — все во дворец. Завтрак (в конце обедни прибыл генерал-губернатор Долгоруков). За большим столом — семья, Долгоруков, Костанда и высокие. За вторым меня посадили возле губернатора Голицына и фрейлины великой княгини. После стола прошел час за кофе. За другими столами поп сельский с причтом, архимандрит Савва, офицеры преображенцы, человек 8. Великий князь пригласил меня на свой деревенский праздник. «У вас, говорит, есть сюртук?» — У меня есть пальто, ваше высочество».

Надев пальто и шляпу — цилиндр, отправился вниз к реке за великим князем. Сели в лодку, великий князь сам греб и вез нас на тот берег. Я сидел для равновесия посередине рядом с высокой и толстой фрейлиной. Еще Стейнбок, Степанов и еще человека 2, кроме матроса. На том берегу в поле устроено место с флагами, расставлены подарки и гостинцы. Сначала раздавали по списку рабочим дворца. Великая княгиня собственноручно отдавала следуемый подарок, получавший целовал руку, а иной и не целовал в изумлении. Потом, для крестьян в корзине насыпана масса свернутых билетов. Каждый подходил, сам вынимая билет. Павел Александрович прокрикивал громко выигранный подарок, который отыскивали, подавали великой княгине, а она выигравшему. Восхищали особенно самовары.

Все это продолжалось часа три. Затем была раздача детям конфет, пряников, орехов. По окончании великий князь — к берегу. Великая княгиня уселась в лодку, и он сам греб, везя их на тот берег, домой. Оставил меня чай пить. Накрыт был один большой стол. С одного конца — самовар, и великая княгиня разливала чай своим семейным и послу с супругой. На другом, нашем конце, великий князь сам разливал нам чай и мне послал чашку через фрейлину. Когда я выпил, он еще предложил, я отказался, быть может, невежливо, не знаю. Конец. Откланялся великой княгине и великому князю. Стейнбок непременно звал к себе. Пока отыскивали мою коляску, пили мадеру. На прощанье Стейнбок надел-таки силою на меня свою бурку. Это было уже половина седьмого. Все время князь был милостиво любезен. Подходил ко мне, разговаривал.

15 сентября. Суббота. В 2 1/4 часа прибыл в музей великий князь с семьею Гессенскою[18]. При осмотре заметил серьезно о неудобстве, что в Киевской зале стакан, смятый 17 октября, и перо, подписавшее освобождение крестьян[19]. Очень уж о пере он сомневался, пожимая плечами и делая гримасы. Но не знаю, чего он желал, а вопросить было как-то неловко. Не на месте они лежат или совсем пера не надо? Я отвечал, что помещены временно. В кладовых заметил с неприятностью: «Зачем похоронная подушка с венком?» Я сказал: «Достоевского». А она Стоюнина[20].

Осматривал свои раскопки. Великая княгиня — образ Богородицы, большой, в ризе, у Постникова. «Строгановский, — сказала, — это не старый, я знаю.» — Я подтвердил, что не особенно старый, древний, точно так. «Я знаю», — говорит.

Вообще смотрели внимательно, особенно Виктория, а Алиса равнодушная вообще. Герцогу объяснял Орешников. Великий князь из принципа что-ли, по-немецки ни слова не говорит. Подписались в книге посетителей.

10 октября. Жалоба на смотрителя в грубом обращении. Молодой граф Бобринский и какой-то еще Сумароков заявили, что смотритель грубо пригласил их снять шляпы, так как они в сенях и в самой зале были в шляпах. При этом смотритель де сказал: Какое невежество. Это для них очень оскорбительно. А смотритель говорит, что это сказал какой-то офицер. Я пожал плечами и сказал: «Как же нам поступить?» Они тотчас откланялись, извиняясь, что беспокоили меня, и, выходя, все-таки тотчас надели шляпы. Сами делают невежество и оскорбляются, что им невежливо, грубо замечают на их невежество.

1 декабря. В субботу в 9 часов утра горел в музее деревянный потолок под самой крышей, что над черною лестницей, идущей мимо квартиры Н. С. Щербатова и мимо залы Московской, где железная дверь. Погасили собственными средствами. Занялось от трубы калорифера там проходящей. Через час все было окончено.

Переносили в Новгородскую залу Места.

1891 г.

1 января. Вторник. В 10 часов утра получил телеграмму великого князя. Часа в 2 — от министра.

8 января. Приходил в музей преподаватель классической гимназии в Владикавказе Терской области Константин Фомич Келдыш знакомиться и с поклоном ко мне, как историку, разгромившему Норманскую теорию и т. п. с большими похвалами. В разговоре об Иване Грозном я объяснил ему, что каждый разумный историк станет на сторону Грозного, ибо как он ни был без ума, а он содержал в себе идею, великую идею государства, во имя которой и буйствовал. А около него какие низменные своеличные идеи грабежа, захвата и т. д., окружавшие его идею ничтожны. Келдыш восхитился этим объяснением и сказал, отчего я не обработаю этой мысли.

7 февраля. Четверг. Был генерал Кузнецов Вавил Алексеевич с рисунками для Благовещенского собора. Рассказывал о пребывании герцога Австрийского[1]. Потешил о Бюлере, который надоел ему притязаниями о местах за обедами. Он считает себя вторым лицом в Москве (первый должен быть Дашков) и потому очень сердился, что Нейдгарта[2] печатают в газетах выше его, хотя Нейдгард и придворный чин, но он Бюлер — д. с. с. и проч. и проч. Посему он написал в редакцию послание, в доказательство, что он выше Нейдгарта и привел весь свой формуляр. Очень обиделся, что австрияк поехал прежде в Воспитательный дом, а не к нему в архив. Обиделся, что эта поездка назначена была в последний день, а не в первые дни. Обиделся, почему его посадили за обедом во дворце не против принца, а в ряду. Он хотел, чтобы принц глядел на него, а он мог бы глядеть на принца. Вообще преследовал все мелочи, почему он не впереди.

Генерал-губернатор серьезно выговорил графу Орлову-Давыдову, за то, что в газете «Московские ведомости» было напечатано, что во дворце он сидел слева от принца, а Костанда справа. Вы говорит, не просматриваете публикаций, а я никогда и нигде не сидел слева. Это со мной случилось в первый раз.

Вавила неловко сказал, отчего я не просил, чтобы принц посетил Исторический музей. Я говорю, если б это был музей Винклера[3], то я бы очень попросил.

25 февраля. Понедельник. Князь Н. С. Щербатов говорит, скажу вам новость, хотя очень неприятную. Князь Долгоруков увольняется, на его место — великий князь Сергей. Будет вам тяжело очень. Говорю, душевно рад, но будет тяжело. Конец медвежьей берлоге. Надо вытянуться, бывать на выходах в соборах, на праздниках, в церкви и т. п.

27 февраля. Среда. Утром сочиняли с князем Н. С. телеграмму радости и оказались неумеющими. Написали так: «Великая Монаршая милость древней Москве преисполняет Исторический музей чувствами беспредельной радости о своем Августейшем председателе». Ничего больше не могли придумать.

6 марта. Среда. Не слышно, как возвратился генерал-губернатор Долгоруков. У Иверской не был. Толпы не было. Ура не кричали. Он, выйдя из часовни, не кланялся направо, лево и прямо, здороваясь с народом своим, как он все это проделывал до сегодня.

7 марта. Четверг. Прибыл временный генерал-губернатор Костанда к Иверской. Народ собрался. Кто-то крикнул, но он махнул рукой с кротостью доброй старушки. Затем сел в карету и стал ждать своего лакея, который, выпросив позволения, ходил прикладываться к образу. Совсем наивно, благодушно, не так, как по-долгоруковски.

И 6 и 7 дождь, и 8 дождь.

9-го в субботу. Подсохло. Голые камни. Хорошая езда на колесах.

10-го. Воскресенье. С утра снег. К полудню уже все на санях. В 8 часов дождь, и все потекло. Однако в полночь хорошо ездят на санях.

11 марта. Понедельник. Ну, слава Богу, говорили Шерер и Набгольц, теперь хоть грабежа не будет. Вот каков Долгоруков! Он и в фотографии грабительствовал, забирая, что нужно. Набгольцу с 1879 г. должен 700 рублей. Прежде кой как получали посредством его лакея с уступки 10 или 15 процентов. Но лакей этот ушел. У Авенца он забрал на тысячи письменных принадлежностей, картин, скабрезных фотографий. У Андреева тоже забирал всякий съестной товар. Скандал с Хлебниковым, которому должен много. Администраторы, боясь его, предложили вычеркнуть его из должников. Но один (из евреев) восстал и в ожидании неприятностей побежал в Санкт-Пегербург и там пожаловался. Государь будто бы заплатил все. За что и к чему? Не в поощренье ли таким же.

Это, когда я жил на 3-ей Мещанской. Настасья Федоровна Тулянкина, институтка Николаевская, уже почтенная, очень боялась Иверской Богородицы, и когда встречалась, то ожидала чего-либо недоброго. У ней была, однако, икона Иверской. Она ей не молилась, а потом спрятала в сундук. После смерти она отказала эту икону Александре Александровне Кардановской. Та тоже приняла это наследство в таком виде, что ей нарочно покойница со злобою отказала на несчастье. Какова, говорит, Иверскую мне свою отказала, чтобы и мне было худо. Едва образумили ее. Сначала я, сказавши, что ведь это язычество, а потом поп ей внушил, что следовало. Вот каковы бывают верования.

В имении Е. И. Якушкина[4] (Ярославская губ.) лежал камень в лесу с крестом вытаченном на нем. Он стал «исцелять». Крестьяне приносили больных, клали на камень, т. е. выздоравливали. Архиерей велел разбить камень. Но и куски камня до сих пор «исцеляют».

23 марта. Долгоруков прислал карточку, т. е. приезжал прощаться. Я сейчас пошел и расписался у него. Едва добрался по слабости. Нет сил побывать у него лично. Да и незачем.

25 марта. Поутихла перебранка Иловайского со своими учениками. Ученики напали на своего учителя, увидели, что, в сущности, он мыльный пузырь, взмыленный рекламою приятелей, увидели, что он не более как ловкий компилятор, никогда не работавший по первоисточникам, научивший целое поколение пустозвонству и умничанью в разработке материалов истории.

29 марта. Четверг. Трутовский рассказывал, что Костанда сказал: хотя и недолго буду генерал-губернатором, но оставлю по себе память. Он от души ненавидит жидов и начал на них гонения. Ночной обыск в Зарядье (См. «Русские Ведомости» от 27 или около марта). На вывесках, чтобы были написаны фамилии и имена магазинщиков и лавок. Затем проверка домовых книг Тверской части. Оказалось, у Полякова[5] записано дворников, лакеев, поваров и проч. слуг ему служивших семь тысяч. Будто это верно. Большому жиду дано право у себя иметь дворню. Вот какова поляковская дворня.

30 марта. Суббота. Явился в музей книгопродавец Николай Иванович Мамонтов[6] с сожалением, что у нас из Щаповской[7] библиотеки разворованы книги, что осталось из громадной массы всего 4000 книг, что Торопов[8], председатель библиографического кружка, сам видел, как книги заменены редкие пошлыми, что он, Мамонтов, очень соболезнует об этом и пришел известить. (Он и прежде писал мне письмом, что книги Щапова продаются у Сухаревой.) Я повел его в библиотеку, показал ему, что значит заменена. Размазня Станкевич указал самую печать, сказавши, что она засохла и ею нельзя печатать чисто. Потребовал я печать. Оказалась чиста, можно печатать чисто.

30 апреля, вчера, в эту же пору был из Донского монастыря монах о моем описании монастыря[9] для 300-летнего юбилея, что не возьму ли я еще уплаты. Показал мое письмо к Аркадию 1853 г., где я толковал внушительно о правах на свою работу и просил уплаты. Теперь владыка не хочет печатать археологию и просит выпустить этот отдел. Я согласен.

1 мая. Среда. В 9 часов утра пришел Д. О. Масловский с поклоном и выразил мне большие похвалы, что он свое преподавание в Военной академии начал с моей «Истории русской жизни», что мои сказания о происхождении городов — чудо как верно и т. д. Хотел прислать свои лекции.

8 мая. Среда. Представлялся с чинами музея великому князю генерал-губернатору. Он поздоровался очень милостиво, назвал по имени-отчеству, спросил как здоровье, что я буду жить на даче. «Точно так, в. высоч., семью уже отправил». Спросил о портретах, пожалованных государем[10].

Великая княгиня расспросила о находках в Кремле, что замечательного. Я указал на богатство изразцов и пр. В. князь прямо от меня к Филимонову, что-то поговорил с ним. А когда мы прежде очутились с ним рядом, то он, Филимонов, отметил, что и во всей-то России только мы вдвоем главные археологи.

Вообще прием музеев был обходительнее и ласковее, чем прием всего университета.

Прежде встретился с Захарьиным[11], очень любезен. Особенно похвалил Минина и Пожарского — книгу мою. Говорит: ничего подобного не читал, замечательная вещь.

10 мая. Мои переехали в Химки[12]. 12 и 13 я был там.

14 мая. Государь, назначив приезд вечером, не приехал. Завтра, 15 числа приедет вечером[13].

15 мая. Пиотровский принес телеграмму от княгини Оболенской, что приедут в пятницу вечером. Вчера народ не расходился до 9 часов. Слухи рассказал Пиотровский: на Французской выставке[14] нашли динамит. Это рассказывают без утайки сами полицейские. У Иверской поставлены две трехпудовые свечи, начиненные порохом. Между Москвою и Химками нашли подкоп к дороге.

16 мая. Четверг. Москва вся готовится к встрече.

17 мая. Пятница. В семь часов вечера прибыл государь. Встреча была изумительная по торжеству и сердечности.

Без четверти он был у Иверской. Казался утомленным или озабоченным. Попы встретили с крестом и с водою. Взяв на руку святой воды, потер лоб с правой стороны.

18 мая. Суббота. К 11 часам я отправился во дворец с кн. Щербатовым. В 1/4 11-го разделись в передней графа Орлова-Давыдова. В Георгиевской зале масса народа. С Филимоновым прошли в Александровскую, он показывал мне как горки убраны. Говорит, я расположил по городам. Вот русская работа, а это ведь немецкая, — заметил я о стоявших на нижней полке. Это, говорит, Россия — Рига. Там вот Гамбург, Ауцсбург и проч. Чудак. Надо бы по декорации расставить, а он по местам мастерства, как и в Оружейной палате.

Все чины и чиновники, дворяне, придворные также теснились и перли, как и народ. Особенным невежеством отличались разные консулы в мундирах. Например, Бадер, виноторговец и др. Проходил придворный чин с жезлом или палкою и расчищал путь для государя, который в 12 часов вышел с государыней под руку. За ним великие князья и проч. Голова сказал речь и подает хлеб-соль. Грянуло «Ура» между чинами, как и у мужиков. Я пришел домой весь мокрый и усталый до невероятности.

19 мая. Воскресенье. В 7 часов утра Яков с самоваром принес билет-приглашение к обеду во дворец в 8 часов вечера. Нынче же после завтрака назначен приезд к нам в музей на Средне-Азиатскую[15].

В 2 1/2 прибывали один за другим в. князья. Сергей и супруга его милостиво подали мне руку. Я спросил, будет ли государь осматривать новые залы. Непременно будет, отвечал в. князь. Вскоре прибыл государь с императрицей. Я поклон. Он и государыня прошли. Сергей напомнил государю, что позади Забелин. Государь оборотился и подал руку, пожав крепко мою. А государыню и никто не принимал в толпе. Я же не видел и оборотился, но уже подоспели. На выставке я держался поближе к царю, выходя по возможности вперед, чтобы не отстать от толпы. В зале, где Сад расположен, государь и все высочества присели к столу и стали употреблять прохладительное. Государыня еще в предыдущей зале потребовала стул, села и в разговоре заметила князю Щербатову: я в лес хочу, что вообще показывало, что ее утомляют эти выставки.

В Саду-зале я стоял пред высочайшим столом и видя, что Щербатов пьет в широком бокале что-то с земляникой и апельсином, и я взял широковатый бокал и стал попивать. В. к. Сергей с Щербатовым Н.С., увидавши меня пьющим, стали что-то говорить на мой счет и весело посмеиваться. Я, тоже посмеиваясь, попивал. Наконец, в. к. поднял бокал за мое здоровье, смеясь. Я ответил поклоном, сколько возможно пониже за сию великую милость.

После того государь прошел из выставки и направился выше в нашу библиотеку. Из первых опросов — какие у вас редкости есть, редкие изда-

ния. Я говорю, что особенно редких нет. Государь говорит, я знаю у Черткова много было редкого[16]. Молчу. Станкевич принес Евангелие рукописное с заставками. — Рисунок (заставок) персидский, заметил государь. Спрашивал сколько зал. Я говорю, это одна, а около нее боковые небольшие, из которых мы отдали одну под коллекцию Достоевского[17]. Прежде, чем туда пройти, государь отметил, что между столами нет ковриков гуттаперчевых, чтобы ходить не шумя, не производя шуму для других. Кн. Щербатов сказал, что таковые есть, а государь молвил, де у вас никто верно не читает. — Нет, довольно бывает, сказал Щербатов. Затем пошли в комнату Достоевского. Здесь государь и в. князь много говорили о сочинениях Достоевского. Государь прочел на переплете «Бесы». «А, «Бесы» это». Еще «Карамазовы», и вообще поминал сочинения в неопределенных выражениях, хвалил ли или нет, но видно, знаком с Достоевским отлично.

Обратил большое внимание на портрет большой фотографический. Говорит, похоже на болезнь, нет такого здесь, какой изображает здорового. Осматривал разные вещицы покойного.

Пошли вниз. В Христианском зале мозаики Фролова[18]. Я доложил, что это опыт удешевления производства. Государь вспомнил какого-то итальянца, дешевле ли его он делает. Я ничего не мог сказать.

В Новгородской зале обратил внимание на стенопись, отметил: церковная[19]. Как бы не довольствуясь оной — почему не живописная. Место думал, что из Ростовского собора, но вероятно видел рисунки Ярославской Николы Мокрого церкви. Есть, говорит в Ростове такие. Я доложил, что сии из Новгорода точные копии.

Во Владимирском зале я доложил о кресте XII в. Сергей промолвил: Андрея Боголюбского. В Суздальском[20] о воспроизведении юрьевских резных украшениях. Затем коллекцию икон Постникова. Государь подробно осматривал, кивал, не раз отмечал: отличная, хорошая коллекция. Замечательная. Останавливал внимание на иконах.

Когда вышли в мою залу, где я заседаю, я доложил Сергею, что осмелюсь просить государя подписать в книге. — Непременно, непременно. Я тотчас предложил книгу и перо. Государь, насилу скидывая перчатку, выразил сожаление, что нет гусиного пера, однако, подписав и железным золоченым, отметил, что вот ничего не выходит насчет росчерка. Он не мог расчеркнуться, как желал. «Вот и ничего не выходит.» Здесь в полной мере проявилось его величайшее добродушие, его неистощимая доброта и простота. Виноват князь Щербатов, что не приготовили гусиного пера. Он знал. Я не знал. Государь был, как говорят, в ударе доброты и снисходительности. На прощание государыня подала мне руку, я поцеловал. Потом государь довольно минуту по крайней мере, стоял против меня затылком к выходу, так что я, смотря на него, все-таки не видел его лица от освещения. Надевая перчатки, подал мне руку с двумя надетыми в перчатку пальцами. Остальные были еще не надеты.

22 сентября. Суббота. В пять часов отправился на Нижегородскую железную дорогу, чтобы ехать во Владимир вместе с другими[21]. После меня явились Анучин и Орешников и только, а собирались многие. Во втором часу ночи приехали во Владимир, взял извозчика и в гостиницу Лукьянова, за мной Анучин и Орешников. Стучу. Ответ: нет номеров. Итак объехав все номера в городе, не нашли свободных номеров. Что делать? Возвратились на железную дорогу. Я хотел уехать в Москву с пятичасовым поездом. Потом одумался, что это будет неладно. Выпросил у начальника станции позволение ночевать в приемной зале на диванах. Улеглись. Товарищи заснули, я верчусь, не спится. Встал, пошел в буфет, выпил водки, чтобы огорошить себя ко сну, и только хотел залечь, является Субботин Николай Иванович[22], тоже объездивший город и ненашедший квартиры. Стали болтать, чайку попросили, а был уже четвертый час. До половины пятого проболтали и улеглись. Стало уже светать. Я не мог заснуть. В шесть часов поднялся и стал одеваться во фрак и прочее. Одевшись как подобало, спросил чаю. Было уже около семи часов. Встали и другие. (В два часа приехал и Быковский, которого Орешников встретил, чтобы не кружил, не ездил напрасно по городу). Все они поспали хоть немного и тоже оделись во фраки. В 8 часов пошли к собору. Быковский, увидевши собор, похвалил. Сказал: Спасибо вам, Иван Егорович. Я говорю: все участвовали. Но, говорит, вы были ближе всех к делу. Зашли к владыке, прописались в книге с визитом. Я написал: «т. с. И. Забелин на железной дороге», т. к. надо было адрес записывать. А лакею рассказал, что мы не нашли квартир и остановились на железной дороге, однако нас там не ищите, будем в соборе. Пришли к собору. Не пускают без билетов. Я раскрыл пальто и показал ленту. Полицейский тотчас пропустил. Там выпросили билеты у старосты Егорова. Он предложил снять пальто. Все сняли, я не снял, думая, что придется стоять долго, а потому можно и выйти на воздух. Где тогда отыскивать пальто? Так оно и случилось. Простояв час, я почувствовал себя дурно и ушел. На воздухе, однако, было холодно. Ноги зябли, и я должен был ходить кругом всего Кремля и к монастырю. Погода прекрасная. Но потом, прозябнув, вошел в собор. Пели уже «Отче Наш». Потом концерт. Оперные голоса чудесные. Стою, слушаю. Подходит староста Егоров и говорит, что владыка просит вас подойти к амвону. После слова, которое он будет читать, он хочет сказать вам несколько слов. Повел меня Егоров к амвону и поставил прямо против владыки в ряду с губернатором, предводителем и властями города. Предлагал снять пальто, я не снял. Стал и слушаю речь владыки и думаю, о чем он будет со мной говорить. А он читал нотацию всей нашей интеллигенции, как она отступила от благочестия, молитв, от веры, охладела к религии и т. д. Как будто я в этом первый виновник. Конечно, владыка и ушел в алтарь, не заметив меня. Егоров побежал к отцу Виноградову спрашивать. Тот объяснил, что владыка желает сказать мне что-то после всего торжества, когда окончиться все. Объяснил мне потом Егоров. Таким об-

разом, староста Егоров поставил меня дураком. Что делать. Начался молебен. Подняли мощи. Я стоял у Андрея Боголюбского и едва держался от натиска толпы. Выжали-таки сок. Ход был — чудное торжество. Несколько я прошел за ним, потом остался на площади. Толпа народа многотысячная. Весь старый вал и площадь до собора покрыты были сплошною массою голов. При приближении хода, стали бросать холсты. Было умилительно. Холсты, полотнища, платки, ширинки летели через головы от стоявших позади. Ход ушел в собор. А нас не пустили, как мы не бились. Я сказал Георгиевскому[23], скажи владыке, что нас не пустили и ушел от дверей. Закричали, что теперь пускают. Я сказал, что теперь не пойду, и не пошел.

Надо сказать, что мы свои саки оставили на железной дороге под охранение сторожа. Орешников во время обедни узнал, что есть свободные нам же назначенные номера в Кофейной гостинице у Золотых ворот и перевез туда саки. После торжеств мы туда и отправились, чтобы вздохнуть до обеда, который давал город в 2 1/2 часа. В гостинице спросили водочку и осетрину. Немного отдохнули. Затем явились на обед. Толпа. Много духовенства. Посадили нас справа от губернатора, подле которого сел Субботин, голова, предводитель дворянства и я, возле меня Анучин, Быковский, Цветаев[24]. На противоположной стороне против губернатора владыка и духовенство. Против меня пришелся Симоновский архимандрит. Были тосты. Был тост и за меня и членов. Не помню кто сказал. Я ответил: так в ответ на этот тост позвольте мне сказать несколько слов о другом тосте, именно о Иване Онисимовиче Корабутове[25], который вел все дело строительной техники по возобновлению собора. (И как же меня за это целовал Карабутов, провожая на железной дороге.) После обеда в гостинице я соснул часа полтора и освежился. А в 8 часов было чтение и пение. Все окончилось в десятом часу. В гостинице переоделись и в 10 часов были уже на станции, а в 7 утра в Москве. Читал Георгиевский, Виноградов и втесался Е. Барсов и молол об Андрее Боголюбском, вероятно, по Иловайскому, ибо пусто, азбучно, не более как гимназист сказывает урок по Иловайскому. Простился с архиереем. Поцеловались, благодарил[26].

Октябрь. Приходил протопоп Архангельского собора с предложением и большою просьбою, нельзя ли взять в музей портреты царей из собора, ибо они ветшают, и держать их в сохранности у собора нет никаких средств и способов. И царя Федора Ивановича и Скопина-Шуйского[27]. Да нельзя ли сломать приделы с Восточной стороны, где находятся сии портреты, они совсем разваливаются. Весь собор приходит в ветхость. Ризница в шкафу, который так обветшал, что чуть не рассыпается совсем и, говорит, как бы не покрали. Гробницы тоже разрушаются, известь сыплется. Я говорю: буду хлопотать. Только говорит, обо мне не поминайте.

Говорю, собор следовало бы взять в Придворное ведомство. Он, говорит, и был до 1742 г. в Придворном ведомстве, а потом в епархию перечислен.

8 октября. Вторник. Был поп из Троицы в Лужниках. Отдает картину

с изображением приезда к церкви покойного императора, где и маленький Сергей Александрович[28].

Написал Донскому митрополиту: По предъявлении сей бумаги, я, как автор описания Донского монастыря, желаю одного, чтобы мой безвозмездный труд монастырь признал достойным благодарности не одной словесной, но и письменной. 11 октября 1891 г. Иван Забелин.

Иеромонах Ефрем написал владыке что-то нескладное. Тот написал еще нескладнее. Не понимают, что я требую письменного свидетельства о том, что буду печатать. Говорю, ведь надо же меня благодарить за это, что владыка должен бы написать мне благодарность и просить меня заниматься этим делом. Это ведется в обществе. А они, как дикари, не знают как и что делать по этому случаю.

5 ноября. Вторник. Утром поехал с князем Щербатовым в Александрийский дворец[29] к в. кн. Сергею Александровичу. Прибыли без четверти 11. Минут через 10 были приняты. Я доложил, что в отсутствии вашего высочества изволено уполномочить меня управлять делами музея, а теперь как соизволите. Могу ли подписывать, например, благодарности великим князьям. — Все останется по-прежнему, а что нужно, являйтесь с докладом.

Посадил. Сказал, что желал видеть меня. Начались разговоры и о делах музея и обо всем проходящем.

1. Интересуется он надгробиями всех лиц, погребенных в Москве. Хочет составить мартиролог, некролог всех и начинать с Кремля. Интересуется гробницей Анастасии Литовны, 2-й жены Симеона Гордого. Гробница и другие у Спаса на Бору.

2. Интересуется древностями подземными Кремля, посему надо составить план, где можно что-либо подобное открыть. Сказал, что государь ему разрешил производить раскопки, где найдет надобным. Я рассказывал об открытиях во время строения дворца, о дубовых стенах Кремля от Ивана Калиты, найденных на месте Корпуса их высочеств. О грамотах Донского, о церкви Иоанна Предтечи, что под жертвенником найдены кости конские (теперь думаю не для Аргамачьей ли конюшни положены)[30], об обручах курганных и серьгах. О дворцовых помещениях и теремах цариц.

Разговаривали, как в Крутицких казармах[31] митрополичьи гробницы поенное ведомство уничтожает, устроивши подле них нужники.

О провале перед Царь-пушкою. Об Архангельском соборе, что нужно его взять в Дворцовое ведомство. О портретах царских я доложил, как они тяготят причт, ибо ветшают, а возобновлять у самого собора нет средств. О приделах разваливающихся, что надобно их выстроить вновь на старых местах. Спросил, читал ли я записки князя Куракина о Петре[32]. Как, говорит, он отделал управлении Наталии Кирилловны и как хвалит Софью. Я стал защищать Петра и его партию и объяснил, что Всешутейнейший собор находит, если не оправдание, то объяснение в том, что Софья боро-

лась под образом благочестия, и потому Петр нервозно относился к духовенству и благочестивым делам, ибо от них он бедствовал. В церкви поют «Спаси им бороды», а на паперти деньги на убийство дают. Эту мысль я провел.

И о многом другом. Также о Есипове, как он создал себе положение отбиранием из архивов всех бумаг, касающихся Фамилии, продавши «Светочу»[33] описание Всешутейшего Собора. Скандалов вообще не много сохранилось. В. кн. подтвердил, что да, не много.

Вообще великий князь был очень прост и любезен в разговорах. Позволил курить и сам мне спичку зажег.

2 декабря. Понедельник. Утром заходил Вавил Ал. Кузнецов. Спрашивал, к чему меня представить в награду и ходатайству гр. Орлова-Давыдова. Страшно жаловался на Филимонова, что он нагло и нахально не хочет окончить описание Оружейной палаты, Павлинова[34] называет дураком, вот какого болвана-дурака мне дали. Кузнецов однажды кому-то представил хранителей палаты, впереди стоял Павлинов. Тогда Филимонов, выскоча вперед, возгласил: я здесь старший, и министр предложил Кузнецову удалить Филимонова, но Кузнецов, не зная, как унять его, все-таки кажется, поступил решительно.

1892 г.

1 января. Среда. Получил любезную телеграмму от великого князя, ответ на мое поздравление с Новым годом.

6 января. Понедельник. Был К. Т. Солдатенков с просьбою о помещении в залах музея картины Репина «Запорожцы». Сказал, что с великим удовольствием[1].

3 марта. Вторник. Около 3 часов прибыл на выставку картин Репина в. кн. Павел Александрович с адъютантом. Мне сказали, но я был в сюртуке и не пошел. Потом сказали, что он в музее прошел к художнику Серову, что пишет у нас картину[2], делать было нечего. Надо идти, хотя и в сюртуке. Пошел. Сказал: простите, ваше высочество, что в сюртуке. «Ах, полноте, это ничего». Вообще любезен, проводил до сенной двери, несколько раз подал руку.

7 марта. Утром был Стасюлевич, принес свечи для стола Гончаровых памятников.

19 марта. Отправился с князем Щербатовым к в. князю. Опоздали. У него было назначено какое-то заседание. Сказал до завтра. Потом, около трех часов он сам пришел в музей и первое слово: «Вы завтра будете у меня». Смотрел выставку старых картин и проч. из частных собраний. Потом Палестинскую пробежал[3]. Обе выставки еще не закрыты. В 4 часа уехал. Был вообще любезен. Не один раз повторил, чтобы завтра у него мы были, так как что-то надо поговорить. — А что, не собирается Иван Егорович в поездку? — сказал будто бы как передал князь Николай Серге-

евич, который прибавил ему, что завтра будет просить у великого князя разрешения.

Придя домой, получил письмо от Ровинского с поздравлением с юбилеем 50 лет, а потом с «Новым временем» 5766. Замегку Бестужева-Рюмина[4].

20 марта. Был у в. князя с Щербатовым. Подал отчет за 1890 год. Сказал о торге с Д. А. Постниковым, прибавив, что по-моему мнению, не следует давать за его ольвийские вещи 5 тысяч, а надо держать оценку экспертизы 3600. В. князь после разговора по этому предмету выразил мысль, что может быть он уступит. Я подсказал, что на это есть вероятность, а если бы и не уступил, то потеря не особенно значительная, т. к. это вещи удаленного для музея значения. Затем я испросил разрешения об отпуске. В Братцево? «Нет, в Крым».

Князь Николай Сергеевич представил ему ведомости и хозяйственный кредит с доказательством, что нам не достает денег. В. князь защитил требования полиции. Я прибавил, что мы провинились перед городским благоустройством, что лошадей не могли добыть. Это, говорит, случайность, но все придет в порядок, и лошади будут. Разговор не был особенно приятен в. князю. Я, помолчав, опять свел разговор на вещи Постникова. Потом говорили о картинах выставки художественных произведений. Показывал он распятие, купленное им за 300 рублей. Дешево, ибо очень хороший памятник, бронзовый, XVI в.

Об азиатах разговор, что они самодуры. Однако видно, что музей от них ничего не получит. Князь Николай Сергеевич сказал, что они выделили 80 тысяч. В. князь сказал, что 25 тысяч. Я прибавил, что они скрывают. Когда было у них 70 тысяч, я предложил некую долю за квартиру музею. Недыхляев[5] сказал, что не 70, а 25 тысяч.

На прощание князь говорил: увидимся на открытии выставки. Вообще был любезен. Целые полчаса беседовал. Спрашивал, не приобрел ли музей что нового. Я сказал о пуговице и перстнях.

В. князь покраснел, когда мы начали разговор о чистоте мостовых (это было ему конфузно), что на это у нас денег нет, и мы не в силах исполнить требования полиции. Он заметил, что эти требования должны быть выполнены, что все войдет в свой порядок и т. п. Видно, что это его требования городского благоустройства. Я затем перевел разговор на постниковские вещи.

Повторяю это обстоятельство с целью обозначить, что в. князь очень добродушен в этом отношении в качестве генерал-губернатора. Другой бы нас распек как следует, а он, как девица покраснел и говорил стойко.

23 марта. Понедельник. Был в музее Д. В. Григорович[6], приехавший в Москву для устройства музея в Строгановском училище. Хвалил, что собрано много может быть. Просил изразцов, особенно просил издать мою брошюру о финифти, о которой говорил, что это единственный источник для всех, а теперь, когда все интересуются финифтью, так надобно всем иметь эту книжку. Предлагал мне ехать в Санкт-Петербург предстать пред

его величеством и разъяснить, что надо изо всех монастырей, церквей собрать вещи в музей, разместить их в витрины с обозначением чьи, где эти вещи. Я отрицал, говоря, что это ни к чему не поведет. Заметил, что непременно государь помнит, как его обманули музеем. Обещали его устроить на частные средства, а не давши купцы ничего, ордена получили. Все это помнит государь.

Львов говорил, что Григорович устроить взялся у них только иноземный отдел, а русский предоставил ему, Львову, а что ему, Львову надо только все, где есть орнамент, что он собирает только орнамент.

24 марта. Вторник. Открытие выставки дворянских собраний картин, посуды, мебели и разных вещей и вещиц художественной работы[7]. В 12 часов ровно прибыл в. князь. Я его встретил и ходил за ним по выставке. Он рассматривал все внимательно и особенно мелкие вещицы вроде разных безделушек в витрине князя Голицына. Поленов[8] показывал живопись, князь Голицын свою севрскую посуду, свое серебро, и Щукина Н. И.[9] Все описано в «Московских Ведомостях» 25 марта. В. князь внимательно спросил при выходе на лестницу: «Вам трудно?» Говорю, нисколько, а сам задыхаюсь. При спуске он скоро побежал и объяснил Сизову, что нарочно спешил, чтобы не затруднять меня, оставив далеко позади, чтобы я уже не торопился. В 1 1/2 часа он отбыл. Я, конечно, проводил его чуть ли не до двери, как подобает.

26 марта. Четверг. Около 3-х часов прибыли все в музей. В. князья Сергей и Павел осматривали до половины 5-го. В. князь Сергей выразил мне сожаление, почему на выставке серебро Бобринского, что было на археологической выставке. Потом спросил меня, когда я еду. Я сказал на Святой. — И праздник не будете? — Нет, я еду в средине недели. — Тогда мы еще увидимся, будем христосоваться. Очень любезен. Предупредил меня, чтобы я не бежал с лестницы за ним и в конце не допустил мне сойти на нижнюю площадку. Распростились на ступенях. Я выпросил у Голицына две чарочки расписных и в финифти. Обещал. Об этом я сказал в. князю. Не знаю, исполнит ли он свое обещание.

Я был в старом сюртуке, только застегнувшись.

28 марта. Суббота. Прибыли в музей в. князья Сергей Александрович, Алексей Александрович[10]. Я встретил. Сергей представил меня. Алексей пожал руку. Пошли вверх. Через полчаса прибыли Павел Александрович и Евгений Максимилиан кн. Романовский[11]. Сергей Александрович представил меня Евгению, который сказал, что давно вас знаю. Я сопровождал их среди картин. Великий князь Сергей подошел ко мне и спросил, буду ли я свободен в понедельник. Он скажет, когда надо придти. Сначала сказал было в 11 часу, но потом передумал. Пошли в музей. Я представил книгу для подписи. Алексей Александрович закурил папиросу. Хвалил залы, и Евгений тоже. Я объяснил картины Семирадского и Васнецова, хвалился, что приобрел братину. Алексей Александрович восхищался Владимирским и Суздальским залами — художественно. В брон-

зовом веке Алексей опять закурил папиросу и с нею вышел в сени. Но здесь бросил.

Между тем при выходе в. князей от картин прибыл в. князь Константин Константинович[12]. Я не мог уже ему представиться. Пошел за князьями. Проводил их, воротился наверх и уже в зале вещей представился ему. Любезно принял, сказав: я вас знаю хорошо. Когда пошли вниз, я стал просить о подписи. Он сказал сначала: некогда, уже нет времени, но все-таки согласился и подписал. Я проводил его до дверей. См. «Русские Ведомости» 87 и «Московские Ведомости» 29 марта.

30 марта. Понедельник. В 2 1/2 часа в. князь принимал человека. Звал меня в 1 1/2 часа к нему. Явился за 1/4 раньше. Посидел. Без 20 минут в 2 часа позван в кабинет. В. князь в синенькой курточке, пиджачке, запросто. Предложил осмотреть икону Спаса — голова в окладе, деланном в Мегерах. Я сказал, письмо хорошее, но новое, указавши на письмо волос, слишком плавное, не резко выписанное. Я, ваше высочество, не очень крепкий знаток, но могу сказать, что письмо новое. Потом в. князь принес иконостасик очень хорошего письма с чеканным по левкасу орнаментом позолоченным. Я говорю, можно отнести к XVI столетию. — Так отнес и Султанов, — сказал в. князь, — пришедший от этой иконы в восторг. Дальше из разговоров выяснилось, что в. князь очень доволен Султановым и его работами по созданию древневоспроизводимых памятников. Другие архитекторы, говорит, что их попросишь, всегда противоречат, сказывают, что это по технике нельзя и т. д., упирают на свои специальные знания. А я не специалист и желаю то, чего желаю. Султанов всегда поймет мою мысль и разовьет ее, как мне желается. Отличный мастер-художник. Перешли вообще к древнеиконописному письму и стенному в Благовещенском соборе. Он говорит, что видится итальянское влияние. Я объяснил присутствием в Москве тогда итальянцев. Но все-таки оно православно-архаическое. И предложил взять его за образец для письма повсюду вместо академического. Прибавил я, что, например, я недоволен письмом. Все оперные какие-то тенора и баритоны. Он вполне согласен со мною, что в церкви нашей должно быть письмо архаическое.

Очень был внимателен. При осмотре иконы подставлял мне даже табуретку. Потом, когда сели, угостил папиросою, которая в разговоре у меня гасла, и я ее два раза зажигал. Беседовали мы ровно три четверти часа, а там дожидались и скучали долгим докладом Истомин[13], Стенбок. Говорили также о церковниках и монахах, как они равнодушны к древностям и стремятся все поновлять свежими красками и золотом[14]. За икону Спаса просят 500 рублей. Я говорю, это очень дорого, но если бы она была подлинник, а не копия, то можно было бы дать 350 рублей. В. князь все-таки доволен ею за архаизм. Много еще говорили о разных предметах, теперь позабыл.

26 июня. Был у меня в музее Константин Егорович Маковский за советом. Пишет, т. е. намерен писать картину Минин[15]. Он воротился из Ниж-

него, смотрел местность, советовался с Гациским[16], который, вероятно и указал на меня по поводу моего Минина. Место действия по совету Гациского избирает на Нижнем базаре. Спрашивал меня, я сказал, что собрание могло быть и в стенах города, именно у собора, хотя могло быть и на базаре. Он решил — на базаре. Момент — речь Минина и тут же сбор жертвований. Я говорю, что это не совсем будет так. Сначала речь, а после уже жертвы. Он ответил, что надо все зараз. Такова задача исторической картины. Я согласился, ибо иначе невозможно для живописи. Лицо. Я сказал, что это самая важная задача. Историческая картина должна быть в изображении лица и лиц окружающих, которые все должны изображать то, что должно историческое изобразиться на главном лице. Нижегородские типы хороши. Костюм. Он говорит — охабень. Я говорю — полегче — ферези. Зипун[17]. Но, говорит, все было в сентябре. Я посоветовал недорогой костюм, средний. Пусть дорогие стоят тут же. Он был не мясник, а лицо, освещенное мыслью. Церковь деревянную. А тут как раз доложили, что пришел Василий Васильевич Суслов[18], архитектор. При нем и рассуждали. А он пришел с предложением для музея — снять стенопись в Переяславском соборе и доставить ее в музей. Я согласился, чтобы был прислан образец. Стали рассуждать, что нельзя восстановить стенопись, сохранив ее и возобновив. Суслов против восстановления вообще, говориг, что теперь это не требуется восстановлять уродливую древнюю стенопись. Я заспорил, но Суслов стоял на своем. Маковский тоже поддерживал меня, но разумел не то, что я. Он ставил образцом восстановления князя Гагарина[19] и вообще знает только как восстанавливают живопись на Западе. Я говорю, что у нас не живопись, а иконопись, посему надо поручить иконописцу, что живописец никак не может, если б и желал восстановить иконопись, ибо рука его живописна, а не иконописна, не угловатая. Спорили и каждый остался при своем. Маковский совсем парижанин, ничего русского не понимает, все на французский лад. Суслов тоже не понимает, как охранять, восстанавливать старину. Что выйдет из Переяславского собора — неизвестно. Стенопись, по его мнению, надо в новом стиле.

Можно полагать, что происхождение самой Степени было таково, что это был именно нижний Рундук княжеского Ярослава дворцового крыльца, выходивший вперед от здания дворца на площадь. Тогда сень не обходила.

В картине Новгородское вече со стороны историко-археологической желательно видеть как бы самый Новгород, этот исторический тип вечевого устройства народной жизни. Для этого необходимо представить:

I. Внешний тип города т. е. топографический облик:

а) непременно воды реки Волхова, что может составлять первый, передний, ближайший к зрителю план картины;

б) вече должно быть помещено на Торговой стороне у Ярославова Дворища;

в) зритель должен стоять или на мосту реки или вообще от стороны Софийской стороны;

г) равнину воды возможно пустить вдаль справа с обозначением на горизонте церкви Спаса Нередицы и возвышенности Городища;

д) на ближнем, дальних планах должны стоять среди хором каменные и деревянные во множестве, ибо много церквей. Тоже типичная старая черта Новгорода;

е) вече помещалось на обширной площади перед дворищем Ярослава. Площадь обставлена церквами, особенно у Дворища. И теперь здесь несколько церквей стоят кучею;

ж) позади площади, ближе к Дворищу, Степень Вечевая, т. е. помост о трех ступенях вроде архиерейского в соборах. На этой вечевой степени стояли чины веча, посадник, тысяцкий и все степенные люди, почетные и, конечно, богачи, человек 10, 20, 30 в иную пору;

з) была ли сень над степенью, неизвестно, но надо полагать, что ее не было;

и) если степень была рундуком от крыльца Дворища Ярослава, то она могла иметь и сень шатровую, как в рундуке крылец;

к) большая толпа. На степени почтенные лица, посадник-оратор. У степени оппозиция, в среде которой свои ораторы;

л) предмет совещаний, споров и пр. Выбор князя. Отказ ему. Поход на немцев, на князя, на виноватый город.

II. Внутренний тип Новгорода, духовный, так сказать, или в собственном смысле исторический.

а) Искони и до самого конца общество Новгорода распадалось на два существенные в жизни отдела — на людей великих, больших по богатству и влиянию, и на меньших, составляя в них всю бедноту города. Средние люди примыкали всегда или к богатым или, смотря по обстоятельствам, к бедноте и малому достатку. Новгороду в его историческом развитии не удалось уравновесить эти две стороны, отчего тянулась вековая непрестанная борьба между большими и меньшими, вызвавшая вначале призвание варягов, а потом московского единодержца.

б) В собравшихся вечниках настоятельно должно изобразить и ярко выразить эти две стихии новгородской жизни. Как? Вот глубокий вопрос.

в) Однако все дело в изображении и выражении лиц, ибо историческая картина сосредоточивается в выражении и игре чувств и нервов на предстоящих лицах, вся в духовной борьбе, всегда выражаемой только на лицах.

г) Посему всячески надо остерегаться изображать современных нам лавочников, купцов, артельщиков и т. п. типы, не озаренные древнею жизнью и древней борьбою людских интересов.

д) Дабы избежать сего греха, надо идеализировать лица на основании древних иконописных типов лиц, которые можно найти в рисунках руко-

писных житий, сказаний, изображенных в лицах, как говорили предки. Это о физических типах лиц, выражении строгости характера и т. д.

е) Вече помещалось на обширной площади перед Дворищем Ярослава. Площадь обставлена церквами, особенно у Дворища. И теперь здесь несколько церквей стоят кучею.

ж) Посреди площади, ближе к дворищу степень вечевая, т. е. помост о трех ступенях вроде архиерейского в соборах. На этой вечевой степени стояли чины веча: посадники, тысяцкие и все степенные люди, почетные и, конечно, богачи, человек 20—30 в иную пору.

з) Была ли сень над Степенью неизвестно, но надо полагать, что ее не было.

и) Если Степень была рундуком от крыльца Дворища Ярослава, то она могла иметь и сень шатровую, как все рундуки крылец.

и) Можно полагать, что происхождение самой Степени было таково, что это был именно нижний рундук княжеского Ярослава дворцового крыльца, выходивший вперед от здания дворца на площадь. Тогда сень необходима.

31 июля. Пятница. Пошел к Тестову[20] обедать. Гляжу, сидит за столом А. П. Богданов с сыном. Приглашает сесть с ним. Сажусь. Просьба, говорит, покорнейшая. Скажите всем вашим, чтобы меня не выбирали председателем съезда. Соберемся, будут об этом толковать. Вы видели, что я всегда избегал председательства — везде. Выйдет комедия. Выберут — я откажусь[21].

Вечером в Славянском базаре я сказал всем, в том числе Гондати, который настойчиво говорил, что кроме Богданова некого выбирать. Есть два-три имени и будто и я в числе этих имен. Так он сказал по любезности. Графиня Уварова отказалась. Я указал на князя Голицына, на которого наметил Богданов. Гондати против. Надо, говорит, ученого.

1 августа. Суббота. Пришел обедать к Тестову. Опять сидит с сыном Богданов. Опять я сел с ними за свой обед в 1 рубль 25 копеек, а они ели по заказу. Богданов сказал, что меню надоедает. Немного спустя явился Любимов. Богданов и его пригласил за один с нами стол. С Любимовым мы старые знакомые. Он в разговоре о разных предметах заявил, между прочим, что древние думали не головою, а грудью, сердцем. Так, говорит, свидетельствуют их философы и другие ученые. Потом шли рассказы о их общем студенчестве, анекдоты из их жизни. Любимов обещал дать новую его книгу истории физики.

В этот день 1 августа в 2 часа было открытие Антропологического Археологического съезда[22]. Был в. князь Сергей. Была порядочная беспорядица. Великой княгине не поднесли букет, опомнились и поднесли после заседания. Разговаривая с разными лицами, великий князь обратился ко мне, спросив о моем здоровье. Внимание, за которое спасибо.

2 августа. Воскресенье. Открытие Археологической, географической[21]

выставки в 2 часа. Длинный молебен с водосвятием. Хозяйничала графиня Уварова. Бобринский[24] рекомендовал свою супругу.

3 августа. Понедельник. Великий князь в 2 1/2 часа прибыл на выставку с великой княгиней.

Разцветов[25] наговорил мне много любезностей. Истомин, разговаривая о том, что в. князь очень хорошо знает русскую историю, заметил, что это благодаря Ивану Егоровичу. Очень рады, что я стою во главе Исторического музея, как русский человек знающий и понимающий, что нужно для этого учреждения и т. д. Я забываю. Много очень лестных для меня слов. Это тот господин, который на бывшем Археологическом съезде после споров по моему реферату крепко пожал мне руку за мои русские мысли и чувства тогда мною выраженные в спорах.

В воскресенье 2 августа был у великого князя раут. М. П. Степанов подвел ко мне Дашкова, отыскивавшего меня в толпе, чтобы благодарить меня за приветствие в его юбилей. На нем красовалась Владимирская лента. Говорит: отчего вы у меня не обедали? — Да ведь вы не звали, — отвечаю. Великий князь оказал и здесь мне внимание. Спросил, живу ли я на даче. Я говорю: Воздух главное. «И я в Ильинском испытываю, как благотворен воздух», — отвечал он, и далее говорили о необходимости деревенской жизни.

13 августа. Четверг. В Химках получаю телеграмму, что сего числа великий князь дает вечер конгрессу зоологов и зовет меня.

Являюсь. Великая княгиня удостоила разговором о Химках, о конгрессе[26], что явились новые лица и прежних довольно и пр.

Великий князь тоже подошел, спросил о здоровье. Я, пользуясь удобным случаем, говорю: «Соизвольте разрешить избрать госпожу Шабельскую в действительные члены музея, так как она устроила витрину и подарила коллекцию тканей, альбом и пр.». «Но, — заметил великий князь, — ведь она легкого поведения». Возле стоял Сизов и начал объяснять, что это напрасно, что у нее две большие дочери, что его жена и сын и теперь гостят у нее в Крыму. Вышло неловко. Очень. Великий князь сказал, что не имеет ничего против моего представления. Вообще был очень и очень любезен. Я доложил о подсвечниках Островского, что Синод отказал, именно Победоносцев.

14 августа. Пятница. В музей пришел Кузнецов с рисунками о раке для мощей Благовещенского собора. Князь Щербатов с предложением поехать к великому князю доложить, что нам отказали в смете уже второй раз, и просить о пособии. Солдатенков К. Т. звал на обед с Ровинским. Ф. Ф. Львов с прошением вещей для его музея. Все столкнулись в один час. Голова кругом пошла.

В 2 1/2 часа у великого князя с докладом. Он встретил словами, что вчера с Шабельской попал на ее приятеля. Я ответил: «Это ничего, ваше сиятельство». Но он почувствовал свой промах. В докладе о нуждах музея я настаивал о витринах. Князь Щербатов о зале Московской. Я сказал,

что прежде нас упрекали за пустые залы, что и выстроен музей преждевременно, так как памятников нет. Теперь нам некуда класть памятники, так они накопляются. Сказал (в. князь), что постарается хлопотать о пособии. Князь Щербатов доложил, что он разговаривал с графиней о 10 тысячах для конгрессов. Нельзя ли оные обратить для музея. Спросил, что мы приобрели в последнее время. Я говорю: «Ковш за 500 рублей». «О», — говорит. Я ответил, что Щукин[27] за ковш заплатил 1000 рублей, что невозможно приобретать серебряные вещи дешевле. Согласился. Я увидал, что ему нужно сообщать о наших приобретениях. Очень любезен, как и адъютант его Гадон[28], готовившийся сейчас же доложить обо мне, но я сказал, что ожидаю князя Щербатова.

1 ноября. Четверг. Мое празднование[29]. В 12 часов я отправился в музей в черном фраке с лентою. Получаю еще дома телеграмму от принцессы Ольденбургской[30] и от министра. Пишу ответы и посылаю. Пришел строитель музея Семенов поздравить меня. Затем в час пришли за мною А. Павлов и Трутовский, чтобы вести меня на торжественное заседание. Я предполагал, что встречу публики не более человек пятидесяти или около того. Но, войдя, увидал большое собрание, которое встретило меня горячими рукоплесканиями, долго не умолкавшими и возобновлявшимися по поводу моих благодарных поклонов. Совсем не ожидал такой сочувственной встречи. Павлов сказал лестную для меня речь и начались чтения приветствий.

Праздник был очень примечателен тем, что не было потентатов[31], а собирались Бюлер, Делянов, не было и друзей. Солдатенков приходил ко мне на квартиру в 11 часов. Станкевич А. В. был болен. Елена Константиновна приезжала, но Настя не могла ее принять.

В 5 часов собрались обедать в «Эрмитаже». Князь привез меня в своей карете. Поставлена была закуска великолепная. Говорю Сизову, что это очень роскошно и дорого. Говорит: «Нет, всего по четыре рубля с одним бокалом шампанского». Обед прошел шумно и весело. Говорили много заздравных речей. Я предложил тост (после Павлова, который предложил за меня) за Археологическое общество и теперешнего его председателя. Потом за больного Анучина, потом за графиню Уварову. Речи. Павлов мне «Славу», однако я все забыл. Милюков[32] в похвалу моего реализма в моих трудах. Линниченко[33] что-то о скифах, Субботин выразил свое личное уважение и сочувствие, Иловайский за Самоквасова, как за начальника архива. Е. Щепкин уже к концу обеда встал на стул и со стула что-то сказал. Вячеслав Щепкин тоже подошел, и что-то оказал. К концу обеда пришли Чупров[34], Сеченов[35], Крылов (драматург)[36], затем Бугаева[37]. После явился П. Ф. Боборыкин.

1893 г.

20 января. Среда. Вечером у великого князя. Любезно спрашивал о здоровье. — Вид ваш хорош. — Затем, в концу вечеру, у буфета, проходя поговорил, доволен ли я вечером. — Наслаждался милостивым вниманием вашего высочества ко всем нам.

21. Четверг. Расписался у министра вчера прибывшего, а в 2 часа он был и в музее с Аничковым[1]. Я просил на витрины хоть три тысячи, хоть с рассрочкой. Говорю: «Прежде упрекали музей, что он пуст, а теперь мы бедствуем, что некуда вещей класть, приходится на полу». Аничков, прощаясь, сказал, что просите в конце года — дадут. Министра я встретил уже в 3-ем зале. Очень любезен. Несколько раз (3) спрашивал, отчего из моей квартиры нет хода прямо в залы музея. Жалел. Я и забыл провести его в новые залы.

16 февраля. Вторник. Был с князем Щербатовым у великого князя. Представил указатель музея, два экземпляра в сафьяне, один рядовой. Говорит: «Государю представлю один». Затем показывали ему четыре братины, купленные очень дорого за 3500 рублей и перо, которым подписан журнал Государственного совета об освобождении крестьян. Вопрос был в том, подписывал ли государь этим пером, о чем пишут газеты, а великий князь не пропускает этого сведения. Он сказал, что крестьяне будто бы желают серебряный киот сделать на это перо.

В тот же день было заседание Археологического общества, был там и великий князь. Я не был.

18 февраля. Четверг. Великий князь и великая княгиня были в музее на выставке картин французского художника Луи Дюмулена[2]. После того великий князь пожелал видеть картину Серова «Государево семейство во время спасения на железной дороге». Долго рассматривали. Государь не похож. Государыня так похожа, что не было портрета так похожего по словам М. П. Степанова и Жуковского Павла Васильевича[3].

Князь пожелал видеть мой портрет. Спросил: «Где ваш портрет».[4] «В той зале», — говорю. Тоже долго рассматривал и сказал, что художник написал вас очень суровым. Вы так не бываете. И великая княгиня тоже заметила. Я говорю: «Это озабоченность была, так и изобразил художник». М. П. Степанов прибавил, что он сделал бы надпись к портрету: Иван Егорович недовольный порядками в музее. Я ответил: «Так оно и есть. Это так.» Великий князь отметил, что начальник всегда должен быть недоволен. Это лучше для дела. В разговоре заметил: «Вы не были в заседании Общества, а были любопытные доклады о курганных вещах из раскопок Кожевникова[5]. О московских серьгах». Любезность великого князя была высказана и по поводу моего доклада, что возможно бесплатно дозволить чтения в аудитории в пользу Елизаветинского общества[6]. Он сказал великой княгине, что Иван Егорович поддержит меня взять как можно больше за право чтений, а он представил, что возможно бесплат-

но. Смеялись. Рассматривая разные вещи костяные, великая княгиня остановилась и смотрела на веер, который пожертвовала в музей М. И. Забелина. Великий князь много рассматривал старинные картины.

На сегодня, 18 февраля, назначен был вечер у великого князя, на который приглашен был и весь персонал музея. Но вечер был отложен. Вообще, хочешь не хочешь, а служи, продолжай вертеться в кругу всякой служебной выставки.

31 марта. Среда. В музее были Анучин и Машков[7] абиссинец. Желали получить абиссинские вещи, что подарил музею наследник. История достойна памяти. Машков читает сегодня в Политехническом музее об Абиссинии и желает показывать публике самые вещи. Прежде Анучин назначал чтение в нашем музее, и тогда у великого князя было испрошено разрешение выдать вещи для демонстрирования. Потом, читаю в «Русских ведомостях», что чтение будет в Политехническом музее и там будут показывать вещи. Я хотел писать Анучину, что это невозможно, но он сам явился в первый день праздника, 28 марта. Просит. Я говорю, что существует запрещение, без высочайшего разрешения не давать вещей. Говорю: «Просите великого князя.» Он писал Степанову. Вчера на представлении великому князю встречаю Анучина, говорит, что ответа не получал. Иду христосоваться с великим князем, и когда пошел к выходу, Степанов встречается мне, говоря, что послал мне телеграмму. Великий князь разрешает, если вы не находите препятствий к тому. Надо отдать вещи с условием, чтобы об Историческом музее не упоминали, что это вещи из Исторического музея, словом, чтобы о музее не поминали. Это меня оскорбило. Я не один раз сказывал ему, что существует 19 параграф нашего Положения, по которому нельзя. Не сказал ему ничего решительного со своей стороны. Затем, обдумавши вопрос, решил не отпускать.

Сегодня они прибыли в музей. Послали за мной. Я явился и сказал Анучину: «Я вас обескуражу. По долгу службы не могу отпустить вещей. Вот телеграмма, в которой сказано: если вы не находите препятствий, его высочество разрешает. Я нахожу препятствие, как вам докладывал, в 19 параграфе Положения и в правиле министра. По долгу службы не могу их нарушить». Анучин, как жид, стал доказывать, что можно обойги закон. «Вообще, если бы вещи были в Антропологическом музее, я бы мог их перенести в Политехнический». Говорю: «Могли бы, но они еще в Историческом музее, потому нельзя. Если бы великий князь безусловно решил, тогда я — к вашим услугам, а то вот эта строка: если и пр. очень мешает. Ответственность валится только на меня.» «Да эта строка представляет одну вежливость, так ее можно толковать», — заметил Анучин, а Машков прибавил: «Эта вежливая строка дает вам право только делать закорючки». Я рассвирепел, возвысил голос, говоря, что кроме услуг не бывало и не бывает никаких закорючек. Ушли. Машков и не простился, вдогонку я сказал: «Вот и исполняй долг службы».

1) Анучин по прихоти не захотел чтения в Историческом музее (надо ведь платить за аудиторию), и все это произошло из-за этой перемены места, а для его удобства я-то должен нарушать законное правило. 2) По решению великого князя, как объяснил Степанов, музей должен украдкою, тихонько отдать вещи в чужое распоряжение, опять только для удобства Анучина. И что это за манера украдкою, чтобы об Историческом музее не было и помину. Это меня больше всего и смутило. 3) Великий князь, давая разрешение, умывает руки в ответственности, поставив условие, если я не нахожу препятствий. 4) Как здесь выразилась наша интеллигенция, бичующая правительство, народ, что всюду царствует обход закона, особенно у жидов, а сама всячески ходатайствует об обходе закона, просит, просит, чтобы его нарушили, и когда встречает отпор во имя закона, сердится и даже ругается закорючками. Итак, исполнение долга службы есть в умах интеллигенции закорючка, а нарушение есть правило честного отношения к делам. И после этого мы, ученые и просвещеннейшие люди, говорим о законности, упрекаем, что жиды обходят закон и т. д. и т. д.

И горче всего, что нарушение закона, установленного правила, является только из пустых прихоть, из удобств жизни, из скупости заплатить рубли. Анучин и особенно Машков даже и не понимают, что невозможно нарушить установленных правил. Для них, как дважды два, это сумбур и закорючки, крючкотворство подьяческое. Как можно противоречить моему хотению, моим удобствам.

«Новое время». 10 августа 1893 г. №6267. «Маленькие письма» Л. Суворина[8].

Шарко[9] сказал о Москве, что она подурнела. «В первый мой приезд она поразила меня своей оригинальной красотою. Когда приехал туда во второй раз (около 90-го года) спустя 10 лет, я увидел там пятиэтажные дома по европейскому образцу. Я называю это «degat» — порчей! И уж это — конец, так пойдет и дальше, и Москва потеряет свою оригинальную красоту. «Вы допускаете бессмертие души? — спросил Суворин. «Бессмертие души — хорошо бы, — сказал Шарко, смотря на меня с доброй улыбкой — я бы желал бессмертия души, но иногда мне кажется, что жить вечно и слушать одну и ту же музыку скучно... ужасно скучно».

А я (не Суворин) скажу, что жить вечно можно, но в постоянном изменении как материи, так и духа. Если душа только совокупность идей, то она постоянно изменяет, переменяет свои виды и все свое существо. Стало быть, одно ее состояние не вечно. Как облако, она переменяет ежечасно и место и форму.

«Новое время». 12 августа 1893 г. №6269. Похороны Шарко состоялись без всяких речей. Покойный при жизни выражал отвращение к надгробным словам, которые, по его мнению, всегда звучат фальшиво. Точно также на могилу не были возложены цветы и венки, ибо Шарко при жизни всегда говорил, что не любит ни цветов, ни венков.

16 октября. Суббота. Был Вавила Алексеевич Кузнецов. Между прочим, рассказал, что государь по случаю переделок в Петропавловском соборе возле гробницы Петра Великого, пожелал взглянуть на останки покойника. Поразило бы будто то обстоятельство, что покойник показался очень малым, весь очень высох, хотя облик уцелел и кожа на лице, и пр. Но очень маленьким показался. Да Петра ли они видели? Не другой ли кто?

2 ноября. Был Архимандрит Владимир из Ярославля с извещением, что 30 ноября празднуют 50-летний юбилей Ионафана, т. е., чтобы поздравить. О, Боже, который день юбилей.

2 декабря. На молебне в Верхних рядах[10]. Великий князь после вызвал меня из толпы и стал хвалить мне мою статью об Опричном дворце[11], что читал с большим интересом. (А Бюлер в телячьем восторге от статьи, как говорил мне Трутовский).

14 декабря. Вторник. В 2 1/2 часа великий князь и великая княгиня в музее обозревали выставку Айвазовского, картины Васнецова, нашу коллекцию вновь приобретенных вещей, причем князь Н. С. Щербатов отметил, что покупки производил я и Орешников на свои деньги. Потом пошли к Серову, осматривали его картину. Остались ее вообще очень довольны. В 3 1/2 часа отбыли. Великий князь спросил о моем портрете, где он. Я сказал: в библиотеке. — А в воскресенье, говорит, лекция (Иловайского).

Заметки*

Государственные ошибки являлись потому, что в составе правящих и управляющих людей было много иноземцев, инородцев и иноверцев, для которых русское государство представлялось простою служебною, кормовою статьею вольнонаемного труда. Русское чувство государственности, каким отличались люди XV—XVII вв., в высокой степени поднятое Петром Преобразователем, совсем не просыпалось в сердцах инородцев и иноверцев, да и не могло в них существовать. Они исполняли долг службы, но не долг национального чувства. Их деяния сопровождались полнейшим равнодушием к интересам чужой для них страны. Этот чуждый русскому государству состав правящих людей давал, однако, тон и направление всей службе и для русских людей. Громадное влияние идей космополитических, т. е. в сущности, эгоистических, ибо для кого родина — весь свет, тот думает только о себе. Где все, там ничего.

В природе существует особь, индивид, всякий организм жизни. Его закон — жить, коль скоро ему дана жизнь, т. е. пользоваться всем, что способствует развитию, совершенствованию его жизни, тому шествию от зарождения до кончины этой жизни, пользоваться и для поддержания

---

* Отдельная тетрадь под названием «Заметки».

жизни простым питанием, едою, хлеба насущного, и для всяческих удовольствий, т. е. тех **довольно,** которые составляют тоже питание в потребностях и действиях верховного, как бы духовного порядка. Каждая живая, организованная для жизни особь во имя закона жизни должна и обязана сохранять данную ей жизнь, а потому должна, обязана употреблять в свою пользу, себе в пользу все, что найдет для своего питания, прокормления в окружающем мире, не рассуждая, кому что принадлежит. Весь мир и материальный и духовный отдан в пользование каждой особи всемирного организма.

Являются, таким образом, две силы на поприще мирового бытия: **особь,** созданный, но родившийся организм жизни и **общее,** т. е. вся окружающая эту особь природа.

Эта **особь,** в сущности, есть **эгоизм** жизни, который может в истину сказать, что вся природа существует только для него, рожденного тою же природою. Так это дело понимает все живущее на земле. Насекомое видит, что растения созданы для его прокормления и удовольствия, т. е. для еды **до воли,** когда же и воли есть уже не хватает, т. е. тогда является конец просвещению. Птица хорошо знает, что насекомое для того и создано, чтобы хорошо кормиться и т. д. Все живущее, органическое поедает себя же, т. е. друг друга и тем бывает сыто, развивает свою жизнь, охраняет ее до кончины существования. Это неколебимый, неизменный закон природы.

Только у человека этот закон получает иное направление, именно по случаю **свободы** человека делать зло себе и добро. У человека является ограничение этого закона, т. е. ограничение его свободы, которое породило так называемую нравственность: не делай другому того, чего себе не желаешь. По природе животной эгоизм, особь человека та же, что и у всего живущего. Он не выходит из-под общего закона природы, что весь мир создан для его удовлетворения, прокормления, для его всестороннего пользования. Поэтому на первых ступенях человеческой жизни человек ел человека. Отчего же не есть людей, когда хочется есть, когда природа же требует пищи. Но в дальнейшем развитии этого закона человечество, как особый род, съело бы само себя, исчезло бы из живущего мира. Дабы (охранить свой род, человечество стало ограничивать свою волю, свободу, свой прирожденный эгоизм. Народилось понятие, что существует, кроме моей **особи,** моего вида, моего эгоизма, еще и **род** мой, который ставит передо мною свой эгоизм. Эгоизм целого рода, перед которым должен исчезнуть эгоизм особи, который съедает каждую особь во имя целей всего рода. Здесь начало борьбы личности, особи с обществом, с целями всего рода. Здесь и вырабатывается так назьюаемая нравственность, т. е. законы общих целей или целей не личного только, но общего блага и добра, высшая организация человеческой жизни, высший организм человечес-

кой жизни, который во имя эгоизма мировой жизни истребляет, потребляет все частное, особное, личное, эгоистическое в человеческом смысле.

Но здесь же на всех путях возникает отчаянная, неумолкаемая борьба между личным и общим. Эгоизм личности на всех путях теснится, порабощается эгоизмом общего, эгоизмом всего рода. Личность чувствует в себе мировой закон жизни, что все существующее создано для нее, как свидетельствует и писание, сказавшее, что мир создан для человека. Личность, индивид, особь, личный эгоизм имеет полнейшее право так размышлять, потому что так мыслит вся живущая органическая природа, потребляя все существующее для собственного своего довольства и счастья, не разбирая при этом, что твое, что чужое. Птица, съедая насекомое, разве помышляет, что это чужое добро. Она уверена, что это насекомое — ее собственность, благо оно попалось в клюв. Труд отыскания себе пищи и в человеческом уме превращает в собственность каждое добытое благо и добро.

Он только с нравственной человеческой точки зрения есть преступник, а с мировой точки он — труженик, добывающий себе пищу, как и все живущее в природе. В нескончаемой борьбе два эгоизма — личный, частный, особный, индивидуальный, возрожденный и воспитанный на общем законе жизни, и эгоизм человеческого рода, общества, государства, руководимый тем же законом жизни каждого организма, каждого индивида.

Общество и государство суть такие же организмы, как и каждая живущая особь, а потому они и не могут жить иначе, как тем же законом каждого организма, т. е. поедая все частное во имя своего общего.

В борьбе общего с частным и заключается вся **история** человечества. Закон самой природы требует полнейшей свободы в пользовании благами жизни, полнейшего счастья для личной индивидуальной жизни. Надо только потрудиться добывать эти блага и это счастье. Хватай всякое насекомое, которое тебе полезно, размышляет птица. Точи всякое дерево, всякое растение, размышляет насекомое. По законам природы они вполне правы, так понимая свое существование, цели и задачи своей жизни.

И вот, время от времени, можно сказать, даже периодически и человек как бы вдруг просвещается этими размышлениями животных и насекомых и начинает проповедовать о свободе лица, особи, стесненной предрассудками и нелепыми установлениями, преданиями, верованиями, всею ветошью и всем хламом так называемой **нравственности.** В той области, которая являет в различных образах мышление человека, его думы, именно в литературе возникают особые течения этих мыслей по направлениям инстинктивных соображений животного и насекомого. Человек забывает, что он не простое рядовое животное, а человек и начинает проповедь о свободе животных инстинктов. Цель жизни переносится на почву животного кормления и удовольствия (Так проповедовал Писарев[1]. «Русские ведомости». 1893, №181).

Начинается проповедь о свободе безграничной одного эгоизма, себялюбия, откуда естественным путем нарождаются самомнение, самонадеянность, наглость, нахальство, самоуверенность. Писарев высказал сущность этой проповеди очень коротко и ясно: «Литература во всех своих видоизменениях должна бить в одну точку. Она должна всеми силами своими эмансипировать человеческую личность от тех разнообразных стеснений, которые налагают на нее робость собственной мысли (проповедь о наглой самоуверенности, самомнении), предрассудки касты, авторитет предания, стремления к **общему идеалу** и весь тот отживший хлам, который мешает живому человеку свободно дышать и развиваться во все стороны («Русское слово». Схоластика XIX века).

Разнузданность животной природы — вот сущность этой проповеди. Высшее развитие эгоистических начал видим в истории еврейского племени, где сам Бог выразился всемогущим эгоистом. Жид так и понимает весь мир, что это его кормление и направляет весь свой ум и талант исключительно на то, как искуснее пользоваться окружающим миром, своим кормлением.

1. Седмохолмие Москвы (П. С. Л. VII 126/144)[2] есть только идея о Царьграде — Византии, называвшимся также Новым Римом. Идея царствующего, политического положения Москвы, как и прозвание Новый Рим. Эти идеи не наши и распространены. Максим Грек[3] писал: Они явились сами собою в сознании грамотных людей тотчас после взятия турками Царьграда. Снегирев идею стал прикладывать к местности.

2. Москву создавали: князья, духовенство, боярство, купечество, чернь. Каждого характеристика по фактам.

3. Естественные силы человеческих стремлений — **властолюбие** и **корыстолюбие** — живут и действуют повсюду у всех народов, как и у каждого лица в отдельности. Они созидают **личное** счастие, сословное счастие, конечно, разрушая счастие других лиц и сословий. Ими руководится всякая борьба за существование, как теперь говорят.

Единодержавие, самодержавие есть плод весьма разнообразных, разнородных и сложных отношений и сил народа и вовсе не затея самовластных личностей вроде князей, как обыкновенно очень поверхностно объясняют московский период русской истории.

Неумолимая логика жизни, неумолимая истина людских отношений возгласила еще в начале человеческих веков бесчеловечное, но инстинктивное для человека слова: Борись и побеждай. Горе побежденному. Весь человеческий мир от начала веков и до наших дней твердо стоит на этом бесчеловечном слове, на этой звериной истине. Говорят, что это закон природы, закон всякой жизни, где бы и в каких бы видах и формах она не появлялась. Это закон естественной борьбы за существование, господствующий повсюду в животной и вообще в живой органической природе. Нравственная, т. е. человеческая высшая, духовная природа не могла и не может помириться с этим звериным законом и поставила ему в обуздание

божественное слово любви — люби ближнего как самого себя. Однако и здесь восторжествовал тот же естественный закон, возникла та же борьба за существование, борьба духа и вещества за преобладающее господство в человеческом мире. И здесь, таким образом, торжествует неумолимая истина — Борись и побеждай. Горе побежденному. И здесь после борьбы необходимо является или кровавая победа вещества или победа духа бескровная, но все-таки победа — и, следовательно, разрушение сил и самого существа противника.

Нельзя прикидывать нашей мерки, когда судим о поступках людей XIV века. Но и наша мерка говорит следующее («Новое время». 1889 г., среда. №4815) На обеде у лорда-мэра в Лондоне Салисбюри[4] произнес длинную речь, в которой, между прочим, сказал вот что: «Существующие ныне грозные армии и оружие должны внушить всякому государственному деятелю мысль, что борьба не на живот, а на смерть не может завершиться иначе как **полным истреблением противника.** Победитель даже обязан позаботится о том, чтобы никогда из того же самого лагеря не могла возникнуть подобная же опасность и произойти подобное же зло.» (Это говорит вся история и вся современная политика Англии и в Индии, и в Египте). «Новое время». 31 марта 1893 г., среда. №6136. Заметки об Англии.

Так рассуждает самый передовой человек Европы конца XIX века. Он смотрит, как все англичане, практически на все подобные вопросы. У них, как и у немцев нет никакой чувствительности или сентиментальности. Эти народы никогда не проникались заповедью Христа: Люби ближнего, а потому жалей о его бедствиях. Это чувство сохраняется в политике русских. И оно во многом практически вредит России. Но вопрос: следует ли отказаться от этого чувства, ибо оно христианское? И что же европейская цивилизация, при чем она? Практически Русь теряет, но нравственно рано или поздно она восторжествует.

Практически и политически надо действительно действовать как Иван III с Новгородом и т. п. Но тем поступкам есть оправдание, что надо было создать одно государство, дабы единством приобретать силу и на подвиги цивилизации. А теперь какое оправдание корыстным только целям Англии и Германии, их властолюбию.

История есть хранительница опытов жизни. Она должна учить опыту жизни. Преподавание ее важнее, чем думают, ибо думают и определяют ее как собрание событий, как развитие народа и т. п. Забывая, что она любопытнее, интереснее и поучительнее, когда ее будут понимать как сокровищницу опыта жизни. Новгородцы призвали варягов. Как? Почему? Для чего? Опыт жизни заставил.

Грек обожал природу, римлянин войну и т. д. Иудей создал Бога отвлеченного. В этом Иегове он создал свой иудейский эгоизм, себя воспроизвел до высоты божества. И римлянин себя обоготворял. Но в римском Боге-цезаре сидел только победитель, воин. А в Иегове сидит сам еврей со

своим эгоизмом. Христос явился протестом против этого эгоизма, против торжества гордости. Нельзя ли греческую веру, природу поставить на место Ветхого Иеговы, Ветхого Завета, т. е. всего библейского эгоизма. Поставить ей природу любви, как основу любви Христовой.

Уставы, идеи, положения жизни воспитывают людей. Люди совершают, творят события, следовательно, история прежде событий должна изобразить сонмище выросших, воспитавшихся людей, их характеры, управляемые идеями, мыслями, страстями, стремлениями. После Ярослава[5] какие идеи жизни оставались старыми и назрели вновь? Надо их рассмотреть в отдельности. Надо людям **жить.** Как, каким правилом, началом. Старое правило было такое, новое правило было такое. Борьба самих правил в самом отдельном лице (в Мономахе)[6].

Надо остановиться на изображении лиц, характеров, живых портретов и показать, как правила создают характеры. На чем стояла жизнь живота и духа, нрава.

Разговоры в царстве мертвых. (Старая литературная форма, но очень удобная для изложения, разъяснения, например, противоположных взглядов). Иван Грозный и Костомаров-историк и все историки, судящие Грозного, а он, защищаясь, рассуждает, что все они заводчики крови. Разъяснить, как заводят люди кровь мало-помалу. **Рознь** — ты себе, а мы себе. Как с нею бороться надо для счастья же людей.

Я купался в крови, это так. Но ведь вы же мне помогали разливать кровь. Вы же друг друга поедали и меня наводили на грех кровопролития. Чего ужасаетесь? Вспомни ты, историк-подзуда, каков был Новгород Великий? Какую он кровь проливал от начала до конца своей жизни, погублял свою братию неистово, внезапно. Сколько побитых? Они все здесь. Переспроси их. Каково было их житье. Кто управлял событиями в татарское время и заводил кровь между князьями? Все это мне пришло в голову в 1570 году, я и наказал город по-новгородски же, как новгородцы наказывали друг друга, улица улицу в давние лета. Ничего нового я не сочинил. Все было по-старому. Только в одно время, в шесть недель повторено то, что происходило шесть веков. А казнил за измену, за то, что хотели уйти из единства в **рознь.** Я ковал единение, чтобы все были как один человек. А Пимен[7] пошел к Литве, старое вспомнил.

Ты, историк-подзуда, войди в мое положение. Ведь вы же, окаянные, мне сказывали, что в Новгороде копится измена. Что ж мне оставалось? Молчать, сложа руки? Я казнил врагов и супостатов и вся та кровь взыщется на заводчиках той крови, на Пимене и единомышленниках его.

Историки: подзуда Костомаров, рассуда Соловьев, Благуда Карамзин.

Теперь мне видно отсюда и все то, что делали во Франции в 1790-х годах. Лили разливали кровь получше чем я, а все во имя добра и блага всенародного.

Иван Грозный — воспитанник Библии. Оттого стал свирепым, жестоким губителем во имя Бога, как он верил и был в том убежден. Жидовс-

кая вера та же — неумолимо жестокая в отношении с врагами и чужими. См. «Новое время» 6095. Манифест раввинов. Опричность жидов проводилась Саваофом, отдельность, замкнутость их. И вот Библия являет опричнину Грозному, хотя для нее был свой повод, но оправдание — в Библии.

1) Сначала урочища, физику Москвы, т. е. топографию по урочищам. 2) Потом этнографию. 3) Потом политику, гражданство. 4) Хозяйство. 5) Ремесло. 6) Воинское. Гарнизон. 7) Городовое крепостное устройство. Событие на память Петра митрополита, заступника Москвы. Едигей 1408, ушел декабря 20. 1402 Суздальский Семен Дмитриевич помер 21 декабря. Вообще, его чудеса и попечение. 1448 Новгород пал декабря 14. Воскресенская летопись VIII[8], 193. 1497. Всполье болвановье. Воскресенская 234. 1506 Никола Льняной. Старая церковь, а баснословят, что тут были татары.

Татищев[9] делал свод летописей, выписывая подлинными их словами, а вместе с тем, среди этих же подлинных слов вставлял свои домышления, соображения, предположения, как историк, рассуждающий о том, как могло быть. Посему, из короткой заметки или речи летописца он составлял уже событие с его причинами и последствиями, т. е. к короткой речи летописца прибавлял свое суждение по догадке, иногда очень удачное. Почему Соловьев, приходя своим суждением о фактах, попадал и на догадки Татищева и тотчас указывал на него как на летописное свидетельство. В конце концов, у Татищева надо отделять летописный подлинный текст от его суждений и соображений, как размышляющего историка. Это, например, очевидно о нашествии Тохтамыша или Юрия Долгорукого.

В летописях нет того, что рассуждающий Татищев говорит об этих событиях, пропускающий к тому же весьма важные свидетельства летописей, например, что Донскому не помогали князья. Татищев прямо сочинил события, выставляя свое домышление за запись летописца.

Сергеевич[10] (Юридические древности) напал на Калиту, а Калита только и сделал, что на Руси все князья. Очерк истории Москвы голый, только по лицам, не вводя исторических обстоятельств и отношений. Бояре все сделали почему только в Москве, отчего бояре ничего не делали в других княжествах, в Суздальском, в Нижегородском, в Тверском, Смоленском, Рязанском? Это (надел детей) была жизненная правда, которую поколебить никто не мог.

Москва была собственное село великого князя. Почему тверской Михаил[11] держал в ней тиуна до возраста Даниила. Даниил[12] первый получил от отца Москву в собственность по наследству, почему она отошла от Великого княжения.

Москва — личная собственность, а Сергеевич рассуждает о ней, как о Великом княжестве, о государстве при Калите-то, когда она только обозначилась собственностью князя — родича, получившего ее по наследию от отца — вотчину.

Не то же ли в поместных землях — вотчина, отделяемая из поместья в собственность. Так и великое княжение есть как бы поместье, общее пользование за службу, а Москва вотчина собственная. При Юрии Всеволодовиче[13] как он не дал Москвы брату Владимиру. Великое княжество есть общее родовое владение, вроде майората, которое доставалось старшему, а при татарах иногда и младшему в роде. Детям великие князья раздавали свои собственные села и города, кои были укрепленные села. Так отдана и Москва, как село-город, как собственность. А Сергеевич ее почитает государством. То было родовое, а это вотчинное владение, не из рода, а от отца наследство.

Плачевное понижение научных требований таково, что Карпов Хавронья — русский историк, а Токмаков — исследователь. Выше Иловайского нет историка. Все у него учились, все знают меньше, чем у него в учебнике, и потому и Карпов, и Токмаков становятся величиною. «Исторический вестник», июнь 1890[14]. Терпигорьев[15], Мордовцев[16] в романе — что это за брехня.

«Новое время». №5163. Два часа у Бисмарка. Кто-то В. С. Р. пишет, что Бисмарк предложил ему надеть калоши. «Я поблагодарил князя, сказав, что мы, русские, еще не отстали совсем от татарщины и, следуя примеру добрых мусульман, носим двойную обувь, — указал на свои русские кожаные калоши.» Ах, интеллигент российский — холоп и холоп!

16 июня. Суд правый, скорый, милостивый. Но для кого? Для злодеев и всяких лиходеев сознательных и бессознательных, невменяемых. Смотрите, как старательно и заботливо охраняют от надлежащей кары убийцу, грабителя, разбойника, вора. Весь суд только о том и хлопочет, как бы помягче его отпустить, оправдать, смягчить кару. А о тех, кто потерпел от лиходея — ни слова, ни заботы, ни мысли, как будто их не существовало. Убит, так убит кормитель семьи, полезный работник. Все дело в лиходее, как бы ему не сделать какого-либо вреда или какой чрезвычайной, необычной строгости.

Измена! Когда впервые огласилось это слово кровавыми событиями. Оно провозглашено в то время, когда развилось русское сознание, т. е. сознание целостности и единства Русской земли, сильнейшим выразителем которого явился Грозный Царь Иван. Оно начинало свои деяния еще при его отце и при его деде, но при нем оно стало общенародной мыслью. Он выводил измену кровавыми делами. Да как же иначе было делать это дело. Надо было задушить Лютого Змия, нашу славянскую рознь, надо было истребить ее без всякой пощады. И вот — разгром свирепый неповинного Новгорода, которого кровь падала на его изменников, как был убежден Грозный царь, не почитавший себя виновным в этом кровопролитии, беспощадном и безумном для современников, но не для истории.

Иван Грозный как характер — это идея самодержавия в ее первобытной, дикой, но живой форме, очень ревнивой и чувствительной к своим

интересам, выше которых она ничего не признает, и разгоряченная непомерною властью и борьбою с противниками или сопротивниками. Есть ли ей оправдание? Конечно, в истории. (Ник. V, 276[17]. О погибели Царя-града, рассуждение патриарха Анастасия. Есть касающееся Грозного).

После Батыя над князьями стали господствовать две далекие от Суздальской земли силы. Новгород, как денежный мешок и Орда, как распорядитель и людьми и событиями. Если вникнем в тогдашние дела и события, то окажется, что княжил всюду Новгород, интригуя и покупая князей для своих партийных выгод. Он давал направление событиям, из-за него лилась кровь, шли усобицы. В Орде на торгу он сыпал деньги, чтобы выдвинуть одного князя против другого. Так он выставлял Андрея против Александра, Андрея против Дмитрия, Юрия против тверского Михаила, Дмитрия Суздальского против Москвы, и так до конца в этом была его политика. И понятно, почему так рассвирепел Иван Грозный, услыхав об измене Пимена, что хотел отдаться Литве.

Русское чувство. Это любовь к Отечеству, своей Русской земле, такая же как к своей семье, то, что зовут патриотизмом. Но слово патриотизм не совсем понятно, обозначает все тонкости отношений к тому, что любезно мне, дорого мне и по рождению и по привычкам, по всему складу моих понятий и представлений. Если вы писатель, если даже вы простой столоначальник, сочиняющий доношения, отношения, предложения и всякие канцелярские бумаги, русское чувство не позволит вам вводить в русский язык и речь иностранные слова, загромождающие русский язык без всякой нужды речениями, которые вполне могут быть заменены русскими словами.

«Московские ведомости». 1892 г. №280[18]. Кто-то плачется о том презрении к родному языку, которое водворилось теперь у нас в ученых книгах. Не говорю о переводах, о газетном языке. «Новое время». 1892 г. 7 октября. №5966[19]. Не было русского чувства у властей, оставивших немцев-колонистов на свободе жить как в Германии, зная Германию и забывая, что они в России должны быть русскими и знать Россию, оставивших на свободе Кавказ и Закавказье — селись, кто хочет там, кроме только русских, отчего тамошним краем завладели армяне, греки, болгары, всякий раб, кроме русского. Также в Финляндии. Так было в Остзее. Так повсюду во всех важных и маловажных делах и отношениях. Отчего? Оттого, что государственная служба наполнена иноземцами, не знающими России, да и знать не желающими. Немцы, поляки особенно и пр. и пр. Конечно, обрусевшие немцы исполнены бывают русским чувством больше, чем русский по происхождению.

Свирепость Грозного надо сравнить со свирепостями вольного Новгорода, как он расправлялся со своими недругами, ослушниками или в чем-либо виноватыми. Свирепость веча едва ли была меньше. Напр., убийство посадника Евстафия в 1347 г. Карамзин IV, 160. И Карамзин говорит, что это был позор. А французские революции!

Вера есть результат чувствования и понимания природы земной и небесной. Как она является, смотря о Земли же. Это поэзия и философия, художественное произведение и первый лепет науки, т. е. познания. Всякое познание человек претворяет в образ. Только в образе он может понять даже самую отвлеченную идею. Идея ведь есть и ведение и видение. Человек поставлен посреди бесконечности и в отношении величины великой, открываемой в телескоп, и в отношении величины очень малой, открываемой микроскопом. В ту и в другую сторону — непостижимая бесконечность, перед которою в человеке все ничтожно. Весь человеческий мир — ничтожность. Царь природы чувствует, что он беззащитный ребенок в этом мире, что он раб какого-то существа невидимого, непостижимого, какого-то отца небесного или Господина невидимого. Так по-человечески он должен был понять свои отношения к видимому миру. Отец и Господин все устроил, все устраивает. Он всемогущий, вездесущий, это уже существо отвлеченное, но по-человечески его невозможно представить иначе, как в образе такого же существа, каков сам человек, — Отец, Господин, наделил его понятиями отвлеченными от всякого образа.

Царь Иван Грозный. Псковская 2-я, стр. 304[20]. Похвала ему за льготу народу 7049 г. — 1541 г. Он подкупает демократизмом, т. е. справедливостью. Стр. 306 — брань больших с меньшими.

В мире все живущее влияет друг на друга, существует тяготение или какая-то связь всего существующего. Человек, пока жив, влияет на других своим существом, т. е. характером. Человек живет идеями и идеалами.

Дружинная идея: 1) Кормление. 2) Защита своего кормления. 3) Вечевое устройство, почему и имя дружина? Все друзья. 4) Ограничение князя дружинным голосом, вечевым. 5) Идеал дружинника — рознь. Самодержавная идея— единение одного хозяина. Один хозяин необходимо распространяет заботы обо всех, о всей земле. Единодержавие и там и здесь есть хорошее и худое.

История — борьба идей. История — наука-исследование о господствующих в человечестве и у народов руководящих идеях. История — искусство работать над художественным изображением руководящих идей.

Каждая идея руководит деяниями человека и целого народа, заставляет их жить и действовать по ее указаниям, по ее плану, по ее программе, по ее закону. Родовая идея заставляет человека делать именно то, чего она требовала. За вину одного губила целый его род, в местничестве доводила до смешного. Родовая идея в народе заставляла относиться к Богу, как к родному отцу, который наказывает за грехи и прощает, когда покаются. Точный отец. Промышленная идея — купеческие начала, о которых заговорили после Карамзина, суть идеи.

Идея греха — церковные цепи, кандалы — трудно было ходить, двигаться, свою мысль иметь. Все стало грехом. Это в области нравственных учений.

Отчего является много иностранных слов в литературном русском обиходе? Оттого, что пишущие не переваривают понятий, а берут все из книг иностранных, книжные понятия, не продуманные собственным мышлением, и потому с понятием берут и слово чужое, ясное по-немецки или по-латыни и совсем не ясное по-русски. Выходит то же, что с непереваренного пищею, извергаемою блевотою, извергаются куски проглоченные, но не переваренные. Таковы и иностранные слова. Если бы эти куски варились мыслею, то явились и сами собой и русские слова в соответствии чужим.

Макарий[21] степенные книги писал о благочестии царям. Карамзин учил их нравственности. (ПI, 28 и др.)

Настало покаяние, т. е. критика. Грозный разбирал, критиковал, хотя и со смирением, безобразие церковных порядков и земских порядков — все, что на здравый смысл являлось непорядочным. Но он критиковал в пределах установленной церковности, авторитет которой для него был свят и непоколебим. Но Башкины[22] пошли не дальше также от здравого смысла и стали пересуждать самую эту церковность, подвергли разбору ее непоколебимые устои. Явился так называемый рационализм, т. е. разум, разбирающий все то, что являлось с ним несогласным.

Страх Господен. Страх жизни, суеверие господствует потому, что вся окружающая и своя домашняя жизнь полна страха и от небесных явлений и от сильных и властных людей, от жестоких законов в борьбе личного с общим. Древняя Русь была полна страха. Боялись что-либо изменить. Иван III[23] по солнцу хождение боялся, что от этого бывают несчастия. Всякая новизна страшила. Исправление книг — страшно. Огонь отставлен — как быть без огня[24] и т. д. Страх, страх, страх. И вдруг Петр является. Необузданный реформатор. Критика, отрицатель, следовательно, настало время Антихриста. Он — Антихрист. Христово-то устроение заключалось в суесвятстве и суеверие. Оно поколебалось Петром, следовательно, он — Антихрист.

Киевская история — кочевая история и отличается от московской. А боярам и слугам вольным воля. Куда хотят, туда и отъезжают. Право отъезда — наследие кочевого быта, остаток кочеванья. Была трудная задача для Москвы усадить всех в государство из кочевой езды. Идея единодержавной и, следовательно, самодержавной власти давно носилась в промышленном народе. Она с особою силою получила свой рост от Шемякиной смуты[25], так что к концу кроткий и слепой Василий Темный является грозным государем, а сын его, Иван III уже совсем самодержец.

Боязнь, страх, чтобы не повторилась Шемякина смута, заставлял простой здравый рассудок поступать с виновниками и заводчиками междоусобной смуты бесчеловечно жестоко.

Идея водворялась в личности и тут уже ее проявление зависело от темперамента и характера этой личности. Общая цель смешивалась с личными побуждениями.

Киевская история есть наследие степной, скифской кочевой истории. Кочевая орда сложилась в городское общество, но жила еще преданиями степной, кочевой свободы. Кочеванье было основной силою жизни. Деление степи на части — деление на княжеские волости, было делением степи на участки пастбища как поступали кочевники. Род владел и он же делил землю по праву владеть родовым участком. В народе являлось казачество, бродники, т. е. стремление к степному быту. Вольному воля. В лесах севера являлось то же самое — колонизация. Шли кто куда. Вольным воля.

Наши европейцы. Типы. Барин-европеец — А. Толстой. Купец-европеец — Солдатенков, Журавлев[26]. Семинарист-европеец — Амфитеатров[27].

Что такое патриотизм? Патриотизм есть чувство. Какое? Чувство семейного очага, чувство родной страны, чувствование в себе родной страны как своего дома, своей семьи. Чувство племенного народного эгоизма, себялюбия и самолюбия, именно народного, племенного.

Чувство своей жизни, своей истории, своей географии или местности, дома. Вы любите свой дом, свою деревню, свой город, уезд и т. д., распространяя эту любовь на всю родную страну. Если родная страна столько же вам дорога, как свой дом, своя семья, если вы чувствуете все ее выгоды и невыгоды и сердечно об них заботитесь — вот вы и патриот.

Вера в народ, в его достоинства, в его дарование, в его силы политические, экономические, литературные, художественные, ученые и т. д., такая вера служит основою патриотического чувства. Но есть совсем неверующие. Это либералы-западники. Отчего они не веруют? Оттого, что они тщеславны своим высоким будто бы развитием. Они в сущности пессимисты, вечно ноющие, плачущие, недовольные окружающим беспорядком.

Что такое патриот? Что такое гражданин? Сын города, того города, какой существовал в Афинах, где гражданин почитал город своим родным гнездом и заботился о нем, как о собственной постели, или одежде, или пище.

Закон индивидуальной жизни — жить для себя настолько, чтобы существовать. Как скоро я существую, я обязан себя хранить, содержать. Самопожертвование является тогда, когда я признаю и сознаю новую индивидуальность, для которой и жертвую себя. Есть патриоты, которых отечество, т. е. высшая индивидуальность нигде не существует как только в идее всемирного гражданства. Но, коснись их кожи, они заговорят другое, потому что идея космополита легче, несравненно легковеснее, чем идея отечества, где родился.

Русская наука! Русская философия! Что должно означать это выражение? Русская? Положим, что пока русской философии еще нет, т. е. собственно нет гениальных двигателей философии. Но философия-то сама должна же быть и у нас. Читал я Спинозу, Канта, Платона и т. д. Я усваиваю их мысли, т. е. истину, которую они вскрывают из массы путаных, ходячих мнений о мире и вещах. Если я русский по воспитанию и убеждению, воспринимая у Платона мысль, истину, принимаю ее по-русски, т. е. вполне соответственно складу моего ума, знания и верования. Этот склад и переваривает всякую чужую мысль по-своему, в собственном своем приготовлении, печении и варении. Иное дело — русская обезьяна, мыслящая по-немецки или по-французски. Русские философствовавшие люди непременно из чужого воспроизводили что-либо свое. Велланский[28] и т. д., философствуя по Шеллингу[29], все-таки переиначивали иные его идеи по-русски, производили русское преломление лучей чужого ума. Такое преломление и составляет свое русское и в философии и во всех науках. Русскую философию надо искать не в одних философских книгах, а во всех трудах, касающихся философского созерцания: в истории, даже в романе, в поэзии, в церковном поучении, в критике тех же произведений.

Сборник Тверского музея № 3225. О диких людях. Стр. 112. Стр. 114. «Скифия казар, казарский татарин. А грецы Скифиею великою наречут. Русские грады Клев, Чернигов, Переяславль, Полоцк, Ростов и прочие грады русские.

Телорози звери иже до пояса, образ имущ человеч, рози на гдаве елени, проче же от пояса зверино тело, имущее предние ноги птичие, задние же коневии. Твары суть на западе язык есть, в них же к скифы.

Бобр есть зверь, нарицаемый мскус. 116 обор. Стр. 125. Слука есть птица зовома порусски, а по Дамаскину нарицаема Москос. В зимний год 6 месяц лежит мертва, возрастом невелика, перие у ней красно с желтею, ноги долгонки. Обретается в русских странах в диких лесах, где липник большой растет. Егжа же тепло настает, тогда и оживет.»

Русские национальные начала.

1) Народное единство. Вся история шла к нему. Какой орган его утвердил и может его держать правильно, об этом можно толковать, как и обо всем другом, только на исторической почве. Народ или его история создает надобный для дела орган. Тоже история подвергает его по временам тяжким испытаниям, подвергает пробе и остается при том, что выдерживает пробу. Русский народ в своей истории ушел далеко от славянской розни. Вот его заслуга перед славянством, перед собственным положением и перед всемирною историей.

2) Вера, какая бы ни была, всегда служит национальным началам. Она и создает народность со всеми ее достоинствами и недостатками, создает и политическое развитие и все бытовое устройство. Русское

православие в своем характере выработано народом. Оно отличается от греческого православия. Вечные неподвижные истины. Они неколебимы. Но их воплощение везде в христианстве различно. В нашей вере много остается или осталось эпического. Рационалисты этого не понимают. Они ведь умники-разумники, действующие одним только умом, а жизнь живет чувством столько же и еще больше, чем умом. Чувство же всегда оказывается тупым или глуповатым пред голым умом, но глупым потому, что ум не разбирает, по каким причинам и обстоятельствам чувство оказалось глупым. Если хорошо разобрать глупое дело чувства, то легко объяснить, что и в глупости оно все-таки руководилось умом, и только ограниченность в данную минуту оснований знаний для рассудка всегда и приводит к глупости. Глупые формы быта (Домострой) все до одной имели глубоко умное основание в жизни. Они теперь еще глупее кажутся, потому что выдохлось из них содержание, и они представляют собой пустые сосуды. Надо знать, что Древность была умнее нас и пустого не делала.

По поводу книги А. Беляева[30] о семитах, халитах и пр. М., 1881.

Каждый народ создает себе Бога и веру на основаниях природы своего духа, своей земли, своей истории. Евреи создали монотеизм, единобожие. Почему? Это религия эгоизма, ибо Бог Авраам был крепостной бог Еврея. История евреев объясняет происхождение монотеизма: народ, живший особно, как сектатор, уходивший в себя, в замкнутость, среди чужих народов, терпевший столько порабощений, должен был опереться в своих несчастиях на одного Бога, руководителя в злосчастных судьбах, на такого Бога, который и помогал и спасал народность. Природы для евреев не существовало, ибо не было у них земли, своей собственной земли. Они были, как и теперь везде, как на станции, готовые всегда переселиться. Космополиты. Стало быть, им надобен Бог, которого можно было носить в кармане. Надобен был отвлеченный от природы Бог, не связанный с местом и не изобретавший этого места, ибо места у еврея не было. Это Бог, созданный историей народа, больше всего одной только историей. Ходя из плена в плен, еврей поневоле спрятался, ушел в свое особное, отдельное от живой природы божество, в Бога умственного, в Бога ума, но не чувства, как было у других народов. Это Бог странников, несомый в котомке за плечами, с собою, в завете.

Многобожие — есть чувство природы, олицетворенное в нескольких видах, смотря по свойству и местности и по свойству понимания ее явлений. Мое созданье — ты, создатель. Моей премудрости ты, тварь. И вот еврей создает Бога по образцу и подобию еврея, Бога ума, эгоизма, себялюбия, корысти.

Мы в науке, русской истории, только сплетники. Говорим только о том, что было худо. С каким-то злорадством выставляем все худое, забывая о добром, по нашему характеру сплетников, которые толкуют всегда только о худом, о грехах чужих, конечно, в тайное оправдание грехов своих.

Как пишут ученые статьи. Например, Скифия Толстого[31] и Кондакова, Скифия Лаппо-Данилевского[32] и др. Наука требует здравый смысл, чтобы зачинать там, где кончили предшественники в исследовании, т. е., показавши литературу предмета и обозначивши на чем остановилось знание, идти дальше. Нет, мы теперь так поступаем: не обращая внимания на то, что до нас было сделано и сказано, составляем из первоисточников свое сказание, повторяя по необходимости давно всем известное, давно исследованное. Выходит ученейшая статья с ссылками многочисленными, представляющая вообще какой-то ералаш, мешанину, а попросту, болтовню фельетонную. Фельетон, болтовня завладели теперь и наукою. Скифия Толсто-Кондакова есть болтовня без малейшего научного смысла. Выписки из первоисточников не сгрупированные даже по отделам, а так, как болтают в разговорах о древностях.

Наука открыла в устройстве мира силу тяготения, которою держится мировая гармония и которая оказывает влияние от больших тел на малые. Эта сила, указывая в иных случаях как бы неправильности, служила основанием для открытия новых миров, именно планет и т. п.

Не то ли аналогично является и в человеческом мире. Каждый человек, как характер, как нравственный образ того или другого склада, влияет на окружающих, притягивает или отталкивает. Разве мы не испытываем это влияние каждый раз как только встречаемся с тем или другим лицом. Приходит Сидор или Карп, он необходимо производит впечатление известного рода. Это яснее видится на лицах власть имеющих. Царь Грозный производил своим появлением, конечно, сильное впечатление известного рода. Но и вообще даже, возьмем кружок людей, собравшихся хотя бы для пирушки или просто на обед. Друг на друга они влияют, а из их характеров составляется нечто общее, или веселое, например, или унылое, откровенное, искреннее или натянутое, лицемерное, топорщеное.

Нравственный мир имеет тоже своего рода силу тяготения. И здесь есть особая сила тяготения. Надо подробнее вникнуть в это. Влияние благородного характера всех возвышает к благородству, к высоким нравственным качествам и, напротив, влияние подлеца, как паршивая овца заражает все стадо, привлекая подлецов и отталкивая благородных людей. Таково, например, заметно влияние благородного характера Грановского. Такие люди, как солнце, освещают, и оживляют нравственный мир.

В истории это раскрывается лучше всего. Руководитель народа влияет на все и кладет печать на всю эпоху своего царствования.

Против войны роман такой вышел, восхваляемый за то Бурениным[33]. «Новое время» №5603[34]. Это проповедь против войны от лица, единицы, которой очень больно терять, например, мужа, сына, брата, т. е. терять личное, единичное благо. Для единицы это бедствие, горе, плач. Но эта единица руководится здесь лишь одним своим эгоизмом, забывая, что то целое, к которому она принадлежит, без войны никогда не могло бы и существовать, было бы порабощено эгоизмом другого, более сильного,

целого. Дерутся и дети, воюют народы, потому что другого способа нет убедить врага, спорщика, противника как кулаком, физической силой. Писатели ругаются в печати, а затем все-таки дуэль для разрешения спорного вопроса. Военного уважать следует потому, что он носит в себе идею того целого, которое защищает. Каждый солдат есть сам народ, государство, земля которую он олицетворяет.

Войны неизбежны, как бывает неизбежна дуэль из-за глупой причины иногда, но только по-видимому, а всегда из-за полновесных поводов высоконравственного свойства. И народные войны бывают по глупым причинам только по виду, а внутри всегда эти глупые причины очень веские и важные. Это буржуазное чувство против войны, чувство нарушенного довольства и сытости, не желающее терять своего покоя, жертвовать, самоотвергаться. Это говорит космополитизм или, в сущности, еврейский эгоизм.

Духовное и вещественное, материальное. Любовь в конце концов простое воспроизведение новых организмов. Это закон природы. Но как этот закон животный, материалистический обставлен самыми возвышенными, поэтическими стремлениями с его духовной невещественной стороны. Вся так называемая поэзия человека, есть только выражение этой духовной стороны простого для природы акта. Человек и песнею (стихи) и рассказом (романы) без конца хочет говорить о том, как возвышенно и прекрасно чувство любви.

1894 г.

7 января. Пятница. Заключительный вечер после трех заседаний Приготовительного комитета X Археологического съезда в Риге, в 1896 г.[1] У графини Уваровой. Собираться к 9 часам. Ничего не зная, пошел в сюртуке. Прихожу. Все во фраках. Вижу, великий князь сидит. Этого я не ожидал. Поклонился. Он поздоровался, подавши руку. Я сел у двери против молодых графинь и стал вслушиваться в их разговор с Кочубинским[2] и Успенским[3]. У великого князя сидела графиня, Павлов А. С. и Всеволод Миллер. О чем-то говорили. Прошло полчаса и боле. Я глядел в толпу и не видел, как великий князь подсел к молодой графине и ко мне. Оглядываюсь — он уже сидит. Говорил с графиней по-французски. Потом обратился ко мне с вопросами. Не приобрел ли чего нового. И пошел разговор о портрете Елизаветы в мужском костюме и других ее портретах. Говорил, что их много в Петергофском дворце. «Вы были там?» «Я там был в 1850-х годах». «О, теперь там совсем не то, что было. Поедемте со мною, я вам покажу. Я возьму вас с собой. Непременно, непременно. Так, в июле, летом. Там много любопытного». Я говорю, что и в Гатчинском дворце, я слышал, много есть портретов, попросту сказать, на дворцовых чердаках там много хранится такого, что было бы очень полезно для музея. Вообще длился живой разговор. Я представил на его разрешение мою мысль укра-

сить стены музея акварельными изображениями людей, их быта и пр. для каждого века, начиная со скифов. Конечно, он одобрил.

Вообще, он почтил меня долгим живым разговором запросто перед всею ученою публикою. Самоквасов не вытерпел и подсел к нам, приглашая великого князя осмотреть его архив. Я заметил, что устройство ужасное. (Относительно рельсовых ящиков[4] Самоквасов прибавил, что Калачов строил по парижскому образцу, который уже переделан, потому что архивариус убился, слетев с высоты). Великий князь сказал, что как-нибудь летом посетит архив.

8 января. Суббота. Утром в музее были в 10 1/2 часов Успенский и Кулаковский[5]. Я показывал им, как демьянова уха, музей. Потом явился профессор варшавский Филевич[6] осмотреть музей. Я поручил Василью, а потом сам пришел к нему. Оказалось, что он собственно со мною хотел побеседовать о том, что он, следуя моему объяснению («быстриц»?), проследил по карте имена рек и мест и нашел, что границы племен славян можно определять по этим указаниям. По его мнению, выходило, что Краков не польского племени, а хорватского. Я просил его заняться этим вопросом, ибо он выяснил многое в распределении славянщины.

Потом явился хранитель смоленского музея Семен Петрович Писарев[7] со своим сочинением, которое непременно хотел мне прочесть, чтобы узнать мое мнение о его работе. Надоел, и я без церемоний кончил с ним уже в 4 часа.

16 января. Воскресенье. Был у великого князя с М. П. Чериновым, начали с шампанского и к 10 часам уже было переходили вниз курить, потом пили, потом курили, опять пили и пошли опять курить.[8] Встретился граф Стейнбок и провел нас в другое место, в кабинет великого князя. Отворили дверь, а он сам курит и приглашает меня. «Если позволите», — я сказал и по его приглашению сел против него. Сидели. Маклаков[9], Истомин, министр новый Муравьев[10], еще кто-то. Я думал поблагодарить его за то, что музей получил по смете 20 тысяч. Но думаю, зачем здесь говорить о домашних делах. А великий князь говорит: «Вас нужно поздравить с получением». Я встал и стал благодарить, что помогло его ходатайство. Общий разговор о том, как ненадобно было делать выставку в Нижнем. Туда никто не поедет. Великий князь сказал, что вчера у него был Найденов и представлял, что московское купечество не желает принимать участие в выставке[11]. Раздался один удар звонка, и великий князь ушел. Степанов предложил шампанское. Пили. С Чериновым, который спросил меня, можно ли представиться великому князю. Ведь он разговаривает запросто. Я говорю: «Изобретите мотив и явитесь. Он будет рад». В 12 1/2 — ужин. Сидел между Чериновым и Лопатиным[12]. После ужина опять танцы, и великий князь пошел. Было вообще весело, шумно, толпа громадная.

18 января. Вторник. Обед у Солдатенкова. Митрофан Щепкин с женою и сыном, Медведева[13], артистка с дочерью, Шуберт[14], бывшая артист-

ка. Разговор о театре, о Мочалове, Щепкине, традициях Малого театра. Южина[15] все находили неудовлетворительным, бездарным, но работящим.

20 января. Четверг. В 4 часа у графини Уваровой. Прибыли великий князь с великой княгиней. Были Сизов и Жуковский П. В., князь Щербатов Н. С. и княгиня С. А. Еще дама из свиты великого князя. Великий князь как подошел к серебру: «Иван Егорович осмотрел и, верно, остался недоволен». Я говорю: «Точно так. Нет древностей. Все более или менее ново». Потом чай. Потом смотрели акварели молодой графини. Затем сели за общий разговор, все по-французски.

Между прочим, анекдот. Барон де Бай[16], отыскивая Иловайского, стал спрашивать городового. Городовой не знал, что отвечать. Но когда увидел, что это француз, то распростер объятия и поцеловал его. (Это сам де Бай рассказывал). Я прибавил: вот тема для художника. Нет, говорит, это вот если друга объятия. Вообще посмеялись этому, и он стал прощаться.

28 января. Пятница. Утром в 10 часов телефон известил, что великий князь требует меня в 12 1/2 часов. Отправляюсь в 11. Принял вскоре же, прежде других. «Извините, что я вас потревожил». «Помилуйте, считаю за счастье». «Князь Трубецкой[17] прислал мне планы старого дворца в Кремле. Прочел его письмо. Вот возьмите и ответьте». Разговор продолжался о дворце: как был, когда построен существовавший до нового. Я сказал, что впервые при Елизавете, а потом при Александре I прибавлен и т. д. О подземельях и пр. Я, говорит, планы пришлю вам. Я говорю: «Позвольте взять мне уже теперь с собою» и взял. Говорили с полчаса и больше.

29 января. Суббота. Вечером в заседании Общества любителей словесности. Вышла путаница. Великий князь прибыл с аудиторной лестницы, а я ожидал его с передней. Явился Степанов и сказал, что получил не один телефон, что приезд назначен с аудитории. Кто тут виноват, не знаю. Однако, великий князь был очень любезен. Призвал меня, спросил о планах, потом в дальнейшем разговоре повторял, что возьмет меня в Санкт-Петербург. Заедет в Химки и возьмет непременно. Потом, когда я провожал, подал руку и ворочал меня. «Зачем вам по лестницам ходить?» Я говорю, что мне надо домой, Степанов прибавил: «Разве нет входа прямо на квартиру?» «Нету.» Великий князь о гобеленовом портрете, подаренным Плавильщиковым[18]. Я сказал, что через Струкова. «А я вам передам его альбом, который он непременно хочет в Исторический музей.» «Ну, альбом!» И Степанов прибавил, что плохой.

28 февраля. Понедельник. Заходил ко мне М. Стасюлевич, очень веселый. Приезжал в Москву собирать сведения о городских училищах. Верно, нашел что-либо выгодное для петербургских училищ, от того и стал весел. У нас попечители и попечительницы. Там их нет. Правит Думская комиссия. Но теперь требует министерство тоже попечителей. Они сделали таковыми всех членов комиссии, 30 человек. У нас правит один человек Управы — Лебедев[19]. Для Стасюлевича это удивительно и беззаконно.

Он и рад, что в Москве беззакония. Сказал, что я теперь на Саваофа похож, шевелюра моя, длинные волосы.

18 марта. Пятница. Был с князем Н. С. Щербатовым у великого князя, представил для подписи дипломы. Это, говорит, новость, никогда не видал. Далее разговор о раскопках в Кремле. Живо интересуется, чтобы был найден архив и библиотека. Словесно представил и испросил соизволения на представление к чину Орешникова и на определение Харузина[20] в помощники хранителя и Терехова в библиотеку.

Апрель. Чтения в аудитории. Графа А. Толстого[21] памяти. Великий князь подошел ко мне и объявил, что он оттягал у сестры икону (Петра митрополита[22]) и складень Анны Кашинской[23] и пригласил меня осматривать у него эти памятники в среду в 11 часов 27 апреля, в день, когда у него в два часа назначен был прием для представления ему всех по случаю его возвращения из-за границы.

Я явился за 20 минут до 11 первый, потом голова[24] и Власовский[25]. Я тотчас был принят и оставался у него целый час. (Явился в белых перчатках.) Он это заметил. Я говорю: «Кстати, уже и на прием останусь.» Икона строгановских писем Истомы Савина[26] по подписи. Я пришел в восторг и сказал великому князю, что Петр благословил его сею иконою. И Анна Кашинская любопытна. Потом стали говорить о том, о сем, о Петре I, Екатерине, Елизавете.

14 июня. «Новое время». №6569. По поводу спиритизма Елисеева. Он говорит, что подобные чудеса составляются посредством внушения, гипноза. Но как? Он видел в Египте, как факир вонзал кинжал в грудь юноши, и потекла кровь и т. п. По-моему, это внушение происходит, делается сначала приготовлением, известного рода представлением, сценою к тому, чтобы навести мысли зрителей на известный момент. Затем зритель сам логически приходит или создает себе внушение. Факир сначала глядел на зрителей особым взглядом, ужасным проницанием, потом махал кинжалом и коснулся груди юноши. Ясно, что зритель по ходу логическому своих мыслей должен был вообразить кровь. Все делает настроенное на тот или другой лад воображение. Чудеса Божьей Матери Споручницы. Толпа пришла видеть чудо. Долго стояла с этой мыслею, и чудо стало бегать у всех в воображении. Все реально увидали чудо. Когда в Чертомлыке обвалился угол земли в яму, мне показались руки, локти, торчавшие под обрушенной землею. Логически я должен был это видеть. Мысль была так настроена. И у спиритов все дело в обмане, настройство воображения зрителей. Здесь причина всякого рода чудес. Видят то, к чему настроены в мыслях. Следовательно, надо только настроить или настроиться и увидеть чудо.

В училище мы с жадностью слушали рассказ старика служилого о 12 годе. Он так настроил нас военными ужасами, что, прекратив рассказ, помолчавши некоторое время, он встал с места дабы идти из спальни в коридор — мы все в испуге от него бросились и разбежались, как от фран-

цуза. Многие забились под кровати. Таково настройство мыслей. Все покажется, когда что-то настроился видеть. Значит, слово, внушение есть настройство мыслей. Это, конечно, особое искусство, вообще искусство фокуса и фокусника. Отвод глаз, т. е. отвод у зрителя мыслей на известный лад.

3 октября. Понедельник. В музее Самоквасов читал как бы лекцию студентам о своих курганных древностях и раскопках. Студентов собралось более ста. Пропал один экземпляр каталога.

20 октября. Четверг. В 8 1/2 часов вечера Максим пришел и сказал, что государь скончался в 2 1/2 часа[27].

15 декабря. У великого князя. Поздравил с монаршею милостью[28]. Доволен. «Давно вас не видал.» Я докладывал об аудитории для студентов. Не разрешил. Потом о приобретениях. Я говорил о рукописи за 280 рублей. Об «орлике» золотом. Он рассказывал, что в Санкт-Петербурге на него нападают, для чего ведет раскопки Кремля, что Благовещенский собор треснул. Успенский тоже. Я ответил, что рано или поздно это надо было сделать. «Вы были в Крыму?» «Нет. Если позволите, весною подышу морским воздухом.»

Беспощадная строгость закона — есть только одна сторона медали. Другая, противоположная, являет неукротимый нрав, упрямый, непокорный, что должно обозначать нравственные свойства народа, любовь к независимости, самостоятельности, самобытности (самостоятельность и т. п. Мейерберг[29], стр. 116). И закон и сторонние наблюдатели приписывают это народному варварству, грубости, дикости, быть может, его состав заключает в себе великую силу добрых жизненных качеств. Что такое, например, раскол, как не стремление сохранить свою самость в вере, независимость мнения и убеждения. Выражается это в грубых формах, но формы изнашиваются, изменяются. Остается сущность, душа, дух, который неизменно выразится в других формах, более осмысленных и здравых. Сущность в том, что я хочу верить по-своему, как сложилось у меня мое верование. Значит, в этой области я требую независимости. Нельзя заставить насильно веровать, говорили спутники Никона[30] за мощами Филиппа[31]. Эту сущность народного духа и надо расследовать, какое добро в ней скрывается.

1895 г.

5 января. Четверг. В два часа с небольшим прибыли в музей на выставку картин[1] великий князь Сергей, великая княгиня Елизавета Федоровна, великий князь Павел. Я едва успел, ибо дали знать, что выехали великие князья. В темном переулочке сбрасываю шубу, скидаю калоши, а великий князь Сергей Александрович уже в сенях и, увидав меня в переулке, идет ко мне, так что не я его встретил, а он встретил меня. На фраке у меня орденов не было. Привет, совет не ходить наверх и потом обещал дать в

музей какие-то пелены и воздухи. На прощание, идя с лестницы, я доложил ему о просьбе И. В. Цветаева, который с этой просьбой был у меня накануне, 4 числа, относительно временного помещения его слепков, для которых в университете нет места. Великий князь разрешил.

7 февраля. Вторник. Сегодня в музей пришел художник В.В. Верещагин. Мы стояли, рассматривая сундуки с Орешниковым, Котовым[2] и Сизовым. Он побежал прямо к Орешникову и начал сердито выговаривать о том, как и что происходило, когда он продавал коллекцию Подклюшникова в Нью-Йорке, в Америке. Начал ругать матерно тамошних мошенников, которые его будто бы так обошли и обдули, что старые вещи, чернильница и пр., как он упоминал, там остались даром. По его матерным словам выходит, что его будто ограбили. Я, прочтя когда-то в газете, что он там продавал старинные вещи, все-таки не совсем этому верил. Но теперь он уж сам сознался, что дело так и было и настаивал только, что его ограбили, что он потерял сорок тысяч и т. д. Орешников по верному чутью принял матерны на свой счет. Он кричал сердито, побледнел, дрожал. Все это происходило вот от чего. Орешников в разговоре с графиней Уваровой по поводу Щукинского музея, что он — дело спорта, а не науки, что впоследствии может быть продан за границу, против чего графиня спорила, а затем никак в доказательство упомянул, как русская старина продавалась в Нью-Йорке, кивнув на Верещагина, Орешников, стало быть, попал прямо в цель, и Верещагин потому теперь и бесится.

Хороша и графиня. Она тут же хвасталась, что братину, за которую была назначена цена в 150 рублей, она продала музею за 700 рублей. Помогая, конечно, бедным. Вот каково музею от его благоприятелей.

15 марта. Среда. Приходил в музей Филимонов, настоятельно желал меня видеть. Хотел идти на квартиру, но его обманули, сказали, что я приду в час, как и произошло. Зашел он в канцелярию курить. Сизов попросил меня идти к нему. Прихожу. Первые его слова: «Ну, — мир.» Подал мне руку и начал меня убеждать, что никогда, нигде он не говорил про меня ничего дурного (следовательно, всегда говорил), что всегда желал мне добра, что в Обществе истории и древности против меня действовали интриганы, а он ничего не знал. Не знал и дня моего юбилея 1 ноября, что все документы по этому делу (что никто не пришел поздравить меня) сохраняются и в них значится, что он, Филимонов, тут ни при чем. Вообще, все оправдывался во всем, раскаивался так сказать. Но утверждал, что всегда уважал меня и т. д. Потом хвастал о своих работах, которые будут скоро изданы. Орнамент какой-то он разобрал с самого начала, чуть не от Адама. Говорил о пропаже денег после Викторова и Лебедева в Обществе древнерусского искусства, что после Лебедева всего 3 рубля, а надо быть рублей 500, что он знает вора. Намек на жену Лебедева. Хвастал, как разговаривал с покойным государем, как он крикнул на ныне царствующего государя, когда тот, бывши в Оружейной палате еще маль-

чиком, полез было по железной двери вверх. Что, если увидит государя, то скажет ему, чтобы он уничтожил этот закон (право начальства увольнять подчиненного без просьбы, как уволен был Филимонов из Оружейной палаты). Закон не справедливый. Из всего разговора обнаружилось, что он потрясен своим увольнением и говорил, как помешанный. Сизов и другие так и объясняют, что он помешался. Но на мой взгляд его речи были те же самые, как и в прежние время — величайшее самомнение и хвастовство, парализованное теперь горечью отставки. «Я теперь не хочу служить, и если буду служить, то только в Оружейной палате.»

21 марта. Вторник. Явился к великому князю с наградными списками (осмеливаюсь ходатайствовать). Он прямо сказал, что исполнены ли все правила, что перешагнуть через ордена нельзя, что, если не правильно представлено, то ничего не дадут. Принял хорошо. Сказал, что желал меня видеть, хотел даже пригласить и рад, что я явился. «Надо вам показать кое-что.» Это были иконы и рукописи, дрянь. Летописец Дмитрия Ростовского[3], крюковые (рукописи) саме дрянные. Коллекция воздухов и плащаница — дар музею. Я доложил о Постниковых иконах, что они нам не надобны. Очень согласен, что цена 400 т. рублей сумасшедшая. Я предложил поторговать вещевые предметы, кресты, панагии. Потом об Археологической комиссии доложил ему, о Херсонесе, что если соизволит отпустить меня в конце Святой на два месяца, то я сам отберу вещи. На отпуск согласен.

Хорош бы я был с наградными списками, если бы послушал, как предлагал их писать князь Николай Сергеевич. Например, Станкевичу — прямо Анну на шею. И писать прямо в Комитет о наградах, а не к министру.

22 марта. Среда. Были великий князь с великой княгиней на выставке исторических картин[4]. Потом смотрели вещи, купленные из Керчи и Серова портрет покойного государя[5].

28 марта. Вторник. Был в музее один великий князь без свиты, только был Истомин. Смотрел портрет Серова и обошел, смотря наши рабочие и кладовые залы.

11 апреля. Вторник. Был у великого князя с отчетом по музею и поднес свою книгу «Быт царей»[6]. Благодарил за отчет и за книгу. Очень любезен. Спрашивал о 2-ой части книги. Я говорю, что не мог еще составить, не успел. «Материалы ведь у вас готовы?» «Нет, все еще собираю, работа мелочная, бисерная.» Спрашивал, когда писан мой портрет Репиным. Говорю: «В 70-х годах, простите не помню года.»[7] «Он мне нравится, очень хороший портрет.» «Графиня Уварова все спорит, что не хорош.» «По какому случаю он написан?» Я говорю: «По заказу Третьякова.» «А где ваш портрет Серова?» Говорю: «В библиотеке музея.» «Да, даже и забыл. А когда же вы начнете отделывать Екатерининскую залу?» Говорю: «Если по порядку идти, то не очень скоро, нам еще до Михаила Федоровича дойти не скоро.» «Да что ж, Михаила, Алексея и прочих до Петра все смешать можно?» «Нельзя, ваше высочество, Михайлово время очень от-

лично от Алексеева в отношении художеств, потом Петровское.» «Но затем, — говорит, — Анна, Елизавета, Екатерина — все одно.» «Нет, ваше высочество. Аннино время опять в отношении художеств — грубо, искусство частью голландское, частью остзейской. С Елизаветы уже начинается французское влияние и идет при Екатерине.» «Когда вы в Крым? Как ваше здоровье?» Говорю: «Не совсем исправно.» «Да, там в Крыму вы поправитесь, там для вас будет хорошо.» Говорю, что должен был ехать с больной дочерью, а доктора не позволили. «А как больна ваша дочь?» Говорю: «Страшным нервным расстройством.» «О, да, в Крым нервным нельзя ехать. Там для них очень вредно.» «Если разрешите, ваше высочество, буду жить на даче в Химках.»

Потом говорил о каком-то ковчежце с ризы Богородицы, принадлежавшем будто бы князю Якову Долгорукому[8]. Предлагают купить, променять. Документ 1829 г. под старый почерк. Спрашивал, следует ли продолжать раскопки в Кремле. Говорю: «Ведь рано или поздно это надо было сделать. Надо осмотреть подземный Кремль и в археологическом отношении и в строительном. Каков, например, проезд Троицких ворот. Карета могла провалиться в проезде.

1 июня. Четверг. Великий князь был в музее, смотрел портрет Александра III, что пишет Серов и вещи из раскопок на Сходне у Спаса в Курганах.

11 июня скончался Д. А. Ровинский, о чем я прочел в газетах 13 июня.* В этот день, 13-го был у меня в музее Иван Петрович Корнилов[9].

Прочитал телеграмму от 12 июня, что Д. А. Ровинский скончался в Вильдунгене (11 июня), а затем — объявление в «Московских ведомостях» №163, пятница, 16 июня, что тело прибудет в Москву, в субботу 17 июня по Брестской дороге около 9 часов утра, отпевание на Тверской у Василия Кесарийского, погребение у Спаса на Сетуне. Явился я из Химок. Дождь, ливень, ветер, холод, весь измок. Жду, пришел поезд. Тела нет. Справляюсь во всех местах, ничего не знают. Прибыл еще какой-то знакомый (я его забыл кто он). Растолковал я ему, что ничего нет. Подошел к книжному столу, в «Московских ведомостях» №164 объявление, что тело прибудет вместо субботы в воскресенье 18 числа, что о дне отпевания будет объявлено особо. Ночую в Москве. Наутро являюсь. Опять ничего нет. Какие-то две прибыли из Санкт-Петербурга. Я сказал, что завтра в понедельник не явлюсь, ибо стало неизвестным, когда прибудет тело.

11 июля. Князь Н. С. Щербатов сообщил мне, что великий князь желает меня видеть перед своим отъездом. 5 числа я послал ему поздравительную телеграмму, а князь Н. С. сам ездил в Ильинское, где великий князь спрашивал любезно обо мне и заявил желание видеть меня. Ответную телеграмму он прислал любезную.

12 июля. Среда. Явился к великому князю в 10 часов, и был принят

* Дата записи не указана.

только в 1/2 первого. Много было народу, все важного. Он желал только проститься со мною. Спросил о здоровье, что приобретено вновь. «А вещи, шлемы и пр., найденные в Ипатином переулке, — я говорит, — доставлю вам осенью». Вот и все. В тот же день он уехал в Санкт-Петербург и потом на два месяца за границу.

Восходя на 75 ступень жизненной горы, я увидал многое, чего не видел прежде. Стали со всех сторон открываться новые горизонты-небосклоны. Покрывавший их туман стал проясняться, стал исчезать или уходить в даль. Это туман унаследованных понятий, ложной лжи ложь, говорили люди Смутного времени в начале XVII столетия о тумане своих событий и людских поступков. Обнаруживалось, что эта ложь есть прирожденная человечеству фантастическая сила, плод его вообразительных способностей, дар самой его природы, особый талант беспрестанно создавать себе фантомы-обманы воображения, миражи. Как и когда человек возродился на Земле — неведомо, да едва ли когда он узнает об этом. Но возродился он, одаренный мыслью и воображением. Эти дары тотчас стали работать, как повелевала им их природа. Мыслью человек уяснял себе окружающий мир, старался понять, где он и что он. Воображение претворяло эти понятия в живые образы, потому что иначе человек не мог себе и представить движение своей мысли. Он мыслил образами.

Созерцание окружающего мира бесконечного, беспредельного в небесах, в морских волнах, на самой земле в ее бесчисленных тварях, великих как слоны и мелких как мошки и букашки, приводили его в трепет. Он ясно вразумел одно, что он среди природы такой же червяк, как и вся мелкая тварь на Земле. Он понял в глубине души, что он по человеческому понятию не более, как беспомощный ребенок, у которого по человеческим же понятиям, необходимо есть отец. И вот начало понятий о непостижимом Боге-Отце, от которого в полной мере зависит счастье и несчастье детей. Отец посылает детям всякую благодать и всякое наказание за ослушание его воли. Этот отец, т. е. весь порядок небесных и земных явлений, грозных и милостивых, все действия и деяния естества природы, приобретают, однако, только одни человеческие черты, все человеческое, возвышенное до беспредельности. Человек могущи — Отец Всемогущи Всевидящий Вездесущий Всеблагий и т. д.

То есть Отец есть увеличенный до беспредельности сам же человек. Других понятий о мире человек не мог себе создать. Не мог вылететь, выскочить из человеческого ограниченного существа.

Гремит гром, сверкнет и разит молния — кто это производит? Природа? Нет, всемогущее существо — Отец в образе увеличенного человека.

Когда люди расплодились, и сильные из них поработили малосильных, тогда Отец небесный представлялся уже в образе Господина, и дети получили имя рабов. Потом явилось царство небесное и Отец именуется уже царем небесным. Все непостижимые явления природы небесной и земной получили свое средоточие и яркое выражение в живом, действую-

щем образе Бога, исполненного, однако, человеческими чувствами гнева и милости, всеми человеческими качествами. Это был идеал могущественного, до безграничности увеличенного в его качествах и свойствах человека. Других понятий о Боге не существовало, да и не могло существовать, ибо человек был во всем ограничен человеческою природою, и как сказано, не мог выскочить из своей человеческой шкуры. Всем явлениям окружающего мира он давал живые образы. В этом состояло его творчество, неколебимо существующее и доселе. И теперь каждый творец-художник, и простой мастер связь своих понятий о чем-либо воплощает в образах. Романист, живописец уловленную идею претворяют в образы, в связь подвигов, поступков человека или состояние (в живописи) человеческой души, взирающей на окружающий мир. Морская волна, свет и тень воды у Айвазовского.

Золотые слова, что купец завладел всем, что все стало продажно. Монополия осмотра жизненных продуктов от трихинов[10]. Действительность страшна. Но с нею вместе надо поставить и монополию газеты. Что такое газета? Реклама наполовину, и вот реклама делается также страшною. Фельетонист является начальством, монополистом, жидом. Гоните вы справедливо жидовский элемент, а сами поступаете, как истые жиды.

Болтовня, т. е. фельетон[11]. Когда я начал читать газеты, этому уже лет 20, меня очень смущало это слово — фельетон. Никак я не мог понять, что это значит. Спрашивал у знакомых и приятелей, толковали они, но я все-таки ничего ясного не познавал. Только теперь, постоянно читая фельетоны, я выразумел, что это самое простое и понятное дело. Это просто-напросто болтовня. Самая удобная форма словесности, поговорим о том, о сем, а больше ни о чем, выказывая свое остроумие или тупоумие, и слабодушие, и легкоумие, и злоумие, а вообще всякое своеумие или по поводу случившихся случаев или явившихся явлений в общественной или домашней жизни, в политике, в литературе, в науке, в искусстве и т. д. всюду.

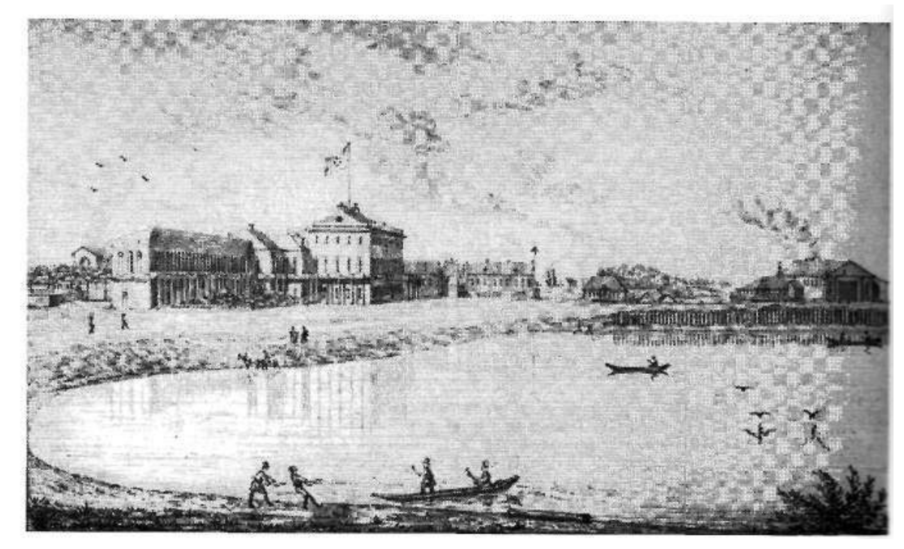
Убеждение и доктрина — понятия различные. Убеждение способно от лжи переходить к истине. Оно ищет истину. Доктрина истину уже нашла и не сомневается в ней. От того ей свойственна закостенелость и всякое коснение.

Я убежден, что парламент — самая лучшая форма государственного управления. Но я могу отстоять от этого убеждения, если увижу, что это только форма без того содержания, какое ей подобает иметь по теории.

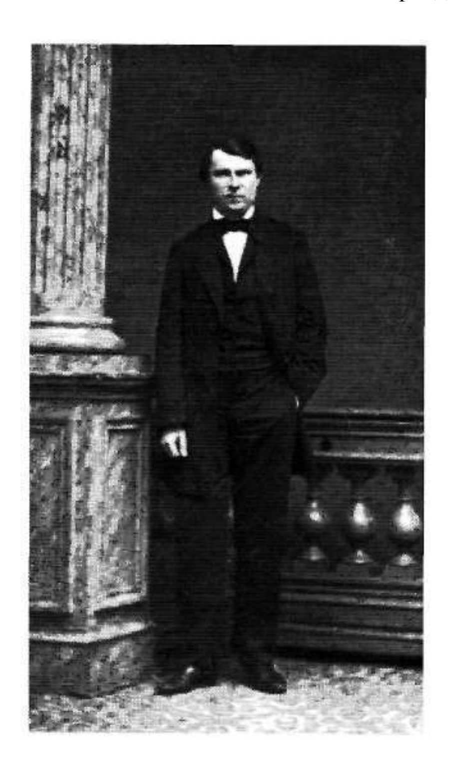
В частных случаях все непостижимые для детского ума первобытного человека — явления в его доме, дворе, он воплотил в образе домового, в реке, озере — водяного, в лесу — лешего, в поле — полевого и т. д. Это не Бог, но что-то вроде того же Бога, созданного по тому же порядку, как и Бог вселенной, обозначивший своим образом все явления Вселенские, всемирные, мировые явления неба и земли. Здесь выражалось великое творчество человека. Он создавал новый мир своих понятий, представлений об окружающем его мире всеобщего естества.

«Тверская Никольская, что на Зверинце церковь,
в которой совершилось св. Крещение Ивана Егоровича Забелина.»
Фототипия

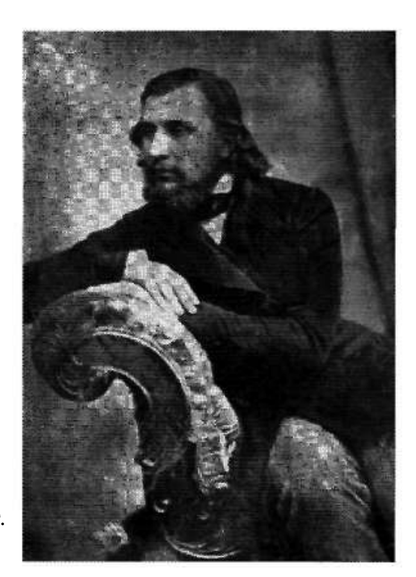

Вид Твери. Рисунок И.Е. Забелина. 1830-е гг.
Карандаш, бумага

Забелин И.Е. 1840-е гг.

И.С. Тургенев. Конец 1840-х гг.
Дагеротип

А.В. и Е.К. Станкевичи. 2-я половина 1850-х гг.
Дагеротип

И.Е. Забелин. 1856 г.

Н.С. Щербатов. 1879-1880 гг.

А.С. Уваров 1870-е гг.

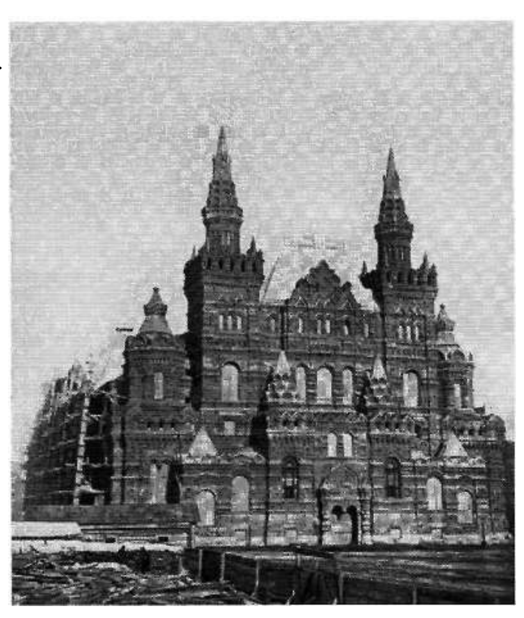

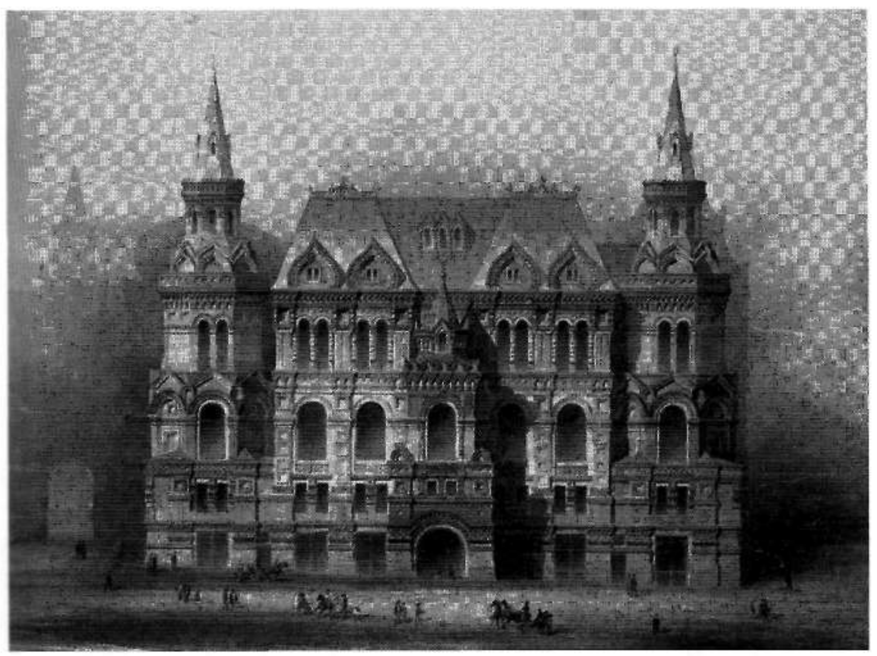
П.С. Уварова. 1880 г.

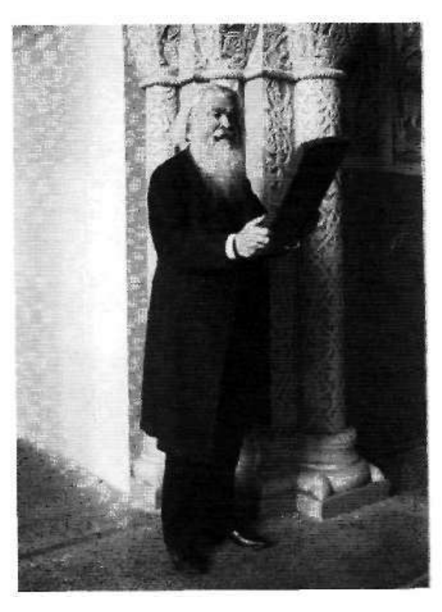
Император Александр II. 1860-е гг.

Здание Исторического музея.
Вид со стороны Красной площади.
1879 г.

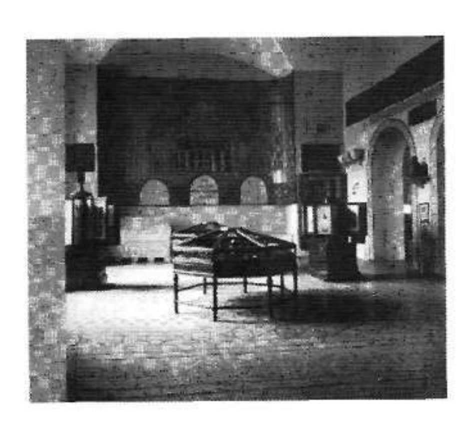
Утвержденный проект Исторического музея. 1875 г.
Бумага на ткани, акварель, тушь, белила

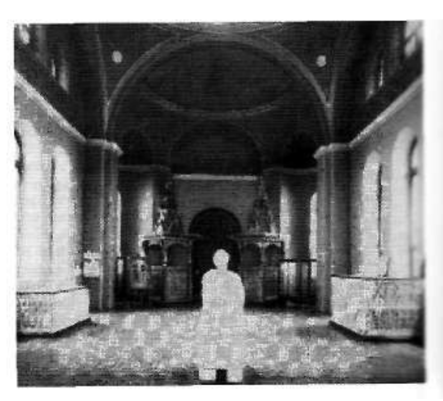
И.Е. Забелин рассматривает икону во Владимирском зале Исторического музея. 1890-е гг.

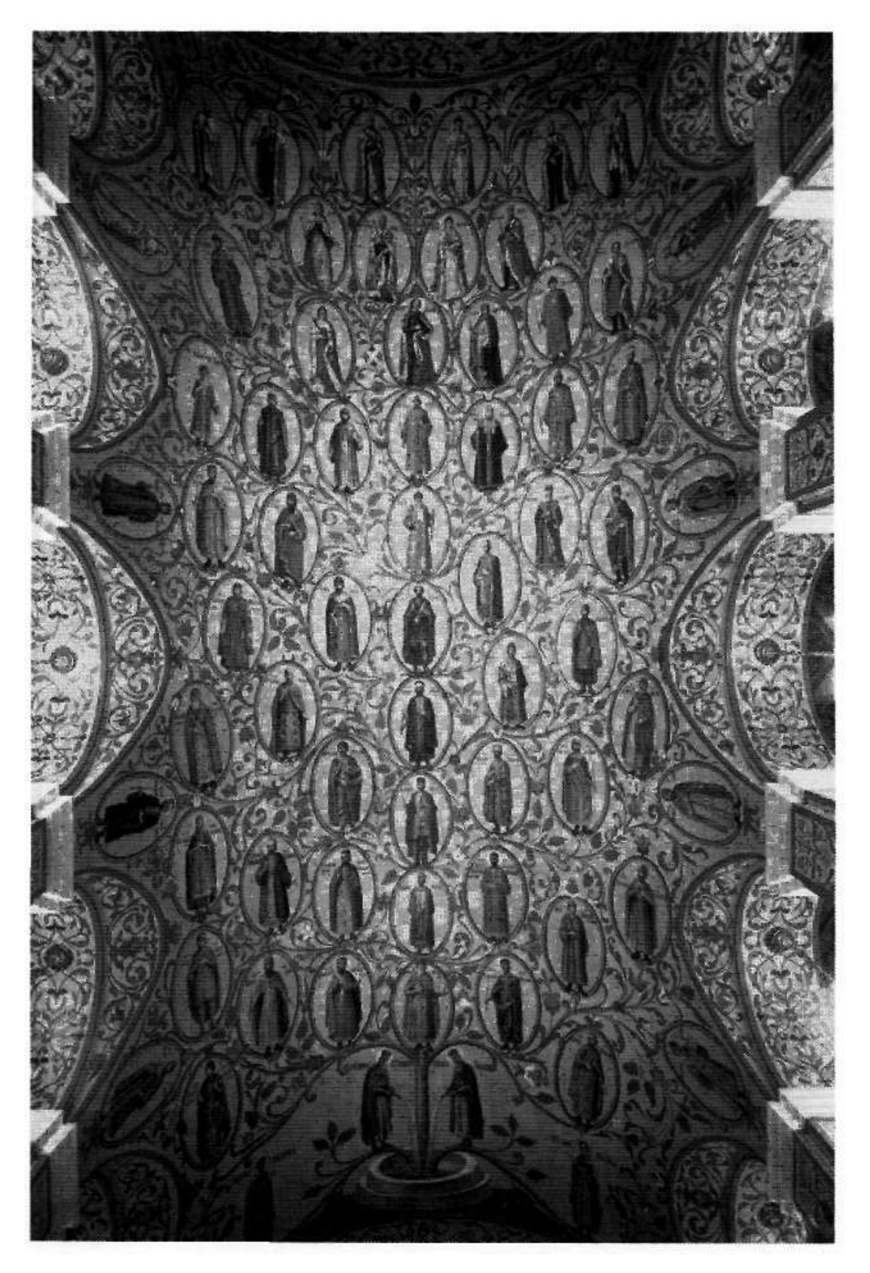
Сувенирный платок Политехнической выставки в Москве. 1872 г.

Киевский зал Исторического музея. 1880-е гг.

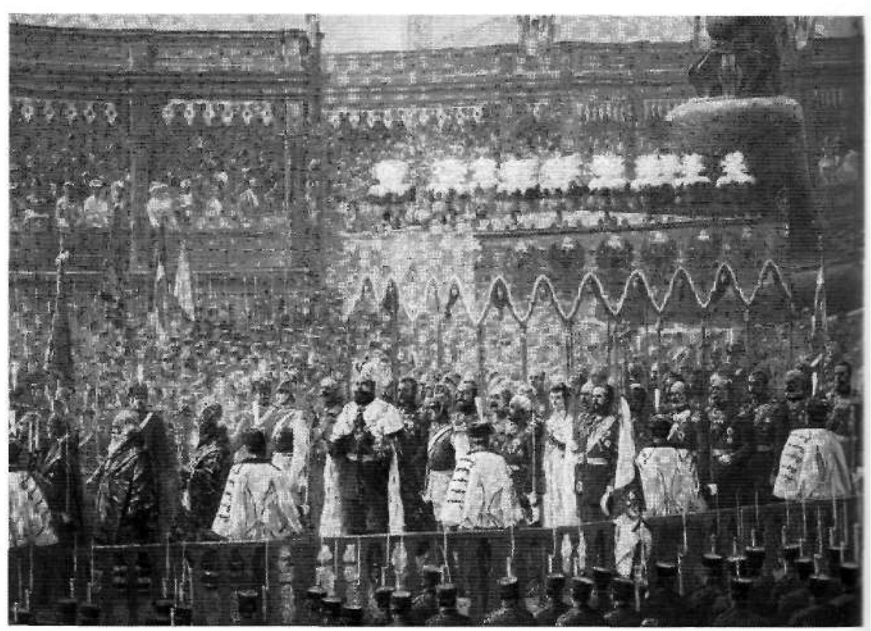
Зал раннего христианства в Историческом музее. 1880-е гг.

Свод Парадных сеней Исторического музея.
«Родословное древо Государей Российских».

Император Александр III.
Вторая половина 1880-х гг.

Коронация императора Александра III. 1883 г.

Император Николай II
и императрица Александра Федоровна.
Середина 1890-х гг.

Коронация императора Николая II. 1896 г.

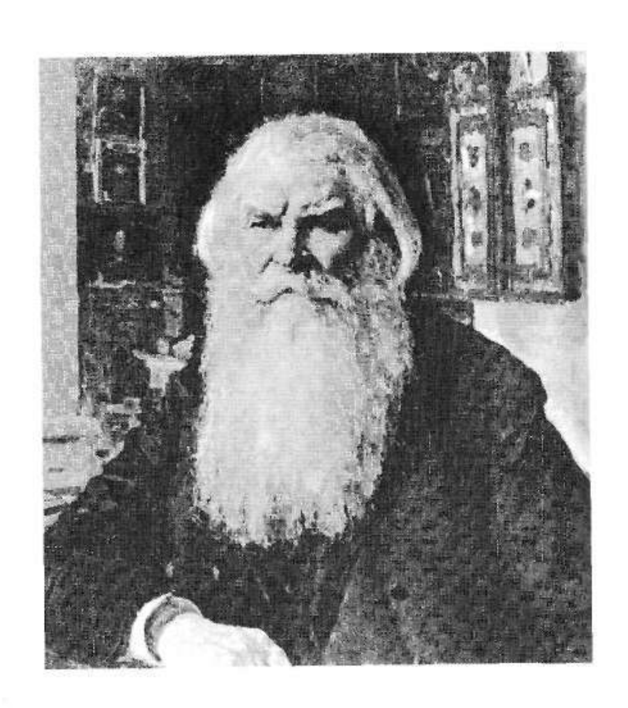

Великий князь Сергей Александрович. 1893 г.

Великая княгиня Елизавета Федоровна. 1909 г.

И.Е. Забелин. 1993 г.
Фототипия с картины
В. Серова

М.И. Забелина. Начало XX в.

5 октября. Среда. Встречал великого князя. Он любезно обратил внимание, что я без верхней одежды на платформе, на холоде, в одном мундире. Шляпу не снимал.

10 октября. Заседание нашего совета о картине в Московскую залу. Я предложил момент, когда князь Владимир Андреевич[12], стоя под черным знаменем, собирал победителей. На поле трупы лежат, чем и выразилось Мамаево побоище[13].

26 октября. Суббота. Был у великого князя. Благодарил его за сочувственную телеграмму о кончине Насти. Очень внимателен, говорит: «Это обязанность.»

9 ноября. Четверг. В 5 часов прибыл на выставку картин В. В. Верещагина великий князь. Я и Сизов встречали и провожали.

С 6 декабря по 7 января 1896 г. сидел дома, никуда не выходя по случаю болезни ног, ревматизма, сапог нельзя надеть.

1896 г.

9 января. Сделал поучение Вячеславу Щепкину, что по службе в музее ведет себя странно, не вникая в музейское дело, не помогая хранителю ни в чем, поступая, как чужой, посторонний зритель. Рукописи описывает по страничке в день. Очеты составляет кой-как, небрежно. Приходит поздно, уходит рано. Никогда не бывает, когда нужно. Говорю: «Вы носите имя Щепкина и этим известны всем. Ваш отец, дядя, не говоря о деде, все свои обязанности исполняли усердно и добросовестно. Вы ни к чему себя не пристроили. Покупка вещей для вас чужда. Вы не любите древностей, но по обязанности должны им служить. Да я и не знаю, что вы любите. Филологию? А литературное содержание рукописей».

Понудил меня к этому Орешников, жаловавшийся накануне 8 января, что хочет оставить музей и во всяком случае уехать на лечение за границу. Завален работою, не может один справиться. Мне же выговор за распущенность, а себя выгораживает. Как будто совсем не его это дело, чтобы заставить своего помощника работать на то, что нужно для музея. Я должен и помощников учить, и служителей, и печников, и всех, если они не исполняют своих обязанностей. Я же должен отвечать за них. Когда я сказал, что поучение надо было сделать давно, Орешников наивно обвинил меня, что надо было это сделать давно, и было бы лучше. Он и не сознает, что прежде всего он обязан требовать от помощника помощи, а он ни один раз мне говорил, что никогда не потребует, ни слова не скажет, боясь неудовольствия. Свои отношения не хочет портить и требует этого только от меня.

10 января. Среда. Приходил граф Л. Н. Толстой, принес полтора диргема[1], найденных близ его Ясной Поляны, прося за них что-нибудь дать мужику. Дали три рубля. Встретил словами: «Давно не видались и оба поседели.»

Знакомые покойники: Платон Васильевич Павлов, Дмитрий Федорович Маклаков 1894, ноябрь 3, Иван Степанович Некрасов 1895, ноября 3. Егор Покровский[2].

10 марта. Воскресенье. На выставку исторической живописи[3] великий князь и великая княгиня прибыли в 2 часа 10 минут.

Великий князь встретил меня любезно, рад меня видеть. К концу осмотра взял меня под руку и объяснил, что доставил шлемы и прочее. Все, говорит, отобрал, что было и три монеты. Князь Н. С. Щербатов тут и вынул из своего кармана пакет с монетами и передал мне. «Забыл, — говорит, — в кармане.» А был у него еще в пятницу. Великий князь: «Каков, — говорит, — до сих пор не передал вам.»

23 марта. Суббота Великая. В 11 часов тронулась Москва в Кремль[4]. Толпы идут, идут, идут беспредельно в Иверские ворота, мимо моих окон. Толпы извозчиков останавливаются. Проезд в ворота затрудняется. Это только здесь, но тоже самое происходит со всех сторон Кремля. Где теперь поместится это множество народа. Кремль застроен у соборов местами для коронации. Не запомню, чтобы столько было народу. Едва ли когда случалось, что Пасха пришла среди зимы, по отличному зимнему пути, который установился еще 19 числа посредством беспрерывной метели до 22-го числа. Теперь погода хорошая при трех градусах мороза.

26 апреля. Пятница. В три 1/4 часа прибыли на выставку Шабельской великий князь Сергей Александрович и великая княгиня Елизавета Федоровна. Осматривали почти целый час. Я, как не спешил, но встретить их опоздал. Явился уже наверх. Великий князь и великая княгиня были столько любезны, что первый даже подошел ко мне и дал руку, и в то же время она подала руку. Я запутался, за какую взяться.

12 мая. Воскресенье. В 8-м часу вечера вдруг является Победоносцев, оставил карточку. На другой день, понедельник 13 числа — я к нему в 9 часов утра. Сама любезность. Вспоминали о Ровинском и все старое. Говорит, как он написавши статью против Панина[5], пересылал Герцену через меня. Я совсем забыл об этом, но помню другое в том же роде. Потом перешли к археологии. Ругал Уварову дурой. Жалуется на Археологическую комиссии, Академию художеств, Московское археологическое общество. На Суслова. Во всем разговоре оказал полное свое невежество, в этом отношении чисто чиновнический взгляд на все дела. Рад, что нашел исполнителя по этому делу в М. П. Боткине. Говорили целых 40 минут. Примолвил, что в июне сего года ему 50-летний юбилей службы.

Выходя, встретил Высокопреосвещенство Феогноста[6], который тут же высказал, что обязан во всем мне по реставрации Владимирского собора.

10 сентября. Вторник. Был у нового директор Архива Иностранных дел Павла Алексеевича Голицына[7] с визитом. А он сделал мне визит еще 22 июля, когда я занят был, живя в Химках. Говорил о нашем музее. Он не всегда толкует в правильном понимании дела. Говорит: «Вот, например, портреты, и мы (архив) собираем, и вы, и Румянцевокий музей. По-

моему, это надо в одно место.» Я говорю: «Портреты разное значение имеют, у нас — исторические, в Румянцевском — художественные, у вас — дипломатические. Нам, конечно, художественный портрет, например, хоть Леонардо Винчи не идет, хотя, если подарят, не откажемся, но зато идут все портреты исторических деятелей во всех отношениях истории.»

2 декабря. Понедельник. Был у великого князя по его вызову. «Простите меня, Иван Егорович, что я потревожил вас.» «Помилуйте, ваше высочество, меня простите, что не посмел в это время придти к вам, боясь помешать.» Спросил, успокоился ли я нравственно (относительно кончины дочери) и о здоровье. Очень любезен. Передал мне топорик, сказал: «Графиня Уварова в заседании объявила публике, что я купил топорик и пожертвовал его в музей, а я и не видел его.» «Позвольте, — говорю, — дайте мне его». Вообще, так может делать только графиня Уварова. «Мое мнение, — прибавил он, — это топорик поддельный[8].» Я указывал, что очень трудно подделать такую вещь. Подделка обнаруживалась бы в рисунке. «Да, но вы лучше меня знаете это. А я все-таки думаю, что он поддельный.»

Передал также каталог эстампов собрания Васильчикова, приказав их разложить для его осмотра.

21 декабря. Суббота. Поехал к великому князю на Тверскую, а он уехал в Нескучное. Поехал я туда. Был у него, представил 1-ый выпуск Описаний Памятников, составленный Орешниковым[9]. Поручил мне благодарить его. Болтали о монетах. Владимире, Святополке и пр., о портретах, пожертвованных Васильчиковым и т. п.

26 декабря. Четверг. Великий князь и великая княгиня были на Французской выставке[10]. Непроходимая толпа. В числе многих знакомых встретился Пасхалов, бывший мой ученик. Я говорю: «Не узнаю вас.» Он: «Нас-то тысячи, вам и нельзя узнать, а вы один у нас.» Устал. Дышать нечем. Сошел вниз в ожидании выхода великого князя. Пришел покурить Самоквасов, и между прочим, назвался моим учеником по скифской истории. Вот задача! Что-то готовит к изданию о Скифо-Сарматах-Гунно-Аланах и пр. и пр. истории. «Вы, — говорит, — источник для моих выводов.» Вот задача!

Заметки*

Восходя на 76 ступень своей жизни, я увидал многое, чего прежде или совсем не мог видеть или не мог разглядеть как следует по тесноте горизонтов. Теперь забрался я высоко. Со всех сторон открылись обширнейшие и уже не туманные, но светлые горизонты. Ясно вижу первобытного человека, как он в изумлении перед окружающим миром старается понять его. Вот он в ужасе перед грозою небесной грозовой тучи. Он чувству-

* Отдельная тетрадь под названием «Заметки».

ет, что он ничтожество, что он червяк перед этой сокрушающею силою, страшно гремящею, страшно огненною. Он не вопрошает, да по человеческим понятиям не может вопрошать: Что это? Он неизбежно по тем понятиям вопрошает: Кто это? Для него это не стихия, а чья-то воля. Гнев или милость кого-то страшно могущественного. Понять стихию он иначе не может, как только по человечески, что она — такая же воля, как и его собственная, но воля высочайшая, могущественная.

Процесс или ход развития человечества и каждой его отрасли или расы, племени шел тем же путем и теми же ступенями, как и развитие каждого отдельного человека, каждого лица, начиная младенчеством, продолжая детством, отрочеством, юностью, мужеством, старостью, дряхлостью, смертью. Каждый возраст носит в себе те же силы умственные и нравственные, как и у отдельного человека. Ребенок — первая пора в развитии понимания, сознания, когда человек творит себе образы, так без образов он не может ничего понимать. Все невидимое он населяет образами, но не иначе как теми, что у него есть перед глазами или какие существуют в его отношениях социальных. Он как ребенок создает невидимого отца, как раб создает господина, которому и приписывает все непостижимое в мире.

Почему гунны, Атила (Атли) попал в скандинавскую Эдду[1], а потом из нее и в Нибелунги. Конечно потому, что он был балтийский же уроженец, знакомый очень и всему балтийскому побережью. Вовсе не калмык, а такой же боец балтийских краев именно в устьях Немана.

История литературы в ходе своего развития должна распадаться или на слои, как в развитии дерева или на колена в развитии злаков и подобных растений, т. е. на особые главы. Весна настает, и все птицы пищатпоют по-своему, кто во что горазд. Не так ли и в литературе? Ведь писатели-поэты и даже ученые точно также поют, кто во что горазд, кто что любит, кому что любезно, занятно, интересно. В этой среде надо только подметить руководящие мысли, идеи и, следовательно, моды, на что явился поход, спрос или предложение. Возможно, наиболее яркое — 12 год. Сколько патриотических стихов, ученых исторических статей в параллель современным событиям. Вспомнили и о Минине, Пожарском. Все пищали, воспевали. Это было особое колено литературы, слой ее, отличный от других таких же. Например, XVIII в. оды. Почему оды, а не тоскливые, плачевные стихи. В этом отношении получают свое место и все мелкие бездарные поэты и писатели. (Смотри журналы). Они ведь все воспевают, изображают руководящую мысль, идею, моду на то или другое общее стремление. И в этом случае всегда есть передовики, таланты. Державин в одах, Некрасов в нытье и т. п. Пушкин что значил? Лермонтов. И каждый служил своей идее, своему времени, поставившем идею.

Нарождение идей идет очень правильно. Одна рождает другую по непреложному закону развития идей, как и в органическом мире. Очень жаль, что историки литературы совсем выбрасывают ученость и ученые

работы. Они тоже идут вровень с поэтами, литераторами, романистами. Надо только их изучить.

1-е послание Иоанна Богослова. Глава IV, стих 12.

12. Бога никто никогда нигде не видал. Если же мы друг друга любим, то Бог в нас пребывает, и любовь его совершилась в нас.

13. О сем разумеем, что в нем пребываем, и Он в нас (пребывает), что Он Духа своего дал есть нам.

14. И мы видели и свидетельствуем, что Отец послал Сына Спасителя миру.

15. Кто исповедует, что Иисус есть сын Божий, в том пребывает Бог, и он в Боге. Бог в них пребывает и он в Боге.

16. И мы познали любовь, которую имеет к нам Бог и уверовали в нее. Бог есть любовь, и кто пребывает в любви, тот в Боге пребывает.

20. Кто говорит: Я люблю Бога, а брата своего ненавижу, тот лжец (ложь есть).

Бога нет! изредка говорили и ныне говорят мудрецы, наблюдавшие и изучавшие природу земную и мировую небесную. Лаплас[2], кажется, сказывал, что занимаясь много лет изучением небес, он нигде не нашел там Бога. Единица-человек может так рассуждать, но все человечество искони знает Бога, изображает его в различных видах, усердно поклоняется ему и указывает его жилище, главным образом, в небесах. Хотя понимает и именует его Вездесущим.

Современный мудрец на основании ясных и точных указаний науки, действительно, находит в небесном мировом пространстве, как и на земле, только одну непостижимую бесконечность и в великом и в малом, от небесных светил, поражающих своею величиною, и до земных инфузорий, поражающих своей бесконечной малостью. Ни там, ни здесь конца нет.

А между тем, весь мир стройно живет и управляется каким-то ведением, каким-то разумом. Все случается по какой-то непрерывной воле. По понятиям человека это не может существовать без Творца — живого деятеля. Человек так судит по себе согласно своей природе. Не может он себе представить, чтобы во всем бесконечном многообразии дел и действий мировой и земной природы не существовало такого же живого деятеля, как сам человек в своих делах и действиях. Во всем мире кто-то живой действует. Он не постижим, но он существует, живет, творит и разрушает. По человечески невозможно иначе понять как убедившись, что это по всем признакам такой же человек, увеличенный до непостижимости. Вездесущий, Всемогущий, Всевидящий, Все-Все-Все-Все без конца.

Также эта вера существует теперь, как более совершенная, развившаяся философским умом. А прежде и солнце и гром были богом, и множество было богов. Каждый народ творит себе бога по своему размышлению о мире земном и небесном. Религиозное творчество, в сущности, поэзия. У каждого народа было свое с заимствованиями и подражаниями у сосе-

дей. В толще тысячелетий человечество в религиозном творчестве дошло до Единого, а затем и до Сына, которому имя мировое — Любовь. История религиозного творчества ясно указывает, что Бога создал сам себе человек, и потому Бог есть, Бог существует не там, где его искал Лаплас, а существует в уме и в сердцах человечества, в чувстве. Все качества этого Бога суть качества и свойства самого человека. Он грозен и милостив, как и человек. Он наказывает, казнит за грехи, молящим подает. Однако, Богу молись, а сам не плошай, говорит русская пословица, глубоко определяющая отношения к Богу. Потребности человеческой души создали фантом, дабы было возможно беседовать с ним о тех потребностях. Довольство и счастье нудят человека на благодарность. Кому? Кто это дал. А дала природа, например, изобилие плодов. Принесем молитву благодарения. Нужно, крайне нужно что-либо. Молимся о дожде, о ведре, о помощи и видим, что помощь, наконец , является. Господь является попросту господином, а люди его рабами, как и господствуют данные рабские отношения к Богу. В этом — новое подтверждение тому, что Бога создал по своему подобию человек.

Мое созданье — ты создататель. Моей премудрости ты тварь — как переставил Державин.

Кажется, Вольтер говорил, что если бы не было Бога, так надо было его выдумать. Верою в Бога держится весь нравственный порядок человечества. Это божественная узда для человеческого своеволия, бешеного и безобразного. Как нужен для человека Бог в безвыходном, отчаянном случае. К кому прибегнуть, кого умолять о помощи. Бог один. Относится как раб к господину или к всемогущему человеку. Из человеческой природы человек вырваться не может, и потому понимает Бога как того же человека, обращается с ним, как с человеком.

Что же такое Бог? Бог есть отвлеченный фантастический человек, обладающий только одними человеческими нравами, силами, чувствами, разумом только превозвышенными до непостижимости. Это идеал и притом, живое лицо, личность. Всемогущий. Все. Все человеческое собрано в нем. В нем и следа нет тех представлений и понятий о бесконечности пространства и времени, действующих силах космоса, нет ни одного понятия выше понятий человека, нет ума, прозревающего мировые силы и их отношения.

Суд присяжных — суд милостивый к преступнику и нисколько не милостивый к потерпевшему от преступления. О потерпевшем и не разговаривают. Убит он, ну и убит. Что об этом рассуждать. Здесь-то и скрывается ложь правосудия. Человек украл деньги и, чтобы покрыть свой грех, поджег квартиру. От огня потерпели бы и соседи, сгорел бы и потерпевший. Преступление громадного значения. Но об нем не рассуждают. Соболезнуют только преступнику. Он долго сидел в тюрьме, целый год — значит уже наказан. Необходимо оказать ему милосердие и его оправды-

вают, как бы в наставление всем другим преступникам. Пыряй в бок или живот — помилосердуют, простят, скажут: ни в чем не виновен, сотворил убийство в азарте или в пьянстве. За это не наказывают. Вообще говоря, в суде присяжных дорогим лицом является преступник. Об нем все хлопоты, прокурорские обвинения выслушиваются как бы только для парада. Защита — главное, черное превращается в белое, и несчастный оправдан.

Соболевнование несчастью лежит в сердце человека, и лично каждый по христианству всегда простит виновного. Это лично. Но где же общество, где не лично должны судить, а общественно, чувством общества. У нас этого чувства еще не обретается. В Америке закон Линча — украл курицу — повесить. Это чувство общественное, вовсе не личное. Надо судить не преступника, а его преступление, насколько он вредит обществу, а значит и каждому лицу. Преступник жалок, требует и получает прощение. Но преступление требует глубокой и широкой оценки. Он поджег дом, сгорело всего три полена. Что ж обидного для потерпевшего? Не виновен. Нет, он страшно виновен перед обществом. Здесь вина в сто раз сильнее, чем в других преступлениях.

Свобода ума. Ум был окован, оцеплен, посажен в темницу, где ни стоять, ни сидеть, ни повернуться не только от тесноты, но еще больше от всяческих воспрещении и запрещений. Повернулся — тотчас пытка, казнь, сожжение живьем.

Страшные слова: ересь, еретик падали на малейшее движение ума. Еретик являлся невообразимой гадиною, которую немедленно надо истреблять, уничтожать. Таково было мнение большинства, т.е. человеческого стада, именуемого народом, обыкновенно погоняемым и подгоняемым несколькими пастухами, а нередко и одним только.

Однако, ум и в тесноте и в темноте, но все-таки жил и время от времени заявлял свою жизнь, конечно, тотчас погибая в лице своих заявителей — еретиков. Надо проследить историю этих заявлений от начала, через Пушкина до наших дней.

1897 г.

11 февраля. Вторник. На вечере у великого князя. По недоразумению я уехал в карете князя Н. С. Щербатова, распорядился ею, как своею собственностью, оставив князя без кареты. Он туда и сюда ездил на извозчике. Великий князь очень любезно сказал, что рад меня видеть. Я благодарил его за решение приобрести пресловутую достопамятнейшую рукопись. Побродивши по залам, отправился покурить, встретил князя Л. А. Щербатова, шедшего за тем же. Мы спустились на машине и затем прошли в кабинет его высочества, где нашли князя Ливена[1], Голицына архивного иностранных дел, Нейдгардта, потом пришел Столыпин[2] — все понентаты. Я по недоразумению уселся за письменный стол великого кня-

зя, взявши его деревянные кресла. Конечно, с краю, но все-таки не следовало. Вскоре пришел великий князь и оставил меня на моем месте. Великий князь любезно налил мне стаканчик шампанского. Шел разговор о том, о сем. Все больше всего говорили по-французски. Упражнялись, вероятно, чтобы не забыть языка. Великий князь говорил, что на памятник Александру III[3] собрано 1 миллион шестьсот тысяч с лишним, что останется миллион от памятника, что назначается его постановка на месте между Оружейной палатой и дворцом. Я говорю, что счастливая мысль, здесь древнейшее поселение Москвы. Приглашены делать проекты Опекушин, Антокольский, Шервуд, еще какой-то молодой. Говорили о кремлевских раскопках. Нейдгардт сказал, что ведь ничего не нашли. Я говорю: «Пушки нашли и пр.» Потом пришел сын великого князя Алексея Александровича, рекомендовался мне: граф Белевский[4].

18 февраля. Вторник. В 3 и 1/4 часа прибыли великий князь и великая княгиня для осмотра Японской выставки[5]. Великий князь скучал, осматривая. Ничего любопытного, занимательного очень мало. Великая княгиня интересовалась несколько. Затем они зашли в наши кладовые, смотрели плиту надгробную, найденную в Хитровском переулке, Шапиловой 1593-5 гг. Великая княгиня смотрела рукопись Библии и пр. А я дал великому князю подписать благодарность Васильчикову за портреты, гравюры. Благодарил.

3 апреля. Четверг. Были у великого князя. Дал отчеты и докладную записку о награде Орешникову. Об этом он сказал, что откажут. Упомянул, что о молотке-топорике произведено целое исследование, все раскрыто, как он переходил из рук в руки. «Знаете ли за что купил его Иванов?» «Ну, скажите, говорю, — 50 рублей.» «Нет, 70 рублей.» Разговаривать дальше было некогда, ибо толпа была в приемной.

Того же числа на акте в Румянцевском музее[6].

4 апреля. Пятница. На лекции Иловайского. Вот угостил. Генерал Степанов сосчитал всего 80 человек. Больше всего военных генералов. Человек 10 статских, 15 барынь. Читал тяжело, вяло, не приготовил, принес большую тетрадь, сокращал, листовал. Выходила просто тоска. Навалил на Шенка[7] всю вину. И, видимо, для того только, что прировнять его к Байеру[8]. Вот так пишется русская история. Ее напяливают на иноземную рамку. В перерыв вышли покурить. Доложил великому князю, чтобы он разрешил на определение Харузина. Разрешил. Спросил, не получал ли музей какого-либо сообщения от Археологической комиссии. «Нет, — говорю, — да она и не может сделать нам никакого запроса.» Я доложил, что мы недели две назад купили клад серебряный из той же Челябинской местности, причем продавец говорил, что топорик был и в Казани. «Да, да,» — ответил великий князь.

Вначале, поднимаясь по лестнице, великий князь заметил, что я иду свободно вверх, не задыхаясь. «У вас, говорит, — легкие крепки.» По окончании оставлял меня: «Не уходите.» Потом, увидав, что я иду по лестнице:

«А, Иван Егорович все-таки идет». Говорю: «Ваше высочество, я также иду домой.» Тут представился обер-полицмейстер Трепов[9]. Я говорю: «И я вам представляюсь». Он заметил, что Иловайский совсем иначе представляет Шенка против того, как мы его разумели до сих пор. Я указал, что это не верно, что Шенк был лучше, что Иловайский пересолил.

15 ноября. Суббота. В музее был великий князь Георгий Михайлович[10].

22 ноября, суббота. В музее был великий князь Сергей Александрович. Смотрел вещи Пожарских[11].

26 ноября. Приезжал ко мне в карете в 7-ом часу К. П. Победоносцев. Спросил дома ли. Нет. «Верно спит?» «Нет, целый день не был, не обедал дома.» А я спал.

16 декабря. Вторник. Неожиданно пришел Лев Николаевич Толстой, спрашивал о литературе по этнографии Кавказа[12]. Я его встретил с радостью. «Узнали?» — говорит. «Как не узнать.» Наши засыпали его указаниями на источники изучения Кавказа. В разговоре он спросил о моих летах, о здоровье, похвалил и то и другое. Расспрашивал, как глаз болит и пр.

18 декабря. Четверг. Заходил Чичерин Б. Н. в музей.

1898 г.

9 января. Пятница. Прибыл в 3-ем часу в музей великий князь с великою княгинею, осматривал выставку[1] картин и проектов памятника Александру III, сочиненный безобразнейше Чижовым[2]. Я был в сюртуке. Прошли к проекту через библиотеку, где с 1/4 часа великий князь курил, и у памятника курил. Сказал, что печально. О проекте. Я еще прежде Истомину сказал, что надо нарочно заказать сделать такое безобразие.

15 января. Четверг. Прибыл на выставку великий князь Владимир Александрович. Никто его не встретил. Он простым посетителем купил каталог и пошел осматривать. Я поспешил надеть фрак и явился к нему. Подал руку. У картины «Плач Ярославны» я прибавил, что это из «Слова о полку Игореве». Спустя 1/4 часа явился и Грушецкий[3]. Проводил его донизу. Он, прощаясь, пожелал благополучия.

«Новое время». 1898 г., 21 января. №7867. «Маленькие письма» Суворина. «Русский человек не любит обвинять, он любит ругаться, иногда подло и скверно ругается, он любит отбрить, как говорится, отвести свою рабскую душу, в которой монгол еще не стерся совсем, отвести мгновенною вспышкою, безрассудным гневом, несправедливостью, приправленной тяжким словом, но обвинять во что бы то ни стало — не наше русское дело.»[4] (Весь этот вздор написан при характеристике А. Кони[5], как актера, хотя он юрист).

Большаков приносил большую пелену, в середине Спас Нерукотворный с предстоящими слева Богородица, митрополит Петр, Алексий, спра-

ва предстоящие митрополит Максим, Феогност. Подпись: B S w73 68176897, буква г не ясно, похоже на букву i. Нашит: «Бог слі въздух повеленыем великая княгини Марьи Семеновны». Подделка.

Госпожа Марья Николаевна Маматказина в 88 году приносила никуда не годные складни. На бедность. Меблир. комн. Англия.

11 апреля. Суббота. На выставку санкт-петербургских художников[6] прибыл великий князь с супругою в 11 часов. Перед этим я получил иконы с предложением от М. П. Степанова рассмотреть их и о своем мнении доложить его высочеству. Я пошел на выставку, чтобы увидать великого князя. Он и стал говорить об этих иконах и просил назначить цену. Любезен, как и со всеми. На серебряном окладе икон клеймо.

14 апреля. Вторник. В 11 часов у великого князя по поводу этих икон. В приемной более 30 человек. Думал, просижу до часу. Однако, после 12 часов был позван после ректора Некрасова[7]. Великий князь очень любезен. Об иконах я сказал, что для его собрания они ничего не стоят. Говорит: «Я без вашего совета ничего не приобретаю и очень вам благодарен.» Затем, я доложил, что князь Щербатов ездил к преосвященному Тихону [говорить]* о плащанице, но решение оставлено до приезда митрополита. Далее о библиотеке Пушкина: Я просил великого князя при случае похлопотать о передаче ее в музей, прибавив, что она заколочена в 26 ящиках без пользы для науки[8]. Три раза пришлось об этом просить в течении разговора, и великий князь охотно взялся за дело. Потом пошел в другой кабинет, принес оттуда коробку с медными монетами, найденными в разных местах Москвы. В это время я смотрел на портрет Александра III. Очень хорош. Серова. Сочный. Великий князь, заметив это, выразил большое одобрение портрету, к чему и я присоединил свой отзыв. Распростился очень любезно.

Любезность большую я встретил и от разных лиц. Кони (в орденах) подошел ко мне и рекомендовался: «Кони», — сказав, что мне кланяются Пыпин и Стасюлевич. (На праздновании Белинского тот же поклон мне принес Иконников, но не киевский Владимир Степанович, а другой, коего я не знаю.)

Затем приветствовали меня П. В. Жуковский, Султанов, Истомин, Остроумов, так что я и не ожидал такой любезности. Султанова просил мне сообщить сведения о раскопках на месте памятника Александру II. Обещая нынче же прислать, но не прислал.

25 апреля. Суббота. Переехал в Царицыно[9]. Началась хорошая погода.

1 мая. Пятница. Чудесный весенний первый день, каждый день чудная погода, около 25 градусов, в тени 19—24 градуса. Ветер западный, южный.

С 7 на 8 числа в 3 утра — ливень. Затем в 8-ом часу ливень. Потом при ветре с востока мелкий дождь, сильный ветер и холод.

---

* Вставка редактора.

28 июля. Вторник. Был в музее Кутепов[10] с двумя сыновьями, говорил мне много любезных похвал и обещал прислать мне два тома его «Охоты».

Заметки*

9 августа. Воскресенье. Царицыно. Смысл жизни! Какой смысл жизни. Какая цель жизни для всего существующего и особенно для человека, который не может понять существования без цели, как и ничего разумного, не стремящегося к какой-либо цели. Понятие о цели есть понятие о конце, а конец без начала не бывает, не существует. Начало и конец — вот два утеса, между которыми живет, движется и действует человек. Ум. Бесконечность, беспредельность непостижимы для человеческого ума. А между тем, смысл жизни уходит в бесконечность, ибо органический живой, живущий мир бесконечен. В капле воды движется жизнь инфузорий, в воздухе микробы. Видимо, что жизнь сама себе цель. Другой цели для нее не видно. Бог есть конец понятий человека о мире, своего рода Тупик, дальше идти некуда. Но по человеческому понятию о конце и начале и самый Бог должен бы иметь начало. Он и в действительности возродился в человеческом созерцании всего мира, а потому носит не какие другие, а только человеческие черты, преувеличенные до понятий о.**

Смысл жизни заключается в том, что каждое живое существо, как только появилось в мир, должно жить, пользуясь жизнью для жизни, пользуясь окружающим миром, как средством для своей жизни. Каждая живая особь подобно человеку, носит или должна носить убеждение, что в мире все сотворено для ее жизни, для ее лично. Конец жизни — смерть, и для особи все кончилось. Останки идут на пользу другим особям и частию составляют другой мир, землю, песок, глину и т. п. Камни и пр. Земля еси и в землю поидеши. Не только особи, виды, но и целые роды вымирают без следа, оставив земле свои кости.

Органический живой мир кончает сам себя, так указано ему поддерживать свою жизнь. Насекомое поедает растительность, птица поедает насекомых, животные друг друга. Все поедает себя, для того, чтобы жить, и по смерти доставляет земле пласты или формации. Вот стало быть, цель жизни — одеть земной шар новым пластом былой жизни, костями исчезающих пород. Это, стало быть, необходимо для нашей матери-земли. Мы наращиваем ее кожуру, для того она и очень заботится о воспроизведении нашего потомства посредством половой любви.

Для человека, живущего вечно одними обманами и не могущего жить иначе, такой смысл жизни очень горестен и возмутителен, потому что человек по природе горд, тщеславен, ставит себя выше природы, как ка-

* Отдельная тетрадь под названием «Заметки».

** Не окончено.

кое божество. В таком смысле жизни вся нравственность погибает. Человек становится простым зверем, скотиною. Но так ли это?

Нравственность есть создание человеческой природы. Его основа — любовь Евангельская. Она возникла, возродилась из этой любви для сохранения человеческого рода, для блага каждой личности. Она создалась для обуздания звериных нравов человека.

19 августа. Среда. В 11 часов прибыли в музей государь с государыней, великий князь Сергей с супругою, великий князь Владимир, великая княгиня Марья Александровна[1] и свитские. 15—19 был праздник Москвы. Я каждый день ожидал этого прибытия, которое назначалось для обозрения проекта памятника Александра III. Наконец, часа за полтора до отъезда из Москвы их величества прибыли. Княгиня С. А. Щербатова еще накануне предложила, чтобы я сказал государю о бюсте Александра III и выпросил бы на это у государя помогу из его казны.

Приехав в музей, великий князь Сергей представил меня. Государь подал руку. Я за ним, и на лестнице говорю: «Ваше величество! Музей имеет счастье носить святое имя вашего покойного родителя. Поэтому музей озабочен желанием приобресть бюст государя.» (Мы вышли уже на лестницу). «Вот на этом самом месте.» Я провел государя к месту и показал ему на главный вход в музей, откуда был бы виден бюст. Ему понравилось это. Я говорю: «Средств у музея нет и вся его надежда на щедроты вашего величества». Он согласился, сказав только «Да.» Тут торопливо было все. Великий князь Сергей подтвердил о необходимости бюста, но стал говорить, что нет хорошего бюста. Чудак. Не о том была речь. Нет хорошего, так надо сделать. Государь торопился, повернул скорее к осмотру модели Чижова наверх, в верхний этаж. Я отстал. Попался великий князь Владимир, с ним и пошел, задыхаясь от волнения, по лестнице.

Княгиня Щербатова потом передавала речи с государем о бюсте. Она спросила его: «Итак, бюст будет?» «Да,» — отвечал государь. «Это верно?» — повторила она. «Верно», — сказал государь и прибавил, что это необходимо. «Он устроил музей и нет об нем ничего памятного.»[2]

Опекушинский проект не одобрен. Сказано переработать. Когда государь выходил, я догнал его и сказал: «Осчастливьте, ваше величество, музей своей подписью.» Он приветливо улыбнулся и подошел к столу, и написал свое имя, за ним государыня и Владимир. Хотелось просить Марью Александровну, но она стояла далеко и неудобно, так что мне невозможно было подойти к ней, а из чиновников никто не догадался. Я же поспешил проводить государя. Жаль. Государь произвел на меня впечатление, как милейший человек.

Когда ожидали его приезда, Боголепов[3] дал мне выговор, почему его не известили о том, что будет государь. Я говорю: «Сами мы не знали, когда и только вчера ночью узнали.» «Вы бы, — говорит — и ночью должны известить.» А потом он учил меня, что у великой княгини надо ручки целовать, когда дают руку.

«Исторический вестник». Июнь 1897 г.[4]

1) Стр. 960. Книга «The down of modern geography. By Raymond Beazly», London, 1897. Средневековая география.

2) Стр. 964. О рукописях византийских, хранимых в Кремле. Их не оказалось в 1601 и не было, по словам греков, живших в Москве, кроме церковно-служебных Псалтыри, Четьих Миней и т. п.

3) Стр. 908. Упом. Соловьев, Костомаров, Бестужев, Забелин.

9 июля 1897 г. умер Шервуд.

12 июля 1872 г. умер Петр Петрович Пекарский[5].

По поводу статей Энгельгарда[6] «Новое время» №7640, 7645. На Западе развилась личность — индивидуальность. Она явилась корнем всего произрастания истории. У нас корень был — мир-община, происшедшая из рода и поэтому носившая все время родовой характер, развившая и идею самодержавия.

Живяху с родом своим, владеюще родом своим. Это племена, но так жили и роды, семьи, чему не малым доказательством служат группы курганов, существующие рассеяно, от пяти на одном месте до 50-ти на другом и более. Каждый род имел свое особое кладбище, причем, самые большие курганы заключают в себе, по-видимому, могилы родоначальника-прапрадеда, у которого, кроме горшка в головах или в ногах, ничего не находят. Это не доблестный воин-богатырь, а простой корень рода, возле которого покоятся и другие родители.

На Западе личность выразила себя особенно ярко в развитии христианского учения. Явился Папа, даже и непогрешимый на месте Цезаря — тоже, превращавшегося в бога.

У нас религиозное развитие выразилось в общине епископов, наконец, в Синоде. Патриарх не соответствовал народным понятиям о церкви и поэтому исчез бесследно. Самодержец в понятиях народа отец и покровитель, но не цезарь.

Там господствовали **идеи** независимой **личности,** от чего являлись подвиги ея силы, каковы были ея завоевания, положенные в основу ея государственного развития. Явилось **рыцарство,** т. е. как цвет и плод личного развития силы и власти. Если в религиозном отделе явился Папа, как воплощение личности в делах веры и высших духовных стремлений, то в отделе частных отношений явился рыцарь, как выражение личных стремлений в жизненных отношениях, создавший особый домострой своей жизни, правила и порядки личного независимого поведения.

Римская школа, римское право способствовали широкому развитию личных идей, идей индивидуальности, самости для каждого лица. У нас господствовали тесные идеи родства, родных связей и отношений, и личность, ее самость поглощалась идеями и понятиями рода, родственности — отсюда явился мир, всеобщее **братство.** Неравенство людей состояло в неравенстве родичей, кто стар — тот отец, дядя, дед, кто молод —

сын, внук, дитя (дети боярские). Кто ровен — тот брат. Вот из каких единиц состояло древнее русское общество.

Затем сироты, т. е. люди не имевшие рода, значения в обществе, без матери и отца, все вольные люди пред лицом государства.

Общество состояло из **родичей,** посему первое в нем место принадлежало старшему в роде, родоначальнику или оставшемуся после него старшему, т. е. его брату и т. д. Отсюда местничество, охранявшее родовые места. На Западе общество состояло из личностей, зависивших только от своей корпорации: рыцари, купцы, горожане, ремесленники. Родовых связей не было. Были связи корпоративные. Рыцарь был совсем свободный человек.

В поле съезжаются, родством не считаются. Значит, счеты отношений людей между собою стояли на родстве. Род господствовал как идея общества-мира, где господствовали старейшие.

Переяславский собор[7]. Вид его внушает какое-то почтение к его формам. Видимо, что архитектурное создание было прочувствовано во всех своих размерах или пропорциях и выразило свою думу и душу о создании храма, свое понятие о его красоте, так что оно явилось своего рода художественным созданием. Такое же впечатление на меня производили степные громадные курганы, особенно Чертомлыцкий, впечатление почтительное, внушительное, как какое-либо произведение, создание самой природы, вроде Крымского мыса Айи у Балаклавы. И как игрушечные представляются почти все церкви, строенные впоследствии, за исключением архитектуры времен Василия Блаженного или первой половины XVI столетия, в которой также выражались дума и душа строителей, самобытная дума.

По поводу Милюкова «Очерки культуры»[8]. Вопреки его поверхностным рассуждениям: Государство создавал народ и всегда указывал государю, что надо было делать для государственности. Посадские Москвы учили царя, чтобы Москва стала городом (при царе Алексее). И везде мы видим, что государственное в государстве строилось взаимными усилиями правительства и народа. Царь и народ вместе заодно строили здание государства, и можно сказать, что без народа (наука, требования) царь и не двигался к постройке. То посад, то помещики челом били, просили устроить то или другое дело в государственных целях. Надо сличать, например, статьи Уложения с теми челобитьями, которые вынуждали к составлению статьи. Обуздание произвола сильных людей — вот в чем главное, заключались просьбы народа, к которому должно причислять и помещиков как владеющее земство. Государство постоянно шло позади народных требований и только закрепляло их в закон.

По словам Милюкова выходит, что московские князья создали государство одни, для обороны земли, а этой обороны всегда требовал народ, общее мнение, если не называть его общественным мнением. История

Москвы есть история создания постройки государства, в котором и в которой участвовали все, духовенство и, главное, народ — посад и помещик, т. е. воин.

Некрасова стихи т. 9, стр. 44. «На улице». Писано так, как писали при Екатерине, и сюжеты, и размер стиха тот же. См. (Разскащин?) и др. Таковы песни 405 и далее. Чернит сильно помещиков, стр. 84, 85 и т. п. Его Муза — бабы и радости мужиков. Помещики свирепые. Вообще, павший народ, женщины, страдальны, терпенье народа.

«Вопросы философии». 1897 г. Май-июнь. Понятие о боге[9].

Ходьба вокруг да около Абсолютной субстанции. Как просто все объясняется стихами Державина. Мое создание — ты, Создатель, а философы потеют над субстанцией, стараются определить и выяснить религию философскими мыслями и приходят все-таки к путанице понятий. Стр. 402, 403 — личность. Эгоизм и саможертвование. Яснее надо понимать, что эгоизм — индивидуальный закон, альтруизм — друголюбие и приношение себя в жертву для общего — есть закон сохранения рода. Борьба единицы человека с требованием его рода. Отсюда нравственность.

Бог есть любовь. Вот начало новой религии, которая и без понятия о Боге может устроить человеческий мир вполне нравственно. Теперь Бог почитается как узда для греха, злодейства и безнравственности. Но любовь — вот настоящая сила, способная охранить человечество от всякого греха.

Книга: Нравственное состояние в XVI столетии Преображенского[10]. С либеральнейшей точки зрения все осудил. Но не заметил главного, что народ веровал, отличался горячею верою во все, были ли то Христовы правила или остатки язычества. От горячей веры во все народилось великое Суеверие, которое отделить от веры и невозможно. Вместе с тем народилось великое Суесвятство. Народ сердечно веровал неразумною, но горячею Верою, а разумность Веры есть уже Рационализм, т. е. начало рассудка, а не Веры. Этого в народе не было. Вера, от нее суеверие и суесвятство — от которого и до сего дня не свободна православная вера. Народ веровал безрассудно. Он веровал чувством, а не умом. Как скоро ум начинал действовать, так тотчас являлись секты, толки. Все это приводило к печальным последствиям. К тому, что народ жил безнравственно, как доказывает Преображенский.

«Новое время». 1898 г. 23 ноября. №8169. О «Гамлете» Суворина. Изображение Гамлета на сцене. Каждая национальность это делает по своему характеру. Мочалов играл русского Гамлета, «протестующего человека, полного скорби, великих страданий и великой души, которая то изнывала, то предавалась громоносным порывам»... «Мы, русские любили Гамлета протестующего против лжи, лицемерия, разврата, против всякой неправды. Мы любили Гамлета, в самом себе бичующего свои слабости, мы любим Гамлета, наказывающего преступление, хотя и ценою собственной жизни. Для нас Гамлет, прежде всего, благородный человек и человеч-

ный мыслитель. Мы почти забываем в нем нерешительного человека, много рассуждающего. Мы любим, чтобы даже эти рассуждения говорились им страстно с большою нервностью.» Заметки правдивые, они выведены из игры Мочалова, который в «Гамлете» был именно таков же, но надо сказать, что и в других пьесах он бывал таков, повсюду благородный человек.

Что такое искусство? Это творчество человеческой природы, творчество человека. Оно составляет воплощение мысли и чувства человека в образах и формах материальных (живопись, скульптура, архитектура) и словесных — духовных, и звуковых — музыкальных.

Что значит слово художник? Его история в древнем языке. Хитрец, самый бог именуется хитрецом, т. е. художником. Творить, сотворить значит воплотить мысль, чувство в образ, дать мысли, чувству ту или иную форму.

Искусство творит красоту. Во всяком изделии человека он стремится сотворить именно красоту. Красота неотступный идеал всякого изделия и художества. Но понятие о красоте различно. Лубочная картинка вызывает в простом неразвитом человеке ту же красоту, т. е. совокупность красок.

Красота, краска, красный цвет вообще есть цветность, что так любила старина. Прекрасный, украшенный, раскрашенный.

1899 г.

16 февраля. Вторник. Был на вечере у великого князя. Все льстило моему самолюбию. Приветствия знакомых и не знакомых, особенно от великого князя, который долго со мной беседовал о купленной им для музея коллекции древних крестов и монет, о том, что он приобрел себе Строгановы иконы, для осмотра их велел мне придти в субботу 20 февраля.

20 февраля. Суббота. Явился в 11 часов по назначению. Большой прием, но граф, князь Юсупов Сумароков-Эльстон[1] как начался прием, подошел ко мне и предупредил,что великий князь велел мне подождать минуточку пока проведут доклады. Минуточка продолжалась полчаса. Принял. Показал чудные иконы и начали болтать обо всем. Насчет приобретенных икон заметил, что де говорят (а это я говорил), что я все приобретаю для себя. «Да! Я после моей смерти отдам иконы и монеты моего собрания в музей.» Он так говорил, чтобы успокоить мой злой язык. Это я хорошо намотал себе на ус. Я от музея благодарил его за купленные им крестик и монеты. Потом говорили и об архидиаконе Алепском Муркоса[2], о новых приобретениях музея, о молоточке Андрея Боголюбского. Я примолвил, что хотя он и очень дорого обошелся, но теперь надо всячески ловить в свои руки подобные памятники. О пищали Катырева-Ростовского[3]. Очень, очень любезно, ласково он принимал меня, прощаясь, сказал, чтоб главное я был здоров. Уж я боюсь, нет ли тут какого обмана. Бывает.

24 февраля. Среда. Был у меня в музее Стасюлевич. В 6 1/2 обедал у А. В. Станкевича. Были Чичерин с женою, Ф. Корш, Черинов.

1 марта. Понедельник. Был в музее великий князь от трех до 4 1/4. Ходил по всем залам наверху и внизу. Очень любезен. Настаивал, чтобы были открыты залы Владимирский и Суздальский. Смотрел и картины Коровина.

29 сентября. Я заболел печенью.

7 ноября. Сидела у меня княгиня С. А. Щербатова, навещая больного. За ней прислали с вестью, что приехала княгиня Юсупова[4]. Она тотчас ушла.

8 ноября. Пришел князь Николай Сергеевич и между прочим сказал, что великий князь поручил княгине Юсуповой справиться о моем здоровье, т. к. она была у него и должна быть у него опять. Княгиня Юсупова при этом просила напомнить мне о розысках о ее доме.[5]

10 ноября. Был у меня К. Т. Солдатенков. Сидел часа 1 1/2.

12. Великий князь с великою княгиней были на выставке акварелей[6] в музее, осматривали Владимирскую, Суздальскую, Московскую, Грозненскую залы.

Болезнь. Камни в печени. После самого малого легкого завтрака, через час или два боль между ложечкой и печенью, где желчный пузырь. Потом боли страшнейшие в том же месте, захватывающие дыхание, рвота невыносимая одною слюною. Начинают утихать. Лихорадка — трепалка, за нею жар и бред. Мысли ясные, а слова для них не даются, не выговорить того, что мыслишь. Завиранье. Необыкновенная слабость. Моча кровяная, цвет кофея, дня четыре и более. Так три раза принимал болезнь в течение трех недель. Начинаю поправляться — снова припадки. Теперь 26 ноября, чувствую себя более сильным, но все-таки болезненно.

1900 г.

1 января. Иван Владимирович Цветаев прислал свою речь.

2 января. Явился неожиданно Платонов Сергей Федорович[1]. Известил, что Данилов ему намекал, что летом может приехать в Москву наследник для обозрения оной.

5 числа. Уж очень неожиданно явился Владимир Васильевич Стасов[2], наговоривший мне великих комплиментов и забрызгавший мне глаза своим разговором. Сидел больше часу. Просил мой портрет в Императорскую Публичную библиотеку. Точно я разговаривал с самим Иваном Александровичем.

6. От Симони[3] получил его «Пословицы».

14 января. Пятница. Пришел великий князь с великою княгиней в кабинет, видимо, что прямо навестить меня. Был очень любезен. При нем были М. П. Степанов, Гадон и еще какой-то адъютант.

После того я говорил с князем Николаем Сергеевичем о деньгах для печатания каталога и описания рукописей, говорит: «Деньги есть.» Я просил Сизова заняться приготовлением нового издания каталога и сам вызвался написать фельетонный путеводитель. Орешников говорит о сокращении каталога.

23 февраля. Был полковник Преображенского полка Комаров с иконами. Выбирают для поднесения великому князю Константину Константиновичу на прощанье с ним. Иконы от Силина[4], Алексеева. Большая — Преображение, XV в., изрядна, но лики подправлены. Полковник явился по указанию великого князя Сергея Александровича, сказавши ему, что Забелин единственный знаток, отличит подделку, я ему только и доверяю.

Сентябрь. В «Новостях дня» напечатана статейка о моем 80 юбилее, о коем не было помину.

12 сентября. Часа в 4 явился репортер от «Русского Листка» тоже о юбилее спрашивать, когда, где родился и пр.

17 сентября. Воскресенье. Первый поздравил из Нижнего Сперанский[5] телеграммой, 2-ой — Михаил Петрович Степанов, наговоривший мне много любезного. 3 — Сизов Вл. И. 4 — Щепкин Вячеслав, письмом. 5 — Большаков Серг. Тих., письмом. 6 — Лопатин Мих. Ник.[6], думавший, что у меня большое собрание. 7 — в 10-м часу вечера великий князь Сергей, телеграммой. 8 — Милорадович[7]. Полтава. Телеграмма в 10 часов вечера. 9 — Кологривов[8] из Обираловки, 10 час. вечера. 10. Булатова[9] телеграмма.

4 ноября. Был В. Т. Георгиевский, и, между прочим, рассказал, как он достал покров на Никиту Переяславского[10], шитый царицею Анастасией Романовой[11]. В ризнице Никитского монастыря[12], где-то в углу высовывалась тряпица. Спрашивает: «Что это?» «Это ветошь». Вытаскивают. Он просит отдать ему. После разговора отдают. Так приобретен и наш воздух Констант(?).

Думал о втором издании 1-ю тома Истории жизни. Надо вместо предисловия написать статью «Разговор в царстве мертвых», как Рюрик, Синеус и Трувор разговаривают с историками-немцами.

Забыл записать, как явились ко мне в один и тот же день Славянская[13], спрашивать (о чем не помню) и А. А. Милорадович только видеть меня и кланяться мне. Наговорили целый короб похвал и любезностей.

6 ноября. От Симони получил его «Пословицы».

13 декабря. С 13 ноября и до сего дня болел подагрой, еще не прошла. Сегодня был Крылов Виктор, какую-то драму писал о Петре и предложил мне прочесть ее, хотел прислать.

1901 г.

1 марта. Просили зал для выставки Гоголя и Жуковского в 1902 году с 1 февраля по 1 мая.[1]

18 декабря. Был у Б. Н. Чичерина. Он в параличе. Совсем иной Чичерин. Однако, говорил со мной, но очень не внятно. Грустно, грустно.

1902 г.

Ноября 5. Был преосвященный Парфений[1] в музее, просил, чтобы я прочел рабочим лекцию о русском искусстве. Я отказался по старости. Великий князь заметил ему, что я откажусь.

Тогда же был и П. И. Бартенев, просил статьи и материалы для «Русского архива».

1903 г.

7 января. Приходил сотрудник «Русского Листка» Александр Петрович Волков, спрашивал мою биографию и взял портрет по тому случаю, будто мой юбилей 13 января, как пишут газеты. Я его разуверил. Однако из Симбирска Поливанов прислал телеграмму с поздравлениями. Я ответил: Благодарю.

19 января. Воскресенье. Пришли костромской городской голова Геннадий Николаевич Ботников[1] и Николай Константинович Кашин, просили о замышляемом ими памятнике царя Михаила Федоровича[2], говоря, что избирают для этого только меня да Васнецова[3], как мы решим, так и будет.

3 февраля. Понедельник. Пришел Виктор Михайлович Васнецов по сему же делу. Он говорил об обширнейшем своем проекте памятника. Я экономно предложил статую молодого избранника под царским местом Грозного, что в соборе. Он — всю русскую историю с Рюрика в 16 картинах-барельефах, чтобы было 16 человек, способствовавших созданию государства. При этом две статуи: Минин пеший, и Пожарский на коне. В барельефе — мать и отец. Статуя царя в царском одеянии. Все до крайности широко и широко, и трудно выполнимо.

3 апреля. Четверг. Приходил от А. С. Суворина сотрудник «Нового Времени», Беляев за моим портретом и взял оный. Он написал фельетон, коснулся и своего прихода ко мне.

9 апреля. После Дворянского завтрака прибыла к нам княгиня С. А. Щербатова с вестью, что много говорила с государем, что государь выразил желание получить от меня «Историю Москвы», так я понял из ее передачи разговора. О шпоре она сказала, что я именно желаю сохранить ее в музее, как памятник народной тесноты. По-видимому, государя это покоробило. Он скромно выражал, что это неудобно. Княгиня настаивала. Он согласился держать ее в запасных залах. Княгиня начала с того, что, если это не легенда. Он ответил, что шпора цела, прибита к сапогу. Княгиня: «Подайте, ваше величество, и сапог.» Таков ее рассказ. А по

какому поводу попала в ее разговор моя «История Москвы», я не понял и ее рассказ об этом забыл.

10 апреля. Четверг. Пришел князь Н. С. Щербатов с вестью, что он представлялся государю, и в продолжительном разговоре государь будто бы послал мне нижайший поклон и желание иметь мою «Историю», которую будто и наследник пожелал иметь. Все это как будто неправда.

Шпора государя императора, потерянная его величеством от многонародной тесноты у Никольских ворот, когда их величества и их высочества во время прогулки по кремлевским стенам 3 апреля обходили башню Никольских ворот по Сенатской площади. Доставлена в музей 16 апреля 1903 г. княгиней Софьей Александровной Щербатовой, получившей шпору непосредственно от его величества по ее ходатайству, как исторический памятник «тесной близости царя с народом», но с высочайше одобренным условием хранить этот памятник в запасе[4].

«Его императорскому высочеству в. к. Сергею Александровичу. Императорский Российский Исторический музей имени Александра III почтительнейше приносит Вашему императорскому Высочеству глубочайшую благодарность за милостивый перевод в Москву капитана Городцова[5], обладающего выдающимися специальными познаниями и опытностью в археологии и потому назначаемого на должность младшего хранителя музея.

т. с. Забелин. 2 ноября 1903 г.»

9 декабря. Приходили костромской голова и гласный по поводу памятника Михаилу Федоровичу. Сказывали, что были у великого князя и говорили ему, что поручили это дело проектировать В. М. Васнецову и мне, и что великий князь неоднократно похвалил их будто бы за то, что они обратились именно ко мне.

1904 г.

1 января. Четверг. Был Иван Михайлович Булатов, принес приятную весть, что он поступил на службу в Императорский фарфоровый завод, что там сделана из фарфора чертомлыцкая ваза. Я просил устроить дело, чтобы таковую сделали и для музея.[1]

В 6 часов вечера получил очень любезную телеграмму от великого князя.

3 января. Суббота. Муркос явился с большою любезности и принес варенья стаканчик из Дамаска.

4. Воскресенье. Пришел А. В. Орешников с Новым годом и с благодарностью, что его произвели в коллежские асессоры.

9. Пятница. Была Софья Андреевна, графиня Толстая, супруга Льва Николаевича с просьбою дать ей место в музее для архива Льва Николаевича и его вещей вроде музея Дашковского. Конечно, наш музей очень рад[2].

29 марта. Был Иван Михайлович Булатов.

30 марта. Утром в 11 часов пришел Виктор Михайлович Васнецов с мотивом, что открывает выставку своего «Страшного Суда»[3]. Поговорили о направлении русского искусства на старые его начала.

В пятом часу появился у меня Петр Иванович Бартенев. Говорил, что Подписка на его «Архив» падает, всего 800 [человек]* просили статьи.

В ученой литературе по предмету русской и славянской древности существуют две друг другу весьма противоположные точки зрения. Одна, по преимуществу немецкая ученость, смотрит на славянское племя вообще довольно низменно, как на племя, занявшее место в истории уже в новые времена, иные твердят до сих пор, что это случилось не ранее пятого или шестого столетия после Рождества Христова. В это время европейские народности уже расцветали историческими силами, а славянство еще впервые заявляло своим именем в Истории о своем существовании, к тому же ничего показного в этом существовании не появлялось, а потому западная ученость стала взирать на славянство вообще как на очень слабого и по культуре очень дикого члена Европейской исгории. Эти понятия очень ярко выразились во взгляде немецкой учености на русское славянство.

1905 г.

Революция. Бюро — резолюции — петиции — делегаты — депутаты — кадры. Квалификации. Функции. Функционировать. Квалифицировать. Провокатор.

76 и более приходских попов попали в революционную ловушку, на удочку христианской любви, всепрощения, братства и т. п. и напечатали свои имена в революционной жидовской газете «Русское слово». Очень глупо сделал митрополит, напечатавший в той же газете свое оправдание, глупое, неуместное. Так в мутной революционной воде уловлена священническая рыба. Позор неизгладимый. Попы наравне с рабочими подняли бунт против начальства.

«Новое время». 6 января 1905 г. №10709.

«Киевский профессор психиатр Сикорский взволновал провинциальную печать своим утверждением, будто русская революция является результатом психопатологического процесса и общественной дегенерации. Это своего рода массовая истерия, имеющая сходство с кликушеством.» Тысячу раз прав почтенный психиатр. Если посмотреть с высоты птичьего полета на все эти события, подвиги, поступки революционного освободительного движения, собрать все телеграммы, корреспонденции, особенно речи ораторов, передовые статьи жидовствующих и прямо жидовских газет, а вместе с тем и литературные упражнения и в прозе и в стихах, если все это внимательно обозреть, то каждому здравомыслящему чело-

---

* Вставка редактора.

веку само собою раскроется та истина, что, действительно, революционная Русь сердечно, душевно и умственно очень болеет.

4 февраля. В 4 часа и 46 минут взрыв бомбы, убит великий князь Сергей Александрович. Ужас. Онемели руки и ноги.

14 февраля. Утром слух.

2 марта. Слух: Государь болен. Наследника маленького чуть не отравили. Убийца студент Иван Каляев[1] учился в Варшавской гимназии, поступил в Московский университет 1897—1898 гг. Сотрудничал в «Курьере», знает польский язык. «Новое время». №10443.

«Новое время». 1905 г. 1 мая. №10473. Настасья Евгеньевна Тройницкая с семьей извещает, что 27 апреля после долгой и тяжкой болезни скончался в Ярославле отец ея Евгений Иванович Якушкин и погребен 30 апреля в селе Марьинском, Нерехтского уезда. Костромской губернии. В девятый день, 5 сего мая будет отслужена панихида в Сергеевском соборе в 12 часов дня. В этом же номере и некролог.

Июнь 1905 года. Россия на смертном одре!

В каждом номере газет всяких направлений, особенно в газетах жидовского направления, в одних читают уже отходную, а в других поспешно служат панихиды по умершей, и читатель, перевертывая страницы со множеством подтасованных телеграмм о забастовках, убийствах, пожарах и т. д. с приложением животрепещущих повестушек и подходящих анекдотов о жизненных безобразиях умирающей, о карикатурном ничтожестве ее существования, читатель, повторяю, терпеливо просматривая эти ужасы и всякого рода издевательства над умирающей, невольно приходит в полнейшее отчаяние, как это засвидетельствовал читатель «Русских ведомостей», их радетель и поклонник А. В. Орешников.

Россия на смертном одре! Громко раздается во всем газетном мире за долами и горами, за морями и океанами, во всех больших и малых городах.

Не надо обладать собачьим чутьем, чтобы достоверно узнать, почувствовать, увидеть, что весь этот всемирный гвалт воспроизведен и ежеминутно воспроизводится жидовским всемирным кагалом, всемирным жидовским заговором против России, в котором с усердием участвуют и русские пошляки всякого рода. Теперь об этом существуют только косвенные свидетельства, но настанет Суд истории, которая прямо скажет свое правдивое слово. Вечный жид будет обличен в своих бесчеловечных интригах.

Русская история помнит не одно нашествие на Русскую землю иноплеменных. Было нашествие печенегов, половцев,татар, поляков, европейцев в числе 20 языков под предводительством просвещенных французов. Теперь революционное видим нашествие евреев, хотящих подобно татарам поработить себе всю землю, владычествовать над нею из конца в конец, с какою целью они и выставляют русский народ как самый негодный из негодных, представляют Европе и всему миру, во всех видах эту негод-

ность, а себя выдвигают как единственное культурное племя, способное осчастливить землю своею интеллигентною силою. Уже теперь Святая Русь уподобилась больному Льву из крыловской басни, которого без боязни ругают все и всякие Ослы, приговаривая с злорадством: Чего, робяты, пускай ослиные копыта знает.

Каждый номер жидовских и жидовствующих газет с горячим старанием сочиняет картинки народного быта, унижающие русского человека, представляемого в скотообразном виде. Или под именем бюрократии чернят всякими черными красками существующую жизнь.

Идет несчастливая тягостная война и ни откуда в газетах ни слова одобрения, помощи. Напротив, все взапуски трактуют общие беспорядки в армии, во флоте и повсюду наводят уныние, страх и отчаяние («Русские ведомости». Свидетель Орешников). В соответствии и сравнении излагают торжество Японии во всех подробностях.

Сентябрь, октябрь, ноябрь 1905 г. Прежде всех забастовало само Самодержавие, устранив от себя должные репрессии, т. е. практическое обуздание начавшегося буйства и убийства высоко поставленных лиц.

Затем, по примеру Самодержавия стала водворяться Забастовка повсюду. Бастуют даже кухарки вместе с Св. Синодом и малолетними детьми. Все не просят, а назойливо **требуют** улучшение своего быта, причем требуют уменьшения часов работы, а за это и увеличение рабочей платы или жалованья, и все это требуют исполнить **немедленно.** Требуют ввести демократическую Республику тоже немедленно. Читая рассуждения и резолюции о политических вопросах, поражаешься слабоумием, вер хоглядством не только юношей, но и почтенных старцев. Все как бы желают отличиться либеральнейшими мнениями. Все рассуждают, и старцы как 17- или 18-летние гимназисты, узнавшие кой что из политики. Правду иные говорят, что вся Русь теперь представляет дом сумасшедших. Таковы все кровавые дела в Кронштадте, Владивостоке, в Севастополе. Поневоле скажешь, что это эпидемия вроде чумы или холеры[2].

Общий характер болезни — свобода, т. е. буйство, бунт, неповиновение начальству и всякая необузданность. Зверь выскочил из клетки, широко почувствовал свободу и начал куролесить. Уж на что должны быть смиренными, смирными священники, но и те взбунтовались против митрополита за его поучение. Более 80 попов попали в революционную ловушку и объявились теми же революционерами. («Русские ведомости». 20 окт. 1905 г. №275). Они также почуяли свободу без начальства.

Объяснить происхождении революции или всеобщего бунта. Либеральные идеи стали водворяться у нас еще в половине XVIII столетия под влиянием французской литературы. Вольтеровы времена. Появились вольнодумцы, т. е. вольтерьянцы. Либеральные идеи уже значительно чувствуются в сатирических журнальцах, возникших при Екатерине II, по ее благословению. «Живописец». Радищев. Затем следует либеральное время Александра I. При Николае I наступает реакция. Но литература пи-

щит все-таки в либеральном направлении. В существе дела — это выражение оппозиции, вылазки против правительства.

Взбунтовалась вся наша Россия, Николая трон трещит. Никола ять наш дурак. Не поймать его никак. Горе, горе царю глупому. Горе, горе графу Витеву[3]. Развели вы революцию. Разожгли. Взбунтовали вы народ. Православная Россия Не вспомянет вас добром. (Литературные упражнения и в прозе и в стихах).

Несчастная Русь принуждена воевать с Японией, Америкою, и дома с жидовскою революцией. А хунгузы, коварные китайцы и все еврейские газеты Европы и Америки! Оказывается, что Русь воюет со всем миром, на нее нападают и преследуют ее, всячески стараясь ослабить и даже уничтожить как негодную ветошь.

Всяческое мало-мальски патриотическое настроение или действие толпы, враждебной радикалам революции немедленно осмеивается или обругивается Черною сотней.

Газеты старательно пользуются всяким случаем, чтобы привести все русское в омерзение. Вся Русь, ее история, а тем паче современный быт изображаются в самых отвратительных картинах. Это своего рода всеобщее покаяние, самообличение во всяческих грехах, которых по большей части не существовало и не существует. Лев Толстой, Горький, Андреев, Меншиков и пр. чего-чего не придумали, чтобы выразить всю гадость русского бытия, как можно ярче, как можно омерзительней.[4]

«Государь! В настоящие, тягостные для России дни — к Тебе обращена мысль Московского Дворянства. Оно чует, чем болеет Твое русское сердце, какою заботою полны Твои царственные думы.

Да, Государь, тяжелое испытание, ниспосланное Всевышним Тебе и России.

Война, война трудная, еще небывалая по своему упорству, приковала к себе все силы государства. Желанного исхода ея еще не видно. А между тем внутренняя смута расшатывает общество и волнует народ.

Будем ли, однако, смущаясь военной угрозой, малодушно помышлять о немедленном прекращении войны, возможном лишь ценою тяжелых утрат и политического унижения России.

С Тобою вместе, Государь, мы верим, что доблестные войска наши, руководимые испытанным вождем, достигнут желанной победы и завоюют России мир, почетный и прочный.

Ныне ли в столь тяжелую пору, думать о каком-либо коренном преобразовании государственного строя России. Пусть минует военная гроза, пусть уляжется смута, тогда, направляемая державною десницею Твоей, Россия найдет пути для надежного устроения своей внутренней жизни на завещанных нам нашей историей началах единения Самодержавия Царя с землей.

Царствуй в сознании своей силы. Самодержавный Государь. В полноте твоей власти — сила и надежда русского народа, в доверии к ней — его

единство. И, в непристанных заботах о благе Росии, верь в преданность Тебе старого служилого сословия Русской земли».[5]

Вполне согласен. И. 3. Изложено прекрасно.[6]

1907 г.

«Новое время». Февраль 1907 г. №11096. «Л. Н. Толстой слышнее всех говорил, что патриотизм вредное, низкое, дурное чувство, которое надо не воспитывать в людях, а всячески подавлять, что люди, исповедующие патриотизм, лгуны и подлецы», что они это делают «ради своих корыстных целей, начиная с королей и кончая писателями, художниками, чиновниками, учителями и т. д.».

Это пишет сын его, Лев Львович Толстой[1] в статье «Что такое патриотизм?», защищая патриотизм.

«Новое время». №11137. Меншиков[2]: «В русской Думе нет русской мысли. Представительство громадной нации есть в сущности только медиум, при посредстве которого говорит еврейское внушение, еврейский ум, еврейская мораль... На сырых мозгах не слишком даровитой и плохо образованной русской молодежи отпечаталась еврейская газета, эта истинная печать Антихриста, втихомолку давно пришедшего и овладевающего христианством... Наше правительство, кроме других невольных измен своему народу, совершило колоссальное предательство задолго до того, как собран парламент, власть наша предоставила образованное общество и народ обработке еврейской прессы. Целые десятилетия длится эта обработка, и в результате мы видим как бы подмену русской души... Душа наших отцов и дедов была не та, что теперь. Психология была не та. У души русской было какое-то другое содержание, другой стиль. До еврейской прессы (она появилась полвека тому назад) бывали чуждые влияния, но арийских, нам родственных рас, влияния племен, тысячу лет воспитанных в христианстве.

...Стихийная душа, дух народный. Для слабых характеров дух народный заменяет характер. Для слабых умов он дает стихийный ум. Он возмещает недостаток воли и чувства, он есть то таинственное существо, которое греки звали гением. Теперь, побывав несколько дней среди представителей народных, особенно остро чувствуешь, как гений русский как будто отлетел. Исчез наш собирательный ум, наш древний здравый смысл, который когда-то составлял русскую гордость... Поляки безмозглые потому, что раньше были обработаны чужой и в значительной степени еврейской мыслью. Пришел, очевидно, и наш черед!!!»

Иван IV. Николай II: Свирепость. Благодушие.

Их жертвы по числу и качеству.

Самое вредное животное в России — это адвокатура. Оно извращает нравственные и всякие другие здравые понятия. Оно съедает здравый смысл и развращает народ до глубины души.

Самое пакостное и вреднейшее насекомое в России — это жидовство, жиды-клопы высасывают русскую кровь.

Самое глупое, бездарное политическое существо в России — это российская интеллигенция, т. е. умная сила, как переводили это слово в начале XIX столетия. Это действительно сила, но безумная, порабощенная жидовством. Она отчаянно теперь воюет с правительством, которое состоит из той же интеллигенции и потому также глупо и бездарно сопротивляется этому нашествию безумных людей. Идет беспардонная междуусобная война, разорительная и развратительная.[3]

Самая отвратительная и губительная гадина в России — это жидовская печать.

Что такое литература. Это словесное выражение и изображение человеческих мыслей, познаний, мнений, понятий, идей и чувствований. Мне думается, что это тот же весенний птичий хор, воспевающий, поющий главным образом любовь, столько же духовную, сколько и плотскую, воспевающий и радости и печали все той же бесконечной любви, как это творится и в романах, и в повестях человека, в этих тоже весенних его песнях.

Культурность — воспитанность того или иного человека заключается в том, что оный человек начинает размышлять о предметах, которые окружают его дела и его деятельность вообще, все его дела, как бы не были они мелки и ничтожны по своему объему. Это яснее всего отражается на рабочих, на работниках и работницах, стоящих у домашних дел. Кухарка, горничная, ремесленник. Например, обить диван новою материей можно размышляя о красе, вполне хорошо, не поставивши в обойку какого-либо изъяна в материи, т. е. размышляя, как лучше. И можно не размышляя о том, пустить в обойку и изъяны, замаранную полосу. В первом случае человек обозначает, выражает свою культурность, во втором выражает полнейшую неразвитость мозга, т. е. мысли. Или горничная, убирая комнаты, может все делать кой-как, как с рук сойдет, оставляя местами сор на полу, протирая стекла кой-как, оставляя мазки повсюду, делая все небрежно, лишь бы с рук сошло, как и у ремесленника столяра, плотника, слесаря. Нет никакой заботы о том, чтобы сделать чисто, добросовестно. Авось небось с рук сойдет. Как во всем этом отличается русский от европейца. Здесь-то и обнаруживается полная наша неразвитость, т. е. отсутствие мысли, соображающей как лучше. В Куркине, в избе, где живут три болвана, каждому свыше 30 лет, нет удобной скамьи для сиденья, не на чем сидеть.

Религия есть чувство природы, которое по временам, когда стихии наводят ужас, бывает исполнено страха и ужаса, но чаще всего оно исполнено самой горячей любви и благодарности, когда Природа является человеку заботливою и щедрою матерью.

Была засуха, прошел дождь, были беспрерывные дожди, появилось солнышко и т. д. Все такие перемены возбуждают чувство благодарности, и человек благоговейно благодарит. Кого? По Человечеству он благодарит Лицо — Творца полученного, поданного благодеяния, потому что человек иначе и понять не может. По себе судя, он на всякое явление природы смотрит как на личное творчество. Как благодарить саму Природу? Это отвлеченность непостижимая, несуществующая как лицо. А человек, по себе судя, может постигать повсюду творчество личности.

Природа наделила человеческий род фантазией, или сказать по-русски воображением, творческою силою, которая в человеке действует ежеминутно, претворяя все до него касающееся в более или менее живые образы. Только через образ он и способен понять весь окружающий мир, конечно, в пределах человеческой сущности, в кругу человеческого бытия, человеческой природы. Весь мир он понимает, как человека, т. е. по человечески и потому олицетворяет все идеи в человеческом образе. Воображая, он все очеловечивает. Небо он понял отцом, следовательно, человеком. Землю — матерью, тоже человеком.

1908 г.

22 декабря[1]. Члены: Самохвалову, Бурылину[2], Васнецову, Сперанскому, Лихачеву[3], Спицыну[4], Веселовскому[5], Латышеву[6] для передачи.

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

50-е годы

Изучение внутреннего быта должно предшествовать изучению внешнего. Этим мы убережемся от ложных представлений, которые теперь господствуют в истории и доставляют столько труда и тяжких соображений и розысканий исследователям. Между тем, дело простое и ясное. Чтобы узнать истинное значение деятельности какого-либо человека в отдельности, мы должны проникнуть в его колыбель, узнать его воспитание, характеры окружающих его людей, дать характеристику места, где он жил. Узнавши все это, тогда только мы и можем делать более верные приговоры о его деяниях. Так и в истории. Мы должны узнать прежде всего внутренний быт народа во всех его частностях, тогда события и громкие и незаметные оценены будут несравненно вернее, ближе к истине. При настоящем же положении науки этого не только не достигают, но даже извращают все представления, потому что для жизни всякого народа, кроме характерных красок, существуют еще общие черты, общие линии, которые теперь и господствуют. Какое, например, различие, если я буду описывать деяния Олега такими же почти словами, как деяния Петра I или Иоанна III. Нужно чтоб каждое описание известных событий имело свойственные этим событиям краски, свойственный им запах. На пример, ландшафт северной природы и ландшафт южной различить можно не по одной только растительности или собственно по виду местности но и по освещению, по характеру или существу воздуха, цвету неба и т. п

Язык, слово — орудие мысли. Не одни ложные истины или учения извращают народный смысл, понятие, верование, вкус и пр. Самые слова которыми говорит народ или говорят с ним, в этом случае вредят, может быть, еще более. Впрочем, в древнейшем языке этого не встречается, так каждое слово всегда выражало истину того, что им обозначали. Смеше-

ние языка произошло от грамотности и от сочинителей, которые стали облекать новые мысли в старые слова или наоборот старые мысли в новые слова. В истории язык еще более приносит вреда, и там каждое слово нужно употреблять с величайшею осторожностию.

Явления, управляющие ходом событий, источники событий определяются не иначе как разработкою внутреннего быта, исследованиями археологическими. Для истории, как она излагается теперь, весьма трудно, почти невозможно делать такие определения. Занимаясь внешним, одними результатами того внутреннего процесса, который происходит* в среде народной жизни, историк не имеет способов верно обсудить и внешние явления и прибегает для их разъяснений к истории других народов, заимствуя оттуда начала, по коим там шла жизнь и натягивая эти начала на события свои, собственные.

Жизнь, все прекрасное, высокое, вся поэзия чувства была долго подавлена, стянута условиями семейного порядка, в котором жил человек; порядок, к которому он, жена, дочь должна была примеривать свои чувства и движения души, и что находилось, оказывалось лишним — отрезывать, подавлять, заглушать. Вдруг прорывается скопленное. Какая картина! У купеческих сынков известно как делается этот прорыв. Так, без сомнения, он делается у всякого мало развитого человека.

Общественное мнение — убеждение общества в истинности, разумности, законности известного явления в жизни общества. Им определяется нравственность народа, потому что оно состоит из правил, аксиом, пунктов, которые общество сочло за истинные, признало их таковыми. Противоположное сим правило считается безнравственностью. Общественное мнение — сумма, которая состоит из слагаемых. Слагаемые истины, идеи первоначально возникают в умах избранных, в светильниках истины, которые никогда и ни у одного народа не угасают — горят наперекор всем стремлениям ограниченности и невежества затушить их. Высшие умы, раскрывая свойство, сущность человеческого духа нравственного, общественного, указывают массе на зарю истины. В высших умах родятся идеи, которые потом становятся мало-помалу достоянием общества, достоянием каждого лица. Так возникли и распространились и сделались мнением, убеждением, верою христианские идеи. Сначала свет загорелся в немногих избранных умах, затем проник в общество и в возможности объять весь мир человеческий. Но рядом с истиною тем же путем проходят в общественное мнение и ложные идеи или правила, которые общество, однако ж, признает за истинные. Если общество не в состоянии понять и разобрать, что эти правила — ложь, то как же требовать от отдельных лиц, чтоб они понимали их. Но здесь опять являются великие умы, в которых родится свет истины и постоянно распространяется. Иные идеи, истины может быть также далеки от человечества, что потребно много време-

* Над этим словом написано «совершается».

ни, чтоб луч их долетел до человечества и озарил его. Истина зажглась, но действие ее света идет путем естества, как и звездного света. Скоро ли еще человечество увидит эту звезду. Но как скоро оно видит, оно признает ее за действительный факт и сначала большею частию за мечту и даже опасную. Оттого в истории развития человечества важны те сосуды, те светильники, которые охраняли священный огонь и предъявляли его человечеству. История должна помнить их.

Все то безчестно, что унижает человеческое достоинство. Следовательно, честность в настоящем значении этого слова, есть строгое охранение человеческого достоинства, соблюдение его в чистоте. Но обыкновенно честностью считают исполнение известных правил нравственности, существующей в данное время. Считается честным, например, если я не беру взяток, и не считается бесчестным, если я помимо взяток своим влиянием делаю и поступаю с окружающими меня пристрастно, норовя кому-либо более нежели другому, даже хоть во имя знакомства и дружбы.

Для объяснения внутреннего быта народа история в начале своего поприща весьма мало уделяла места и так, между прочим, и притом без всякой связи с повествованием, говорила о том, о сем, т. е. именно о том, что собственно и определяло народный характер, образ народа, физиономию его, национальность. Недавно, со времени Вальтера Скотта стали посвящать этому более. Понятно, что прежде и не могли обращать большего внимания на внутреннюю жизнь. История занималась громкими, гремящими войнами, поражениями и т. п. Но на пути такого повествования встречались часто простые, негромкие события, незначительные лица, имевшие, однако ж, неотразимое влияние на судьбу народов. История склонилась к ним и стала прислушиваться к пульсу внутренней народной жизни. Над археологами посмеивались. Они и были смешны сами по себе, но дело их заключало огромное значение для собственно исторических работ.

Должно отделять языческие верования, совсем уже сложившиеся, принятые за правила, олицетворенные в видимых формах, от возможности язычества, лежащей в каждом необразованном человеке, хотя бы он был и христианин в известном смысле этого слова. В каждом человеке есть сила, элемент — веровать и признавать над собою влияние всего, что он не понимает. На этой силе основывается и язычество. Но сила эта в своем проявлении не есть в строгом смысле язычество, иначе вся первобытная жизнь — язычество.

Посмеиваемся мы над китайцами, над нашими древними боярами, а взгляните на наше светское общество,— какая там духота, теснота. Все в этом согласны, а все смеются над китайцами и в то же время готовы злобно смеяться над всяким нарушителем светского устава, приличий. Все равно, например, придти в шляпе или в шапке, в сюртуке или фраке, был бы чисто одет, не разорван, не замаран.

В древнем нашем обществе общественные и домашние отношения людей были просты, прямы. Ничем особенно не стесняясь, каждый делал так, как чувствовал и думал. Казалось бы, что в изъяснениях любви должно было бы ожидать той же прямоты и простоты. Но, напротив, по этому предмету в то время существовало гораздо более стеснений, рубежей, церемоний, нежели теперь. Женщина на этот раз становилась далеко.

У каждого человека есть струна. Заиграй чувством, убеждением в ее тоне, она отзовется непременно. У одного такая струна настроена на грустный мотив, у другого — на веселый — оттого один любит грустные песни, другой веселые, разгульные, удалые. Струна эта вместе с тем — ядро характера, ею определяется характер, оттеняется, прописывается.

Всякий крепко стоит за истину, разумеется, как понимает ее. Извращенно понимая, он думает, что он прав и готов спорить и биться до смерти.

Человек уж так создан. Он жить не может без того, чтоб не стеснить себя, чтоб не сделать загородок для своего существования, для свободной деятельности своей нравственной стороны, для свободного развития своих природных потребностей.

Религия — продукт известной территории и того народа, который живет под влиянием этой территории. Влияние земли отпечатывается и на верованиях народа, на его взглядах на природу. Потому что религия есть, собственно, воззрение на природу. Какова природа, таково и воззрение, оно в полной зависимости от природы. На основании этого воззрения человек определяет и себя и свои отношения.

В древней Руси сознание было только племенное, сознание племени, как целого, а не сознание общества, поэтому все, что влечет за собою, что требует общество, условия общественные — все это оставалось неразвитым. Например, государственное хозяйство. Полиция. Общественная благотворительность. Племя, как племя, не могло всего этого осознавать, а следовательно, и заводить. Разумеется, и подобные явления существовали, но они существовали как частности.*

Смутное время весьма очевидно раскрыло ту истину, что связь древней Руси была чисто механическая, цементом была только внешняя власть, условие владычества. Когда сила этого владычества умерла, потерялась и связь государства. Оно распалось на составные, хотя уже и обезображенные властью части.

В Смутное время все прошлые, забытые интересы проснулись. Областные силы, подавленные в течение веков властью, проснулись. За недочетом власти наличной явились ложные претендатели-самозванцы. Государство рушилось. Что ж должно было спасти его? Идея. Ибо одни только идеи руководят и спасают народ. Какая же идея спасла Русь? Идея православия, религиозная, где все противоположные интересы откликнулись родственно.

* На полях: «Пути сообщения, водные, дороги».

Все разыскания, вся масса издаваемых материалов и исследований, что имеют целью? Какой конец? Не более не менее, как только представить образ жизни предков, образ их жизни материальной, физической, образ жизни моральной, нравственной, образ понимания своих отношений к природе и к человеку, т. е. образ жизни умственной. Нам нужны общие, основные рамки не только того, что ел, где жил, как одевался древний человек. Но рамки его поступков, происходивших от известного развития, от известной степени развития его сердца и ума, его нравственной и умственной стороны.

Литература народа — есть плод народной мысли, ума, и плод двоякий. Плод мысли, возбуждаемой внешними и внутренними явлениями, разбирающей, силящейся уяснить предметы, их значение — плод мысли химически вырабатываемый из изучения, понимания предметов и плод мысли творческой, мысли (взятой из предмета) и обращаемой в предметы, в живые образы и облики. Можно рассматривать эти два отдела и независимо друг от друга, но тогда не получим исторической достоверности, ибо оба эти отдела взаимодействуют друг на друга.

Следовательно, история литературы есть история мысли. Люди здесь важны как проводники, светочи мысли. Доселе, впрочем, историю литературы ограничивают одними только изящными произведениями. Это несправедливо и делается в ущерб полноте и истине знания. Многие уже чувствуют этот недостаток и вносят в свои исследования, так называемую, историческую точку — всю обстановку известного литератора и его произведений, но и обстановка его все-таки еще ограничивается одними только (словесностью) изящными произведениями, литературными, как говорят. Если принять за основу высказанное положение, то горизонт станет шире. Все, что только извлекает мысль, увлекает, заставляет думать, дает известный порядок мыслям поколения, известную настроенность, тон, мотив — все, что увлекает мысль и заставляет ее творить образы, превращать себя в живые образы. Все, следовательно, и местность и политика, образ жизни, все условия, самые мелкие, но опутывавшие человека в данную эпоху, все это должно стать грунтом при изучении литературных произведений этой эпохи. Вот это будет историческая точка. Рассматривать одну художественную сторону мыслительной деятельности — односторонность, которая не покажет предмета во всей его правде. Мысль творящая и мысль изучающая, извлекающая себя из предметов, тело и душа, живут вместе, составляют организм, называемый литературой. Литература — выражение народа в слове, выражение свойств и сил народного ума и творческой деятельности.

Наша история, да и всякая, может быть безотносительно любопытна и важна только в том случае, когда для разрешения разработки ее, зададим себе следующий вопрос: часть человечества, обитающая на равнинах северо-восточной Европы, что проявила общечеловеческого, что выработала для уяснения человеческого духа, как в ней отразились и примени-

224

лись человеческие свойства? Одним словом, что приобрело общее человеческое разумение о природе и о самом себе от этого племени, называемом Русским. Чем и насколько пополнился общий взгляд человечества на мир и на самое человечество? С этой стороны всякая история любопытна и важна, даже история самоедов, если б она существовала. Потому что предложенный вопрос необходимо обратить: именно как в этой части человечества, в этом племени исказились и погибли все истинные человеческие чувства и стремления? Как человек данной литературы и данной истории извратил свой духовный образ, отчасти и телесный, как он запутался в дичи обстоятельств, созданных кулачным правом и глубоким невежеством. Домашняя история, своя история интересна более по семейным воспоминаниям, как семейная хроника, нисколько не интересная для других или настолько интересная, насколько она изъясняет своими фактами общее в человеке, присущее общему духу человечества.

Ошибка историков в том и состоит, что они уж слишком налегают на изыскания и изображение семейных воспоминаний, часто даже в этом только и видят сущность своего труда.

В чем обыкновенно заключается **история.** В сборе всех добытых фактов о народной жизни. Но каких фактов? Самых внешних. Человек спал, встал, пошел, подрался, разрушил то-то, отнимал или отнял у другого то-то. Вот исторические данные, на которых строится здание истории. Из накопленных так данных делают иногда выводы, которые почти сами уже являются. Таким образом, все наши исторические труды — еще младенческие, построение домиков карточных, которые от первого прикосновения истинно исторической идеи разрушатся. Иные ученые как дети будут плакать и даже драться с представителями* новых идей за эти домики, которые они считали крепкими.

Мы не говорим, что семейная хроника (вроде той, что бабушка вчера выстроила конюшню, отпустила повара, продала овес, ездила в церковь и т. д.) не имеет уже никакого значения. Она имеет значение, но только в применении к общему, но насколько уясняет **общее** в человеке. В таком случае и все сказанные факты будут любопытны и важны. Но хроника для хроники, факт для факта — это нелепо, потому что бесполезно. По справедливости такие данные должно собрать обо всех народах, но их собрать нельзя. Их не записывали. А вот те, которые записывали и оставили летописи, те-то и господствуют в наших познаниях и сведениях.

Отчего приносит нам такое удовольствие детская наивность, простота, открытая ясная природа, в которой все наруже, все наверху, и ничего нет темного, скрытного, потайного, береженого про себя, для других целей.

Приходит на мысль, что такое расположение детской наивности, радость ею, полное удовольствие — происходит от того, что в нас погибло

---

* Над этим словом написано «предчувствователи».

все, чем мы радуемся в детях, погибла простота, прямота чувств и мыслей — мы все замаскированы, и свет есть **маскарад.** Конечно, в быту простолюдина более еще природной наивности — он проще себя ведет, прямее. Говорит то, что чувствует и думает, не выбирая слов, а давая каждому предмету его собственное наименование. Неужели маскирование порождено просвещением. Нет, я полагаю улучшением только быта материального, а не духовного. Наши древние бояре также были **чливы** и лицемерны, как и теперешние бояре; сущность та же, разница в формах. А были ли наши бояре образованны? **Чливость** происходит, стало быть, или является там, где господствует порабощение, и вытекает из понятий о силе и власти. **Падали до ног** может существовать только там, где это требуется владыками мира сего. Ровный с ровными — другое дело — ему и в голову не придет никаких унижений и уничижений пред другими, а если это и бывает теперь, так это заносное с Верху. Уважение существует и почтение, но в истинной его форме, потому что делается истинным заслугам.

Раболепство и лицемерие развивается и растет как и все в природе мира и человека. Настоящее время особенно замечательно изъявлениями чувств, которых никто не имеет, и которые выражают как какие-то чиновнические обязанности. Смешавши и приняв одно за другое, свою служебную обязанность и чувство свободное, изъявляемое по убеждению, общее ругательство и общая лицемерная хвала одному и тому же предмету. Изъяснение чувств — пишется как рапорт о благосостоянии вверенной должности или места.

Задача археологии — воссоздать минувшую действительность во всех подробностях народного быта. Но ведь такая же задача и истории; где границы между тою и другою наукою. Границами, кажется, можно поставить следующее: история занимается народом, как отдельною собирательною личностью, моральною. Для истории народ — лицо — человек.

Предмет археологии — индивидуум — лицо отдельное — человек. Она стремится уяснить себе, как это лицо жило, думало, желало. Задача ее — как жил отдельный человек из народа, известная личность. А задача истории — как жил и развивался **народ.** История рассматривает отдельную жизнь человека в данную эпоху только для пояснения общего народного характера.

История — общее, археология — частное. Там законы общей жизни. Здесь законы, условия частной жизни.

1. Критика «Отечественных Записок». 1853. № 4. 59[1].

Новые требования в Историческом [разделе]* читал изложение — 1). Естественная или физиологическая основа для истории. 2). Задача определить из исторических событий данного времени **существенные черты народного характера.**

---

* Вставка редактора.

Проявление индивидуальности в народе — так сказать, **личный характер народа.** Характер как [проявление]* отдельного лица. Это говорит Кудрявцев[2].

Поэтому личный характер народа — его определение, есть задача истории сего народа, истории частной; так характер целого человечества, законы его развития и духа — есть задача общей истории. Но определение характера отдельного лица в данную эпоху — есть задача археологии. Повторим, археология имеет целью уяснение характера и всей обстановки частной жизни, частных характеров народа. История же стремится уяснить общие черты народного характера. Следовательно, археология есть **глава** истории, часть ее, если излагать ее отдельно. Но она должна излагаться слитно с историческим изложением. Хотя и имеет свою самостоятельную задачу, как и другие отделы исторических наук, например, история философии есть история духа, духовного, умственного и нравственного развития человечества.

Памятники греческого и римского искусства, кроме частного значения для уяснения истории этих народов, имеют всемирное значение, общечеловеческое (архитектура, скульптура); так их литература, наука сделались общим достоянием человечества. Следовательно, эти памятники имеют значение сами по себе, как общее достояние. Так и рассматривала их так называемая археология. Все же то, о чем могли свидетельствовать эти памятники, нравы, обычаи — отвергалось в сторону, как посторонняя, едва нужная вещь. Так ли?

Наши памятники имеют значение как средство узнать прошлое, жизнь минувшую и ни в каком случае не могут быть предметом отдельной науки, а только в связи.

Археология занималась древним классическим искусством. Для чего? Какой конец сего занятия? По-моему, для того, ни больше, ни меньше, как узнать жизнь-быт. Житье-бытье древнего человека. В исследованиях древнего искусства — можно отвлекать общие начала человеческого духа в отношении творчества, т. е. в отношении обнаружения, воплощения, олицетворения добытых разумом, наукою идей. Общие начала для всего человечества, где бы оно ни жило, в какое бы время оно ни жило. Но при исследовании древних искусств есть еще сторона — сторона материальная, подлежащая случайностям места и времени — сторона чисто историческая. Исследуя памятник, мы в эстетическом, художественном отношении отвлекаем положение о ступенях, по коим шел дух творчества и в то же время узнаем как жил народ, при каких условиях развивался. Таким образом, даже в прежнем значении археология узнавала не одну эстетическую сторону человека, но и то, **как он жил в данное время.**

---

* Вставка редактора.

При дальнейшем развитии понятий о сущности истории материалы этого рода (домашний быт) получат еще большее значение. Вникая в современные толки о являющихся исторических трудах о значении истории, можно заметить то недовольство, с которым принимают упомянутые труды. Чего же требуют? Требуют, и законно, — **действительности.** Требуют ее везде, во всех отделах науки, жизни, политики, литературы. Это живое обращение к действительности. Очевидно, теперь перестали уже увлекаться теориями, мечтами. В исторических трудах недовольство обращается и на понимание и на способ работы. История внешней жизни — государственная. Общие места — ничего не дают, ни уму, ни воображению. Под известные и переизвестные рамки внешних сношений, войн, трактатов и т. д. можно подложить любую народность, так они общи и ничего не говорящи. Нам нужен характер народа, характер его на площади исторической, в свете историческом и характер комнатный, домашний. Каждый человек не одинаково живет дома и в обществе, вне дома, за воротами; каждый не одинаково ведет себя, не одинаково относится к ближнему дома и за воротами. Нам нужен характер общественный, площадной и домашний. Поэтому и над стариною нужны такие же наблюдения, какие делал Гоголь над современным нам бытом. Для историка нужен глаз Гоголя, бойкий взгляд, которым он так легко подмечал всю мелочь и тину действительности. С такой точкой зрения на историческое дело понятна будет огромная важность мелочных материалов.

Что такое игрушки, куклы — это действительность в лицах, это статуэтка действительности. Игрушки древние драгоценны, если б они сохранились, но драгоценны и описания их, они незаметно вводят нас в самый тесный круг минувшего.

1855 г.

Записки М(азиловского) дачника. Апрель 1—8.

Привычка к удобству в страшной борьбе с привычкой к разного рода неудобствам помещения. Устройство избы. Непорядок.

Приглашают на обеды, ужины и танцы, а никто не спросит, как ты живешь, откуда деньги достаешь, как ты сшил себе сюртук, сапоги, шинель и пр.

Все мы — промышленники, и дворянин, и купец, и министр, и жулик — все стремимся надуть, обмануть других в свою пользу. Дипломатический разряд, по преимуществу, жулики. Кто калач добывает, кто генеральский чин, кто звезду и т. д. Мы до того невнимательны и не видим своих слабостей и маленьких пороков, воспитывая детей и передавая незаметно им эти слабости (дитя, как воск или губка все сбирает в себя). После, когда наши слабости отразятся в детях, мы их преследуем, сечем, наказываем и т. п. О, сколько человек даром, ни за что ни про что переносит горя и мученья. Ребенок чем виноват, принял бессознательно нашу дурную при-

вычку, а мы, не замечая этой привычки в себе, и замечая ее в ребенке, всячески стараемся преследовать. Например, вскрикивание у меня. Настя стала также вскрикивать и вот ее наказывают.

Удивительное дело эти патриотические статьи в журналах. Пишущие их восхищаются квасом, дегтем, вонью и разными, в сущности, дикими вещами, которые являют русского человека. Истинные достоинства народа непонятны, незнакомы этим глашатаям, народ живет сам по себе и не читает этих похвал непрошенных. Изобразил характер квасного патриота Загоскин[1].

Жизнь — коварная Сирена. Дозволит возможность — купит бутылку вина,— жизнь на даче допустит все это,— сделает потребностью, да потом и откажет в средствах. Говорят, живем не по состоянию. Да как же быть: есть деньги — купи бутылку вина — привычка к этому, а там денег нет.

Срублена ива на дрова. Опять вырастет, между двух изб. Сохрана от пожара.

Как начинается весна, голова моя наполняется совершенно иными идеями, мыслями, соображениями. Воображение рисует иные картины. Меня тянет на природу, и я почти забываю о труде для науки, или труд этот идет вяло, сонно. Мысль не сосредотачивается так, как зимой. Она разбегается среди этого преображения природы.

Зимой человек сосредотачивается в самом себе, в делах политических, интересы живее; настройство и умственное и нравственное восприимчивее. Работа умственная за отсутствием телесной идет живее.

Политика гораздо интереснее зимою нежели летом. Отчего? Оттого, что зимою всюду нужда, а нужда — мать политики.

Мир устроен так, что всякий в нем воин-разбойник, всякий добывает свое благосостояние вооруженною рукою. Оружие разное, разнообразное. Всякий, смотря по среде и обстоятельствам, выдумывает свое. Все достают всё себе силой и коварством. Понятно, что в этом омуте, среди этой беспрерывной драки плохо человеку смирному, определившему себя на основаниях не силы и коварства, а на основании разума, разумно-любовных человеческих отношениях. Его забьют. Ни справедливости, ни малейшего уважения. Он с каждым днем теряет, в нем не признают даже никаких способностей, всякий считает, что обижать этого сироту в нравственном мире имеет право всякий, и что сирота этот даже не имеет чувство, которое бы оскорбилось обиде.

Изложить подробно весь процесс моего развития, как органического существования. Указать, как оно шло, вырастало из каких предметов. Споры, книги. Студенческие беседы, Белинский. Философские стремления как удовлетворялись.

Ломоносов, говорит В. И. Ламанский[2], был страшный монархист. Не потому ли, что обладал крепким здравым смыслом. Смысл требует и любит централизацию. Кто им обладает, тот и понимает его хорошее, отдавая справедливость и худому. Неясность в голове ведет к общине, федерации и т. д., к раздроблению. Ясность — к соединению, к центровке. Костомаров, Бестужев, Ламанский, славянофилы и т. п. Цементирующий элемент здравого смысла, только там и находит для себя ясное, где встречает однородное с собою, с своею натурой. Здравый смысл русских оправдал самодержавие и укрепил его наперекор другим стремлениям.

1856 г.

23 марта. Русское археологическое обозрение.

Статья — изобразить теорию, как должны были жить, домострой, правила, какие передавались духовенством и стариками опытными. Акт. Ист. № 14[1] и другие и изобразить практику. Жизнь как есть.

Археология. Изыскания о минувшем быте начинаются с объяснений памятников вещественных: зодчества, металла; иконы — вообще памятники художеств, а там уже [изыскания]* переходят к исследованиям внутреннего, нравственного и умственного быта.

Памятники древности интересуют нас потому, что с ними связывается, сливается память о человеке. Каждое вековое дерево, каждая скала, каждый камень на мостовой есть памятник древности, ею он для нас и любопытен, он не останавливает нашего внимания, потому что с ним мы не поминаем человека.

Высшая задача человека — познать самого себя — сознание себя. Одна задача у человечества — познать самого себя. Всемирная история есть тот процесс, которым человек достигает своего сознания. Каждая частная история потому важна, поколику развитие народа способствовало общему делу сознания, сколько внесло оно в общий оборот идей для сознания. Оттого частная история известного народа бывает более или менее любопытна и важна, смотря по тому, что народ сделал для общего дела, какие силы, какие факты, идеи, истины выработал своей жизнью, которые бы послужили расширением общего сознания.

Отдельный народ, как известный орган в теле человека, должен ему [человеку]* служить, служить для той единой цели, к которой идет человечество, должен служить развитию человечества, его сознанию.

Познай самого себя. Это значит, узнать не только себя, как особь, но познать и место, где эта особь, и время в какое она существует, и его отношения к объекту, к окружающему — без этого условия, впрочем, и

* Вставка редактора.

невозможно само познание. Все, что вырабатывает жизнь народа при условиях места и внешних влияний, то не скоро угасает. У нас, например, христианство было введено, но оно как и везде, вошло путем знания*, формы и в разлад с историческим бытом народа. Оттого оно и не могло победить совершенно языческих преданий, формы которых тотчас же погибли (Перун), но душа остается до сих пор, ибо питается и поддерживается всеми условиями быта, которые идут издревле и не изменились. Природа осталась та же и с тем же влиянием на человека. А христианство, введя также форму и не позаботившись ввести душу, сущность, не в силах было изменить образ понятий, мнений, убеждений, верований.

История изображает, рисует народ.

Археология изображает, рисует людей.

Все археологические труды во всей их обширности и разнообразии имеют главною, непосредственною целью узнать, изобразить древнего человека, живого человека, а не отвлеченность ученую. Поэтому и разделы, система работ, отделы науки должны сосредоточиваться около этой цели, должны распределены быть соответственно тем сторонам человеческой жизни, в которых искони проявляется эта жизнь.

Нам нужно знать, изучить человека.

1) В его материальном быту

2) Его ум

3) Его чувство

По какой причине, вследствие чего явились у нас расколы, такое множество сект. Думаем, вследствие нашей старой образованности, вследствие качества этой образованности, а отчасти может быть, и количества, которое ограничивалось решительным невежеством в делах физики, истории и т. д., и все терялось в «Апофегмах»[2], в «Пчелах»[3] — это была любимая наука. Чудовищные начала сект вытекли из этих источников. Характер образованности вел к тому, чтобы понятия спутались и получили мистическое настроение. Раскол есть последовательный вывод нашей древней образованности, результат ее.

Умственного образования, образования ума у нас не было, а было только образование нравственное, образование нрава, сердца, так называемое религиозное, которое, как известно, об уме никогда не заботилось, да и вообще боится его прикосновения даже. Ум жил без всяких помочей и путеводителей, так себе, природно. Он только наблюдал житейские дела и свои наблюдения заявил особенно в пословицах, так как фантазия, воображение заявило себя в стихах, былинах и т. п. Для ума не было дороги, не было простору. Он был стеснен со всех сторон.

Материал для его работ был самый плохой, сведений, знаний никаких, кроме «Пчел», нравственных апофегм, изречений житейской мудрости, тех же пословиц. А это все были адамантовы крепкие истины. Что же

* Над этой строкой написано «в некотором смысле это была наука».

было делать с ними уму. Отрицание этих истин называлось своеумием, высокоумием, гордостью. Москва называла так новгородцев.

Отчего у нас так мало сохранилось в народе исторических воспоминаний, связанных с известным местом, с известным памятником и пр. Оттого, что события были без следствий в народе, народ помнит то, что на него влияло.

Просвещение. Воспитывали, образовывали волю, нравственное чувство (не запасая ум фактами жизни), ум спал, не был ничем наполнен, был пуст. Знание, наука — не существовало.

Образование нравственности указывало на героев, на героизм, но какой — жития святых, где не для общества, а для себя человек геройствовал и делал подвиги, не по мысли сделать пользу обществу, а по мысли сделать удовлетворение требованиям собственной доброты, своего доброго сердца. Героизм узкий, но любопытно его рассмотреть.

Человек живет в природе, и сам есть природа, следовательно, чем он больше знает природу, тем чище, разумнее и правильнее его понятия и о самом себе. Напротив, чем меньше знает он природу, чем туманнее представления о ней, тем извращеннее его понятие и о самом себе, тем извращеннее, нелепее его быт и взаимоотношения. Но знания природы можно ли заимствовать, получить из одного только, так называемого Св. Писания, как утверждали и до сих пор утверждают наши книжники.* Св. Писание обнимает одну только сторону, мир нравственный, но ведь существует еще мир физический, мир умственный. У нас ум спал, его не пускали, его уничтожали, он был контрабандою, т. е. умственное образование.**

Но странно. С одной стороны, мы видим уважение к ученым иностранцам, а у себя гонение за маловажное даже проявление знания.

Историк вооружен телескопом, археолог — мизероскопом. И тот и другой, следовательно, самостоятельны, имея отдельную область исследований и наблюдений.

Иоанн Грозный, Петр — два лица одной сущности, одного тела — Государства. Одно лицо смотрит в дела прошедшего, другое в дела будущего. На первый случай государственное наше единство, т. е. идея государственности, должна была скрываться в одном лице — Царе. Он должен был представлять государство и все, что обозначается этим словом. Все поэтому должны были сделаться из **добровольных** дружинников или мужей холопами, и **слуга** составило высшую награду. Добродетели гражданские приняли цвет и характер добродетелей лакейских, и потому наше сердце не может сочувствовать им так, как оно сочувствует добродетелям новгородских мужей.

Ум боялся явиться. Умная женщина становилась ведьмой, умный мужик — ведуном, колдуном, вещим. Патриархальное начало допускало ум

---

* Не окончено.

** На полях: «оно для того времени было наукою».

только в старике. Ум был контрабандою, а знание прямо вело в ад. Еретик было страшное слово, оно означало всякого вольномыслящего, самостоятельно мыслящего.

Ум ценился только практический, т. е. промышленный, коммерческий. Ум выгоды, добытка благ земных и небесных, как они понимались в то время. Другого ума не признавали. Промышленник значило вообще человека, пользовавшегося умно делами.

Свобода — гордость. Новгородцы, стоявшие за свою самостоятельность, названы гордецами, а гордым Бог противится, смиренным дает благодать, т. е. блага жизни.

Насилие, сила кулака, грубая животная сила — вот что управляло общежитием общества, жизнью частных лиц, семейством. Разумных оснований не было. Вся история в том состоит. Как же желать, чтобы русский человек вдруг сделался благороден, честен и т. п.

Конечная цель археологии — это **тип,** типический лик предка. А для выяснения типа необходимы все мелочи, среди которых оно живет и которыми он живет. Комната, мебель, сапоги Собакевича, Чичикова, Манилова, Плюшкина также необходимейшие, неизбежные их аксессуары, принадлежности, без которых они не будут казаться живыми ликами. Всякая мелочь с этой точки зрения представляет важный, важнейший интерес. Нам нужны типы, а не описания географические или статистические старинных людей.

Что бы ни говорили, а жизнь управляется, движется героями, во всякую эпоху свой герой времени. Пожалуй, и в каждой человеческой среде, сословии свой герой, который изображает, воплощает основу, ось, на которой вертятся все отношения.

У нас сначала до Рюрика — отец семейства, родоначальник, потом владелец с обща землею*, родовой.

Помещик, вотчинник, хозяин, казак и т. д. Чиновник, солдат.

Русский народ с самого первого времени стремился найти себе центральную власть. Новгородцы ищут за морем центра и находят. Вся история из того же стремления состоит. Иначе и быть не могло. Если основа жизни была семья, род, то как же не искать центра размножившимся родам и оттого потерявшим центр. Следовательно, единодержавие есть разумный продукт истории, продукт патриархальных, семейных элементов.

Вера народа — есть его мысль, т. е. наука и искусство — творчество. Анализ и синтез. Веру сменяет литература. Если вера принята, то и литература принята, т. е. ненародна, подражательна. Литература есть мысль парода. Как он думает, понимает вещи, сознает, чувствует, как представляет идеи. Промысел есть мысль об устройстве жизни.

Из пребывания в Санкт-Петербурге с 16 января по 29. Нельзя не заметить, что на нрав, расположение человека, на образ мыслей и суждений

* Совладелец земли.

имеют влияние даже внешние предметы, именно известное сочетание линий. Например, постройка домов и улиц в Санкт-Петербурге и в Москве. Там — прямые, давящие на вас линии, здесь — кривые, веселые, нетесные. Вы не чувствуете **нравственного удушья,** вам легко. Там вы чувствуете, что вы точно в подземелье, в подземных галереях, душных, тесных и т. п.

Программа.

1) Организм — общее — народ или в первобытном понятии **земля.**

2) Организм — частное. Индивид, **тип.**

Как тип, частное выражало в себе, собою общее, и наоборот, насколько и как общее выражало частное, т. е. индивидуальные стремления в общих действиях. Например, даже внешние переговоры и поведение наших послов и переговоры с иноземными послами и переписка выражают типические черты общего и в то же время частного, индивидуального, домашнего.

Общее всегда служит только выражением частного. Следовательно, частное подвергается изучению прежде. Частные типы прежде общих. Но материалы для общего существуют, а для частного нет, потому, что частное было повседневное, следовательно, не стоившее внимания как и теперь.

Централизация вред, но зачем же она торжествует? Она, следовательно, была нормальна, умы были расположены в ее пользу, она **необходимость,** согласны вполне, в этом ее и оправдание.

Мало ли что бывает в каждую эпоху необходимо. Отвергая централизацию, можно зайти далеко. Отвергнем Рюрика, отвергнем Византию, станем выбирать для себя хорошее, благо теперь нам виден с нашего высока весь пройденный путь и все лучшие дороги, и красивейшие и удобнейшие места. Все, что совершилось имело законы неизбежные для того, чтобы совершиться, носило в себе необходимость.

Общая власть — народ, должна была развиться. Как же? Так, как сознает и чувствует масса. Масса — земля, почва. Она рождает все, что мы называем историей, т. е. общею жизнью. История есть общая жизнь, жизнь вообще, сообща, вкупе.

Археология есть жизнь частная, жизнь отдельно, индивидуально, особо. Там большой тип, тут малый тип. Жизнь есть связь сил взаимодействующих. Мы раздробляем только в уме, чтобы понять, а в сущности это не раздробимое целое.

Цель исследований есть начала, идеи, нравственные силы, элементы. События — люди, лица, есть оболочка идей, орудия их, формы материи. Каждая идея получает господство в умах. Она и находит себе выражение в событии, в лице, характере. Но события есть внешние и внутренние. Одни находят извне и изменяют направление идей. Другие порождаются жизнью — есть результат долгой работы. Против централизации восставали и прежде, но всегда из личных видов, спасая личные интересы. Тяже-

лое время Петра родило идею ограничения власти при Анне[4]. Но эта идея блеснула только в некоторых умах, и то с аристократической точки зрения.

Центральная власть, идея порядка есть необходимость, центр кровообращения, центр жизнеобращения. Жизнь льет к центру и отливает от него. Каков центр, такова и правильность обращения жизни.

Если мы назвали организм, то должны рассматривать его с естественнонаучной точки зрения. Человек есть организм, животное. Но человек есть идея, и тело его — только форма. Человек живет идеями. Идеи могут возникать только в обществе, от прикосновения других идей. Каждая идея есть также организм, подобный совершенно живому организму. Она также имеет свое зачатие, свое развитие, процветание или господство в умах, увядание. Или переход в другие новые идеи, перерождение, смерть можно сказать. Как в растительном царстве, так и в царстве духа, идея зачинается незаметно и вырастает, умирает и дает почву другим. Готовит навоз, почву, условия жизни для других идей, с которыми совершается та же история. В истории — общей жизни — все организмы. Самодержавие — организм. Раскол — организм. Казачество — организм. Торговля, литература. Община. Язык. Каждая эпоха — организм. Иначе быть не может, следовательно, периоды необходимы.

Если народ организм, то прежде всего надо познакомиться с местом, свойством, с силами его, а потом уже с действиями. Историки начинают наоборот.

Человек живет идеей, мыслью, делает все по мысли. Только сумасшедший делает очертя голову, как ни попало, оттого он и сумасшедший. Говорят: какая мысль у него была, когда он это и то делал. Что он думал? Что долго думать.

Чтобы писать историю народа, нужно прежде всего определить, уразуметь, что такое народ, узнать природу, сущность этого предмета. Как и всякого предмета, который будет описываться историею. Конечно, сама уже история разъясняет эту природу.

Образованность притекла к нам из такого источника, где прокляты были все свободные, самостоятельные движения ума. Она пришла со страшною боязливостью, и эта боязливость, эта сущность нашей древней образованности господствует во всю историю и даже теперь. Кто и что останавливает науку? Вера, как кошмар давит все. Боязно, неравно раскол, еретичество. И в самом деле, раскол, потому народный ум таков, что всякое движение к новому — тотчас он же отрицает и делается старообрядцем. Отделяется от церкви. Рука руку моет. Церковь отлучает новатора, народ отделяет себя от церкви, как скоро она становится новатором. А все существенный характер образованности — боязливость ума.

История несет волшебный фонарь, где фигуры движутся, потому что ими движут. Где они больше чем мертвы, они окаменелые.

Как странны ругательства на Петра, что он нас обезобразил, когда до него мы сплошь были заражены болезненными, изношенными началами

других народов. Иудейским эгоизмом, что мы только народ, а другие не люди, византийским пустосвятством и изуверством.

Нумизматика, геральдика, генеалогия — науки дворянские. Оттого они и процветали особенно в то время, когда процветало дворянство. Как оно пало, упали и они.

Народ наш рвался к свету. Когда свет светил на Востоке, собственно на Юге, он бросился туда. Принял просвещение. Варварство оттолкнуло его. Он шел на Восток, в Сибирь. Наконец, когда свет засветился на Западе, он потянулся туда и после нескольких «толцыте» пробил-таки себе дорогу. Он шел к окраинам, к Морю — Океану. Искал. Промышлял.

Дополнение к 8 стр. Быта.

В древности была община, но община родов, семей, хозяйств, а не община людей. За целое признавался род. Человек — часть рода, не имел значения. Он имел права рода, а не свои как человека. И ответственность падала на весь род, а не отдельно на лицо, как теперь. Род был узенькая рамка, в которой и заключалось лицо, личность. Отсюда отсутствие личности у нас, в котором признают что-то высокое (Валуев)[5], а это есть первобытная форма жизни. Из рода стал развиваться государь, хозяин, по образу рода, но с новым началом самовласти, а не родственности (Андрей Боголюбский[6], Святополк[7]). Вот существенные начала нашей жизни. Из государя — самодержец. Петр скинул с себя родовой элемент самодержавия, родовые путы и сделался императором, по западному понятию диктатором.

Помещик еще носит в себе тип государя с родовым оттенком. Теперь только он получает то же, что получил Петр. Сначала, следовательно, делалось вверху, затем внизу. Органически.

По всей нашей истории неясно происходит стремление высвободить личность из определений непосредственности. Сначала из рода. Первый шаг отсюда — хозяин-государь. Отношения изменяются. Подручник, а не сын, не брат, слуги, а не чады, дети. Еще шаг — царь, самодержец, т. е. возведено в теорию, что царь решительно не зависит ни от каких определений и отношений к прежнему порядку, у него нет родных, нет друзей-дружины. Есть слуги. Слуга делается наградою. Личность сама себя ставит центром. Все для меня, все потому, поколику я. Еще шаг — Петр — сознание и признание над собою другой силы — государства и общества личностей. Петр последний самодержец и первый император, первый слуга государству. Так как Грозный — последний великий князь и первый царь. Иоанн III — последний родович-семьянин и первый государь. Иван Калита[8] — последний родственник и первый семьянин. Хозяин. Всеволод III[9].

Окно растворено. Дети подошли. Они выпадут, чтобы предотвратить это несчастье, затворить окно. А на дворе весна, воздух, в комнатах гниль, сырость, спертость. Лишить их воздуха. От фосфорных спичек пожар. Николай Павлович[10] запрещает их продажу. Бандероль[11] накладывает, лишает удобств жизни. Все это факты, указывающие на систему, которой

держится всякое правительство — государственное и семейное, не развитое мыслью, философиею. Точно как насекомое и животное в своих действиях поражается только тем фактом, который непосредственно на него действует, не обмышляя дальнейших результатов, т. е. комбинации идей, являющихся следствием этого факта. Вы толкаете собаку ногой, она ногу вашу и кусает или грызет палку, вовсе не помышляя о руке, непосредственной силе, действующей палкою. Где нет идеи, они не в употреблении, там вся система законодательства вытекает из этого начала общего всем тварям неразумным, как говорят.

1860 г.

По поводу Гизо[1]. Нейенбург[2], 13 августа.

Извинительны грустные и гнусные факты потому, что они — природа все-таки, они родились естественно, а следовательно, не требуют извинения. Клопы, блохи — худо или хорошо и почему это худо? Плевела — худо. Да можно ли сетовать? Только смотря снаружи, а поглубже глянешь — то все есть произведение известных элементов. Следовательно, грусть глубже должна отыскивать причины нехороших фактов. В истории ни сетовать, ни хулить, ни оправдывать нельзя, как и в природе. Для чего скверный клоп существует? и т.д.

Два элемента — общество и лицо, а главное все-таки лицо. Общество есть произведение лица и для него существует. Улучшая общество, улучшаем неизбежно лицо. Улучшая лицо, улучшаем и общество. Для человека сущность всего сущного есть он сам. Из себя и чрез себя он только понимает и чувствует все окружающее. Следовательно, совершенствование лица есть задача всей жизни человечества.

О провидении теперь уже нечего толковать. Под этим именем разуметь должно естество, силу природы — химизм элементов и естественное их развитие, сочетание и выводы или концы. Перста в природе нет, нет его и в нравственной природе в человечестве. Все создается, развивается, растет, живет по законам естества. Механик-провидение ведет только к ложным заключениям о действительности и ее силах.

В степи рассказывали, что если попадет девка замуж блудливая, не цела, то муж после первой ночи задаст страшную встрепку, допрашивая с кем дело делала. На вопрос — для чего это и за что — а для того, чтоб больше не блудила. Если не оттаскать, то она будет продолжать, а отделал хорошенько, так будет бояться.

Как же нам быть добрыми, чистыми, совершенными, когда между нами живут черти. На чердаке, в темных углах, даже в людей вселяются. Давайте изгоним от себя чертей. Он не верил ни во что — ни в сон, ни в чох, т. е. ни во что.

Реформы Петра I есть собственно революция в русской семье,

ниспровержение всех ее идолов, ее основ и начал, которыми она жила и держалась.

С распространением польской образованности, польских идей в XVII столетии в боярском сословии пробудилось сознание о своем значении и отношении к государству, построенное на польских понятиях, ибо других не было. Они [бояре]* стали мыслить и строить силлогизмы, в которых обнаружилось стремление создать аристократию. Гербы и т.п. идеи особенно выразились как теория в русском государстве баронов и во многих фактах быта. Федор Алексеевич[3], если б пожил, мог удовлетворить этим идеям. Его Штат Дворовый по византийскому образцу и т.п. новости. Петр, хотя и разбил это стремление введением в аристократию «Табеля о рангах», Меншиков[4] и т. п., но оно пробудилось при его преемниках. Анна. Однако ж, немцы не позволили Бирону. Немецкая партия нанесла страшное поражение этим тенденциям, воскресшим было при Елизавете, но снова погубленным при Екатерине ее любовниками. В этих тенденциях скрывалось нынешнее славянофильство, т.е. люборусство, руссопятство. Старину восстановить, но какую? Аристократизм один. У Щербатова в записках яснее.

Московский кнут — царь, представляется, что он поработил народ и сделал его действительно рабом. Но так ли? Примучивая к понятию единства, он, действительно, стегал кнутом встречного и поперечного. Но ведь кто ж и кого тогда не стегал. Власть в чьих руках она ни была, всюду была дикая, грубая, эгоистичная. Семья — как она жила? Что было до Москвы? Какое качество власти было прежде? В разных руках, а тут в одной — вот вся разница.

Начнем сначала. Порабощение племен первыми князьями, примучение дани, подвозы. Самое название — смерды[5]. Затем система общего владения землей в княжеском роде, служившая продолжением тому же самому. Князья жили данью. Их ссоры и брани как действовали на народ? Как он был свободен? Затем татары — опять дань. Новгородцы с Московией пошлины не знали, потому что не всеми силами участвовали в платеже выхода[6].

Почему во всем у нас такая шаткость, неопределенность отношений. Почему никто из нас не прочь обойти во имя родства, дружбы, корысти всякое законное определение, юридическую форму. Почему ни в ком нет сознания собственного достоинства, т.е. того, что должен сделать и чего не должен делать. Почему, очень хорошо зная негодного человека, мы все-таки выбираем его в общественную должность. Почему множество дел у нас делается, как говорят, семейно, т.е. помимо юридических норм. От чего такая неохота исполнять всякую юридическую форму, и большая охота исполнять пустые формальности. Все потому, что не выработано у нас юридическое сознание, ум не привык понимать каждое дело

* Вставка редактора.

юридически, т.е. так, как оно должно исполняться, как обязанность к обществу. Мы живем еще в родовом быту, в полной его непосредственности, поэтому у нас вчерашний преступник, сегодня нам приятель, и мы с чувством жмем его руку. У нас не выработано управляющих начал, основ, на которых стоит человек. Оттого мы тотчас изменяем отношения, связываем и завязываем узлы, влекомые только эгоистическими побуждениями или теплотою родственности, кровности.

Мы не по уму, не по сознанию прощаем преступнику его вчерашнее преступление, а по теплоте сердца, по сознанию инстинктивному, что завтра точно также и мы будем преступники.

Юридического у нас мало, а семейного слишком много. У немца, например, сколько юридического смысла, а у нас только здравый, но по преимуществу смысл семейный, родовой.

Мы прощаем друг другу злодеяние не по доброте, а потому, что мы родня, сами тоже сделаем, и все шито, да крыто. Сор из избы не выноси.

«Идеи, воплощаясь, скрываются, как зерно в земле в своих приложениях, существуют, как развитие, как жизнь в организме, как законы природы, обнаруживающиеся в самих явлениях.» Герцен: Россия и Польша. Письмо I[7].

Прежде всего, какие идеи лежат в основе нашего исторического существа. Идея, что земля общее достояние, идея, что никто не должен первенствовать из нас, т.е. не должно быть аристократии. Отсюда призвание князей, создание диктатуры вотчинника, государя.

Это политика в нравах, в уме. Какие идеи?

16 октября. Воскресенье. Санкт-Петербург. С Солдатенковым ели устрицы у Елисеева. Он признался, что при мне он связан, ему не ловко говорить о блядях и борделях, что ему свободней с Кетчером, что Бабста, например, он с собой позовет, а меня боится. Вот какое мнение образовалось о моей персоне. — Так вы нравственны, — заметил Раев.

28 октября. Где была норма, точка отправления жизни. В лице или доме, семействе. Кто был лицом, самовладыкой, самовластцем? Отец семьи, дома. Отсюда отчина, отчество, отецкий сын — есть определение каков человек. Для того, чтобы значить что-нибудь, необходимо было иметь отчину, отчество. По отчеству прием, честь и все, что давало лицу общество. Кто же был свободен, независим в своей жизни, в своих делах, действиях. Без воли отца или старшего родного мог ли я действовать, например, жениться, избрать род занятий. Мог ли я начать делать то, чего не делали в моей семье, между моими родичами. Нет, на все нужны были их согласие и решение. Если я становлюсь на свои ноги, т.е. хотел делать , что хочу по своему избранию помимо советов старших, то я должен был уходить вон, бежать. Отсюда казаки, гулящие, бродяги, расселение. Кто хотел действовать во имя своего лица независимо, тот должен был удаляться из этого болота родовой связи. Именно родовой, потому что родичи

во всем меня касающемся всегда совались с своими решениями и определяли мое действие. Если род возвышался, он возвышал всех своих, вытаскивал из грязи. Если я провинился, то весь род за меня отвечал. Опалы царения. В древности род мстить обязан. Следовательно, признается в этом случае моральным лицо, целое, которого я часть, и которое, мстя за меня, в тоже время имело полное право заведывать моими действиями, распоряжаться мною, как своею частью.

Без рода, отчества самостоятельность лица не мыслима. Иначе я сирота, убогий, гулящий, казак, вольный человек. Самое слово воля понималось, как худое дело, ибо противоречило положению века, что вольность есть искажение нормального существования, где неволя признавалась за святыню.

Теперь самостоятельная единица — лицо, а тогда — семья, род. Вне ея человек ничего не значил. Он гулящий, казак, сирота, изгой.

Чаще изменяются и вовсе переменяются формы, и очень редко или незаметно сущность. Мы же рассматриваем в истории только формы, не проникая в сущность. Нам кажется, что форма новая, следовательно и сущность новая, ан нет. Сущность та же. И форма только внешность. Она имеет влияние на сущность, но малое.

30 октября. СПБ. Теперь много говорят о варварстве, кровожадности Петра, как будто он был исключением из общей массы, как будто был он злодей, а остальные добродетельные люди. Между тем, как остальные были теми же злодеями повсюду. Отец в семействе, игумен в монастыре, воевода в городе или целой стране, помещик в своем поместье. Дела ужасного варварства являлись повсюду. То, что делал Петр, то делал всякий, кто мог, кто был в силе. Теперь общество лучше, нравственнее, но откуда же взялась эта нравственность, это улучшение. Откуда наши задушевные идеи, чистые, гуманные? Из народных начал?

Сами они являются аршином с оценкою событий, лиц и их действий. Бестужев о Москве и Петре так отзывается, как будто у него есть какой-то идеал, к которому он примеривает и Москву и Петра. Идеал этот никому не известен. Оттого и не поймешь ничего, чего они хотят в истории. Потоп — хорошее событие или дурное? Нужно смотреть с естественно-исторической точки зрения, и отыскивать только начала. Начало Москвы дурно. Теперешняя погода дурна — от чего, для чего. Есть тут закон, начало или нет. Они подходят с сортировкою, нравственной оценкой дел и лиц, не замечая, что нравственность — вещь условная, порождение времени. На том кодексе мы и должны произносить осуждение лицу. С идеальной точки зрения, нравственной вся история может показаться сумашествием. Крупов[8]. Но здесь уже патология. Петр барабаном развивал, Москва казнями, тюрьмою, кнутом и т.д. Это варварство. Так. Говорите смело, что это варварство. А вы наоборот, хотите сказать, что это благодать.

Сначала все приписывали дьяволу, не умея объяснить действующих начал жизни. Потом реформе. Она все вредит. Давайте когда-нибудь взгля-

нем внутрь себя. Посмотрим, не сами ли мы виноваты во всем. Без причины ничего не бывает. Рассмотрим же лучше причины, вследствии которых явилась Москва и венец ее — Петр. Что это ураган вроде Батыева нашествия или здесь замечается органический процесс, развитие. И почему развилось, что питало. После Батыя дела идут опять своим порядком, как и до него. В народе произошли какие в н у т р е н н и е перемены?

Государственная форма, как вообще форма жизни, является продуктом идей, которые господствуют в частной жизни, управляют ею. Роль Москвы так же, что роль Киева. Этот примучивал племена к дани, понятию единства. Точно также делала и Москва, примучивая части дани, выходы. А прежде хазары с одной, варяги с другой стороны. Те же татары и после Батыева разгрома. Та только крепка форма, где крепка идея. На Западе до сих пор многие формы держаться потому, что крепки были идеи их создавшие. У нас — что хочешь делай — оттого, что мало крепких идей.

Вот лежит гранитная масса. Глупый факт. Но природа его сделала. Сдвинуть его недостаточно никаких усилий. Надо дожидаться переворота природы. Каждый факт глуп, особенно, если он показывается случайным, но случайность относительна, ничего нет случайного. Вот результат внутренних скрытых от нас сил природы.

Для меня лежащее на пути бревно, камень и т.д. — случайность, но оно естественное явление известных отношений материй природных. Ничего нет случайного. Это относительно. Закон природы, т.е. результат сил, действующих в известных обстоятельствах.

Знаете ли, что скверно нас выставляет? Это отсутствие настоящей оценки труда чужого. Скажем спасибо каждому работнику. Не будем унижать своим высокомерием труда поднятого и делаемого по силам. Мы все кричим, что не так, скверно, но никто не скажет, что же хорошего? Хорошее уже в самой работе. Будем уважать труд. Он у нас не ценится в грош помещиками. Неужели в науке, литературе тоже? Оттого у нас все дрянь. Нет сочувствия собственно к труду. Всякий по своему разумению работает. Уважим собственно работу. Она все-таки полезна.

Странное дело. Новгород — республика, свободная община, независимая, самоуправляемая. Зачем же она себя титулует господином и г о с у д а р е м. Что же? У татар она взяла это понятие о государе, или это своеобразный, исконный тип жизни. Если она именует себя государем, то, следовательно, государь понятие туземное, понятие об известных отношениях, которые господствовали в жизни, как единственная форма управления, как правительственная единичная форма. Или она называлась так в подражании типу князя. Если так, то все-таки князь был тип цивилизующий, т.е. такой, который дал строй, систему отношениям жизни. Община туземная сего не выработала. Следовательно, господин и государь указы-

вало на известный строй отношений, в котором выработалась жизнь. Но господин и государь — слова, обозначающие просто напросто хозяина, домовладыку, а в таком случае, Государь Московии есть только хозяин, домовладыка сначала своей отчины, как и все остальные князья, а затем всея Руси, на которую он имел право, т. е. каждый из князей в отдельности и все вместе. Государь в роде князей. Идя дальше, необходимо он должен был придти к самодержавию. Там ли, здесь ли — это все равно. Это было неизбежно, как закон природы, исторический, не минуче. Конечно, в государе является прежде всего эгоистическая личность, преследующая свои личные, эгоистические цели и интересы. Собирающая землю. Но в этой эгоистической личности выделяется одно отвлеченное понятие, которое ставит эгоизм князей на государственную точку.

Это понятие о единстве Русской земли, всея Руси, понятие зарубленное мечем в первые века нашей истории варягами. Они стянули землю к Киеву, как после стянула ее в один узел Москва. Это-то отвлеченное понятие, идея единства Руси дает эгоистическим стремлениям русских князей мотив государственного понимания. Политический вместо частного, вотчинного. Право на всю русскую землю принадлежало княжескому роду, право кормиться за свой пот, за сторожу русской земли. Когда же развиваются и определяются понятия вотчинности, собственности, князья, естественно, приходят к убеждению, что они не только арендаторы, но и собственики, государи.

Московские князья промышленники. Слово это значило не то что теперь. Теперь оно имеет индустриальное значение. Тогда оно заключало в себе понятие о дельности человека. Промысл. Бог. Синонимы. Царь Алексей[9] называет хороших воевод промышленниками. Гарибальди по понятиям старины, отличный промышленник. Промыслить, прозреть, продумать, провидеть, прочистить — проре-зать, прожить, прогнать, проречь, протолковать, проскоблить, прорвать. Но идеально — есть ли что в уме, который только промышлял, т.е. достигал практических, дельных целей.

При Иоанне Новгород изменить хотел русскому единству веры, быта, тому понятию, которое определялось словом Русь. В древнее время пустых слов не было. Слово Русь было обще со всей землею. И государь и вольный новгородец говорил, что я Русь. В этом высказывалось сознание целого. Земли разделились в своих интересах, но идея соединяла Русь, православие. За измену Новгорода Иоанн и пошел на него. Где же самостоятельность, самоуправление, если все-таки необходим был опекун Московский или Литовский. Без опекуна жить нельзя было. На нем остановились в начале. Его отыскивали в течении всей истории. Не сказался ли в этом смысл родового устройства. Привычка, немощь стоять на собственных ногах. Нужно, чтоб какая-либо чуждая, внешняя сила поддерживала. В этом то и выразилось плохое, слабое основание, на котором стояла община, не понимавшая себя иначе как под опекой и покровительством.

Это — женщина, слаба, беззащитна. Швейцария, Соединенные Штаты не ищут же покровительства, сами живут. А мы, славянская община, сами жить не могли. Искони грозили Святославу[10], что найдем князя за границей. Что это? Это смех куриный. До сих пор это высказывается повсюду в единичной жизни. Нужны помочи, чтоб водили нас. А все родовой быт.

19 ноября в Санкт-Петербурге. Коммунизм. Коммунизм и социализм. Централизация — есть природное свойство человеческого духа. Человек-единица не может существовать как единица. Он стремится сомкнуться в общество. Здесь его сила выражается и развивается крепче и выше. Но закон индивидуальности, единичности и, следовательно, единства влечет и общество к единству, к центру. Разнообразие и разнородность единичной жизни отыскивает в обществе целого, единого. Части общественного организма живут отдельно, независимо стремятся к индивидуальной свободе. Но они все-таки чувствуют свою немощь без единства. Задача в том, чтоб найти средину, примирение, солидарность между стремлением к индивидуальной свободе и условиями общей жизни, т.е. условия, которые налагаются на индивида жизнью общества, без чего индивид существовать не может. В этом вся история. В этой борьбе индивида с определениями общества жизнь сообща.

Общество стремится к единству. Отчего крестьяне живут деревнями, а не одиночно, скучиваются? Для безопасности и, следовательно, независимости. От чужого произвола и насилия. Да ведь также создавалось общество. Единица всегда и всюду ищет в обществе безопасности и свободы. Общество есть свобода человека, освобождение его от грубых и узких стремлений эгоизма единичного.

Но у общества также свой эгоизм, как, например, у семьи. Он может поработить единицу, как и в семье. В том-то и дело, чтоб была гармония, согласие между этими двумя эгоизмами.

21 ноября. Понедельник. В Санкт-Петербурге.

Утром Строганов дал мне в рукописи статью Н. Мельгунова[11] «Сибирская язва», напечатанную в «Нашем времени», с тем, чтобы я прочел, а после он поговорит со мной.

22 ноября. Вторник. Утром я принес*. Начали разговор с крайней точки, с которой автор смотрит на народ. Подобные статьи, говорит, приходят к Николаю Александровичу. Он их читает и видит дело с одной только стороны, что все русские — плуты. Я желал бы, если вы согласитесь, чтоб вы независимо от ваших литературных трудов писали ко мне в виде писем из Москвы по поводу подобных статей, какие я вам буду присылать. Я вам вознаграждение дам за это 1200 рублей. Согласны ли вы, подумайте, на днях мы еще поговорим. Мне хотелось бы, чтобы Николай Александрович понял народ как следует, т.е. тогда, когда нужно будет разговаривать с народом, чтоб он знал его язык, понимал его образ жизни

* Имеется в виду статья Н.А. Мельгунова.

и т.п. Я говорю: это мое крайнее убеждение, ибо с реформ Петра правительство отделилось от народа. И в одно прекрасное утро тот и другой не узнают друг друга. Но вообще, говорю, насколько я буду годен? Нет, вы можете. У вас именно есть знание, чувство. Я вообще имею на вас виды в отношении к Николаю Александровичу. А я говорю, что предложение вашего сиятельства совпадает с моим крайним убеждением. Что необходимо, говоря о разврате больших дорог и городов, мы должны держаться также и стороны добрых качеств народа. Мы должны раскрыть правительству силы свежие, добрые народа, а не толковать ему беспрестанно, что мы — мошенники. Что и так высшее общество знакомилось с народом из сочинений иностранцев, которым худые стороны бросались естественно в глаза. Щадить нечего, но должно справедливо давать изображение, не упуская ни одной стороны.

Сущность его предложения была та, чтоб защитить народ, чтоб парализовать подобные статьи, раскрывать действительную, положительную сторону добра народного. Многодобрые качества с виду только добрые, а основа их зло. Например, любовный взгляд на преступника — из отсутствия чутья законности. Тем более, что правительство само нарушает закон беспрестанно. Рассказал о Закревском, как его освободили от суда, и как это дурно действует на убеждения народа. Он убеждается, что закон не крепок, что он из воска, который может мять всякая властная рука. Просвещение воспитывает добрые идеи. Рассказал о молодежи, как иной мучится, что должен сделать, например, записку неправильно, спрашивается, как поступить. Теория честности, доходящая до донкихотства.

Вот подобные-то статьи появляются в журналах и попадают к Николаю Александровичу. Я бы хотел противодействовать им печатно. Я не знаю как. Я говорю, что и негде, особенно одному. Надо сплотиться в кружок. Есть начало, но еще пока нет воплощения желания.[12]

Любопытен и сон, который я нынче видел. Сегодня будто светит солнце, ясный теплый день, а впереди на горизонте — звезда светлая, как бывает Венера в большом ярком виде, но без лучей, вроде месяца. Затем декорация как-то изменилась, я в дамском каком-то обществе и в рубище. Штаны, левая сопля* на колене оторвана, и отдаю жене чинить. Сам сижу, взглянул, а левая коленка таки прорвана, и оттуда выглядывает грязная коленка, вся в грязи, я прячу, ибо на меня все глядят, и все женщины и девушки.

Необходимо возвысится до понимания в вещах и фактах, совершающихся каждый день, основных жизненных явлений. Будем разбирать их как явления этих сил, а не как кирпичи, откуда-то падающие.

23 ноября. Среда. От Могилева в 50 верстах в сторону есть сосна, которая растет как бы корнем кверху, т.е. у нее нет ствола, вершины.

---

* Штанина.

Рассказывают крестьяне, что Петр, бывши в этом поле, выдернул весною молодую сосну и воткнул ее в землю вершиною. Она принялась и растет до сих пор.

Рассказывал историю возобновления Киево-Софийского собора. Он (Солнцев) нашел мозаику и стенопись под штукатуркой. Говорил, митрополиту Филарету[13], тот предложил составить смету. Составил и представил рисунки, сказав, что дадут казенные деньги. Филарет не согласился потому де, что назначут комитет и над ними посадят начальство. Солнцев подал рисунки Николаю, тот велел сбивать штукатурку.

Филарет воспротивился. Вы, говорит, только раскол увеличите, тут-то рука благословящая и перстосложение раскольничьи. Стал всячески мешать и стеснять дело. Но Николай велел продолжать наперекор представлениям Филарета, который говорил, что церковь хотят безобразить. Пошехонов, выбранный Солнцевым, после стал на него же доносы писать. Солнцев работал 12 лет. Рисунки у него есть все, так что восстановить можно.

В Полоцке три собора, древняя живопись в мужском и женском монастырях и в соборе городском. У Спаса на Нередицы[14]. У Антония в Новгороде.

Хохлацкие анекдоты: Пришел покупать бублики, хохол спит. Продай. Почем? С сердцем отвечает хохол проснувшись: Да бери по грошу.

Лещей выпотрошат и пекут в печи, как хлебы, насыпавши внутри соли. Щуку — сдерут кожу, согнут в кольцо, накладут цибули в середку, посолят, нальют воды и варят пока глаза выскочат у рыбы. Раков пекут на огне, на лучинках.

24. Четверг. Были у Галахова, с офицером спорил. Назвал Чернышевского статью балаганом, фиглярничаньем[15].

25 ноября. Пятница. Подошел Строганов ко мне и говорит: Так вы решаетесь, Иван Егорович, обдумали? Я говорю: это патриотическое дело — нельзя не решиться. Только буду ли в силах? Затем, я буду откровенен. — Я так и требую, мне литературничья не надо, непременно откровенно.

1861 г.

22 февраля. Среда.

Ребенок, видя большую карту Москвы и рядом небольшую карту Европы, делает умозаключение, что Москва больше Европы и готов даже спорить (как и было с Машей). Не так ли составляются умозаключения многих наших мыслителей, критиков и рецензентов журнальных. Особенно в отношении русской истории по ежеминутному сравнению ее и западной.

27 февраля. Свобода, независимость, самостоятельность, самоуправление — вот теперешний миазм наших мыслей, эпидемия, которая всех заражает и заставляет болеть этими болезнями. В Саратове дворяне

хотят университет завести, как Манилов мост построить через пруд и на нем лавки, торговля. Я возразил, что это нелепость. Мне доказали, что я против просвещения и против самостоятельности. На другой день я с своей стороны уличил тех же спорщиков. Они сказали, что циркуляр нижегородского губернатора напечатан напрасно. Я говорю: как же, пусть печатают, вы против гласности.

Из всего этого выводится, что у нас есть теория, которую мы всюду суем, и есть практика, которая заставляет нас судить с земли, с почвы, а не с воздуха. От этого и споры, несогласия.

Но всего гнуснее дешевый либерализм. Один либерал потому, что собирает все запрещенное, отыскивает и т.д. и этим создает себе авторитет.

Отсталый народ, как и отсталый человек есть уже заматерелая форма, какая (проявляется) в мыслях и чувствах. Идеалы одни и те же надолго, а, следовательно, одни и те же фразы, слова любимые, родственные, вызывающие чувство, движение мысли, жизнь. Новые мысли, чувства кажутся нелепостью, преследуются.

Все, что рисует воображение наших мыслителей касательно свойств нашей народности есть неизмеримость, неопределенность, в которой до сих пор не замечено ни одного резко характерно очерченного образа. Это первобытный мир, где нет еще форм, а есть силы, не создавшие этих форм. Это лицо ребенка, который похож вообще на человека, а не на отца и не на мать, т.е. не настолько похож на родителей, что нельзя сказать верно, на кого именно будет он похож. Время говорит, что иностранцы нас не понимают и понять не могут, ибо смотрят поверхностно и не соображают, какой мы о с о б е н н ы й народ. Они «многое в нас проглядели». 9 стр.

11 стр. Русский дух пошире сословной вражды, сословных интересов. У нас только одно образование и одни нравственные качества человека должны определять, чего стоит человек. Это сознают и это в убеждениях.

Новая Русь поняла, что один только есть цемент, одна связь, одна почва, на которой все сойдется и примириться — это всеобщее духовное примирение, начало которому лежит в образовании.

12 стр. Она обращается к народному началу и хочет слиться с ним, она несет ему в подарок науку. Не цивилизацию западную, а науку.

15 стр. «Да, мы веруем, что русская нация — необыкновенное явление в истории всего человечества. Характер русского народа до того не похож на характер всех европейских современных народов, что европейцы до сих пор не понимают его, а понимают в нем все обратно.»

«В русском характере по преимуществу выступает способность высокосинтетического, способность всепримиримости, всечеловечности. В русском человеке нет европейской угловатости, непроницаемости, неподатливости. Он со всеми уживается и во все вживается. Он сочувствует всему человеческому вне различия национальности, крови и почвы. У него ин-

стинкт обгцечеловечности. Он инстинктом угадывает общечеловеческую черту даже в самых резких исключительностях других народов, тотчас же соглашает, примиряет с своей идеей, находит место в своем умозаключении и т.д.» 14 стр.

Но ведь это характеристика науки, а не народного характера. Все это черты той сущности, которая зовется наукою, образованием, просвещением. Впрочем, образование и просвещение могут иметь национальность, т.е. выражают свойства ее. Но наука — общее для всего человечества. Отсюда в русском инстинкт общечеловечности, т.е. основа науки принимается за какой-то инстинкт.

17 стр. «В тоже самое время в русском человеке видна самая полная способность самой здравой над собой критики, самого трезвого на себя взгляда и отсутствие всякого самовозвышения, вредящего свободе действия.»

18. Способность самоосуждения мы любим и именно признаем ее за лучшую сторону русской природы, за ее особенность, за то, чего у вас (на Западе) вовсе нет.

Но это отсутствие личности лишает уважения к собственному достоинству, непризнание этого достоинства. Оно нипочем. Мы сейчас от него отрекаемся, потому что его нет, потому что его не признают, никто и в себе его не чувствует.

Мы рассуждаем и осуждаем, потому что это гораздо легче, чем исследование, разыскание, тем более, что для исследования у нас нет достаточных сил ни в знании, ни в образовании, науке.

Мысль общества раздражена, нервозна. Чего она хочет, она определенно не может сказать. Но ей не нравится настоящее положение. Хоть гиршего, да иншего.

Строгость жизни — элемент у нас в монахах и святых. Оттого и святых. Но в миру была ли строгость и в чем она заключалась. Строгость противопоставляется слабости, распущенности.

События и лица служат всегда примером, идеалом для потомства. Оно на них всегда указывает, как на образец действия или жизни, господствует своим влиянием надолго.

Сначала вера искренняя. Изнашивается. Является новая. Но старая живет в остатках, если не в целом. Это называется суеверием. Оттого народ всегда двуверен. Вера есть поэзия, творчество.

Государство, как сфера общих интересов, живет будущим. Народ, как сфера частных, личных, эгоистических интересов, живет настоящим, насущными потребностями.

Где кодекс, на основании которого мы должны судить и осуждать исторические лица и события?

Лицо, благополучие лица — вот основа того суда, свобода лица, совершенствование лица.

Благодетели, которые за лицо, радетели, которые за себя. История

учит общему, но это общее и есть лицо, очищенное от качеств и свойств Ивана, Сидора — и выражающее формулу — человек.

Нужно только то для жизни, что существенно. Барство развращает, приручает к роскоши. Рассказать факты. Езда в карете, мебель, еда блюд редких, дорогих и т.д. — все это ведет к уничижению личности. Как можно меньше людских услуг: и сам свободен и другие. Порабощая скот, животных, человек поработил и себя.

Род — есть связь людей, точка опоры, охраны, защиты для личности при общем произволе и беззащитности. Как скоро является закон или воля одного, эта точка слабнет, ее заменяет охрана закона, затем общества, т. е. общественное мнение. Потом мысль о человеческом достоинстве становится точкою опоры и защиты для каждого лица.

Родовая месть есть выражение защиты.

Сначала порабощение, завоевание сил природы, порабощение скота, птицы, растений, т. е. превращение их в домашних слуг, затем или вместе с тем и порабощение людей — слабейших по чему-либо, т. е. превращение их в домашних слуг.

21 апреля. Пятница.

Задача истории — государство.* Моя задача — личность. Я должен поднять исследования, материалы для прояснения личности.

Это не собирательное, но тип.

В каждую эпоху я должен переносить личность из одной среды ее жизни в другую. Из княжеской среды в дружинную, в сельскую, в посадскую, в ремесленническую, в казацкую и т. д. Везде я должен отыскать тип, характеризующий среду и самую личность. Личность — тип — вот точка отправления и цель. Все, что связано с развитием, с жизнью, бытом лица — все это интересно для меня. Вместо государства я буду следить за лицом, отыскивать его везде, радоваться и горевать за него.

А что такое лицо? Оно человек — вот объяснение.

Деспотизм, везде деспотизм. Деспотизм общества. Америка, деспотизм партии, какой бы ни было. Деспотизм приличия, веры, привычки, и т. п. — все-таки деспотизм и другим ничем его назвать нельзя. Свобода одна. Свобода лица развитого, согласно всем требованиям природы нравственной и физической.

Вы скажете, что для общего блага допускаете деспотствовать обществу. Да, но только согласитесь, что это все-таки деспотизм, в какой бы либеральной форме он не явился.

Чем больше тьмы, мраку, тем больше привидений, верований во всяческие чудища. Языческие и христианские.

Дикари живут. См. у Токвиля[1] том об американцах. Этот элемент долго господствует.

Деспотизм есть такое условие человеческого быта, которого миновать

* На полях: «Я б хотел в учебник».

нельзя. Он среди пеленок, в детстве, в школе, в юношестве, в службе, везде. Везде мое «я» попирается чем-то. Стеснено. Здесь нужно разобрать, какому деспотизму руку подать. Я не хочу деспотизма демократии так же как и самодержавия. Я свободно выношу один деспотизм моей физики и разума, т.е. законов природы, а не чьих бы то ни было учреждений, уставов, власти, хотя бы они были либеральнейшими.

Лицо — важное дело, потому что оно все создает, хозяйство, промысл, литературу, политическое устройство. Оно — корень всего быта и всех порядков и условий жизни. Внешние влияния не столько значат, хотя и определяют, ограничивают характер лица.

До сих пор история занималась обществом, а не лицом. Во имя общества делались и худые и хорошие перевороты, учреждения и т.д. Обществу, государству, народности приносимо было все, и оно получило развитие широкое. Англия, как общество, государство, цветет, расширяется, благоденствует, управляет всем миром. Но каково там лицу? Что сделало это цветущее положение общества, государства для лица? Много ли? Кажется, не много. И Англия во многих отношениях стоит не выше всякого другого государства. Стадо, общество очень выиграло, а единица — ничего. То же насилие, тот же произвол стада против единицы. Единица также голодна, холодна, неразвита и невежественна. Разве это успех? И где прогресс?

Есть прогресс, но он не заметен для единицы и очень заметен только для государства, народности. Для внешнего состава, где все-таки успевает пронырство и все-таки свободы нет — есть свобода для государства, а не для единицы в нем. Есть свобода внешняя, а не внутренняя. Милль[2].

Петр разорвал с преданием. Что такое предание? Его зародыш, развитие, сущность, жизненные его порождения (подробности и факты), его влияние на все, на всю жизнь, на все стороны жизни. Петр освободил. Как и чем? Его реформа сделалась также преданием.

Виноват ли он в этом? Он стремился к свободе, и если б статисты реформы не поворотили и не обратили в предание дух реформы, не то было бы. Но дух реформы все-таки жив и оторвал нас от прошедшего навсегда. «У нас нет связи теперь», — очень плачут разные фино-хохлославяне и т. д. Пусть плачут. Они не воскресят старины. Тоска о предании — пустошь, охания ума. Мы должны черпать из современности все разумное, а не из старины. Что в ней было хорошего? Новгород? Но можем ли мы жить теперь так? Впереди, а не позади наше спасение, как и у всякого отдельного человека.

10 апреля. Вся история есть развитие человека, как лица, не как скотины, а как лица, развитие сердца и ума. Везде в делах людей движет всем прежде сердце, редко ум, оттого так глупа история, такие раскаяния несет за собою. Отрадно бывает, когда ум гармонирует с сердцем. Это бывает очень редко. Теперь в Италии.

А то обыкновенно действует одно сердце. Следовательно, вся история есть история сердца. Его развитие, очеловечивание, гумманизирование.

3 июня. Томаковка[3].

Италия, вообще, чудная, роскошная природа вызывает ли какие-либо иные, неведомые доселе чувства наслаждения красотою поэзии или пробуждается одно и то же эстетическое чувство при всяком уголке, ландшафте, под какою бы он широтою не был. Мне кажется, родник поэзии один. Из него точит красота места, женщины и т.д. одну струю. Разница в том, что в Италии чаще его действие, в других странах реже. От того народ тупее, материальнее, сильнее, животнее, обладает меньше воображением, или оно не развито, не воспитано. Источник один, и человек везде равно может наслаждаться природою, лишь бы пробилась эстетическая струя.

Стадность — элемент жизни вообще живущего и особенно человека. Стадность — начало гражданского общества. Стадность во всем, куда один баран — за ним бегут и все, не взирая на опасность. Стадом мы принимаем веру, решаем, кто подлец или мерзавец. Стадом бежим за амулетами-словами « вера», «царь» и т.д. Из стадности люди до сих пор еще не освободились, все делают стадом, не размышляя и не обдумывая каждый по себе о всем что делается и случается.

4 июня. Воскресенье. В Екатеринославль приехал, 5 [часов]* — в Нейенбург, с 6 — в Томаковке.

18 июня. Понедельник. Часов в 10 вечера увидал Камеру, указал отец Григорий, как провожали его. Он беседовал долго с нами.

Жид в Екатеринославе развелся с беременной женою. По закону их — можно. Та взяла с него только, что рожденное дитя он будет кормить и воспитывать. Он согласился. Женился на другой и поселился в Томаковке. Через 8 месяцев привозят две жидовки дитя. Есть у них закон, что если мать сама кормит, так отдавать от себя не может. Следовательно, родивши, она отдала кормилице и няньке. Те привезли дитя. Отдают двухмесячного отцу и требуют платы за кормленье. Деваться некуда, деньги нужно было отдать. Те съехали. Дитя остается как чужой. Собрался народ. Смотрят. Одной бездетной хохлачке говорят: вот у тебя нет детей — воспитывай. Та рада. Берет и говорит жиду: ты платил, плати и мне. — За що. Бери так, а мне до него дела нет. — Да он твой. — Так что ж? Хохлачка взяла. Отец Григорий встретился с жидом и говорит: дите твое, а по нашему закону его окрестить надо, а сам послал к благочинному запрос: можно ли крестить. Тот разрешил. Дитя было окрещено публично. Жиды поднялись. Жид прибегал, плакал, просил, говорил, что он на том свете пропадет за такое преступление, что дитя его окрестили. Какой-то 2 гильдии купец взялся жаловаться в Екатеринослав губернатору, отцу жидов и архиерею. Издержали 150 р. Отец жидов также передал архиерею. Кончилось тем, что жидам сказали, что просьба их не резонна, а священнику, что он [?] один [виноват]* и потому взяли с него пени 10 руб. серебром.

---

* Вставка редактора.

П.С. Миклашевский[4], когда управлял в Беленьком, то каждый праздник перед обедней порол человек по пяти и больше, т.е. поронье было в таком ходу, что нельзя было и к обедне ехать без того. Зверь. Да и рожа такая. А с нами расцеловался.

Робить, как дурни люды в Шведчину[5]. Федор Шевченко в Томаковке. Люди, чтоб швыдче бежать от войска неприятельского, приладили у возов и с задней стороны оглобли. Ибо откуда ждать? Или впереди, так в задние запряжем коней, если сзади, так запряжем как надо. А враг-то пришов с боку и всех их застал в затруднительном положении. Они не ожидали.

Хвост у кометы Сидор назвал Парус.

Крыга идет — лед.

Поп читал проповедь, чтоб не ели рыбу, когда ходила холера, а хохлы поняли, что поп читал манифест о свободе. Когда на самом деле читал манифест — вышли из церкви и балакают: каже не исти рыбы.

Испугался, так ажио волосы лезут в гору. Становятся дыбом. Райдуга по-хохлацки значит веселка.

Сукиного сына — дивчина якая все плачет — ребенок.

Боклаг — боклага.

Параська высока до неба, дурная як треба.

Калюжи — лужи.

Хиба ты не чуешь.

Чувство любви у него было так сильно и выразительно, что мало-помалу его стали уважать все, а иные любить. В течение времени он стал почти святым. Отсюда вышли все учителя. Андрей Денисов[6] и т. п.

У другого тоже чувство любви пошло в другую сторону. Он стал разбойником, великодушным, но разбойником. Страстность любви взяла другой исход. Два начала. Любовь соединяет, плодит, создает. Ненависть уничтожает.

С нынешней поездки у меня стали раскрываться глаза, что люди хуже свиней и всякого животного, да и не выше по развитию. Тоже свиньи, а собаки превышают во многом. Гораздо добрее, умнее, честнее.

19 июня. Труд свободный, а не подневольный, работа. Привычка к бесскучному труду, отвращение от барства — вот что делает человека челопеком, развивает в нём всё доброе, деятельные начала, очищает, освобождает его понятия и даёт ему силу приобрести независимое положение и самую свободу — вот что исключительно освобождает его.

Сейчас увидишь, кто сызмала привычен к труду и кто бегал только и гонял собак! Никакого дела он не сумеет вести порядком — всё нескладица, путаница. Никогда не выполнит слова в точности, неряшество всестороннее и дела запущены. Разврат чувства, мысли и т. п. Макар и т. п. Все паничи и баричи.

Школа необходима для всякого. Отчего мужики дики — оттого, что не бывали в школе, а наибольшею частью бегали с собаками, курами,

свиньями лет до 10, росли как домашний скот, как домашняя птица, не человечески воспитывались. Оттого его понятие о честности, аккуратности, исправности, отчётности, точности, однословности и православности самые путаные. Ни добродетели, ни порока он хорошо себе не представляет — ни прав, ни обязанностей не понимает. Растёт как домашнее животное, а между тем он член общества, государства, он гражданин, чиновник. Что он может сделать и принести для общества, когда он имеет понятие об обществе как о стаде, о стадности, которая и обманывает нас даже своею формой — мы принимаем её за общинный быт. А это стадный быт, общая пашня и передел, т. е. переход одного клока на другой. Всё делается стадом, а не обществом, которое требует мысли, сознания в своих членах. Вот почему немцы, англичане, американцы человечнее нас — т. е. развитее, у них общество и меньше стадности. Они пережили период стадности, через отделение от стада личности перешли к настоящему обществу, или переходят. А мы ещё и теперь стадо. В самых образованных кругах преобладает стадо, где берут горланы и ведут за собою брыкающееся стадо. Что ж из того, что в нас есть кроткие, добросердечные элементы. Овцы, коровы добродушнее нас, телята и т. д. Доброе сердце тогда человечно, когда оно сознательно. Что ж толку в добром сердце животного, которое оттого всегда пассивно и порабощено. Сознательный труд — вот исход из стадности, где всё неопределённо, неуловимо, неясно. Твоё-моё непонятно и не понимаемо. Оттого и неопределённы мы к добродетели и пороков куча — оттого, что мы стадо.

20 июня. Понедельник. Человек пришёл в эти леса, болота (русский). Он должен был устроиться сообразно условиям, какие представляла природа страны. Он должен был создать себе такое, а не другое, жилище, одежду, найти пищу, создать себе промысл, занятия, верование, убеждение, образовать свою мысль, своё чувство, вкусы по таким именно, а не другим явлениям жизни и природы. Образовать, т. е. дать образ, вид, определённость. Он должен был освоиться, измениться сам и изменить даже ландшафт страны. Вместо леса — пашня, изба, сельский вид, пейзаж. Это уже человек создал. Оттого пейзаж да и природа хороша в картине, если художник бросит в неё какой-нибудь след человека, человек образует, даёт образ природе, местности.

Мошки много с весны до половины июня. Между 15 и 20 числом в великом множестве является стрекоза, которая и съедает всю мошку. Именно особенно заметно это было 20 числа.

Видели ещё комету, хуже.

21 июня. С утра и весь день почти шёл дождь и было пасмурно.

О Петре. Параллель с человеком, в котором совершилось саморазвитие. Перелом мой. Сначала вера, суеверия в мечты в идолы, во всякую чушь. Поклонение и преклонение пред авторитетом. Пётр — это своемыслие. Самостоятельность пробудилась и двинулась, пошла ломка. Храмы

разрушены, идолы повалены, многое очищено, но многое ещё остаётся, как старое платье. Не верим в Бога и служим молебен Иверской.

Верим в науку, знание и боимся его, почти преследуем её и т.д. Нужно в моментах изобразить. 1). Картина древняя. 2). Признаки поворота. 3). Самый перелом, сорвалось с цепи неистовство, неразборчивость, разврат. Эманципированная нравственность, сняли цепи, а начал ещё не имели. Оттого нравственное блядство.

Каждый человек есть песня, музыкальная пьеса, гармония и склад, который не допускает диссонансов, а если такие от внешних влияний и действий являются, то человек впадает в борьбу, называемую драматизмом. Он страдает от нарушения гармонии своего внутреннего «я» с внешними препятствиями.

24 июня. Суббота. Были вечером у отца Георгия. В конце мая было освящение церкви в с. Беленьком. Губернские власти собрались. Все ехали, конечно, на обывательских. Губернатор Сиверс[7] возвращался, вероятно, хорошо поевши и выпивши. Подставные должны были дожидать его особу, чтоб вести дале. Управитель деревни сказал хохлам, что его сиятельство нынче не будет. Те дожидавши целый день, отправились по домам всего за 1/4 версты повечерять и к рассвету прибыли на место, где уже забрали карету его сиятельства, которое изволило спать и не знало, что произошла остановка в лошадях; не более однакож 5 или 10 минут он спящий дожидался. Становой озлился на крестьян и непременно хотел их выпороть за такое преступление. Отец Георгий встречает мужика, хохла Степана, но по прозвищу Иванова. Тот просит его защиты — хотят сечь, уже воз розог повезли. Георгий обещал. И как бы случайно встретил станового, спрашивает: «Ну как вы проводили своего?» — «А вы как своего?» — т. е. архиерея, ибо и архиерей тоже был.

— Да мы покойно.

— И я хорошо, слава богу. Только четыре проклятых хохла не выехали в срок, я их отпорю на славу.

Георгий кротко заступился, говоря, что ведь остановки собственно не произошло. Губернатор не знает и проехал покойно; за что же бедных людей наказывать.

— Я вас прошу потому ещё более, что, признаться, я обещал, что вы не накажете, надеясь на вашу доброту.

— Нет, непременно.

Под конец согласившись, всё-таки сказал: «Надо постращать хоть разок». Хохлы приуныли. Ну позвал их, разругал, раскричался и положил, так сказать, на плаху и отпустил потом. Сечь, сечь — вот здешняя система управления. Наводит страх. Вот причина, которая движет здесь начальством. В 1856 году летом здесь была кровавая экзекуция, какой верно и скифы не видывали. Известно, что народ тогда пошёл врознь, побежал. Пленные, проходя этими местами наговорили, что Николай де воюет за христиан, а Англия и французский Наполеон воюет с Николаем за крепо-

стных, что в Крыму будут земли раздавать. Народ крепостной пошёл. Становой Кравчинский не только поехал сечь, но и стрелять, говорят, из собственного ружья убил двух. Затем наловили беглых и в Томаковке перед расправою и перед церковью каждый день секли мужиков и женщин до полусмерти так, что били как статую. Кричит, кричит — замолчит. Одну 60-летнюю старуху до смерти засекли. Едва дыша она потребовала духовника. Поп пошёл. Но становой его самого хотел взять под арест. Допрос. Как, зачем ходил к арестантам. — По своему званию вы их возмущали. Я вас под арест. — Куда вам угодно, но по долгу я обязан. Так старуха и умерла без покаяния в тот же вечер. Свезли её вверх на кладбище. Там и издохла.

Стон, плач целый день. Поп уехал. Детей прятали в задние комнаты. Жить было нельзя. А кто по сёлам, так ужас. Хохлы помягче, говорит исправник. Они ещё помнят 56 год. Этот год дал им память.

При нас, на ярмарке, у комедии стоял хохол и зевал. Жид у него вытащил из кармана деньги. Тот увидел, отнял и вытянул его вдоль спины отлично. Что же. Хохла потащили к становому, как вора. Становой его избил, хотел выпороть.

Томаковка сначала имела не более 30 хат, около церкви. Хата Семёна Кононенки была крайняя. Большею частию пришли люди из Полтавской губернии и свои расселились.

Запорожцы иные оставались на своём пепелище, которое роздано уже было помещикам. Они жили себе, с них ни оброку, ни работы не требовали. А как стала ревизия, записали их за помещиками — вот и сделались крепостными нежданно, негаданно.

30 июня. У помещиков и крестьян здесь такое правило, что ни один крестьянин без спросу помещика не может ничего продать из своей собственности. На том основании, что разорится, прогуляет всё. Краснокутский — когда приходит к нему мужик с просьбою разрешить продать барана, гуся — не позволял продавать и давал обыкновенно взаймы деньги, что нужно. Как делают другие?

Однако ж я вовсе не умею вести дневник. Моё внимание ещё не настолько внимательно, чтобы тотчас же заносить в тетрадь всё, что ни случится. Например, случилось весьма важное — именно нас оклеветали, я же ни строки не записал.

Как приехал в Томаковку, к вечеру же услыхал от Андрея Васильева Краморя, что Макара прошлою осенью искал по степи исправник, допрашивал, что вырыли? Потом Макар рассказал, что две недели гоняли за ним казаки туда-сюда. Наконец настигли в Томаковке, где письмоводитель станового предложил ему, что если он, Макар, не хочет нарочно ехать в Екатеринослав, то пождал бы здесь исправника, который ищет его, и велел даже прислать в город. Явился исправник и допрос Макару. Садитесь, пожалуйста. А письмоводитель стоит. Вы расскажите по правде всё, что знаете. Именно: что вы рыли в могиле, сколько золота. Говорят, 12

подсвечников золотых? И т.д. Макар хорошо не объясняет. Что вы выкопали? — Железо, медные бляхи. — Какие же это бляхи, может они золотые. — Нет, они ломаются. Стрелки. — Какие же стрелки? Он написал: не знаю из какого металла? Спрашивал, почём работает? — по 1 р. 70 к. — При ком вы договаривались? При старшине? — Нет. Переписывались в Москву.

Потом пришёл Шолабола и рассказал, что об нас по степу между людьми идёт молва, что мы золота нарыли много и всё себе взяли, а черепки только в Петербург отсылали, что самый Макар привёз это сведение в Беленькую, что нас под суд отдали, что и его потребуют в Санкт-Петербурге к следствию. Он и Якову это говорил. Яков это сказывал нам, что он ему говорил, что и его под суд возьмут и допрашивать. Шолабола говорил, что к П. М. Миклашевскому приходили и говорили, что в Толстой Беленькой нашли много золота и скрыли, взяли себе. Миклашевский не поверил будто бы, да оно и понятно. Человек сколько-нибудь образованный.

Затем были у попа. И тот говорит. Был нынче у Патруски-матери и говорю, что паны из Санкт-Петербурга приехали. Она говорит. Да ведь они говорят, золото всё покрали. — Кто вам сказал? — Верно Павел Степанович! — Не прислали бы их опять. Вот каково. Не было печали, да черти накачали. Какова сторонка, каковы люди?

2 июля. Воскресение. Русскую историю обозреть бы также как «Сущность религии» Фейербаха[8]. Т. е. сущность русской истории, ибо каждая вещь имеет свою сущность. Что она? и на что пригодна? Сущность фосфорных спичек и т. п.

Степь. Крутом горизонт, точно сидишь на поверхности огромнейшего глобуса. Жаворонки поют без умолку. Много пород. Вот бежит с вострым хохолком такая изящная благородная фигура, точно какой-нибудь камер-юнкер. Вот другой несётся величиною, как перепел. И все в одиночку или редко паркой. Там торжественно махает крыльями ястреб-лунь, отыскивая молоденькую птичку или молоденького суслика. Вот другой поменьше давно уж сидит на шляху и терпеливо дожидает тоже молодого жаворонка. Подле вас с разных сторон почувствовали ваше присутствие овражки. Выскочит из норы станет недвижимым столбиком, сияет светлый глазок и как будто отыскивает ваш глаз, свиснет раз-другой, а сам скорей юркнет опять в нору.

Вообще я заметил, что все животные — кроме глупых коров, овец — отыскивают ваш взгляд и кажется по взгляду судят, кто вы такой — чи враг, чи мирный человек. По крайней мере утка, когда подходил я к утенятам или качатам, всегда выворачивала кверху голову, отыскивая мой глаз и пристально всматривалась, испытующим глазом хотела узнать, какое намерение я имею в отношении её любезных утят. Свинья смотрит больше на ноги, размышляя, вероятно, или задавая себе вопрос не съедобны ли они, нельзя ли их покушать. Лошадь также смотрит прямо вам в

глаза. О собаке говорить нечего. Для них в человеке кажется один глаз только и существует, т. е. как предмет, который они понимают.

Степь пахнет большею частию скотским потом. Но надо сказать, что трава с каким-то сильным запахом. Например, сухое сено — точно розовый табак. Когда зелено — вид недурён. Впрочем, и не очень хорош. Вот молочай желтеет целые десятки вёрст. А вон чернеет какая-то трёхугольная полоса — это баштан. Чернеют здесь только шляхи и шляшки. На горизонте темнеют могилы.

Ночью стон чайки. Дикий ужасный крик чабана как крик форейтора (ямщика) в почтовой карете, когда он кричит.

Вчера Иван Петрович* ужасно вспылил на меня за то, что я его же обвинил за неприятности поездки его с попом в Екатеринослав. Поп предложил ему ехать вместе, сказав, что квартира у нас будет славная и с этой стороны мы будем обеспечены. Что же вышло. Приехали, остановились у какого-то чиновника. Иван Петрович валялся на диванчике, подложив сальную подушку. Обедал у Морица и дома вообще не жил. Предложив из деликатности: что я должен буду? — он получил уклончивый ответ, которым однакож прямо сказали что «пожалуйста». Какое разочарование. Но что дать? Чиновник. Мало дать как-то совестно. Он по-барски дал три рубля. Да самого попа вёз туда и обратно даром на почтовых. Бричка была поповская? За всё за это ни слова приветливого.

Надо заметить, что поп ещё из самых умных и чувствительных здесь людей. Таковы здесь обычаи. Человечности нет, общежительности. Например, наш хозяин набрал нынче малины и повёз на базар продавать по 30 копеек фунт. По нашим обычаям следовало нам принести тарелку в поднос. Он мог быть уверен, что она будет оплачена. Тем более, что мы уже с полведра водки испоили на них, ласкаем детей. Иван Петрович фунта два конфет роздал им; я раза три давал монпансье. Сидору во время ярмарки дал 20 копеек на пряники. У нас, как мы переехали на дачу, хозяйка во всяком дворе сейчас же на поклон десяток яиц. А ласки меньше гораздо с нашей стороны. Конечно, яйца оплачены.

История — развитие человека соответственно данной местности, обстановки и всем мелким и крупным обстоятельствам, в каких станет жить народ. Всё равно как и отдельный человек, народ подчинён в своём развитии природной среде, т. е. естественной и среде нравственной, которую он вырабатывает сам. Его религия, верование есть его поэзия, его сердце, он сам. Его промышленность, хозяйство, экономия — есть его ум, смысл. Всё это поставить во главу угла и провести историю русскую как одного человека. Химеры византийские чем были лучше или хуже собственных, чему помогли и что остановили.

А вон хатка выглядывает одним глазом точно живое что-то. Подъезжая к хохлацкой деревне, прежде всего издали ещё завидишь множество

* И. П. Вольский.

каких-то великанов, стоящих с растянутыми руками, иные подпёрлись в бока, точно мужички громадные собрались на горе да и посматривают вниз в балку, на речку, на свои чуть видные хаты, бесконечные плетни, свиные хлевушки, лачуги, каморы. Вон дымок тянется струйкой из трубы, сплетённой из ветлы и вымазанной глиной с кизяком, а вот уже слышен и запах этого кизяку или кирпичу, что поднят из хлевов и загонов, нарезан квадратами и высушен на горячем солнце.

Совсем особенный запах нисколько не напоминает нашей деревни, не напоминает этого запаха от хвороста, которым обыкновенно у нас топят. Здесь кажется всё пропахло кизяком. Как выезжаешь, так и пахнет от этих плетней смазанных также кизяком с глиною, от хат, от мальчишек и девчонок, которые бегают в переулке, от грязных свиней, от волов задумчиво тянущих воз с сеном. Кажется от самого чернозёма пахнет тоже кизяком.

Степной горизонт всегда увеличивает предметы. Вон на линии горизонта пасётся стадо, вы различаете коров, телят, удивляет вас только особый склад скота. А это отара овец. Каждая овца кажет с быка. А вон выдвигаются на горизонте какие-то чудовищные птицы — идут мерно, торжественно — это гуси. Свинья кажет с быка. А если выдвинется воз, так он такой громадой представляется, что не понимаешь, что это такое. Вообще на горизонте всё принимает крупный вид. Человек кажет великаном, по крайней мере глаз или привычное понятие о размерах путается, сбивается с толку. Чем дальше предмет, тем он понят крупнее. Зато если уже очень далеко — овцы кажут вшами или насекомыми. Самая саранча кажет больше своего размера.

Прежде всего вы и путаетесь в этих размерах. Глаз ничем не стеснён, бежит свободно в даль и не может ещё привыкнуть к здешней перспективе, соображая расстояние с готовым понятием о размере чего-либо. Всё равно как в громадной зале — люди кажутся меньше, а здесь при широком горизонте глаз чувствует какую-то тесноту — т. е. отсутствие предметов, например дерева, куста, с которыми бы можно было сравнить свинью, овцу, гуся. Поп говорит, что когда он был в Киевской и Черниговской губернии, ехал всё лесами — тяжело. Как выехал в степь, точно выбрался из чулка.

Пасутся дрофы, журавли. Нынче в Томаковке был самый большой базар. Масла ни комка. Только и бывает, говорят, у немцев. Огурцы в первый раз, по 5 копеек десяток.

3 июля. Оценку дел и лиц истории, суд над ними, слово о их достоинстве, что нравственно и безнравственно. Разве законно, разумно произносить, держа в руках кодекс современных нам понятий и положений о свободе, прогрессе, нравственности, добродетели и т. д. Нужно судить по тем законам нравственности, свободы, добродетели, какие существовали для тех лиц, в какие сами эти лица верили и почитали их святынею.

Каждый век, каждое поколение имеет свои особые понятия о добре и зле, о свободе и неволе и т. д. В каждом поколении есть свои прогрессисты, свои консерваторы. Консерваторы отсталые, бывшие в своё время прогрессистами и остановившиеся на достигнутой цели. К отсталому примыкает много молодого, редко по размышлению, а больше в силу стадности. Прогрессист всегда более или менее становится на собственные ноги, хотя по чувству стадности и к прогрессистам примыкают многие без размышления.

Оценку делать нужно на всех основаниях в каких существовал только человек данной эпохи.

А мы судим обыкновенно и делаем строгие приговоры с точки зрения современных нам понятий и нравственных положений. Оттого и путаница в науке. Чтобы, например, осудить Грозного — нужно взвесить всё современное ему, во всех мелочах. Нужно прежде всего иметь ясное, отчетливое понятие о нравственном и всех других положениях века, нужно хорошо знать жизнь века. Тогда само собою выяснится и лицо века. А мы, не зная жизни, берем лицо с событиями и судим об нем как о нашем современнике. Жизнь — если она будет нам известна, укажет, что мог и чего не мог делать человек. Как он грешил против положений века и насколько был свят, т.е. в чистоте соблюдал эти положения, хотя бы на наш взгляд они были дики, чудовищны, нелепы. Грешный часто есть только прогрессист, но еще чаще есть в самом деле греховодник, т.е. безнравственный нарушитель святыни века, вполне верующий в нее, но преступающий по слабости нрава, характера, одним словом, человек дрянь. Одним словом, изображение людей и дел должно основываться на нравственных положениях века, действительности тогда существовавшей, а не на общих только психологических и философских теперешних и тоже временных выводах и силлогизмах.

5 июля. Среда. Хозяин наш Шевченко был некогда старшиною и завёл было такой порядок. Под исправника выбирали всегда лучших лошадей и, следовательно, брали от разных хозяев, которые должны были везти повинность, т. е. исправника, так что тройка составлялась от трёх хозяев. Шевченко остановил. Что, говорит, нам исправник — отдадим ему лучших лошадей, а тут поедет прямой наш начальник, окружной — что мы ему запряжём? Дрянь. Пусть исправник берёт к ряду, как будут, без выбору от одного хозяина тройку. Когда узнал о таком распоряжении исправник, позвал старшину в расправу и при всём честном собрании наколотил ему зубы да и постарался, чтоб его сменили со старшинства.

9 июля. Много начальства — вот зло, о котором все говорят и все жалуются. Старшина, сотский, десятский с медною бляхою на груди думают о себе, что они такие же власти, как губернатор, становой и т. д. Старшина Панченко побил плетью бывшего старшину за то, что тот не выехал на сарану*. При этом были четыре его сына, которые сжавши зубы, клялись

* Саранча.

только отомстить детям и внукам Панченки, который тоже с своей стороны сделал возмездие, ибо и в свой черёд также был когда-то побит этим же бывшим старшиною.

Как бы знающ, талантлив ни был семинарист, хоть будь первым, хоть знай пять языков, а если в праздник не пришёл к обедне — тогда прощай — не выпустят первым, а последним, и годы ученья пропали.

Спорим с Иваном Петровичем о художестве. Я раскрыл ему значение исторической живописи. Говорю, что пишут? — Что? По Карамзину, Устрялову[9], по Соловьёву, по Оленину[10], по Солнцеву, а не сами, возьмут событие, наберут костюмов, оружия, рисунков и думают, что всё дело сделано, историческая картина написана. Нет. Этого мало. А человек с умом, истинным талантом этим не удовлетворится. Доказательство — Иванов[11]. 20 лет писал, потому что желал истинно схватить и выразить момент времени и психологии. Удалось ли? Поль де Ларош[12] чепуху пишет. Свои фантазии.

Чёрт развёл огонь, повесил котёл со смолою, вскипятил её. Посадил в смолу русского и хохла. И закрыл крышкой. Через три дня приходит и крикнул — Русский! — Ась? — отвечает тот. Чёрт открыл крышку и выпустил. Опросил хохла. Хохол! — А що? Чёрт захлопнул крышку: варись же ещё. Через семь лет, когда и дрова потухли и смола вся выгорела, чёрт опять поднимает крышку и спрашивает: Хохол? — А що? Выпустил: пропади ты проклятый. До сих пор не выварился.

Бессарабцы прямо взялись за пшеницу и худой хозяин имеет три десятины, что у хохлов только хорошие, а богатые бессарабцы по 30 десятин засевают. Но все бедовые, плуты. Пальца в рот не клади.

Жиды сговорились купить всю шерсть у помещиков за дешёвую цену. Заранее объездили их и условились заплатить такую цену, какая будет на ярмарке 29 и 30 числа, а сами сговорились не давать больше 16 рублей. Приехали прусаки и русские. Не знавши этого, они надавали 16, 50 и 17. Жиды сейчас к ним — пожалуйста, не давайте больше. У Лукашевича русский сторговал по 17 и сказал, что купит после ярмарки, ибо дал слово держать цену.

14 июля. Я чернорабочий — это так. Но служа в Комиссии я делаю чёрную работу для других, а можно бы поработать хоть черно для себя. Как выбраться из Комиссии? Вот вопрос.

С июля степь начинает буреть, желтеть, пестреть копицами скошенного сена и хлеба. Она делится полосами — как вообще паханое поле. Там и сям вырастают огромные скирды 12 саженей длины и 6 ширины. Иногда они стоят рядом как северные крестьянские избы в сумерки. Вы и в самом деле примете их за деревню. Во время косовицы вся степь населена, оглашается стуком глухим колёс. Арбы поворачиваются в разных направлениях. Громадные возы, придуманные немцами. Вот вправо от дороги косари в ряд, человек двадцать, мерно машут косами, как машина враз срезают траву. Вот хохол волочёт веревкою копицу на паре волов к скир-

ду. Сам стоит назади, вперёд опускает грабли, собирает сено. Сена прибывает и немного погодя является новая копица.

12-й час. Работы прекратились. Под возами лежат дети, около собаки, хохол разводит огонь, вот высек кресалом, зажёг пук соломы, машет во все стороны — вот солома вспыхнула, зажжён кизяк или привезённый из дому кирпич — закурился дымок синий, вьётся столбиком кверху, ибо не шелохнёт на степу, только сверкает на горизонте нагретый солнцем воздух и увеличивает предметы. Бурьян становится лесом, вон как есть пирамидальный тополь, а вон вдали должно быть селение — вон ветлы, груши, хаты, трубы это всё мираж — это трава на горизонте. А вон загон, видный вёрст за 30, он чернелся полоскою, а теперь громадное строение, которое колеблется в воздухе, волнуется его верхушка — кровля, А вон вода, вода рекой, должно быть, озеро, море — всё вздор. Вон внизу, широкой балки кустики — это ставок, а подле него по гребле насажены с обоих сторон ветлы, вербы. Вода грязная. Посреди вырос очерет.

Вечер. Стало прохладно. Ощутительнее запах степи. Сильно пахнет чабрецом, полынком, иногда донником* — местами тот или другой покрывают целые десятины. Слышнее запах хлеба, сена. Сумерки наступают быстро. Ещё солнце довольно высоко над горизонтом, а уж восток синеет и темнеет, а чуть лишь закатилось — тотчас в четверть часа делается темно. Шляшки теряются, полынок сереет линиею, а вы принимаете его за битые колеи. Свет месяца ещё больше вас путает и наконец вы сбиваетесь с пути, едете по степу, по целине или цалине дальше, дальше, всё думая, что недалеко сбились с шляха и вдруг въезжаете в балку, бурьян становится густой, ехать трудно. Стой. Давай искать шлях. Вот он. Наклоняетесь до земли, изучаете руками, смотрите во все глаза и кажется видите: вот дорога. Вот дорога — восклицает кто-нибудь из вас. Действительно вы видите чернеют две колеи, — радуетесь. Пошёл. Две колеи сделала арба с сеном или хлебом на простец, т. е. прямо целиком, — вот эти колеи и пропали, и вы снова в отчаянии. Приходится ночевать в степи. Кругом жилья нет.

Сумерки. Солнце закатывается. Хохлы кончают работы. Там и сям зажигаются огоньки — то гаснут, то сильней разгораются, варят хохлы борщ в казанке, привешенном на трёх вместе составленных дрючках или палках.

Ночью после дождя шляшки чернеют и вам ехать покойнее, по крайней мере, не собьётесь с дороги.

Кто Петра не любит. Кому он не по сердцу, ненавистен. Простой человек, когда вы расскажете, все хорошее и всё жестокое, простой мужичок, купец, вообще делец — поймёт Петра и оценит настоящим образом. Ленивый, белые руки, помещик по привычкам, вкусам, по душе — будет ненавидеть, а что любопытно, будет прятаться в своих разглагольствиях за современную гуманность, либерализм, за все современные слова-амулеты.

---

* Над этим словом написано «буркуном».

Все литературы выразили по преимуществу помещичьи взгляды, вкусы, инстинкты, стремления, чувства, воспоминания, типы, идеалы, образы и т. п. Мужика нет. Мужицкого, народного в обширном смысле взгляда нет. Есть специальный взгляд — помещичий. Пётр — оселок человека. Кто не любит Петра, тот барич, попыч, и он не любит, ему не нравится в нём именно этот, дельный и деятельный элемент, чёрная чёрствая работа, самодельность везде. Они — белые руки, рождённые поедать чужие труды. Разве в этом меньше жестокости. Разве каждый барич — не есть варвар — в другой только шкуре, благообразной, на тупой ум. Кто что-либо делает, тот не может не быть жестоким, одна праздность гуманизирует, из прекрасного далёко наблюдает мир и людей. Нет ты поди поработай в грязном близко — да тогда и говори. Помещичий элемент теперь проснулся, вопит всюду: в дворянских съездах, в журнальных статьях, в фельетонах и т. д. Он заявляет свою жизнь именно в то время, когда ему сказали конец.

Что такое нравственность. Домострой своего времени? Это круг понятий, правил жизни и поступков для отдельного лица, созданный жизнью, нажитой как богатство, довольство веками, заботами, стараниями поколений, богатство, завещанное потомству для его, т. е. потомства, благополучной жизни. Это истины, аксиомы, добытые для практического употребления. Счастие, благоденствие зависит от их пополнения. Но ведь этот круг условливается степенью развития, очертанием данной эпохи и людей. Раковинная жизнь, без ног, без рук есть нравственная жизнь для своей эпохи. Кто вздумает говорить, что нужно иметь ноги и руки, тот развратник, безнравственный человек, безбожник, еретик, отверженник и т. д.

Полярная звезда. VI[13].

Наше русское образование свободнее от предрассудков, учёных, политических, сословных, религиозных. Мы нива, новь — а по нови хлеб растёт сильнее. Мы сразу оканчиваем со всяческими подобными вопросами.

1863 г.

2 июня. Чертомлык.

Историю писать надо разбивая на главы, поколения. Группа поколений, развивавшихся в одних началах, составит период. Не годами разделять, а результатами, т. е. событиями, всегда оканчивающими подземную работу поколения. Год важен здесь, как верстовой столб, веха. Умственное и нравственное развитие эпохи, вот почва, развивающая и воспитывающая поколения. Событие — туча, гроза, которая разражается над землёю, когда соберёт достаточно и накопит газов умственных и особенно нравственных.

Генерал Струков заранее объявляет по экономиям, что такого-то числа в таком-то часу он выехал из Санкт-Петербурга, из Москвы, из Харькова, из Екатеринослава. Всё это для того, чтобы делали ему встречу. При-

казные были обязаны встречать. Управляющий, конторщик, писарь, токовой, овцевод, десятские, атаман и вообще все должностные. Составлялась роспись, в которой генерал присовокуплял «и прочие, кто меня встретить пожелает». Вот к тому часу и ждут, чтоб не прозевать, а то беда. Ночью встречают с фонарями. Генерал всегда несёт руку вперёд, к которой должностные и все другие встреченные прикладываются, кроме управляющего.

Раз генерал напился, что случается с ним частенько. Сбился с дороги. Ночь. Экономия давно уже на ногах, а генерала нет как нет по дороге, и час казалось бы уже прошёл, а всё нет. Вдруг слышут колокольчик совсем с другой стороны. Едет. Все бросились туда, с фонарями, была ночь. Встретили. Бросились было к руке, а он рукою по морде — не стойте, говорит. Взъехал в экономию. Пьян. Сел за стол и уснул. Проснулся. Пошли было опять к руке. Та же история. Вздремал опять. Люди ждут. Заполночь. Часов пять-шесть ждут. Уж домой надо. Генерал спит. Боятся подступить. Один смельчак, взял да и чмок в руку, которая повисла со стола. Генерал хватил по щеке, да и по другой. — Ну, ступайте. Как были рабы радёхоньки и благодарили смельчака, что один за всех потерпел.

В каждой экономии повешен большой овальный портрет генерала, в полный рост. Рама убрана или закрыта кисеею. Золочёная. Баба раз пришла просить жита и давай самому пану кланяться в ноги. Молчит. — Дай пане мерку жита. Молчит. Три раза просила, ничего не казал! Вышла, а ей навстречу управляющий Григорий Архипыч. — Дедько, дай жито. Просила у самого пана, ничего не казав. — Что же пан? Какого пана просила? — От там в конторе. Управляющий сметил и дал просимое.

Генерал раз осматривал новые хаты в плавне. Ходит около хаты, и мимо двери. Макар думал, что он за нуждой и подальше от него. Наконец генерал крикнул, что за чёрт, где ж двери. Тогда Макар догадался, что генерал спьяну никак не мог попасть в двери.

Раз его встречали. Был никем не доволен. — Не сто́ите! И руки целовать не давал. Привели ему и сторожа экономии. Вот кто меня встретил, один он — и дал ему 50 рублей. Вот тебе за то, что ты один меня встретил.

Ручки целуют у всех панов, даже и теперь. Я сам видел в Черемнове, как к Миклашевскому подходили высокие и дюжие запорожцы и благоговейно целовали руку. И эти люди, дающие руку и несущие её вперёд, в санкт-петербургских салонах говорят либеральные фразы, человечно рассуждают.

А мелкие паны ещё притязательнее. Всё это верно польские обычаи или древнерусские. У Афанасья Алексеевича тоже ручку целовали.

Хохол потому живёт розно, особно, что не может ужиться вместе, рознь страшная страсть завеличаться и не зависеть ни от кого.

Ой на гори та женци жнуть,
А по пид горою, долом долыною казаки йдуть.

По переду Дорошенко
Веде своё війско
Веде Запориско
Хорошенько.

Посередыни пан Хорунжій
Пид ным коныченько
Пид ным вороненькій
Сылне дужій.

А позаду Сагайдачный
Що проминяв жинку
На тютюн та люльку
Необачный.

Мыни з жинкою не возытся,
А тютюн та люлька
Козаку в дорози
Знадобытся.

Гей кто в лиси озовыся
Та выкремем огню
Та потянем люлькы
Не журыся.

28 декабря.

Определения — что есть арифметика, грамматика, поэзия и т. д. — требует то, что не слишком, недостаточно ясно или не общеизвестно. «Стол» ясен и без определения, как и всякий предмет. Но поэзия — что такое? Это не ясно и не понятно, и потому требует определения.

Свойство науки делать отвлечения. Из живых лиц древности она по необходимости создала отвлечения, идеи, бестелесные предметы. Святослав и Олег превратились в имена отвлеченные.

1864 г.

16 июля. Четверг. Приезжал начальник инженеров Кавказского округа. С юношей юнкером. Невежество как того, так и другого поразительно. Говорю, что найдена монета Александра Македонского, что гробница XVIII века. Когда заговорил о вазе, то старший спросил, нет ли надписи. Нет. Да это этрусская ваза. Юноша: тогда ведь не считали с Рождества Христова? Старший заметил, что ведь это было до Рождества Христова. Ничего не смыслят и не понимают.

1865 г.

20 мая. Четверг. В 6 1/2 часов вечера выехал из Москвы. 21 мая. В Туле обед в 6 часов вечера.

22 мая. Суббота. В Орле обед.

23 мая в Курске обед. Воскресенье. Троица.

24 мая. Понедельник. Духов. В Харькове вечером часов в 8.

25 мая. Вторник. Из Харькова в 10 часов утра, с двумя студентами. Ночлег в Константинограде.

26 мая. Среда. В Екатеринославе в 9 часов вечера.

27. Четверг. В 10 часов утра из Екатеринослава. В 9 часов вечера в Никополе. Холод. Дождь попрыскал.

28 мая. В Никополе нашел Макара, сидящего у ворот Александропольского подворья.

29 мая. Суббота. Утром ездил на Чертомлык[1]. Холод такой, что в пальто и шинели прозяб. Дождь попрыскал с градом у шинка в Чертомлыцких хуторах. Заезжал туда и оттуда к Василю Пацюку. Все шире. Дал 1 рубль 20 копеек.

30 мая. Воскресенье. В Никополе. Сборы. Закупки.

31 мая. Понедельник. Ветер сильный переезжать нельзя. Хотел хоть вечером переехать. Нельзя было. А совсем было собрался, уложился, оделся. И остался ночевать. Никто не везет.

1 июня. Вторник. В 6 1/2 часа переезжать стали на галере. Утро тихое, хмарное. По воде 2 1/2 часа ехали на Рогачик[2]. На дороге могила обнесена валом высокая. С нее видна Мамаева к северу гора. Могила ближе к Рогачику, а на земле Знаменской. Грабарь* назвал ее Знаменской. В Рогачике кормили. Потом в 2 часа выехали и ехали степью до ночи. Степь ровная, как лист бумаги. Скука. Сенокос получше степей екатеринославских. Скука. Томительно. Под Новоалександровской могила порядочная. Взошел, шарообразна, кругла. Бока высоко, внизу разложисты, похожа на Толстую вообще. Ехали дальше. Вдали огромная могила. Прямо на нее. За Малыми Серогозами оказался Новый Чертомлык. Едва ли ниже, зато вдвое шире наверху. Площадь 14 сажень. Обпахана и обсеяна. Копать нельзя. Уныние и повертай назад. Ночевали в Малых Серогозах. Решили копать Новоалександровскую. Рабочие приехали в Малые Серагозы. Повернули их на Новоалександровку. Браняться, что долго тудасюда ездили.

2 июня. Среда. С рассветом на могилу. Размерил и стал на квартиру к Семену Сидорову за 3 рубля в месяц.

Начали пред обедом раскопку. На глубине 1 1/2 аршин в 12 сажен от центра к западу и в расстоянии от южной стены саженей «   »** найдено 6 железных гвоздей согнутых в виде скоб, подобных, как найденные в

Чертомлыке в самой гробнице.

---

* Землекоп.

** Пропуск.

3 июня. Четверг. В самом почти центре, ближе к южной стороне в « »* саженей на глубине 1 1/2 аршин от нее найдена могилка. Мертвяк лежал в полусидячем положении головою на запад, лицом к востоку на глубине одного аршина с поверхности насыпи. Подле черепа лежал череп коня к северу, с левой стороны, стало быть: в челюсти простые удила, а на груди кремень. Кости сильно разрушились в прах. В то же время и там же, где вчера, найдено еще 4 таких же гвоздя. В полночь видел во сне, что с Грачевым и, кажется, с Лопатиным я в Симферополе на площади городской сидел за столиком, как в трактире, а площадь вся покрыта огромною аркою, которой я изумлялся и боялся, чтоб она не обрушилась. По стенам перспективно изображены храмы, все церкви наши, русские, с цветными красками, с деревьями. Потом видел городской сад, а в нем пруд большущий, где некоторые удили рыбу, потом этот плот понесло, я ухватился руками за бревно и направил путь к какой-то крыше, ухватился и влез. В кармане у меня очутились часы, белые с золотым ободом, круглые, потом вынул их, они в виде груши или сердца, поискал свои и слышу они в кармане в углу и с золотою цепочкою. Другой сон, на утро. Видел графа. Он со мной холоден. Я что-то все производил конфузное, невпопад и графине что-то сделал нескладное. Граф покупал монеты греческие мелкие свертками и костяные вещицы в золоте и красными камешками. Будто как в Оружейной палате. Утром холод такой, как в сентябре.

4 июня. Пятница. Один старик сказал Макару, что могила зовется Козел, что и большая зовется как-то, что есть и еще могила большая. На Светлый праздник приезжали было крестьяне копать в ночь, так огненное колесо выбежало из могилы, и так испугались, что бояться и подумать снова копать. Около могилы много поделано ямок не более аршина или 1 1/2 аршина глубиною — все искали клада.

В 7 часов утра холодный ветер с юга, мелкий дождь, точная осень — октябрь. Все время мечтаю найти золотую чашу с изображением скифов, работы вроде Бенвенуто Челлини[3].

Крестьяне празднуют, ибо девятая пятница. У северной стены найдена трубочка от уздечного ремня, бронзовая.

Приезжал на могилу чиновник для истребления п р у з а или п р у с а, род сараны. Какие есть должности! Я — чиновник для раскопки могил, тот — по истреблению сараны. Он, говорят, наживается, мнет хлеб, когда и не нужно. Крестьяне откупают свои полосы, а то, хотя уже и жать пора и сараны не будет есть, а он помнет для сараны.

С полдня — солнце и сильнейший юго-западный ветер. Большая могила зовется Огуска.

5 июня. Суббота. Утром ходил на могилу. При мне нашли в северо-восточном углу ручку амфоры небольшой, а на западе найдена большая железная обойма, верно, недавнего времени. Старик рассказывал, что они

---

* Пропуск.

пришли сюда 46 лет назад из Черниговской губернии. Здесь жили хуже, место пожарное, все горит. Многие воротились назад. «Много мерло». Так царь сказал (это было в Бериславле, в котором семь лет сряду вымирали и новые приходили), чтоб святили землю. Вот плугом прогнали крест на крест и с попами ходили. И мы вот святили с попами, так стало легче. Здесь жили татары. Много. А ногаи[4] — это не те, эти едят лошадь. Царь прогнал татар, а то весь скот грабили со дворов крестьян. Жаловались. Царь и прогнал.

Как зовут могилы, не знает или не сказывает, а старику 90 лет и 46 здесь живет.

Воротился домой, обуяла тоска. Что тут делать, как не пить и пить. Опротивили эти могилы. Забыл. Старик спрашивал, откуда рабочие? Из Киевской губернии. «А, из Святой земли».

При мне в северо-восточном углу, у стены найдена ручка большой амфоры, подобно чертомлыцкой.

6 июня. Воскресенье. Утро. В 5 часов ясно, но ветер холодный, хотя и после дождя.

«Ай пить буду и гулять буду, а смерть придет, помирать буду.»

Пришла какя-то разгульная баба, невеста многих женихов. «Да я еще разбираю, кой понравится.»

Лег после завтрака, часу в 12 спать. Дождь, хмарно. Во сне видел, что ходил с Настей в Кремль, по соборам, смотрел разные достопримечательности. В одном — такой высокий поп в камилавке и амофоре. Должно было подойти под благословение, я как-то проминовал, а Настя подошла. Он как бы сердился на меня. Потом, где-то на переходе, как будто из Архангельского собора — толпа. Я шел вперед. М.П.* и Настя отстали. Настя потерялась, я бегал и кричал, что есть силы: «Настя, Настя!» Попались сыновья Алексея Федоровича Сахарова. Он, говорят, помер, а Ал. Ал. дома. Мне не до того, я кричу: «Настя, Настя!». С тем проснулся, но уже кричал будто: «Маша, Маша!». Пред тем где-то на дороге зеленый луг и сад, что ли. Вдали — ряд статуй древних. Я показывал Насте.

7 июня. Понедельник. Бояре кланялись царю в ноги и считали это приличием, благонравием, а не унижением, ибо в рабских понятиях, которые они почерпали в учении церкви и ее учителей — это нисколько не осмеивалось, а, напротив, развивалось. И благородный человек мог гнуть не только шею, но и спину перед царем, владыкою земным. Какая философия: владыка небесный и владыка земной, чин небесный, чин земной, по-небесному устроенный. Вот оправдание всякому человеческому безобразию.

Дух человечества, законы его жизни, умственный и нравственный, его отвлечений и творческих сил, есть совокупность тех фактов, управляющих или созидающих жизнь единицы, индивида. Индивид носит в себе в

* Марья Петровна — жена Забелина.

микроскопическом виде все то, что являет человечество, т. е. общее. Творчество есть стремление дать отвлечению, мысли, умствованию живую образность.

Общее — сила, частное — ничто. Частное умирает, как листья на дереве, общее живет долго, как ствол дерева. Общее нам больше жаль, чем частное. Частное мы презираем и благоговеем пред общим. Народ и мужик. Ошибочно иногда судят о народе по нраву и характеру мужика.

Русский диче хохла. Девушка хохлушка принесла нам цветов и носила каждый раз. От русской этого не жди, в ней нет того эстетичного чувства, чувства любви, какими наиболее наделены хохлушки, нежное чувство, а у русской свиноватое, сальное, циническое.

Община — мир — есть сила, но глупая и тупая, своекорыстная. Ею управляет всегда ловкий пройдоха, староста. Макар подкупил старосту, и мир решил дать ему п о т или под, луговое место, где пасуться кони. Хозяина требовали копать на сарану яму, канаву. Он скрылся, сказав, что уехал в Гамазею за хлебом.

Нынче 7 июня на могиле ничего. Продолжают копать. Стены посредине выровняли в 4 1/4 аршина.

8 июня. Вторник. На могиле ничего, попалась на западе только коневая кость. Вымерены стены.

У июня. Среда. В первый раз пообедал со вкусом, а есть вовсе не хотелось. Поел за завтраком сыра, каши вонючей пóтом и поморил аппетит. Но стал обедать, и ел отлично. Оттого, что был один бульон из курицы без всяких приправ, только малая доля укропа положена, вот и вся прелесть. Бульон великолепный. Даже табак в первый раз стал вкуснее, а Чуюна я ругал, ругал.

В северо-западной части в 2 саженях от северной стены и в 4 саженях от центра обнаружилась трещина, а за ней, к западу рушена земля (от лисьей норы?).

10. Четверг. Северный ветер. К вечеру — западный. Письмо к Грачову. Наш брат там хорош, где нас нет. Вот что хочу сказать тебе на твои порывы ездить, разъезжать, путешествовать. Я сам не совсем еще пережил это порыванье. Но убеждаюсь, что это чепуха, такая же чепуха, как все на свете. Все неверно, а главное все неверно в тебе, а не где-либо в природе или в людях. А отчего неверно? Оттого, что две силы борются в нас. Сила увековечить все, остаться в лете, бессмертным, отсюда все бредни о бессмертии, и еще сила ж и т ь, т. е. ежеминутно менять свой образ, свою натуру, обновлять новыми впечатлениями, не говоря уже о новой одежде, пище, жилище. Словом сказать, нами управляют две силы — смерть и жизнь. Одна в душах, бессмертие, другая — изменчивость всего. Я живу, следовательно, не могу оставаться одним и тем же. Что прожито и пережито, то как говно извергается, как ненужное выбрасывается.

На могиле ничего.

11 июня. Пятница. В деревне праздник. Был утром на могиле. Крестьяне рассказали, что она зовется Козел, что большая зовется Агузка, что около сей могилы было много камню, так валялось, что и копали много камню, особенно с южной стороны, где был как бы пояс, ровно вымощено. Брали много камню. Знаменитая могила зовется Агуза. А около малых могил лежал камень вокруг.

На могиле ничего.

Около Агуза также лежало много камня. А на западе было устлано щебнем, как пол, рассказывал голова.

12 июня. Суббота. В 10 часов утра ураган над Сирегозами, поднялась и закрутилась пыль выше облаков и понеслась в обе стороны и на восток и к западу, а в середине оставался долго широкий столб до облаков, он прошел в сторону, к западу. Ветер — сильнейший, в хате всюду дует, сквозит.

На могиле ничего.

13 июня. Воскресенье. Какая погода! Совершенный сентябрь. Все западный ветер, серые, холодные облака, холод. Крестьяне еще не снимали к о ж у х а . И всякий день так почти. Было раза два, солнце пекло, но както неестественно. Оказывалось, перед дождем, за которым следовал холод.

Язычество было поэзия, олицетворение творчества — оттого обряды, празднества и вся обстановка служения или моления Богу. Там были живы, одухотворены творчеством художников, поэтов, всеми силами эстетического и поэтического народного духа. Христианство же — отвлечение голое, сухое, философия. Оно должно быть без всяких обрядов, кроме воспоминаний (Вечери). Меж тем, язычество одело его в свой костюм — разных народов, разных времен и племен — с заплатами странный костюм. Язычники не могли веровать в отвлеченную идею и одели ее по-своему, как прежде сами веровали. Оттого обряд пуст, бессмыслен, бестолковей. Это иероглиф, символ непонятный. Служение, моление идее должно быть чисто, отвлеченно. Беседа, поучение — вот его форма. Чтение Евангелия, толкование писания. А оно драматизировано в литургии, спектакле без содержания и без поэзии.

В половине десятого — гроза, частый гром, как труба, значит, воздух сух, нет таких глухих раскатов как у нас и во влажное время. Вчера в это же время с юго-запада буря ветровая только.

Н е р у ш ь — это кака, т.е. не тронь. Вообще часто употребляют вместо «не тронь».

Образ Спасителя в хате. На книге в его руках написано: «Во время оно ста Иесус на место равне и народ уче.» Как прилажено к степи.

В 12 часов гроза, громы.

14 июня. Понедельник. Большая могила называется А г у з. Утром туман, день теплый, светлый.

«Эх вы, с и б и р н ы е какие», — хозяйка ругает так скотину и всех. Мать твою шельму.

15 июня. Вторник. На могиле ничего. Рассказы. В то время, как поселились здесь черниговцы, то из могилы выходил верблюд и пугал народ. Лошади боялись даже и подходить к могиле. Говорят, что давно здесь, на могиле жили разбойники и чумака разбивали. Чумак ходил здесь за солью, следовательно, здесь соляной путь лежал. Встремит у могилы пику в гору, т.е. вверх, расстелит подле нее что-либо, вот чумак и должен класть сюда соли, хлеба, денег, а не положит, выскочит разбойник и застрелит из пистолета вола, на одном воле ехать нельзя, вот чумак и пропал. Славный рассказ. Вон едут, видят в степи копье в гору стремит. Это недобрый признак, беда. Чье копье и т.д.

16 июня. Среда. В обед гроза и сильный дождь с градом. Работы не было. Приехал Егор Митрофанов. Вечером Егор Митрофанов говорил от божественного, рассказывал как он спорил о божестве Божьей матери с ментонистами[5] и молоканами[6], доказывая им, что наша вера лучше. Макар благоговейно слушал. Выходит, что начетчик, если и ерунду несет, да текстами, вот и успех, пред ним благоговеют, т.е. благоговеют пред знанием. Начетчик писания умелый человек. Изумление и поклонение, как перед всякой силою. Рассказьшал, что на Кичкале у немцев появилась новая секта, которая бороды уже не бреет. Лет пять только явилась. Молокане живут богато и хорошо.

Полковник, подходя к государю, держал саблю в гору, а подошел — опустил долу.

В Киевской губернии у крестьян рубашки — на груди м е р е ж е н .

Стремление, глубоко лежащее в человеке к знанию проявлялось грубо в сфере религиозной, да иначе и быть не могло. Человек хотел знать, во что он верит, знать все подробности своих верований. Начетчик — лицо великое и успех раскола, ибо начетчик был невежа и своим умом доходил до истины, толкуя и импровизируя свои толкования.

Люди жили без веры, негде было молиться. Близ ни попа ни церкви. Всю жизнь в степи.

Купить, нанять, говорить надо о б а п о л ы — Что это? Доски верхние с бревна, которые спилены.

17 июня. Четверг. Без попов да без церквей ничего не сделаешь. Приезжали сирагозский голова, волостной писарь, сельский писарь Новоалександровки по делу о земле подле могилы Агуз. Поил чаем, угощал водкой.

Найден еще такой же гвоздь с деревом на западном въезде, не глубоко, аршина 1 1/2 с поверхности.

18 июня. Пятница. Могилу копаем, — сказал мне П.Щ. — и этого я ему никогда не забуду.

Макару дано 25 рублей, еще 35.

Литература — выражение народного творчества в слове и в развитии его сознания. Она две стороны имеет: творчество-сознание и научную ис-

следовательность, взыскательность ума. Чувство и ум. В истории должно все это раскрыть, видимо. Собственно, изящное — художество, исследовательское — наука.

Вши, с которыми пью чай и ем суп из курицы и пью воду.

Прислал писарь монету и книги Фабра.

На могиле ничего.

Отчепись — отстать.

19 июня. Суббота. Найдена свинцовая бляшка с скважиною в середине, на северовосточном углу с сажень с поверхностью. Ничего.

20. Воскресенье. Рассуждали с Макаром о том, какая здесь пустыня была за 40 или 50 лет. Табуны диких коней паслись. Тоже под Бобринцем и Елизаветградом. Разбойничали табунщики, накинет аркан и поволочет до тех пор, пока до смерти измычет по степи, тогда оберет. Стали ложиться в повозки. Табунщики придумали маленький якорь. Зачепит за одежду, а то и за ребро и поволочет.

21 июня. Привезли вишни. Купил 9 фунтов и ем. День знойный, на северо-западе тучи. В три часа тихо. Даже и собак не слыхать и не видать. Свиней тоже не видать. Найдено на могиле черепок на западе, а на востоке кости, зубья коневые. Вечером такой зной, как на сковороде, сухо, пылаем. В хату вошел — отрада — хоть немного сыроватая.

Семеро воров, да все на огород, т.е. что двор раскрыт, не огорожен. Племянница называется просто девкой.

22 июня. Вторник. В западном конце посредине найден большой железный гвоздь, согнутый в виде скобки, попадается много дерева трухлявого в мелких кусках. Дождь, после обеда не работали.

Отчего немцы лучше, отчего мы хуже — тысячу раз спрашиваю я и нахожу разгадку в семье. Дети пасутся как свиньи, бегают с утра до вечера ничего не делая, маясь лет 7—10. А в огород куры ходят, их выгнать нужно. Хозяйка старая сама гонит. А мальчуган гонял бы отлично. Баловать станет, за баловство наказывать. И так множество дел во дворе не делают. О дворе вовсе не заботятся. Не считают, что это их двор. Дверь в хату растворена — лезут свиньи, а они глядят себе и не думают затворить, как будто и не понимают, что это худое. Здесь можно было бы приучить с малолетства. А гнезда целый день разорять есть время. Родители, отец, мать рассказывают об этом, как о ловком деле.

Баба не пошла в кухарки за пять рублей в месяц, весь день быть на работе, а ночь с 8 часов ее. Зачем ей идти, когда она сыта и пьяна. Сюда мужик пришел с мыслью, что здесь природа без работы все даст. Но не растет, он и жалуется, что скверно.

Гилья, гилка — сук дерева, отрасль дерева, а здесь галевка — ветвь, сучок. Гилея Геродотова — лес.

Сколько праздных рук ходит по деревне — это беда. Хозяин, чтобы не ехать в степь, а жена гонит, поправляет соломенную крышу, обтесывает колышки, кой-что делает, абы не казаться без дела, а все это дело должно

быть сделано весною, когда степной работы нет или осенью, когда и солома есть, и степная работа кончена. А тут он полегче себе выбирает, абы время поволочить и делает то, что можно бы сделать походя в праздник, в ненастную погоду. Старуха приходила и еще хвалила этого хозяина, когда его жена жаловалась, что он ничего не делает. «У тебя еще, слава Богу, — говорила она, — а вот у меня семеро воров, да все на огороде», т.е. хата раскрыта, растворена.

Свиньи, как я наблюдал, не видят ничего, где что лежит, а только носом нюхают и щупают как рукой. Даже вишневых косточек не находят глазами, а носом обретают. Следовательно, не вверх, не вниз, а только по сторонам. Дети только шкодят, как выразился сам отец. А кто виноват? Они не имеют понятия, что двор их, что надо заботиться, чтобы во дворе все было прибрано, все б было в порядке, скотина ли домой идет — загнать ее, ворота ли растворены, дверь в хату затворить, чтоб свиньи не лезли. По правде сказать, собаки больше делают. Они гоняют свиней, скотину, особенно чужую, чтобы не шкодила. В огороде куры — прогнать некому. Дети и видят, да не их дело. Они сами куры. Их дело, как дело свиней — только шкодить, баловать.

Помним, раздавались неистовые крики против государства, а чем больше всматриваешься в быт народа, тем сильнее чувствуешь всю законность и силу государства, без которого народ пропал. Он и сам говорит: без попов да без царей ничего не сделаешь. Заслуга государства историческая. А в романе Ордын-Нащекина[7] — идеал государства чистого, благодеющего.

23. Среда. После обеда дождь, работы не было. «Здравствуйте» говорят уже после нескольких фраз. — А что вас не намочил дождь? — Э, ни, сухие. Здравствуйте! Здравствуйте — ответ. Царина — пашня, выехали ц а р и н ы — цара — царина. Сара — рек название.

Макару дано 10 рублей на водку ребятам.

24. Четверг. Дано еще 6 рублей. Праздник. День хмарный, ждем дождя. Еще дано 25 рублей.

Государство не нужно для людей развитых, которые сами в себе носят порядок общественной жизни и гармонию отношений личных и общественных. Ну, а если остальная вся масса, громада похожа на свиней и скотов больше, чем на людей, которые дальше носа не видят и не гадают, что есть что-нибудь дальше носа. Тогда что? Для этого скота что нужно? Пастух, сберегатель их же выгод и пользы. Вот законность и оправдание государственной власти. А что она, попадая в личные руки, заблуждается — это дело естественное. Она там заблуждается, где и без того все блудят в потемках.

Четыре девочки лет по 8 дурачатся на боченке, катаются, желая даже перекинуться. Между ними Параска лет двух. Становится за кадушку так, что если она перекатится, они затылками полетят, а Параску изломают, передавят ей кости. Идет мужик молодой, хозяин. Маркоян. И ничего.

Как будто и не его дело. Я весь избоялся, просто глядеть страшно, а он себе ничего, прошел спокойно в хату и делу конец. То же и во взрослых, что и в ребятишках.

Ацю, ацю, ацю — так скликает свиней. Алэ, алэ, алэ на степь, алэ на степь — гонит свиней на степь.

Нынче еще вышел, купил 6 фунтов. Шпанки крупные, но кислые, а щепа легче, слаще.

Баба в Сирагозе нашла какие-то монеты, золотые, ибо не согнешь. Желтые такие (желтей меди), отдала цыганке, никто и за копейку не брал. Нашли казан золотых. Разбогатели. Крестьяне. Указывал солдат Афоня, он же Ермак, хам.

С утра не здоровилось. В 8 часов выпил водки и спал до 11. Пообедал в час и спал до 3 -х. Чай пил, и весь день скучно.

25. Пятница. Где Артем копает, к западу от центра, почти на средине в саженях « »*, против южной стены идет с самого верха рушеная земля. Здесь, говорит, обвал есть. Верно, гробница коней. Здесь же выше попадались куски дерева с гвоздями в виде скобы и один кругляк. Изредка попадаются коневые зубы, без челюстной кости. Прежде попалась и челюсть с зубами, сильно истлевшая в сухой земле, но и зубы совсем истлели.

26 июня. Суббота. На могиле ничего. Я отдаю должное уважение свиной способности брать все и везде, на службе, в жизни, в отношениях домашних. Брать все беззастенчиво, напролом, нагло, дерзко, смело, как свиньи берут свою добычу — корм. Например, от куреней их гонят дубьем, а они отбегут мало, да сейчас же назад, с другой стороны. Их бьют, а они лезут. На них кричат, махают палкой, они себе лезут. Так Линевич лез к Строганову. Собаки, например, имеют совесть бояться, если их раз побили. Я думаю, это происходит оттого, что у собак нежнее кожа, чувствительная и впечатлительная кожа. У свиней, известно, что кожа толстая. Но обоняние не хуже собачьего. К тому же собаки глядят глазами как человек, а свинья только носом видит и щупает. Он у ней и глаз и рука. Она не видит.

Пойдем скорей за водой, а то будет идти ч е р е д а (стадо). Привычка: что делают, так и побросают, не уберут. Дупло без дна и без покрышки, в котором, подослав соломы, долго парили горячей водой полотна и белье, было брошено, когда пареное вынули.

Так оно валялось несколько дней. Свиньи, куры, собаки ходили в него, пакостили. Потом, когда оно возу помешало, поставили в сторону.

Животные выражают свои чувства и мысли только междометиями, т.е. лаем, воем, хрюканьем и т.д. Эге-э-ге — хохлы также междометят, означая этим звуком согласие с говорящим.

26. Вечером. Духота невыносимая.

27. Воскресенье. Жарко.

---

* Пропуск.

3 копейки на к у м л е н и е годится, т.е. что-либо купить, полакомиться.

28. Понедельник. Сильно жарко, в 6 часов утра уже пекло очень, а в 8 — беда. Сижу с занавешанными окнами от мух, в потьмах.

Ухо (уха) называется щ е р б а , т. е. жижа ушная.

Сенцы нельзя о т ч и н и т ь и оставить хоть на минуту. Собаки, свиньи, куры бросаются с азартом по всем углам хаты и сенец, ш к о д а в разгаре. Неужели нельзя устроить иначе? У немца этого нет. Поэтому едите, пьете вы из той же посуды, из какой тянет свинья, собака, кошка — все нечисто. Вот живут в лоне или на лоне природы. С непривычки скверно, а потом ничего.

29. Вторник. Разговелся картохой молодой и славно поел.

Мандрыки — блины из толченого пшена.

Пушкин был шалун насчет любви, как и много было таких шалунов помещиков. Проследить, как ходили за любовью поэты и чем оканчивалось у Пушкина, у Лермонтова. «Мне грустно, потому что весело тебе» — этот мотив. Вообще просыпалась совесть. О том, как поэты относились к любви. Как ее пели. Историко-археологическое исследование. Романсы, песни, повести. Любовь рыцарская, столько в ней поэтического. Любовь только насчет клубнички — веселая, языковская[8], разгульная.

Здесь кажется, первое угощенье — это исканье вшей. Оно же заменяет и беседу. Вот к хозяйке пришла молодица. Она у нее ищет вшей. Вчера искала у мужа.

Общеупотребительное ругательное слово — сволочь. « Э, сволочь,» — сказали большие девки, когда малые, лет по 14 шли и орали песни. Это была ирония. Хозяева часто употребляют ругательство: «Э, сибирная собака, сибирная девка». Хороводов не водят здесь, а песни — русский напев. «Купатьця» — «ця» часто употребляют в конце.

Кумление оказалось вот что: собираются, складываются деньгами, покупают водки, жарят яичню, пьют, едят и поют песни. Всегда все. Потрафлять — кумиться это значит. Давай кумиться, т.е. стало быть складываться, пировать вместе, собираться вместе.

Бабы совершали вакханалию кумления, состоявшую в пьянстве, песнями во все горло. Девки орали на всю слободу. Кумились, т.е. пили только с друзьями, с избранными, к которым чувствовали больше симпатии или дружества. Даже малые девочки, Евдокия, лет 2 -х, 3 -х, Катя, лет 10 тоже были выпивши. У Кати лицо было сине. Хотя мужики и смеялись, что на копейку выпьют, а нашумят на рубль, на грош выпьют, а на два обсерутся или что-то в этом роде.

У меня была мысль, д у м к а . Никакой грации, поэзии, все свинство, собаковство. Праздники здесь любят. Вчера — Петра, нынче — Полупетра. Да прежде 9 и 10 пятница. А интересней всего молодой хозяин: привез сено и сидит себе целый день, ни воды не принесет, ничем не поможет бабам. Немец — великий человек пред нами, беря вообще. Немец, где бы

он ни был, видит, что надо сделать и тотчас делает, а наши похожи на чабана, который лежал подле зерна пшеницы, видел как свиньи едят и лежал спокойно в поэтическом полузабытьи. Про себя скажу: я не могу равнодушно переносить, если собаки, свиньи, куры шкодят в сенцах или свиньи в куренях. Хочется гнать, идешь и гонишь. Откуда эта потребность? А это-та потребность и существует у немца, хотя он мужик. Он не перенесет равнодушно ш к о д у, и в другой раз она застанет его вооруженного, он загородит, прекратит ш к о д у. Нам так не так, ему с малолетства шкодят, он отгоняет или остервенится или рассердится только на сей раз. Через минуту — опять шкода, и так всю жизнь. Это собака, свинья, животное, которое тогда только гонит от себя зло, когда оно чувствительно. Но оно ведь лишено способности предупреждать зло, у него нет ни средств, ни ума на то. А человек, нет, он хуже животного. Мухи, блохи его едят немилосердно, а он — ничего. Немец всех комаров вывел. А здесь мухи кишат — и ничего.

Народ, как идея священна, но не более. Каждый в отдельности требует и отдельной оценки, а частности народа, деревни и т.д. также должны ценится особо. Лентяи мужики могли бы несравненно лучше жить. Они надеятся, что Бог все уродит. И сарану, говорят, не истребишь, — божья сила.

«Бодай вас родимец» — руганье. Бодай. «Где іон» — где он. Подался в степь, т.е. поехал. Он п о д а л с я — поехал.

Давно б а ч и л и с ь — виделись. «Ото самодур поганый, что дума, то и дела делает», — сказала хозяйка. Следовательно, самодур — не есть своя воля, как воля крутая и нрав крутой, а самодур есть самость, что думает, то и делает, следовательно, дурит сам.

Колысочка — люлька, качалка.

30. Среда. Полу-Петр. Ничего. Был поп. Дал ему Пушкина и Записку [?].

1 июля, четверг. Встал до солнца. Ел яичницу в 8 часу. Спал до 10, ел картофель, т.е. обедал в 2 часа. Во сне видел, будто пришел к С. из окна Д. Поздоровался, а там Макар, я одет по-степному.

Дано Макару 10 руб. Вечером нажрался водки да яичницы с салом. Спал ночь как убитый. По утру отрыгал салом.

2 июля. Пятница. Ветер прохладный, восточный. Два раза отдал дань природе без замешательства. Небо имеет какой-то матовый и грозный тон, а чисто, ни облачка. Мухи хуже свиней. Я никогда не видал такой жадности, с какой они льнут ко всему, что только пахнет съестным.

Как я рад был Жучке. Я думал, ее на могиле убили. Две ночи ее не было, а она была в степи.

Люди не далеки от животных. Муравьи, пчелы. Но хуже, ибо те строют свой быт, а эти нередко разоряют, да и кой как волочат. Пчела с мастерством строит улей, работает, а люди — кой как и готовы ничего не делать.

Дерево попадается немного в западном конце у южной стены. Прежде попалась кучка одних конских зубов, страшно перетлели, песок. Это на

средине. Сильный восточный ветер. Вчера целый день и сегодня с ужасною пылью. Доски сносит. Теперь четвертый час. От пыли ничего не видно, сумерки, вся слобода в пыли.

Против — соседи. Жена с мужем разошлась. Увезла с собой все из хаты, разобрала крышу. А он уехал на ярмарку, да так и остался.

Вино наше белое — 15 копеек бутылка, не только прокисло, но протухло.

Ветер такой горячий, как на пожаре.

Буря особенно сильна в 5, 6, 7 часу вечера. В 7 часу над головою туча и гроза без грома. Небо страшное, молния синяя высоко, облака как при разрушении Помпеи. Стоят над головою и во всех сторонах блистают молниею, серебристым освещением. Прошла к югу и всю ночь блистала. Ветер утих мало. А пыль была по степу непроглядная. В 6-м часу смерклось, как в 8 часов.

4 июля. Воскресенье. Ветер тот же северо-восточный, холодноватый. Усиливается в 7-м часу утра. Ставок, точно озеро, волнит и плещет в греблю. Вчера пыль. Не спал с первого часа и до 8 часов вечера. Высокие облака и те запылились, а ниже, где дождевые облака ходят, тут облака пыли были. Я теперь понимаю кровавые дожди и с жабами, с насекомыми. Если такой ветер подымал облака, со степи насекомых, то немудро, что дождь кровавый, с пшеницы или с других растений пыльцу прольет.

Это черт знает что такое. Повторение вчерашнего спектакля. Ветер такой же бурный, пыль облаками высокими. Солнце, то скроется за ними, то проглянет, то сумерки, то светло. Такая мерзость. С утра в огороде жил до трех часов. Стали завтракать, закусывать водку уксусом с горчицею, а потом обедать. После обеда лег спать. После сна пил чай, не сходя с места под двумя кустоватыми вербами. И все-таки скверно и скверно чувствую себя, нехорошо, 6 часов. Хозяин делал поминку по свояку — пригласил бедных на обед.

«Шел бы, да перекусил трохи, и на сердце легче б было, а то ведь агурный, т. е. противящийся, не идет.»

5 июля. Понедельник. Обедал у попа. Он чудак. Уверяет, что три могилы и что он сам видел еще больше Агуза. На ночь обожрался яичницы с салом. Проснулся, скверно, тошно. Все утро страдал.

6 июля. Вторник. Весь день страдал тоскою в теле и ничего не ел.

В западном конце у южной стены найдена куча конских костей, ножные, позвонки, часть ребер.

7 июля. Среда. Хозяйка два свежих огурца принесла. Был болен.

8 июля. Праздник. Дождь. Хмарно. Около Большой Белозерки в 2 верстах, в Подовке могила больше Сирогозской, называемая Цимболами. Говорит Велегура, крестьянин, староста. Был поп, пил чай.

9 июля. Пятница. Сухих грибов натолочь в муку, сварить с солью как тесто и подать с свежим луком. Чудо, а не кушанье.

Хлеб горький. Яйца с толстой пленкой, редька вроде ремня, огурцы

пахнут вялой травой, молоко потом скота, воздух гноем коровьим и потом. Водка — дрожцами. Вода вшами и отзывается глиною.

Русскому человеку оттого далеко «кулику до Петрова дницы вилизати», что он не отделит еще себя от скота, он живет вместе со свиньями, собаками, курами и т. д. Они ходят в хату, ибо он кормит их в хате, потом он поленицы об них ломает с досады, выгоняя вон, а затем опять их приглашает. Он ест на дворе, в сенцах, а около все скотное население лезет к нему в миску или в горшок.

Немец колонист этого не позволит. Он уже отделил себя от скота. В наших местах, в избе — и телята и вся жизнь сообща с скотом, потому и человек столько же близок к скоту и даже ближе, чем к человеку в высшем значении. Оттого дети пасутся, оттого вся неурядица в хозяйстве, в семье, в отношениях, в понятиях о праве, о государстве, обо всем. Все не выше скотского. Хозяин взял да на чужой земле и посеял жито. Собственник, как созрело, забирает весь хлеб себе. Хозяин ищет справедливости, говорит, что половину все-таки он должен получить, забывая, что каждый вор так бы рассуждал. Хочет подавать в суд жалобу, чувствуя себя совсем справедливым.

19 июля. Суббота. Берег. Макар пришел в 10 часов и сказал, что на средине показалась беловатая глина. В 7 часов я сам был, но еще не было. На Сергеевой полосе.

Кухваркин человек пришел, т. е. муж. «Насбирай ломачек», палочек, прутьев, по двору валяются.

Вечером ходил на могилу. Глина сверху беловатая, мешаная с красноватою. Лежит пластом от центра к северо-востоку на 4 сажени длины и занимает ширину сажени две, сажень на средине и сажень на полосе к северу. Достали материка, он на 2 1/2 толщины верхоземки. С верхоземки до глины в материке 3/4 аршина. Дал 1 рубль.

12 июля. Понедельник. Глина показалась и на средней сажени у Захарки. Лежит на 5 саженях к западу и на 3 сажени шириною посредине, ближе к северной стороне. Под южной стеной в западной половине от центра обнаружился провал с четверть ширины. До дна его 1/2 сажени, к юго-востоку сажень с рукой и во все стороны почти сажень. Он идет под стену.

Самая тут м у х в а, — сказал хозяин, выходя из своей хаты, где пропасть мух.

13 июля. Провал длиною под стену к югу 4 сажени.

14 июля. Среда. Вскрыта могила, рытая в материке с верхоземки сажени 4 глубиною, шириною 4, длины 3 аршина 3/4 аршина. Остов — головою к западу, ногами к востоку. Истлел. У левого бока железная пряжка, колчан бронзовых стрел и под ним железный нож. Левой руки локотная кость срослась. Ноги растопырены, на поверхности материка лежала доска, закрывавшая могилу, совсем уже сгнившая, так что от нее не осталось и следов. На черноземе же, на котором лежала, остались следы красок:

карминной белой и синей и приметил арабеск[9], состоявший из синих и красных травоподобных.

15 июля. Четверг. Разведка, где находится главная гробница, показала, что он под южною стеною по направлению от востока к западу. Ноги ушли под стену на сажень, а голова на аршин. Наверху в насыпи в 2 1/2 аршинах от материка в самой середине в головах найдено бронзовое изображение шара, изломанное и смятое и в таком виде закопанное. При нем — железная полоса с одного конца в роде меча, а с другого — загнутая в кольцо. Длины 6 вершков. Начали вырезку после обеда.

19 июля. Понедельник. Мухи пристают с особенным ожесточением. Поп да и другие уверяют, что эта могила больше Сирагозской.

Я говорю: вы ни той, ни другой не видели. Да я только проезжал. А живет 4 года. Вот и верь рассказам. О Лепетихинской могиле не могу допроситься, какой она величины.

21 июля. Был очень не здоров. Объелся редьки. Вздумал лечиться редькою. Совсем умирал.

22 июля. Легче. Конские на три деления с 3-мя округленными углами. [Яма]* Покрыта тремя брусами толщиною с 2 вершка и прутьями, ломаными. Они провалились еще тогда, когда [могила]* была первозасыпана. Железные обоймицы и гвозди скобами. Остов перетлел, лежал головою к западу навзнич. У правого плеча нож с деревянною рукояткою и колчан, стрелы. Под костью левой руки — нож с костяною ручкою и колчан стрел.

27 июля. Вторник. Агуз. Окружность 550 шагов. Вал с севера и юга вспахан. Козел прямо на север. На севере с 1/4 вершка могилка, так себе, раскопана. На юге есть несколько.

Во всех четырех углах гробничной ямы на глубине 9 аршин показались провалы небольшие, указывающие, что подобно чертомлыкскому и здесь есть подземные комнаты. Северо-западный провал сильнее обрушился. Ночью гроза и противный дождь. Что-то в яме?

29 июля. Юго-западная яма прямо против угла в 1/2 аршина, поперек — 4 аршина. Четырехугольная. На /браку/, который насьшался с потолка, лежат кости. Череп, ребра, руки и другого человека или мертвяка. От потолка до дна 2 аршина.

* Вставка редактора.

Приложение

1860 г.

17 апреля. Движение жизни вносит в общий оборот факты, которые не сразу, не вдруг получают определенную ясность. Мысль, сознание работает, уясняет себе факты на основании установившейся уже почвы сознания и верований. Постепенно он (факт) уясняется. Севастопольская война не вдруг раскрыла нам глаза на нас самих. Постепенно мы прозревали и до сих пор еще прозреваем.

1861 г.

25 апреля. Всякая история зависит от того, как развито лицо. Если нет в нем возмужалости, т. е. самостоятельности, не будет ее и в дальнейшем ходе жизни. Если лицо постоянно держится в пеленках, то ребенок и будет таким во всей частной и политической деятельности. Признайте в нем мужа, а не отрока, детского, пасынка, тогда вы и увидите его силу и в общих делах.

Молод — вот мнение века. Мужи были только аристократы, а остальные — детские, дети боярские или смерды.

В Америке мальчик уже самостоятелен как взрослый, потому что окружен доверием к его силам, хотя и находится под надзором. Оно конечно, немцы также относятся к детям, но разница в том, что они видят в ребенке силу, а мы бессилие, которому должно помогать. Отчего у немцев мальчуганы и девчата смотрят на вас светло, смело, а наши тупо, боязливо, стыдливо. Мальчуганы от 8 до 14, человек 10 в Нейенбурге пьянствовали, и все шло отлично, в порядке. У нас в смелом и как бы свободном мальчике есть более дерзости, наглости, нахальства — вот наша свобода. Такая свобода, видно, как будто украдена, т. е. не прямым, открытым путем выработана, а воровски. Оттого мальчуган и глядит отчаянным во-

ром. У немца более человечного взгляда на ребенка, т. е. именно в смысле силы, новой, продолжающей его собственную силу, а у нас как на животное в смысле бессилия детского, как продолжение того же бессилия, которое имеет отец. Эти взгляды таятся в глубине и их очень мудрено подсмотреть. Разве не детское бессилие, что выборный и выбирающий становятся на колени. Детство. А все выборы царей, Годунова, Романова и прежде князей — детство в словах, в предложениях, в мыслях.

Николай Павлович управлял по следующему простому способу — всякий частный случай он возводил в общее положение, т. е. совсем наперекор естественному пути делать выводы или подмечать, наблюдать и заявлять законы, которые из множества фактов являются сами собою. Но у него было иначе. Фосфорная спичка послужила причиной пожара. Он запрещает продавать фосфорные спички, бандеролем увеличивает их ценность с 5 копеек на 100 копеек. Особенно стеснительною эта система являлась в полицейских распоряжениях. Люди купаются с берега — тонут — запрет купания, который продолжается, разумеется, только месяц, ибо потребность жизни берет свое. Беринг[1] установил, чтобы ночью ездили только ночные извозчики, платившие по 30 в пользу полиции, на том основании, что некоторый извозчик ограбил седока. А публика пешая подверглась еще большему грабежу.

Всякий частный случайный факт возводится в начало, в закон, в общее положение. С такой системой, конечно, накопилось множество законов или собственно форм, формальностей, стеснительных для лица и для общества.

На 60 000 000 существует, положим, 60 000 воров и мошенников и т. п., для преследования этих 60 тысяч налагают паспортное стеснение для 60 миллионов.

Откуда мне было узнать прекрасное в нравственном смысле? Скудная пища умственная, скудная жизнь материальная — вот препятствия. Но я ходил слушать дивные звуки Мочалова, когда он своим дивным голосом потрясал мое чувство, давал ему сильный толчок, заставлял сочувствовать высокому в нравственном и социальном. «Одному Богу мы должны кланяться, а не принцам» — в «Клари Добервиль»[2]. Я трясся, трепетал, внимая сердечному воплю, который вырывался из груди актера. Толковал мне Белинский.

16 октября. Вы лесть презираете, да и все ее презирают, в баснях, в прописях она опозорена. А между тем, когда я вам льстил, т. е. соглашался, поддакивал и подтягивал на ваши тоны — я был хорош для вас. Теперь, как только заявил свой собственный голос, стал не хорош. Вы даже клевещете на меня. От чего это? Разве это не тоже самодержавие, самовластье, деспотизм, который не терпит себе противоречий и преткновений ни малейших. Стало быть, все мы деспоты своих мыслей, своих нравов, своих

желаний. И тот, кто с нами не согласен, враг нам, худой человек. Еще не столько мы свободны, чтобы свободно уважать чужое мнение, стадо мы, стадо и стадо.

Где взять самостоятельность? О самостоятельности теперь много говорят и пишут. Иные журналы провозглашают своею задачею развитие самостоятельности в науке и в жизни. Понятия о самостоятельности сливаются с представлениями о народности. Но как найти самостоятельность? В жизни самостоятельность является у нас единственно только в произволе. Хочу — с кашей съем! В администрации тоже самостоятельна только власть, теряющая свою самостоятельность тотчас же при столкновении с еще сильнейшей властью. В науке самоумие, т. е. высокомерие невежества — педантизм.

Земля велика и обильна, а жить не умеем. Что такое самостоятельность, ее природа? Она возникает в отдельном человеке из чувства независимости, которое развивается собственною работою, т. е. собственным трудом. Наша независимость находится только в нашем труде, в моих руках, в моей голове. Богатство, связи и т.п. вещи влекут к зависимости и называются связями, кандалами. Свободен, независим тот, у кого есть крепкие руки да царь в голове.

Каким способом общество обнаруживает свои требования, назревшие нужды и потребности. Сначала посредством жалобы на существующий порядок, посредством вопля, беспрестанных суждений, осуждений и рассуждений, посредством, следовательно, слова. Литература в обширном смысле, как повседневное слово и как художественное слово. Толпа — движением, бунтом, неповиновением.

В своем развитии часто я проваливался среди самых, кажется, твердых, прочных, основательных умоначертаний или умоположений. Только что создал себе идеал нравственного порядка, путь жизни, как вдруг явится новый светлый луч правды, от которого затрещат все подмостки с трудом и очень старательно собранные и сознанные. Доживши до старости я, наконец, успел составить себе умоначертание. Нам нужна самостоятельность.

История — развитие человеческих и гражданских идей в то же время и государственных. Петр — в законах и регламентах. Духовном, в книгах им и при нем изданных, в письмах. Затем — рабство мысли. При Елизавете, при Екатерине особенно сатирическая журналистика. И направление — ополчившиеся 14 декабря. Затем — гнет, но уже корни пущены. А прежде, в XVI веке еретики, т. е. люди свободомыслящие. Еще раньше — проповедники.

1862 г.

1 апреля. Один сущность одного — всем быть приятным, полезным. Он отдал себя всюду для того, чтобы было около него хорошо, другим хорошо, и достаточно малого внимания, поощрения за это, чтобы он вовсе собою жертвовал. Другой из всего окружающего извлекает себе пользу. Свой эгоизм ставит во главу угла при своих отношениях с другими, тогда как первый свой эгоизм принижает в отношениях с другими, желая общего блага, удовольствий, желая другим приятное, насколько это возможно при самозаклании. Кто из них успевает? Тот, кто дальше своего эгоизма нейдет. Он все берет себе, следовательно, успевает. Другой все готов отдать, особенно под впечатлением угодливости, услужливости, самозаклания нелишней скромности.

Теперешняя молодежь воспитана на омерзении ко всему порядку, в котором жили отцы и который они всю свою жизнь только презирали и отрицали, — вот отрицанье и породило этот плод законный и понятный. Мы, отцы, не пропускали случая бросать камень, иронию, насмешку на прошлые начала и порядки. Дети смотрели и научались. Они вышли с тем же, а мы думаем, что они виноваты. Отсюда задор, наглость и какая-то назойливость, говорит — так морда бъет по морде.

Мы люди мирные. Но мы заготовляем кровь. Мы способствуем кровопролитию и нечему удивляться, что она льется. Литература образует целую толпу мечтателей, фразеров, так называемых теоретиков, которые на словах только и стоят как на сваях, и которые очень редко бывают способны к делу. Жизнь производит только практиков, которые мечтам не верят. Церковная книжность, как и современная литература, тоже вызвала толпу утопистов вроде пустынников, отшельников, святых, паломников, ханжей, богомольцев, которые переходя в дело, являлись нищими, попрошайками, живущими на чужой счет без труда и забот устроить свой быт.

Современное общество в литературе обнаружило совершенное непонимание неизбежных и разумных условий жизни именно общества, незнание законов человеческих, развитие именно в обществе, в общем. Ясная Поляна Толстого о педагогии, осуждение Петра и всей реформы, что в ней не было свободы. А что такое свобода? Свобода лица и общества?

Весьма важно: нужно строго и точно отделить, разграничить народность и простонародность. Это два разные предмета. Народное есть дух, гений, общее всему народу, широкое и потому отвлеченное, поэтичное. Гаков эпос, миф народа и т. д. Простонародное есть частность этого общего, временное, местное, сословное. Островского произведения только потому народны, что они простонародны. Гоголь, Пушкин — народные, ибо захватывают шире. (Так ли?)

1864 г.

Март. Любовь — чувство общечеловеческое. Но она в известный век и время, у известного поколения, у известного народа выражается в особых формах, видах, в мотивах, свойственных степени развития нравственного, умственного и эстетического. Все это нужно проследить. У нас материалы — романсы, песни, наиболее любимые в то или другое десятилетие. В одно время пели сонет «Голубочек», или «Гляжу я безмолвно ...» или «Вот мчится тройка...» или «Тучки небесные» и т. д. Изобразить настроенность любовного чувства за каждое время, у каждого поколения. Как формировалась, выражалась любовь? В народных песнях, иногда вовсе не любовных, но исполненных любовной тоски.

Песня «Ни одна в поле дороженька» — есть выражение глубокой и широкой любви. Диссертации, исследования о видах и родах любви — поэзия. Характеристика любовного чувства по векам, периодам, местностям, народностям. Например, хохлачка и московка выражают иначе свое чувство. Э, Боже мой. Да что такое поэзия — любовь и любовь, соловьиная весенняя песня о любви и об одной любви. Чувство любви должно изучать очень внимательно. Оно ведет жизнь скрытную, тайную, боязливую. Оно является там, где, видимо, его нельзя бы и ожидать. Оно целует другого, потому что хочет поцеловать собственного созерцания. Оно ощущает особую симпатию к человеку, который сколько-нибудь способствовал, так сказать, сводил любление. Для него всякий предмет, как и всякий человек дорог и симпатичен становится потому, поколику участвует в люблении, т. е. в процедуре любви. Это чувство, на все прикасающееся разливает теплый, нежный, мягкий свет собственного состояния.

23 марта. Крутая, тупая, бессмысленная власть всегда воспитывает элемент протестаций, которые в том или другом виде явится мстителем ей. Например, Иоанн Грозный и братья воспитали Смутное время и Самозванщину, Николай — нигилизм и нигилистов всех сортов. Бунты Стеньки, Пугачева такие же явления. Они, впрочем, обнаруживают, что народ живуч и умен, ни вынослив, как скотина.

29 марта. Однажды, как-то Афанасьев отозвался весьма презрительно о гегелевой философии, что это вздор, путающий только голову, что она, например, повредила Белинскому — он бы не написал «Бородинской годовщины»[1] и т. д. Вы, говорит, не учили, а я учил. Отвечаю, что я не учил, но кой что читывал. Я отстаивал. Ко мне присоединились Сатин и др. Я говорил, что поколение, воспитанное на гегелевой философии, есть самое умное и талантливое, развитое, именно кружок Белинского. Отвергая Гегеля, Афанасьев обнаруживает совершенное непонимание философии вообще. Вчера зашел спор о логике по поводу гимназического образования. Вот, говорит, логику не нужно вовсе в гимназии, лишнее бремя, одни формулы ни к чему не ведущие. Я вступился и говорю: необходима логика. Говорит, логика — университетская наука. Я говорю: она должна

быть гимназическою, особенно, если гимназия, между прочим, дает окончание образования. Надо, говорит, бьггь очень подготовленным, чтобы слушать логику. Я говорю, что нет такой мудреной науки, которую нельзя было бы передать 15—16-летнему юноше. Вы, говорит, не учили логику и не чувствуете недостатка. Нет, очень чувствую. Я должен был доходить собственным умом до сотворения мира, когда это время можно было употребить с большей еще пользой. Митрофан Щепкин тоже против логики был, что не нужна в гимназии. Я говорю, что объем только нужен и важен. В известном объеме логика необходима для юноши. Да какой же объем? — Я не знаю, но из этого не выходит, что ее не нужно. В каждой науке есть логика, она присутствует, но сама не отделена и самостоятельно не поставлена. Вот почему вся литература доказывает, что большинство не умеет связать двух мыслей, поставить последовательно двух понятий. Например, дайте тот же материал, который взят в взбаламученном море, англичанину, он вам отличнейший роман напишет, а Писемский[2] с плеча навалял — недоделанность, вот результат безлогичного образования. Я помню, у нас в Сиротском доме раз начинали было учить логику. Она следовала после грамматики. С каким уважением и благоговением я глядел на это. Чудилось, что здесь было что-то очень хорошее.

Откуда нигилизм, т. е. отрицание всего, насмешка, ирония, разрушение авторитетов и т. д. Петр сдвинул нас с места. Он насмеялся над старым порядком и образом жизни, над вековечным обычаем, над преданием, которое так сильно на Западе и особенно в Англии и у немца, и старое там устроило и охраняет современную жизнь, семейство, все хорошее, и в то же время охраняет все запоздалое, каков католицизм, цехи и всякая рознь германская. Только во имя предания все это бережется. Но там предание стало за лицо, за личность, личность установила порядки, обряды, обычаи. Они и берегутся. Это разумно. Но у нас не было личности. Следовательно, и порядки были ли столько же разумны? Вот вопрос.

1—7 апреля. Те люди успевают в жизни особенно, которые преследуют одну идею, исключительно и главно. Кто преследует много идей, тот ни за одной хорошо не поспевает. Он философ, а философы не многими уважаются. В жизни же он очень редко успевает. Когда одну идею преследуешь, то она наполняет тебя собою. Ты ничего не видишь кроме ее — и вот победа — от того, что сила сосредотачивается в одно место и энергичнее действует.

У нас сойдутся три человека и явятся в споре три политики, три философии, три арифметики.

Все революции — суть литературные произведения, т. е. создания литературных идей. Оттого они все были неудачны, хотя и разнесли в обществе много новых и человечных идей. Здесь, в этом случае совершался

всегда натуральный процесс водворения новой идеи и борьба ее со старою. Сначала словом, а потом и делом бьем. Но развивалось только сознание, а не политическое устройство, которое нельзя же переделать тотчас по тому плану, который взбредет в голову. Для перестройки устройства необходимо полное и широкое убеждение в истине лучшего, а не намеки и поползновения, в чем так сильны литературные идеи.

4 октября. Поминки по Грановском.

В чем истинная свобода никто хорошо не понимает. Поношенье, руганье правительства, приписыванье ему всего зла, умыванье собственных рук в личном, общем и общественном деле, сваливание всяких бед на правительство — все это, весь этот шум очень похож на известную веру или верование, что во всем виноват дьявол. Верование, которое давало такой обильный материал старым книжникам ругать и поныне дьявола, писать против него памфлеты в виде благочестивых сказаний. Русский человек, оторвавшись от суеверия, перенес то же воззрение, т. е. суеверное в политику и ругает вместе дьявола, нечто точно так же неопределенное и неуловимое, т. е. правительство. Паралель поразительная. Так что, внутренне мы нисколько не развились и переменили только имя. Философия нравственная остается та же, отсутствие веры в себе. Это не богатыри, которые не верили ни в сон, ни в чох.

У нас нет веры, как у Печорина. Да и во что же верить, когда все подверглось оценке, все снято со своих мест, как в храме, который готовят к переделке или к возобновлению. Все подверглось перестановке и критическому осмотру, что годится и что негодно — в починку. Крутом хаос, сор, пыль, нечистота — пройти негде. Придет ли на мысль молиться в таком храме, т. е. веровать. А виноваты в этой разборке храма все, все общество, особенно даже те, коим это не приятно, но кои по своему властному положению сами первые вызвали дух критики своими действиями, желаниями, поползновениями и затем испугались его, как демона. Пока не возобновится, не переделается храм — не будут в нем и молиться, т. е. веровать.

Губернаторские речи при открытии дворянских съездов 1860-х г. просто смешны («Современная летопись» №14). Они говорят — гражданский долг, гражданская развитость, умеренность и т. п. Теперь гражданский долг, а если этот долг выскажется в чем-либо другом — тогда Сибирь. Декорации фраз высшей развитой гражданственности, а за ними дичь степная кочевая. Вывески либерализма, а за ними византийский, турецкий деспотизм.

Напыщенность — вот наша беда, хлестаковщина. Говорят о народности потому, что это мода. Никто из разговаривающих не пожертвует копейки. Живут в тех же дворцах, такими же Кокаревыми[3], сбирая новую

подать за народность, как за водку. Слово, а дела нет и быть не может. Жизни своей никто не хочет изменить. Народность есть социальность, а след.*

1865 г.

29 сентября. В среду. Был у Шеппинг. Что за скучный дом, что за скучная дама. Добрая, но кажется из тщеславия только. Желала сойтись с тем, с другим из ученых литераторов, и все от нее бежали. Это тип дамы, у которой нет отечества, нет среды, нет интересов, ничего нет. Так себе живут, есть деньги и живут. А страшно скучно. Все натянуто. «Мужики не плотют». Вот слова. Мужики. Закипает сердце от этого. Вот оно, высшее наше общество, наша аристократия. Я не могу выяснить себе, отчего мне так противно здесь. А все добрые и расположенные ко мне люди. Какая боязнь у этих богатых о том, что мужики не плотют и что, стало быть, жить будет нечем. Как они не могут скрыть, что все их расположение основано на пустом и сейчас летит, исчезает, как дым от первого ветра. Разговор не вяжется. Начнем, не поддерживается, улетает, как дым сигары. Опять начнешь — тоже. Скука. Пустота. Тяжело и обидно за них.

Жалобы, что много пьют, опиваются, умирают... Теперешняя свободная торговля вином есть искушение свободы. Поняли ли вы это? Вот вам дана свобода в водке — как вы будете поступать? Мы свободно поступать не привыкли. Мы дорвемся, так подавай. Вот свобода рабства и свобода свободы какова. Пью сколько позволяет физика и нравственность. Размерять может только человек свободный нравственно. А я, раз дорвался, так подавай. Умру в восторге.

1866 г.

12 мая. Был у меня Каченовский, и мы с ним после обеда отправились к Коршам. Факт весьма для меня любопытный. Я смотрю на свою жизнь. Федя Корш вырастает, и я вырастал. Каченовский с любовью чертил ему план, как путешествовать ему за границей, что видеть, куда ехать и куда не ехать и т. д. Передавал ему всю опытность, какую сам приобрел. Это навело меня на размышление о моей участи. Кто и что мне передавал? Кто мне помогал? Мать ругала, что покупал книги. Сослуживцы перли меня в уездный суд. Товарищи смеялись над моей преданностью науке. Снегирев, Строев, Вельтман мешали, старались мешать мне, как совместнику. Только Фермор, Жиленков, Татаринов сочувствовали, но что могло их сочувствие. Феде все, со всех сторон, не то, что дают — предупреждают, перебивают друг друга, чтобы пособить ему, помочь. Ему легко, роскош-

* Не окончено.

но, сытно, даже с богатою обстановкою достается все и вся. Я тоже получаю, как награду за то, чем я стал, т. е. за свою порядочность. А сколько сил было нужно, чтобы остаться порядочным.

Бедный русский человек, все твое право администрации состоит или из немца или поляка. Все они убеждены, что ты глуп, дик, ни на что не способен. Генералу вообще свойственно смотреть, как на малолетних на всю среду низшую. Губернатор, всякий начальник иначе не могут смотреть. Это не Америка, где как дело представлял, дело делал, а у нас еще управлять надо, попеченье иметь, все наши благотворительные барыни.

Но какое они имеют право. Если бы сами они были хоть сколько умнее, образованнее.

У нас царство частного случая, а не царство общего закона. По частному случаю вырабатывалось наше законодательство и все остальное. Например, явился каракозовский[1] факт — вот и начинается поправка и перестройка всех общих положений жизни. Частный случай руководит жизнью на место общего закона. Это то же, что сила необходимости, развитие непосредственное, решение бессознательное, животное. Общий закон, сознание еще спит. Оттого у нас без числа реформ, переделок, это неутомимое улучшение, ведущее часто к ухудшению.

«Московские ведомости». 1865 г. №208. В Самарских губернских ведомостях «о характере сельского обучения». Крестьяне говорят: в школах до настоящего не доводят. Мало сведений выносят из школ ребята. Один три года учился, а спросишь его: «Когда месяц народиться или ущербнет,» — не знает. Когда Рождественское заговенье? Не знает. Сколько в нынешнем году Петрова поста? Опять не знает. Вот и грамотный, а что в нем толку? Чуть что и беги спрашивать батюшку или дьякона. Надобно устраивать ученье согласно народным потребностям и характеру народного быта. Вот секрет, благодаря которому раскольнические мелкие школы всегда бывают набиты учениками. Потребности грамотности в старину здесь высказались ясно. Вот практическая сторона образования.

Отношения самовластья повели к тому, что у нас так мало записок, мемуаров. Возможно ли было писать кому-либо, когда в его дом всегда мог ворваться царь, а о ком же писать было, как не об царе, общем деле. При Николае разве возможно было писать записки? А что же было при Алексее? при Грозном? Все дрожало и тряслось, все боялось шепнуть, сказать слово, а не то что написать что-либо.

1867 г.

19 февраля. Честь. Погодин сказал Чичерину, что у него западные понятия о чести, когда тот оправдывал честью свой выход из Московского

университета, т. е., что честь требует этого выхода. Какие же восточные понятия о чести, т. е. стало быть русские? Будто бы и наша история доказывает, что у нас были свои понятия. Погодин это свидетельствует. Соловьев говорит противное. Станкевич сомневается. Я сказал, что были понятия широко и глубоко лежавшие в сознании, особенно в древнее время, до татарское. Указал на Данила Романовича Галицкого[1], как тот плакался чести батыевой, т. е. унижению, какое должен был нести у него. (Надо раскрыть в фактах). Честь князей и дружины, как выразителей личного начала, походила на западную. Но это было свободное племя. Когда самовластье разрослось и претворило всех в холопов, тогда и честь явилась холопская, т. е. в смысле почести почета, внешних отличий.

7 марта. Диспут Карпова и обед у него в Московском. Были Соловьев, Чичерин, Бабст, Рачинский, Кетчер, Солдатенков, Самарин актер, Герье, Трачевский[2], Попов, еще два кандидата. Тост был и за скорейшее появление 2 тома. Предложил Соловьев. Спорили, между прочим, о Кавелине. Я защищал. Дело в том, что Соловьев в свидетельстве видит самое событие, Кавелин старается понять его дух.

Свобода — цель и источник всего. Как она действовала в русской истории. Провести по событиям это стремление. Славяне вообще любят свободу. Русские поработали исторически для ее приобретения и стали центром славянской идеи. Свобода нескольких великорусу никогда не была по сердцу. Они искали свободы всех. Они с ненавистью смотрели и на бояр своих и на панов польских. Они с ненавистью смотрели на казаков, как представителей произвола, свободы личной.

В Новгороде личной свободы никогда не было. Там была свобода большинства и сильных людей.

Свое.

В младенчестве, когда мне было 7—9 лет, меня очень занимало: что же? Стоячая вода в какой-либо луже или на окне, на рамах у стекол по углам плесень, всякая плесень, мох. Я просиживал часы, смотря на эту плесень. Меня приманивала жизнь, которую я там больше чувствовал, чем видел. Я всматривался и ждал движения, т. е. жизни в этом маленьком мире, и как я радовался, когда какой-либо червячок заползает, задвижет этим миром. А верх моего удовольствия и, могу сказать, наслаждения было тогда, когда я сидел над какой-либо лесною или полевою лужею, оставшейся от весенней воды над прудком. Мир тамошних живых существ меня больше интересовал, чем мир людской. Тут в летний солнечный день я просиживал все утро. Следил за движением, нравами плавающих насекомых, которые удивляли меня своими ужимками. С раннего утра до вечера я барахтался в Москве-реке у Крымского моста. Да и теперь я не прочь просидеть все утро над водою лужи или пруда. У меня есть какое-то тайное сочувствие этому миру. Я сосредотачивался в младенчестве над

мыслью, что тут живут, тут жизнь. Это меня всегда влекло к уединению, и теперь мои задушевные мечты бродить в лесу, в поле, у воды, смотреть, глазеть.

В России страх есть сила. Страхом воспитано все общество и каждый человек. Страх рождает Ревизоров и дает всякой власти непомерную силу и упругость, и жизненность. Все содержится в страхе. Страх, страх и страх — вот начало и конец нашей жизни. Рад всякому нигилизму, только бы была показана какая-либо храбрость. Отсюда всякая храбрость, наглость берет верх. Мы боимся всякого сильного действия. Мы боимся черта, квартального, начальника, всех от кого зависим. Страхом спасали нас во всю историю нашего развития.

Женственность, а что это такое? По переводу на простой, грубый язык действительности — это жертвенность. Что нам нравится в женщинах? Все то, что являет покорную жертву для мужчины, все эти нежности, ласки, эта игривость приносимой нам жертвы. Яко кадило пред тобою — вот суть женственности. Говорят, нехорошо, если женщина напоминает что-то мужское, вообще мужчину. Но почему нехорошо? Потому что она тогда теряет смысл жертвы, его жертвы.

Отчего мы так терпеливо, аппатично сносим и переносим всю тяжесть нашей жизни, административных глупых и нелепых распоряжений и произвола. Оттого, что не существует в нас чувства личности, т. е. индивидуальной свободы, нет в нас этого чуткого духовного осязания личной независимости даже и от напастей природы. Не возмущается, не вопиет в нас свобода, благо лица человека.

Успехи цивилизации: железные дороги, телеграфы и телефоны и т. д. Изумительное развитие промышленности. Промышленник во всех родах и видах стал Героем нашего времени из лавочников и подрядчиков и Его стали производить в генералы. Что такое промышленник по существу? Какая у него честь? Безотносительный нравственный долг или относительный долг промышленности.

Кто первый поколебал уважение к науке? Сама же журналистика, которая теперь кивает на Петра, т. е. на обскурантов, между тем, как обскуранты стали очень смело говорить именно потому, что сама именно либеральная журналистика по отношению к науке разводит то же, что и все обскуранты. Какое отношение к науке должна иметь журналистика? Прежде надо знать, какую задачу сама по себе имеет журналистика. Смотрите газетный лист, чем наполнен? Всякого рода сведениями, какие только можно добыть к наступающему дню. Тот выехал, этот приехал, того встречали, этого провожали. Там случилось то-то, здесь произошло буйство, там один обобрал многих, здесь многие обобрали одного. Там было

заседание, сообщено то-то (по науке). О литературе и самой пошлой повести и т. п. — целые столбцы, о важном ничего, ни слова. Как работает и что сработала наука, какие явились книги. Статьи об этом говорят, но только о таких книгах, какие заплатили чем-либо за разговор об них. В старое доброе время даже Белинский писал обо всех книгах, даже об истреблении клопов и тараканов, не потому, что желал писать, а потому, что журнал в то время почитал святым делом дать своим читателям полный по возможности отчет о литературе во всех ее явлениях. Так продолжалось и после, когда издатель («Отечественные записки») Краевский приглашал сотрудников писать обо всем, что выходило.

О честности. Честность. Надо бы правительству высоко держать ее знамя. Но оно само изгадилось. А что делают газеты? Рекламы, адвокаты. Я сущность адвокатуры узнал по одному адвокату. Бесчестности помогают газеты. Газета развращает. Цена честному — грош.

Оказывается, что день только и наполнялся работой. Как ее нет, так все пусто, даже комнаты как будто пустые и скучно, а особенно грустно. Да и погода скучная, вялая, хмурые облака, изредка дождь, тучки весь день, и солнца не видно.

Комментарии

Предисловие

[1] *Щепкин В.Н.* Памяти Ивана Егоровича Забелина. М., 1911. С. 19.

[2] *Формозов А.А.* Историк Москвы И.Е. Забелин. М., 1984; *Захаров А.Н.* И.Е. Забелин: новая оценка творчества. — Вопросы истории. 1990. №7; *Шмидт С. О.* И.Е. Забелин и русская культура. Труды Государственного Исторического музея, 1992. Вып. 81. Ч. 1.

[3] *Чичерин Б.Н.* Воспоминания. М., 1991. С. 133.

[4] *Забелин И.Е.* Воспоминания о жизни. М., 1995. Кн. 2. С. 19.

[5] Там же. С. 26.

[6] Там же. С. 31.

[7] Там же. С. 34.

[8] Там же. С. 43.

[9] ОПИ ГИМ*. Ф. 440. Ед. хр. 119. Л. 2-5.

[10] Там же. Л. 34.

[11] Там же Л. 37.

[12] Там же Л. 42.

[13] Там же Л. 152 об.

[14] Там же. Ед. хр. 127. Л. 58.

[15] *Якушкин В.Е.* Иван Егорович Забелин. М., 1892. С. 5.

[16] *Чичерин Б.Н.* Воспоминания. М., 1991. С. 134.

[17] Записки Русского императорского археологического общества. СПб., 1853. Т. 4. С. 129.

[18] ОПИ ГИМ*. Ф. 440. Ед. хр. 269. Л. 183.

[19] Там же. Ф. 440. Ед. хр. 269. Л. 297.

[20] Там же. Ед. хр. 128. Л. 23-23 об. Ф. 440.

[21] *Формозов А.А.* Историк Москвы И.Е. Забелин. М., 1984. С. 89.

[22] Записки Академии наук. СПб., 1864. С. 102-103.

---

* Отдел письменных источников Государственного Исторического музея.

[23] *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетии. М., 1990. С. 36.

[24] ОПИ ГИМ*. Ф. 440. Ед. хр. 128. Л. 35 об.

[25] *Пыпин А.Н.* Новые опыты построения русской истории. Вестник Европы. СПб, 1876. № 8. С. 704.

[26] ОПИ ГИМ*. Ф. 440. Ед. хр. 130а. Л. 15 об.

[27] *Забелин И.Е.* Русское искусство. Черты самобытности в древнерусском зодчестве. М., 1900. С. *55.*

[28] Там же. С. 11.

[29] Кунцово и древний Сетунский стан: Исторические воспоминания. М., 1873. С. 135.

[30] Там же. С. 217.

[31] ОПИ ГИМ*. Ф. 440 Ед. хр. 128. Л. 34.

[32] Там же. Ф. 440. Ед. хр. 128. Л. 24 об.

[33] Там же. Ф. 440. Ед. хр. 130. Л. 68.

[34] *Быстрова Н.Б., КатагощинаМ.В.* К вопросу о неизданных трудах И.Е. Забелина. Труды ГИМ. Вып. I. 1992. Ч. 1.

[15] ОПИ ГИМ*. Ф. 440. Ед. хр. 275. Л. 17.

[36] Там же. Ф. 440. Ед. хр. 320. Л. 15.

[37] *Шервуд В.О.* Несколько слов по поводу Исторического музея имени Его Императорского Высочества Государя наследника цесаревича. М., 1879. С. 34.

[38] «Археологично» логично ли? — Новое время, 1881, 3 ноября.

[39] ОПИ ГИМ*. Ф. 17. Ед. хр. 335. Л. 340-341 об.

[40] Там же. Ф. 17. Ед. хр. 335. Л. 343, 344.

[41] Два юбилея учено-литературной и служебной деятельности Ивана Егоровича Забелина. М., 1910. С. 44-45.

[42] *Сперанский М.Н.* Воспоминания о И.Е. Забелине. Археографический ежегодник за 1876 г. М., 1977. С. 274.

[43] Два юбилея учено-литературной и служебной деятельности Ивана Егоровича Забелина. М., 1910. С. 2.

[44] Завещание И.Е. Забелина. Исторический вестник. 1909. № 3.

Дневники

1837—1844 гг.

[1] *С 1832 по 1837 г.* Забелину от имени Приказа общественного призрения предписышалось воспитание в Преображенском училище. Находилось училище на Стромынке, затем на Новой Басманной улице.

[2] *Косино* — местность на востоке от Москвы. На территории Косино находятся Святое, Черное и Белое озера. На Белом озере Петр I плавал на своем ботике.

[3] *Забелин Георгий (Егор) Степанович* — сын сельского священника, окончил

* Отдел письменных источников Государственного Исторического музея.

семинарию, но отказался от принятия сана. Служил писцом в чине коллежского регистратора в Казенной палате в Твери. Скончался в 1828 г.

[4] *Тон Константин Андреевич* (1794—1881) — архитектор, автор многочисленных построек в Петербурге и Москве, в том числе храма Христа Спасителя. С 1837 г. проводил работы в Кремле, связанные с созданием Большого Кремлевского дворца. В 1850 г. им была завершена отделка Оружейной палаты. Забелин был вхож в семью Тона.

[5] *Давыдов Иван Николаевич* — экзекутор, сослуживец Забелина по Оружейной палате.

[6] *Снегирев Иван Михайлович* (1792—1868) — этнограф, археолог, профессор Московского университета. Преподавал в Преображенском училище в годы пребывания там Забелина. В рекомендации Забелина П.М. Строеву для работы в Археографической комиссии писал: «Он имеет столько знаний и навыка в деле археографии, приобретенных им в месте службы, что я не обинуясь предвижу в нем отличного археолога, с которым надеюсь сделать в здешних архивах счастливые поиски». (См.: Формозов А.А. Историк Москвы И.Е. Забелин М., 1984. С. 31.) Забелин оказывал существенную помощь Снегиреву и Строеву в их занятиях в архиве. Высоко ценил работы Снегирева «Русские в своих пословицах» (начало 30-х годов), «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» (1837—1839), «Лубочные картины» (1844).

[7] *Строев Павел Михайлович* (1796—1876) — историк, археограф. За время 40-летней службы в *архивах,* археографических экспедициях нашел огромное количество материалов по русской истории. В экспедиции 1817—1818 гг. им вместе с К.Ф. Калайдовичем были найдены «Изборник великого князя Святослава» (1073 г.), «Поучение Кирилла Туровского», «Всемирный хронограф».

[8] *Забелина Авдотья (Евдокия) Федоровна* (? —1861) — мать И.Е. Забелина.

[9] *Сахаров Алексей Федорович* — камер-лакей, сослуживец Забелина. Забелин давал уроки двум сыновьям Сахарова.

[10] *Чертков Александр Дмитриевич* (1789—1858) — тайный советник, губернский предводитель московского дворянства, председатель Московского общества истории и древностей российских, нумизмат, основатель известной библиотеки (Чертковской), один из учредителей Школы живописи и ваяния в Москве. Его жена, *Черткова Елизавета Григорьевна* (1805—1858), урожденная графиня Чернышева — сестра декабриста Захара Чернышева.

[11] *Сенявин Иван Григорьевич* (1801—1851) — тайный советник, министр внутренних дел. С 1840 по 1845 г. московский гражданский губернатор. Почетный член управлений детских приютов, Московского художественного общества. Участвовал в издании альбома «Древности Российского государства». По свидетельству современников, обладал необыкновенной памятью и знанием законов. Его жена, урожденная Догер, голландка по происхождению, во время губернаторства мужа держала у себя салон, в котором принимала деятелей культуры. Отличалась «пронзительной красотой: высокого роста, ярким цветом лица на свежей матовой коже, придающей необыкновенный блеск ее черным глазам». (См.: Воспоминания князя А.В. Мещерского. М., 1901. С. 83.)

[12] Газета *«Губернские ведомости»* издавалась с 1838 г. по высочайшему повелению в губернских городах. Забелин начал печататься в этом издании с 1842 г.

[13] *Статистический комитет* создан в 1852 г. В данном случае скорее всего имеется в виду Статистическое отделение, созданное в 1834 г. при Министерстве внутренних дел. В задачу этого отделения входило рассмотрение планов городов, проектов новых зданий.

[14] Статья И.Е. Забелина «Несколько слов о богомольных царских походах» вышла в Прибавлениях к газете «Московские губернские ведомости», 1842, № 17. Написана на третьем году службы.

[15] Речь идет о балах, празднествах, традиционно устраиваемых в здании Благородного Дворянского собрания.

[16] Студенты: *Жиленков, Фермер Федор Александрович, Татаринов Василий Иванович* жили на квартире у матери Забелина, которая брала постояльцев.

[17] *«Слово и дело государево»* — система русского политического сыска (конец XVI—XVIII вв.).

[18] *Тромонин Корнелий Яковлевич* (?—1847) — художник, литограф. Любитель русской старины, составитель книги « Изъяснение знаков, видимых в писчей бумаге». М., 1844.

1845 г.

[1] *Общество истории и древностей Российских* при Московском университете. Основано в 1804 г.

[2] *О возможном содержании речи* П.М. Строева см: Барсуков Н. «Жизнь и труды П.М. Строева». СПб., 1873. В протоколах Общества не отмечена речь Строева, вызвавшая негативную реакцию его членов (см: «Общество истории и древностей Российских. Протоколы 1845-1848 гг.» М., 1848-1913).

[3] *Строганов Сергей Григорьевич* (1794—1882) — граф, генерал-адъютант, член Государственного совета. С 1835 по 1847 г. был попечителем Московского учебного округа. Современники этот период называли «золотым» строгановским веком. В 1859 г. московский генерал-губернатор. В 1860 г. был приглашен ко двору в качестве главного руководителя воспитанием наследника Николая Александровича. В 1837—1874 гг. председатель Общества истории и древностей Российских при Московском университете. Строгановым основана Археологическая комиссия, которая производила раскопки на юге России. Под руководством Строганова издавался сборник «Древности Российского государства» (1839—1853). Основал рисовальную школу в Москве (ныше Строгановское училище). Строганову принадлежат труды: «Дмитриевский собор во Владимире-на-Клязьме, построенный с 1194 по 1197 год» (1849), «Разбор сочинения французского историка П. Виоле «О русском искусстве»» (Спб., 1878).

[4] *Сахаров Иван Петрович* (1807—1863) — этнограф, археолог, библиограф. Его труды в 50-х годах пользовались популярностью: «Сказания русского народа», «Путешествия русских людей в чужие земли», «Песни русского народа», «Русские народные сказки», «Обозрение славяно-русской библиографии», «Записки для обозрения русских древностей». Являлся членом Археологического и Географического обществ.

[5] *Во второй половине* XVII в. в Измайлово началось строительство царской резиденции. Она включала дворцовую усадьбу, государев двор, въездные ворота, Покровский собор (1671—1679). В ней были устроены сады, искусственные озера, зверинец, заведено обширное сельское хозяйство.

[6] *Погодин Михаил Петрович* (1800—1875) — историк, писатель, драматург, академик Петербургской АН, издатель «Московского вестника», «Москвитянина», в котором начал печататься молодой Забелин. Создал множество трудов по русской истории, основная идея которых — самобытность истории России. Современникам известно «погодинское древлехранилище» — коллекция рукописей, старопечатных книг, вещественных памятников. Забелин часто посещал дом Погодина на Девичьем поле, где завел многие знакомства, например, с М.С. Щепкиным, А.Н. Островским.

[7] *Забелин* познакомился с графом С.Г. Строгановым, тогда попечителем московского учебного округа, в 1845 г. в связи с подготовкой к выпуску альбома «Древности Российского государства». Забелин стал делопроизводителем Комитета по изданию «Древностей Российского государства». В дальнейшем граф покровительствовал Забелину.

[8] *Львов Дмитрий Михайлович* (1793—1842) — попечитель Преображенского училища, попечитель Дворцового архитектурного училища при Оружейной палате.

[9] *Лекции всеобщей истории* читал Т.Н. Грановский, русского законодательства — К.Д. Кавелин.

[10] *«Древности Российского государства»* издавались с 1849 по 1853 г. Представляют собой альбомы рисунков икон, оружия, церковной утвари, царской, боярской одежды, столовой посуды, брони, карет, конской сбруи, церковного облачения, памятников древнерусского зодчества. Рисунки в основном сделаны Ф.Г. Солнцевым. Вышло 6 томов.

[11] *Киселев А.Г.* — волжский помещик, дела по имению которого вел Забелин в 1842-1850 гг.

[12] *Вельтман Александр Фомич* (1800—1870) — романист, археолог. Автор ряда исторических, фантастических, авантюрных произведений, исторических исследований. В 1842 г. был назначен помощником директора Оружейной палаты, позднее ее директором. Член Комитета по изданию альбома «Древностей Российского государства».

[13] *Давыдов Иван Иванович* (1794—1863) — писатель, профессор Московского университета, преподавал словесность и философию. С 1847 г. директор Педагогического института, с 1858 г. сенатор.

[14] *Беляев Иван Дмитриевич* (1810—1873) — историк, славянофил. С 1852 г. профессор Московского университета. Ему принадлежат труды по истории русского крестьянства, права, военного дела, летописания. Им была собрана коллекция древнерусских рукописей.

[15] *Бодянский Осип Максимович* (1808—1877) — славист, издатель литературных и исторических памятников. Опубликовал «Житие Бориса и Глеба», «Житие Феодосия Печерского». В студенческие годы примыкал к кружку Н.В. Станкевича.

Был знаком с В.Г. Белинским, М.Ю. Лермонтовым, И.А. Гончаровым, Н.В. Гоголем, К.С. Аксаковым.

[16] *Шевырев Степан Петрович* (1806—1864) — критик, историк литературы, поэт, академик Петербургской АН, профессор Московского университета. С М.П. Погодиным возглавлял журнал «Москвитянин».

[17] Возможно, речь идет *о заметке* Забелина « Когда именно исполняется семисотлетие Москвы». См.: Московские ведомости, 1846, № 56.

[18] *Ховен Иван Романович* (1812—1881) — генерал-майор, писатель. Автор этнографических, исторических очерков и статей.

1847 г.

[1] *Кунцово* — местность на западе Москвы. Названа по бывшему селу, известному с XV в. В XVII в. вотчина князей Милославских, с 1690 г. - Нарышкиных.

[2] *Рыле (рыля)* — музыкальный инструмент. См.: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка.

1848 г.

[1] *Забелин совершал прогулки* с братьями Ровинскими.

[2] *Саввино* — Сторожевский мужской монастырь. Основан в 1398 г. как придворный монастырь звенигородским князем Юрием Дмитриевичем, сыном Дмитрия Донского, и Саввой, учеником Сергия Радонежского, духовником князя. Древнейшее сооружение монастыря — Рождественский собор (1405). По своей композиции близок к Успенскому собору на Городке. В интерьерах сохранились фрагменты фресковой росписи разных периодов и художественного мастерства. Наиболее ранние фрески относятся к началу XV в., более поздние — к середине XVII в. (последние были раскрыты в XX в., их Забелин не мог видеть). Иконостас XVII в. С собором связаны иконы Андрея Рублева (Звенигородский чин, состоявший из семи икон). До наших дней дошли три из них — Спас, Архангел Михаил, Апостол Павел (Государственная Третьяковская галерея).

[3] *Пироги с мясом рыбы язь.*

[4] *Радклиф Анна* (1764—1823) — английская писательница. Почти все ее романы были переведены на русский язык.

[5] *Успенский собор на Городке* строился с 1399 по 1401 г. в стиле раннего московского зодчества. Храм возведен в честь победы князя Юрия Дмитриевича в походе на Волжскую Болгарию. Интерьер собора был украшен фресковой живописью. Считают, что здесь работал Андрей Рублев. Иконостас, которьш видел Забелин, относится к XVII в. В Переяславле собор XII в. в Спасопреображенском монастыре. К XIV в. относятся здания Горицкого монастыря и церковь Рождества Иоанна Предтеча в Троицком Данилове монастыре.

[6] *Церковь Ризположения в Кремле* в Москве построена в 1484—1486 гг.

[7] *Ратман* — член городских магистратов, ратуш, управ благочиния.

[8] В газете *«Московские губернские ведомости»* был напечатан ряд статей Забелина о домашнем быте русских царей, придворных обрядах XVII в., написанных автором без идеализации русской жизни. Это не понравилось славянофилу К. С. Аксакову и С.П. Шевыреву, стоявшему на позиции «официальной народности». Статья о масленице вышла в 1847 г. в газете «Московские ведомости».

1855 г.

[1] *В Мазилово* Забелин снимал дачу. Мазилово располагалось на западе от Москвы, между Филями и Кунцево. В XIX - начале XX вв. — дачное место.

[2] *Боткин Василий Петрович* (1811/1812—1869) — критик, переводчик, писатель, сын крупного московского чаеторговца. С середины 30-х годов вошел в кружок Н.В. Станкевича. В 1855 г. Боткин сблизился с Н.А. Некрасовым, познакомил с ним Забелина. Впоследствии Боткин не разделял взглядов революционеров-демократов, отстаивал идею свободного творчества. Наиболее известные труды Боткина — «Итальянская и германская музыка», «Германская литература», «Итальянская опера», «Письма об Испании», «Шекспир как человек и лирик».

[3] *Некрасов Николай Алексеевич* (1821—1877/1878) — поэт. В некрасовском журнале «Современник» Забелин напечатал несколько рецензий и статью «Хроника общественной жизни в Москве с половины XVIII столетия». В 1855 г. в «Современнике», возглавляемом Н.Г. Чернышевским, Забелин поместил рецензии о работах Н.В. Калачова и В.Е. Медовникова. Несогласие с мнением Чернышевского Забелин выразил в статье «Несколько слов о мнениях» в журнале «Отечественные записки». После этого с «Современником» Забелин больше не сотрудничал.

[4] *Панаева Авдотья Яковлевна* (1820—1893) — писательница, прозаик, мемуарист.

[5] *Селиванов Илья Васильевич* (1810—1882) — писатель, представитель «обличительной» литературы 50х годов. В 50е годы был арестован и сослан в Вятку. Позднее стал предводителем дворянства в Пензе. Сосед Н.П. Огарева по Пензенской губернии.

[6] *Белинский Виссарион Григорьевич* (1811—1848) — литературный критик, публицист, философ-материалист.

[7] *Станкевич Николай Владимирович* (1813—1840) — философ, поэт. В 1831 г. организовал литературно-философский кружок, куда входили В.Г. Белинский, К.С. Аксаков, П.М. Строев, В.П. Боткин, М.А. Бакунин, Т.Н. Грановский, М.Н. Катков, поэты И.П. Клюшников, В.П. Красов, Я.М. Неверов.

[8] *Веневитинов Дмитрий Владимирович* (1805—1827) — поэт, критик, философ. Входил в Общество любомудрия. Был в центре идейно-философских исканий московской дворянской молодежи. Веневитинову принадлежала ведущая роль в утверждении шеллингианской ориентации кружка, наполнении науки и искусства философией. Являлся инициатором создания журнала «Московские вести» (1827), основной целью которого было создание эстетической критики. Ранняя смерть Веневитинова произвела большое впечатление на его друзей, членов «веневитинского кружка», в который входили И.В. Киреевский, А.С. и Ф.С. Хомяковы,

В.Ф. Одоевский, Н.М. Рожалин, С.А. Соболевский, М.П. Погодин, С.П. Шевырев и др. Они создали культ его памяти и собирались на протяжении более сорока лет в день его кончины 15 марта.

[9] *Гегель Георг Вильгельм Фридрих* (1770—1831) — немецкий философ. Создал на объективно-идеалистической основе систематизацию теории диалектики.

[10] *Катков Михаил Никифорович* (1818—1887) — публицист, издатель журнала «Русский вестник» (с 1856 г.), газеты «Московские ведомости» (1851—1855, 1863 — 1887). Сотрудничал в изданиях В.Г. Белинского, Г.А. Краевского. В его журнале «Русский вестник» печатались Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, И.А. Гончаров, И.Е. Забелин, А.Н. Пыпин, Н.С. Тихонравов, Б.Н. Чичерин, С.М. Соловьев и др. Был поборником культурного единения славян.

[11] *Тургенев Иван Сергеевич* (1818—1883) — писатель. В письме к С.Т. Аксакову в 1852 г. писал: «Много говорил с Забелиным, который мне очень понравился: светлый русский ум и живая ясность взгляда» (см.: Формозов А.А. Историк Москвы И.Е. Забелин. М., 1984. С. 59).

[12] *Бакунин Михаил Александрович* (1814—1876) — философ, публицист, революционер.

[13] *Клюшников Иван Петрович* (1811—1895) — поэт. Учитель Московского дворянского института.

[14] *Фейербах Людвиг* (1804—1872) — немецкий философ-материалист и атеист.

[15] *Герцен Александр Иванович* (1812—1870) — писатель, философ. В годы учебы в Московском университете вместе с Н.П. Огаревым образовал кружок, куда входили В.В. Пассек, Н.Х. Кетчер, Н.А. Савич, Н.М. Сатин и др. Кружок сосредоточил внимание на вопросах социальной и политической жизни. Члены кружка были приверженцами учения Сен-Симона и других утопистов-социалистов. В книге «Былое и думы» Герцен описал этот кружок.

[16] *Роден Эдита Федоровна* (1825—1885) — баронесса, фрейлина великой княгини Елены Павловны, а после ее смерти — императрицы Марии Федоровны. Современники отмечали ее ум, образованность, душевные качества.

[17] *Елена Павловна, Фредерика-Шарлотта Мария* (1806—1873) — великая княгиня, дочь вюртембергского принца Павла. Воспитывалась в Париже. В 1824 г. стала женой великого князя Михаила Павловича. Покровительствовала деятелям науки и культуры. Известна ее благотворительная деятельность. После смерти императрицы Марии Федоровны (1828) в ее ведение поступили институты Мариинский и Повивальный. В 1854 г. во время Крымской войны основала Крестовоздвиженскую общину сестер милосердия. Оказывала поддержку НА. Милютину в разработке крестьянской реформы. В 1859 г. освободила крестьян в своем имении Карловка (Полтавская губерния) на условиях, близких к Положению 19 февраля 1861 г. (См.: Русская старина, 1882, №3.)

[18] *Михайловский дворец на Остоженке,* ныне Остоженка, 53. Здесь располагается Дипломатическая академия Министерства иностранных дел. В XVII в. помещались Государевы конюшни, которые во второй половине XVIII в. снесли. В 1818 г. Тучков построил на этом месте большой дворец (архитектор А.Г. Григорьев). В 1831 г. дом был приобретен для великой княгини Елены Павловны и перестроен

при *участии* О.И. Бове. В 1873 г. здание перешло лицею в память цесаревича Николая Александровича. Существующее ньше здание перестроено в 1875 г. по проекту А.Е. Вебера.

[19] *Сухаревский торг* был известен с XVIII в. Здесь можно было купить иконы, рукописи, скульптуру и пр.

[20] *Кетчер Николай Христофорович* (1809 —1886) — врач, поэт, переводчик. Близкий друг А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Занимался переводами шекспировских драм, страясь сохранять близость к авторскому тексту. Перевел для журнала «Телескоп» письма П.Я. Чаадаева. С Забелиным знаком с 1842 г. В 1845-1877 гг. состоял в Москве инспектором медицинской конторы. С 1877 по 1885 г. был начальником Московской врачебной управы.

[21] *Грановский Тимофей Николаевич* (1813—1855) — историк, общественный деятель, профессор всеобщей истории Московского университета (с 1839 г.), глава московских западников. Помимо университетских лекций, читал публичные курсы, пользовавшиеся большой популярностью в обществе. Читал лекции персонально для Забелина и К.Т. Солдатенкова.

[22] *Солдатенков Козьма Терентьевич* (1818—1901) — купец-предприниматель, издатель, покровитель искусств. В 1856 г. основал издательство в Москве, где печатал научную и художественную литературу, в том числе труды Т.Н. Грановского, К.Ф. Кавелина, Забелина, Б.Н. Чичерина, В.О. Ключевского и др. Консультантами его были Е.Ф. Корш и Н.Х. Кетчер. Много средств тратил на благотворительность. Его коллекция произведений искусств (одна из достопримечательностей Москвы) и библиотека согласно воле собирателя поступили в Румянцевский музей.

[23] *Сидоний Аполинарий* (? — ок. 483) — галло-римский писатель. Его труды являются ценным источником по истории поздней Римской империи.

[24] *Кавелин Константин Дмитриевич* (1818—1885) — историк, либеральный общественный деятель, публицист, участник подготовки крестьянской реформы 1861 г. Сторонник неограниченной монархии, помещичьего землевладения в сочетании с буржуазными реформами. С 1848 г. жил в Петербурге, где сблизился с кругом великой княгини Елены Павловны, Э. Раден, Д.А. Милютиным, будущим военным министром, Н.А. Милютиным, организатором «редакционных комиссий» по освобождению крестьян. С 1857 г. преподавал русскую историю и гражданское право цесаревичу Николаю Александровичу. Большой популярностью пользовался среди студентов Петербургского университета, где в 1857—1861 гг. был профессором гражданского права. Был знаком с Н.Г. Чернышевским, Н.А. Добролюбовым. В 60-80-е годы сотрудничал в журналах «Вестник Европы», «Северный вестник», «Русская мысль». Оказал большое влияние на формирование исторической концепции Забелина. См.: Петров Ф.Н. Лекции профессора Московского университета К.Д. Кавелина и их влияние на формирование взглядов И.Е. Забелина. Труды Государственного Исторического музея. М., 1992. Вып. 81.4. 2.

[25] *К этому времени* Забелин произведен в помощники архивариуса Московской дворцовой конторы. Дворцовая контора являлась придворным администра-

тивно-хозяйственным учреждением, частью Министерства императорского двора и уделов.

[26] *Валуев Петр Степанович* (1743—1814) — сенатор, главноначальствующий экспедиции Кремлевского строения и мастерской Оружейной палаты, начальник Дворцового ведомства. Участвовал в составлении и издании «Исторического описания древнего российского музея». При нем построено здание Оружейной палаты, перестроены Потешный и Слободской дворцы. По указанию Валуева были уничтожены Сретенский собор, дворец Бориса Годунова, Гербовая башня и др.

[27] *Штрандман Елена Карловна* — фрейлина великой княгини Елены Павловны.

[28] *Екатерина Михайловна* (1827—1894) — великая княгиня, дочь великого князя Михаила Павловича и великой княгини Елены Павловны. В 1851 г. вступила в брак с Георгом, герцогом Мекленбургским-Стерлицким. С 1847 по 1870 г. действительный член совета Петербургского женского патриотического общества.

[29] *Давыдов Иван Николаевич* — скорее всего сослуживец Забелина.

[30] *За составление* проекта обозрения московской старины и исторического объяснения плана Москвы Забелин пожалован великой княгиней Еленой Павловной бриллиантовым перстнем.

1857 г.

[1] *В 1853 г.* Забелин был приглашен преподавать историю и археологию межевого дела в Константиновский межевой институт. В архиве Забелина хранятся интереснейшие тексты его лекций для учащихся.

[2] *Перовский Лев Алексеевич* (1792—1856) — государственный деятель. В 1852 г. был министром уделов и управляющим кабинетов его величества с подчинением ему Академии художеств, Московского дворцового архитектурного училища, Ботанического сада. Заведуя с 1850 г. Комиссией для исследования древностей, организовал археологические раскопки.

[3] *В 1859 г.* была создана Императорская археологическая комиссия, подчиненная Министерству императорского двора и возглавляемая С.Г. Строгановым. Строганов предложил Забелину войти в состав Комиссии и заняться раскопками курганов на юге России. В июне 1859 г. Забелин был зачислен в штат Комиссии.

[4] *Кене Василий Васильевич* (1817—1886) — археолог, нумизмат. С 1844 г. — хранитель нумизматического отделения Эрмитажа. С 1857 г. — начальник гербового отделения департамента герольдии. Один из инициаторов создания Императорского археологического общества, основанного в 1846 г.

[5] *Савельев Павел Степанович* (1814—1859) — востоковед-арабист, археолог, нумизмат. Один из основателей Императорского Археологического общества, активный деятель Географического общества.

1859 г.

[1] *Соловьев Сергей Михайлович* (1820—1879) — историк. С 1845 г. преподавал на философском факультете Московского университета. В 27 лет получил ученую

степень доктора русской истории. С 1850 г. профессор. Более 30 лет преподавал в Московском университете. Был деканом историко-филологического факультета (1864—1870), ректором университета (1871—1877). Основной труд, над которым работал 30 лет, — «История России с древнейших времен».

[2] *Исаков Николай Васильевич* (1821—1891) — генерал, попечитель Московского университета в 1859—1863 гг., главныш начальник военно-учебных заведений в 1863—1881гг.

[3] *«Парус»* — газета славянофильского направления, выходившая в Москве в 1859 г. (издатель И.С. Аксаков). Вышли два номера газеты, после чего издание было запрещено.

[4] *Чичерин Борис Николаевич* (1828—1904) — юрист, историк, философ, основоположник «государственной школы» в русской историографии, профессор Московского университета (до 1868 г.). В 1882—1883 гг. московский городской голова, активный деятель тамбовского земства. В конце 50-х годов сблизился с двором великой княгини Елены Павловны. С 1862 г. С.Г. Строганов привлек его к учебным занятиям с сыном Александра II, рано умершим Николаем Александровичем, а затем в его свиту при поездке по Западной Европе. Забелин познакомился с Чичериным по рекомендации К.Д. Кавелина. В 1858 г. в газете «Колокол», № 29 было напечатано письмо Чичерина о слишком резком тоне изданий А.И. Герцена. Кавелин обратился с открытым письмом к Чичерину, в котором доказывал необходимость вольной печати для России.

[5] *Победоносцев Константин Петрович* (1827—1907) — юрист, государственный деятель. Служил в департаменте Сената. В 1860—1865 гг. занимал кафедру гражданского права в Московском университете, одновременно преподавал законоведение великим князьям Николаю Александровичу, Александру Александровичу, Владимиру Александровичу. В 1863 г. сопровождал наследника Николая Александровича в его путешествии по России. В 1872 г. член Государственного совета. В 1880 г. обер-прокурор Святейшего Синода. Почетный член Московского, Петербургского, Казанского, Юрьевского, Киевского университетов, член Французской Академии. Известен его «Курс гражданского права». Сотрудничал в «Московском сборнике», где подвергал критике западноевропейскую культуру и государственные устройства в сравнении с национально-русскими идеалами.

[6] *Аксаков Иван Сергеевич* (1823—1886) — публицист, поэт, журналист, издатель, общественный деятель.

[7] *«Утро»* — литературный сборник, выходил в Москве в 1859, 1866 и 1868 гг. Издатель М.П. Погодин. В сборнике участвовали П.А. Вяземский, Н.В. Берг, Ф.Н. Глинка, Б.Н. Алмазов, А.А. Фет, А.С. Хомяков.

[8] *Корш Валентин Федорович* (1828—1883) — литератор, публицист. С 1856 г. редактор газеты «Московские ведомости». В 1863 г. приобрел право собственности на «Санкт-Петербургские ведомости», которые являлись органом политического либерализма. (В 1874 г. газета перешла в ведение Министерства народного образования.) В 1877 г. стал во главе политического журнала «Северный вестник» как

неофициальный редактор. Это издание было запрещено за публикацию письма В.И. Засулич. Участвовал в издании «Всеобщей истории литературы».

[9] *Максимович Михаил Александрович* (1804—1873) — ботаник, историк, филолог, этнограф. Член Временной комиссии для разбора древних актов. В 1857 г. заведовал редакцией журнала «Русская беседа». Был знаком с А.С. Пушкиным и Н.В. Гоголем. Перевел на украинский язык «Слово о полку Игореве». Собрал, прокомментировал «Малороссийские песни» (1827).

[10] *Буслаев Федор Иванович* (1818—1897) — филолог, искусствовед, академик Петербургской АН (I860). С 1847 г. читал лекции в Московском университете. В 1859 г. был приглашен преподавать русскую литературу наследнику Николаю Александровичу. С 1861 г. доктор русской словесности, занимал кафедру университета до 1881 г. Издавал древние рукописи. Включил фрагменты из сочинений Забелина как образцы художественного изложения в свою «Историческую хрестоматию церковно-славянского и древнерусского языка».

[11] *Котляревский Александр Александрович* (1837—1881) — филолог. В 1859 г. принимал деятельное участие в издании журнала «Московское обозрение». В 1862 г. был арестован за связь с эмигрантом В.И. Кельсиевым, провел полгода в крепости. Вернувшись в Москву, работал в журнале «Филологические записки», Московском археологическом обществе. Под его редакцией вышли первые два тома сборника «Древности Российского государства», «Археологический вестник» (1865—1867). Преподавал в Дерптском университете. В Праге был центром кружка славистов. В 1876—1881 гг. преподавал в Киевском университете, был избран председателем Общества Нестора-летописца, Киевского славянского благотворительного общества.

[12] *Калачов Никита Васильевич* (1819—1885) — историк, правовед, археограф, академик Петербургской АН (1883). В 1843 г. занимался в Москве у П.М. Строева. Издал текст «Русской правды» на основании четырех различных редакций. В 1847 г. занимал в Московском университете кафедру истории и русского законодательства. По поручению Д.Н. Блудова занимался редакцией «Свода гражданских законов», входил в редакционную комиссию по крестьянскому вопросу. В 1865 г. управлял московским архивом Министерства юстиции. В 1860 г. начал издавать журнал «Юридический вестник». В 1878 г. занимал пост директора Археологического института. В 1850 г. начал издание «Архив историко-юридических сведений, относящихся к России». С 1857 г. издание стало называться «Архив исторических и практических сведений». Об этом архиве идет речь в тексте Забелина. В сборнике участвовали С.М. Соловьев, К.Д. Кавелин, Ф.И. Буслаев, А.Н. Афанасьев.

[13] *Белюстин (Беллюстин) Иван Степанович* (1820—1890) — священник, автор сочинений по церковно-общественным вопросам. Речь идет о его книге «Описание сельского духовенства», которая стала предметом дискуссий, несмотря на ее запрещение в России. Автор дает уничтожающую характеристику духовенству, его моральному, интеллектуальному и бытовому облику.

[14] *Толстой Александр Петрович* (1801—1873) — генерал-лейтенант, обер-проку-

рор Святейшего Синода в 1852—1862 гг. Принимал меры к улучшению положения и образования духовенства.

[15] *Трубецкой Николай Иванович* (1804—1874). С начала 50-х годов жил во Франции, где перешел в католичество, но считал себя приверженцем славянофильства. Издал во Франции ряд брошюр о политической жизни в России. В романе И.С. Тургенева «Дым» выведен как князь Коко.

[16] *Драшусов Александр Николаевич* (1816—1890) — астроном, преподаватель Московского университета. Цензор Московского цензурного комитета.

[17] Возможно, *Наумов Дмитрий Алексеевич* (1830 —1895) — земский деятель, магистр международного права, председатель московского губернского управления.

[18] *Закревский Арсений Андреевич* (1783—1865) — генерал-адъютант, министр внутренних дел (1828—1831), московский генерал-губернатор (1848—1859), член Государственного совета.

[19] *Ковалевский Евграф Петрович* (1790—1886) — государственный деятель. По образованию инженер. В 1856 г. попечитель Московского учебного округа. С 1858 по 1861 г. министр народного просвещения. Член Государственного совета.

[20] *Бахметьев Алексей Николаевич* (1801—1861) — попечитель Московского учебного округа.

[21] *Крузе Николай Федорович* (1823—1901) — цензор (1855—1859). Способствовал свободному выражению мнений в журналистике, особенно в журнале «Русский вестник». В 1858 г. был вынужден оставить службу. В обществе его отставку чествовали обедами и адресами. В 1865 г. избран председателем земской управы в Ямбургском уезде Петербургской губернии, от должности освобожден высочайшим повелением. В 1885 г. член совета дворянского земельного банка.

[22] *Ундольский Вукол Михайлович* (1815—1864) — библиограф, библиофил. Собрал значительную библиотеку славяно-русских рукописей. Основной труд — «Очерк славяно-русской библиографии».

[23] *Безсомынин Иван Иванович* — цензор Московского цензурного комитета (1855-1871).

[24] *Муравьев Дмитрий Полиектович* — коллежский секретарь. Служил в Московской дворцовой конторе.

[25] *Трубецкой Николай Иванович* (1796—1874) — обергофмейстер, президент Московской дворцовой конторы, попечитель Московского архитектурного училища.

[26] *Делянов Иван Давидович* (1818—1897) — министр народного просвещения (1882—1897). В 1858 г. попечитель Петербургского учебного округа. В 1860 г. член Главного цензурного управления, затем директор Императорской публичной библиотеки. При нем был введен новый университетский устав (1884), лишавший университеты прежней автономии, закрыты Высшие женские курсы, ограничен прием детей недворянского происхождения в гимназии.

[27] *Извольский Петр Григорьевич* (1838—1891) — сенатор, редактор «Сборника судебных решений по правительствующему Сенату» (1869). В 1861 г. обер-секретарь Сената.

[28] *Оболенский Михаил Андреевич* (1805—1873) — историк, архивист. Директор Московского архива иностранных дел (1840—1873).

[29] *Щепкин Михаил Семенович* (1788—1863) — русский актер. С Забелиным познакомился в доме М.П. Погодина на Девичьем поле. Позднее они жили рядом на 3-й Мещанской улице.

[30] *Анненков Павел Васильевич* (1813—1887) — литературный критик, мемуарист. Издал собрание сочинений А.С. Пушкина, материалы для его биографии.

[31] *Галахов Алексей Дмитриевич* (1807—1892) — историк литературы, прозаик, педагог, профессор Петербургского историко-филологического института. Сотрудничал в журналах «Московский телеграф», «Телескоп», «Московский вестник».

[32] *Литературный фонд* — общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым, учреждено в Петербурге в 1859 г.

[33] *Гончаров Иван Александрович* (1812—1891) — писатель.

[34] *Краевский Андрей Александрович* (1810—1889) — журналист. Его «Отечественные записки» были центром русской умственной жизни. В 1847 г. редактор газеты «Русский инвалид». С 1852 г. десять лет работал в газете «Санкт-Петербургские ведомости». Его газета «Голос» занимала видное место в кругу умеренных либералов. В 1879 г. был избран председателем Комиссии по народному образованию в Петербурге.

[35] *Ковалевский Егор Петрович* (1811—1868) — писатель, путешественник, брат Е.П. Ковалевского, государственного деятеля. В 1839 г. участвовал в Хивинской экспедиции В.А. Перовского. В 1847 г. производил геологические изыскания в Египте. Способствовал налаживанию торговли с Китаем. Помощник председателя Географического общества (1856—1862).

[36] *Чернышевский Николай Гаврилович* (1828—1889) — писатель, революционер-демократ.

[37] *Дудышкин Степан Семенович* (1820—1866) — литератор. Вместе с А.А. Краевским работал в журнале «Отечественные записки», где поместил множество критических статей.

[38] *Дружинин Александр Васильевич* (1824—1864) — писатель, критик, сторонник «чистого искусства». Популяризировал западную литературу.

[39] *Никитенко Александр Васильевич* (1804—1877) — литературный критик, историк литературы, профессор Петербургского университета, цензор, академик Петербургской АН (1855). Автор интереснейшего «Дневника».

[10] *Попов Александр Николаевич* (1841—1881) — историк, славянофил, член-корреспондент Петербургской АН (1872).

[11] *Безобразов Владимир Павлович* (1828—1889) — экономист, публицист. В 1857—1858 гг. редактировал «Вестник императорского географического общества», «Сборник статистических сведений о России». В 1874—1880 гг. издал 8 томов «Сборника государственных знаний», в котором приняли участие известные юристы.

[42] *Михайловский дворец в Петербурге* строился с 1819 по 1825 г. Архитектор К.И. Росси. Принадлежал великому князю Михаилу Павловичу. После смерти последней владелицы, великой княгини Екатерины Михайловны, дворец был куплен в казну. Здание было перестроено (1896—1897), и в нем открылся Музей русского искусства Александра III.

[43] *Блудов Дмитрий Николаевич* (1785—1864) — граф, государственный деятель, дипломат, литератор, один из учредителей литературного кружка «Арзамас». В 1855 г. президент Петербургской АН. Председатель Еврейского комитета, Комитета попечительства о детских приютах, Государственного совета и Комитета попечительства министров.

[44] *В декабре 1858 г.* Забелину было пожаловано 1000 руб. серебром за 6-летние труды по составлению выписок из дел архива Оружейной палаты.

[45] *Баталии Николай Васильевич* (1803—1860) — поэт, переводчик.

[46] *«Домашний быт русских царей в XVI-XVII столетии».* Эту книгу Забелин готовил с середины 40-х годов. Выходили отдельные статьи цикла в 1851—1854, 1857 гг. Еще в 1852 г. И.С. Тургенев предложил Забелину помочь издать цикл одной книгой. Забелин собрал все напечатанное в журнале «Отечественные записки» и передал Тургеневу. Тот ответил: «Очень обрадовали вы меня своим письмом и присылкой, я убежден, что ваша книга будет истинным подарком для всякого русского.., я собственно к вам чувствую такое влечение, что готов на всякую услугу. И потому вам остается сказать мне, когда нужно будет выслать деньги и сколько именно — вы их немедленно получите» (см.: Формозов А.А. Историк Москвы И.Е. Забелин. М., 1984. С. 89).

[47] *Пикулин Павел Лукич* (1822—1885) — доктор медицины. Окончил Медико-хирургическую академию. Работал ординатором в Екатерининской больнице. Избран в адьюнкты Госпитальной клиники (1850). В 1856—1859 гг. редактировал журнал «Вестник садоводства», в котором Забелин поместил ряд своих статей о московских садах XVII—XIX вв. Был женат на А.П. Боткиной.

[48] *Щепкин Николай Михайлович* (1820—1886) — общественный деятель, сын актера М.С. Щепкина. Окончил Московский университет, слушал лекции в Берлинском университете. Был редактором «Библиографических записок», в которых Забелин в 1858 г. опубликовал переписку В.К. Тредиаковского и С.А. Салтыкова из архива Д.И. Хвостова и другие материалы. Щепкин издавал (часто с К.Т. Солдатенковым) произведения А.В. Кольцова, А.И. Полежаева, Н.П. Огарева, Н.А. Некрасова, В.Г. Белинского, А.Н. Афанасьева.

Щепкин Петр Михайлович (1824—1877) — исполняющий должность обер-секретаря во 2-м отделении 6 департамента Сената. Сын М.С. Щепкина.

[49] *Мин Дмитрий Егорович* (1818—1885) — поэт, переводчик. Известен переводами Данте, Байрона, Шекспира, Г. Морриса.

[50] *Жемчужников Алексей Михайлович* (1821—1908) — поэт. В 50—60-е годы участвовал в создании произведений Козьмы Пруткова.

[51] *Павлов Николай Филиппович* (1803—1864) — прозаик, критик, поэт, публицист. Его повестям «Именины», «Аукцион», «Ятаган» дали высокую оценку А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, П.Я. Чаадаев. В 1835—1836 гг. активно сотрудничал с журналом «Московский наблюдатель». Известен как первый переводчик Бальзака. В 1837 г. женился на поэтессе Каролине Яниш (Каролина Павлова).

[52] *Сатин Николай Михайлович* (1814—1873) — поэт, переводчик. Известен переводами Байрона, Шекспира. Был близок к А.И. Герцену и Н.П. Огареву (женился на сестре последнего).

[53] *Бабст Иван Кондратьевич* (1823—1881) — экономист и историк. Профессор политэкономии в Казанском (1851—1857) и Московском (1857—1874) университетах. В 1862 г. был вызван в Петербург преподавать статистику наследнику Николаю Александровичу. С ним совершил путешествие по России. В 1864—1868 гг. директор Лазаревского института. С 1867 г. управляющий Московским купеческим банком. Печатался в журналах «Русский вестник», «Атеней», в журнале И.С. Аксакова «Москва». В 50-х гг. вместе с И.В. Чичериным являлся ведущим идеологом либерализма.

[54] *Афанасьев Александр Николаевич* (1826—1871) —историк, фольклорист, литературовед. В 184.9—1862 гг. работал в Московском Главном архиве Министерства иностранных дел. В этот период занимался изданием памятников устного народного творчества. С 1855 по 1863 г. вышло 8 выпусков «Народных русских сказок», получивших широкое признание. В 1865—1869 гг. вышел его 3-томный труд «Поэтические воззрения славян на природу».

1860 г.

[1] *В это время* Забелин находился в Петербурге.

[2] *Бестужев-Рюмин Константин Николаевич* (1829—1897) — историк. С 1865 г. профессор Петербургского университета. Перевел книгу Г.Т. Бокля «История цивилизации в Англии». Редактор «Энциклопедического словаря» Крамского. Составлял книги для народного чтения, написал «Русскую историю», «Биографии и характеры». В 1878—1882 гг. возглавлял Высшие женские курсы.

[3] *Альбертини Николай Викентьевич* (1826—1890) — публицист. До 1859 г. преподавал законоведение во 2-м кадетском корпусе. В 1859 г., переехав в Петербург, сотрудничал в журнале «Отечественные записки».

[4] *Кожанчиков Дмитрий Ефимович* (1820/1821—1877) — книготорговец и издатель. Начал свою деятельность в 1858 г. в Петербурге, в дальнейшем его предпринимательство распространилось на Одессу, Варшаву и др. Выпустил сочинения И.А. Гончарова, Т.Г. Шевченко, А.Н. Островского, А.Ф. Писемского, Н.И. Костомарова, С.М. Соловьева. С 1860-х гг. в основном издавал старообрядческую литературу.

[5] Возможно, *Корсаков Алексей Николаевич* (1823—?) — писатель, историк, медик. Своими статьями в газете «Московские ведомости» обратил внимание на себя М.П. Погодина, С.М. Соловьева. Был признан знатоком XVIII в. В 1867 г. поступил на медицинский факультет Московского университета и посвятил свою жизнь медицине.

[6] *Пыпин Александр Николаевич* (1833—1904) — литературовед, академик Петербургской АН. Ему принадлежат известные труды о русской литературе, общественно-политической мысли.

[7] *Костомаров Николай Иванович* (1817—1885) — историк, писатель, член-корреспондент Петербургской АН, профессор, один из руководителей Кирилло-Мефодиевского общества. Преподавал в Петербургском университете. После закрытия университета в связи со студенческими беспорядками в числе прочих

профессоров читал публичные лекции в городской Думе. В своих трудах стремился исследовать роль духовных сил народа, почти полностью подавляемых в России государством.

[8] *Линевич* — делопроизводитель Археологической комиссии.

[9] *В 1834 г.* при Министерстве иностранных дел создан Государственный архив Российской империи. В него была включена часть упраздненного Санкт-Петербургского архива старых дел.

[10] *Бессонов (Безсонов) Петр Алексеевич* (1828—1898) — славист, исследователь народного творчества. С 1867 по 1879 г. библиотекарь Московского университета. Участвовал в издании филологических комментариев к письмам царя Алексея Михайловича. Как считал Забелин, большая часть объяснений Бессонова слишком специальна и туманна. В своей статье Забелин также делал критические замечания на статью Бессонова в журнале «Русская беседа», обвиняющего историков в нелюбви к России. См.: Отечественные записки. 1857. Т. ПО. Кн. 1. С. 325—378.

[11] *Гримм Август-Теодор* (1805—1878) — воспитатель детей императора Николая I Константина и великой княгини Александры. С 1845 по 1847 г. ездил с великими князьями по северной и восточной России, Крыму, Кавказу, Сирии, Греции, Алжиру. В 1847 г. воспитатель великих князей Николая и Михаила Николаевичей. С 1858 г. воспитатель детей императора Александра П.

[12] *Пирогов Николай Иванович* (1810—1881) — хирург, педагог. В 1849 г. назначен на пост попечителя сначала Одесского, затем Киевского учебных округов (до 1861 г.). В своей педагогической деятельности выступал против сословных ограничений в образовании, критиковал отсталые способы преподавания. Предлагал 4-степенную школьную систему: начальная школа, прогимназия классическая и реальная, гимназия классическая и реальная, университет и специальная высшая школа. Способствовал организации воскресных школ, был инициатором создания университета в Одессе. Со вступлением на пост министра просвещения Д.А. Толстого оставил педагогическую деятельность.

[13] *Зиновьев Николай Васильевич* (1801—1882) — директор Пажеского корпуса. В 1849 г. состоял при великих князьях Николае и Владимире Александровичах.

[14] *Румянцев Николай Петрович* (1754—1826) — сенатор, министр коммерции, министр иностранных дел. Имел огромное книжное собрание, которое собирал многие годы.

[15] *Булич Николай Николаевич* (1824—1885) — литературовед. С 1851 г. читал лекции в Казанском университете, был ректором университета. Известны его работы «Сумароков и современная ему критика», «Литература и общество в России в последнее время».

[16] *Забелин писал* П.Л. Пикулину в ноябре 1860 г.: «Пью за ваше здоровье водку и в самый день непременно выпью лишнюю рюмку. Оно как-то оживляет. Это единственное прибежище всех угнетенных и утесненных, к каковым, особенно теперь, принадлежу и я. Как же не угнетение жить в таком великолепном городе. Мне все кажется, что вот эти громадные дома вдруг сдвинутся и раздавят меня, как червяка. Что за дичь. То живем уж очень просторно — как например в степи. То боишься каждый час, что какая-нибудь тысячеоконная громадина повалится

на тебя. Вообще нужно заметить, что здесь я постоянно хватаюсь за лоб и ощупываю: тут ли моя голова. Вокруг ничего не разберешь. Говоришь с умными людьми и убеждаешься, что стал совершенным идиотом.» См.: ОПИ ГИМ*. Ф. 440. Ед. хр. 156. Л. 13.

[17] *Мордовцев Даниил Лукич* (1830—1905) — писатель, историк, публицист. Автор многочисленных исторических романов, хроник, научных монографий и очерков. В 1860 г. подготовил историческую монографию «Обличительная литература в первых русских журналах и стеснение гласности». В Саратове был помощником сосланного А.И. Костомарова.

[18] Имеются в виду *«Русские сатирические журналы»*. См.: Эпизоды из истории русской литературы прошлого столетия. М., 1859.

[19] *Статья Забелина* «Сыскные дела о ворожеях и колдуньях при царе Михаиле Федоровиче».

[20] *Щепкин Дмитрий Михайлович* (1817—1857) — филолог, старший сын актера М.С. Щепкина.

[21] *Выпущен К.Т. Солдатенковым* в 1862 г.

[22] *Тарасенков Алексей Терентьевич* (1813—1873) — врач, писатель. Лечил Н.В. Гоголя во время его болезни 1851—1852 гг. В 1857 г. выпустил книгу «Последние дни Н.В. Гоголя».

[23] Возможно, *Лопатин Михаил Николаевич* (1823—1900) — секретарь 7-го департамента Сената.

[24] *Павлов Иван Васильевич* — судя по корреспонденции Забелина, знакомый, живший в Пскове и Витебске. В письме Забелину из Пскова Павлов опискывает Поганкины палаты, из Витебска сообщает о заказах икон для местной часовни.

[25] *Ордынский Борис Иванович* (1823—1861) — писатель и переводчик с греческого. Профессор римской словесности в Казанском и Харьковском университетах.

1861 г.

[1] *Константин Николаевич* (1827—1892) — великий князь, второй сын Николая I. С 1831 г. генерал-адмирал. Участник подготовки крестьянской реформы. В 1860—1861 гг. председатель Главного комитета по крестьянскому делу. Покровительствовал Русскому географическому обществу. С 1852 г. председатель Русского археологического общества. С 1873 г. президент Русского музыкального общества.

[2] *С лета 1860 г. в Варшаве* начались патриотические манифестации. В начале февраля 1861 г. в Варшаве проходили заседания Земледельческого общества по вопросам, переданным на рассмотрение самим правительством, о поземельных отношениях крестьян и землевладельцев. Организованные тайными патриотическими организациями манифестации по распоряжению наместника М.Д. Горчакова были разогнаны. Были убиты шесть человек. Члены Земледельческого общества составили адрес от имени «всей страны» на имя императора, в котором

---

* Отдел письменных источников Государственного Исторического музея.

выражалось требование возвратить Польше права законодательства, просвещения, общественных организаций. Весть о варшавских событиях в Петербурге была получена за несколько дней до подписания манифеста об освобождении крестьян. Император прошение варшавян посчитал «совершенно неуместным» и распорядился о подкреплении войск в Царстве Польском. В 1861—1862 гг. волнения в Польше не утихали, мало того, они распространились на провинцию. В 1863 г. разразилось восстание. После его подавления были ликвидированы последние следы автономии Царства Польского, введено уездное и губернское деление, упразднены Государственный и Административный советы, наместничество, во главе польских губерний поставлен Варшавский генерал-губернатор.

[3] *Авилов Владимир Васильевич* — инспектор, директор 2-й московской гимназии.

[4] *Лясковский Николай Эратович* (1816—1871) — химик. Преподавал в Московском университете фармакологию и фармацею.

[5] *Давидов Август Юрьевич* (1823—1885) — профессор математики в Московском университете.

[6] *Дмитриев Федор Михайлович* (1829—1894) — историк русского права в Московском университете (1859—1868), попечитель Петербургского учебного округа (1882—1886). В 1886 г. сенатор. В 1858 и 1859 гг. сопровождал в звании секретаря великую княгиню Елену Павловну в заграничном путешествии. Его труд «История судебных инстанций и гражданского аппеляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях» (1859) считался наиболее ценным исследованием по истории русского права.

[7] *Попов Нил Александрович* (1833—1891) — профессор русской истории в Московском университете. Секретарь славянского благотворительного комитета, член совета Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Директор Московского архива Министерства юстиции. Известны труды Попова «Татищев и его время», «Сербия и Россия».

[8] *Козлов Алексей Александрович* (1831—1901) — философ. Окончил Московский университет. В 1856 г. занимался преподаванием разных предметов в средних учебных заведениях. В 1858 г. попал под надзор полиции по «делу вертепников». В 1862 г. подвергся обыску и аресту за связь с А.И. Герценым и Н.П. Огаревым. С 1876 г. профессор философии Киевского университета.

[9] *Свириденко М.А.* Работал в литературно-юмористическом журнале «Развлечение», в котором принимал участие А.А. Козлов. В воспоминаниях К.Н. Бестужева-Рюмина упоминается о кружке А.А. Котляревского, А.А. Козлова, Свириденко. См: Сборник отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. 1900. Т. 67. №4.

[10] *Шеппинг Мария Петровна* (урожденная Языкова) (1825—1875) — племянница поэта Н.М. Языкова и родственница А.С. Хомякова.

[11] *Шеппинг Дмитрий Оттович* (1822—1895) — барон, архивист, этнограф. Известен работами по мифологии и этнографии: «Мир славянского язычества»(1849), «О древних навях и влиянии их на язык»(1861), «Символика чисел» (1893).

[12] *Станкевич Александр Владимирович* (1821—1907) —литератор, автор беллетристических произведений, младший брат Н.В. Станкевича, друг и биограф

Т.Н. Грановского. Являлся членом Комиссии о Чертковской и Голицынской библиотеках, членом Комитета Общества любителей художеств. Его повесть «Идеалисты» имела успех. В зрелые годы писал в основном критические статьи. Дом Станкевичей был расположен в Большом Чернышевском переулке. Спустя много лет, Б.Н. Чичерин, давая характеристику московскому обществу 70—80-х годов XIX в., с сожалением замечал, что поколение, с которым было можно говорить «о философии и общественных, литературных вопросах почти все вымерло... Остались Станкевичи, которых дружба составляет одно из драгоценнейших благ... Только совсем поседевший Забелин, как обломок старины, приходит иногда разделить гостеприимную трапезу». См.: Чичерин Б.Н. Воспоминания. Земство и Московская Дума. М. 1934. С. 309.

[13] Возможно, *Чижов Федор Васильевич* (1811—1877) — крупный предприниматель и финансист, писатель. В 1858 г. вместе с И.К. Бабстом начал издавать журнал «Вестник промышленности». По его инициативе создана первая частная железная дорога в России (от Москвы до Ярославля и Вологды). Завещал свое огромное состояние организации профессионально-технических училищ в Костромской губернии. Под редакцией Чижова выпущено издание сочинений Н.В. Гоголя. См.: Воспоминания Чижова Ф.В. Исторический вестник. 1883. Февраль.

[14] *Лобков Алексей Иванович* (?—1868) — известный филантроп. Жертвовал большие средства на благотворительные и богоугодные заведения, основал за свой счет приют. Пользовался расположением митрополита Филарета, с которым находился в переписке. Был любителем русской археологии.

[15] *Грачев Василий Егорович* — купец, торговец иконами. В Москве имел типографию, в которой К.Т. Солдатенков печатал свои издания. В архиве Забелина содержится переписка за 1860—1876 гг. об издательских делах. В типографии Грачева и К° напечатан труд Забелина «Домашний быт русского народа» (1862).

[16] *Бодиско Константин Константинович* — заведующий оружейной частью Конно-гренадерского полка.

[17] *Корш Евгений Федорович* (1810—1897) — журналист, библиотекарь Румянцевского музея. В 1843—1848 гг. редактировал журнал «Московские ведомости», в 1858—1859 гг. издавал журнал «Атеней». Близкий друг А.И. Герцена, Т.Н. Грановского.

[18] Возможно, *Попов Николай Иванович* (1834—1870) — писатель, собиратель рукописей, или *Попов Николай Егорович* (?—1870) — писатель, профессор лесоводства в Петровской академии.

[19] *Касаткин Виктор Иванович* (1831—1867) — редактор «Библиографических заметок» вместе с А.Н. Афанасьевым и Н.М. Щепкиным.

[20] *Любимов Николай Алексеевич* (1830—1897) — профессор физики в Московском университете (с 1859 г.), сотрудник журнала «Русский вестник», газеты «Московские ведомости», автор учебника «Начальная физика» (1876).

[21] *Раев Василий Егорович* (1807—1870) — исторический живописец, автор мозаик, академик (1851). В последние годы жизни занимался живописью в византийском стиле, в котором расписал образную в доме К.Т. Солдатенкова.

[22] *Хлудов Алексей Иванович* (1818—1882) — московский купец, старообрядец, коллекционер древнерусских рукописей и книг. Большие средства позволили ему

составить собрание исключительной ценности. Собрание завещал Никольскому единоверческому монастырю в Москве. В 1917 г. оно поступило в Государственный Исторический музей.

[23] *Назаров Александр Васильевич* — председатель Коммерческого суда Московской губернии.

[24] *Богданов Александр Федотович* (?—1886 г.) — артист Императорских театров.

[25] *Станкевич Елена Константиновна* (урожденная Бодиско) (1824—1904) — жена А.В. Станкевича, двоюродная сестра Т.Н. Грановского.

[26] *Ровинский Дмитрий Александрович* (1824—1895) — юрист, государственный деятель, историк искусств. На основе своей коллекции издал книги: «Историю русских школ иконописания», «Русские граверы и их произведения», «Словарь русских гравированных портретов», «Русские народные картины». Коллекцию завещал Эрмитажу, Румянцевскому музею, Публичной библиотеке, Академии художеств. С 1870 по 1895 г. сенатор уголовного кассационного департамента. С Забелиным был в дружественных отношениях.

[27] *Панфилов Петр* (1818—?) — младший брат Забелина. А.Ф. Забелина была вынуждена отдать его в Воспитательный дом месяц спустя после рождения. Позднее забрала Петра домой.

[28] *Щапов Афанасий Прокопьевич* (1831—1876) — историк. В 1858 г. вышла его диссертация «Русский раскол старообрядчества», которая явилась событием в истории изучения раскола. В 1861 г. был приглашен преподавать русскую историю в Казанском университете. В 1861 г. за присутствие на панихиде по убитым крестьянам в селе Бездна и за произнесенные речи был арестован. Лишенный профессуры, был взят на поруки министром внутренних дел П.А. Валуевым, назначен чиновником Министерства по раскольничьим делам. В 1862 г. был привлечен к делу по обвинению в связях с А.И. Герценым, М.А. Бакуниным, но признан непричастным. В 1870 г. его книга «Социально-педагогические условия умственного развития русского народа» вызвала шум в обществе.

[29] *У крестьян, ожидавших «полную волю»,* содержание «Манифеста» и «Положений» от 19 февраля 1861 г. вызвало возмущение. Наиболее активные выступления прошли в центрально-черноземных губерниях, в Поволжье, на Украине, где основная масса крестьян находилась на барщине. В апреле 1861 г. в селе Бездна Казанской губернии началось крестьянское волнение, которое закончилось кровавым усмирением. Сотни крестьян были убиты или ранены.

[30] *Муравьев-Апостол Матвей Иванович* (1793—1886) — декабрист, брат И.И. и С.И. Муравьевых-Апостолов. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии. Участник восстания Черниговского полка. Приговорен к 20 годам каторги. Вернувшись из ссылки в 1856 г., поселился в Твери, изредка выезжал в Москву.

[31] *Якушкин Иван Дмитриевич* (1793—1857) — декабрист, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии. Один из учредителей Союза спасения, член Союза благоденствия и Северного общества. Приговорен к 20 годам каторги.

[32] *Тихонравов Николай Саввич* (1832—1893) — литературовед, археограф, академик (1890). Представитель культурно-исторической школы, профессор Московского университета (с 1859 г.). Известен трудами о Н.И. Новикове, М.В. Ломоносове, А.П. Сумарокове, Н.В. Гоголе. Публиковал памятники древнерусской литературы.

[33] *Некрасов Иван Степанович* (1836—1895) — исследователь древнерусской литературы, профессор и ректор Новороссийского университета.

[34] *Герье Владимир Иванович* (1837—1919) — историк. С 1865 г. преподаватель Московского университета. Впервые в преподавательской практике применил семинарский метод. Организовал Высшие женские курсы в Москве. С 1877 по 1908 г. состоял гласным Московской городской Думы. С 1889 г. председатель городской комиссии «О пользах и нуждах общественных».

[35] *Иловайский Дмитрий Иванович* (1832—1920) — историк, публицист. Широко известны были в дореволюционное время его учебники по русской и всеобщей истории для средней школы. Научные труды: «Разыскание о начале Руси»; «История России». Т. 1-5 (1897-1905).

[36] *Строганов С.Г. предложил Забелину* писать рецензии на статьи в периодической печати в форме писем, адресованных наследнику Николаю Александровичу (1843—1865). Идея Строганова осталась неосуществленной.

[37] Возможно, *Тютчев Николай Николаевич* (1815—1878) —тайный советник, член совета департамента уделов. Сотрудник журнала «Отечественные записки». Или *Тютчев Н.И.* (?—1870) — старший брат поэта Ф.И. Тютчева.

[38] Возможно, *Городков Гавриил Родионович* (1823—1887) — врач при 2-м кадетском корпусе.

[39] *Вольский Иван Петрович* (1817—1868) — художник, учитель рисования в Мариинском институте. Член Археологической комиссии, принимал участие в раскопках, производил их зарисовку.

[40] *Мария Николаевна* (1819—1876) — великая княгиня, дочь Николая I, в замужестве герцогиня Лейхтенбергская. Овдовев, вышла замуж за Г.А. Строганова втайне от отца.

[41] *Шеин Борис Михайлович* — воевода XVII в.

[42] *Павлов Платон Васильевич* (1823—1895) —историк, общественный деятель. С 1849 г. профессор Московского университета, с 1861 — Петербургского, с 1875 г. — Киевского. Член Археографической комиссии при Министерстве народного просвещения. В 1859 г. по поручению Н.И. Пирогова руководил в Киеве впервые тогда учрежденными частными воскресными школами.

[43] *«бараны»* — возможно, камни валуны, выложенные вокруг курганов.

[44] *Кавелина Антонина Федоровна* (урожденная Корш) — сестра Е.Ф. и В.Ф. Коршей.

[45] *Драгомиров Михаил Иванович* (1830—1905) — генерал-адъютант, профессор тактики в военной академии. Исторические труды: «Очерки австро-прусских войн» (1866), «Солдатская памятка» и др.

[46] *К этому времени С. Г. Строганов,* пробывший меньше года московским генерал-губернатором, был переведен в Санкт-Петербург для того, чтобы стать попе-

чителем при 16-летнем наследнике Николае Александровиче. Граф составил своеобразный университетский курс из нескольких предметов юридического, филологического факультетов и военной академии Генерального штаба. Преподаватели приглашались из этих заведений и духовной академии. Ф.И. Буслаев преподавал историю русской словесности (см.: Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. М.,1897).

[47] *Из пяти дочерей великой княгини Елены Павловны* Забелин имеет в виду Марию (1825-1846), Елизавету(1826-1845), Екатерину (1827-1894).

[48] *Родзевич Игнатий Михайлович* — управляющий канцелярией военного генерал-губернатора в Москве.

[49] *Игнатьев Илья Игнатьевич* — помощник секретаря московского архива Министерства юстиции.

[50] *Корш Федор Евгеньевич* (1843—1915) — филолог, профессор римской словесности в Московском и Новороссийском университетах. Сын Е.Ф. Корша.

[51] *Грановский похоронен* на Пятницком кладбище.

[52] *Сеченский Иван Иванович* — полковник, московский обер-полицмейстер (1849—1869).

[53] *Тучков Павел Алексеевич* (1803—1864) — генерал-губернатор Москвы (1859—1864), член Государственного совета.

[54] *Щепкина Александра Владимировна* (урожденная Станкевич) (1828—1917) — жена Николая Михайловича Щепкина.

[55] *Крейц Генрих Киприянович* — московский обер-полицмейстер, генерал-лейтенант.

[56] *Сравнить* рассказы о событиях 4 октября И.Г. Прыжова, С.В. Ешевского. См.: Прыжов И.Г. Очерки, статьи, письма. М., 1934; Русская старина. 1898. Т. 6.

[57] *Рачинские: Константин Александрович* (1839—1909) — профессор физики Московского университета, *Сергей Александрович* (1833—1902) — профессор ботаники Московского университета.

[58] *Мюльгаузен Федор Богданович* (1820—1878) — профессор Московского университета по кафедре законоведения (с 1847 г.).

[59] *Никольский Владимир Николаевич* (1821—1874) — преподаватель гражданского законодательства в Московском университете.

[60] *Ешевский Степан Васильевич* (1829—1865) — историк-западник, профессор. С 1858 г. преподавал в Московском университете.

[61] *Шумахер Даниил Данилович* (1819—1908) — директор 2-го отделения Сохранной казны в Московском опекунском совете, гласный городской Думы (с 1863 г.). Председатель Московской городской Думы с 1873 по апрель 1876.

[62] Возможно, *Миндер Владимир Фомич* — член Медицинской конторы в Москве, лаборант Московского университета, член комитета медико-фармацевтического попечительства.

[63] *Шумский (Чесноков) Сергей Васильевич* (1820—1878) — артист. Начинал артистическую карьеру под руководством М.С Щепкина.

[64] Возможно, *Визар Владимир Яковлевич* — экспедитор Сохранной кассы опекунского совета или *Визар Дмитрий Яковлевич* (1829—1886) — домашний секретарь Т.Н. Грановского.

[65] *Муравьев Михаил Александрович* (1842—1887) — сын А. Муравьева, ялтинский уездный предводитель дворянства.

[66] *Сравнить* с воспоминаниями П.Д. ПІестакова, инспектора студентов, о студенческих волнениях. См.: Русская старина. 1887. Сентябрь; 1888. Ноябрь; 1889. Октябрь.

1862 г.

[1] *Филарет (Дроздов В.М.)* (1782—1867) — митрополит московский. Переводил на русский язык Священное писание. Его проповеди пользовались популярностью, были переведены на французский и немецкий языки. Составил текст «Манифеста» от 19 февраля 1861 года об освобождении крестьян.

[2] *Путешествие Забелина* не состоялось.

[3] *Филимонов Георгий Дмитриевич* (1828—1898) — археолог, историк искусств. В 1856 г. был прикреплен к Оружейной палате для изучения коллекций. В 1858 г. заведовал ее архивом и канцелярией. Работал в отделениях древностей Румянцевского и Публичного музеев. В 1867 г. направлен в Париж на Всемирную выставку с экспонатами Оружейной палаты. Принимал деятельное участие по возобновлению стенописи Грановитой палаты. Занимался раскопками в Крыму, на Кавказе. Известны его работы: «Лицевые святцы по рисункам академика Солнцева», «Симон Ушаков и современная ему эпоха русской иконописи».

[4] *Книга Забелина* «Домашний быт русских царей и цариц в XVI— XVII столетии». Отзыв на нее — представление к премии — писал Ф.И. Буслаев.

[5] *Во время заграничной поездки* А.Н. Афанасьев познакомился с А.И. Герценым, с которым позднее установил тайную корреспонденцию. В 1862 г. под предлогом выяснения встречи Афанасьева с эмигрантом В.И. Кельсиевым, нелегально прибьшшим в Россию, на квартире у Афанасьева был произведен обыск, сам он вызван на допрос в Петербург. Уволен из архива без права поступления на государственную службу. Работал техническим секретарем в городской Думе, мировом съезде, коммерческом банке.

[6] *В 1861 г.* вышли «Материалы для истории книгопечатания и книжной торговли в России» (см.: Библиографические записки. Т. 3. № 5) и «Материалы для русского индекса Librorum Prohibitorum: Переписка о книгах Д.М. Голицына, Махиавеливой и Бокалиновой» (см.: Библиографические записки. Т. 3. № 11).

[7] Возможно, *речь идет о книге А.И. Костомарова* «Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI—XVII столетиях».

[8] *Строганов Николай Сергеевич* — сын С.Г. Строганова, камер-юнкер, чиновник особых поручений при министре внутренних дел.

[9] Имеется в виду *портрет* Василия II Темного (1415—1462) — великого князя московского с 1425 г. Портрет помещен на обложку книги.

[10] *Баршев Сергей Иванович* (1808—1882) — преподаватель уголовного права в Московском университете. В 1845—1850 гг. директор Московского технического училища, в 1847—1855 гг. декан юридического факультета Московского универси-

тета, в 1863—1870 гг. ректор Московского университета. Автор первого курса уголовного права.

[11] *Орданангауз* — комендантское управление.

[12] *Каминский Александр Степанович* (1829— 1897) — архитектор, яркий представитель эклектики. По его проектам построены дом П.М. и С.М. Третьяковых, Московская биржа, дом Купеческого общества, Пантелеймоновская часовня на Никольской улице, оформлен проезд на Никольскую улицу. Принимал участие в проектировании отделов Политехнической выставки в 1872 г.

[13] *Статья Забелина* «Размышления о задачах русской истории и древностей» вышла в журнале «Отечественные записки» (1860. Т. 133. Кн. II. № 5). Представляет теоретические выводы Забелина о состоянии современной историографии. Современники оценили работу как серьезную попытку уяснить критические приемы в обработке русской истории.

[14] *Ханыков Николай Владимирович* (1819—1878) — востоковед, историк, этнограф, дипломат. Участвовал в Хивинском походе В.А. Перовского в 1839 г., в посольстве К.Ф. Бутенева в Бухарское ханство в 1841 г. В 1845 г. состоял чиновником по особым поручениям на Кавказе при М.С. Воронцове. В 1854—1857 гг. был генеральным консулом России в Тебризе. Инициатор экспедиции в Хорасан (1858—1859). В Париже сблизился с А.И. Тургеневым, В.П. Боткиным, А.И. Герценым, Б.Н. Чичериным. См.: Б.Н. Чичерин. Воспоминания. 1925—1926. Т. 3.

[15] *Церковь Адриана и Натальи* была построена в 1686 г. К нашим дням не сохранилась.

[16] *«Цветники»* — сборники непостоянного состава слов, поучений, тематических выписок, популярные в старообрядческой среде. Название происходит от греческого слова «трефологиох» — цветослов, цветник. См.: Кириллические издания старообрядческих типографий конца XVIII — нач. XIX века. Л., 1991.

1864 г.

[1] *Маслов Степан Алексеевич* (1793—1879) — писатель, секретарь Московского общества сельского хозяйства (1820—1860). Основал периодическое издание «Земледельческий журнал».

[2] *Чичерин Сергей Николаевич* (?— 1836) — общественный деятель, председатель Тамбовского мирового съезда, брат Б.Н. Чичерина.

[3] *Северцов Николай Алексеевич* (1827—1885) — зоолог, этнограф, путешественник. Один из основоположников экологии в России. В 1857 —1879 гг. исследовал Среднюю Азию.

[4] *Сверчков Николай Егорович* (1817—1898) — художник, академик. Известен изображениями породистых лошадей, собак, охотничьих сцен. В Парижских салонах его произведения пользовались большим успехом. В 1863 г. его картина «Возвращение с медвежьей охоты» была приобретена Наполеоном III. В 1864 г. для Александра II нарисовал «Выезд царя Алексея Михайловича на смотр воинства в 1664 г.» Позднее неоднократно работал по высочайшему заказу.

[5] *Яковлев Лука Павлович* — помощник директора Оружейной палаты.

[6] *Греков Николай Порфирьевич* (1810—1866) — поэт, переводчик.
[7] *Бокль Генри Томас* (1821—1897) — английский историк и социолог.
[8] *Бокль Г.Т. История цивилизации в Англии.*

1865 г.

[1] *Декан историко-филологического факультета Московского университета* в 1865 г. С.М. Соловьев.

[2] *Ренан Жозеф Эрнест* (1823—1892) — французский писатель. Труды по востоковедению, философии, христианству.

[3] *Фидий* (начало V в. до н.э. — около 432-431 до н.э.) — древнегреческий скульптор.

[4] *Моммзен Теодор* (1817—1903) — историк, юрист, филолог, автор знаменитой «Римской истории».

[5] *Грановскому Т.Н.* был заказан учебник всеобщей истории министром народного просвещения А.С. Норовым.

[6] *В первой половине 1860-х годов* в дворянской среде распространилось конституционное движение. В 1862 и 1865 гг. составлены были адреса дворянских собраний от московского, петербургского и некоторых губернских городов, в которых выражалась критика крестьянской реформы и требование созыва выборных представителей Общей земской думы. Неудовольствие правительства вызвал московский адрес от 11 января 1865 г. В нем приветствовалось учреждение земства, в котором виделось будущее России. Но в адресе заключалась и просьба создать общее собрание выборных для обсуждения общегосударственных вопросов. Ответом на адрес послужил рескрипт царя, в котором подчеркивалась неправомочность общественного обсуждения вопросов, касающихся изменения государственного устройства, учреждений. Это право принадлежит исключительно самодержавной власти, считал царь.

[7] *Московское археологическое общество* основал в феврале 1864 г. А.С. Уваров. В задачи общества входило: изучение русских древностей, «возбуждение сочувствия к остаткам старины русской, разработка разных вопросов, касающихся произведений русского духа, русского искусства и уничтожение среди общей массы народонаселения равнодушия к этим произведениям» (из речи А.С. Уварова перед открытием Общества). С 1865 по 1916 г. издавался сборник «Древности. Труды императорского Московского археологического общества». С 1893 по 1899 г. вышло 7 томов «Археологических известий и заметок», было проведено 15 съездов. «Труды» и отчеты Московского археологического общества свидетельствуют о громадной работе общества и его вкладе в русскую науку.

[8] *Богданов Анатолий Петрович* (1834—1896) — зоолог, антрополог. С 1865 по 1866 г. производил раскопки курганов в Московской губернии, написал докторскую диссертацию на материалах раскопок. По инициативе Богданова были организованы Комитет акклиматизации животных при Обществе сельского хозяйства, Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, президентом которого он стал в 1863 г. Состоял членом более 30 ученых обществ русских и иностранных. С 1863 г. заведующий Зоологическим музеем.

[9] *Долгоруков Юрий Алексеевич* (1807—1882) — князь, сенатор в 8-м департаменте Сената (с 1857 г.).

[10] *Колюбакин Николай Петрович* (1810—1868) — писатель, сенатор в 7-м департаменте Сената. Служил в Кавказском корпусе в 30—50-е годы. Автор произведений: «О генерал-адъютанте князе Аргутинском-Долгорукове», «Свод замечаний на проект устава о военно-морском суде», «Письма к князю В.О. Бебутову».

[11] *Дювернуа Николай Львович* (1836—1906) — юрист, занимал кафедру гражданского права в Петербургском университете. *Дювернуа Александр Львович* (1840—1886), славист, профессор Московского университета.

[12] *Мазепа Иван Степанович* (1644—1709) — гетман Украины (1687—1708).

[13] *«Православное обозрение»* — журнал. Издавался в Москве под редакцией священника Н.А. Сергиевского. С журналом сотрудничали священники Г.П. Смирнов-Платонов, П.А. Преображенский, А.М. Иванов-Платонов, а также А.С. Хомяков, Ф.И. Тютчев, Ю.Ф. Самарин, И.С. Аксаков, В.С. Соловьев. Журнал знакомил читателей с отечественной и иностранной богословской литературой, обсуждал церковные реформы и богословскую литературу.

[14] *Бюхнер Людвиг* (1824—1899) — немецкий естествоиспытатель, философ.

[15] *Есипов Григорий Васильевич* (1812—1898) — историк. В 1864 г. был причислен к Министерству Двора. Написал ряд исторических статей по истории XVIII в. Под его редакцией были напечатаны «История Выговской пустыни», «Сборник документов о Петре Великом», а также выходили «Придворный календарь», «Камер-фурьерский журнал».

[16] *Вульферт Антон Карлович* — присяжный поверенный округа Московской судебной палаты.

[17] *Лафайет Мари Жозеф* (1757—1834) — французский политический деятель. Участник войны за независимость Северной Америки. В период революции 1830 г. командовал Национальной гвардией, содействовал вступлению на престол Луи Филиппа.

[18] *Гус Ян* (1371—1415) — идеолог чешской Реформации.

[19] *Лютер Мартин* (1483—1546) — деятель Реформации в Германии.

[20] Возможно, *Скворцов Николай Семенович* (?—1882) — редактор газеты «Русские ведомости» или *Скворцов Г. Д.* — помощник хранителя Публичного и Румянцевского музеев.

[21] *Диссертация И.Д. Беляева «Крестьяне на Руси».* За нее он получил звание доктора.

[22] *Московское общество древнерусского искусства* организовано в 1864 г. при Московском Публичном музее. Целью его являлось собирание и научная разработка памятников древнерусских древностей и древнерусского церковного и народного искусства во всех его отраслях.

[23] *Одоевский Владимир Федорович* (1803/1804—1869) — писатель, музыкальный критик, председатель Общества любомудров, помощник директора Публичной библиотеки, член Ученого комитета Министерства государственных имуществ. Известны его философско-фантастические произведения, повести из светской жизни, новеллы «Русские ночи». Учредитель Общества древнерусского искусства (1864).

[24] *Лавальер* — одна из многочисленных фавориток Людовика XIV.

[25] *Сенебатов Петр Петрович* — бухгалтер Петейно-акцизного управления.

[26] *Петрашевский (Буташевич-Петрашевский) Михаил Васильевич* (1821—1866) — революционер, утопический социалист. На «пятницах» Петрашевского пропагандировались демократические и социалистические идеи.

[27] *Лешков Василий Николаевич* (1810—1881) — юрист, профессор международного и полицейского права в Московском университете. Автор работ по истории русского права. По своим взглядам был близок славянофилам.

[28] Возможно, *Самарин Юрий Федорович* (1819—1876) — философ, историк, писатель, общественный деятель, один из талантливейших представителей славянофильского направления. Или *Самарин Дмитрий Федорович* (1831—1901), писатель, общественный деятель, сотрудник изданий И.С. Аксакова и газеты «Московские ведомости», председатель совета Попечительства городских училищ Думы.

[29] *Самарин Иван Васильевич* (1817—1885) — артист московских драматических театров. Учился в Московском театральном училище, где был замечен М.С. Щепкиным. Любимец московской публики. Преподавал в театральной школе и консерватории.

[30] *Мочалов Павел Степанович* (1800—1848) — артист. Знаменитый трагик. В основном играл романтический репертуар. Через С.Т. Аксакова вошел в литературные кружки.

[31] *Бартенев Петр Иванович* (1829—1912) — историк, археограф, библиограф. Основатель и редактор журнала «Русский архив». С 1859 по 1873 г. управлял Чертковской библиотекой в Москве, напечатал часть ее каталога. В 1856 г. начал издательскую деятельность, издал ряд важных документов. Речь идет о его статье «Черты русской жизни в XVII столетии» [По поводу кн. «Собрание писем царя Алексея Михайловича с прил. Устава Сокольничьего пути». Изд. г. Бартенева.] в журнале «Отечественные записки». 1857. Т. ПО. Кн. 1—2 Отд. I.

[32] *Киреевский Иван Васильевич* (1806—1856) — философ, литературный критик, публицист, член литературно-философского «Общества любомудров». Один из основоположников славянофильства, печатался в журнале «Русская беседа». Кризис европейского просвещения рассматривал как результат отхода от религиозных начал и утраты духовной цельности.

[33] *Тараканова Елизавета* (1745—1775) — самозванка. Выдавала себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны, претендуя на русский престол.

[34] *Смит Адам* (1723—1790) — шотландский экономист, философ. Трактовал прибыль как вычет из продукта труда рабочих. Автор «Исследование о природе и причине богатства народов».

[35] *Морозова (Соковнина) Феодосия Прокопиевна* (1632—1675) — боярыня, раскольница. Арестована в 1671 г., умерла в заточении в Боровском монастыре.

[36] *Всемирный путешествователь, или* Познание Старого и Нового света. СПб., 1781. Автор Жозеф де Ла Порт.

[37] *Шумский (Чесноков) Сергей Васильевич* (1820—1878) — актер. В молодости работал под руководством М.С. Щепкина.

[38] *Лессинг Готхольд Эфраим* (1729—1781) — немецкий драматург, теоретик ис-

кусства, литературный критик Просвещения, основоположник немецкой классической литературы.

[39] *Фет (Шеншин) Афанасий Афанасьевич* (1820-1892) —поэт.

[40] *Чаев Николай Александрович* (1824—1914) — писатель, драматург, заведующий репертуарной частью московских театров. Автор драм и хроник на сюжеты из русской истории: «Князь Андрей Михайлович Тверской», «Сват Фаддей», «Дмитрий Самозванец» и др.

[41] *Фишер Куно* (1824—1907) — немецкий историк философии, очень популярный в 60—70-е годы XIX в. Разъяснял системы Декарта, Канта, Спинозы, Гегеля, Лейбница, Фихте.

[42] *Кант Иммануил* (1724—1804) — немецкий философ, профессор университета в Кенигсберге, родоначальник немецкой классической философии.

[43] *Замятин Дмитрий Николаевич* (1805—1881) — государственный деятель. С 1852 г. сенатор, с 1858 г. товарищ министра юстиции графа В.Н. Панина. С 1862 г. министр юстиции.

[44] *«Последний день Помпеи»* — картина К.П. Брюллова.

[45] *Вильберфорс Самуил* (1805—1873) — английский духовный писатель, епископ Оксфордский.

[46] *Спиноза Бенедикт (Барух)* (1632—1677) — нидерландский философ-материалист, атеист.

[47] *Георгиевский Александр Иванович* (1830—1911) — историк. Занимал кафедру всеобщей истории и статистики в Ришельевском лицее. В 1866—1881 гг. редактор «Журнала министерства народного просвещения».

1866 г.

[1] *Леонтьев Павел Михайлович* (1822—1874) — профессор римской словесности и древностей Московского университета. Сотрудник М.Н. Каткова по журналу «Русский вестник» и газете «Московские ведомости».

[2] *При переизбрании профессоров* В.Н. Лешкова и А.И. Меньшикова, характеризуемых современниками как консервативные и бездарные, большинство университетского совета допустило нарушение устава 1863 г. Молодые профессора И.К. Бабст, Ф.М. Дмитриев, М.Н. Капустин, А.С. Рачинский, Б.Н. Чичерин отказались признать выборы законными. Министр просвещения Д.А. Толстой утвердил результаты выборов. С.М. Соловьев, присоединившись к оппозиции, предложил всем выйти в отставку. Личная просьба наследника, находившегося в Москве, остановила профессоров в их действиях. Позднее эти пять профессоров поочередно все-таки вышли из университета.

1869 г.

[1] *Капустин Михаил Николаевич* (1828—1899) — юрист, профессор международного права Московского университета.

[2] *Викторов Алексей Егорович* (1827—1883) — археолог, библиофил, библиограф. В 1862 г. хранитель отделения рукописей и славянских старопечатных книг в Румянцевском и Публичном музеях. С 1868 г. заведовал архивом и канцелярией Оружейной палаты. Один из основателей Московского археологического общества

[3] *Барсов Павел Петрович* — помощник инспектора студентов Московского университета.

[4] *Веселовский Алексей Николаевич* (1838—1906) — историк литературы и музыки. С 1876 по 1888 г. читал лекции на высших женских курсах.

[5] *«Атеней»* — журнал критики, истории и литературы. Выходил в 1858—1859 гг. в Москве (редактор Е.Ф. Корш). В нем печатали свои произведения М.Е. Салтыков-Щедрин, П.В. Анненков, И.С. Тургенев, С.М. Соловьев, Б.Н. Чичерин и др.

[6] *Черинов Михаил Петрович* (1838—1905) — медик, профессор Московского университета, гласный Московской городской Думы, председатель санитарного отдела Москвы.

[7] *Щебальский Петр Карлович* (1810—1886) — историк, публицист, обер-полицмейстер в Москве. Написал «Правление царевны Софьи»(1856), «Начало Руси» (1863).

[8] *Голицын Сергей Михайлович* (1775—1859) — князь. В 1830—1835 гг. попечитель Московского учебного округа, в 1834 г. председатель второй следственной комиссии по делу Герцена — Огарева. Председатель Опекунского совета Московского воспитательного дома. Дом, где проходил I Археологический съезд, расположен на Волхонке, ныне дом 14.

[9] *Уваров Сергей Семенович* (1786—1855) — граф, министр народного просвещения, президент Петербургской АН. Один из создателей общества «Арзамас». Председатель Комитета устройства учебных заведений и управления цензуры, член Совета о военных учебных заведениях, член совета Московского, Дерптского, Казанского университетов, член ученых обществ Франции, Испании, Италии. Довел до формулы основы существования государства — «православие, самодержавие, народность».

[10] *Уваров Алексей Сергеевич* (1825—1884) — граф, сын С.С. Уварова, археолог. В 1848 г. предпринял исследование древностей на юге России, в 1851 г. — археологические раскопки на территории Суздальского княжества, в 1853 г. — раскопки в Таврической губернии. В Суздальском крае раскопано было 7729 курганов с целью определить географическое распространение финского племени мери. Результатом раскопок явился его труд «Меряне и их быт по курганным раскопкам». Являлся одним из организаторов Петербургского археолого-нумизматического общества (1846), впоследствии Русского археологического общества. Инициатор создания Московского археологического общества (1864) и Исторического музея в Москве. В 1858—1859 гг. помощник попечителя Московского учебного округа. В 1849 г. учредил на свои средства премии за лучшие исследования по отечественной истории. В 1879 г. организовал лекции по археологии при участии Забелина, В.О. Ключевского, В.Ф. Миллера и др. Член Комиссии для построения храма Христа Спасителя.

[11] *Толстой Дмитрий Андреевич* (1823—1889) — граф, государственный деятель. В 1866—1880 гг. министр народного просвещения. С 1882 г. министр внутренних

дел. Провел реформу среднего образования (1871), значительно усилив преподавание латинского и греческого языков в гимназиях.

[12] *Вельяминов-Зернов Владимир Владимирович* (1830—1904) — востоковед. Секретарь Восточного отделения Русского археологического общества (с 1861 г.). В 1867 г. участвовал в международном археологическом съезде в Антверпене. В 1888 г. попечитель Киевского учебного округа.

[13] *Срезневский Измаил Иванович* (1812—1880) — филолог, славист. Труд Срезневского «Мысли об истории русского языка» (1849) — событие в области языкознания. По инициативе Срезневского возникли «Известия императорской АН по отделению русского языка и словесности». Его учениками были А.Н. Пыпин, В.И. Ламанский, Д.А. Мордовцев, Н.Г. Чернышевский, Д.И. Писарев.

[14] *Рецензия Забелина* на книгу С.Г. Строганова «Дмитриевский собор во Владимире (на Клязьме). См.: Отечественные записки. 1850. Т. 72. Кн. 9. Отд. 4. С. 1—12.

[15] *Уварова Прасковья Сергеевна* (урожденная Щербатова) (1840—1924) — жена А.С. Уварова с 1859 г. Занималась археологией, помогала мужу в научных трудах. После кончины Уварова председатель Московского археологического общества. Председатель комиссии Общества по сохранению древних памятников, председатель Комиссии по изучению старой Москвы, товарищ председателя Восточной комиссии. Коллекционер, почетный член Петербургской АН, почетный член управления Исторического музея.

[16] *Попов Андрей Николаевич* (1841—1881) — преподаватель русской словесности в Лазаревском университете. С 1885 г. директор московского архива Министерства юстиции.

[17] *Солнцев Федор Григорьевич* (1801—1892) — археолог, живописец. Занимался исследованием и изображением памятников старины. Совершил многочисленные поездки по старинным русским городам с целью изучения древностей. Восстанавливал царские терема в Кремле. В киевском Софийском соборе открыл фрески XI в. С 1853 г. работал по оформлению Исаакиевского собора. С 1859 г. причислен к Императорской археологической комиссии. Звание академика живописи получил за картину «Встреча великого князя Святослава с Иоанном Цимисхием».

[18] *Толстой Михаил Владимирович* (1812—1896) — медик, правитель дел при Дамском благотворительном обществе. После выхода в отставку в 1852 г. занялся церковной историей и археологическими исследованиями. На I съезде Московского археологического общества выступил против искажений, которым подвергалась живопись при реставрации. Автор работ: «О лицевых псалтирях» (1877), «О древних иконах»(1884), «Святыни и древности Пскова» (1861), «Святыни и древности Новгорода Великого» (1862).

[19] *Казанский Петр Симонович* (?—1878) — богослов и историк. Занимал кафедру всеобщей истории в Московской духовной академии. Составил учебник по всеобщей истории.

[20] *Прохоров Василий Александрович* (1818—1882) — археолог, преподаватель истории древнерусского искусства в Академии художеств. В 1862—1877 гг. издавал художесгвенно-архитектурный журнал «Христианские древности и археология».

[21] *Бутовский Виктор Иванович* (1815—1881) — директор Строгановского училища (1860—1881) и Художественно-промышленного музея (1863—1881).

[22] *Мурзакевич Николай Никифорович* (1806—1883) — директор Ришельевского лицея. Выйдя в отставку, посвятил жизнь путешествиям с научными целями.

[23] *Савваитов Павел Иванович* (1815—1895) — археолог, историк. Преподавал в различных учебных заведениях Петербурга. Многочисленные статьи посвящены русским древностям. Известностью пользовался его труд «Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора».

[24] *Тизенгаузен Владимир Густавович* (1802—1902) — нумизмат, член-корреспондент Петербургской АН, товарищ председателя Археологической комиссии.

1870 г.

[1] *По свидетельству дочери Забелина,* Марии Ивановны, историк составил в начале 70-х годов завещание, по которому деньги, оставшиеся после его смерти и смерти его родных, должны быть направлены на организацию постоянных переводов на русский язык классических произведений. В конце 80-х годов, перенесши тяжелую болезнь, Забелин повторил, что желал бы устроить переводы на русский язык греческих, латинских авторов и средневековых географов. В 1907 г. он просил дочь устроить переводы в Петербургской АН, для чего назначил 30 тысяч рублей неприкосновенного капитала, на проценты с которого Академия будет производить издания. Дочерью это было исполнено. См.: Отчет Императорского Российского Исторического музея за 1883—1908 гг. М., 1916. С. 22.

[2] *Греков Петр Николаевич* (1825—1893) — действительный статский советник, председатель Московского мирового съезда. В письме к Д.А. Ровинскому в 1866 г. Забелин просил способствовать Грекову в получении должности секретаря в окружном московском суде: «Это человек достойнейший и предостойнейший во всех отношениях. В высшей степени благородный, честный, добросовестный, весьма образованный и главное, отлично подготовивший себя к судебному делу». ОПИГИМ*. Ф. 440. Ед. хр. 126. Л. 83.

[3] *Дашков Василий Андреевич* (1819—1896) — помощник попечителя московского учебного округа. Инициатор создания Этнографической выставки в Москве, затем Этнографического музея. На свои личные средства производил ремонт здания музея, пополнял коллекции, издавал музейные сборники. С именем Дашкова было связано устройство в Москве галереи портретов русских деятелей. Собрание состояло из 250 портретов (в два тона), скопированных с оригиналов художниками И.Е. Репиным, И.Н. Крамским, В.М. Васнецовым и др. В 70-х годах субсидировал издание «Истории русской жизни» Забелина.

[4] *Ренар Карл Иванович* — секретарь Московского общества испытателей природы, хранитель этнографического кабинета Румянцевского музея.

[5] *Траутшольд Карл Эдуардович* — профессор землеведения в Лесной академии.

---

* Отдел письменных источников Государственного Исторического музея.

[6] Речь идет *о предстоящей работе Забелина* над «Историей русской жизни с древнейших времен».

[7] *Археографическая комиссия* при Министерстве просвещения была создана в 1834 г. для собирания, изучения и издания источников по отечественной истории. Сотрудники комиссии вели поиски рукописей в архивах, библиотеках, монастырях, за границей.

[8] *Бычков Афанасий Федорович* (1818—1899) — историк, археограф. С 1882 по 1899 г. директор Публичной библиотеки. Автор многочисленных описаний, публикаций памятников русской письменности, работ по истории, литературе.

[9] *Палаузов Спиридон Николаевич* (1818—1872) — доктор политико-экономических наук, литературовед. Член Археографической комиссии.

[10] *Тимофеев Александр Ильич* — член Археографической комиссии.

[11] *Муханов Павел Александрович* (1798—1871) — собиратель и издатель исторических материалов. Председатель Археологической комиссии (1869). В 1870 г. приступил к палеографическому изданию летописей.

[12] Имеется в виду *летопись* из синодального собрания. Собрание рукописей, свитков хранилось в Кремле. Представляло исключительную ценность уникальностью своего состава. В 1920 г. передано в Государственный Исторический музей.

[13] Речь идет *о рукописном сборнике* «Икона, или изображение великие соборные церкве всероссийского и всех северных стран патриарха престола приключившихся дел в разные времена и лета» (1700), который содержал копии грамот, рассылавшихся от имени двух последних московских патриархов Иоакима и Адриана властям крупных монастырей, главам автокефальных церквей, митрополитам, московским царям, воеводам и полководцам с ответными посланиями, с выписками из документов Посольского приказа и др. Сборник известен в нескольких списках. См.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3 (Х П в.). Ч. 2. С. 37.

1871 г.

[1] *В предисловии* Забелин указал, что книга создана по предложению Дашкова и им субсидирована.

[2] *Штейн Лоренц* (1815—1890) — немецкий юрист и экономист. Его работы — первый опыт исторического изучения социализма. Популярны были его труды по вопросам права, народного хозяйства, общественной жизни.

[3] *А. С. Уваров* организовал лекции ученых для художников и любителей. Общество любителей художеств возникло из еженедельных собраний группы московской интеллигенции, любителей искусства на квартире братьев С.И. и П.И. Миллер. Официально утверждено в 1860 г. Общество сыграло большую роль в развитии художественной культуры 60—80-х годов. Устраивало выставки, вечера, конкурсы, оказывало материальную помощь нуждающимся художникам.

[4] *Боткин Дмитрий Петрович* (1829—1889) — один из совладельцев знаменитой чаеторговой фирмы. Коллекционер западноевропейской живописи, близкий друг П.М. Третьякова. Председатель Московского общества любителей художеств.

[5] *Сухотин Сергей Михайлович* — гофмейстер, вице-президент московской Дворцовой конторы, директор Оружейной палаты (70-е годы). В дневниках писал: «В прошлую пятницу я слушал весьма интересную лекцию Ивана Егоровича Забелина о древнем русском строительном искусстве, он разбирал церковь Василия Блаженного». См.: Воспоминания С.М. Сухотина. Русский архив. 1894. Кн. 2. С. 441.

[6] *Клин* — короткий брусок, снятый к одному концу на нет, или граненый кусок дерева, железа с одним толстым концом. *Кружало* — приспособление для черчения круга. *Кружальник* — плотник. См.: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка.

[7] *Шервуд Владимир Осипович* (1833—1897) — художник, скульптор, теоретик архитектуры, академик. Автор проекта здания Исторического музея, памятника героям Плевны (1887), памятника хирургу Н. Пирогову (1897) в Москве, памятника Александру II в Самаре, генералу Родецкому в Одессе. Проектировал перестройку дома Е.Ф. Стрешневой-Глебовой-Шаховской на Б. Никитской (дом 19), особняка на Новокузнецкой улице (дом 44). В своем творчестве исходил из системы философских взглядов, свойственных поздним славянофилам и почвенникам (Н.Я. Данилевскому, братьям Достоевским, Н.Н. Страхову). Отрицая прогрессивность западной цивилизации, видел создание идеального общества на основе христианского милосердия, братства, любви. Считал, что важную роль в построении общества должно сыграть возвращение к исконным началам русского искусства.

[8] *Амфилохий (Сергиевский Павел Иванович)* (1818—1893) — архимандрит, настоятель Борисоглебского монастыря в Ростове, Даниловского монастыря в Москве (1874—1888). Палеограф, археолог, историк греческого и славянского искусства.

[9] *На Б. Никитской улице,* дом 11, находилось училище синодальных певчих.

[10] *Мартынов Николай Александрович* (1821—1895) — художник, археолог. Делал зарисовки церквей, икон, фресок и других памятников русской средневековой культуры. Его огромное собрание рисунков, составленных по заказу Министерства государственных имуществ, поступило в библиотеку Московского археологического общества.

[11] Возможно, *Бахман Василий (Вильгельм) Карлович,* владелец литографической мастерской. Издавал планы, карты, рельефы Москвы.

[12] Речь идет *о создании Исторического отдела* на Политехнической выставке. Политехническая выставка была устроена в Москве в 1872 г. к празднованию 200-летия со дня рождения Петра I. Территории Кремля, вокруг него, Ходынское поле, Варварская площадь были заняты павильонами, в которых демонстрировались материалы о достижениях в хозяйственной, этнографической, художественной областях. Был организован и Севастопольский отдел с историческими памятниками обороны Севастополя в Крымскую войну и археологическим материалом из раскопок А.С. Уварова в Таврической губернии. Коллекция Севастопольского отдела повествовала о доблестных военных подвигах современников на месте древнего Херсонеса, где принял христианство князь Владимир. Идея Севастопольского отдела на Политехнической выставке исходила от Общества попечения о больных и раненых воинах, точнее от Александровского Дамского комитета общества, председателем которого была П.И. Чепелевская. Председатель общества

А.А. Зеленой получил согласие на организацию такой экспозиции в 1870 г. от императора и наследника. В Историческом отделе располагались древности из монастырей, коллекция портретов Петра Великого, вещи из дворцов Санкт-Петербурга, Царского села, Петергофа. Председателем отдела был С.М. Соловьев.

[13] *Мельников Александр Степанович* (1806— ?) —комиссар по строительству храма Христа Спасителя.

[14] *Румянцев Василий Егорович* (1822—1897) — археолог, редактор Трудов Московского Археологического общества. Автор книг об изданиях Печатного двора, фресках Успенского собора в Москве и других архитектурных памятниках Москвы. Будучи инспектором Синодальной типографии, способствовал поступлению в библиотеку Исторического музея книг, относящихся к делам церкви.

[15] *Мартынов Алексей Александрович* (1818— 1903) — археолог, издатель книжной серии «Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества».

[16] *Герц Карл Карлович* (1820—1883) — историк искусств, профессор Московского университета, хранитель отдела изящных искусств и классических древностей Румянцевского музея, секретарь Общества любителей художеств и Московского археологического общества.

[17] *Работа К.К. Герца* «Археологическая топография Таманского полуострова».

[18] *Барсуков Николай Платонович* (1838—1906) — архивист, библиограф, историк. Член Археографической комиссии (с 1863 г.), заведующий архивом Министерства народного просвещения (с 1883 г.). Получили известность его биографии М.П. Погодина, П.М. Строева, Святителя Иннокентия (митрополита московского), родословная Шереметевых.

[19] *Адлерберг Владимир Федорович* (1791—1884) — министр императорского двора. Освобожден от службы в 1870 г. Его сменил на этом посту сын, *Александр Владимирович* (1819—1889), приближенное лицо Александра П.

[20] *Стромилов Николай Семенович* (1842—1894) — библиограф. Имел собрание ценных материалов по Владимирской губернии.

[21] *В 1877 г.* Забелин получил звание доктора истории Киевского университета без защиты диссертации.

[22] *Макарий* (1816—1882) — богослов, церковный деятель, академик. Известна его « История русской церкви» в 13 тт. Ответственный редактор журнала «Христианское чтение».

[23] *Исидор* (1799—1892) — митрополит новгородский и петербургский. Обладал ценной коллекцией рукописей и документов, которую преподнес в дар библиотеке Петербургской духовной академии.

[24] *Струков Дмитрий Михайлович* (1828—1899) — художник, реставратор, археолог. В 1870-х годах принимал участие в реставрации собора в Новом Иерусалиме. В 60-х годах в Оружейной палате реставрировал знамена, портреты. По его инициативе основана иконописная школа в Троице-Сергиевой лавре. В 1887 г. передал в Исторический музей слепки и модели христианских памятников Крыма.

[25] *Владимир Александрович* (1847—1909) — великий князь, сын Александра II, член Московского археологического общества, возглавлял Академию художеств. Знаток ювелирного искусства.

[26] *В 1871 г. в* Москве был торжественно отпразднован 50-летний юбилей учено-литературной деятельности М.П. Погодина. Торжественное заседание открыл ректор университета С.М. Соловьев, подчеркнувший постоянное горячее участие юбиляра в жизни университета. Н.А. Попов в обширной речи представил многостороннюю деятельность Погодина. Затем последовали поздравления и адреса от различных университетов, обществ, славянских земель. Обед сопровождался многочисленными тостами, содержание которых приводили газеты. В завершение Погодин предложил здравицу за всех трудящихся на пользу отечественной истории.

[27] *Черкасский Владимир Александрович* (1824—1878) — государственный деятель. С 50-х годов был близок к славянофилам, печатался в журнале «Русская беседа». Член-эксперт Редакционных комиссий для составления положений о крестьянах. С 1846 г. освобождал своих крестьян за выкуп. Вместе с Н.А. Милютиным и Ю.Ф. Самариным подготовил крестьянскую реформу в Царстве Польском. С 1868 по 1871 г. московский городской голова. Вышел в отставку по настоянию правительства. В русско-турецкую войну был уполномоченным Красного Креста при действующей армии.

[28] *Матюшенков Иван Петрович* (1813—1879) — хирург, профессор хирургии Московского университета.

[29] *Варвинский Иосиф Васильевич* (1811—1878) — терапевт, профессор Госпитально-терапевтической клиники в Москве.

[30] *Лямин Иван Артемьевич* (1822—1894) — банкир, промышленник, миллионер, московский городской голова с 1871 г., почетный гражданин Москвы. Служил в коммерческом суде, «человек достаточно развитой, пользовался в купеческой среде почетом». См.: Найденов Н.А. Воспоминания о виденном, слышанном, пережитом. М., 1906.

[31] *Тентетников Андрей Иванович* — персонаж поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» (т. 2), помещик Тремалоханского уезда, «коптитель неба».

[32] Возможно, *Кудрявцев Александр Николаевич* (1840—1888) — профессор Новороссийского университета. Или *Кудрявцев-Платонов Виктор Дмитриевич* (1828—1891), теолог, профессор философии в Московской духовной академии.

[33] *Аксакова Анна Федоровна* (1829—1889) — дочь Ф.И. Тютчева. Замужем за И. С. Аксаковым с 1866 г. Фрейлина великой княгини Марии Александровны, гувернантка младших детей Александра II. В течение многих лет была «проводником славянофильских идей при дворе», «неумолимой громовержицей» московских салонов (И.С. Тургенев).

[34] *В 1873 г. в дар городу* передано собрание рукописей и книг А.Д. Черткова. Собрание поступило в Румянцевский музей, в 1880-е годы — в Исторический.

1872 г.

[1] Речь идет *о труде М.П. Погодина* «Древняя русская история до монгольского ига». М, 1872.

[2] *Леонтьев Павел Михайлович* (1822—1874) — журналист, профессор греческой словесности в Московском университете. Принимал деятельное участие в учебной реформе, считал, что усиленное изучение молодежью древних языков окажет благотворное влияние на ее воспитание.

[3] *«Шерер, Набгольц и К°»* — фотоателье, владельцы А.И. Мей и Н. Шиндлер.

[4] *«Русский мир»* — ежедневная газета. Выходила в Петербурге с 1871 по 1880 г. Издатели В.В. Комаров, П.А. Висковатов, М.Г. Черняев, Н.С. Огромилов.

[5] *Батюшков Помпей Николаевич* (1810—1892) — брат поэта К.Н. Батюшкова, издатель и организатор сборников материалов по археологии и этнографии северо- и юго-западных окраин России. В данном случае речь идет о «Памятниках русской старины в западных губерниях», выпущенных в виде больших альбомов рисунков и палеографических снимков.

[6] *Работа Забелина «Минин и Пожарский:* Прямые и кривые в Смутное время». Русский архив. 1872. Кн. 2. Н.И. Костомаров критически подошел к традиционному представлению национальных героев, он стремился дать более реалистические характеры. (См.: Костомаров Н.И. Личности Смутного времени. Вестник Европы. 1871. Кн. 6.) Забелин отстаивал сложившееся представление о Минине и Пожарском, об их исторической заслуге. Более подробно см.: Формозов А.А. Историк Москвы И.Е. Забелин. М, 1984. С. 150-155.

[7] *И.Е. Забелин «Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях»*. М., 1872.

[8] *Саркел — Белая Вежа* - хазарский и древнерусский город на нижнем Дону.

[9] *Дубровский Петр Павлович* (1818—1882) — славист, приверженец славянской идеи. Сотрудничал в журналах «Отечественные записки», «Москвитянин». В архиве Забелина сохранилось шуточное стихотворение Дубровского:

Раскрутились на пирушке
Наши старики,
И пустились они в пляску, позабыв грехи.
Бауер наш седовласый
Пляшет как юнак,
Семенит, перебирает
Он ногами в такт,
А Дубровский, сын Мазепы,
Пляшет и поет,
И горилку молодецки
В горло себе льет.
Даже сам Забелин славный,
Наш археолог,
В пляске бешенно вертится,
Всех сбивая с ног.
А задумчивый, угрюмый,
Милый Гутенберг,
Тоже пляшет, но так чинно,

Что берет всех смех.
Пляшут, пьют, поют и плачат,
Старые хрычи,
Далеко уже за полночь,
Гаснут и свечи,
А они все пьют да пляшут
Позабыв грехи.
Ты скажи-ка мне Забелин
Каковы стихи.

Москва 1868 г. (См.: ОПИ ГИМ*. Ф. 440, Ед. хр. 69. Л. 39).

[10] *Сухой* — постный.

[11] *Бауэр Василий Васильевич* (1833—1884) — историк, профессор Петербургского университета, преподавал историю цесаревичу Александру (Александр III) и на Высших женских курсах.

[12] *Кочубей Аркадий Васильевич* (1790—1878) — член Сената, почетный любитель Академии художеств, член опекунского совета учреждений императрицы Марии. Сын В.В. Кочубея, известного нумизмата. В создании Исторического музея в дальнейшем не принимал участия.

[13] *Глинка Федор Николаевич* (1786—1880) — поэт, масон, участник войны 1812 г., член Союза благоденствия. Почетный член Общества любителей российской словесности (1866), гласный Тверской городской Думы, действительный член Московского археологического общества (1869). Принимал участие в организации археологического отдела в тверском музее (1872). В создании Исторического музея не участвовал.

[14] *В 60-х годах XIX в.* развернулось интенсивное строительство железных дорог. Архитектурные сооружения на железных дорогах часто создавались в стиле, в основе которого лежали элементы древнерусского зодчества. В 1916 г. архитектор С.С. Кричинский констатировал: «Министерство [путей сообщения] обстраивает своими зданиями всю необъятную Россию, строит на окраинах и в центре, на юге и на севере... Мы видим на дорогах постройки по образцу петроградских пригородных дач с безвкусными украшениями из петушков и узоров, подобных вышивкам, в стиле печальной памяти Ропета и Тона..., но русского стиля в верном его понимании, т.е. основанного на изучении русской допетровской старины, вы нигде не увидите». См.: Памятная записка архитектора С.С. Кричинского. В кн.: Москва в начале XX века. М., 1997. С. 349.

[15] *Балугьянский Михаил Андреевич* (1769—1847) — экономист, профессор и первый ректор Петербургского университета. Преподавал политические науки великим князьям Николаю и Михаилу Павловичам (1813—1817). Под руководством М.Н. Сперанского выполнял кодификацию Полного собрания законов Российской империи.

[16] Речь идет *о приглашении Забелина* на заведывание Чертковской библиотеки.

[17] *Барсов Елпидифор Васильевич* (1836—1917) — собиратель, исследователь народного творчества и древней письменности, библиотекарь Румянцевского музея

* Отдел письменных источников Государственного Исторического музея.

(с 1870 г.), секретарь Московского общества истории и древностей Российских (1881—1907).

[18] *В указанном номере помещены романы* Н.Д. Ахшарумова, П.Ф. Боборыкина, поэмы Гамерлинга, Гюго, «Благонамеренные речи» Н. Щедрина, «Письма об Америке» Н. Славинского, «О развитии высших человеческих чувств» А. Щапова, «Парижские письма» К. Франка, в отделе «Современный обзор» — статья «Кавелин, как психолог», в отделе «Литературные и журнальные заметки» — материал о статье А.П. Костомарова, посвященной великорусской песне.

[19] Возможно, *Нечаев Василий Васильевич* — служащий в архиве Министерства юстиции. Его статьи помещены в труде «Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции».

[20] *Диттес Фридрих* (1829—?) — немецкий педагог.

[21] Возможно, *Любимцев Никифор Иванович* — преподаватель истории и географии в Егорьевской прогимназии.

[22] *Куглер Франц Теодор* (1808—1858) — немецкий поэт, историк искусств. Речь идет об издании «Руководство к истории искусства», русский перевод Е.Ф. Корша. М., 1869—1871. Издательство К.Т. Солдатенкова.

1873 г.

[1] *Дурново Иван Николаевич* (1834—1903) — государственный деятель, губернский предводитель дворянства Черниговской губернии. С 1871 г. губернский предводитель дворянства Екатеринославской губернии. С 1882 г. товарищ министра внутренних дел (у Д.А. Толстого), министр внутренних дел (с 1889 по 1895 г.).

[2] *Шейн Павел Васильевич* (1826—1900) — этнограф-самоучка, собиратель русских и белорусских песен.

[3] *Географическое общество* учреждено в 1845 г. Среди устроителей Ф.П. Литке, К.М. Бэр, В.Я. Струве.

[4] *Хлудов Герасим Иванович* (1821—1885) — коллекционер русской живописи, был дружен с К.Т. Солдатенковым.

[5] *К. Т. Солдатенков* был старообрядцем.

[6] *Решетников Федор Михайлович* (1841—1871) — писатель-демократ, сотрудник журнала «Современник».

[7] *Успенский Глеб Иванович* (1843—1902) — писатель.

[8] *Чепелевский Николай Ильич* (?— 1886) — генерал-майор, один из устроителей Севастопольского отдела Политехнической выставки, товарищ управления Исторического музея (с 1873 г.).

[9] *Кошелев Николай Андреевич* (1840—?) — исторический, портретный и жанровый живописец. За работы по оформлению храма Христа Спасителя получил звание профессора.

[10] *Некоторые павильоны* Политехнической выставки были выстороены в «русском» стиле.

[11] *Объяснение* предназначено в управление музея.

1874 г.

[1] *Боде-Колычев Михаил Львович* (1824—1888) — археолог, историк, коллекционер, вице-президент Комитета по устройству храма Христа Спасителя. В 1875 г. мнением Государственного совета ему было разрешено принять фамилию и герб Колычевых (по фамилии матери). На базе собранных документов издал в Москве работу «Боярский род Колычевых» (1886). В имении Лукино Звенигородского уезда построил мемориал рода Колычевых, включавших «Кремль», обелиск, музей, церковь-усыпальницу, часовню.

[2] Речь идет *о книге А. Мартынова* «Москва. Подробное историческое и археологическое описание города Москвы». Изд. 2-е. 1875.

[3] *Шубинский Сергей Николаевич* (1834—1913) — историк, журналист, основатель и редактор журнала «Исторический вестник» (1880—1913). Редактор журнала «Древняя и новая Россия» (1875—1879).

[4] *Карпов Геннадий Федорович* (1848—1890) — историк, профессор русской истории в Харьковском университете. Последние годы жизни жил в Москве, занимался архивными работами.

[5] *Стасюлевич Михаил Матвеевич* (1826—1911) — историк, общественный деятель, публицист. Преподавал историю детям великой княгини Марии Николаевны, наследнику Николаю Александровичу. В 1861 г. в связи со студенческими волнениями вышел в отставку. Редактор-издатель журнала «Вестник Европы». С 1890 г. председатель Комиссии по народному образованию. В результате переписки Забелина с Стасюлевичем в Исторический музей были из Петербурга перевезены вещи из кабинета И.А. Гончарова.

[6] *Хмыров Михаил Дмитриевич* (1830—1872) — писатель, коллекционер. Его целью было составление энциклопедии русского отечествоведения, куда предполагалось поместить сведения по истории, географии, статистике, этнографии, торговле, промышленности. В 1873 г. Исторический музей купил его библиотеку у А.М. Хмырова.

[7] *Половцов Александр Александрович* (1832—1909) — государственный деятель, историк, организатор и председатель Русского исторического общества.

[8] *Грот Яков Карлович* (1812—1893) — историк литературы, лингвист, переводчик.

[9] *Зеленой Александр Алексеевич* (1820—1880) — генерал-адъютант, участник обороны Севастополя. Его полк оставил город последним. С 1862 г. министр государственных имуществ. Председатель Комиссии по учреждению Севастопольского отдела Политехнической выставки (с 1873). Один из основателей Исторического музея, председатель его управления.

[10] *Васильчиков Александр Алексеевич* (1839—1890) — директор Эрмитажа. Имел прекрасную коллекцию гравированных портретов, видов, планов. Его собрание в количестве 1546 листов поступило в Исторический музей по завещанию собирателя.

[11] *Семенов Анатолий Александрович* (1841—1917) — инженер, автор проекта и строитель здания Исторического музея, один из авторов проекта Севастопольского отдела на Политехнической выставке. Член, а затем и председатель техничес-

кого совета московской Городской управы. Возглавлял работы по постройке канализации в Москве. Был во главе Архитектурного отдела Политехнического музея.

[12] *Веневитинов Михаил Алексеевич* (1844—1901) — директор Московского публичного и Румянцевского музеев (1896—1901). В 1889 г. подарил Историческому музею старинную золотую кадильницу прекрасной работы (1597).

[13] *Даль Лев Владимирович* (1834—1878) — архитектор, сын В.И. Даля. Служил губернским архитектором в Нижнем Новгороде. В Москве состоял при постройке храма Христа Спасителя, член строительного совета при Городской управе. Автор идеи издания журнала «Зодчий», ставшего пропагандистом нового русского стиля.

[14] *Б.Н. Чичерин писал о В.О. Шервуде* во время его работы над проектом Исторического музея как о чистом, наивном и восторженном жреце искусства, но отмечал: «Шервуд разбросался: он писал и пейзажи, и портреты, и исторические картины, хотел быть и скульптором, и архитектором, и поэтом». См.: Чичерин Б.Н. Воспоминания. Земство и Московская Дума. М., 1934. С. 77.

[15] *Предполагалось* часть полуподвальных помещений Исторического музея выделить под торговые заведения, склады и конторы с целью получения денежных средств на нужды музея.

[16] *Забелин еще долго* не мог смириться с фасадами Исторического музея. В 1886 г., отвечая на письмо В.О. Шервуда с просьбой вернуть его к работе в музее, Забелин жестко пишет: «Грандиозные затеи, в роде построенного музейного фасада, обремененного бестолковыми и вовсе ненадобными фантастическими, годными только для театральных декораций, кровлями, одна очистка которых от снега дает себя знать каждогодными излишними расходами и на постоянных рабочих и на вывозку снега — теперь таковые и им подобные, очень дорого стоящие и не только бесполезные, но и вредные для самого здания фантазии, увы! Исчезли навсегда. Конечно, это хорошо. Но печально то, что с ними потерпело и настоящее дело. Интриги и агитация некоторых против покойного графа А.С. Уварова достигли своей цели». (См.: ОПИ ГИМ*. Ф. 440. Ед. хр. 130 а. Л. 30 об.)

1875 г.

[1] *Состоялось годовое заседание Московского археологического общества* в доме на Берсеневской набережной. Были прочитаны годовой отчет о работе, статья А.С. Уварова «Суздальское оплечье», доклад В.Е. Румянцева «Дом Московского археологического общества на Берсеневке». Общество располагалось в палатах дьяка Аверкия Кириллова, построенных в 1656—1857 гг.

[2] *Пален Константин Иванович* (1833—1912) — государственный деятель. Член Государственного совета, министр юстиции (1867—1878).

[3] *Бюлер Федор Андреевич* (1821—1896) — директор Главного московского архива Министерства иностранных дел. Почетный член Петербургской АН, член почти всех русских исторических и археологических обществ.

---

* Отдел письменных источников Государственного Исторического музея.

[4] *Соляной городок в Петербурге* возник на месте Партикулярной верфи, созданной в начале XVIII в. для строительства и ремонта судов. В конце XVIII в. здесь были сооружены амбары для соли. Через сто лет амбары разобрали, и архитектор В.А. Гартман построил здание для Всероссийской промышленной выставки. В 1879—1881 гг. архитекторы А.И. Крокау и Р.А. Гедике возвели здание училища А.Л. Штиглица. Публичные чтения для народа устраивались в музее Главного управления военно-учебных заведений в Соляном городке. В декабре 1871 г. высочайше утверждены правила для их проведения. Читались лекции о монголо-татарском нашествии, Александре Невском, Смутном времени, Петре I, составленные П.В. Роговым. Публичные чтения — новая форма просветительской работы, входившей в структуру музея. Чепелевский предлагал устраивать лекции для народа силами Исторического музея. А.С. Уваров настаивал на проведении только научных чтений. Публичные чтения для народа не допускались без предварительного их просмотра специальной комиссией при Министерстве народного просвещения. Понятно нежелание Уварова создавать дополнительные трудности для будущего музея.

[5] *Церковь Архангела Гавриила (Меншикова башня),* уникальное архитектурное сооружение начала XVIII в. Построена по заказу А.Д. Меншикова в 1701—1707 гг. (Телеграфный переулок, 15а.) Архитектор Зарудный И.П.

[6] *Кругликов Лев Николаевич* — член Исполнительной комиссии Исторического музея.

[7] *Брюзгин Александр Алексеевич* — член Севастопольского отдела Политехнической выставки, член управления Исторического музея: казначей.

[8] *В письме А.С. Уварову* на следующий день, 16 мая, Забелин пишет: «... от множества заседаний и особенно от вчерашнего я окончательно расстроился, и доктор посоветовал мне посидеть несколько дней дома. Из вчерашнего заседания вынес впечатление, что археология пред фантастическим художеством не в большом авантаже обретается» (ОПИ ГИМ*. Ф. 17. Ед. хр. 335. Л. 330).

[9] *Закладка музея* состоялась при огромном стечении народа в присутствии всего начальствующего состава столицы, полном составе городской Думы. Епископ Леонид совершил молебен. Первый камень положил император, второй — герцог Эдинбургский.

[10] Речь идет *о предполагаемом заказе* Забелину на составление лекций для народа.

1876 г.

[1] *Самоквасов Дмитрий Яковлевич* (1843—1911) — историк права. Управлял московским архивом Министерства юстиции (1894,1897). Член императорской Археологической комиссии. Занимался раскопками на свои средства. Передал в музей множество находок. Речь идет о труде Самоквасова «Сборник обычного права сибирских инородцев». Киев, 1876.

---

* Отдел письменных источников Государственного Исторического музея.

[2] *В 1872-1873 гг.* в типографии В.Е. Грачева опубликован сборник трудов Забелина «Опыт изучения русских древностей и истории».

[3] *Скифские могилы* — Чертомлыцкий курган. См.: Древности: Труды Московского археологического общества. М., 1865. Т. I. Вып. I.

1878 г.

[1] *Война на Балканах в 1877- 1878 гг.* Несмотря на общественный подъем в поддержку славян в Балканском кризисе, ряд общественных и государственных деятелей выражал сомнение по поводу вооруженного вмешательства России на Балканах. Свои взгляды Б.Н. Чичерин изложил в статье «Берлинский мир перед русским общественным мнением». Чичерин считал, что проливать кровь из благотворительных целей, во имя Евангелия — чистая нелепость, а провозглашаемое историческое призвание России — освобождение славянских народов — противоречит политике России в Польше. Внешней политикой движут политические интересы. В результате русско-турецкой войны Турция разгромлена, но взамен появились гораздо более опасные и могучие соперники России — Англия и Австрия. Русского влияния не получилось, сильнейшие балканские племена стали враждебными России, и через несколько лет плоды войны будут разбросаны по ветру. Разрешение Восточного вопроса, по мнению Чичерина, зависит не от изгнания турок из Европы, а от внутреннего развития народов, подвластных Турции. Критический взгляд на русскую политику на Балканах выражал и князь П.А. Вяземский.

[2] *Никитин Николай Васильевич* (1828—1913) — архитектор, один из основателей Московского архитектурного общества. Принимал участие в устройстве архитектурного отдела Политехнической выставки в Москве (1880—1882), участвовал в обсуждении вопросов по реставрации Успенских соборов во Владимире и Москве. Секретарь комиссии по сохранению древних памятников. Вместе с П.С. Бойцовым, А.П. Поповым занимался отделкой залов Исторического музея — Новгородского, Владимирского, Суздальского, Ростовского, Московского. Интересно письмо Никитина Забелину (от 23 мая 1887 г.), выражающее беспокойство по поводу сохранности древних росписей Успенского собора во Владимире. (См.: ОПИ ГИМ*. Ф. 440. Ед. хр. 69. Л. 131.)

[3] *Артлебен Николай Андреевич* (1827—1882) — архитектор, исследователь древнерусского зодчества. С Забелиным и Н.В. Никитиным сделал серьезные предреставрационные исследования Дмитровского собора во Владимире.

[4] *Виолле-ле-Дюк Эжен Эліманyэлъ* (1814—1879) — реставратор, историк средневековой архитектуры. Приверженец создания современной по форме архитектуры с возрождением лучших качеств средневекового зодчества — носителя народности и рационализма. Имеется в виду написанная по заказу В.И. Бутовского, директора Строгановского училища, книга «Русское искусство, его истоки, его со-

---

* Отдел письменных источников Государственного Исторического музея.

ставные элементы, его высшее развитие, его будущность». Перевод с французского Н. Султанова. М., 1879. Книга вызвала полемику в обществе.

[5] *Щуровский Григорий Ефимович* (1803—1884) — геолог, профессор Московского университета. Один из основателей и первый президент Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.

[6] *Публикация Забелина* «Дворцовые разряды». См.: Отечественные записки. 1853. Т. 90. Кн. 10. Отд. 5.

[7] *Перефраз строк* «Что ему книга последняя скажет, то на душе его сверху и ляжет» из поэмы Н.А. Некрасова «Саша».

[8] *Н.В. Гоголь* «Тяжба»: «...ей нужно было написать «Евдокия» — она написала: «Обмокни».

[9] *Сыновья А.С. и П.С. Уваровых* — Федор, Игорь, Алексей.

[10] *Шильдбах Константин Карлович* (1819—1889) — член управления Исполнительной комиссии музея, тайный советник.

[11] *Семирадский Хенрык (Генрих Ипполитович)* (1843—1902) — исторический живописец. Для Исторического музея им написаны картины «Похороны древнего руса в Болгарах», «Тризна дружинников Святослава при осаде Доростола».

[12] *Ибн Фадлан* (X в.) — арабский путешественник. Секретарь посольства, отправленного в 921 г. в Булгары халифом Мухамед-ибн-Сулейманом из Багдада. Составил записку о посольстве, описание похорон знатного руса, на которых присутствовал. Его текстом пользовался X. Семирадский при создании огромной картины «Похороны древнего руса в Болгарах».

1879 г.

[1] *Щепкин Митрофан Павлович* (1832—1908) — профессор политэкономии в Петровской земледельческой академии, редактор газеты «Известия Московской городской Думы», выходившей с 1877 г.

[2] *Найденов Николай Александрович* (1834—1905) — купец, фабрикант, председатель Биржевого комитета, один из учредителей и председатель правления Московского торгового банка, гласный Московской городской Думы. Издатель альбомов « Москва. Соборы, монастыри, церкви, а также другие достопримечательности». Под наблюдением Найденова были подготовлены и изданы переписные, межевые и актовые книги Москвы XVII—XVIII вв., «Материалы для истории московского купечества», «Материалы по истории русского города 17—18 столетий» и другие архивные документы, составившие в общей сложности 80 томов. Автор труда «Московские биржи 1839—1889».

[3] *Третьяков Сергей Михайлович* (1834—1892) — московский городской голова, избирался дважды (1877—1881). Один из директоров Русского музыкального общества, член совета Московского художественного общества. Коллекционер произведений западноевропейского и русского искусства. По завещанию его собрание вошло в состав коллекции П.М. Третьякова и передано городу.

1881 г.

[1] *Бочаров Николай Петрович* (?—1912) — секретарь Московского статистического комитета(1843—1865). Под его редакцией вышел «Сборник материалов для изучения Москвы и Московской губернии (1864). Труды: «Библиотека и музей Московского статистического комитета» (1864), «Москва и Москвичи. Историко-статисгические очерки» (1888).

[2] *Орлов Алексей Алексеевич* — начальник отдела архива Министерства юстиции. Подбирал и готовил к копированию планы для работы Забелина.

[3] *Токмаков Иван Федорович* (1856—1914) — писатель, археолог, делопроизводитель в московском архиве Министерства иностранных дел. Им подготовлены «Материалы для истории русской и иностранной библиографии в связи с книжной торговлей», «Историческое описание всех коронаций российских царей, императоров и императриц» (1896), «Историко-статистическое и археологическое описание городов Дмитрова, Великого Устюга, Богородицка, Егорьевска с уделами» (1893—1901).

[4] *Ключевский Василий Осипович* (1841—1911) — историк, профессор Московского университета, академик (1900).

[5] *Виноградов Павел Гаврилович* (1854—1925) — историк, академик(1914). Труды по аграрной истории средневековой Англии.

[6] *Бешенцов Александр Николаевич* (1810/1811—1883) — поэт, беллетрист. В конце 70-х годов выпустил «Собрание стихотворений по случаю войны с Турцией 1877» и «Собрание патриотических стихотворений».

[7] *Николев Иннокентий Николаевич* (1826—1888) — писатель, архивариус. Начальник отдела московского архива Министерства юстиции, почетный член Санкт-Петербургского археологического института.

[8] *Холмогоров Василий Иванович* (1835—1902) — архивариус Министерства юстиции и *Холмогоров Гавриил Иванович* (1842—1924) — священник. Братья проводили отбор документов для «Материалов для истории, археологии и статистики города Москвы». Подготовили и издали 11 выпусков материалов по истории храмов Московской епархии.

[9] Имеется в виду *Остроумов В.* — автор «Харитоньевской в Огородниках церкви». М., 1886. *Остроумов Валентин Васильевич* (?—1902) — священник, настоятель церкви Святого Харитония в Москве, издал описание этой церкви. Член-корреспондент Московского археологического общества.

[10] Имеется в виду *«Указатель российских законов»* Льва Максимовича. М., 1803.

[11] *Сумбул Леонид Николаевич* (?—1900) — товарищ московского городского головы.

[12] *Петровское* — второе название села Фили в XVII — начале XX вв. (от названия церкви Покрова).

[13] Речь идет *о праздновании* 25-летней службы полковника Огарева Николая Ильича. Извещается о его произведении в генерал-майоры, визигах с поздравлениями, множестве подарков, среди которых обращал внимание подарок от купеческой молодежи — серебряный альбом.

[14] *Паллас Петр Симон* (1741—1811) — натуралист, географ, путешественник. В 1768—1774 гг. возглавлял экспедицию Петербургской АН в центральные области

России, Поволжье, Прикаспие, Урал, Южную Сибирь. Опубликован его труд «Путешествие по разным провинциям Российского государства» (1773—1788).

[15] *Забелин участвовал* в Комиссии по реставрации древней живописи Успенского собора в Кремле.

[16] *После большого перерыва* в строительстве Исторического музея были возобновлены работы, окончание которых приурочивалось к коронации императора Александра III.

[17] *Помимо пользования* государственными архивами, Забелин получил разрешение заниматься в архивах духовного ведомства. Из отношения митрополита Макария обер-прокурору Святейшего Синода К.Д. Победоносцеву следует, что в 1882 г. Забелину открыты были не только центральные архивы Москвы, но и архивы монастырей, приходских церквей «для извлечения сведений по истории, археологии и статистики Москвы». См.: Тузов А.Л. Источники о И.Е. Забелине в архивах Ленинграда. В кн.: Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины. М., 1980.

1883 г.

[1] *Бунге Николай Христианович* (1823—1895) — государственный деятель, экономист. Министр финансов (1881—1886). Профессор, ректор Киевского университета. Академик Петербургской АН (1890).

[2] *Иконников Владимир Степанович* (1841—1923) — историк, профессор университета Св. Владимира в Киеве, академик Петербургской АН (1914). Труды по истории России и Украины.

[3] *Брикнер Александр Густавович* (1834—1896) — историк. Автор биографий Петра I, Екатерины II, И.Т. Посошкова.

[4] *Забелин* написал по предложению военного начальства брошюру «Преображенское или Преображенск, московская столица достославных преобразований первого императора Петра Великого» в честь празднования 200-летнего юбилея учреждения Преображенского полка в Преображенской слободе.

[5] *Сапожниковы Александр и Владимир Григорьевичи* — купцы, фабриканты. Их фирма была известна высочайшим качеством и художественным уровнем тканной продукции. Собрание тканей шитья В.Г. Сапожникова поступило в музей.

[6] *«Девы Дуная»* — балет А. Адана.

[7] *Верещагин Василий Васильевич* (1842—1904) — живописец-баталист. В 1888 г. в Филадельфии, Нью-Йорке, Чикаго и других городах прошли с успехом его выставки. Турне окончилось в 1891 г. аукционом, на котором художник продал более 100 работ. Собирал предметы вооружения и быта Средней Азии. Купил знаменитую коллекцию древнерусских бытовых вещей Н.И. Подключникова у его сыновей. (Коллекцию торговал Исторический музей, но не смог заплатить должную сумму.) Погиб при взрыве броненосца «Петропавловск» в Порт-Артуре. Забелин говорит о картине «Побежденные. Панихида» (ньше находится в Государственной Третьяковской галерее).

[8] *Нарышкина Александра Николаевна* (1839—1919) — сестра Б.Н. Чичерина, статс-дама. Замужем за камергером Э.Д. Нарышкиным (1813—1902). В петербургском обществе ее называли «тетя Саша». Отличалась резким обращением даже с высокопоставленными особами. Председательница Общества пособия бедным женщинам. Родственница наркома иностранных дел Г.В. Чичерина, что не спасло ее от трагической кончины. См.: Князь Сергей Волконский. Мои воспоминания. М., 1992. Т. 2. С. 281.

[9] *Чичерина Александра Алексеевна* (урожденная Капнист) (1845—1920) —внучка поэта XVIII в. В.В. Капниста, жена Б.Н. Чичерина.

[10] *Михайлов Михаил Михайлович* (1827—1891) — юрист.

[11] *Фребель Фридрих-Вильгельм-Август* (1782—1852) — немецкий педагог.

[12] *Востоков (Остенек) Александр Христофорович* (1781—1864) — филолог, поэт. Заложил основы сравнительного славянского языкознания. Впервые издал «Остромирово евангелие»(1843).

[13] *Гедеонов Иван Михайлович* (1816—?) — сенатор, управляющий межевой частью, помощник главного попечителя Человеколюбивого общества (1876—1887), которое создано по инициативе Александра I в 1802 г. для оказания разносторонней помощи бедным людям.

[14] *Долгоруков Владимир Андреевич* (1810—1891) — московский генерал-губернатор (1865—1891). Пользовался большой популярностью среди населения города. Почетный гражданин Москвы (1875). В 1890 г. Москва торжественно праздновала его юбилей, преподнесено было более 300 прекрасно оформленных адресов. Коллекция адресов храниться в Государственном Историческом музее.

[15] *«Историческое описание* московского ставропигиального Донского монастыря». М., 1865.

[16] *15 мая 1883 г.* состоялась коронация Александра III в Успенском соборе, 26 мая — освящение храма Христа Спасителя, затем император и императрица посетили Исторический музей. Они пробыли в музее около часа. В день посещения были открыты 11 залов музея. В первом и втором были представлены каменные и костяные изделия каменного века, найденные по берегам Оки, Ладожского озера, в Тобольской, Иркутской губерниях, гончарные изделия, найденные у деревни Волосово. Рядом для аналогии находились памятники того же времени с территории Японии. В зале располагалась и палеолитическая коллекция А.С. Уварова. В третьем зале были находки бронзового века с Кавказа. В четвертом и пятом залах рассказывалось о переходе от бронзового века к железному, представлялись славянские, угрофинские, скандинавские, кавказские памятники. В четвертом зале размещались две картины X. Семирадского. В шестом зале была эллино-скифская коллекция, модель гробницы Куль-Оба. В залах А, Б, В — экспозиция, посвященная раннехристианским памятникам, греческим поселениям на берегу Черного моря, Херсонесу. В седьмом был представлен Киевский период от 988 до 1054 г., смерти Ярослава Владимировича. На стенах располагались копии с изображений в киевском Софийском соборе — Таинство Евхаристии (в средней части алтаря собора), Архангел Гавриил, Богородица, Святой Лисимах. Копии были сделаны А.В. Праховым. В восьмом зале хронология доводилась до 1125 г.,

смерти Владимира Мономаха. Следует иметь в виду, что фриз В.М. Васнецова «Каменный век» разместился в музее в 1885 г. Во время открытия музея художником были представлены подготовительные работы. Залы были отделаны под руководством А.П. Попова и А.А. Семенова. 2 июня молебен с водосвятием каждого зала совершил высокопреосвященный Иоанникий, и музей был открыт для публики.

[17] *Министр внутренних дел Д.А. Толстой* поначалу не считал нужным открывать Исторический музей в дни коронации ввиду незавершенности его отделки. Великий князь Сергей Александрович и А.С. Уваров настояли на открытии музея именно в эти дни. Из письма А.С. Уварова И.Д. Делянову: «Вам хорошо известно, с каким нетерпением я ожидал торжественного открытия Исторического музея. Открытие будет включено в число торжеств коронования (и этим уже одним достаточно публике, какое значение придается такому государственному учреждению). Однако, торжественного открытия не состоялось, но их величества осчастливили своим посещением музей». ОПИ ГИМ*. Ф. 17. Ед. хр. 320. Л. 55.

[18] *Сергей Александрович* (1857—1905) — великий князь, четвертый сын Александра II, генерал-лейтенант, участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг., генерал-губернатор Москвы (1891—1905), председатель управления Исторического музея (с 1881 г.), основатель и председатель Палестинского общества, любитель археолог, коллекционер. Почетный член Московского археологического общества. Стоял во главе Комитета по устройству Музея изящных искусств. Много сделал для спасения и восстановления Углицкого двора, собора Василия Блаженного, церкви Рождества в Путинках, Архангельского собора в Кремле. В музей им передано большое количество памятников истории.

[19] *Попов Александр Протогенович* (1827—1887) — архитектор, художник, специалист по древнерусской архитектуре. Преподаватель Московского училища живописи, ваяния и зодчества. Под его руководством создавалась отделка первых 11 залов Исторического музея. Занимался перестройкой усадьбы А.С. Уварова в Поречье, реставрацией палат Аверкия Кириллова.

[20] *Сизов Владимир Ильич* (1840—1904) — археолог, член Строительной комиссии (с 1882 г.), первый ученый секретарь Исторического музея, хранитель коллекций в его открытых залах.

[21] *Мозаичные полы музея* во всех залах 1-го этажа выполняла артель подрядчика Седова. Мраморные работы исполнялись в самых известных мастерских Захарова и Кампиони.

[22] *Султанов Николай Владимирович* (1850—1908) — инженер, архитектор, историк искусств, академик (1905). Один из теоретиков эклектики в архитектуре. Член строительной комиссии Исторического музея.

Отдел письменных источников Государственного Исторического музея.

1885 г.

[1] *Щербатов Николай Сергеевич* (1853—1926) — товарищ председателя строительной комиссии (с 1884 г.), чиновник особых поручений при председателе управления, товарищ председателя, директор (1909—1921) Исторического музея.

[2] *В 9-й день по кончине* А.С. Уварова была отслужена заупокойная литургия.

[3] *Миллер Всеволод Федорович* (1848—1913) — историк литературы, фольклорист, археолог, директор Лазаревского института (1897—1911), академик (1911).

[4] *Забелин избран* членом-корреспондентом Петербургской АН.

[5] *Попов Нил Александрович* (1833—1891/1892) — профессор русской истории в Московском университете (с 1860 г.).

[6] *Боборыкин П.Ф.* — председатель Общества любителей российской словесности при Московском университете.

[7] *Вейденбаум Евгений Густавович* (1846—?) — этнограф. Ему принадлежат этнографическое, историческое описания Кавказа.

[8] *Нерсесов Нерсес* — доцент Московского университета, коллежский советник, член строительной комиссии Исторического музея.

[9] *Забелин* был награжден орденом Станислава 1-й степени за научную деятельность и за труды по устройству Исторического музея.

[10] *В Братцево* располагалось имение Щербатовых. Братцево находится в районе Тушино, на левом берегу реки Сходня. Усадьба известна с XVII в. Владельцы — поочередно Ивановы, Зубовы, Хитрово, Строгановы. Для последних в конце XVIII — начале XIX вв. был построен ансамбль усадьбы, сохранившийся до наших дней.

[11] *Статья Забелина* «Историческое обозрение финифтяного и ценинного дела в России». См.: Записки Археологического общества. СПб., 1853.

[12] *Старицкий Андрей Иванович* (1490—1537) — удельный князь, младший сын Ивана III.

[13] *Ковалевский Максим Максимович* (1851—1916) — историк, социолог, академик (1914).

[14] *Кельсиев Александр Иванович* (?—1885) — хранитель московского Политехнического музея, секретарь Общества распространения технических знаний.

[15] Возможно, *Сорокин Павел Семенович* (1836—1886) — исторический живописец, участвовал в росписи стен храма Христа Спасителя. Или *Сорокин Евграф Семенович* (1821—1892) — исторический живописец. Исполнил часть образов в иконостасе храма Христа Спасителя. В юности занимался иконописью, затем стал приверженцем академической живописи. Оба художника за работы в храме были признаны профессорами живописи.

[16] *Поначалу здание музея* предполагалось разместить вдоль стен Кремля со стороны Красной площади.

[17] *На месте Исторического музея* в начале XVI в. размещался Ямской двор, при Иване IV — Земский приказ. В 1700 г. здесь было сооружено новое каменное здание Земского приказа, уникального памятника гражданского зодчества. На этой же площади размещалась Главная аптека. После пожара здание возобновлено

архитектором И.Ф. Мичуриным. В 1744 г. оно было отдано Берг-коллегии (департаменту горных дел). В 1755 г. в присутствии императрицы Елизаветы Петровны в Москве открылся первый в России университет. Для нужд университета здание перестроено архитектором Д.В. Ухтомским. После переезда университета на Моховую улицу в здании последовательно размещались Магистрат, Городская Дума, губернские присутственные места.

1887 г.

[1] *В 1882 г. перед коронацией* проводились работы по реставрации живописи в Благовещенском соборе. Работы были поручены академику живописи В.Д. Фартусову. В ходе исследования он обнаружил роспись XV в., которую решил расчистить. Для наблюдения за работами в Благовещенском соборе была создана комиссия, куда вошли А.В. Орлов-Давыдов, Забелин, М.П. Боткин, А.И. Резанов. О ходе реставрационных работ в Благовещенском соборе см.: Забелин И.Е. Благовещенский собор и его древняя стенопись. Московские ведомости. 1884. № 119. За труды по реставрации Забелин был пожалован орденом Св. Владимира 2-й степени.

[2] *Воронцов-Дашков Илларион Иванович* (1837—1916) — генерал-лейтенант, министр императорского двора, уделов (1881—1897). После убийства Александра II был назначен начальником царской охраны.Один из личных друзей Александра III. В 1905—1915 гг. наместник на Кавказе.

[3] *Орешников Алексей Васильевич* (1855—1933) — нумизмат. С момента открытия музея до конца жизни работал в Историческом музее. Член ученой комиссии музея (с 1885 г.), член-корреспондент АН СССР (1928).

[4] *Шляков Иван Александрович* (1840—1919) — член Комиссии по восстановлению памятников Ростова, Углича, хранитель ростовского музея церковных древностей, гласный Ярославской городской Думы.

[5] *Лебедев Дмитрий Петрович* (1851—1891) — археограф, хранитель рукописного отдела в Румянцевском музее.

[6] *Орлов-Давыдов Анатолий Владимирович* (1837—?) — граф, обер-гофмейстер двора, заведующий московской Дворцовой частью.

[7] *Кузнецов Вавил Алексеевич* — генерал-майор, начальник Дворцового управления.

[8] *Резанов Александр Иванович* (1817—1887) — профессор архитектуры, помощник К.А. Тона по сооружению нового Кремлевского дворца (1840—1842), с 1881 г. главный архитектор храма Христа Спасителя.

[9] *Рунич Дмитрий Павлович* (1778—1860) — государственный деятель, мистик. Состоял в переписке с Н.И. Новиковым, И.В. Лопухиным. Попечитель Петербургского учебного округа. По его инициативе из учебных заведений были уволены прогрессивные преподаватели А.П. Куницын, А.И. Галич, К.Ф. Герман и др. Стремился подчинить религии преподавание наук. Его мемуары напечатаны в журналах «Русская старина» (1896, 1901) и «Русское обозрение» (1890).

[10] *Майков Леонид Николаевич* (1839—1900) — историк, этнограф, помощник директора Публичной библиотеки (1882—1893), вице-президент Петербургской АН, председатель Археографической комиссии.

[11] Возможно, *Павлов Алексей Степанович* (1832—1898) — преподаватель церковной истории, профессор канонического права в Казанском, Новороссийском и Московском университетах.

[12] *Забелин дважды хотел* оставить пост председателя Общества истории и древностей Российских, аргументируя тем, что устав Общества не дает возможности «исправлять и следить за должностными лицами». В 1888 г. он явочным порядком сложил с себя обязанности, перестав посещать заседания. На Г.Д. Филимонова были возложены обязанности председателя. В 1893 г. на этот пост был избран В.О. Ключевский.

[13] *Якушкин Вячеслав Евгеньевич* (1856—1912) — филолог, публицист. Автор работы «Иван Егорович Забелин» (М, 1892), посвященной юбилею научной деятельности Забелина.

[14] *Анучин Дмитрий Николаевич* (1843—1923) — географ, археолог, один из основоположников антропологии в России. Академик Петербургской АН (1896), президент Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (с 1890 г.).

[15] *Селиванов Алексей Васильевич* (1851—1915) —управляющий государственным имуществом Владимирской и Рязанской губерний, краевед, коллекционер. Устроитель рязанского музея. Публиковал много документов о рязанском крае.

[16] *Николай Николаевич* (1831—1891) — третий сын Николая I, главнокомандующий армией во время войны России с Турцией (1877—1878), генерал-фельдмаршал (1878).

[17] *Ипполит* — епископ православного меньшинства римских христиан в первой половине III в. Большая часть его богословских произведений посвящена полемике с еретиками. В Историческом музее была гипсовая копия его мраморного бюста, найденного в 1551 г. в Риме.

[18] *Новгородские места* — Царское место (копия из Софийского собора в Новгороде), сооруженное в 1572 г. и Святительское место времени Ивана Грозного.

[19] *В зале Ольвии и Пантикапея* представлены были памятники греческих колоний: керамические вазы, золотые вещи, стеклянные сосуды, каменные надгробия.

[20] *В скифском зале* стены были украшены изображениями фриза с чертомлыцкой вазы, копиями фресок, открытых в Керчи в 1872 и 1877 гг.

[21] *Станица Северская* Кубанской области. На экспозиции представлялись вещи из кургана II — I в. до н.э.: бронзовые с золотом бляхи, цветное стекло, литой серебряный рог барана, железные удила и др.

[22] *В.М. Васнецовым* по *заказу музея* был создан фриз «Каменный век». Пригласил художника А.С. Уваров по рекомендации А.В. Прахова. Работы длились в течение 1883—1884 гг. Написана картина на холсте, холст наклеен на цинк для предохранения ее от порчи. Длина фриза 19 м 40 см. В зале музея, где размещались археологические материалы, фриз представлял прекрасное художественное завершение экспозиционного комплекса. Васнецов первым из русских художников исполнил громадное полотно на исторический сюжет. Фриз Васнецова стал событием в художественной жизни России.

[23] *Московская городская Дума* приняла решение 8 марта 1881г. установить памятник Александру II в Москве. Проекты памятников были выставлены в музее.

Комиссия состояла из А.И. Резанова, Р.А. Гедике, С.Д. Дмитриева, К.М. Быковского, Е.С. Сорокина, М.П. Боткина, П.П. Чистякова, преосвященного Амвросия, епископа Дмитровского, губернского предводителя дворянства, представителя московских властей. По подписке была собрана огромная сумма — 1 млн. 762 тыс. руб. Место для расположения памятника выбрали против Малого Николаевского дворца. Открытый конкурс объявили весной 1881 г. Было рассмотрено 24 проекта, но ни один не был выбран. Второй конкурс объявили в ноябре 1884 г., третий — в 1885 г. Только в ноябре 1890 г. решением Александра III остановились на проекте ансамбля П.В. Жуковского и Н.В. Султанова. Статую императора заказали А.М. Опекушину. 14 марта 1893 г. состоялась торжественная закладка памятника, приуроченная к приезду Александра III в Москву. Торжественное открытие памятника состоялось 16 августа 1898 г. Во время земляных работ были обнаружены фундамент большого каменного здания, лестницы, своды подвалов приказов XVII в., глиняные, медные чернильницы, множество изразцов, каменных, железных ядер. Наблюдение за раскопом вели члены Археологической комиссии и Московского археологического общества. Забелин принял в музей находки от Комитета по сооружению памятника. В 1918 г. по распоряжению Совета народных комиссаров памятник был разрушен.

[24] *Фортусов Виктор Доримантович* — академик живописи, реставратор. Принимал участие в росписи храма Христа Спасителя.

[25] *Роспись сеней* осуществил Ф.Г. Торопов, академик, выходец из крепостных крестьян. Его артель расписывала церкви, дома крупной буржуазии. Идейный стержень музейной композиции росписи — родословное древо российских государей. На сводах помещено 68 портретов князей, царей, императоров, начиная с Ольги и Владимира, кончая Александром III и Марией Федоровной. В боковых сводах — изображение гербов, входящих в императорский герб. Стены и столбы сеней были расписаны травным орнаментом, заимствованным с росписи Царского места Грозного в Софийском соборе Новгорода.

[26] *Парадные двери, шатер-тамбур* орнаментированы в стиле Царского места Ивана Грозного в Успенском соборе Кремля. Резная работа исполнена А.И. Шмидтом по рисункам архитектора А.П. Попова.

[27] *Щербатова Софья Александровна* (урожденная Апраксина) (?—1919) — воспитательница Николая II.

[28] *Боткин Михаил Петрович* (1839—1914) — академик исторической живописи, археолог, коллекционер. Имел прекрасное собрание византийской эмали, античной терракоты. С 1888 г. член Императорской археологической комиссии, входил в Комиссию по реставрации Благовещенского собора в Кремле (1882). Директор музея Общества поощрения художников.

[29] *Гурко Александр Леонидович* передал в 1887 г. в музей 21 рукописный документ на французском и польском языках, относящийся к событиям войны 1812 г.

[30] *Хирин Михаил Петрович* — младший ревизор московской Контрольной палаты. Передал в музей старинные бумаги Солнцевых и книгу 1826 г. на французском языке (1887).

[31] *Львов Федор Федорович* (1820—1895) — директор Строгановского училища, художник-любитель, секретарь Общества поощрения художников.

[32] *Мазурин Константин Сергеевич* (1845—?) — потомственный почетный гражданин Москвы, член Московского общества любителей художеств (с 1868 г.), член Общества попечительства бедных, комитета Человеколюбивого общества. Владел собранием античных ваз, старинной итальянской майолики, памятников русской старины. Свое состояние завещал своему камердинеру. Часть коллекции приобрел М.П. Боткин.

[33] *Румянцевский музей* был открыт в 1831 г. в Петербурге, в 1861 г. переведен в Москву. Основу музея составило собрание рукописей, книг и редкостей графа Н.П. Румянцева (1754-1826).

[34] *Сольский Дмитрий Мартынович* (1833—1910) — граф, государственный секретарь, член Комитета министров, председатель департамента экономии Государственного совета.

[35] *Художественно-промышленный музей,* принадлежащий Строгановскому училищу (Мясницкая улица, дом 24). В 1894 г. музей был переведен в заново отделанное здание училища на улице Рождественка.

[36] *Политехнический музей* в 1872 г. основан на базе первой в России Политехнической выставки (1872). Архитекторы И.А. Монигетти, Н.А. Шохин.

[37] *Загорский Василий Петрович* — архитектор московского Дворцового управления.

[38] *Радде Густав Иванович* (1831—1903) — естествоиспытатель, путешественник. Сопровождал в путешествиях великих князей. Одно из путешествий по Индийскому океану совершил с великими князьями Александром Михайловичем и Сергеем Михайловичем.

[39] *Жизневский Август Казимирович* (1819—1896) — создатель историко-археологического музея в Твери. Председатель (с 1884 г.) тверской Архивной комиссии.

1888 г.

[1] *Щепкин Евгений Николаевич* (1860—1920) — историк, педагог, общественный деятель, профессор Новороссийского университета (с 1898 г.).

[2] *Боткин Дмитрий Петрович* (1829—1889) — один из совладельцев чаеторговой фирмы «Боткина Петра сыновья», председатель Московского общества любителей художеств (1877—1888), коллекционер западноевропейской и русской живописи XIX в.

[3] *Щукин Иван Васильевич* (1818—1890) — купец, отец братьев-коллекционеров Николая, Петра, Сергея, Ивана, Дмитрия.

[4] *Щукин Николай Иванович* (1852—1910) — собиратель живописи и серебра.

[5] *Родионов Сергей Константинович* (1861—1897) — архитектор. Автор проекта и строитель дворца великого князя Сергея Александровича в Ильинском, а также Николаевской Измайловской богадельни. Автор проектов многих доходных домов Москвы.

[6] *Постников Дмитрий Андреевич* (1861—1897) — один из директоров «Товарищества фабрик А.М. Постникова», сын фабриканта и коллекционера А.М. Постникова. Собиратель икон, эмалей, предметов быта. Экспонировал в Историческом музее русские и иностранные эмали на выставке при VIII археологическом съезде(1890). В 1889 г. там представлялась его коллекция финифтей.

[7] *Колосовский Александр Дмитриевич* (1844—1902) — служащий Городского управления. В одном из писем (1886) благодарит Забелина за просмотр описей архива Управы благочиния — полицейского учреждения, приводившего в исполнение распоряжения местной администрации и решения судов. В Москве Управа благочиния просуществовала до 1881 г. По исследованию А.А. Формозова, Забелин оказал помощь в спасении этих архивов от уничтожения.

[8] *Кибальчич Турвонт Венедиктович* (1848—1913) — археолог, антиквар. Владел прекрасной коллекцией гемм, часть из которой была приобретена Археологическим обществом. Член Археологического общества.

[9] *Александровское коммерческое училище,* названо так в память двадцатипятилетия царствования Александра II. В феврале 1888 г. открыто главное здание училища на Старо-Басманной улице (дом 21). Архитектор Б.В. Фрейденберг.

[10] *Летников Алексей Васильевич* (1837—1888) — член-корреспондент Петербургской АН, доктор математики и профессор Московского технического училища. Директор Александровского коммерческого училища в 1884—1888 гг.

[11] *Третьяков Павел Михайлович* (1832—1898) — предприниматель, меценат, коллекционер, один из братьев Третьяковых. Собирал с 1856 г. произведения русского реалистического искусства. В 1892 г. передал свое собрание в дар Москве. С 1897 г. почетный гражданин Москвы.

[12] *Федотов Александр Филиппович* (1841—1895) — драматург, писатель. В 1888 г. совместно с К.С. Станиславским создал Общество искусства и литературы.Основатель и директор Народного театра.

[13] *Сальяс де Турнимир Евгений Андреевич* (1841—1908) — заведующий московским архивом Министерства императорского двора. Издавал литературно-художественный журнал «Полярная звезда» (1881—1882). В 70-х годах выступал с историческими романами, сделавшими известным его имя. Праздновался 25-летний юбилей его деятельности.

[14] *Праздновался 25-летний юбилей* Общества поощрения трудолюбия. Председатель и основатель общества А.Н. Стрекалова. Помимо торжественных собраний, приемов, обедов, были устроены выставки работ от различных школ, приютов, обществ, училищ, например, выставка женского рукоделия школы Патриотического общества. Выставки размещались в доме князя С.М. Голицына на улице Волхонка и в Историческом музее. Общество было основано в 1863 г., в 1868 г. вошло в состав Человеколюбивого общества.

[15] Возможно, *Капустин Михаил Николаевич* (1828—1899) — юрист, профессор Московского университета. Или *Капустин Семен Яковлевич* (1828—1891) — юрист, писатель. С 1863 по 1883 г. заведующий внутренним отделом газеты «Правительственный вестник».

[16] *Самарин Дмитрий Федорович* (1831—1901) — публицист, общественный деятель. Сотрудник изданий И.С. Аксакова и газеты «Московские ведомости». Брат Ю.Ф. Самарина, издатель его сочинений.

[17] *Щербатов Александр Алексеевич* (1829—1902) — общественный деятель, московский городской голова (1863—1869).

[18] *Иванов Петр Маркович* — антиквар. Собирал кресты, серебряные кружева, монеты, гравюры, миниатюры.

[19] *Киркор Василий Антонович* — делопроизводитель московской конторы Министерства уделов.

[20] *Масловский Дмитрий Федорович* (1848—1894) — военный историк, преподаватель Николаевской академии генерального штаба. Отстаивал самобытность русского военного искусства.

[21] *Абросимы и Алеши* — название, данное при Петре I двум ротам, сформированным из охочих и даточных людей в 1695 и 1696 гг.

[22] *«Русский инвалид»* — военная газета. Издавалась с 1817 г. П.П. Пезаровиусом с целью использования доходов от издания на помощь инвалидам, вдовам, сиротам.

[23] *Работы Забелина* «Опыты изучения русских древностей и истории: Исследования, описания и критические статьи», «Список и указатель трудов, исследований и материалов, напечатанных в повременных изданиях Общества истории и древностей Российских при Московском университете».

[24] *Вычуга* — село Кинешемского уезда Костромской губернии.

[25] *Кузнецов Александр Григорьевич* (1855—1895) — московский благотворитель. Унаследовал многомиллионное состояние от деда по матери А. С. Губкина, кунгурского купца и благотворителя. Под опекой Кузнецова находились народные училища и больницы Московской губернии. На его средства издавались сочинения латинских авторов, древние акты.

[26] *Построен в Кремле в 1651 г.* у стены, обращенной к Неглинной улице. Четырехэтажные палаты с домовой церковью для боярина Милославского (тестя царя). После его опалы палаты поступили в казну, в конце XVII в. стали называться Потешными, здесь проходили спектакли первого в Москве придворного театра царя Алексея Михайловича.

[27] *Быковский Константин Михайлович* (1841—1906) — архитектор. По его проектам построены университетские клиники на улице Б. Пироговская, Государственный банк на Неглинной улице, Зоологический музей.

[28] *Бадер Василий Александрович* — археолог, член Московского археологического общества.

[29] *Виллие (или Вилье) Михаил Яковлевич* (1838—1910) — художник. С 80-х годов посвятил себя изучению памятников древнерусского зодчества и быта, воспроизведению их в акварелях. Его зарисовки были изданы в альбоме «Образцы декоративного и прикладного искусства из императорских дворцов, церквей». СПб., 1901; 1908.

[30] *Корсов Богомир Богомирович (Геринг Готфрид)* (1845—1920) — оперный певец-баритон.

[31] *Виноградов Алексей Иванович* (1834—1908) — протоиерей, настоятель владимирского Успенского собора.

[32] *Хохлов Павел Акинфиевич* (1854—1919) — певец-баритон. Пел в Большом театре (1879-1900).

[33] *Работы Забелина* «Домострой по списку Общества истории и древностей российских», «В чем заключаются основные задачи археологии как самостоятельной науки». См.: Труды Третьего археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 г. Киев, 1878. Т. 1.

[34] *Описываемое время* характерно проявлением большого интереса к древнерусской живописи. Все коллекционеры мечтали иметь иконы А. Рублева или художников его круга. Часто иконы, выдаваемые за рублевские, были написаны гораздо позже. Широкой известностью пользовались собрания купцов Ф.А. (?—1854) и А.А. (1792—1854) Рахмановых. По исследованию В.И. Антоновой и Н.Е. Мнёвой, в коллекциях Рахмановых рублевских икон не было. См.: Каталог древнерусской живописи Государственной Третьяковской галереи. М., 1963.

1889 г.

[1] *В залах музея проходила выставка,* демонстрирующая историю и возможности фотографии. Интерес публики вызвали портреты императора и императрицы, увеличенные до натуральной величины (Э. Тиле), снимки, сделанные с воздушного шара, астрономические, медицинские, а также фотографии кочующих народов Оренбургской губернии (К. Фишер). Демонстрировались произведения А. Карелина, О. Ренара и др.

[2] *Гондати Николай Львович* (1861—?) — археолог, антрополог, педагог. В 1890 г. путешествовал по Туркестану, Японии, Китаю, Северной Америке. В 1892 г. занимал пост начальника Анадырского края. В 1910 г. начальник Амурской экспедиции, с 1911 г. приамурский генерал-губернатор.

[3] *Новицкий Алексей Петрович* (1862—1934) — помощник библиотекаря в Историческом музее (1889—1898), историк искусств, редактор издания «Русский художественный архив».

[4] *Станкевич Алексей Иванович* (1859—1922) — сотрудник архива Министерства иностранных дел, библиотекарь Исторического музея (1887—1914; с 1919 г.), почетный член управления Исторического музея (с 1914 г.).

[5] *Корнилов Владимир Алексеевич* (1806—1854) — вице-адмирал, один из руководителей обороны Севастополя.

[6] *Постников Николай Михайлович* (около 1827 — около 1897) — купец, собиратель икон, церковной утвари. Собирал коллекцию в течение 40 лет. В его коллекции насчитывалось более 3 тысяч икон. Она считалась самой большой коллекцией среди государственных и частных собраний России. В коллекции имелись иконы X в. В 90-х годах благосостояние Постникова ухудшилось, он заложил свою коллекцию владельцу свечной лавки у Покровского собора на Красной площади Пономареву. За невыкупом после смерти коллекционера коллекция начала распро-

даваться. Значительное количество вещей приобрели Н.П. Лихачев, П.М. Третьяков, Е.Е. Егоров, Д.И. Силин.

[7] *Коллекции Антропологического музея* находились в здании Исторического музея.

[8] *Трутовский Владимир Константинович* (1862—1932) — делопроизводитель и смотритель московского Главного архива, хранитель Оружейной палаты, археолог, искусствовед.

[9] *Шабельская Наталья Леонидовна* (1841—1904) — харьковская помещица. Собрала за 30 лет прекрасную коллекцию народных костюмов, вышивок, кружев. В 1896 г. в пяти залах музея представила часть своей коллекции. В дар музею передала большое собрание образцов старинного русского шитья, кружев и головных уборов. Была участником выставок в Чикаго, Гааге, Стокгольме.

[10] *«Донон»* — популярный петербургский ресторан на Мойке.

[11] *Работы Забелина* «Преображенское или Преображенск, московская столица достославных преобразований первого императора Петра Великого», «Москва-матушка — золотые маковки», «История русской жизни с древнейших времен», «Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве».

[12] *В 1865 г.* с созданием Общества древнерусского искусства Ф.И. Буслаев оставил занятия русским языкознанием и посвятил себя исследованию древнерусского искусства. Имел большое собрание старинных гравюр, интерес к которым пробудили наблюдения за ходом работы Ф.И. Иордана в Италии над гравюрой с картины Рафаэля «Преображение». Занимался исследованием лицевых апокалипсисов, которых в его собрании насчитывалось 16 книг. Оказал большую помощь в подборе художественных элементов, используемых в оформлении залов Исторического музея.

[13] *Конкурсные проекты* Верхних торговых рядов были представлены для осмотра в залах Исторического музея. Победил проект № 27 академика архитектуры А.Н. Померанцева под девизом «Московскому купечеству».

[11] *Кольчугин Александр Григорьевич* (1839—1899) — промышленник, владелец латунного и меднопрокатного завода, председатель правления Общества верхних торговых рядов. Гласный Московской городской Думы.

[15] *Голицын Владимир Михайлович* (1847—1932) — московский вице-губернатор, гражданский губернатор (с 1887 г.), городской голова (1897—1905). Член Комитета по сооружению памятника Александру III, член Общества пособий нуждающимся студентам, член Комитета для устройства Музея изящных искусств.

[16] *77 февраля исполнилось* 25 лет, как состоялось первое заседание Московского археологического общества на квартире А.С. Уварова. Официальное празднование ознаменовалось Археологическим съездом, открывшимся в Москве в 1890 г. Перед открытием отслужили панихиду по скончавшимся членам общества. Были избраны в почетные члены И.Д. Делянов, Ф.И. Буслаев, А.П. Богданов. В годовом отчете отмечалось, что императором обществу пожаловано из личных средств 10 000 руб. на археологические исследования Кавказа и Востока России.

[17] Речь идет *о картине X. Семирадского* «Фрина на празднике Посейдона в Элевзисе» (Русский музей). Картина еще более увеличила известность художника.

[18] *Подключников Иван Николаевич* (1813—1877) — сын Подключникова Николая Ивановича, художника и коллекционера, из семьи крепостных графов Шереметевых. Считается отцом реставрации древнерусской живописи. Мастер бытовых интерьеров и архитектурных пейзажей. В его собрание входили картины XVII—XVIII вв., коллекция металлических крестов-тельников. Вещи из коллекции выставлялись на Этнографической выставке в Москве (1867) и Всемирной выставке в Париже (1868).

[19] *Маковский Константин Егорович* (1839—1915) — художник, член артели художников-передвижников. С середины 70-х годов перешел к академизму. Его картины выставлялись в Париже, Северной Америке. Пользовались известностью картины «Похороны в деревне», «Возвращение священного ковра из Мекки в Каир», «Болгарские мученицы», «Русалки», «Выбор невесты царем Алексеем Михайловичем», «Смерть Иоанна Грозного».

[20] *Антокольский Марк Матвеевич* (1843—1902) — скульптор. Автор работ «Иван Грозный» (1871), «Петр I» (1872) и др.

[21] *Большаков Сергей Тихонович* (1842—1906) — антиквар, букинист, коллекционер старопечатных книг, рукописей, предметов старины. Торговал на Старой площади, улице Ильинка, в Охотном ряду. Сын известного коллекционера и антиквара Т.Ф. Большакова, торговавшего в Китай-городе. Фирма Большаковых существовала с 1806 г.

[22] *Сафонов Николай Михайлович* — художник-палешанин, реставратор. Его артель работала над реставрацией памятников, удаляя позднюю запись, затем дополняла древнюю живопись с имитацией стиля. Реставрировал фрески Софийского собора в Новгороде, живопись Андрея Рублева, Даниила Черного в Успенском соборе Владимира. От управления Исторического музея художнику в 1889 г. было поручено исполнение работ по изготовлению снимков с древней стенописи в Спасо-Нередицкой церкви и других храмах в Новгороде. В 1888—1890 гг. расписьшал Новгородский и Владимирский залы, в 1894 г. начал отделку Московского и Ростовского залов, с 1900 по 1905 г. расписьшал залы эпохи Ивана Грозного и Смутного времени в Историческом музее.

[23] *Шаблыкин Иван Павлович* (?—1888) — вице-губернатор, попечитель дома для призрения бедных, председатель совета Московской глазной больницы, председатель Общества поощрения трудолюбия. Библиотеку приобрел Б.А. Брокар.

[24] *Зайцевский Иван Михайлович* передал в Исторический музей акварельные картины (1888), мебель, посуду, коллекцию медных крестов, икону на камне (1890). Собрание его отца, *Михаила Михайловича Зайцевского* (1815—1885), было одним из лучших в Москве (старопечатные книги, рукописи, живопись, графика, серебро, фарфор, ткани). Сам Зайцевский предлагал Историческому музею большой белый эмалированный древний венец из северного монастыря, музей не смог заплатить запрашиваемой суммы, и вещь перешла к Д.А. Постникову.

[25] *Портрет Екатерины II* работы Ф.С. Рокотова, принадлежавший Н.Е. Струйскому, был приобретен музеем у Е.М. Сушковой в 1890 г. за 600 рублей.

[26] *Кульнев Яков Петрович* (1763—1812) — генерал-лейтенант. Участвовал в Рус-

ско-шведской войне (1808—1809), Отечественной войне 1812 г. Был смертельно ранен в бою.

[27] *Чернево,* Московская губерния. Проводил раскопки великий князь Сергей Александрович.

1890 г.

[1] *VIII археологический съезд* проходил с 8 по 24 января 1890 г., почетный председатель великий князь Сергей Александрович, председатель А.Ф. Бычков. Было проведено 34 заседания. Одна из целей съезда — изучение истории Москвы. В 11 залах музея развернута была выставка, замысел которой — обобщить, представить частные собрания Москвы. Три зала занимала коллекция Н.Л. Шабельской. Самыми большими были коллекции икон Н.М. Постникова и И.А. Силина. Д.М. Постников представил финифти. Экспонировались коллекции А.С. Уварова, Т.Ф. Большакова, И.Л. Силина, Е.А. Егорова, И.М. Зайцевского. В выставке участвовали три музея: тверской, рязанский и Исторический. Присланы были экспонаты из церковно-археологического музея в Киевской духовной академии, из отдельных церковных ризниц. См.: Каталог выставки VIII археологического съезда в Москве. М., 1890.

[2] *Елизавета Федоровна* (1864—1918) — великая княгиня, принцесса Гессен-Дармштадтская, жена великого князя Сергея Александровича с 1884 г., почетный член управления Исторического музея (с 1908 г.). Настоятельница Марфо-Мариинской обители в Москве. Убита под Алапаевском.

[3] *Гудович Екатерина Васильевна* — жена Ф.А. Уварова.

[4] Возможно, *Капнист Павел Александрович* (1840—1904) — управляющий канцелярией Министерства юстиции, попечитель Московского учебного округа (с 1895 г.). Или *Капнист Петр Алексеевич* (1840—1904), дипломат.

[5] *Юрковский Е.К.* — обер-полицмейстер.

[6] *Степанов Михаил Петрович* (1853—1917) — генерал от кавалерии, состоял при великом князе Сергее Александровиче. Автор книги-альбома «Храм-усыпальница великого князя Сергея Александровича во имя преподобного Сергия Радонежского в Чудовом монастыре в Москве». М., 1909.

[7] *Савва (Тихомиров Иван Михайлович)* — архиепископ тверской (1819—1896), доктор церковной истории, член Московского археологического общества. Его деятельность была направлена на реставрацию церквей. Составил «Указатель для обозрения ризницы и библиотеки», который выдержал 5 изданий и был переведен на французский язык. Открыл ризницу для публики.

[8] *Дочери А С. Уварова и П. С. Уваровой* — Прасковья и Екатерина Алексеевны.

[9] *«Эрмитаж»* — ресторан, гостиница. Находился на углу Неглинной улицы и Петровского бульвара. Основан французским кулинаром Л. Оливье и купцом Я. Пеговым.

[10] *Багалей Дмитрий Иванович* (1857—1932) — украинский историк, академик, профессор и ректор Харьковского университета (1906—1910).

[11] *Маркович Алексей Иванович* (1847—?) — профессор Одесского университета, член Московского археологического общества.

[12] *Ионафан* (1816—1906) — архиепископ ярославский и ростовский. По его распоряжению в ростовский музей безвозмездно были переданы вышедшие из употребления иконы и другие церковные предметы.

[13] *Щепкин Вячеслав Николаевич* (1863—1920) — славист, палеограф, лингвист, историк древнерусского искусства. Помощник хранителя Исторического музея (с 1887 г.), возглавлял отдел рукописей (с 1912 г.), составил по поручению Исторического музея «Описание памятников музея» (1903). Внук М.С. Щепкина.

[14] *Стенбок Герман Германович* — генерал-майор, заведующий Двора великого князя Сергея Алексендровича.

[15] *Ильинское* — усадьба в Звенигородском уезде. В 1863 г. куплена удельным ведомством для императрицы Марии Александровны. С 1882 г. владелец великий князь Сергей Александрович, проживавший в Ильинском каждое лето. До 1783 г. принадлежала Стрешневым, с 1811 г. — А.И. Остерману-Толстому, в 1857 г. по наследству перешла к М. Голицыну.

[16] *Костанда Апостол Спиридонович* — генерал-адъютант, командующий войсками Московского военного округа.

[17] *Павел Александрович* (1860—1919) — великий князь, сын Александра II, председатель Русского общества охранения народного здравия и покровитель всех поощрительных коннозаводских учреждений в России.

[18] *В музей прибыли* великий герцог Дармштадтский Людвиг, наследный принц Эрнст, принцессы Алиса и Виктория. Осматривали залы и выставленную для всеобщего обозрения модель памятника Александру II, впоследствии воздвигнутого в Кремле. Принцесса Алиса — будущая императрица, жена Николая II.

[19] *В Киевском зале,* в особой витрине представлены были перо, которым Александр II подписал журнал заседания общего собрания Государственного совета 28 января 1861 г. об упразднении крепостного права, серебряный стакан из сервиза Александра III, смятый при крушении царского поезда около станции Борки 17 октября 1888 г.

[20] *Стоюнин Владимир Яковлевич* (1826—1888) — педагог, преподаватель русского языка и словесности. Автор трудов по истории обрядов в России, пособия и руководства для преподавания.

1891 г.

[1] *Визит эрцгерцога* Франца Фердинанда д'Эсте в связи с желанием Австро-Венгрии большего сближения с Россией. Газеты подробно освещали пребывание гостя в Москве, его визиты, осмотр памятников старины, Румянцевского и Публичного музеев, палаты бояр Романовых и т.п.

[2] *Нейдгардт Борис Александрович* (1819—1900) — управляющий московским Воспитательным домом, председатель Мариинского благотворительного общества, почетный опекун Московского присутствия.

[3] *Винклер Гуго* (1863—1913) — немецкий ассириолог, археолог, основатель Переднеазиатского общества.

[4] *Якушкин Евгений Иванович* (1826—1905) — правовед, сын декабриста И.Д. Якушкина. Публиковал материалы по Ярославской губернии.

[5] *Поляков Лазарь Соломонович* (1842—1914) — банкир, потомственный почетный гражданин Москвы, член Арбатской комиссии попечительства о бедных в Москве.

[6] *Мамонтов Николай Иванович* — купец. Имел магазины на Кузнецком мосту и Моросейке. К нему перешли в 1874 г. московские магазины Глазуновых.

[7] *Щапов Павел Васильевич* (?—1888) — коллекционер. Библиотека и собрание старопечатных книг согласно завещанию поступили в Исторический музей. Библиотека заключала 30 000 томов изданий с XVIII в. до 50-х годов XIX в. Из древнейших славянских изданий находились: «Краковский шестоднев и часослов» (1491), Библия Ф. Скорины (1517—1518 и 1519), первопечатный «Апостол» (1564), Львовский «Апостол» (1574).

[8] *Торопов Андрей Дмитриевич* (1851—1927) — книговед, библиофил. Основатель библиотеки при Московском библиографическом кружке, его председатель. Открыл в Москве первую детскую общедоступную библиотеку.

[9] Труд Забелина *«Историческое описание* московского ставропигиального Донского монастыря» вышел в 1865 г. в типографии В.Е. Грачева. 2-е дополненное и исправленное издание вышло в 1893 г. в типографии А.И. Мамонтова.

[10] *Парадные портреты* Лжедмитрия I и его жены Марины Мнишек начала XVII в. подарил Александр III музею в 1876 г. Были преподнесены ему владельцем Вишневецкого замка в Кракове, где находились эти произведения. См.: Дрокохруст Е.И. Иконографические источники, освещающие польскую интервенцию начала XVII века. В кн.: Труды Государственного Исторического музея. М., 1941. Вып. XIV.

[11] *Захарьин Григорий Антонович* (1829/1830—1897) — терапевт, основатель московской клинической школы.

[12] *В Химках* Забелин снимал дачу. Химки — местность на северо-западе от Москвы (название от бывшей деревни). Дачное место.

[13] Александр III приехал в Москву в годовщину коронования и в первый раз после назначения на пост генерал-губернатора родного брата, великого князя Сергея Александровича. Назначением на этот пост члена императорского дома подчеркивалось значение Москвы.

[14] *Французская выставка 1891 г.* — коммерческое предприятие, цель которого — усилить взаимный обмен товарами между Россией и Францией, минуя комиссионеров. Была организована на частные средства. Инициатор — французский консул. Участвовали лучшие фирмы Франции, всего более 2000 экспонентов. Высочайше было разрешено использовать здания бывшей в 1882 г. Всероссийской художественно-промышленной выставки на Ходынском поле. (См.: Москва и ее окрестности с описанием Французской выставки. М., 1891.) Художественную часть составили произведения, ранее демонстрировавшиеся в Петербурге. М.В. Нестеров писал: «Был на французской выставке, но увы! В области искусства ничего

поражающего нет. Три-четыре картины, прекрасные по технике, поражают своей бессодержательностью Они прислали к нам свои оборыши, и если бы не несколько картин, принадлежащих частным лицам в Москве и поистине прекрасных, то не на чем бы было и глаз остановить». См.: Нестеров М.В. Из писем. Л., 1968. С. 56.

[15] *Среднеазиатская выставка* проходила с 11 мая по 18 ноября 1831 г. в 20 неотделанных залах Исторического музея. Демонстрировалась продукция российских предпринимателей, сбываемая в Среднюю Азию, Персию (А. Кольчугина, А.С. Вишнякова, А.И. Шамшина, М.С. Кузнецова, А. Баранова и др.) и изделия ремесленников Средней Азии.

[16] *В 1873 г. в дар городу* передана библиотека и собрание рукописей А.Д. Черткова. Собрание поступило в Московский Румянцевский и Публичный музеи. А в 1880-е годы передано Историческому музею. В настоящее время в Историческом музее хранятся рукописи и старопечатные книги, в Исторической библиотеке — библиотека.

[17] *В музее после смерти* Ф.М. Достоевского была воссоздана комната писателя, экспонаты которой в течение длительного времени пополнялись вдовой писателя А.Г. Достоевской. Передано до 4000 инвентарных номеров, описанных подробно самой Анной Григорьевной.

[18] *Фролов Александр Никитич* (1830—1909) — мозаичист, академик (за мозаичные работы в Исаакиевском соборе). В мае 1891 г. открыт был для публики Христианский зал, в котором представлялись мозаичные иконы Фролова: Знамение Божией Матери, Святого пророка Илии и Архангела Михаила. Образы надо было поместить над входами Верхних торговых рядов, поэтому заказали 12 образов — по числу входов. Ранее Фролов был командирован в Италию, Францию, Англию для изучения мозаичного дела. Академия художеств ему выделила мастерскую, где работало 10 мастеров. Работы производились не на извести, как обычно, а на портландском цементе, что было прочнее и дешевле.

[19] Фриз и наличники дверей *Новгородского зала* были выполнены по образцу оформления входных ворот Софийского собора и других новгородских церквей. В своде помещалась копия изображения Христа Вседержителя из Спасо-Нередицкого храма. С иконы Знамение Божией Матери в церкви Спаса на улице Ильинка было взято изображение осады Новгорода суздальцами (1169). По рисунку, находящемуся в нижней части иконы Знамение XVII в. из церкви Михаила Архангела в Новгороде, написан древний Новгород с Софийской стороной и началом моста, ведущего на Торговую сторону

[20] Двери, стены и окна *Владимирского зала* были оформлены лепными украшениями — копиями резьбы из Дмитровского собора, фресковая роспись зала копировала роспись Успенского собора. В зале представлялись древние кресты с глав Владимирского Успенского собора, переданные в музей из Владимира при проведении там реставрационных работ. В Суздальском зале три портала, пилястры, травные узоры, Распятие с Предстоящими (вверху выходной стены), изображение человеческих и звериных фигур представляли собой слепки-копии настен-

ных украшений из собора Святого Георгия в городе Юрьеве-Польском, построенном в 1152 г. при Юрии Долгоруком и переделанном в 1230—1234 гг. Святославом Всеволодовичем.

[21] *Забелин участвовал* в комиссии, следившей за реставрационными работами во Владимире. Ездил туда в 1882,1888,1889 и 1891 годах.

[22] *Субботин Николай Иванович* (1830—?) — профессор истории Московской духовной академии. В основном труды посвящены обличению и истории раскола.

[23] *Георгиевский Василий Тимофеевич* (1861—1923) — искусствовед, археолог, педагог, основатель музея во Владимире. Занимался изучением древнерусской живописи.

[24] *Цветаев Иван Владимирович* (1847—1913) — филолог, искусствовед. Профессор Варшавского, Киевского, Московского (с 1887 г.) университетов. В 1900—1910 гг. директор Румянцевского музея. Основатель и первый директор (1911—1913) Музея изящных искусств. Основные труды посвящены античной филологии, истории, эпиграфики.

[25] *Корабутов Иван Онисимович* — инженер из Владимирской губернии.

[26] *Во время чествования* 50-летней деятельности Забелина архиепископ Феогност подчеркнул: «Благодаря вашему постоянному попечительству сей храм имеет ныне тот самый вид, в каком он был при создателях его благоверных князьях Андрее Боголюбском и Великом Всеволоде». См.: Два юбилея учено-литературной и служебной деятельности Ивана Егоровича Забелина. М., 1910. С. 36.

[27] *Портреты Федора Ивановича* — сына Ивана Грозного, последнего царя из рода Рюриковичей (1557—1598) и Скопина-Шуйского М.В. (1586—1610) — боярина, полководца, подавившего восстание И.И. Болотникова и освободившего Москву от осады тушинцев, находятся в Государственном Историческом музее.

[28] *Художник А. Богатое* «Посещение Александром II церкви Троицы в Лужниках» (1868). Купец и староста церкви М. Королев на свои средства отделал церковь XVII в. Император в знак признательности посетил и эту церковь, и дом купца.

[29] *Дача А.Г. Орлова-Чесменского (Нескучное).* Дворец куплен у наследницы Николаем I.

[30] *Возле самых Боровицких* ворот Кремля помещались конюшни, государев конюший двор.

[31] *Крутицкие казармы* названы по соседнему Крутицкому подворью, здания которого частично переделаны в 1798 г. под казармы для частей жандармского корпуса. Использовались как политическая тюрьма. Здесь отбывал наказание А.И. Герцен. С 1842 г. размещался Московский внутренний гарнизонный батальон.

Подворье — уникальный памятник архитектуры, основан в XIII в. С XV в. резиденция епископов, с 1589 г. — митрополитов.

[32] *Куракин Борис Иванович* (1676—1727) — дипломат. Речь идет о материалах архива Ф.А. Куракина. В 1888 г. М.И. Семевский подготовил исторический сборник, в который вошли большое собрание писем Б.И. Куракина, его воспоминания (1723-1727) о событиях 1682-1694 гг. См.: Семевский М.И. Архив князя Ф.А. Ку ракина. Кн. 1-10. СПб., 1890-1902.

[33] *«Светоч»* — научно-литературный журнал, выходил в Петербурге в 1860—1862 гг. Издатель Д.И. Калиновский.

[34] *Павлинов Андрей Михайлович* (1852—1897) — хранитель Оружейной палаты. По поручению Академии художеств совершил ряд поездок по России с целью зарисовок и обмера памятников древнерусского зодчества(1880—1881). Академик архитектуры (1883), с 1888 г. заведующий отдела Оружейной палаты.

1892 г.

[1] *На выставке* в Историческом музее И.Е. Репин представил после Петербурга картины «Запорожцы», «По следу», «Явленная икона», этюды к «Проводам новобранца», «Речь государя к старшинам», портреты Кюи, Шевченко, Стасова, Л. Толстого и др. «Моя выставка здесь делает большое оживление. Народу ходит много... Много студенчества, курсисток и даже ремесленников толпится в двух залах и рассыпаются по широкой лестнице». См.: И.Е. Репин и В.В. Стасов. Переписка. М. - А, 1949. Т. 2. С. 164.

[2] *В.А. Серов* в зале музея выполнял свой первый официальный заказ: писал большую картину для харьковского дворянства, где изображалась царская семья в момент вступления ее в зал харьковского дворянского собрания после крушения поезда у станции Борки. Серов писал картину две зимы. Позировали ему только дети императора Ксения, Михаил и Ольга. Для изображения фигуры Александра III позировал И.С. Остроухов. Серов пользовался фотографиями и набросками с натуры для изображения остальных членов семейства. К весне 1895 г. картина была закончена и переправлена в Харьков.

[3] *На Палестинской выставке* представлены были экспонаты Палестинского общества (председатель великий князь Сергей Александрович): фотографии, планы, акварели, рисунки памятников и местностей Иерусалима, Сирии.

[4] *В указанном номере* была помещена заметка К.Н. Бестужева-Рюмина под названием «Письмо в редакцию», в которой напоминалось, что 25 апреля 1842 г. вышла первая статья Забелина «Троицкие походы»: «Из этого следует, что ...исполняется 50-летняя плодотворная деятельность этого выдающегося археолога, так художественно воссоздавшего старинный быт, археолога, которого Грановский прямо называл гениальным».

[5] *Недыхляев Александр Петрович* (1826 —?) — московский купец II гильдии, торговал шелковыми тканями. Один из организаторов Среднеазиатской выставки.

[6] *Григорович Дмитрий Васильевич* (1822—1899/1900) — писатель. В начале 60-х годов оставил литературную деятельность. Являлся секретарем Общества поощрения художеств, организовал при нем библиотеку, рисовальную школу, музей, мастерскую. С 80-х годов вновь посвятил себя литературным трудам.

[7] *Благотворительная выставка,* картин, скульптуры, мебели и пр. из частных собраний Москвы. Сбор от выставки предназначался в помощь населению, пострадавшему от неурожая. От А.С. Голицына был представлен фарфор, бронза, от Д.А. Постникова — эмаль, серебро, бронза, от В.Н. Гагарина — эмали времен Алексея Михайловича, от Е.А. Урусовой — испанские кружева, от Н.И. Щукина — за-

падноевропейское прикладное искусство, от А.А. Бобринского — коллекция табакерок.

[8] *Поленов Василий Дмитриевич* (1844—1927) — живописец.

[9] *Щукин Николай Иванович* (1851—1910) — старший из братьев Щукиных, собирал серебро, живопись.

[10] *Алексей Александрович* (1850—1908) — великий князь, четвертый сын Александра II, генерал-адмирал (с 1883 г.).

[11] *Романовский Евгений-Максимилиан* (1847—1901) — сын Максимилиана-Евгения-Иосифа Наполеона и великой княгини Марии Николаевны, дочери Николая I.

[12] *Константин Константинович* (1858—1915) — второй сын великого князя Константина Николаевича, шеф гренадерского Тифлисского полка, командир лейб-гвардии Преображенского полка, президент Петербургской Академии наук, поэт, драматург.

[13] *Истомин Владимир Константинович* (1847—1914) — адъютант великого князя Сергея Александровича, управляющий канцелярией.

[14] *Уже на VIII съезде Московского археологического общества* отмечалось невнимание духовенства к церковным древностям вследствие непонимания их исторической и художественной значимости. В результате деятельности Московского археологического общества удалось спасти от уничтожения и исследовать многие памятники русской старины. Постепенно *духовенство стало передавать древности* в Исторический музей.

[15] Речь идет *о картине К.Е. Маковского* «Призыв Минина к нижегородцам».

[16] *Гацисский Александр Серафимович* (1838—1893) — журналист, краевед из Нижнего Новгорода. Издал 10 томов «Нижегородского сборника».

[17] *Охабень* — русский широкий кафтан с длинными прямыми рукавами. *Ферязь* — распашная зимняя и летняя одежда из бархата, атласа, сукна или простых тканей, длинный кафтан без воротника. *Зипун* — верхняя одежда из грубого домотканного сукна, кафтан без воротника с раскошенными книзу полами.

[18] *Суслов Владимир Васильевич* (1857—1922) — архитектор, из семьи палехских крепостных крестьян-иконописцев. Исследователь древнерусского искусства, академик (1886). С 1883 г. начались его многолетние экспедиции по Северной и Центральной России с целью изучения памятников русской архитектуры. В 1889 г. приступил к реставрации Спасо-Преображенского собора (1152) в Переяславле-Залесском. Работал там до 1893 г. Два фрагмента снятых фресок были переданы Историческому музею. В имени Суслова Забелин ошибся.

[19] *Гагарин Григорий Григорьевич* (1810—1893) — вице-президент Академии Художеств (1859—1872), художник-любитель. В Тифлисе расписал Сионский собор в византийском стиле. Основал в Петербурге древнехристианский музей при Академии художеств. Стремился обратить русскую церковную живопись к византийским идеалам. Писал иконы для дворцовых церквей великой княгини Марии Николаевны, принца *Ольденбургского, церквей в* Тверской губернии, в Крыму, Баден-Бадене, Ментоне. Гагарин известен и как иллюстратор к повестям «Тарантас» В.А. Соллогуба, «Пиковая дама» А.С. Пушкина.

[20] *Трактир Тестова* на Воскресенской площади недалеко от Исторического музея.

[21] *Председателем съезда* была избрана П.С. Уварова.

[22] *1 августа 1892 г.* в университете открылся международный конгресс антропологии и доисторической археологии. В Историческом музее проходили заседания конгресса и была устроена выставка, где представлялись коллекции И.Т. Савенкова (из Красноярска), князя А.П. Путятина, отца Преображенского, П.П. Кудрявцева, Д.Я. Самоквасова, А.С. Уварова, А.А. Бобринского. Организаторы выставки — А.П. Богданов, П.С. Уварова, А.А. Бобринский.

[23] Географическая выставка была размещена в 9 залах музея. Среди экспонатов — карты, планы, чертежи, флаги, гербы, дипломы, издания о русских путешественниках, фотографии, альбомы. Участники выставки — различные российские ведомства. Устроители выставки — А.П. Богданов, П. С. Уварова, Д.Н. Анучин.

[24] *Бобринский Алексей Александрович* (1852—1927) — сенатор, председатель Императорской археологической комиссии, археолог, нумизмат, вице-президент Академии художеств (1889—1890). Написал труд «О курганах близ м. Смелы Киевской губернии» (1896—1901), статью о фресках лестничных башен Софийского собора в Киеве.

[25] *Расцветов Александр Павлович* — член Общества любителей естествознания, член Комитета для устройства в Москве Политехнического музея.

[26] *10 августа 1892 г.* открылся в Московском университете международный конгресс зоологов. Приехал такая знаменитость, как Р. Вирхов.

[27] *Щукин Петр Иванович* (1853—1912) — купец, предприниматель, потомственный почетный гражданин Москвы, коллекционер.

[28] *Гадон (Гедон) Владимир Сергеевич* — генерал-майор, адъютант великого князя Сергея Александровича.

[29] *Московское археологическое общество* предложило на одном из заседаний отметить 50-летие научной и литературной деятельности Забелина. Торжественное заседание проходило в библиотечном зале Исторического музея. Юбиляра приветствовали представители разных обществ и учреждений. После торжеств был устроен обед в ресторане «Эрмитаж». Почитатели и сослуживцы заказали художнику В.А. Серову портрет Забелина.

[30] *Принцесса Ольденбургская Евгения Максимилиановна* (урожденная герцогиня Лейхтенбергская) (1845—1925) являлась председателем Императорского общества художеств.

[31] *Потентат* (устар.) — властелин, властитель (от лат. potentatus — верховная власть).

[32] *Милюков Павел Никитич* (1859—1943) — историк, публицист, политический деятель. Один из организаторов и член ЦК партии кадетов. В 1917 г. министр иностранных дел Временного правительства.

[33] *Линниченко Иван Андреевич* (1857—1926) — историк, археолог, профессор Новороссийского университета. Член Московского археологического общества, Славянской комиссии. Передал Историческому музею памятники железного века и археологические памятники из Полтавской губернии.

[34] Возможно, *Чупров Александр Иванович* (1842—1898) — экономист и общественный деятель. Принимал активное участие в разработке и осуществлении плана переписи населения в 1882 г. Или *Чупров Алексей Иванович* (?—1898) — преподаватель историко-филологического отделения, член-корреспондент Петербургской АН.

[35] *Сеченов Иван Михайлович* (1829—1905) — физиолог, создатель русской физиологической школы.

[36] *Крылов Виктор Александрович* (1838—1906) — драматург. Написал более 100 пьес, в основном это были переделки иностранных пьес. Начальник репертуарной части петербургских театров (1893—1898).

[37] *Бугаев Николай Васильевич* (1832—1903) — профессор математики Московского университета, один из создателей Московского математического общества. Отец поэта Андрея Белого.

1893 г.

[1] *Аничков Николай Мильевич* — директор департамента Министерства народного просвещения.

[2] *Дюмулен Луи* — художник французского морского министерства.

[3] *Жуковский Павел Васильевич* (1845—1912) — художник, сын поэта В.А. Жуковского.

[4] Имеется в виду *портрет Забелина,* написанный В.А. Серовым.

[5] *Кожевников Алексей Яковлевич* (1836—1902) —невропатолог, профессор Московского университета. Занимался антропологией, этнографией, археологией, самостоятельно проводил раскопки.

[6] *Елизаветинское общество* (на улице Солянка) основано в 1892 г. по инициативе управляющего Московским воспитательным домом Б.А. Нейдгартом при участии великой княгини Елизаветы Федоровны. Имело благотворительные цели: организовывало детские ясли, приюты и т.п. Августейшей попечительницей его была великая княгиня Елизавета Федоровна.

[7] *Машков В.Ф.* — поручик, дважды посещал Абиссинию (1889, 1891). Через него шел обмен посланиями между правительствами России и Абиссинии. Под псевдонимом В. Федоров издал брошюру «Абиссиния. Историко-географический очерк» (СПб., 1887). В газете «Новое время» публиковал дневники своих путешествий. В тексте речь идет о вещах, подаренных наследнику престола (Николаю II) сыном эфиопского полководца. В состав коллекции входили: оружие, щиты, праздничное конское убранство, одежда принцесс и др. (всего 71 предмет). Император передал коллекцию в Исторический музей. Сейчас в музее находится лишь ее часть. Остальные вещи перешли в Антропологический музей.

[8] *Суворин Алексей Сергеевич* (1834—1912) — публицист, издатель, беллетрист. Владелец издательства «Новое время», издатель журнала «Исторический вестник», основатель издательства «Товарищество А.С. Суворина». «Новое время» — влиятельнейшая проправительственная газета. В 1916 г. наследники Суворина передали в Исторический музей книги по истории и литературе из его библиотеки. «Маленькие письма» А.С. Суворина писались по различным вопросам современности.

В одном из своих писем Суворину Забелин положительно отозвался об исторической драме, написанной Суворином: писать историческое произведение, значит, «почувствовать старину, увидеть ясно ее исключительные случаи, — типы ее жизни, и душевной, и вещественной». См.: ОПИ ГИМ*. Ч. 440. Ед. хр. 128. Л. 46.

[9] *Шарко Жан Мартен* (1825—1893) — французский ученый, врач, один из основоположников невропатологии и психотерапии.

[10] *Верхние торговые ряды* открыты были с большой пышностью. Здание со всех сторон украшали национальные флаги, главный вход напротив памятника Минину и Пожарскому был убран тропическими растениями. На торжество были принесены московские святыни — иконы Спасителя, Иверская Божией Матери, Святого Николая Чудотворца, Святого Сергия Радонежского. Во время проектирования рядов московские власти не раз обращались к Забелину как к главному знатоку московской истории.

[11] *Работа Забелина* «Опричный дворец царя Ивана Васильевича». См.: Археологические известия и заметки. 1893. № 11.

До 1894 г.

[1] *Статья «Случайные заметки»* Николая Михайловского. Посвящена 20-летию со дня кончины Д.И. Писарева. Дает характеристику его работ в газете «Русское слово», некоторые биографические факты.

[2] *Полное собрание русских летописей,* изданное Археографическою Комиссиею. СПб., 1841-1918. Т. 1-24.

[3] *Максим Грек (Триволис Михаил)* (около 1475—1556), писатель, переводчик. В 1518 г. приехал в Россию. Был близок к церковной оппозиции, осужден и сослан в монастырь (1525).

[4] *Речь была произнесена* лорд-мэром на обеде в честь министров и освещала политику Англии в Египте, на Крите.

[5] *Ярослав Мудрый* (ок. 978—1054) — великий князь киевский.

[6] *Мономах II* (1053—1125) — великий князь киевский.

[7] *Пимен (Черный)* (?—1571) — архиепископ новгородский. Противник митрополита Филиппа. Был обвинен в готовности предаться полякам и сослан Иваном Грозным в Веневский монастырь.

[8] *Воскресенская летопись* — общерусский летописный свод XVI в. Один из списков хранился в Воскресенском монастыре в Новом Иерусалиме.

[9] *Татищев Василий Никитич* (1686—1750) — историк, государственный деятель.

[10] *Сергеевич Василий Иванович* (1832—1910) — юрист, профессор Московского и Петербургского университетов. Труды по истории права. См.: «Русские юридические древности». СПб., 1890.

[11] *Михаил Ярославич* (1271—1318) — князь тверской (с 1285 г.), великий князь владимирский (1305—1317). Вел борьбу с Юрием московским за великое княжение.

---

* Отдел письменных источников Государственного Исторического музея.

[12] *Даниил Александрович* (1261—1303) — князь московский (с 1276 г.), сын Александра Невского. Положил начало росту Московского княжества.

[13] *Юрий Всеволодович* (1188—1238) — великий князь владимирский. Потерпел поражение в Липицкой битве (1216) и уступил великое княжение брату Константину. Заложил в 1221 г. Нижний Новгород.

[14] *В разделе* «Критика и библиография» журнала «Исторический вестник» (1890. Вып. 1) дана достаточно негативная оценка труду И.Ф. Токмакова «Сборник материалов для исторического и церковно-археологического описания Вологодской губернии».

[15] *Терпигорев Сергей Николаевич* (1841—1895) — беллетрист, фельетонист (псевдоним Сергей Атава). Работал в газете «Новое время».

[16] *Мордовцев Даниил Лукич* (1830—?) — писатель, историк. С 60-х годов публиковал произведения на исторические сюжеты, в основном посвященные самозванству и разбойничеству. В 70-х годах пользовался большой популярностью как автор романов из жизни интеллигенции. В Саратове был помощником сосланного Н.И. Костомарова.

[17] *Никоновская летопись* — общерусский летописный свод XVI в. Был составлен в 1539—1542 гг. Один из списков принадлежал патриарху Никону.

[18] *Статья «Наука и научный язык»,* подписанная «Я». Содержала критику и пожелание, чтобы университеты и научные общества выработали научный русский язык.

[19] *Статья «По немецкий колониям юга»,* подписанная «Я». Автора не удовлетворяли занятия в школе по русскому языку и географии. Отмечалось неумение преподавателей «сроднить» школу с жизнью России.

[20] *Псковские летописи* составлялись в Пскове в XIV—XVII вв.

[21] *Макарий* (1428—1563) — митрополит московский. Редактор Степенной книги — свода XVI в., составленного на основе летописей и хронографов. Изложение расположено по родословным степеням великих князей.

[22] *Башкин Матвей Семенович* — дьяк. Выступал против официальной церкви, иконопочитания. Осужден церковным собором в 1553 г. как еретик.

[23] *Иван III* (1440—1505) — великий князь владимирский и московский, дед Ивана Грозного. При нем начал складываться государственный централизованный аппарат.

[21] *При крещении* происходило омовение водой — принятие в христианскую общину, и испытание веры огнем: при обряде опускали свечи в воду.

[25] *Шемякина смута* — один из периодов Феодальной войны во второй четверти XV в., длившейся около 30 лет. Дмитрий Шемяка, сын галицкого и звенигородского князя Юрия Дмитриевича, в 1446 г. в союзе с тверским и можайским князьями захватил великого князя Василия II, ослепил и сослал в Углич. Шемяка стал великим князем. Вскоре Василий II при поддержке московских феодалов вернул себе великое княжение. Шемяка бежал в Новгород.

[26] *Журавлев Михаил Николаевич* (1840—?) — действительный статский советник, промышленник. Окончил Королевский химический институт и университет в Лондоне. Занимался переустройством Мариинского водного пути, Рыбинских при-

станей. Учредитель многочисленных благотворительных, просветительских обществ в Москве и Петербурге.

[27] *Амфитеатров Александр Валентинович* (1862—1938) — писатель, публицист, критик, драматург. Сын настоятеля Архангельского собора в Москве.

[28] *Велланский Даниил Михайлович* (1774—1847) — философ, последователь натурфилософской школы.

[29] *Шеллинг Фридрих Вильгельм* (1775—1854) — немецкий философ-идеалист.

[30] Возможно, *Беляев Александр Дмитриевич* (1849—1920) — богослов. Магистр, а затем профессор Московской духовной академии.

[31] *Толстой Иван Иванович* (1858—1916) — нумизмат, археолог. Вместе с историком *Кондаковым Никодимом Павловичем* (1844—1925) предпринял издание «Русские древности в памятниках искусства».

[32] *Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич* (1863—1919) — историк. Труды по социально-экономической, политической и культурной истории России XV—XVIII вв.

[33] *Буренин Виктор Петрович* (1841—1926) — поэт, критик, сотрудник газеты «Новое время».

[34] *Статья «Против войны»* посвящена роману Б. фон Зутнер (1843—1914), австрийской писательницы и общественного деятеля, лауреата Нобелевской премии. Автор статьи ведет полемику со сторонниками художественной значимости произведения, на первый план выдвигая смысловую, идейную нагрузку. Считает данное произведение «умным романом». Ср. с высказыванием В.В. Набокова: «...цитатами из ...бездарной Берты Зуттнер...» (см.: «Другие берега». М., 1990. Т. 4. С. 143).

1894 г.

[1]*X Археологический съезд* состоялся в Риге в 1896 г. Председатель П.С. Уварова. Было проведено 33 заседания, сделано 98 сообщений. Присутствовало 624 члена.

[2] *Кочубинский Александр Александрович* (1845—1907) — профессор Новороссийского университета по кафедре славяноведения.

[3] *Успенский Федор Иванович* (1845—1928) — профессор всеобщей истории Новороссийского университета. Основатель и директор Русского археологического института в Константинополе (1894—1914), редактор научного издания «Византийский временник» (1915—1928).

[4] *Рельсовые ящики* — специальная конструкция выдвижных архивных ящиков.

[5] Возможно, *Кулаковский Платон Андреевич* (1848—1913) — славист. Преподавал в Варшавском университете. Редактор газеты «Варшавский дневник» (1886—1892). Или *Куликовский Юлиан Андреевич* (1855—1920) — брат П.А. Куликовского. Филолог, профессор Киевского университета. Проводил раскопки на юге России.

[6] *Филевич Иван Порфирьевич* (1856—1913) — историк, публицист, профессор Варшавского университета.

[7] *Писарев Семен Петрович* (1846—1904) — инспектор народных училищ Смоленской губернии. Член Московского археологического общества. Внес большой вклад в изучение Смоленского края, в создание городского историко-археологического музея.

[8] *Газеты подробно описали* «большой блестящий бал» в доме генерал-губернатора. Присутствовало более 900 человек. Поздний «великолепный» ужин закончился танцами. Разъезд гостей начался в три часа утра.

[9] *Маклаков Алексей Николаевич* (1835—1905) — московский врач-консультант Канцелярии его величества по учреждениям императрицы Марии, экстра-ординарный профессор офтальмологии Московского университета. Гласный городской Думы.

[10] *Муравьев Николай Валерианович* (1861—1908) — управляющий Министерством юстиции (в 1894 г.), член Комитета министров. В 1881 г. выступал обвинителем по делу 1 марта.

[11] *Всероссийская промышленная и художественная выставка* состоялась в Нижнем Новгороде в 1896 г. Забелин получил приглашение на ее посещение.

[12] *Лопатин Иннокентий Александрович* (1839—1909) — археолог, собиратель сибирских древностей. В 1896 г. передал в музей коллекцию бронзовых и железных предметов из Енисейской губернии.

[13] *Медведева Надежда Михайловна* (1832—1899) — актриса, состояла в труппе Малого театра. Играла в пьесах А.Н. Островского, А.С. Грибоедова. Большую роль в ее сценической карьере сыграл М.С. Щепкин. Открыла талант М.Н. Ермоловой, была ее другом и наставником. К.С. Станиславский считал ее своей учительницей.

[14] *Шуберт Александра Ивановна* (1827—1909) — актриса Александрийского, Малого театров. М.С. Щепкин уделял много внимания ее художественному воспитанию. Работала в Орле, Казани, Тамбове. В основном играла комедийные роли.

[15] *Южин (Сумбатов) Александр Иванович* (1857—1927) — актер, драматург, народный артист республики (1922). С 1882 г. работал в Малом театре, с 1909 г. управляющий труппой Малого театра. Почетный член Петербургской АН (1917).

[16] *Бай де, Жозеф (Иосиф Андреевич)* (1853—?) — французский археолог. Изучал историю, археологию и этнографию России. В 1894—1997 гг. коллекция сувениров, посвященная русско-французским отношениям, передана в Исторический музей.

[17] Возможно, *Трубецкой Петр Николаевич* (?—1911) — предводитель московского губернского дворянства (1893—1906), один из учредителей Союза русских людей (1905), почетный мировой судья Московского уезда.

[18] *Гобеленовый портрет Екатерины Великой,* подарен купцом А.А. Плавильщиковым в 1894 г. Шпалера создана с оригинала Фальконета-сына. Работа императорской шпалерной мануфактуры в Петербурге. Вторая половина XVIII в.

[19] *Лебедев Иван Алексеевич* (1845—1916) — историк, товарищ московского городского головы (1898—1905), член московской Управы, заведующий училищным отделением, почетный мировой судья.

[20] *Харузин Николай Николаевич* (1865—1900) — этнограф, первым в России (с 1898 г.) начал читать курс этнографии (в Московском университете и Лазаревском институте восточных языков).

[21] *Толстой Алексей Константинович* (1817—1875) — писатель, автор историчес-

кого романа «Князь Серебряный», драматической трилогии «Смерть Иоанна Грозного», «Царь Федор Иоаннович», «Царь Борис» и других произведений.

[22] *Петр* (?—1326) — митрополит с 1308 г. Перевел митрополичью кафедру из Владимира в Москву.

[23] *Анна Кашинская* — дочь князя ростовского Дмитрия Борисовича, с 1294 г. супруга великого князя тверского Михаила Ярославича. После мученической его кончины в татарском плену приняла постриг (1319) и переехала в Кашин. Скончалась в 1338 г. Канонизирована в 1650 г. при царе Алексее Михайловиче.

[24] *Рукавишников Константин Васильевич* (1848—1916) — купец, крупный благотворитель, организатор приюта для малолетних, ремесленных школ, богаделен.

[25] *Власовский А.А.* — московский обер-полицмейстер.

[26] *Истома Савин* — костромской живописец XVII в.

[27] *Александр III* скончался 20 октября 1894 г. около 3-х часов дня в Ливадии в окружении семьи и на руках протоиерея Иоанна Кронштадтского.

[28] *Забелин был пожалован серебряной медалью* в память царствования Александра III.

[29] *Мейерберг А.* Донесение Августина Мейерберга императору Леопольду I о своем посольстве в Московию. Пер. с латинского. М.: Общество истории и древностей Российских при Московском университете, 1882.

[30] *Никон (Минов Никита)* (1605—1681) — патриарх. Провел церковные реформы, вызвавшие раскол среди верующих.

[31] *Филипп (Колычев Федор Степанович)* (1507—1569) — митрополит (с 1566 г.). Противник опричных казней Ивана IV. Задушен по приказу царя. В 1691 г. по просьбе братии Соловецкого монастыря мощи Филиппа были перевезены на остров Соловки. Царь Алексей Михайлович принес покаяние светской власти за совершенное преступление. В монастырь было отправлено посольство из духовных и светских лиц, во главе которого был Никон, митрополит новгородский. 19 июля 1652 г. мощи были перенесены в Москву, в Успенский собор.

1895 г.

[1] *Выставка картин* — XIV периодическая выставка Общества любителей художеств. Великий князь Сергей Александрович приобрел на ней картину К.П. Левина «К ведрам».

[2] *Котов Григорий Иванович* (1859—1942) — архитектор, академик, директор Центрального училища технического рисования барона А.Л. Штиглица, профессор Императорской Академии художеств.

[3] *Дмитрий ростовский (Даниил Саввич Туптало)* (1651—1709) — церковный деятель и писатель. С 1702 г. митрополит ростовский. Поддерживал в целом реформы Петра I, но сопротивлялся вмешательству государства в дела церкви. Создал многотомный свод житий святых «Четьи-Минеи». Работал над составлением летописи о происхождении славянского народа.

[4] *Выставка художников исторической живописи* устроена была по инициативе Общества художников исторической живописи. Представлялось более 40 картин,

большое количество рисунков и скульптура. Среди художников — Семирадский, Сведомский, Бронников, Бакалович, Карелин, Шаховской, Рябушкин. Великий князь Сергей Александрович возглавлял Общество художников исторической живописи.

[5] *Картина В.А. Серова,* изображавшая царское семейство, была отправлена в Харьков весной 1895 г. Возможно, речь идет о повторении изображения царя с группового портрета, хотя сведений о таком портрете в литературе нет. См.: В.А. Серов в переписке, документах и интервью. Л., 1985. Т. I. С. 226.

[6] Речь идет *о 3-м дополненном издании труда Забелина* «Домашний быт русского народа в XVI—XVII столетии». В 2-х частях. Т. I. Ч.I. Домашний быт русских царей в XVI—XVII столетии.» Тип. А.И. Мамонтова. М., 1895.

[7] *И.Е. Репин* писал портрет Забелина в 1877 г. (Государственная Третьяковская галерея).

[8] *Долгоруков Яков Федорович* (1639—1720) — генерал, сторонник молодого Петра, управляющий судным приказом, участник Азовских походов, битвы под Нарвой. Служил в Сенате. Приобрел всеобщую известность как мудрый советник императора. Участвовал в суде над царевичем Алексеем.

[9] *Корнилов Иван Петрович* (1811—1901) — член Совета Министерства народного просвещения, член Русского географического и Московского археологического обществ. Под его редакцией издавался «Сборник материалов для истории просвещения».

[10] *Трихина* — род червей, паразитирующих в мышцах некоторых домашних животных и человека.

[111] *Фельетон* — художественно-публицистический газетно-журнальный жанр, особенности которого — критическое отношение к описываемому. Первые фельетоны — театральные, литературные мелочи, затем — критические литературные статьи, длинные сенсационные романы, научные статьи, интервью.

[12] *Владимир Андреевич Храбрый* (1353—1410) — князь серпуховско-боровский. Внук Ивана I Калиты, союзник Дмитрия Донского.

[13] *Именно такая* интерпретация исторического события изображена на эскизе В.А. Серова, которому был поручен заказ. Ученый совет Исторического музея не одобрил серовскую работу и сделал предложение С.А. Коровину, который ограничился несколькими эскизами (один хранится в Государственном Историческом музее). Эта работа также не удовлетворила музей, и заказ поступил И.Е. Репину. О работе Репина над заказом данных нет. По воспоминаниям Репина, Серов принялся за картину с большим воодушевлением, сделал эскиз; комиссия пожелала видеть работу: «Тут и обрывается все разом... Я слыхал только, что после посещения комиссии Серов явился на другой день к председателю музея и объявил, что он от заказа картины сей отказывается. Я очень боюсь, что комиссия не поняла оригинальной композиции художника, и дело расстроилось к большому убытку для искусства». (См.: Репин И.Е. Далекое близкое. Л., 1986. С. 343). В архиве Забелина есть его наметки к будущей картине: «На левой стороне обозначить линию бугра, освободиться от народа и тем открыть горизонт и поле с последними лучами заходящего солнца... на левой стороне поставить фигуру монаха, 2 конные

фигуры трубачей перенести на правую сторону... У труб занавески уничтожить (см.: ОПИ ГИМ*. Ф. 440, Ед. хр. 275. Л. 68). В 1920-х годах серовский эскиз был продан за границу и появился на аукционе «Сотбис». Купил его директор швейцарской фирмы и передал в Государственный Исторический музей в 1992 г. См.: Наше наследие. 1993. №27.

1896 г.

[1] *Диргем* (дирхэм) — средневековая арабская серебряная монета.

[2] *Покровский Егор Арсенович* (1838—1895) — московский врач и педагог.

[3] *Выставка живописи, рисунка, декораций к спектаклям на исторические темы.* Среди экспонатов — рисунки В.В. Верещагина по истории русского государства от Рюрика до Александра II, копии с фресок XII, XVI и XVII вв., картины громадных размеров Х. Семирадского, П.А. Сведомского, С.Ю. Жуковского и др. Целый зал был отдан рисункам с памятников декоративно-прикладного искусства.

[4] Речь идет *о коронационных торжествах.*

[5] *Панин Виктор Никитич* (1801—1874) — граф, государственный деятель. С 1841 по 1862 г. министр юстиции. Участник подготовки крестьянской реформы. В опубликованных материалах и исследованиях о корреспондентах А.И. Герцена К.Д. Победоносцев не значится.

[6] *Феогност (Георгий Лебедев)* (?—1903) — архиепископ владимирский, митрополит киевский. Своими средствами участвовал в реставрации Софийского собора в Новгороде, Успенского во Владимире. Подарил Забелину две иконы в связи с участием ученого в реставрации Успенского собора.

[7] *Голицын Павел Алексеевич* (1833—1902) — директор архива Министерства иностранных дел.

[8] *Топорик XII в.*, найденный на городище Билярск (Казанская губерния) и приписываемый Андрею Боголюбскому, передал в музей великий князь Сергей Александрович в 1896 г. По легенде, топорик выставил на Нижегородской ярмарке П.С. Кузнецов. Антиквар А. Иванов купил его за 75 рублей и выставил в своем магазине. Н.С. Щербатов просил продать топорик в Исторический музей, но получил отказ, мотивированный продажей иностранцу. Антиквара вызвал на прием Сергей Александрович и предложил или покинуть Москву или продать вещь. Топорик был продан музею за 500 рублей.

[9] *См.: Императорский Российский Исторический музей.* Описание памятников. Вып. I., 1896. Составитель А.В. Орешниковым. Орешников описал русские монеты до 1547 г.

[10] *Французская выставка* была связана с визитом во Францию Николая II в 1894 г., посещением французской эскадрой Кронштадта в 1891 г., русской эскадрой — Тулона в 1893 г. Среди экспонатов — предметы, служившие для убранства праздника (шары уличной иллюминации, бумажные цветы для деревьев, знамена), изделия мелкой парижской промышленности, издания, рукописи. Среди ху-

---

* Отдел письменных источников Государственного Исторического музея.

дожественных произведений, спустя месяц после показа в Петербурге, экспонировались картины Энгра, Милле, Коро, Курбе, К. Моне, Ренуара, Сислея, но преобладали произведения второстепенных мастеров академического салонного жанра.

Заметки

[1] *Эдда* — сборник мифологических и героических песен германского народа. Сохранился в рукописи XIII в. *«Песни о Нибелунгах»* — знаменитая немецкая поэма, дошедшая в десяти рукописях XIII—XVI вв.

[2] *Лаплас Пьер Симон* (1749—1827) — французский астроном, физик, почетный член Петербургской АН (1802).

1897 г.

[1] Возможно, *Ливен Карл Павлович* — адъютант великого князя Кирилла Владимировича. Или *Ливен Павел Иванович* — обер-церемонимейстер. Или *Ливен Густав* — хранитель отдела живописи и графики Эрмитажа.

[2] Возможно, *Столыпин Аркадий Дмитриевич* (1822—1899) — генерал от артиллерии, заведующий придворной частью в Москве. Или *Столыпин Николай Николаевич* — камергер высочайшего двора, советник министра иностранных дел.

[3] *Памятник Александру III* работы скульптора А.М. Опекушина и архитектора А.Н. Померанцева был воздвигнут через 6 лет после кончины императора. Установлен около храма Христа Спасителя в 1912 г. Разрушен в 1918 г.

[4] Сын великого князя Алексея Александровича и дочери поэта В.А. Жуковского Александры Жуковской (1842—1899) *Алексей Алексеевич* (1871—1932). В 1884 г. получил титул графа Белевского.

[5] *Ряд залов* был предоставлен для выставки художественных произведений японских старинных и современных мастеров, предметов прикладного искусства, фотографий.

[6] *3 апреля,* в день рождения Н.П. Румянцева, в Румянцевском музее происходило торжественное заседание, которым открывался ряд ежегодных собраний музея. Выслушивались годичные доклады о деятельности Румянцевского и Публичного музеев. Директор музея М.А. Веневитинов в своей речи отметил значение музеев в жизни столицы. Заседание продолжилось докладами о коллекциях музея.

[7] Возможно, *Шенк Владимир Константинович* (1869—?) — военный историк.

[8] *Байер Готлиб Зигфрид* (1694—1738) — немецкий историк, филолог. Член Петербургской АН. Исследователь русских древностей.

[9] *Трепов Дмитрий Федорович* (1855—1906) — московский оберполицмейстер (1896—1905), с 1905 г. петербургский генерал-губернатор.

[10] *Георгий Михайлович* (1863—1919) — великий князь, третий сын великого князя Михаила Николаевича. Обладал одним из лучших собраний русских монет. Издал материалы по русскому монетному делу. От него Исторический музей получил в дар монеты и издания его трудов.

[11] Вероятно, речь идет о *нескольких предметах* древней церковной утвари из села Пурех, вотчины князя Пожарского, купленных Историческим музеем.

[12] *Л.Н. Толстой* работал над «Хаджи-Муратом».

1898 г.

[1] *XVII периодическая выставка картин* Московского общества любителей художеств открылась в декабре 1897 г. Среди работ: «Портрет М.Ф. Морозовой» В.А. Серова, «Ночь на Волге» И.И. Левитана, серия этюдов В.Д. Поленова. Здесь великий князь Сергей Александрович приобрел картины М.В. Нестерова «Христова невеста», этюд С.А. Виноградова «Подпасок», великая княгиня — этюд П.А. Левченко «Около хаты». В одном из залов была выставлена для обозрения модель памятника Александру III, исполненная М.А. Чижовым.

[2] *Чижов Матвей Афанасьевич* (1838—1916) — скульптор. В литературе известен его памятник Александру II в Калише (Польша).

[3] *Грушецкий Д.В.* — секретарь Московского общества любителей художеств.

[4] *В данной статье* А.С. Суворин делится своими впечатлениями о выступлении А.Ф. Кони на заседании Русского литературного общества, где юрисг произнес речь о писателе, авторе сцен из быта мещан и крестьян, рассказчике и актере И.Ф. Горбунове (1831-1895/1896).

[5] *Кони Анатолий Федорович* (1844—1927) — юрист, общественный деятель, член Государственного совета, профессор Петербургского университета. В 1878 г. суд под председательством Кони вынес оправдательный приговор по делу В.И. Засулич.

[6] *Выставка Санкт-Петербургского общества художников* представила 456 картин. Центром ее явилась картина X. Семирадского «Христианская Дирцея в цирке Нерона», над которой художник трудился 10 лет.

[7] *Некрасов Павел Алексеевич* (1853—?) — вице-президент Московского математического общества, член Совета Министерства народного просвещения. С 1893 г. ректор Московского университета.

[8] Речь идет *о подготовке в Историческом музее выставки,* приуроченной к 100-летию со дня рождения А.С. Пушкина и передаче ее материалов музею. Выставка проходила в мае 1899 г. в Историческом и Румянцевском музеях. В Румянцевском музее экспонировались автографы, рисунки Пушкина, печатные издания. В Историческом музее выставка занимала шесть больших залов на втором этаже. В прессе отмечалось, что экспонаты размещались таким образом, что каждый зал представлял отдельное целое. В первом зале размещались разнообразные иллюстрации к произведениям Пушкина, собрание нот на пушкинские тексты, литографированная панорама Невского проспекта и пр. Во втором зале, «Пушкинском» — портреты Пушкина работы В.А. Тропинина, О.А. Кипренского, К. Мазера, Т. Райта, П.Ф. Соколова, две картины И.К. Айвазовского «Пушкин на берегу Черного моря», посмертные маски поэта, портреты его дочерей, виды Михайловского, Тригорского, Святых Гор. Здесь же представлялись вещи, принадлежавшие поэту: письменный стол, перо, чернильница, туалетные вещи, а также рукописи, рисунки поэта.

В третьем и четвертом залах памятники рассказывали об эпохе и современниках Пушкина. В пятом и шестом залах демонстрировались иллюстрации к пушкинским произведениям. Несмотря на большую площадь залов, экспонатов было такое количество, что многие картины пришлось разместить очень высоко, поэтому газеты советовали брать бинокль для обозрения выставки. См.: Русские ведомости. 1899. № 146-148.

[9] *В Царицыно* Забелин снимал дачу, впоследствии там же купил дом.

[10] *Кутепов Николай Иванович* (1851—1904) — генерал-майор, заведующий хозяйственной частью императорской охоты. Известно великолепное издание его труда «Великокняжеская и царская охота на Руси», иллюстрированного В.М. Васнецовым, Н.С. Самокишем и др.

Заметки

[1] *Мария Александровна* (1853—1820) — дочь Александра II, замужем за Альфредом-Эрнестом Великобританским, герцогом Эдинбургским (с 1874 г.).

[2] *Мраморный бюст Александра III.* Скульптор Р.Р. Бах. Поступил в музей в 1898 г. Дар Николая II.

[3] *Боголепов Николай Павлович* (1846—1901) — министр народного образования, профессор римского права, ректор Московского университета. Убит эсером П.В. Карповичем.

[4] См.: Исторический вестник. 1897. Июнь. *Стр. 294.* При посольстве в Москву Льва Сапеги состоял грек Петр Аркудий, которому кардинал Сан-Джоржио поручил убедиться о наличии в Кремле рукописей, переданных на хранение византийским императором перед падением Константинополя. При тщательном расследовании оказалось, что имелись в наличии обычные богослужебные книги. *Стр. 908.* Статья Б.Б. Глинского «Культурная история России» — отклик на работу П.Н. Милюкова.

[5] *Пекарский Петр Петрович* (1827—1872) — историк, академик Петербургской АН (1864). Известны его труды по русской библиографии, исторической науке, литературе, просвещению.

[6] *Энгельгард Николай* — сотрудник газеты «Новое время». Указанная статья (1897) называется «Из истории русской публицистики».

[7] *Спасо-Преображенский собор.* Заложен в 1152 г.

[8] См.: *Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры,* Ч. 1—3. СПб., 1896—1903.

[9] См.: *Вопросы философии и психологии.* 1897. Кн. 3. Статья Вл.С. Соловьева «Понятие о Боге» (в защиту философии Спинозы). Автор ведет полемику с А.И. Введенским, поместившим в предыдущем номере журнала статью об атеизме в философии Спинозы.

[10] *Преображенский Василий Петрович* (1864—?) — писатель, психолог, редактор журнала «Вопросы философии».

1899 г.

[1] *Юсупов Феликс Феликсович, граф Сумароков-Эльстон* (1856—1928) — ротмистр, адъютант великого князя Сергея Александровича.

[2] *Муркос Георгий Абрамович* (1846—1911) — ориенталист, церковный деятель. Занимал кафедру арабской словесности в Лазаревском институте. Речь идет о его книге «Павел Алеппский. Путешествие патриарха Макария в Моску в XVIII веке». СПб., 1898.

[3] *Катырев-Ростовский Иван Михайлович* (?—1640) — служил при дворах Бориса Годунова, Лжедмитрия I. Василий IV Шуйский сослал его тобольским воеводой. В 1613 г. вернулся в Москву, сделал придворную и военную карьеру. В 1632 г. назначен воеводою в Новгород. Ему принадлежит «Повесть...» о Смутном времени.

[4] *Юсупова Зинаида Николаевна,* графиня Сумарокова-Эльстон (1861—1939) — жена князя Ф.Ф. Юсупова, последняя представительница рода Юсуповых.

[5] Речь идет *о розыске материалов* о палатах Юсуповых в Большом Харитоньевском переулке, 21. Палаты конца XVII в. Были реконструированы в 1870—1890 годах В.Д. Померанцевым и Н.В. Султановым. Их владельцы в разные годы — П.П. Шафиров, П. А. Толстой, бояре Волковы. Переданные в казну в 1727 г., были пожалованы Петром II князю Г.А. Юсупову. С 1801 по 1803 г. «средний» дом снимал у Юсуповых С.Л. Пушкин, отец поэта.

[6] *Выставка акварелей* устроена Московским товариществом художников. Кроме того, в декабре 1899 г. в залах Исторического музея открылась XIX Периодическая выставка картин Московского общества любителей художеств. Были представлены скульптурные произведения А.С. Голубкиной, иллюстрации О.О. Пастернака к «Воскресенью» Л.Н. Толстого, пейзажи И.И. Левитана, С.Ю. Жуковского, А.М. Васнецова, Н. Мещерина.

1900 г.

[1] *Платонов Сергей Федорович* (1860—1933) — историк, автор учебника для средней школы,член Ученого комитета Министерства народного просвещения, член Археографической комиссии, профессор Петербургского университета, академик Российской АН (1920).

[2] *Стасов Владимир Васильевич* (1824—1906) — критик, историк искусств, почетный член Петербургской АН (1900), идеолог «могучей кучки» и Товарищества передвижников.

[3] *Симони Павел Константинович* (1859—1936) — историк, литературовед, книговед. Имеются в виду «Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и пр. XVII-XIX столетий». СПб., 1899.

[4] *Силин Иван Лукич* (около 1825—1899) — антиквар, букинист. Фирма «Силин и Алексеев» (в Москве на Никольской улице) была удостоена Почетного диплома на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде в 1896 г. Силин считался среди московских коллекционеров первым знатоком древнерусской живописи. По количественному составу его собрание уступало коллекции Н.М. Постникова, но не

ценностью. Одна из жемчужин — икона Преображения, написанная не позднее 1425 г. У Силина Забелин много заимствовал в определении древних икон и техники иконописания.

[5] *Сперанский Михаил Несторович* (1863—1938) — историк литературы, славист, академик.

[6] *Лопатин Михаил Николаевич* (1823—1900) — служащий Сената.

[7] *Милорадович А.А.,* предводитель дворянства в Прилуках в Полтавской губернии.

[8] *Кологривов Сергей Николаевич* (1856—?) — архивариус московского отделения Общего архива в Министерстве двора Его Величества. Публикатор исторических документов.

[9] *Булатов Иван Михайлович* (1870—?) — художник, учился у И.Е. Репина. В 1907 г. писал портрет Забелина в связи с юбилеем его научной деятельности.

[10] *Никита Преподобный* — переяславский чудотворец, основатель монастыря под Переяславлем-Залесским. До пострига был сборщиком податей у великого князя Юрия Долгорукого.

[11] *Анастасия Романова* (?—1540) — первая жена Ивана Грозного, из рода Захарьиных-Юрьиных.

[12] *Никитский девичий монастырь* на Большой Никитской улице в Москве. Основан в XVI в. боярином Н.Р. Захарьиным-Юрьевым, дедом царя Михаила Федоровича Романова. Сильно пострадал в 1812 г. В начале XX в. в монастыре жили 24 монахини и 29 послушниц.

[13] *Славянская Маргарита Дмитриевна* — дочь Агренева-Славянского Дмитрия Александровича (1834/1836—1908), певца, хорового дирижера, собирателя народных песен. Выступление капеллы Славянского носили театрализованнный характер: со стилизованными боярскими костюмами, декорациями. Капелла гастролировала в 1870—1890-х годах в США, Англии, Германии, Турции. После смерти руководителя капелла разделилась на два коллектива: одним руководила дочь, другим — сын. В архиве Забелина находятся материалы, свидетельствующие о консультации артистов по русским костюмам XVI—XVII вв.

1901 г.

[1] *Выставка,* приуроченная к 50-летию со дня кончины Н.В. Гоголя и В.А. Жуковского, открылась в Историческом музее только 9 марта 1902 г. Выставку устроило Общество любителей российской словесности. На выставку в Историческом музее поступила огромная масса предметов, но размещены они были без всякой системы. Большим недостатком выставки являлось отсутствие каталога. Тем не менее выставка вызвала огромный интерес в обществе. Среди личных вещей Гоголя отмечены были конторка, часы, жилет, дорожный чемодан, печать, медальон с прядью волос, рукописи писателя. Из портретов выделялся портрет Гоголя работы Ф.А. Моллера, доставленный на выставку племянником Гоголя Н.В. Быковым. Из иллюстраций к произведениям писателя выделялись рисунки П.М. Боклевского. Экспозиция, посвященная Жуковскому, состояла преимущественно из портретов, альбомов поэта, рукописей, рисунков, изданий.

1902 г.

[1] *Парфений* — архимандрит, ректор Московской семинарии.

1903 г.

[1] *Ботников Геннадий Николаевич* — костромской городской голова.

[2] *Михаил Федорович Романов* (1596—1645) — царь с 1613 г.

[3] *Васнецов Виктор Михайлович* (1848—1926) — художник.

[4] *Шпора Николая II* хранится в Историческом музее.

[5] *Городцов Василий Алексеевич* (1860—1945) — археолог. В музее работал с 1903 г. по вольному найму, поскольку до 1905 г. служил в армии офицером. С его именем связано создание археологического отдела в Историческом музее и основание научной школы в археологии.

1904 г.

[1] *Фарфоровая ваза* была исполнена и для Исторического музея, впоследствии находилась в его экспозиции.

[2] *В течение ряда лет* С. А. Толстая передавала музею переписку Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым, В.В. Стасовым, А.А. Фетом и копии с дневников Толстого за 1851—1910 гг. и др. В письме 1904 г. Забелин сообщает С.А. Толстой, что 9 ящиков с архивом писателя прибыли в музей и управление музея обязуется хранить его без всякого ограничения срока, «хотя бы на вечное время». См.: ОПИ ГИМ*. Ф. 440. Ед. хр. 129. Л. 49.

[3] *«Страшный суд»* — эскиз из серии подготовительных работ для росписи собора Святого Владимира в Киеве (1885—1896). Эскизы демонстрировались в Историческом музее.

1905 г.

[1] *Каляев Иван Платонович* (1877—1905) — член боевой организации социал-революционеров, был близок к Б.В. Савинкову. Повешен в Шлиссельбурге.

[2] *Сравнить с воспоминаниями* о 1905 г. С.Е. Трубецкого, высказывавшего подобные мысли. См.: Князья Трубецкие. Россия воспрянет. М., 1996. С. 149.

[3] *Витте Сергей Юльевич* (1849—1915) — государственный деятель, председатель Комитета министров (1903—1905), глава Совета министров (1905—1906). Считал войну с Японией преждевременной. Выступал против захвата Россией Порт-Артура. Впоследствии возглавил делегацию, подписавшую Порсмутский мир, который стал победой русской дипломатии, т.к. японская сторона отказалась от части своих требований.

[4] *Подобная характеристика* литературы дана в «Обзоре литературной жизни» К.И. Чуковского. См.: Чуковский К.И. Собрание сочинений. М., 1969. С.388—390.

---

* Отдел письменных источников Государственного Исторического музея.

[5] *Печатная листовка,* вложенная в дневник.

[6] *Карандашная пометка* Забелина на листовке, вложенной в дневник.

1907 г.

[1] *Толстой Лев Львович* (1869—1945) — писатель, сын Л.Н. Толстого, автор воспоминаний об отце.

[2] *Меншиков Михаил Осипович* (1859—1918) — журналист. Старался согласовать нравственно-религиозное учение Л.Н. Толстого с реакционными мерами правительства. После 1905 г. агитировал в печати в пользу карательных мер. Расстрелян большевиками. В тексте речь идет о газете за 15 марта 1907 г. Статья «Осада власти».

[3] Сравнить с подобной оценкой у Б.К. Зайцева в рассказе «Улица Святого Николая» М., 1989. С. 164, 168.

1908 г.

[1] Последний лист дневниковых записей в виде списка.

[2] *Бурылин Дмитрий Геннадиевич* (1852—1924) — предприниматель, директор товарищества Шуйско-Егорьевской мануфактуры. Меценат, коллекционер, основатель музея и библиотеки в Иваново-Вознесенске.

[3] *Лихачев Николай Петрович* (1862—1936) — искусствовед, профессор Петербургского университета, академик. Собрал замечательную коллекцию рукописных и старопечатных книг, икон, русских и византийских печатей, автографов деятелей науки.

[4] *Спщын Александр Андреевич* (1858—1931) — археолог, с 1892 г. сотрудник Археологической комиссии.

[5] *Веселовский Николай Иванович* (1848—1918) — археолог, востоковед, профессор, член-корреспондент Петербургской АН (1914). Производил археологические раскопки на юге России и Средней Азии.

[6] *Латышев Василий Васильевич* (1855—1921) — академик, антиковед, член Императорской археологической комиссии, директор Историко-филологического института.

Записные книжки

50-е годы

[1] Имеется в виду *работа П.Н. Кудрявцева* «О физиологических признаках человеческих пород и их отношении к истории. Письмо Эдварса, переведенное и дополненное Т.Н. Грановским». См.: Отечественные записки. 1853. Апрель.

[2] *Кудрявцев Петр Николаевич* (1816—1858) — историк, профессор Московского университета (с 1855 г.), преемник Т.Н. Грановского. По окончании курса университета преподавал русскою словесность в Институте обер-офицерских сирот Московского воспитательного дома. С 1845 по 1847 г. стажировался за границей по

рекомендации Грановского. С 1847 г. читал всеобщую историю в Московском университете. Ему принадлежат труды: «Судьба Италии от падения Западной Римской империи до восстановления ее Карлом», «Каролинги в Италии», «Римские женщины» и др.

1855 г.

[1] *Загоскин Михаил Николаевич* (1789—1852) — писатель, общественный деятель. Его «Юрий Милославский, или Русские в 1612 г.» — первый русский исторический роман (1829), принес автору огромную известность. Загоскин также издавал сборник «Москва и москвичи», посвященный прошлому и настоящему Москвы.

[2] *Ламанский Владимир Иванович* (1833—1914) — славист, публицист. Во время путешествия по славянским землям собрал богатый рукописный материал, который лег в основу его сочинения «О некоторых славянских рукописях в Белграде, Загребе и Вене с филологическими и историческими примечаниями» (1864). В 1875 г. начал печатать очерк «Видные деятели западной славянской образованности». С 1890 г. редактировал издание Императорского русского географического общества «Живая старина».

1856 г.

[1] См.: Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым. Т. 1—2. СПб., 1841—1842.

[2] *Апофегмата* — краткое изречение, меткое слово. Здесь рукописные, а потом и печатные сборники. В России в начале XIX в. пользовался особой популярностью сборник Беняша Будны «Апофегмата, то есть кратких витиеватых и нравоучительных речей книги три, в них же положены различные вопросы и ответы, жития и поступки, пословицы и разговоры различных древних». Перевод с польского (См.: *Геннади Г.Н.* Справочный словарь о русских писателях и ученых.... Берлин, 1876. Т. 1.

[3] *«Пчела»* — популярный в Древней Руси рукописный сборник нравоучительного содержания, включавший переводы из Священного писания отцов церкви, античных и византийских авторов. (Старший список рубежа XIII—XIV вв.)

[4] *Анна Иоанновна* (1693—1740) — вторая дочь царя Иоанна Алексеевича, племянница Петра I, российская императрица с 1730 г. Была избрана с условием принятия «кондиций», ограничивающих ее власть по ряду положений внутренней и внешней политики. В день коронации Анна Иоанновна разорвала «кондиции».

[5] *Валуев Дмитрий Александрович* (1820—1845) — историк, славянофил. Был убежден, что русский народ представляет истинное выражение христианских начал общества и государства. Плодотворной была его деятельность по собиранию источников. В 1845 г. вышел его «Сибирский сборник». Автор «Сборника исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и единоплеменных» — первого серьезного опыта изучения славянского мира.

[6] *Андрей Боголюбский* (ок. 1111—1174) — князь владимиро-суздальский, сын Юрия Долгорукого. В 1169 г. завоевал Киев. Был убит боярами.

[7] *Святополк I Окаянный* (ок. 980—1019) — князь туровский, киевский, сын Владимира I. Убил трех братьев и завладел их уделами. Или *Святополк II Изяславич* (1050—1113) — князь полоцкий, туровский, киевский. Разжигал княжеские междоусобицы.

[8] *Иван I Калита* (?—1340) — князь московский (с 1325 г.). Великий князь владимирский (с 1328 г.).

[9] *Всеволод III Большое Гнездо* (1154—1212) — великий князь владимирский (с 1176 г.), сын Юрия Долгорукого.

[10] *Николай I* (1796—1855) — российский император с 1825 г.

[11] *Бандероль* (фр.) — перевязь, полоса бумаги, ткани, которой оклеивались товары. В данном случае накладывалась для обеспечения уплаты пошлины с товара правительству.

1860 г.

[1] *Гизо Франсуа-Пьер-Гийом* (1787—1874) — французский историк, государственный деятель. Приверженец английской конституционной монархии. С 1840 г. руководил политикой июльской монархии. Две работы Гизо были впервые переведены на русский язык в 60-е годы. В тексте идет речь о «Histoire de la revolution ol'Angliterre depuis l'avenement de Charles I jsgu'a lavenement de Charles II».

[2] *Неенбург* — станция в Екатеринославской губернии.

[3] *Федор Алексеевич* (1661—1682) — царь с 1876 г., сын царя Алексея Михайловича. При нем было отменено местничество, сожжены разрядные книги, составлен проект об отделении высших гражданских чинов и должностей от военных. Вводилось 7 степеней. Должности соответствовала определенная степень.

[4] *Меншиков Александр Данилович* (1673—1729) — сподвижник Петра I, генералиссимус (1727), президент Военной коллегии (1718—1724, 1726—1727).

[5] *Смерды* — крестьяне-общинники в Древней Руси (IX—XIV вв.). С развитием феодальных отношений утрачивали свободу, попадали в зависимость от феодалов.

[6] *Ордынский выход* — дань с русских земель Золотой Орде в XIII—XV вв. Данью облагалось все население, кроме духовенства. Дань собирали баскаки, с XIV в. — русские князья.

[7] *Ответы Герцена А.И.* на статьи в «Przegladzie Rzeczy Polskich». Первое письмо опубликовано в газете «Колокол» от 1 января 1859 г. Содержит изложение вглядов Герцена по национальному вопросу.

[8] *Персонаж произведения А.И. Герцена* «Доктор Крупов». Врач Крупов считал, что человечество больно безумием и его история — биография сумашедшего; причина болезни — социальное неравенство.

[9] *Алексей Михайлович Романов* (1629—1676) — царь (с 1645 г.), отец Петра I.

[10] *Святослав II Ярославич* (1027—1076) — князь черниговский (с 1054 г.), великий князь киевский (с 1073 г.).

[11] *Мельгунов Николай Александрович* (?—1867) — писатель, журналист. Работал в журналах «Московский наблюдатель», «Москвитянин», «Отечественные записки».

[12] *О предложении С.Г. Строганова* Забелин пишет в дневнике.

[13] *Филарет* (Амфитеатров) — митрополит киевский (1779—1857). Считал себя сведущим в иконописи, смело вмешивался в работы по реставрации стенописи киевских соборов. Ф.Г. Солнцеву пришлось выписать из Петербурга подрядчика-старообрядца М.С. Пешехонова, искусного в иконописании. Артель неквалифицированных рабочих, нанятых Солнцевым, заказ выполнила некачественно. См.: Вздорнов Г.И. История открытия и изучения русской средневековой живописи в XIX веке. М., 1986. С. 31-32.

[14] *Церковь Спаса-Нередицы под Новгородом* построена в 1198 г. Редчайший памятник живописного убранства интерьеров.

[15] *В начале 60-х годов* Н.Г. Чернышевский, оставив литературно-критический отдел журнала «Современник» Н.А. Добролюбову, перешел к освещению политических и экономических вопросов. Знакомил читателя с историческим опытом Западной Европы. Перевел на русский язык «Историю XVIII столетия» Ф.К. Шлоссера, труды Дж. Милля.

1861 г.

[1] *Токвиль Алексис* (1805—1859) — французский историк, социолог, политический деятель, министр иностранных дел. Автор сочинений «О демократии в Америке» (1835), «Старый порядок и революция» (1856), в которых подвергал критике идеи свободы и равенства.

[2] Возможно, *Милль Джеймс* (1773—1836) — английский философ, последователь Д. Юма и Д. Рикардо. Или *Милль Джон Стюарт* (1806—1873) — философ-экономист. В 60-е годы XIX в. его произведения переводились на русский язык.

[3] *Томаковка* — село Екатеринославской губернии и уезда По сведениям 1859 г., число жителей составляло 6 тысяч 114 человек.

[4] *Миклашевские* владели землей, где проводились археологические раскопки.

[5] *Северная война* (1700—1721 гг.).

[6] *Денисовы* братья Андрей и Семен — вожди раскола, организаторы поморской беспоповской секты, устроители Выговской пустыни. Андрей (1674—1730) был высокообразован, имел талант проповедника и организатора.

[7] *Сиверс Александр Карлович* (1823—1887) — харьковский губернатор.

[6] *Фейербах Людвиг* (1804—1872) — немецкий философ. Имеется в виду его сочинение «Сущность религии» (1856).

[9] *Устрялов Николай Герасимович* (1805—1870) — историк. Автор трудов по истории петровского времени. Писал также об А. Курбском и Лжедмитрии I.

[10] *Оленин Алексей Николаевич* (1763—1843) — археолог, палеограф, художник, директор Публичной библиотеки (1811), президент Академии художеств (с 1817 г.). Положил начало русской палеографии, составил план изданий летописей.

[11] *Иванов Александр Андреевич* (1806—1858) — художник. Речь идет о его монументальном полотне «Явление Христа народу» (1837—1857).

[12] *Деларош Поль (Ипполит)* (1797—1856) — французский живописец.

[13] *«Полярная звезда»* — литературный и общественно-политический сборник, издаваемый А.И. Герценом с 1855 г. в Лондоне. В книге VI содержались материалы для биографии А.С. Пушкина, по истории декабристов, стихи Н.П. Огарева, страницы «Былое и думы». Забелиным отмечены страницы, посвященные событиям революции в Италии.

1865 г.

[1] *Чертомлык* — левый приток реки Безовлук в Екатеринославской губернии. На его устье находилась Старая Запорожская Сечь.

[2] *Рогачик Верхний, или Большой* — село в Таврической губернии Мелитопольского уезда. Рогачик Нижний — село в той же местности, принадлежало великому князю Михаилу Николаевичу.

[3] *Челлини Бенвенуто* (1500—1571) — итальянский скульптор, ювелир, писатель.

[4] *Ногаи* — позднее ногайцы, кочевники. Ногайская Орда выделилась из Золотой Орды к концу XIV — началу XV вв.

[5] *Меннониты* — протестантская секта. Переселились на юг России по приглашению российского правительства в 1789 г. из США и Канады.

[6] *Молокане* — одна из христианских сект духовных христиан. В России возникла со второй половины XVIII в. Молокане отвергают священников и церкви, моления производят в домах. Руководят общинами выборные старцы-пресвитеры.

[7] *Ордин-Нащекин Афанасий Лаврентьевич* (1605—1680) — боярин, дипломат, воевода. Руководил внешней политикой с 1667 по 1680 г. В 1672 г. постригся в монахи. Его проекты, автобиографические заметки, донесения раскрывают большую эрудицию автора, наблюдательность, владение экономическими знаниями. Выступал в поддержку отечественной промышленности и торговли. См.: Чистякова Е.В. Социально-экономические взгляды А.Л. Ордина-Нащекина. В кн.: Труды Воронежского государственного университета. Т. XX. Воронеж, 1950.

[8] *Языков Николай Михайлович* (1803—1846/1847) — поэт «радости и хмеля».

[9] *Арабески* — насыщенный, сложный орнамент, основанный на переплетении геометрических и стилизованных растительных мотивов. Иногда включает надписи.

Приложение

1861 г.

[1] *Беринг Алексей Александрович* (1812—1872) — генерал-майор, московский обер-полицмейстер (1854—1857).

[2] *Пьеса Жоржа Морица* «Графиня Клара д'Обервиль».

1864 г.

[1] *Статья «Бородинская годовщина В. Жуковского»* напечатана В.Г. Белинским в 1839 г. в журнале «Отечественные записки». В рецензии проводится идея разумности николаевского самодержавия.

[2] *Писемский Алексей Феофилактович* (1821—1881) — писатель. Роман «Тысяча душ»(1858) рассказьшает о разложении дворянства и продажничестве чиновников.

[3] *Кокарев Василий Александрович* (1817—1889) — купец, откупщик, один из пионеров русской нефтяной промышленности, либеральный публицист. Славянофил. Собиратель картин русских и иностранных живописцев. В 1859 г. газета «Санкт-Петербургские ведомости» поместила проект Кокарева по освобождению крестьян. Статья вызвала много откликов. Цензору, пропустившему ее в печать, сделали замечание.

1866 г.

[1] *Каракозов Дмитрий Владимирович* (1840—1866) — революционер, член ишутинского кружка, совершил неудачное покушение на Александра II (1866). Был повешен.

1867 г.

[1] *Даниил Романович* (1201—1264) — князь галицкий и волынский. Объединил эти два княжества. От римского папы получил титул короля (1254).

[2] *Трачевский Александр Семенович* — профессор всеобщей истории Новороссийского университета.

Указатель имен

Содержание

Забелин Иван Егорович

ДНЕВНИКИ
ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

Редактор Н.П. Либкова
Корректор Г.С. Бабкова
Компьютерная верстка Н.А. Кильдишева

Лицензия №060432 от 23.03.99
Подписано в печать 29.05.01
Формат 60x90 1/16
Тираж 3000 экз.
Заказ № 1705

Издательство им. Сабашниковых
119270, Москва, Фрунзенская набережная, 38/1

Отпечатано в ППП Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

По вопросам распространения обращаться
по тел. 242-59-63